ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

III

2022

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 3 / 2022

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гераев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor
Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – candidate of sciences (history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich– doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – candidate of sciences (philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – candidate of sciences (history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – candidate of sciences (philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – candidate of sciences (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history);
Lobanov Vladimir Borisovich – candidate of sciences (history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – candidate of sciences (history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – candidate of sciences (history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – candidate of sciences (history);
Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – candidate of sciences (history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – candidate of sciences (philology).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Общие проблемы

Боров А.Х.
Проблема «этнического» и «пространственного» в региональном историческом нарративе: «случай» Кабардино-Балкарии в свете данных этногеномики **15-40**

Азикова Ю.М.
Проблемы концептуализации традиционной общественной организации Кабарды (XVI–XVIII вв.) **41-65**

Средневековая и новая история

Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А., Сундукова К.А., Тахушева И.С.
Проекты и проблемы строительства Терской гидроэлектростанции в 1909–1912 гг. **66-82**

Новейшая история

Состин Д.И.
Опыт национально-государственного строительства народов Кавказа в период российских революций 1917 года **83-94**

Лобанов В.Б.
Гражданская война на Северном Кавказе: Горская республика (май 1918 – май 1919 гг.) **95-104**

Акопян В.З.
Бакинский период в деятельности Левона Мирзояна – первого руководителя Казахской ССР **105-123**

Кажаров А.Г., Мамсиров Х.Б., Кушхова К.А.
Кабардино-Балкария в административно-территориальной системе Северного Кавказа в первой половине 1920-х годов **124-136**

Бабич И.Л., Шнелле Й.
Кудашевы: смена политической и этнической идентичностей в эмиграции **137-150**

Базиева Г.Д.
Культурная революция в Кабардино-Балкарии в 20-30-е гг. XX в. **151-162**

Сулаберидзе Ю.С.
Научно-преподавательская деятельность М.А. Полиевктова в Грузии в 1920-1930 годах **163-182**

Назаренко Н.Н., Башкин А.В.
Региональные особенности рождаемости и смертности населения Северокавказского региона в период голода 1932–1933 годов **183-203**

Хубулова С.А., Сосранова З.В., Хубулова Э.В.
Малые города Северной Осетии в системе социально-экономического развития Северо-Осетинской АССР **204-217**

Тетуев А.И.
Перестройка деятельности государственных органов власти и общественных организаций в годы Великой Отечественной войны: проблемы повседневной жизни населения (на примере Кабардино-Балкарии) **218-242**

Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.
Кафедра истории СССР Кабардинского государственного пединститута (конец 1940-х – 1957 г.): основные направления научных исследований **243-269**

Этнология, антропология и этнография

Албогачиева М.С.-Г.
Суфийские практики ингушских женщин: история и современность **270-281**

Кулумбегов Р.П.
Гендер в производственной и сакральной сферах земледельческой культуры осетин **282-295**

Хашба А.Ш.
Динамика численности многодетных семей среди сельского населения Гудаутского района Республики Абхазия в 1964–1976 гг. и 2005–2016 гг. **296-310**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Сефербеков М.Р.
Историография истории каспийской флотилии **311-330**

Турпалов Л.А., Алхастова З.М.
Пресса как источник исследования национально-государственной политики большевистской партии на Северном Кавказе в ходе социалистической модернизации края **331-350**

Зельницкая Р.Ш.
Некоторые элементы духовной культуры кабардинцев в отчете о командировке Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР по сбору этнографического материала (1947 г.) **351-359**

Сефербеков Р.И.
Семейно-бытовая обрядность народов Дагестана: историографический обзор **360-375**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Кажарова И.А.
Образ отца в автобиографической прозе А.П. Кешокова **376-390**

ТIымыжь Хь.Т., Бозий Н.Б.
Адыгэ тхакIуэ Гъубж М. и литературэ лIыхъужьхэм зэманым и плъыфэхэр къазэрытещыр **391-403**

Хьэвжокъуэ Л.Б.
Бицу Анатолэ и усыгъэр: мотив нэхъыщхьэхэр, жанр системэр **404-416**

Фольклористика

Локияланы Ж.М.
Къарачай-малкъар фольклорда элбер жанрны энчиликлери **417-428**

Языки народов Российской Федерации (языки народов Северного Кавказа)

Гончаров А.С., Макарова О.С.
Особенности лексики и семантики говора казаков-некрасовцев п. Новокумский Ставропольского края (по материалам лингвистической экспедиции НИУ СГПИ 2022 г.) **429-442**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Мамсиров Х.Б.
Рецензия на монографию: «Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). – Нальчик: издательская типография «Принт-Центр», 2022. – 716 с.» **443-448**

Муратова Е.Г.
Рецензия на монографию: «Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). – Нальчик: издательская типография «Принт-Центр», 2022. – 716 с.» **449-451**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

General problems

Borov A.Kh.
Problem of "ethnic" and "spatial" in the regional historical narrative: the case of Kabardino-Balkaria in the light of ethnogenomics data **15-40**

Azikova Yu.M.
The conceptualization problems of traditional social order in Kabarda (XVI–XVIII centuries) **41-65**

Medieval and modern history

Gurtuev R.S., Kuzminov P.A., Sundukova K.A., Takhusheva I.S.
Projects and problems of construction of Terek hydroelectric power plant in 1909-1912 **66-82**

Contemporary history

Sostin D.I.
The experience of national state building of the Caucassian people during the Russian revolutions in 1917 **83-94**

Lobanov V.B.
Civil war in the North Caucasus: the Mountain Republic (may 1918 – may 1919) **95-104**

Akopyan V.Z.
The Baku period in the activity of Levon Mirzoyan, the first head of the Kazakh SSR **105-123**

Kazharov A.G., Mamsirov Kh.B., Kushkhova K.A.
Kabardino-Balkaria in the administrative and territorial system of the Northern Caucasus in the first half of the 1920s. **124-136**

Babich I.L., Schnelle J.
Kudashev: change of political and ethnic identities in emigration **137-150**

Bazieva G.D.
Cultural revolution in Kabardino-Balkaria in 20-30s of XX c. **151-162**

Sulaberidze Yu.S.
Scientific and teaching activities of M.A. Polievktov in the Georgia in the years 1920-1930 **163-182**

Nazarenko N.N., Bashkin A.V.
Regional features of birth rate and mortality in the North Caucasus region in the famine of 1932–1933 years **183-203**

Khubulova S.A., Sosranova Z.V., Khubulova E.V.
Small towns of North Ossetia in the system of socio-economic development of the North Ossetian ASSR **204-217**

Tetuev A.I.
Restructuring of the activities of state authorities and public organizations during the Great Patriotic war: problems of daily life of the population (by the example of Kabardino-Balkaria) **218-242**

Muratova E.G., Ortanova Yu.A.
Department of USSR history at the Kabardian State Pedagogical Institute (late 1940s – 1957): main directions of scientific research **243-269**

Ethnology, Anthropology and Ethnography

Albogachieva M.S.-G.
Sufi practices of Ingush women: history and modernity **270-281**

Kulumbegov R.P.
Gender in the production and sacred spheres of Ossetian agricultural culture **282-295**

Khashba A.Sh.
Dynamics of fluctuations in the number of large families among the rural population of Gudauta district in 1964-1976 and 2005-2016 **296-310**

Historiography, source studies, methods of historical research

Seferbekov M.R.
Historiography of the Caspian flotilla **311-330**

Turpalov L.A., Alkhastova Z.M.
The press as a source for the study of the national-state policy of the Bolshevik party in the North Caucasus during the socialist modernization of the region **331-350**

Zelnitskaya R.Sh.
Some elements of the spiritual culture of Kabardians in the report on the business trip of E.N. Studenetskaya to the Kabardian Autonomous Soviet **351-359**

Socialist Republic to collect ethnographic material (1947)

Seferbekov R.I.
Family and household rituals of the peoples in Dagestan: a historiographical review **360-375**

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Kazharova I.A.
The image of the father in the autobiographical prose of A.P. Keshokov **376-390**

Timizhev Kh.T., Bozieva N.B.
Interpretation of ideological time markers through literary images of the Kabardian prose writer M. Gubzhev **391-403**

Khavzhokova L.B.
Anatoly Bitsuev's poetry: main motives, genre system **404-416**

Folklore studies

Lokyaeva Zh.M.
Peculiarities of a riddle genre in karachay-balkarian folklore **417-428**

Languages of the peoples of the Russian Federation (languages of the peoples of the North Caucasus)

Goncharov A.S., Makarova O.S.
Peculiarities of Nekrasov Cossacks talk's vocabulary and semantics of the Novokumsky hamlet, Stavropol Territory (by the linguistic expedition materials of NRU SSPI 2022) **429-442**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Mamsirov Kh.B.
The review of the monograph: "Dzamikhov K.F., Kazharov A.G. Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022). – Nalchik: Print center publishing house, 2022. – 716 s. " **443-448**

Muratova E.G.
The review of the monograph: "Dzamikhov K.F., Kazharov A.G. Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022). – Nalchik: Print center publishing house, 2022. – 716 s. " **449-451**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Общие проблемы

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-15-40
EDN: AQGGBU

ПРОБЛЕМА «ЭТНИЧЕСКОГО» И «ПРОСТРАНСТВЕННОГО» В РЕГИОНАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ: «СЛУЧАЙ» КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В СВЕТЕ ДАННЫХ ЭТНОГЕНОМИКИ

Аслан Хажисмелович Боров
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8396-6422

Аннотация. На подступах к построению обобщающей истории Кабардино-Балкарии в профессиональном сообществе историков региона так или иначе должно быть выработано общее представление о соотношении дифференцирующих (этнических) и интегрирующих (социо-пространственных) измерений регионального исторического процесса. Предлагаемая работа имеет целью составить предварительное представление о соотношении «этнического» и «пространственного» в истории Кабардино-Балкарии на основе систематизации и анализа данных о генофонде современных кабардинцев и балкарцев. Обзор результатов исследований филогенетики и геногеографии показал, что на генетической карте Северного Кавказа они образуют особый интер-этнический ареал или кластер популяций, характеризуемых внутренней гетерогенностью своих генофондов и одновременно взаимной близостью генетических структур. Его формирование является результатом территориального соседства этно-социальных единиц и наличия плотной сети регулярных социальных взаимодействий между ними, воспроизводившейся на протяжении длительного исторического времени. Исторический нарратив, предметом которого является становление этого ареала, должен ориентироваться на выявление всех факторов и форм социальных изменений, не замкнутых в границы прошлого и границы этноса. Первым шагом вхождения частных этноисторий в общеисторическое пространство является их интеграция в региональный исторический нарратив. Пространственный подход позволяет полнее, чем подход, сосредоточенный на этничности, представить в нарративе народы региона в качестве агентов исторических изменений той внутренней и внешней среды, в которой они существуют. В результате самостоятельного исторического творчества кабардинского и балкарского народов сложилась Кабардино-Балкария, как историческая область, в которой они осуществляют свою жизнедеятельность и упорядочивают взаимные отношения. В этом состоит их вклад в историю Северного Кавказа, России и мира.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, региональная история, этногеномика, этнический подход, пространственный подход, синтез.

Для цитирования: Боров А.Х. Проблема «этнического» и «пространственного» в региональном историческом нарративе: «случай» Кабардино-Балкарии в свете данных этногеномики // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 15-40. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-15-40. EDN: AQGGBU.

© Боров А.Х., 2022

Original article

PROBLEM OF "ETHNIC" AND "SPATIAL" IN THE REGIONAL HISTORICAL NARRATIVE: THE CASE OF KABARDINO-BALKARIA IN THE LIGHT OF ETHNOGENOMICS DATA

Aslan Khazhismelovich Borov
Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, aslan-borov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8396-6422

Abstract. While approaching to constructing a general history of Kabardino-Balkaria, the professional community of historians of the region should develop a general idea of the relationship between differentiating (ethnic) and integrating (socio-spatial) dimensions of the regional historical process. The proposed paper aims to create a preliminary idea of the relationship between "ethnic" and "spatial" in the history of Kabardino-Balkaria based on the systematization and analysis of data on the gene pool of modern Kabardians and Balkars. A review of the results of studies in phylogenetic and gene geography showed that on the genetic map of the North Caucasus, they form a distinct inter-ethnic area or cluster of populations characterized by the internal heterogeneity of their gene pools and by the mutual proximity of genetic structures. Its formation results from the territorial proximity of ethno-social units and a dense network of regular social interactions between them, which was reproduced over a long historical time. The historical narrative, having the formation of this area as its subject, should be guided by the identification of all factors and forms of social change that are not confined to the boundaries of the past and the boundaries of the ethnic group. The first step in the entering of particular ethno-histories into the general historical space is their integration into the regional historical narrative. The spatial approach allows, more fully than the approach focused on ethnicity, to present in the narrative the peoples of the region as agents of historical changes in the internal and external milieu in which they exist. Because of the autonomous historical creativity of the Kabardian and Balkar peoples, Kabardino-Balkaria has developed as a historical region in which they carry out their livelihoods and streamline mutual relations. This is their contribution to the history of the North Caucasus, Russia, and the world.

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkaria, regional history, ethnogenomics, ethnic perspective, spatial approach, synthesis.

For citation: Borov A.Kh. Problem of "ethnic" and "spatial" in the regional historical narrative: the case of Kabardino-Balkaria in the light of ethnogenomics data. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – С. 15-40. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-15-40. EDN: AQGGBU.

© Borov A.Kh., 2022

Введение

В литературе, посвященной проблемам общей интерпретации истории России отмечается, что ее сложный этнокультурный ландшафт объективно порождает попытки смотреть этнически обособленным – разделяющим – взглядом на принципиально неделимое историческое прошлое страны, причем «этнизированные» исторические дискурсы зачастую находятся в жесткой полемике не только с общероссийским, но и друг с другом [Зубков 2016: 49, 53].

Для региональных историографий это порождает своего рода ситуацию «развилки», выбора одной из двух несовместимых культурных традиций в изучении региональной истории. Одна из них абсолютизирует локальную и этнически детерминированную перспективу в интересах конструирования этнического самосознания. Другая традиция направлена на реализацию научной парадигмы локально-региональных исторических исследований. Применяя теории, методы и концепции смежных дисциплин она служит как бы противоядием «этнизации прошлого» и «национализации истории» [Реконструкции… 2017: 43, 45, 46].

Нарратив, служащий формированию и поддержанию исторической идентичности группы, с неизбежностью несет начало этноцентризма. Дело в том, что коллективная идентичность всегда предполагает различение себя и других, «своих» и «не-своих», «чужих». Без такого различения нет идентичности [Событие… 2017: 9-10]. При этом она наделяет собственную индивидуальность позитивным ценностным значением, удовлетворяя тем самым естественную потребность людей в самоуважении. В результате логика этноцентризма в историческом мышлении отдает приоритет культурной сепарации, а не интеграции и несет тенденцию негативного восприятия инаковости «других». Вторым элементом этой логики выступает представление о телеологической непрерывности произрастания идентичности из ее архетипического начала. Вся история подчиняется истоку, который наполняет ее смыслом и значением. Речь при этом идет всегда о происхождении только своего народа, «другие» имеют другое происхождение. Третьим элементом исторической логики этноцентризма является ассоциация народа с определенным территориальным центром, исключающим присутствие в нем кого-либо другого, и структурирующим пространственное видение исторического мира [Rüsen 2004]. Географический регион оказывается явлением производным от этнической общности.

В противоположность этому для научной парадигмы регионально-исторических исследований логическим «ядром» идентификации региона выступает природно-географическое своеобразие территории, а все виды исторической жизнедеятельности людей в масштабе региона обусловлены процессами самоорганизации общества, в которых география изначально играет определяющую роль [Зубков 2004: 39]. Внутреннее единство региона как «сообщества людей в пространстве» определяется не просто его этно-лингво-культурной гомогенностью, а всей сетью регулярных социальных взаимодействий с учетом как интегрирующей деятельности «центра», так и собственного интегративного потенциала локальных структур. В свою очередь агентами этих взаимодействий выступают далеко на только этнические общности. «”Опутывая” пространства разных уровней и масштабов, эта непрерывно флуктуирующая сеть, в которой реализуется все реальное многообразие социальных связей, формирует соединительную ткань социального целого» [Реконструкции… 2017: 46]. Структурные связи и отношения воспроизводят региональную интеграцию во времени, но она неизбежно постепенно насыщается новыми признаками и свойствами, исторически изменяется. Это требует от историка применять в исследовании

региональной истории комбинацию структурно-логических и историко-генетических методов [Зубков 2004: 40].

Фундаментальную значимость имеют различия в характере применения историко-генетического подхода в региональном историческом нарративе. В исторической логике этноцентризма историко-генетический подход воплощает взгляд «вперед» из прошлого, из архетипического исходного пункта в настоящее, в сегодняшний день [Rüsen 2004]. В этих случаях «национальные истории», выступают как линейный, однонаправленный «большой нарратив», плотно «упакованный» отобранными фактами, не оставляющий места для конкурентных версий и критического разбирательства [Прошлое… 2020: 21]. В контексте научной парадигмы региональной истории историко-генетический подход воплощает взгляд «назад», из настоящего в прошлое, реконструирует прошлое в свете актуальной ситуации и ее желаемого преобразования в будущем. История становится более открытой для альтернатив, расширяет перспективы будущего, оставляет место для большей свободы во взаимоотношениях между будущим и прошлым [Rüsen 2004].

Весьма актуальны проблемы выбора между этнически ангажированным и научным подходом к региональной истории для Северного Кавказа в целом и для Кабардино-Балкарии, в частности. В связи с началом в Кабардино-Балкарской Республике практической работы по подготовке школьных учебников по истории, географии и культуре региона представители нескольких НКО обратились с предложениями к министру просвещения, науки и по делам молодежи КБР. Относительно учебника по истории в обращении говорилось, что «структура предыдущих учебников, разбитая тематически на хронологические исторические отрезки, нарушала принцип системности, так как не учитывала, что каждый народ прошел свой собственный долгий и уникальный для каждого этноса исторический путь». Исходя из этого, в частности, предлагалось изменить наименование учебника «История Кабардино-Балкарской республики» на «История народов Кабардино-Балкарии». Авторы обращения еще раз подчеркивали, что «до объединения в один округ, а затем и в единую Республику каждый народ прошел свой долгий и уникальный для каждого этноса исторический путь»[1].

В этой логике Кабардино-Балкария, как регион, – это только административно-территориальное образование, формально объединившее два отдельных народа, выступающие в качестве сугубо самостоятельных исторических субъектов. По сути дела, в качестве основной функции истории региона постулируется поддержание этнической идентичности и утверждение исторической субъектности отдельных национальных групп его населения.

Если региональная историография будет откликаться только на стремление той или иной этнической общности укрепить свою идентичность, в репрезентациях «национальных историй» неизбежно усилится влияние «стратегии негативных различий». Будут сужены возможности рационального научного обсуждения проблем региональной истории, поскольку установки и мифы кол-

[1] Ксерокопия обращения руководителей Нальчикского филиала фонда СРКБМ «Эльбрусоид», Кабардино-Балкарского отделения МОО «Барс-Эль», Фонда культуры им. К. Мечиева на имя министра просвещения, науки и по делам молодежи КБР А.К. Езаова от 27.07.2021 г. // Архив автора.

лективной памяти, поддерживающие претензии той или иной общности на высокий статус, материальные, территориальные, политические и иные преимущества в настоящем, нетерпимы к каким-либо альтернативам и, тем более, к плюрализму мнений [Прошлое… 2020: 26-27]. Между тем, для таких полиэтничных и «двусубъектных» республик как Кабардино-Балкария невозможно построение регионального исторического нарратива, в котором так или иначе не синтезированы «национальные истории» ее народов. Это предполагает концентрацию на факторах и процессах, связывающих их в физическом и социальном пространстве, и опору на те культурные факторы, которые позволяют регулировать различия и напряженности в процессе формирования идентичностей. Поскольку всякая идентичность имеет частный характер, универсальным основанием для этого служит категория равенства. В нарративе она воплощается через принцип равной и равноценной субъектности всех участников регионального исторического процесса, взаимного признания и признательности различий в культуре [Rüsen 2005: 69-70; Рюзен 2001: 25]. Актуальные интересы гражданской консолидации в рамках демократического политико-правового порядка приобретают при таком подходе методологическую функцию.

Таким образом, на подступах к построению обобщающей истории Кабардино-Балкарии в профессиональном сообществе историков республики так или иначе должно быть выработано общее представление о соотношении этноидентификационных (дифференцирующих) и социо-пространственных (интегрирующих) измерений регионального исторического процесса. Решение этой задачи предполагает согласование базовых принципов (реконструкция прошлого с позиций сегодняшнего дня, равенство и равноценность субъектов региональной истории) и освоение историографического опыта различных школ истории «интерактивных пространств» («перекрестная», «связанная», «включенная» история) [Rüsen 2004; Репина 2019]. Наряду с этим представляет интерес эмпирический анализ определенных характеристик актуального состояния народов республики, которые могут служить индикаторами синтеза «собственной», этнической истории каждого из них и их «связанной», региональной истории. В качестве таких индикаторов могут служить, в частности, данные генографии – направления популяционной генетики, изучающей географическое распространение генетических признаков в популяциях различных регионов.

Результаты исследований современной геногеографии важны для историков в сопоставлении с данными палеогенетики, поскольку могут быть весьма полезны при решении вопросов этногенеза народов Северного Кавказа. Однако в контексте задач построения обобщающих трудов по региональной истории данные о современной геногеографии имеют самостоятельное значение. Совмещение этнической перспективы с ретроспективным взглядом из настоящего в прошлое может оказаться продуктивным в поиске методологически ясной конструкции регионального исторического нарратива.

Предлагаемая работа носит обзорно-аналитический характер и имеет целью составить предварительное представление о соотношении «этнического» и «пространственного» в истории Кабардино-Балкарии на основе систематизации и анализа данных о генофонде современных кабардинцев и балкарцев. По-

скольку работа обращена не к генетикам, а к историкам, было необходимо, чтобы используемый материал был достаточно полным и достаточно ясно представленным, а читатель имел бы возможность подвергнуть авторский анализ критической оценке без дополнительного обращения к специальным исследованиям генетиков. Поэтому каждый раз, когда это было возможно, в тексте приводятся таблицы, извлеченные или составленные по данным работ цитируемых авторов, а также дается предварительный обзор используемых ими понятий популяционной генетики.

Основные понятия популяционной генетики

С конца 1970-х гг. происходит бурный рост исследований генетики популяций (популяционной генетики) на основе использования ДНК-технологий. Впоследствии было отмечено возникновение в рамках популяционной генетики нового раздела – этногеномики. Она изучает особенности геномного полиморфизма и геномного разнообразия отдельных этносов и реконструирует на этой основе их генетическую историю [Хуснутдинова 2013].

Это возможно потому, что при расшифровке генома человека было выявлено множество своеобразных меток – ДНК-маркеров, отличающихся положением в геноме, уровнем вариабельности и характером мутирования. Хранение, передачу и реализацию генетической программы развития и функционирования организма обеспечивает макромолекула ДНК, присутствующая в составе клетки будучи «упакованной» в особые структурные единицы – хромосомы. ДНК состоит из повторяющихся блоков органических соединений – нуклеотидов. По содержащемуся в них азотистому основанию нуклеотиды делятся на четыре вида – аденин, гунин, тимин и цитозин, которые формируют определенным образом упорядоченные последовательности. Полиморфизм (разнообразие) ДНК возникает, когда в результате случайных мутаций происходят изменения в последовательности нуклеотидов. Это может быть связано с заменой в последовательности ДНК одного нуклеотида другим (однонуклеотидный полиморфизм, single nucleotide polymorphisms, SNPs), с вставкой или потерей распределенных по геному копий определенных последовательностей ДНК – Alu-повторов (инсерционно-делеционный полиморфизм), с варьированием коротких участков ДНК, состоящих из примыкающих друг к другу и повторяющихся пар нуклеотидов (короткие тандемные повторы, short tandem repeats, STRs). Использование этих маркеров в совокупности позволяет описывать генетические особенности индивидов и популяций.

Механизм передачи этих особенностей последующим поколениям описывается понятиями гена и генных вариантов (аллелей), гаплотипов и гаплогрупп. Гены – участки ДНК, включающие определенное количество нуклеотидов, расположенных в определенной комбинации и несущие информацию об определенном признаке или функции организма. Однако в одинаковых участках (локусах) сходных по составу и строению хромосом (гомологичных хромосом) могут располагаться различные формы одного и того же гена (аллели). Совокупность генных вариантов (аллелей) на локусах одной хромосомы, обычно наследуемых вместе, определяют как гаплотип. Он несет характерный для данного

индивида набор мутаций в участке хромосомы, во всей хромосоме, во всех материнских или отцовских хромосомах. Группа схожих гаплотипов, имеющих общего предка, у которого произошла мутация, унаследованная всеми потомками, образует гаплогруппу. Гаплогруппа может быть более широкой или узкой, в зависимости от выбранного гаплотипа. Если взять для рассмотрения только древние широко распространенные маркеры, такая гаплогруппа может быть у целого народа или даже у представителей нескольких народов. Если добавить к ним маркеры более поздних мутаций, то большая гаплогруппа разделится на несколько гаплогрупп. Такие подчинённые гаплогруппы или генеалогические ветви в пределах той же гаплогруппы, все члены которой имеют не только мутацию основной гаплогруппы, но и дополнительную мутацию, общую только для данной ветви, обозначают термином субклад. На этой основе осуществляется классификация гаплогрупп. Так, на филогенетическом древе Y-хромосомы современного человека выделено 18 основных клад, обозначаемых буквами латинского алфавита от A до R. Эта классификация включает примерно 250 маркеров, по которым можно выделить примерно 160 конечных кластеров. По мере продвижения от корневой гаплогруппы к ветвям в обозначениях используются арабские цифры и латинские буквы. Например, «входная» мутация M207 определяет гаплогруппу R, которая далее дробится на кластеры R1 и R2, определяемые маркерами M173 и M124. R1 в свою очередь разделяется на R1a и R1b и т.д. [Степанов и др. 2006: 60]

Общий метод определения нуклеотидных последовательностей ДНК называется секвенированием и применяется к изучению полиморфных вариантов всех видов ДНК: парных ДНК, которые расположены в ядре клетки и наследуются и по мужской и по женской линии (аутосомные ДНК); ДНК, расположенной в митохондриях клетки и наследуемой от матери детьми обоего пола (митохондриальная ДНК или мтДНК); Y-хромосомы, которая передается только по мужской линии от отца к сыновьям (Y-ДНК) [Литвинов, Хуснутдинова 2015]. При этом специалисты указывают на особую продуктивность использования в популяционно-генетических исследования маркеров Y-хромосомы. В отличие от аутосомных хромосом мужская Y-хромосома при образовании половых клеток не участвует в обмене фрагментов с другими хромосомами и передается от отца к сыну в неизменном виде, если с ней не происходит случайных мутаций. А возникающие в ней мутации накладываются друг на друга. Это позволяет реконструировать филогенетическое дерево родства всех обнаруженных гаплотипов и рассчитать возраст появления каждой ветви дерева – каждого кластера гаплотипов. А поскольку разные кластеры зачастую приурочены к разным популяциям, то датировки времени возникновения кластеров (филогенетика) в сочетании с данными по географическому распространению кластеров (филогеография) позволяют, при определенных условиях, реконструировать историю популяций [Балановский, Запорожченко 2016: 810-811]. Одновременно Y-хромосома чувствительна к факторам, ведущим к изменению частот гена в популяции (дрейф генов, эффект основателя), а разнообразие ее последовательностей ниже, чем где-либо еще в ядерном геноме. Кроме того, по сравнению с мтДНК распределение гаплогрупп Y-хромосомы в большей степени связано с

географией и позволяет реконструировать исторические события с большей точностью. Это обусловлено феноменом так называемой патрилокальности, когда из двоих супругов, живущих до заключения брака в разных местах, именно жена переезжает к мужу, а не наоборот. Таким образом, генетический набор, наследуемый по отцовской линии, остается на месте либо перемещается вместе с популяцией, а мтДНК активно перемешивается вместе с приходом женщин в данную популяцию из других сообществ, что осложняет выделение гаплогрупп, характерных для той или иной популяции [Балановская, Балановский 2007: 158]. Другой важной особенностью филогенетически информативных полиморфных локусов Y-хромосомы является их высокая консервативность – устойчивость к повторным или обратным мутациям [Литвинов, Хуснутдинова 2015: 506].

Но здесь остаются общие вопросы, связанные с соотношением биологического понятия «популяция» и культурно-исторического понятия «этнос». В биологии популяция определяется как совокупность особей одного вида, длительно (в течение многих поколений) населяющих определенную территорию, свободно скрещивающихся между собой и отделенных от других популяций этого же вида давлением изоляции. В составе вида может быть одна или несколько (много) популяций [Пехов 2000: 395]. В более сжатой формулировке – это пространственно-временная группа скрещивающихся между собой особей одного вида [Меркурьева и др. 2004: 4]. С другой стороны, этнос (этническая общность) определяется в современной этнологии как группа людей (народ), обладающая общим самосознанием (этнической идентичностью), а также общим языком и чертами культуры. Однако целостность этноса поддерживается факторами, выходящими за рамки культуры и психологии, а именно: характером расселения, численностью, внутригрупповой брачностью (эндогамией), а также социальным и политическим статусом членов этнической общности [Тишков 2004]. Основными условиями формирования этноса являются общность территории и языка, а сформировавшийся этнос выступает как социальный организм, самовоспроизводящийся путем этнически однородных браков и передачи новому поколению языка, традиционной культуры и быта, этнической ориентации, этнических и эстетических норм и т.д. [Козлов 1995: 151-154]

С точки зрения специалистов в области геногеографии (географии генофондов) этнос сопряжен с популяцией именно за счет такого института как эндогамия. В популяционной генетике принято, что популяция существует до тех пор, пока более 50% браков заключается в ее пределах (50% эндогамных браков) [Юсупов и др. 2017: 30]. Как заметил О.П. Балановский в одном из интервью, большинство народов эндогамны, следовательно, являются «по совместительству» популяциями[1]. Но не все народы составляют одну популяцию, а этнос как популяция возникает в результате социальных процессов и полностью ими определяется [Юсупов и др. 2017: 30]. Изучение популяции позволяет зачастую понять, откуда и как пришли наши предки, но такие сложные процессы,

[1] «Бюрократические расы не существуют, но научные-то расы никуда не делись». Интервью с Олегом Балановским о том, имеет ли понятие расы какое-либо содержание. [Электронный ресурс]. Наука – ТАСС: сайт. URL: https://nauka.tass.ru/sci/6820428 (дата обращения 08.06.2022).

как самоопределение и возникновение народов несводимы к биологическим факторам[1].

Генетическая структура популяций кабардинцев и балкарцев в контексте генетического рельефа Северного Кавказа

В работе 2010 г., посвященной характеристике генетической структуры популяций Кавказа и выявлению основных паттернов распределения частот гаплогрупп Y-хромосомы, характерных для этих популяций, были исследованы 1942 образца ДНК представителей 23 народов Северного и Южного Кавказа [Кутуев и др. 2010: 19]. Изложение результатов исследования построено, в соответствии с поставленной целью, как обзор данных о долях отдельных гаплогрупп Y-хромосомного генетического пула изученных популяций. С одной стороны, было установлено, что присущий автохтонным популяциям Кавказа профиль распределения частот гаплогрупп специфичен и не встречается больше нигде в мире. Он характеризуется высокой частотой гаплогрупп G-M201 (большей частью представленной G2-P15), J-12f2 (J1-M267 и J2-M172) и R1-M173 (большей частью R1a1a-M198 и R1b1b2-M269). С другой стороны, обнаружилось, что популяции Кавказа на основании распределения мажорных гаплогрупп можно разделить на два субрегиона. Восточная часть Северного Кавказа, характеризуется высокой частотой гаплогрупп J1-M267 и R1b1b2-M269 (в среднем с частотой 36 и 10% соответственно). Западная часть Северного и Южный Кавказ характеризуются высокой частотой гаплогрупп G2-P15, J2-M267 и R1a1a-M198 (в среднем с частотой 44,5, 22 и 11,6% соответственно). В целом же распределение частот гаплогрупп Y-хромосомы в изученных популяциях свидетельствовало о ближневосточном происхождении генетического субстрата, участвовавшего в формировании автохтонных популяций Кавказа [Кутуев и др. 2010: 23].

Для целей настоящей работы не менее важно обратить внимание на специфические характеристики общей генетической структуры отдельных популяций. Выборка из приведенных в анализируемой статье данных, ограниченная популяциями автохтонных народов Северного Кавказа и сгруппированная по географическому принципу в пределах восточной, центральной и западной части региона, весьма иллюстративна [таблица 1].

Таблица 1. Распределение частот основных гаплогрупп У-хромосомы в популяциях автохтонных народов Северного Кавказа (%)

	N	**C**	**D**	**E**	**G**	**H**	**1**	**F***	**J**	**K**	**T**	**L**	**N3**	**N(xN3)**	**O**	**Q**	**R***	**R1a**	**R1b**	**R2**
ВОСТОК																				
Андийцы	49			2	6,1		26,5		55,1		2							2	6,1	
Аварцы	42			7,1					71,4		4,8	9,5						2,4	2,4	2,4

[1] Там же.

Багулалинцы	28						7,1		21,4									3,6	67,9	
Чамалинцы	27				18,5				70,4			3,7						7,4		
Лезгины	31			6,5	9,7		9,7		58,1										16,1	
Табассараны	43	7							51,2									2,3	39,5	
Даргинцы	67				3				94										3	
Чеченцы	165			1,2	1,8				72,7			17,6	0,6			4,9		0,6	0,6	
Ингуши	105				4,8				83,8			8,6						2,9		
ЦЕНТР																				
Осетины северные	132			1,5	69,7				22			0,8				0,8		0,8	4,6	
Кабардинцы	140	2,1		2,1	43,6	0,7	4,3		25		0,7	0,7	1,4			0,7		15	3,6	
Балкарцы	135				32,6		3		19,3							3,7		28,2	13,3	
Карачаевцы	69				31,9		8,7		18,9		2,9							27,5	10,6	
Черкесы	126	0,8		0,8	45,2		1,6		29,4	1,6			2,4			0,8		15,1	1,6	0,8
Абазины	88			4,5	40,9		3,4		17,1			2,3				3,4		23,9	3,4	1,1
ЗАПАД																				
Адыгейцы	154	2,6		0,7	47,4		4,6		20,1			2,6	0,7					13,6	7,8	

Источник: [Кутуев и др. 2010: 21]

Первое, что бросается в глаза – это присутствие в генофонде каждой популяции нескольких гаплогрупп с количественным разбросом от трех гаплогрупп у даргинцев до двенадцати – у кабардинцев. Варьируется доля мажорных гаплогрупп в генетической структуре популяций, причем их вариативность коррелирует с географическим распределением этносов. На востоке региона мажорные (наиболее крупные) гаплогруппы составляют львиную долю генофонда популяции – от 94% у даргинцев до 67,9% у багаулинцев. Несколько ниже она у андийцев и табасаранцев, но и у них она превышает 50%. Иная картина видна на Центральном Кавказе. Здесь выделяются осетины, у которых мажорная гаплогруппа составляет 69,7% генофонда, но у остальных народов субрегиона – кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, черкесов и абазин, доли мажорных гаплогрупп укладываются в промежуток между 31,9% у карачаевцев и 45,2% у черкесов. Незначительно выше она у самой западной группы, охваченной исследованием, адыгейцев (47,4%). Еще одна характеристика генетической структуры народов Центрального Кавказа – это то, что наиболее крупные гаплогруппы являются общими для них. Так, гаплогруппы G, J, R1a занимают соответственно 83,6 и 80,1% и имеют близкие значения долей в генофонде кабардинцев и балкарцев.

Эти показатели хорошо согласуются с результатами насколько ранее выполненного З.И. Боготовой исследования генетической структуры популяции кабардинцев и балкарцев. Проведенное ею сравнительное исследование распределения частот видоизменений (мутаций) определенных элементов генома – Alu-повторов, а также полиморфизма митохондриальной ДНК и Y-хромосомы показало как генетическую гетерогенность, так и значительную близость популяций кабардинцев и балкарцев [Боготова 2009].

Выявленные в популяции кабардинцев (обследованы 141 чел.) и балкарцев (обследовано 136 чел.) линии мтДНК в подавляющем большинстве относятся к западно-евразийским гаплогруппам (87,5 и 95%, соответственно) [Боготова 2009: 9]. Анализ полиморфизма Y-хромосомы в позволил выявить 20 гаплогрупп Y-хромосомы, в популяции балкарцев – 11 гаплогрупп. Доля западно-евразийских гаплогрупп Y-хромосомы *(G, E, I, J, R1)* в популяции кабардинцев составила 95,0%, а в популяции балкарцев – 96,3% [Боготова 2009: 16]. Представленная ниже таблица (Таблица 2), представляет собой выборку данных о долях западно-евразийских гаплогрупп в популяциях кабардинцев и балкарцев. Таблица составлена на основе филогенетического древа гаплогрупп Y-хромосомы, построенном З.И. Боготовой [Боготова 2009: 17].

Таблица 2. Западно-евразийские гаплогруппы в популяциях кабардинцев и балкарцев (%)

	E1b1b1a	G1	G2a	G2*	I1a	I1b	I*	J1	J2	R1*	R1a1	R1a1a7	R1b1b1	R1b1b2
Кабардинцы	2,1	0,7	10,0	32,6	1,4	2,1	0,7	9,2	15,6	0,7	14,2	0,7	0,7	2,8
Балкарцы	-	-	20,6	11,8	-	2,9	-	3,7	15,4	0,7	26,5	2,2	9,6	2,9

Составлено по: [Боготова 2009: 17]

Можно видеть, что обе популяции характеризуются значительной гетерогенностью (всего автором рассматриваемого исследования в популяциях кабардинцев и балкарцев выявлено 20 и 11 гаплогрупп соответственно). Однако при этом, на четыре гаплогруппы – G2a, G2*, J2 и R1a1, которые в обеих популяциях имеют долю 10% и более, приходится у кабардинцев суммарно 72,4%, а у балкарцев – 74,3%. Существенные различия присутствуют в случае гаплогруппы J1 (9,2% у кабардинцев, 3,7% у балкарцев) и гаплогруппы R1b1b1 (9,6% у балкарцев, 0,7% у кабардинцев).

Выше акцентировалось наличие общих элементов в генофонде народов Северного Кавказа, прежде всего, кабардинцев и балкарцев. В работах Х.Д. Дибировой и ее соавторов структура генофонда народов Кавказа исследовалась на основе анализа большого массива данных по обширной панели SNP и STR маркеров гаплогрупп Y хромосомы на уровне глубокого филогенетического разрешения с целью выявить генетическое своеобразие различных лингвистико-

географических регионов [Дибирова и др. 2010; Balanovsky et al. 2011; Дибирова 2011]. Исследование не охватывало народы тюркской группы, включая балкарцев, а также кабардинцев. Однако полученная в нем картина генетического рельефа Кавказа важна как фон или контекст, который может оттенить особенности этногеномики народов Центрального Кавказа. В статье 2010 г. результаты исследования систематизированы по 11 «укрупненным» гаплогруппам, а в диссертационном исследовании Х.Д. Дибировой осуществлен анализ результатов глубокого секвенирования, выявившего у 18 популяций автохтонных народов 28 гаплогрупп.

В первом случае показано, что три четверти генофонда исследованных популяций приходится на три мажорные гаплогруппы – G2, J1, J2. Кроме них более или менее заметные доли приходятся на гаплогруппы R1b3 и R1a1. Выборка данных по популяциям Северного Кавказа приведена в таблице 3 (в число популяций Западного Кавказа включены и абхазы).

Таблица 3. Распределение частот гаплогрупп Y хромосомы в линвистико-географических регионах Северного Кавказа

	G2	J1	J2	R1b3	R1a1
Западный Кавказ	59,1	3	14,7	5,5	12,2
Центральный Кавказ	70,9	2,6	16,3	7,3	0,6
Нахская группа Восточного Кавказа	4,4	19,3	64,6	1,2	4,6
Дагестанская группа Восточного Кавказа	5.8	71,6	2,5	10,6	6,3

Источник: [Дибирова и др. 2010: 13]

Во втором – выявлено, что 75 % генофонда автохтонов Северного Кавказа приходилось на четыре мажорные гаплогруппы: G2a3b1-P303, G2a1a-P18, J1-M267(xP58), и J2a4b-M67(xM92). Кроме мажорных гаплогрупп заметное место в генофонде отдельных популяций занимают гаплогруппы G2a*, J2*, R1a1a* и R1b1b2 (таблица 4).

Таблица 4. Распределение частот гаплогрупп Y хромосомы в популяциях автохтонных народов Северного Кавказа

	G2a1a	G2a*	G2a3b1	J1*	J2*	J2a4b*	R1a1a*	R1b1b2
Шапсуги		1	86		6		3	
Абхазы	12	24	21		5	7	10	12
Черкесы (КЧР)	9	1	30	5	12	6	13	3
Осетины дигорцы 1	54		4	2	5	5		21
Осетины дигорцы 2	49		5	6	8	6	2	12
Осетины южные	66			2	10	16		2
Осетины алагирцы	76			1	4	4	1	3

Осетины туальцы	58				10	23		4
Осетины куртатинцы	78		6	2	4	4		2
Ингуши	1			3	1	87	4	
Чеченцы Ингушетии	4		5	21	2	51	8	1
Чеченцы Чечни			1	25	1	57	3	3
Чеченцы Дагестана	6		1	16	1	58	1	1
Аварцы	1		9	58	5	1	2	15
Даргинцы		1	1	69		1	22	2
Кубачинцы				99				
Кайтагцы				85	3		3	6
Лезгины	1	12		44	3		4	30

Источник: [Дибирова 2011: 13]

Данные таблиц 3 и 4 показывают, что и три мажорные «материнские» гаплогруппы (G2, J1, J2), и четыре мажорные «дочерние» гаплогруппы (G2a1a, G2a3b1, J2a4b, J1-M267(xP58)) четко коррелируют с лингвистико-географическими областями Северного Кавказа. Гаплогруппа G2a3b1-P303 характерна для народов абхазо-адыгской языковой группы Западного Кавказа с частотой от 21% у абхазов до 86% у шапсугов, тогда как во всех других популяциях Кавказа ее частота ниже 10% (в среднем лишь 2%). Гаплогруппа G2a1a-P18 является мажорной в генофонде осетин Центрального Кавказа, где ее средняя частота составляет 67%. У других народов Кавказа эта гаплогруппа встречается с частотой не более 12% (в среднем лишь 3%). Гаплогруппа J2a4b-M67(xM92) преобладает в генофонде ингушей и чеченцев (нахская лингвистическая группа), варьируясь от 51% у чеченцев Ингушетии до 87% у ингушей. В генофонде других этносов Кавказа частота этой гаплогруппы не превышает 9% (в среднем 3%). Для народов Дагестана, населяющих самую восточную часть Северного Кавказа, характерна гаплогруппа J1-M267(xP58): ее частота варьирует от 44% до 99%, В то время как у соседних чеченцев и ингушей составляет менее 25%, а у остальных народов Кавказа – менее 5% [Дибирова 2011: 10].

Неравномерное распространение мажорных гаплогрупп лежит в основе выделения четырех лингвистико-географических регионов в пределах Северного Кавказа: Западного (абхазо-адыгские народы) и Центрального (ираноязычные осетины) Кавказа, нахской (чеченцы и ингуши) и дагестанской групп народов Восточного Кавказа [Дибирова и др. 2010: 12]. Наиболее резкая граница отделяет Восточный Кавказ (нахско-дагестанские народы) от Западного (абхазо-адыги) и Центрального (осетины) Кавказа [Дибирова 2011: 10-11]. Что касается Центрального и Западного Кавказа, то вопреки лингвистическим и географическим различиям осетин и абхазо-адыгов обнаруживается сходство их генофондов. Мажорные для тех и других гаплогруппы G2a и J2 имеют сходные частоты (70,9 и 59,1%; 16,3 и 14,7%). Однако анализ STR маркеров, проведенный для

гаплогруппы G2a указывает на выраженное гаплотипическое своеобразие осетин [Дибирова 2010: 13-14].

В целом фиксируется высокое генетическое разнообразие внутри кавказского кластера. Созданные Х.Д. Дибировой филогенетические сети для основных гаплогрупп показали, что каждая гаплогруппа включает несколько четких, обособленных друг от друга кластеров гаплотипов, причем многие из этих кластеров оказываются приуроченными к конкретным этносам или субэтносам, но отсутствуют в других популяциях [Дибирова 2011: 19-20]. Попарное сопоставление генетической, географической и лингвистической дистанций между всеми исследованными популяциям показало, что преобладающая часть Y-хромосомной вариативности объясняется лингвистическими различиями, которые по меньшей мере столь же важны, как и география для формирования генетической структуры Северного Кавказа [Balanovsky et al. 2011: 2910-2911].

Проведенный И.Э. Теучеж анализ изменчивости Y-хромосомы в популяциях абхазо-адыгских народов, грузин и армян показал, что значительная часть генофонда абхазо-адыгских народов представлена переднеазиатской гаплогруппой G2a3b-P303 (от 53% до 86% в трех изученных субэтнических группах адыгейцев, и существенно ниже у кабардинцев, черкесов, абазин и абхазов – от 18 до 30%). У других народов Кавказа (кроме соседствующих с кабардинцами балкарцев) эта гаплогруппа редка. Доминирующая у осетин гаплогрупп G2ala-P18 была обнаружена с частотой около 10% у кабардинцев и грузин, тогда как в остальных изученных популяциях она составляет в среднем лишь 2%. Переднеазиатские гаплогруппы J2-M172 и J1-M267, мажорные на Восточном Кавказе, у абхазо-адыгских народов встречаются со средней частотой 15%. Такой же вклад вносит западно-евразийская гаплогруппа Rlal-M198, составляющая в среднем 15% генофонда абхазо-адыгских народов, отражая, скорее всего, результат влияния степных ираноязычных популяций [Теучеж 2013: 11-12].

При изучении шести тюркских народов Кавказа (карачаевцы, балкарцы, ногайцы, караногайцы, кумыки, азербайджанцы) было выявлено 39 гаплогрупп Y-хромосомы, причем почти половина гаплогрупп (18) встречаются с частотой более 5% хотя бы в одной тюркоязычной популяции. Четыре из них охватывают две трети генофонда: гаплогруппа R1a1a-M198 в среднем встречается с частотой 24%, G2a-P15 - 16%, R1b-M343 - 14%, J2a-M172 - 13%. Таким образом, в генофондах тюркских народов Кавказа нельзя выделить одной преобладающей гаплогруппы, что отличает их от других лингвистических групп Кавказа [Скаляхо 2013: 10].

Что касается балкарцев и карачаевцев, 65% их генофонда составляют две гаплогруппы – R1a1a-M198 и G2a-P15. Гаплогруппа R1a1a-M198 встречается с частотой 36% у карачаевцев и 24% у балкарцев. Среди автохтонных народов Кавказа ее частота в среднем составляет только 6%, а наибольший уровень отмечен у черкесов (20%) и абазин (24%). Предполагается, что наличие гаплогруппы R1a среди тюрков Кавказа является результатом древних миграций из степей центральной Евразии, а не результатом исторически недавнего потока генов от славянских и других популяций Восточной Европы [Скаляхо 2013: 11-12].

Вторая мажорная гаплогруппа – G2a-P15 – встречается с частотами 31% у карачаевцев и 33% у балкарцев. Эта гаплогруппа, характерная и для других

народов Западного Кавказа, у карачаевцев представлена двумя субветвями: G2a1*-P16(xP18) (8%) и G2a1a-P18 (20%). Однако у балкарцев субветвь G2a1*-P16(xP18) отсутствует, субветвь G2a1a-P18 встречается с частотой 11%, зато доминирует третья субветвь – G2a3b1-P303 (17%), почти отсутствующая у карачаевцев. Среди других народов Кавказа наибольшая частота G2a1a-P18 (66%) отмечена у осетин. Высокие частоты G2a1a-P18, возможно, указывают на общий для них скифо-сарматский этногенетический пласт [Скаляхо 2013: 12].

М.А. Джаубермезов и его соавторы связывают особый интерес к изучению структуры генофондов коренных народов Северного Кавказа связывается в первую очередь со сложным процессом их этногенеза. В результате их собственного исследования в популяциях балкарцев и карачаевцев было выявлено 27 гаплогрупп Y-хромосомы (таблица 4) [Джаубермезов и др. 2017: 1224, 1226]. В дальнейшем изложении я ограничусь анализом данных по балкарцам.

Таблица 5. Распределение частот (%) гаплогрупп Y-хромосомы в популяциях балкарцев и карачаевцев

Гаплогруппа	Карачаевцы	Балкарцы (всего)	Баксанцы	Чегемцы	Холамцы	Безенгиевцы	Малкарцы
C-M407	0	1,7	0	0	0	5,3	2,9
E1b-M35	1,6	0,9	0	0	3,6	0	1,5
H-M52	2,4	0	0	0	0	0	0
G1-M285	0,8	0	0	0	0	0	0
G2a-M406	0,8	0,4	0	0	0	0	1,5
G2a-P16	30,1	22,5	33,3	10,2	25,0	31,6	20,6
G2a-P303	2,4	6,0	4,8	5,1	21,4	2,6	2,9
G2a-U1	2,4	3,8	0	0	10,7	10,5	2,9
I-M170	4,0	1,3	2,4	1,7	0	0	1,5
J1-M267 (xPage08)	1,6	2,1	4,8	1,7	3,6	0	1,5
J1e-Page08	0,8	0,4	0	0	0	0	1,5
J2a-M410	7,0	15,3	9,5	13,5	10,7	18,4	20,6
J2b-M12	0,8	1,7	2,4	0	0	2,6	2,9
L-M20 (xM357,xM76)	0	0,4	0	0	3,6	0	0
N-CTS6967	0	0,4	0	1,7	0	0	0
O-M175	0,8	0	0	0	0	0	0
Q-M242 (xM120)	0	6,8	7,1	3,4	3,6	13,2	7,4
R1a-Z2123	30,1	16,2	16,6	20,3	10,7	13,2	16,2
R1a-Z2125 (xZ2123)	0	0,4	0	0	0	0	1,5
R1a-Z95 (xZ2125, xZ2122)	0	0,4	2,4	0	0	0	0
R1a-Z2122	2,4	3,4	4,8	6,8	0	2,6	1,5
R1a-Z93 (xZ95)	3,2	0,4	2,4	0	0	0	0
R1a-M558	1,6	0,9	2,4	0	0	0	1,5
R1a-Z282	2,4	0,9	0	0	0	0	2,9
R1b-M478	2,4	11,5	2,4	32,2	7,1	0	7,3
R1b-M412	0,8	0,4	2,4	0	0	0	0
R1b-Z2105	1,6	1,7	2,4	3,4	0	0	1,5
Всего (N)	126	235	42	59	28	38	68

Источник: [Джаубермезов и др. 2017: 1227].

Из данных таблицы видно, что мажорными в популяции балкарцев являются гаплогрцппы G2a-P16 (22,5%), J2a-M410 (15,3%), R1a-Z2123 (16,2%), R1b-

M478 (11,5%), составляющие суммарно 65,5% их генофонда.

В авторском анализе прочитывается установка на акцентирование сугубо этноспецифических особенностей структуры генофонда балкарцев. По итогам работы делается вывод, что популяции балкарцев и карачаевцев обладают специфическим паттерном распределения гаплогрупп Y-хромосомы и что в исследованных популяциях представлена преимущественно дочерняя линия центрально и южноазиатской ветви гаплогруппы R1a – R1a-Z2123 [Джаубермезов и др. 2017: 1228-1229]. Между тем, приведенные в статье данные показывают, что гаплогруппа G2a-P16 занимает более значительную долю в генофонде балкарцев (22,5%), а гаплогруппа J2a-M410 – почти такую же долю в генофонде балкарцев (15,3%), как и R1a-Z2123 (16,2%).

Относительно гаплогруппы R1a-Z2123 в статье отмечается, что у других народов региона она встречается значительно реже. Но ее максимальные частоты авторы фиксируют именно среди представителей адыго-абхазской языковой группы: черкесов (7,9%), кабардинцев (6,4%), адыгейцев (4,5%), абазин (7,9%), тогда как среди тюркоязычных народов Северного Кавказа данная гаплогруппа занимает еще меньшие доли с максимальным значением у караногайцев (3,9%). У кумыков ее частота составляет 1,4%, а в популяции кубанских ногайцев она не обнаружена вовсе [Джаубермезов и др. 2017: 1226].

Авторы другой статьи, характеризующие генофонд этнических групп Кавказа по данным комплексного исследования Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и полногеномного анализа, также отмечают специфичность гаплогруппы R1a (ветви R1a1a-M17(M198)) для карачаевцев и балкарцев. Хотя гаплогруппа R1a1a-M17(M198) встречается на Кавказе повсеместно, значения ее частоты в разных этнических группах варьируют в значительной степени. Карачаевцы и балкарцы демонстрируют самые высокие частоты данной гаплогруппы на Кавказе (27.5% и 24.2%, соответственно). У кумыков ее частота составляет 12.3%. Однако и здесь фиксируется относительно высокая частота R1a1a-M17(M198) характерная для народов абхазо-адыгского круга – абазин (23%), адыгейцев (13.3%), черкесов (15.3%), кабардинцев (12%) [Хуснутдинова и др. 2012: 755].

Относительно распределения гаплогруппы G2a-P16, которая с наибольшей частотой присутствует на южных склонах Кавказского хребта, а также в центральной части Северо-Кавказского региона, М.А. Джаубермезов и его соавторы фиксируют определенную неравномерность ее распространения в балкарских популяциях – от 10,2% у чегемцев до 33,3% у баксанцев. Обращается внимание на то, что субгаплогруппы, которые отмечены низкой встречаемостью у балкарцев – G2a-P303 (максимум 21,4% у холамцев, 6% в среднем) и G2a-U1 (максимум 10,7% у холамцев и 10,5% у безенгиевцев, 3,8% в среднем) весьма характерны для Северо-Западного Кавказа (G2a-P303 достигает в популяции шапсугов 86%) [Джаубермезов и др. 2017: 1227].

Мера генетического сходства или различия популяций определяется в генетике с помощью различных методов анализа: метода главных компонент, методов измерения частот встречаемости в каждой популяции тех или иных маркеров (d – стандартная генетическая дистанция М. Нэи, Fst – индекс фиксации, многомерное шкалирование). Анализ этих методов, по существу, выходит за

рамки возможностей автора этой статьи, но в нем и нет необходимости. Для целей данной работы важны полученные с их помощью результаты тем более, что разные методы дают весьма близкие результаты. Расхождение показателей генетической дистанции между популяциями в большей степени определяются различной глубиной филогенетического анализа, бо́льшим или меньшим числом гаплогрупп, включенных в панель сравнения. Это покажет дальнейшее изложение результатов, полученных в разных работах.

В целом, исследователи отмечают высокое генетическое разнообразие внутри кавказского кластера, что подтверждается и анализом средних генетических расстояний на Кавказе, в Европе и Передней Азии: между популяциями Кавказа они достигают d=1,33, тогда как для популяций Европы расстояния ниже почти в два раза (d=0,75), а в Передней Азии – ниже почти в 4 раза (d=0,39) [Дибирова 2011: 15, 17].

Оценка генетических взаимоотношений между популяциями кабардинцев и балкарцев с использованием метода главных компонент по частотам гаплогрупп У-хромосомы в исследовании З.И. Боготовой показал, что популяции Кавказа вместе с популяциями Ближнего Востока образуют отдельный кластер, внутри которого популяции балкарцев располагаются ближе к кабардинцам, чем к другим северокавказским популяциям, включая кумыков [Боготова 2009: 21-22]. Попарное сравнение популяций кабардинцев и балкарцев по распределению частот 15 Alu инсерций (хромосомных перестроек) выявило их статистически достоверную генетическую гетерогенность. Однако коэффициент генной дифференциации оказался равным всего 0,1%. Для четырех популяций Европы этот показатель, рассчитанный по тому же набору Alu инсерций, составил 0.4%. Эти показатели являлись наиболее низкими среди изученных регионов мира. Оценка уровня генетических различий популяций кабардинцев и балкарцев по данным полиморфизма мтДНК показала, что степень генетического межпопуляционного разнообразия исследуемых популяций составила Fst=1,3% [Боготова 2009: 6-9].

Определяя генетические взаимоотношения популяций Кавказа по данным о распределении частот гаплогрупп Y-хромосомы, И.А. Кутуев выявил положение популяций Кавказа в пространстве двух первых главных компонент. На графике мегрелы, абхазы, адыгейцы, абазины, черкесы, кабардинцы осетины, балкарцы и карачаевцы составили отдельный кластер. Кумыки и кубанские ногайцы оказались в одном кластере с народами Дагестана. Ни в один из кластеров не вошли армяне, ингуши, чеченцы и караногайцы [Кутуев 2010: 34-35].

Применение метода многомерного шкалирования к широкой палитре из 35 гаплогрупп дало более дифференцированную картину генетических расстояний между популяциями Кавказа, включая кабардинцев и балкарцев. На ней каждая из этнолингвистических групп (абхазо-адыгские народы, включая кабардинцев; армяне; грузины; балкарцы и карачаевцы; терские и кубанские казаки) заняли самостоятельное место в генетическом пространстве. Авторы исследования находят примечательным то обстоятельство, что балкарцы и карачаевцы четко отделяются от своих географических соседей-адыгов, с которыми они проживают в одном ареале и в одной республике. При сравнении же с генофондами

Передней Азии, Балкан и Кавказа по 14 обобщенным гаплогруппам был выделен кластер, условно обозначенный авторами как «основной кавказский кластер». Кабардинцы и балкарцы вошли в него вместе с карачаевцами, осетинами, черкесам, абазинами, шапсугами, абхазами, армянами, грузинами. Этот кластер оказался наиболее генетически близким к «нахскому» (c1=0,44) и «переднеазиатскому» (c1=0,58) кластерам и максимально генетически удаленным от «дагестанского» (c1=0,94) кластера [Теучеж и др. 2013: 57-58]. Аналогичный результат получен при сравнении тюрков Кавказа с популяциями Евразийской степи и смежных регионов по более широкой панели из 24 гаплогрупп. Было выявлено четыре кластера. Балкарцы и карачаевцы вошли в «западный» кластер отдельно от всех других тюркских народов Кавказа, но вместе с крымскими татарами, кабардинцами, абазинами, черкесами, адыгейцами, абхазами [Скаляхо и др. 2013: 43, 44].

Интересные данные содержит таблица генетических расстояний между изученными в работе И.Э. Теучеж и ее соавторов популяциями абхазо-адыгских народов, грузин и армян, а также тюркоязычными и славянскими популяциями Западного Кавказа (таблица 6).

Таблица 6. Генетические расстояния между популяциями Кавказа по совокупности частот гаплогрупп Y-хромосомы

	Кабардинцы	Абхазы	Темиргоевцы	Шапсуги прикубанские	Абазины	Черкесы	Шапсуги причерноморские	Грузины	Армяне	Терские казаки	Балкарцы	Карачаевцы	Кубанские казаки
Кабардинцы	0												
Абхазы	0,20	0											
Темиргоевцы	0,14	0,33	0										
Шапсуги прикубанские	0,17	0,35	0,01	0									
Абазины	0,11	0,31	0,14	0,15	0								
Черкесы	0,06	0,17	0,06	0,07	0,09	0							
Шапсуги причерноморские	0,29	0,52	0,03	0,03	0,26	0,16	0						
Грузины	0,49	0,45	0,71	0,74	0,82	0,54	0,89	0					
Армяне	1,17	0,82	1,67	1,70	1,44	1,25	2,35	1,09	0				
Терские казаки	0,91	0,73	1,69	1,69	0,65	0,92	3,42	1,60	1,68	0			
Балкарцы	1,08	0,63	1,82	1,85	0,94	0,99	3,46	1,48	1,26	0,15	0		
Карачаевцы	0,82	0,65	1,46	1,50	0,53	0,85	2,96	1,61	1,69	0,16	0,26	0	
Кубанские казаки	0,94	1,24	1,82	1,87	0,84	1,21	2,86	1.81	1,51	0,48	1,15	0,90	0

Источник: [Теучеж и др. 2013: 56].

Здесь прежде всего привлекает внимание неоднозначный характер соотношения расстояний между популяциями в генетическом, географическом и этнолингвистическом пространстве. Генетическое расстояние между балкарцами и абхазами почти вдвое, а между балкарцами и Терскими казаками в 7 раз меньше, чем между балкарцами и кабардинцами (0.63, 0,15 и 1,08 соответственно), а генетическое расстояние между балкарцами и западно-адыгскими популяциями (от 1,82 до 3,46) су-

щественно больше, чем между ними и кабардинцами. Наконец, генетическое расстояние между балкарцами и карачаевцами (0,26) больше, чем между ними и Терскими казаками (0,15 и 0,16 соответственно). Эти обстоятельства в сильной степени релятивизируют значение показателя генетической дистанции для определения степени исторической и даже этнической связанности различных популяций.

Проведенный Р.А. Скаляхо филогенетический анализ характерных для тюрков Кавказа гаплогрупп привел ее к выводу о значительной гетерогенности изученных тюркоязычных популяций и их этногенетических связях с иноязычными народами. Так, филогенетическая сеть гаплогруппы G2a1a-P18, по ее оценке, ярко демонстрирует автохтонный кавказский субстрат в генофонде карачаевцев и балкарцев и подтверждает их генетическую близость к осетинам, у которых эта гаплогруппа доминирует. Но по данным, которые приводятся в ее работе, можно видеть, что в генофонде балкарцев и кабардинцев гаплогруппа G2a1a-P18 занимает весьма близкие по величине доли – 11 и 10% соответственно [Скаляхо 2013: 6, 12]. В литературе высказаны предположения, что повышение частоты этой гаплогруппы у кабардинцев могло быть опосредовано автохтонным населением Центрального Кавказа, вошедшим в состав и осетин, и кабардинцев, но могло произойти и за счет потока генов от осетин [Теучеж 2013: 11-12].

М.А. Джаубермезов с соавторами провели анализ F_{St} для оценки генетической близости карачаевцев, субпопуляций балкарцев и других популяций Кавказа по данным о частотах гаплогрупп Y-хромосомы. «В результате было выявлено, что наибольшую удаленность от других субпопуляций балкарцев показывают чегемцы. Низкие значения F_{St} наблюдаются между холамцами и популяциями кабардинцев и абазин» [Джаубермезов и др. 2017: 128]. Иными словами, имеет место высокая степень генетической близости между ними.

Заключение

Выводы, которые следуют из приведенных выше материалов, ограничены целями статьи и не могут претендовать на решение вопросов собственно филогенетики или геногеографии этно-социального пространства Северного Кавказа. Равным образом в круг задач статьи не входили вопросы этногенеза народов региона. Обсуждаемая здесь проблема состоит в выяснении того, что*о* могут дать сведения о генетической структуре современных популяций Северного Кавказа (прежде всего, кабардинцев и балкарцев) для выработки подходов к построению обобщающего труда по истории Кабардино-Балкарии.

Прежде всего, очевидны трудности и ограничения, связанные с исторической интерпретацией результатов исследований генетиков. Они проистекают из того, что результаты изучения генетических структур различных популяций (принадлежащих к одной или различным этно-лингвистическим общностям, географически близких или удаленных) разнятся в зависимости от глубины филогенетического разрешения использованных методов анализа. В доступной литературе практически не представлены результаты исследований, которые были бы в полной мере сравнимы. В частности, отсутствуют работы, рассматривающие структуру генофонда кабардинцев и балкарцев по одной и той же

панели гаплогрупп на глубоком уровне филогенетического разрешения. Поэтому важные для историков суждения, относящиеся к эволюции и генетическим взаимоотношениям популяций региона, должны формулироваться с большой осторожностью.

Вместе с тем имеются такие результаты изучения генетического рельефа Северного Кавказа, которые позволяют высказать достаточно твердые суждения относительно соотношения «этнического» и «пространственного» в региональном «кабардино-балкарском» историческом нарративе.

В генофонде каждого из современных народов Северного Кавказа обнаруживается целый набор гаплогрупп. Но и на этом фоне выделяются кабардинцы, как носители особо дифференцированной генетической структуры. В этом отношении весьма близко к ним стоят и балкарцы. Объединяют их еще две характерные черты: во-первых, у них отсутствуют безусловно доминирующие (хотя бы достигающие 50%) мажорные гаплогруппы; во-вторых, в их генофондах значительное место занимает общий пул гаплогрупп. Доля этого общего генетического пула в их генофонде весьма велика, когда рассматривается сравнительно узкая панель обобщенных (корневых или «материнских») гаплогрупп, а при детализированном анализе на глубоком уровне филогенетического разрешения она снижается. Но сам набор общих гаплогрупп остается достаточно широким. При анализе на глубоком уровне филогенетического разрешения по широкой панели гаплогрупп фиксируется четкая генетическая граница между кабардинцами и балкарцами, но показатель генетического расстояния между ними ниже среднего по Северному Кавказу (1,08 и 1,33). Главное в том, что нет строгого взаимного соответствия генетических расстояний между популяциями и между этническими общностями.

Выше были представлены результаты исследования, выявившего на Северном Кавказе четыре лингвистико-географических региона, которые определяются доминированием одной специфической для них гаплогруппы. Такая ясная картина получена была, в том числе, потому, что в нем не были охвачены тюркоязычные народы и кабардинцы, а Центральный Кавказ был представлен только популяцией осетин. Представляется правомерным зафиксировать существование на Центральном Кавказе «пятого» региона, который соответствует на генетической карте Северного Кавказа особому интер-этническому кластеру популяций, отмеченных внутренней гетерогенностью своих генофондов и одновременно взаимной близостью генетических структур. Состав этого кластера может обсуждаться и уточняться по результатам дальнейших этногеномных исследований. В разных работах его контуры выступают с различной степенью четкости в зависимости от глубины филогенетического разрешения. Но эмпирическая реальность этого кластера и присутствие в нем популяций кабардинцев и балкарцев несомненны. Его формирование является результатом общности глубоких генетических корней, территориального соседства этносоциальных единиц и наличия плотной сети регулярных социальных взаимодействий между ними, воспроизводившейся на протяжении длительного исторического времени. Само по себе это положение не несет ничего нового и давно известно историкам. Однако оно методологически значимо для выбора от-

правного пункта при построении истории Кабардино-Балкарии, поскольку делает очевидной взаимосвязь «этнического» и «пространственного» измерений, актуального состояния и предшествующей эволюции во времени субъектной структуры регионального исторического процесса.

Принимая за исходный пункт первенство «этнического», историки оказываются перед необходимостью сделать и второй выбор: собираются ли они писать «биографию» их далеких предков, начиная с «корней», с зарождения ядра этноса (пусть даже и доводя ее до наших дней) или реконструировать историю современных, генетически гетерогенных народов-этносов республики, исходя из стоящих перед ними сегодня исторических задач. Речь идет не о порядке изложения материала, а об исходном пункте его целостного осмысления.

В первом случае функцию логического ядра нарратива будет выполнять наименее насыщенный историческим опытом и наиболее труднопознаваемый, «темный» период прошлого, а реальным предметом описания окажутся проблемы этногенеза и этнической истории народов в узком смысле слова. Это вполне правомерный подход, если изучение этнических процессов ставится в качестве самостоятельной задачи в рамках исторической этнографии. Но он не может в полной мере «вместить» межэтнический и над-этнический уровни социальной реальности. Сведение функций регионального нарратива к подтверждению и поддержанию этнической идентичности народов республики имплицитно несло бы традиционалистскую ориентацию и сузило бы перспективы их современного развития.

Во втором случае отправным пунктом становится современность, которая несет в себе весь опыт прошлого, но одновременно доступна для эмпирического изучения и открыта для рационального поиска вариантов будущего. Предметом нарратива оказывается процесс становления современных народов Кабардино-Балкарии, решающих задачи построения общей для них институциональной среды, обеспечивающей равенство прав каждого независимо от национальной принадлежности, и освоения социальных и культурных инноваций, обеспечивающих их «конкурентоспособность» в современном экономико-технологическом контексте. Подтверждение их культурно-исторической идентичности является только одной из функций такого нарратива, выражающей фактор преемственности, континуитета в историческом развитии. Важнее то, что он позволяет проследить, как прошлые образцы деятельности трансформируются, чтобы быть включенными в современные условия. Логическое ядро осмысления прошлого в таком нарративе генетического типа составляет прослеживание изменений. Непрерывность и целостность исторического процесса обеспечивается не консервацией традиции, а внутренним единством прошлого, настоящего и будущего. Это ориентирует на выявление всех факторов и форм социальных изменений, не замкнутых в границы прошлого и в границы этноса. По сути, речь идет о проблеме соотношения всякого рода частных и специальных историй с общей дисциплиной истории и с общеисторическим процессом. Первым шагом «вхождения» частных этноисторий в общеисторическое пространство является их интеграция в региональный исторический нарратив.

Здесь происходит смыкание подхода, отталкивающегося от современного состояния народов/этносов Кабардино-Балкарии, с пространственным подходом к истории региона. Нет необходимости доказывать: и генетическая структура и этнический облик современных народов Кабардино-Балкарии есть функция их пространственной локализации и взаимодействия с окружающей природно-географической и социально-этнической средой на протяжении длительного времени. Так что объяснительная функция исторического познания в этом случае более эффективно выполняется региональной, а не этнической историей. Но в современном социально-культурном контексте важнее обратить внимание на то, что пространственный подход, как ни странно, позволяет воплотить в нарративе историческую субъектность народов региона более полно, чем подход этно-центрированный. Субъектность предполагает особую идентичность, но не сводится к ней. Кто бы то ни было становится субъектом истории не в силу своей самобытности, а поскольку выступает как действующее лицо, как агент исторических преобразований той внутренней и внешней среды, в которой он существует. Если объектом исторического познания становится пространство региона, народы его населяющие предстают как субъекты, формирующие и видоизменяющие социальный и культурный ландшафт регионального пространства. В результате самостоятельной исторической активности кабардинского и балкарского народов сложилась Кабардино-Балкария, как историческая область, в которой они осуществляют свою жизнедеятельность и упорядочивают взаимные отношения. Социальный порядок в этой области с конца XVIII в. и его эволюция на протяжении XIX-XX вв. – продукт их взаимодействия с российским государством. При отсутствии любого из этих субъектов история Кабардино-Балкарии утратила бы свой индивидуальный характер. Отдавая себе отчет в малой размерности региона как локального исторического образования, можно все же сказать, что в современной Кабардино-Балкарии воплощена историческая субъектность кабардинского и балкарского народов, их совместный вклад в историю Северного Кавказа, России и мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Балановская, Балановский 2007 – *Балановская Е.В., Балановский О.П.* Русский генофонд на Русской равнине. – М.: ООО «Луч», 2007. – 416 с.

Балановский, Запорожченко 2016 – *Балановский О.В., Запорожченко В.В.* Хромосома-летописец: датировки генетики, события истории, соблазн ДНК-генеалогии // Генетика – 2016. – Том 52. – № 7. – С. 810-830.

Боготова 2009 – *Боготова З.И.* Изучение генетической структуры популяций кабардинцев и балкарцев. Автореферат дисс. … канд. биол. наук. – Уфа: ИБГ УНЦ РАН, 2009. – 25 с.

Джаубермезов и др. 2017 – *Джаубермезов М.А.* и др. Генетическая характеристика балкарцев и карачаевцев по данным об изменчивости Y-хромосомы // Генетика. – 2017. – Т. 53. – № 10. – С. 1224–1231. DOI: 10.7868/S0016675817100034

Дибирова 2011 – *Дибирова Х.Д.* Роль географической подразделенности и лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа (по данным об Y хромосоме). Автореферат дисс. … канд. биол. наук. – М.: Б.и., 2011. – 26 с.

Дибирова и др. 2010 – *Дибирова Х.Д.* и др. Генетический рельеф Кавказа: четыре лингвистико-географических региона по данным о полиморфизме хромосомы Y // Медицинская генетика. – 2010. – Т. 9. – №10. – С. 9-18.

Зубков 2004 – *Зубков К.И.* Региональная история: проблемное поле и методологические перспективы // Историко-педагогические чтения. – 2004. – № 8. – С. 31-41.

Зубков 2016 – *Зубков К.И.* Многоэтничная история России в стадиально-эволюционном измерении // Историко-педагогические чтения. – 2016. – № 20-1. – С. 48-58.

Козлов 1995 – *Козлов В.И.* Этнос // Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. – М.: ИЭА РАН, 1995. – С. 151-154.

Кутуев 2010 – *Кутуев И.А.* Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Кавказа. Автореферат дисс. … докт. биол. наук. – Уфа., 2010. – 47 с.

Кутуев и др. 2010 – *Кутуев И.А.* и др. Генетическая структура и молекулярная география популяций Кавказа по данным Y-хромосомы // Медицинская генетика. – 2010. – №3. – С. 18-25.

Литвинов, Хуснутдинова 2015 – *Литвинов С.С., Хуснутдинова Э.К.* Современное состояние исследований в области этногеномики: полногеномный анализ и однородительские маркеры // Генетика – 2015. – Том 51. – № 4. – С. 503-516.

Меркурьева и др. 2004 – *Меркурьева Е.К.* и др. Генетика популяций. – М: ФГОУ ВПО МГАВМиБ, 2004. – 55 с.

Пехов 2000 – *Пехов А.П.* Биология с основами экологии. – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 672 с.

Прошлое… 2020 – Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. – 464 с.

Реконструкции… 2017 – Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2017. – 560 с.

Репина 2019 – *Репина Л.П.* История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. – 2019. – № 69. – С. 5-16.

Рюзен 2001 – *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-26.

Скаляхо 2013 – *Скаляхо Р.А.* Геногеография тюркоязычных народов Кавказа, грузин и армян: анализ изменчивости Y-хромосомы. Автореферат дисс. … канд. биол. наук. – М., 2013. – 24 с.

Скаляхо и др. 2013 – *Скаляхо Р.А.* и др. Тюрки Кавказа: сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. – 2013. – № 2. – С. 34-48.

Событие… 2017 – Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л. П. Репиной – М.: Аквилон, 2017. – 400 с.

Степанов и др. 2006 – *Степанов В.А., Харьков В.Н., Пузырев В.П.* Эволюция и филогеография линий Y-хромосомы человека // Информационный вестник ВОГиС. – 2006. – Том 10. – № 1. – С. 57-73.

Теучеж 2013 – *Теучеж И.Э.* Генофонд абхазо-адыгских народов, грузин и армян по данным о полиформизме Y-хромосомы и фамилий. Автореферат дисс. … канд. биол. наук. – М., 2013. – 25 с.

Теучеж и др. 2013 – *Теучеж И.Э.* и др. Генофонды абхазо-адыгских народов, грузин и армян в евразийском контексте // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. – 2013. – №2. – С. 49-62.

Тишков 2004 – *Тишков В.А.* Этническая общность [Электронный ресурс]. Большая российская энциклопедия: сайт. URL: https://bigenc.ru/ethnology/text/4916954 (дата обращения 08.06.2022).

Хуснутдинова 2013 – *Хуснутдинова Э.К.* Этногеномика // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2013. – Том 17. – № 4/2. – С. 943-956.

Хуснутдинова и др. 2012 – *Хуснутдинова Э.К.* и др. Генофонд этнических групп Кавказа по данным комплексного исследования Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и полногеномного анализа // Генетика. – 2012. – Том 48. – № 6. – С. 750–761.

Юсупов и др. 2017 – *Юсупов Ю.М., Балановская Е.В., Сабитов Ж.М., Балановский О.П.* Комплексные исследования этногенеза: союз геногеографии и этнографии // Вестник антропологии. – 2017. – №2 (38). – С. 28-35.

Balanovsky et al. 2011 – *Balanovsky O.* et al. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region // Molecular Biology and Evolution. – 2011. – Vol. 28. – No. 10. – P. 2905-2920. doi:10.1093/molbev/msr126

Rüsen 2004 – *Rüsen J.* How to overcome ethnocentrism: Approaches to a culture of recognition by history in the twenty-first century // History and Theory. – 2004. – V. 43. – No. 4. – Theme Issue 43: Historians and Ethics (Dec., 2004). – P. 118-129.

Rüsen 2005 – *Rüsen J.* History: Narration, Interpretation, Orientation. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p.

REFERENCES

BALANOVSKAYA E.V., BALANOVSKII O.P. *Russkii genofond na Russkoi ravnine* [The Russian Gene Pool on the Russian Plain]. – M.: OOO «Luch», 2007. – 416 p. (In Russ.).

BALANOVSKY O. et al. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region // Molecular Biology and Evolution. – 2011. – Vol. 28. – No. 10. – P. 2905-2920. doi:10.1093/molbev/msr126

BALANOVSKII O.V., ZAPOROZhChENKO V.V. *Khromosoma-letopisets: datirovki genetiki, sobytiya istorii, soblazn DNK-genealogii* [Chromosome as a Chronicler: Genetic Dating, Historical Events, and DNA-Genealogic Temptation]. IN: Genetika – 2016. – Vol. 52. – No. 7. – P. 810-830. (In Russ.).

BOGOTOVA Z.I. *Izuchenie geneticheskoi struktury populyatsii kabardintsev i balkartsev* [Study of Genetic Structure of Populations of Kabardins and Balkars]. Avtoreferat diss. … kand. biol. nauk. – Ufa, 2009. – 25 p. (In Russ.).

DZhAUBERMEZOV M.A. i dr. *Geneticheskaya kharakteristika balkartsev i karachaevtsev po dannym ob izmenchivosti Y-khromosomy* [Genetic Characterization of Balkars and Karachays According to the Variability of the Y-Chromosome]. In: Genetika. – 2017. – Vol. 53. – No. 10. – P. 1224–1231. DOI: 10.7868/S0016675817100034 (In Russ.).

DIBIROVA Kh.D. *Rol' geograficheskoi podrazdelennosti i lingvisticheskogo rodstva v formirovanii geneticheskogo raznoobraziya naseleniya Kavkaza (po dannym ob Y khromosome)* [The Role of Geographic Division and Linguistic Affinity in Forming of Genetic Diversity of the Caucasus Population (based on Y chromosome data)]. Avtoreferat diss. … kand. biol. nauk. – M., 2011. – 26 p. (In Russ.).

DIBIROVA Kh.D. i dr. *Geneticheskii rel'ef Kavkaza: chetyre lingvistiko-geograficheskikh regiona po dannym o polimorfizme khromosomy Y* [Genetic Relief of the Caucasus: Four Linguistic-Geographical Regions Retrieved from Data on Y Chromosomal Variation]. In: Meditsinskaya genetika. – 2010. – Vol. 9. – No. 10. – P. 9-18. (In Russ.).

ZUBKOV K.I. *Regional'naya istoriya: problemnoe pole i metodologicheskie perspektivy* [Regional History: Problem Field and Methodological Perspectives]. In: Istoriko-pedagogicheskie chteniya. – 2004. – No. 8. – P. 31-41. (In Russ.).

ZUBKOV K.I. *Mnogoetnichnaya istoriya Rossii v stadial'no-evolyutsionnom izmerenii* [A Multiethnic History of Russia in Phasic- Evolutional Dimension]. In: Istoriko-pedagogicheskie chteniya. – 2016. – No. 20-1. – P. 48-58. (In Russ.).

KOZLOV V.I. *Etnos* [Ethnos]. In: Etnicheskie i etno-sotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatii i terminov. Issue 6. – M.: IEA RAN, 1995. – P. 151-154. (In Russ.).

KUTUEV I.A. *Geneticheskaya struktura i molekulyarnaya filogeografiya narodov Kavkaza* [The Genetic Structure and Molecular Phylogeography of Caucasus Peoples]. Avtoreferat diss. … dokt. biol. nauk. – Ufa., 2010. – 47 p. (In Russ.).

KUTUEV I.A. i dr. *Geneticheskaya struktura i molekulyarnaya geografiya populyatsii Kavkaza po dannym Y-khromosomy* [The genetic structure and molecular phylogeography of Caucasus populations based on Y chromosome data]. In: Meditsinskaya genetika. – 2010. – No. 3. – P. 18-25. (In Russ.).

LITVINOV S.S., KhUSNUTDINOVA E.K. *Sovremennoe sostoyanie issledovaniĭ v oblasti etnogenomiki: polnogenomnyi analiz i odnoroditel'skie markery* [Current State of Research in Ethnogenomics: Genome Wide Analysis and Uniparental Markers]. In: Genetika – 2015. – Vol. 51. – No. 4. – P. 503-516. (In Russ.).

MERKUR"EVA E.K. i dr. *Genetika populyatsii* [Genetics of Populations]. – M: FGOU VPO MGAVMiB, 2004. – 55 p. (In Russ.).

PEKhOV A.P. *Biologiya s osnovami ekologii* [Biology with the Basics of Ecology]. – SPb.: Izdatel'stvo «Lan'», 2000. – 672 p. (In Russ.).

Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti / Pod obshch. red. L.P. Repinoi [The Past for the Present: History / Memory and Narratives of National Identity. Ed. by Lorina Repina]. – M.: Akvilon, 2020. – 464 p. (In Russ.).

Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga / Pod obshch. red. L.P. Repinoi [Reconstructions of World and Regional History: universalism towards models of intercultural dialogue / Ed. by Lorina Repina]. – M.: Akvilon, 2017. – 560 p. (In Russ.).

REPINA L.P. *Istoriya regionov, ili «territoriya istorika» posle prostranstvennogo povorota* [History of the Regions, or “Historian’s Territory” After Spatial Turn]. In: Dialog so vremenem. – 2019. – No. 69. – P. 5-16. (In Russ.).

RÜSEN J. *Utrachivaya posledovatel'nost' istorii* [Loosing the order of History]. In: Dialog so vremenem. – 2001. – No. 7 – P. 8-26. (In Russ.).

RÜSEN J. How to overcome ethnocentrism: Approaches to a culture of recognition by history in the twenty-first century // History and Theory. – 2004. – V. 43. – No. 4. – Theme Issue 43: Historians and Ethics (Dec., 2004). – P. 118-129.

RÜSEN J. History: Narration, Interpretation, Orientation. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p.

SKALYaKhO R.A. *Genogeografiya tyurkoyazychnykh narodov Kavkaza, gruzin i armyan: analiz izmenchivosti Y-khromosomy* [Gene Geography of the Turkic-speaking Peoples of the Caucasus, Georgians and Armenians: Analysis of the Variability of the Y-chromosome]. Avtoreferat diss. … kand. biol. nauk. – M., 2013. – 24 p. (In Russ.).

SKALYaKhO R.A. i dr. *Tyurki Kavkaza: sravnitel'nyi analiz genofondov po dannym o Y-khromosome* [Turkic Speakers of the Caucasus: A Comparative Analysis of Their Gene Pools from the Y-Chromosomal Perspective]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya. – 2013. – No. 2. – P. 34-48. (In Russ.).

Sobytie v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti / Pod red. L. P. Repinoĭ [The Event in History, Memory and Narratives of Identity]. – M.: Akvilon, 2017. – 400 p. (In Russ.).

STEPANOV V.A., KhAR"KOV V.N., PUZYREV V.P. *Evolyutsiya i filogeografiya linii Y-khromosomy cheloveka* [Evolution and Phylogeography of Human Y-Chromosomal Lineages]. In: Informatsionnyi vestnik VOGiS. – 2006. – Vol. 10. – No. 1. – P. 57-73. (In Russ.).

TEUChEZh I.E. *Genofond abkhazo-adygskikh narodov, gruzin i armyan po dannym o poliformizme Y-khromosomy i familii* [Gene Pools of Abkhaz-Adyghe Peoples, Georgians and Armenians on the Variability of the Y-chromosome Data and Families]. Avtoreferat diss. … kand. biol. nauk. – M., 2013. – 25 p. (In Russ.).

TEUChEZh I.E. i dr. *Genofondy abkhazo-adygskikh narodov, gruzin i armyan v evraziiskom kontekste* [Gene Pools of Abkhaz-Adyghe, Georgian and Armenian Populations in Their Eurasian Context]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya. – 2013. – No. 2. – P. 49-62. (In Russ.).

TIShKOV V.A. *Etnicheskaya obshchnost'* [Ethnic Community] [Online resource]. In: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: site. URL: https://bigenc.ru/ethnology/text/4916954 (data obrashcheniya 08.06.2022). (In Russ.).

KhUSNUTDINOVA E.K. *Etnogenomika* [Ethnogenomics]. In: Vavilovskii zhurnal genetiki i selektsii. – 2013. – Vol. 17. – No. 4/2. – P. 943-956. (In Russ.).

KhUSNUTDINOVA E.K. i dr. *Genofond etnicheskikh grupp Kavkaza po dannym kompleksnogo issledovaniya Y-khromosomy, mitokhondrial'noi DNK i polnogenomnogo analiza* [Gene Pool of Ethnic Groups of the Caucasus: Results of Integrated Study of the Y Chromosome and Mitochondrial DNA and Genome-Wide Data]. In: Genetika. – 2012. – Vol. 48. – No. 6. – P. 750–761.

YuSUPOV Yu.M., BALANOVSKAYa E.V., SABITOV Zh.M., BALANOVSKII O.P. *Kompleksnye issledovaniya etnogeneza: soyuz genogeografii i etnografii* [The Complex Studies of Ethnogenesis: Collaboration of Gene Geography and Ethnography]. In: Vestnik antropologii. – 2017. – No. 2 (38). – P. 28-35. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.Kh. Borov – candidate of sciences (history), associate professor.

Статья поступила в редакцию 02.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 18.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 02.07.2022; approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-41-65
EDN: AXSXOI

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАБАРДЫ (XVI–XVIII вв.)

Юзанна Мартиновна Азикова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, i.azikova@kbsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8901-8861

Аннотация. В работе анализируются пути реконструкции и концептуализации традиционной организации общества и власти Кабарды XVI–XVIII вв. Исследуются особенности представления в обобщающих трудах стадиально-типологических характеристик традиционного общества кабардинцев в комплексе социо-пространственных, социально-экономических и потестарно-политических условий развития. В качестве ключевых проблем, находящихся в фокусе исследовательского внимания, выделяются демографический, территориальный и хозяйственно-экономический факторы общественно-политического развития. Отмечается в целом противоречивость характеристики общественного строя средневековых северокавказских обществ в историографии, представленной в сводной картине истории «горского феодализма». Обнаруживается тенденция сведения анализа социальной организации кабардинцев к проблематике «особенностей» и «уровня» развития «кабардинского феодализма». В качестве трудно решаемой задачи акцентируется потестарно-политическая идентификация Кабарды XVI–XVIII вв. с точки зрения организационно-управленческих форм институционализации власти. Вместе с тем обращается внимание на развитие плодотворных традиций отечественной и зарубежной историографии, связанных с изучением ранних форм государственности и институциональных альтернатив и аналогов государству. Удачные трактовки общественной организации традиционного кабардинского общества и формы институционализации власти связываются с современными политантропологическими концепциями, в рамках которых дается оценка уровня развития рассматриваемых традиционных и архаичных общностей в процессе исследования степени сложности идеологической, экономической, социальной, демографической, территориальной составляющих.

Ключевые слова: Кабарда XVI–XVIII вв.; территориальные рамки; численность населения; социальная дифференциация; хозяйственно-экономическое развитие; общественный строй; феодализм; система власти; институционализация власти; уровень сложности.

Для цитирования: Азикова Ю.М. Проблемы концептуализации традиционной общественной организации Кабарды (XVI–XVIII вв.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 41-65. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-41-65. EDN: AXSXOI.

© Азикова Ю.М., 2022

Original article

THE CONCEPTUALIZATION PROBLEMS OF TRADITIONAL SOCIAL ORDER IN KABARDA (XVI–XVIII centuries)

Yuzanna M. Azikova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchick, Russia, i.azikova@kbsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8901-8861

Abstract. This paper analyzes the ways of reconstruction and conceptualization of the traditional organization of society and power of Kabarda in the 16th–18th centuries. This work studies features of the presentation in the generalizing works of the stage-typological characteristics of the traditional society of Kabardians in the complex of socio-spatial, socio-economic and potestary-political conditions of development. Demographic, territorial and economic factors of social and political development are emphasized as key problems, being the focus of the research attention. The inconsistency of the characteristics of the social system of medieval North Caucasian societies in historiography, presented in a summary picture of the history of "mountain feudalism", is noted. There is a tendency to reduce the analysis of the social organization of Kabardians to the problems of "features" and "level" of development of "Kabardian feudalism". Potestary-political identification of Kabarda in the 16th–18th centuries in the sense of organizational and governance forms of institutionalization of power is emphasized as a problem that is difficult to solve. Also, attention is drawn to the development of fruitful traditions of domestic and foreign historiography associated with the study of ancient forms of statehood and institutional alternatives and analogues to the state. Successful interpretations of the social organization of traditional Kabardian society and forms of institutionalization of power are associated with modern political anthropological concepts, within which an assessment is made of the level of development of the considered traditional and archaic communities in studying complexity of the ideological, economic, social, demographic, and territorial components.

Keywords: Kabarda XVI–XVIII centuries; territorial limits; population; social differentiation; economic development; social order; feudalism; power system; institutionalization of power; difficulty level.

For citation: Azikova Yu.M. The conceptualization problems of traditional social order in Kabarda (XVI–XVIII centuries). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – С. 41-65. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-41-65. EDN: AXSXOI.

© Azikova Yu.M., 2022

Изучение общественного строя традиционного кабардинского общества в XVI–XVIII вв. сопряжено с системным представлением исторического процесса в политических, социально-экономических и культурно-идеологических измерениях. По большинству из указанных аспектов на протяжении очень длительного исторического времени, охватывающему целый ряд периодов, не прослеживается «прогрессивная» историческая динамика, ведущая к качественным переменам стадиального порядка. При этом соотношение социально-территориальной и территориально-политической организации Кабарды всегда было сложным и на протяжении большей части истории динамичным и неустойчивым. Вместе с тем уровень развития общественного строя традиционного кабардинского общества оценивается с учетом демографической и территориальной масштабности, социально-экономической и политической сложности.

Кабарда как социо-пространственное образование: проблемы реконструкции

С конца XIV – начала XV в. кабардинцы образуют восточную группу адыгов. Значительная подвижность их поселений нередко существенно и в короткие сроки изменяла область их расселения. В первой пол. XVI в. кабардинцы занимают районы Пятигорья и другие земли на запад от среднего течения Терека. С конца XVI в. они появляются на правобережье Терека и занимают выходы

из осетинских и ингушских ущелий. В XVII в. Кабарда включала две крупные области – Большую Кабарду (от Малки до Уруха) и Малую (от Уруха до Среднего Терека и правому берегу Терека) [История народов… 1988: 277]. Помимо этого, часть адыгов-кабардинцев к XVIII в. освоили земли по р. Сунже, на Кумыкской равнине. В источниках иллюстрируется ситуация перманентных передвижений кабардинских поселений.

На рубеже XVII–XVIII вв. Большую Кабарду образовывали Жамболатов, Атажукин и Мисостов княжеские уделы [Налоева 1972: 72]. Малая Кабарда включала княжеские уделы Гилахстаней (Мударовы и Ахловы кабаки от Сунжи до Курпа) и Толостаней (кабаки Тау-Султана от Лескена до Курпа). Толостаней также известна как Шолохова Кабарда – Средняя Кабарда [Бесланеев 1993: 22].

С точки зрения В.Х. Кажарова, для советского исторического адыговедения было характерно сознательное сужение территории Кабарды в XVI–XVIII вв. в оправдание колониальной политики России, аннексировавшей значительную часть территории Кабарды под видом освоения «никому не принадлежащих земель». В.Х. Кажаров отмечал, что для выявления реальной динамики этнической и политической карты феодальной Кабарды следует учитывать специфику внутренних миграций. Также важно понимать, что политические границы Кабарды, помимо этнической территории и собственно кабардинских поселений, охватывали и пространство отдаленных хозяйственных угодий [Кажаров 2014: 570]. «Границы феодальных владений были твердо фиксированы, и обычное право строго регламентировало процессы переселения», заключил В.Х. Кажаров. Тем не менее определенности в вопросе о точных границах Кабарды и единообразия их описания в источниках не наблюдается. И проблема заключается не только в субъективности очерчивания границ в имеющихся источниках, но и в объективной подвижности территориальных рамок кабардинской политии. Исторический процесс образования восточноадыгской территориально-политической единицы являет собой историю постепенных миграций и освоения новых земель. Следует ли утверждать, что миграционные процессы, имея в виду внешнюю миграцию, прекращаются непременно к началу XVI в. и границы Кабарды «замораживаются» на три столетия? Вероятно, изменения границ происходили как в сторону расширения, так и сужения на отдельных направлениях. Образование Кабарды, как отдельной территориально-политической единицы, сопряжено с фиксированием ее границ. Вместе с тем важно учитывать исторический контекст существования традиционного кабардинского общества в XVI–XVIII вв. Границы защищались с помощью силы, а не прочными договоренностями и международным правом. В отличие от зрелых государств нового и новейшего времени, границы северокавказских политий XVI–XVIII вв. не были четкими, определенными и неизменными.

Определение территориальных рамок Кабарды XVI–XVIII вв. связано с проблемами соотношения этносоциальной структуры и потестарно-политической организации территорий Центрального Кавказа и взаимосвязи этнического и территориально-политического в истории Кабарды. В.Х. Кажаров решал данные проблемы посредством выявления особенностей политической системы кабардинского феодального общества и определения его

государственного устройства. Он пришел к заключению, что «Кабарда по своему государственному устройству являлась малой феодальной империей, объединявшей различные этносоциальные и политические организмы под властью одного княжеского дома Иналовичей» [Боров и др. 1999: 10].

Вместе с тем концепт Кабарды как «малой феодальной империи» вызывает определенные вопросы. Во-первых, они связаны с соответствием предлагаемой конструкции известным характеристикам империи. Классические средневековые империи отличал верховный сюзеренитет определенного субъекта власти. Когда же мы говорим о Кабарде как «малой феодальной империи», чрезвычайно трудно или зачастую невозможно определить этот верховный субъект власти. Кабарда в целом характеризовалась полицентризмом и множественностью и многоуровневостью связей с иноэтничным окружением в пределах Центрального Кавказа. Не поддается четкому конструированию система социопространственных связей центра и периферии. Очевидно, что на материале Кабарды мы не наблюдаем централизованную государственную структуру. «Кабардинский этнический социум» [Боров и др. 1999: 10–11], но не какие-либо государственные институты, являлся центром «империи».

Во-вторых, предлагаемый концепт ставит во главу угла этническое измерение отношений господства и подчинения в феодальной «империи». Но феодальные отношения «надэтничны» по определению. Средневековые империи вообще являлись специфическим явлением универсалистского характера. Правители этих империй имели претензию на абсолютное верховенство, когда над ними не стоял никто выше. Они заключали в себе идею преемственности с великими империями (например, Римской) и идею создания собственного единого мира с особой культурной и цивилизационной спецификой. С другой стороны, неправомерно применительно к рассматриваемой эпохе выделять «народ» как субъект политических отношений. Сомнительна тождественность «этносоциальных и политических организмов» Центрального Кавказа и «народов» в современном понимании этого слова. Очевидна невозможность отождествления «государственного устройства Кабарды» как со структурой кочевых империй, так и со структурой колониальных империй. Несоответствие такого рода интерпретаций исторической реальности Центрального Кавказа и искусственность подобных аналогий очевидна и не требует излишних пояснений.

Таким образом, границы Кабарды на протяжении XVI–XVIII вв. не были неизменными. Дискуссионными остаются и вопросы идентификации формата взаимоотношений кабардинских князей с представителями соседних этнических групп. Вместе с тем в источниках отмечается существование особой территориально-политической единицы под названием «Кабарда». Ее территория зачастую имела «плавающие» границы. Но в каждый определенный исторический период эти границы были общеизвестными, и сила кабардинских князей не позволяла представителям соседних этнических групп самостоятельно и свободно нарушать их.

Вопрос о численности населения решается в привязке к определенной территории. Для оценки уровня общественного устройства важен социально-демографический формат, т.е. плотность и особенности распределения населе-

ния на данной территории, пределы демографического давления на нее, определяемые экологическими условиями и хозяйственно-культурным типом. Объективное состояние источников и сравнительная узость исследовательской базы вынуждают ограничиться здесь самыми общими либо фрагментарными суждениями и оценками.

Кабарда в рассматриваемое время была раздроблена. Наиболее крупным в Большой Кабарде было владение Алегукиных. В «Алегукину Кабарду» входило 50 селений. В них проживали уорки числом 1 тыс. человек и простонародье численностью 2 тыс. с лишним человек. Согласно ландкарте 1744 г. и комментариям к ней 1753 г., именно в Большой Кабарде располагались большинство поселений – 75 деревень и 8 укрепленных дворов. В Малой Кабарды – 45 деревень и 2 двора [Кабардино-русские… 1957: 114–116, 194–196]. Анализ материалов по составу семей, числу и размеру поселений, численности воинского контингента, позволяет исследователям определять численность населения Кабарды на протяжении XVIII в. в 350–450 тыс. человек [Дзамихов 2001: 75–76], 260–350 тыс. человек [Гугов 1999: 50–51]. По иным оценкам, на исходе XVIII в. кабардинцев насчитывалось около 120 тыс. чел. [Кабузан 1996: 145; Кожев 1998: 119].

В 1809 г. пристав Кабарды генерала И.П. Дельпоццо писал, что по сравнению с концом XVIII в. численность кабардинцев «сократилось более чем в 10 раз». Авторы первой половины XIX в. приводили свои цифры относительно численности кабардинцев. Так Хан-Гирей писал о 42 тыс., К.Ф. Сталь – о 45 тыс., Кох – о 43 тыс. человек [Гарданов 1967: 42]. Анализ приведенных данных с учетом замечания Дельпоццо позволяет предполагать соответствие историческим реалиям иллюстрируемой исследователями картины сокращения населения с нескольких сотен тысяч до нескольких десятков тысяч человек.

Как видно, диапазон мнений в исследовательском сообществе относительно численности кабардинцев достаточно широкий. Вместе с тем демографическая масштабность традиционного кабардинского общества на протяжении XVI–XVIII в. оценивается учеными как достаточная для формирования сложного стратифицированного общества. Традиционное кабардинское общество было глубоко стратифицированным и иерархизированным. Кабардинские князья возглавляли сословно-иерархическую структуру общества. Первостепенные дворяне – «тлекотлеши» и «дыжиниго» являлись вассалами князей. Они, как и князья, владели землей на вотчинном праве [Думанов 1990: 134; Калмыков 2007: 14]. Наиболее многочисленными дворянскими сословиями были служилые дворяне. Княжеские служилые дворяне, получившие название беслан-уорков в честь кабардинского князя Беслана Жанхотова, составляли главную военную опору его власти. Беслан-уорки – категория «потомственных незнатных дворян, находившихся в прямой вассальной зависимости от князей» [Кажаров 1994: 187]. Уорк-шаотлугусы служили тлекотлешам и дыжиниго [Думанов 1990: 140–141]. Кроме того, князья набирали из числа зависимых крестьян вооруженную стражу – пшикеу, исполнявшие при князе функции полицейских и судебных исполнителей [Кажаров 1994: 187].

Все дворяне-уорки княжеского владения несли вассальную службу. Они обязаны были появляться перед князем при первом его зове, готовые к выполнению вассальных обязанностей. Более того, если требовала ситуация, дворяне должны были приводить с собой на помощь князю и своих подданных [Гарданов 1967: 165]. Согласно свидетельствам источников, сеньориально-вассальные связи скреплялись «орктин» – дворянским подарком, который передавался уоркам-вассалам от пши-сюзеренов. Дворянский подарок мог включать и земельные пожалования. Землей в уделе распоряжался в первую очередь старший пши фамилии, а остальные – младшие пши фамилии «должны жить при том их большем брате и содержание свое получать от него, и для того быть у него в послушании» [Кабардино-русские… 2007: 231].

Основную массу населения Кабарды составляло зависимое крестьянство (тлхукотли, азаты, оги, лагунапыты, унауты). В системе отношений управители/управляемые все крестьяне относились к категории «управляемые» и в целом являлись «единственными производителями материальных благ» [Гарданов 1967: 195] в традиционном кабардинском обществе.

Демографический фактор общественно-политического развития, таким образом, столь же амбивалентен, как и фактор территориальный. Оценка его значимости для Кабарды опосредована анализом хозяйственных основ существования общества.

Хозяйственные основы и природа социальной организации

В XVI–XVIII вв. сельское хозяйство на Северном Кавказе развивалось на основе традиционного разделения труда. Земледелие в Кабарде являлось довольно экстенсивным и играло второстепенную роль в хозяйстве по сравнению со скотоводством. Кабардинцы практиковали переложно-залежную систему полеводства, что способствовало частой смене пахотных земельных участков. Это обстоятельство отразилось в распространенной их характеристике в качестве кочевого или по меньшей мере полукочевого народа. В Кабарде не было городов с торгово-ремесленным населением. В крестьянской среде развивалась домашняя промышленность, удовлетворявшая нужды самих крестьян и феодалов. Были специализированы добыча металлов, металлообработка и оружейное дело [История КБ АССР… 1967: 102].

Тенденции и результаты хозяйственно-экономического развития традиционного кабардинского общества характеризуются следующими моментами: во-первых, хозяйственно-экономическая система традиционного кабардинского общества качественно не изменялась. Исследования на эту тему не позволяют говорить о прогрессивной динамике. Зачастую наблюдается регресс, спровоцированный катастрофическими внешними воздействиями; во-вторых, ведущей отраслью хозяйства являлось скотоводство, а не земледелие; в-третьих, существовали механизмы «изъятия» производимого прибавочного продукта в достаточном объеме для содержания правителей-князей, дворян и определенного управленческого аппарата. Несмотря на то что в развитии хозяйства не наблюдалось прогрессивных тенденций и прорыва в увеличении объемов производства и производительности труда, традиционное кабардинское общество было

глубоко стратифицированным, а иерархические связи в среде благородных сословий описываются в рамках концепции феодализма.

Характеристика общественного строя средневековых северокавказских обществ в советской историографии была отмечена определенными противоречиями. Показательна сводная картина истории «горского феодализма», представленная в итоговом для советской историографии обобщающем труде [История народов… 1988: 109, 132, 144, 170, 231–233, 283, 387, 397].

С одной стороны, развитие процессов феодализации фиксировалось на весьма ранних этапах средневековой эпохи. С другой стороны, процесс становления феодальных отношений на Северном Кавказе в целом, а не только в его горных районах, оказывался невероятно растянутым. Развитие феодализма в XVI–XVII вв. сопровождалось децентрализацией политической власти владетелей, ростом фамильной собственности феодалов и феодальной раздробленностью. Для XVIII в., отмечалась неравномерность развития социального строя народов Северного Кавказа. Причем применительно к развитию Кабарды в XVIII в. признавался достаточно высокий уровень развития феодальных отношений.

В целом советская историография с неизбежностью сводила анализ социальной организации народов Северного Кавказа к проблематике «особенностей» и «уровня» развития феодализма в регионе в целом и в рамках отдельных этносоциальных организмов.

В первом случае отмечались медленные темпы процесса феодализации, устойчивость сельской территориальной общины и патриархально-родовых отношений. Наблюдалось сохранение укрепление общины (преобразование в союзы общин). Отмечалась неравномерность развития феодальных отношений как по всему Северному Кавказу, так и в рамках отдельных этнических общностей. Рабство носило патриархальный характер и внедрялось не во все сферы производства. На Северном Кавказе не было крупных феодальных хозяйств и, соответственно, отсутствовала барщина. Следствием этого являлось отсутствие жестких форм внеэкономического принуждения. Замедленность темпов развития феодальных отношений связывалась с нашествием татаро-монголов, Тимура и др. завоевателей.

Во втором случае указывалось, что феодальные отношения на Северном Кавказе вызревали внутри родоплеменных отношений и маскировались родовыми и общинными учреждениями и институтами. Подобные отношения идентифицировались как феодально-патриархальные, поскольку их развитие определялось сплетением феодальных отношений с пережитками. Отмечая ведущую роль феодальных отношений, подчеркивалась подчиненность патриархально-родовых и первобытнообщинных отношений в общественном строе народов Северного Кавказа. Наличие у народов Северного Кавказа значительной категории неокончательно закрепощенного, полусвободного крестьянства представлялось важным фактором недостаточно высокого уровня развития феодализма.

Знаковыми фигурами дискуссий о «кабардинском феодализме» стали Л.И. Лавров и Е.Дж. Налоева. Л.И. Лавров оспорил традиционную точку зрения об отражении социального строя в формах земельной собственности. Ученый отмечал отсутствие определенности «в вопросе о землевладении при феодализме.

Кавказские материалы склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда». Согласно тезису Л.И. Лаврова, у кабардинцев, «обитавших на достаточно обширных степных просторах», не были развиты представления о земельной собственности. «Говоря о повсеместном распространении на средневековом Кавказе земельной собственности (феодальной, общинной и частнокрестьянской), – отмечал Л.И. Лавров, – мы обычно находимся под впечатлением европейского варианта феодализма, породившего представление, будто главное в феодализме – феодальная собственность на землю. Экономическая мощь господствующего класса в Средние века не всегда и не везде базировалась на землевладении. Немалую роль играли военные трофеи, торговые пошлины (в основном на важных путях сообщения и в портовых городах) и особенно дань, которую взимали не только с земледельцев, но и с ремесленников, купцов и других слоев населения [Лавров 1978: 26–27]. Ученый указывал, что «предстоит разобраться, позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента являлась непременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» [Лавров 1978: 28].

Е.Дж. Налоева выступила с резкой критикой концепции Л.И. Лаврова о «безземельном феодализме» [Налоева 1980]. С точки зрения Е.Дж. Налоевой, «существование или отсутствие земельной собственности не столько зависит от уровня развития социальных отношений, сколько сам уровень социальных отношений зависит от наличия или отсутствия земельной собственности». Кабардинский феодализм представлялся Е.Дж. Налоевой завершенным, близким в своих основаниях к классическим формам (хотя и не без «горских» особенностей). Основой феодальных отношений виделась феодальная земельная собственность, обеспечивавшая иерархические связи кабардинской аристократии.

Таким образом, ученый спор Л.И. Лаврова и Е.Дж. Налоевой во многом показателен. С одной стороны, несомненны иерархические связи покровительства-верности, бытовавшие в среде благородных и определявшие характер общественного строя, с другой – очевидны непреодолимые концептуальные сложности оперирования классической концепцией феодализма, с подведением земельной основы под социальные связи. Ранее выхода в свет работы Л.И. Лаврова (1978), ученые-медиевисты в своих трудах уже поднимали дискуссионные вопросы относительно сущности концепции феодализма и ее применимости к конкретной исторической реальности. Такова, к примеру, монография А.Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (1970) [Гуревич 1999]. Ко времени публикации труда самого Л.И. Лаврова, отечественные и зарубежные медиевисты отказались от практики сведения феодальных отношений исключительно к поземельным связям. Дискуссии вокруг положений работы Сьюзан Рейнолдс «Феоды и вассалы» [Reynolds 1994; Гуревич 2006] вообще заставляют сомневаться в дальнейшей необходимости оперировать концептом «феодализм». Сьюзан Рейнолдс «доказала, например, что статус вассала необязательно предполагал обладание феодами, что далеко не все вассалы и даже не

все обладатели феодов принадлежали к элите общества, что наряду с вассалами в верности сеньору или государю в те времена могли клясться и другие люди, что не все приносимые клятвы были клятвами верности, что феод порой не так уж сильно отличался от других форм держания, что порой неясно даже его отличие от аллода, что обладание феодом далеко не всегда было обусловлено несением военной службы в пользу сеньора или автоматически предусматривало юрисдикцию над жителями данной территории...» [Филиппов 2015: 9]. Вместе с тем критик концепции С. Рейнолдс И.С. Филиппов, осуществив подробный анализ содержания работы «Феоды и вассалы» и отдавая должное отдельным интересным заметкам С. Рейнолдс, считает несостоятельными ее попытки отрицания правомерности дальнейшего использования концепции феодализма. Так И.С. Филиппов отмечает, что в современном французском научном сообществе «в феоде, как правило, видят институт публичного права, не право собственности на землю, а обусловленное службой право на доход с нее, чаще всего (но необязательно) выраженный в платежах публичного характера». По мнению И.С. Филиппова, при всех недостатках понятия «феодализм», «прежде всего семантических (феод имеет мало общего с внутренним миром сеньории) и историографических (в том числе сведение его к эксплуатации зависимых крестьян, характерное для большинства советских, … и современных российских историков), оно все же помогает осмыслить средневековое общество в единстве вассально-ленных и сеньориальных отношений, каковые, впрочем, средневековое общество не исчерпывали». И.С. Филиппов склоняется к мысли о неслучайности совпадения сеньории и феода в эпоху Средневековья. И именно в данную эпоху, по мнению ученого, всевозможные отношения зависимости играли заметно большую роль, нежели когда бы то ни было в истории [Филиппов 2015: 46–47].

Колоссальный труд в исследовании сущностно-стадиальных характеристик традиционного кабардинского общества и его институтов с привлечением практически всей доступной эмпирической базы, с опорой на принцип историзма и весьма диалектичную, комплексную методологию анализа осуществил В.Х. Кажаров. В исследовании адыгской сельской общины В.Х. Кажарова самобытные черты общественного строя адыгов рассматривались как внутренне присущие адыгскому феодальному обществу, но отнюдь не в качестве показателей отсталости [Кажаров 1982: 7–8; Кажаров 1992: 8–10]. Своеобразие адыгского общественного строя, не отвечавшее в полном объеме концептуальным схемам, выработанным на европейском материале, не служило в рамках его интерпретации фактором отрицания определенного уровня сложности изучаемого строя.

В.Х. Кажаров рассматривает вотчину как базовый структурный принцип социальной организации кабардинского общества. И вотчина, согласно концепции ученого, связана с особенностями общественно-политического строя. Это проявлено в феномене власти-собственности, когда политическая власть и земельная собственность соединены. Кабардинский князь в своих владениях не только являлся верховным земельным собственником, но и обладал всей полнотой власти [Кажаров 1994: 178].

В.Х. Кажаров доказывал «предельное» развитие вотчинного структурного принципа в кабардинском обществе. Кабардинский феодализм как социально-экономическая система оценивается как развитой феодализм. Ученый полагал, что вотчинники во время выполнения сельскохозяйственных работ тоже интегрировались в общинную жизнь, выполняя защитные функции. Тем самым они вносили свой вклад в успешное осуществление общего дела. Земля при этом находилась в собственности владельца деревни и деревенских земель – вотчинника. Элемент «самоуправления» общины допускался феодалами-вотчинниками только во время сельскохозяйственных работ. Стабильность производства и регулярность поступления податей напрямую зависели от успешного осуществления полевых работ [Кажаров 1994; Кажаров 1980; Кажаров 1981; Кажаров 1982; Кажаров 1986; Кажаров 1992; Кажаров 2007].

В качестве органичных составных частей адыгского феодального общества В.Х. Кажаров рассмотрел и традиционные институты общественной саморегуляции (гостеприимство, куначество, покровительство, аталычество, кровная месть) [Адыгская… 2006: 154–162]. Несоответствие активного бытования традиционных институтов общественной саморегуляции схеме развитых феодальных отношений не выливались у него в теоретизирования по поводу «пережитков». Напротив, «пережитки» образовывали в его историческом повествовании основу своеобразия системы, которого не могло не быть. Примечательно и непреложное рассмотрение традиционных институтов общественной саморегуляции «в динамике». Первоначальный формат возникновения института, его структурно-функциональная наполненность неизменно подвергались В.Х. Кажаровым переосмыслению, соответственно новым реалиям их функционирования в каждую из рассматриваемых им периодов.

Специфика политогенеза и системы власти

Анализ процессов социальной стратификации в северокавказских обществах под углом зрения их соотношения с процессами политогенеза позволяет прийти к некоторым заключениям. Прежде всего, классогенез здесь вряд ли можно рассматривать в качестве единственного необходимого условия, «базиса» либо причины формирования политической «надстройки». Классогенез и политогенез представляют собой не различные и внешние по отношению друг к другу линии социальной эволюции, а единый процесс становления сложного стратифицированного общества. Далее, характерной чертой социально-экономической и властно-управленческой организации традиционного кабардинского общества являлось сочетание кровнородственных и территориальных принципов. Данное обстоятельство в рамках глобальных концепций общей социальной эволюции дает основание говорить об «отсталости» местных обществ, об их отягощенности «патриархально-родовыми пережитками», т.е. чертами первобытности. Но гораздо важнее принять во внимание высокую функциональность специфических черт социально-политической организации, обеспечивавших на протяжении тысячелетия их «выживание» и адаптацию к неблагоприятным природно-климатическим условиям высокогорья, с одной стороны,

и к динамичной и агрессивной социально-политической среде равнинного Предкавказья – с другой.

Оценка и сопоставление степени значимости факторов политогенеза для кабардинского общества позволяют отметить примат военного фактора. Очевидно, непрерывная внешняя угроза активизировала становление и развитие военно-иерархических систем, ставших основой образования управленческой структуры в обществе и обусловивших заполненность всех ниш социума элементами военной организации. Неслучайно, К.Ф. Дзамихов обращает внимание на проживание адыгов в активной геополитической зоне. «Особенностью государственно-политического устройства этого периода, – отмечает автор, – являлась также совмещенность военной организации и социальной структуры традиционного адыгского общества» [Дзамихов 2008: 442–443]. Самое активное влияние на особенности военно-иерархических структур и системы власти адыгов оказали ираноязычные и тюркоязычные племена, входившие в соприкосновение с автохтонным населением Кавказа на протяжении I тыс. до н.э. – середины II тыс. н.э. Исторический материал показывает, что из отмечаемых политантропологами путей политогенеза военный путь господствовал как в общеисторическом масштабе, так и в масштабах Северного Кавказа [Куббель 1988: 134–135; Гутнов 2000: 10].

В дореволюционной историко-этнографической литературе и в советской историографии общественный строй Кабарды XVI–XVIII вв. интерпретировался с учетом амбивалентной взаимосвязи социально-экономической системы и структур власти и управления. Уровень общественно-политического развития неизменно трактовался в связи с уровнем социально-экономического развития традиционного кабардинского общества XVI–XVIII вв.

Авторы XIX в., писавшие о горцах Северного Кавказа, отождествляли общество и государство. В своих работах они отмечали отсутствие у племен и народов Северного Кавказа правительственных институтов и администрации, создавая впечатление о царящей здесь анархии. Вместе с тем эти же авторы пытались анализировать внутреннее управление изучаемых народов, формы правления в их среде [Боров 2009]. Еще в дореволюционной историографии сформировалась практика использования понятий, относящихся к европейской политической теории, к интерпретации управленческих структур кавказских общностей [Гильденштедт 1809; Броневский 1999]. И по сей день исследователи оперируют понятиями «аристократическое», «республиканско-аристократическое» либо «монархическое» правление применительно к кабардинской политической истории. Употребление подобных дефиниций детерминируется спецификой системы власти и управления традиционного кабардинского общества, выявляемой после соответствующего анализа особенностей управленческой практики исторической Кабарды. Кавказоведы второй половины XIX в. сконцентрировали свое внимание на изучении и сопоставлении феодального строя и родового строя на северокавказском историческом материале [Ковалевский 1883; Ковалевский 1890; Леонтович 2002; Материалы… 1956; Гаврилов 1869]. Интерпретация общественного строя традиционной Кабарды в дореволюционном кавказоведении осуществлялась с разных позиций, не наблюдалось

единства мнений по ключевым вопросам. Н. Дубровин, Ф.И. Леонтович, Е. Максимов и Г. Вертепов склонялись к мысли о господстве патриархально-родовых отношений у кочевого и полукочевого населения Кабарды. Данная группа авторов отрицала наличие в Кабарде политической системы управления и государственности. Советские исследователи (С.И. Месяц, В.П. Пожидаев, А.И. Краснов, И.Ф. Мужев, Т.Д. Боцвадзе), упрекая вышеназванных авторов за их попытку принизить уровень общественного развития кабардинцев сами фактически оказались на критикуемой ими позиции. Напротив, С. Броневский, К. Сталь, М. Ковалевский, Ш. Ногмов и В. Кудашев указывали на наличие в Кабарде некой системы управления и приводили ее характеристики [Налоева 1972: 70].

Одной из ключевых исследовательских проблем советского кабардиноведения стала концепция феодализма и возможности изучения исторических реалий традиционного кабардинского общества с использованием данной концепции. Разворачивались ученые споры относительно наличия либо отсутствия феодализма в дореформенной Кабарде, относительно уровня развития феодализма, относительно особенностей его формирования. Любые обсуждения вопросов социально-экономического и политического Кабарды неизменно сводились к противопоставлению феодальной раздробленности и централизованного государства. Там, где ученые фиксировали высокий уровень развития феодальных отношений с элементами раздробленности, проблематично было усматривать и наличие сильного централизованного государства. Вместе с тем отрицание государственной природы кабардинской политии тоже вызывало много вопросов ввиду достаточно высокой степени сложности ее общественно-политического развития [Гарданов 1967: 178; Кокиев 2005: 424; Смирнов 1948: 27–28; Кумыков 1959: 73; Кумыков 1965: 33; Кушева 1963: 129; Тхамоков 1961: 176; Боцвадзе 1965: 103].

В подобной ситуации новаторский вклад в изучение политического развития Кабарды был сделан Е.Дж. Налоевой. По сути, она развила прогрессивную практику изучения политического устройства Кабарды XVI–XVIII вв. с точки зрения анализа институциональной структуры политической системы. Е.Дж. Налоева осуществила анализ всей системы властных институтов на всех уровнях кабардинского общества. Основное свое внимание она сосредоточила на «уделе» – самостоятельном феодальном владении. Проведенный анализ позволил ей сформулировать вывод о том, что «княжеские уделы Кабарды первой половины XVIII в. носили характер феодальных государств со своей территорией, подвластным населением, определенным числом вассалов, судом, войском и др. атрибутами сеньории» [Налоева 1973: 14–17]. Также Е.Дж. Налоева осуществила анализ функций органов власти Кабарды в целом – хасы, старшего князя и суда (хей). Вместе с тем она отмечала феодальную раздробленность в Кабарде, перманентную борьбу уделов за гегемонию и стремление к объединению уделов.

Определяя общественно-политическое положение княжеской корпорации (монарший род) в Кабарде, В.Х. Кажаров исходил из постижения особенностей отношения субъектов власти (князья) к ее объектам (подвластное население);

формата взаимодействия князей в рамках корпорации (коллегиальность, «справедливый раздел власти и собственности между «братьями-князьями» [Боров и др. 1999: 14]); последствий непрерывного воспроизводства подобного формата взаимодействия (стагнация общественно-политической системы) и т.д.

Свое внимание В.Х. Кажаров сосредоточил на общекабардинских (в рамках Большой Кабарды) институтах власти и управления [Кажаров 1994: 221].

Особый интерес вызывают изыскания ученого, посвященные кабардинской «хасе». В.Х. Кажаров выдвинул тезис о том, что Кабарда это сословно-представительная монархия в форме федеративной княжеской республики [Кажаров 1994: 267]. Согласно заключению В.Х. Кажарова, хаса являлась сословно-представительным собранием, прошедшим эволюцию от стадии двухпалатного собрания до стадии трехпалатного собрания со второй половины XVIII в. Исследователь выделил четыре вида хасы: «1) в уделе, 2) в партии (включавшей два удела), 3) при объединении трех уделов и, наконец, 4) общекабардинскую хасу, вернее, хасу Большой Кабарды» [Кажаров 1994: 205–207, 230].

В.Х. Кажаров обнаруживает возрастающую дезинтеграцию кабардинского общества с середины XVI до первой четверти XIX в., отмечает ослабление хасы и власти верховного князя. В целом социально-экономическое и политическое развитие кабардинцев в XVII–XVIII вв. исследователь определяет как стагнирующее, обусловленное сочетанием достижения пределов своего развития кабардинской вотчиной-общиной, воспроизводства архаического принципа наследования власти по боковой линии и наличия сословно-представительного собрания – атрибута развитого феодализма [Кажаров 1994: 228–230].

Исследователь также сформулировал интересное суждение относительно определения государственно-политического строя Кабарды в качестве республиканского или монархического в зависимости от рассмотрения строя в «горизонтальной» плоскости отношений между князьями или в «вертикальной» плоскости отношений между князьями и их подданными. В.Х. Кажаров полагал, что термины «монархия» и «республика» не исключают друг друга, поскольку первый относится к сущности политической организации Кабарды, а второй – к ее форме.

Среди исследователей истории Кабарды нет единства в определении того, что собой представляла хаса. Часть исследователей считают хасу в своей архаической основе народным собранием [Ногмов 1994: 73–74; Тхамоков 1961: 182; Кушева 1963: 120], другие усматривают в хасе сословно-аристократическое собрание [Налоева 1972: 79, 86], третьи доказывают, что хаса являлась сословно-представительным собранием [Кажаров 1994: 267].

Сущности хасы, на наш взгляд, не отвечает ни одно из приведенных обозначений. Хаса всей Кабарды, как и хаса нескольких уделов, представляли собой объединенное собрание княжеских съездов-советов и дворянских советов при князьях-сеньорах. Полицентрическая политическая система, воспроизводящая себя неизменно и являющаяся производной лествичного принципа наследования власти, обусловила тенденцию усиления совещательности в ущерб потенциям единоначалия. И хаса в подобной ситуации являла собой институт, обеспечивавший осуществление власти княжеского рода. С другой сто-

роны, феодальный контекст, наличие сеньориально-вассальных связей и обязательств предопределили участие в совещательном управленческом институте дворян – княжеских вассалов, реализовывающих свою обязанность и одновременно право – помощь сеньору советом. Основные черты данного института детерминировались корпоративными связями в княжеской и дворянской группах и отношениями господства и подчинения между пши и уорками. Природа становления и развития хасы заключала в себе противоречащие друг другу центростремительные и центробежные потенции, являвшиеся вместе с тем фактором устойчивости и неизменного самовоспроизводства системы власти и управления в Кабарде. Представляется, что хаса стала средоточием политической интеграции традиционного кабардинского общества.

Дальнейшее изучение и решение проблем общественно-политического развития Кабарды XVI–XVIII в. связано с научными трудностями эмпирического, концептуального и методологического характера.

Трудности эмпирического плана связаны с состоянием источниковой базы. Исследователи сталкиваются с проблемой отсутствия свидетельств, позволяющих изучить те или иные аспекты изучаемой темы. Так ранние этапы политогенеза у кабардинцев практически не отражены в имеющихся источниках. Но и даже тогда, когда ученые располагают письменными свидетельствами истории вызывающих интерес эпох, информация из источников может быть интерпретирована с весьма разных точек зрения. Известие из источника само по себе не гарантирует получение однозначных ответов на поставленные вопросы. Это усиливает ценность ретроспективного анализа, который накладывает на эмпирический материал ту или иную концептуальную схему.

Научные трудности концептуального плана можно проиллюстрировать несколькими примерами.

Во-первых, следует отметить определенное напряжение между характеристикой сословного статуса кабардинского князя и характеристикой его монархического статуса. Этот нюанс до сих пор не подвергся специальному анализу.

Во-вторых, тезис о типологическом сходстве кабардинской хасы с западноевропейскими сословно-представительными собраниями не доказан аналитически. Становление сословно-представительных собраний исторически было связано с процессом формирования централизованных государств. Вызывают вопросы возможности увязывания с теорией сословно-представительных собраний специфичность существования нескольких видов кабардинской хасы, участия князей на заседаниях хасы как отдельной палаты и пр. Требуется как-то согласовать составляющие тезиса о том, что Кабарда в целом и отдельные уделы представляли собой сословно-представительные монархии, и вместе с тем в сословно-представительных собраниях князья образовывали «палату монархов».

В-третьих, не вполне понятен переход от «удельного» на «общекабардинский» уровень анализа политической организации традиционного кабардинского общества. Обычно декларируется совпадение или подобие политического строя на удельном и общекабардинском уровнях. А при построении обобщений относительно политической организации Кабарды зачастую игнорируется фактическое отсутствие общей системы властных институтов Большой и Малой Кабарды.

В методологическом плане примечательна неизменная привязка к концепции феодализма всей традиции изучения общественно-политического развития Кабарды XVI–XVIII вв. Следование данной исследовательской стратегии в свое время дало ценные научные результаты [Гутнов 2008: 110–134]. Вместе с тем на сегодняшний день концепция феодализма претерпевает кризис, показателем которого является отсутствие единогласия в среде медиевистов по ключевым аспектам концепции [Одиссей… 2006; Мининкова 2007; Cheyette 1996; Hyams 1997].

Нерешенной задачей остается потестарно-политическая идентификация Кабарды XVI–XVIII вв. с точки зрения организационно-управленческих форм институционализации власти. В политической антропологии в качестве таковых рассматриваются племя, вождество и раннее государство. Здесь важно учитывать, что эти формы в современной науке трактуются в качестве не столько последовательных стадий, сколько альтернативных форм социально-политической интеграции.

Трудно интерпретировать последствия углубления феодальной раздробленности в Кабарде с середины XVII в. Удельные княжества Кабарды XVII–XVIII вв. представляли собой нечто промежуточное между вождеством и ранним государством. Вместе с тем приведенные характеристики иллюстрируют не стадиальный, а типологический вариант социально-политической интеграции традиционного кабардинского общества.

Определение уровня общественно-политического развития Кабарды XVI–XVIII вв. связано и с вопросом о ее статусе во взаимодействии с кавказскими субэтносами. В части концепций по данному вопросу провозглашается тезис об установлении иерархических связей между Кабардой и соседними горскими обществами. И с точки зрения авторов (В.Х. Кажаров, З.А. Кожев, Т.Х. Алоев, Б.Х. Бгажноков и др.) подобных концепций, эти неравноправные отношения часто навязывались кабардинской аристократией соседним народам и их отдельным представителям. Авторы второй группы концепций доказывают взаимовыгодный и отчасти равноправный характер взаимодействий горских обществ и Кабарды. Хотя и не отрицаются попытки со стороны кабардинских князей расширить пределы своего влияния и властного регулирования в рамках подобных союзов (М.И. Баразбиев, Р.М. Бегеулов, Р.С. Тебуев и Р.Т. Хатуев и др.). В работах А.Х. Борова, К.Ф. Дзамихова и Е.Г. Муратовой формулируется положение о сохранении в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе «автохтонной» система этнополитического равновесия [Боров, Дзамихов 1998: 142; Муратова 2007: 151]. Представляется, что данный тезис лучше всего учитывает всю многосложность и амбивалентность взаимоотношений населения равнинных и горных территорий Центрального Кавказа.

Современные исследования общественно-политического строя традиционного кабардинского общества характеризуются следованием различающимся тенденциям. С одной стороны, анализируются проблемы международно-правового статуса Кабарды [Алоев 2005: 214]; формы институционализации власти сквозь призму представлений современной государственно-правовой теории о суверенитете, системе ветвей власти и пр. [Калмыков 2007: 19–20]. Очевидно, подобные тенденции отчасти расходятся с принципом историзма и

заключают в себе опасность чрезмерной модернизации анализируемых явлений и процессов. Неслучайно, многие современные медиевисты считают использование слова «государство» неприменимым к большей части средневековья, поскольку понятию «государство» зачастую приписываются признаки именно современного государства [Reynolds 1997: 117; Davies 2003; Reynolds 2003].

С другой стороны, получают развитие плодотворные традиции историографии ранних форм государственности, связанные с исследованием проблем феодализма в Западной Европе. В мировой и российской науке за последние сорок лет оформилось отдельное направление исследований проблем политогенеза и ранней государственности в рамках такой дисциплины, как политическая антропология [Claessen 2008]. Внимание историков республики привлекают исследовательские возможности, предоставляемые политической антропологией, ставшей центром изучения механизмов социального контроля и феномена власти большей частью в традиционных обществах. Однако в исторической и историко-этнографической литературе по проблемам исторической политологии Кабардино-Балкарии указанный подход пока не нашел широкого применения. Осуществляются попытки переосмысления возможностей исследования кабардинской политии [Боров, Азикова 2008]. С опорой на теоретико-методологический инструментарий политической антропологии исследуются структурно-функциональные особенности системы власти традиционного кабардинского общества [Азикова 2011; Рахаев 2019]. Данные попытки являются всего лишь прологом к углубленному, всеохватному исследованию исторической политологии Кабарды. Между тем именно в рамках современных политантропологических концепций дается оценка уровня развития рассматриваемых традиционных и архаичных общностей в процессе исследования степени сложности идеологической, экономической, социальной, демографической, территориальной составляющих. При этом важно отметить, что оценка уровня сложности общества не обязательно выливается в рассуждения о государственно-политическом строе, а зачастую связана с заключениями по поводу аналогов либо альтернатив государства со специфическим хозяйственно-экономическим и общественным развитием.

Заключение

Характерная для обобщающих трудов по истории традиционного кабардинского общества организация исторического материала отмечена определенной двойственностью. С одной стороны, заложенная в них периодизация в значительной степени привязана к изменениям в статусе Кабарды во взаимодействии с региональными державами и к процессу перегруппировки сил внутри Кабарды. С другой стороны, предпринимаются попытки дать системное представление исторического процесса в пределах всего периода XVI–XVIII вв. в его этнических, политических, социально-экономических и культурно-идеологических измерениях. По большинству из указанных аспектов на протяжении длительного исторического времени, охватывающему ряд периодов, не прослеживается «прогрессивная» историческая динамика, ведущая к качественным переменам стадиального порядка. Данное наблюдение справедливо в целом для характеристики общественной организации традиционного кабар-

динского общества XVI–XVIII вв. Вместе с тем для отдельных исследований характерна попытка рассмотрения традиционных институтов общественной саморегуляции «в динамике».

Особенностью трактовок общественной организации Кабарды XVI–XVIII вв. в отечественной дореволюционной и советской историографии является тесная и в то же время амбивалентная взаимосвязь социально-экономической системы и структур власти и управления. В целом советская историография с неизбежностью сводила анализ социальной организации кабардинцев к проблематике «особенностей» и «уровня» развития феодализма. Применительно к развитию Кабарды в XVIII в. признавался достаточно высокий уровень развития феодальных отношений и отмечалось действие института власти-собственности. Но в дискуссиях о «безземельном феодализме» в целом и о «кабардинском феодализме» в частности не поставлена точка и по сей день.

Нерешенной задачей остается потестарно-политическая идентификация Кабарды XVI–XVIII вв. с точки зрения организационно-управленческих форм институционализации власти. Советские исследователи неизбежно замыкались в рамках дихотомии «феодальная раздробленность/централизованное государство». С периода целенаправленного исследования институтов, образовывавших систему власти, началось признание государственной природы кабардинской политии XVI–XVIII вв. Применительно к кабардинской политической истории характерно использование понятий «аристократическое», «республиканско-аристократическое» либо «монархическое» правление. С другой стороны, получают развитие некоторые плодотворные традиции отечественной и зарубежной историографии ранних форм государственности и институциональных альтернатив и аналогов государству. Однако в исследованиях по проблемам исторической политологии Кабарды и Балкарии указанный подход не нашел широкого применения. Вместе с тем представляется, что удачные трактовки общественной организации традиционного кабардинского общества и формы институционализации власти связаны именно с современными политантропологическими концепциями, в рамках которых дается оценка уровня развития рассматриваемых традиционных и архаичных общностей в процессе исследования степени сложности идеологической, экономической, социальной, демографической, территориальной составляющих. И ожидаемые выводы могут отвечать широкому спектру представлений о формах институционализации власти от государства до его альтернатив и аналогов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгская… 2006 – *Адыгская* (Черкесская) энциклопедия / Гл. ред. профессор М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.

Азикова 2011 – *Азикова Ю.М.* Система власти в традиционном кабардинском обществе (XVI–XVIII вв.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Нальчик, 2011. – 24 с.

Алоев 2005 – *Алоев Т.Х.* К вопросу о международно-правовом статусе Кабарды в начале XVIII в. // Исторический вестник. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. – С. 214–225.

Бесланеев 1993 – *Бесланеев В.С.* Малая Кабарда. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 232 с.

Боров 2009 – *Боров А.Х.* Общество и власть на Северном Кавказе: основные подходы и концепции в российском кавказоведении XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – 12 (2). – С. 9–17.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.

Боров, Азикова 2008 – *Боров А.Х., Азикова Ю.М.* Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – Вып. VII. – С. 3–41.

Боров, Дзамихов 1998 – *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.* Россия и Северный Кавказ: этапы взаимоотношений // Известия КБНЦ РАН. – 1998. – № 1. – С. 142–150.

Боцвадзе 1965 – *Боцвадзе Т.Д.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. – Тбилиси: Мецниереба, 1965. – 124 с.

Броневский 1999 – *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 223 с.

Гаврилов 1869 – *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис: Типография Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1869. – Вып. 2. – С. 1–78.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). – М.: Наука, 1967. – 331 с.

Гильденштедт 1809 – *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. Издано по повелению Императорской академии наук. – СПб.: при Императорской академии наук, 1809. – 394 с.

Гугов 1999 – *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 683 с.

Гуревич 1999 – *Гуревич А.Я.* Начало феодализма в Европе // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М-СПб ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999. Печатается по изд.: Гуревич АЛ. «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе». М., 1970 // Электронная библиотека Гумер: сайт. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gur/index.php (дата обращения: 10.11.2021).

Гуревич 2006 – *Гуревич А.Я.* Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории: ежегодник. 2006: Феодализм перед судом историков / Гл. ред. А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 2006. – С. 11–49.

Гутнов 2000 – *Гутнов Ф.Х.* Политогенез и генезис феодализма на Северном Кавказе // Вестник института цивилизации. – Владикавказ: Изд-во ВИЦ, 2000. – Вып. 3. – С. 7–57.

Гутнов 2008 – *Гутнов Ф.Х.* Горский феодализм. – Владикавказ: Ир, 2008. Ч. 2. – 287 с.

Дзамихов 2008 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа (исследования и материалы) // Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 437–668.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 261 с.

История КБ АССР… 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР*: в 2-х т. – М.: Наука, 1967. Т. 1. – 482 с.

История народов… 1988 – *История народов* Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – 541 с.

Кабардино-русские… 1957 – *Кабардино-русские* отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: в 2 т. Т. 2: XVIII в. / Сост. В. М. Букалова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 424 с.

Кабардино-русские… 2007 – *Кабардино-русские* отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2-х т. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – Т. 2. – 622 с.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с.

Кажаров 1980 – *Кажаров В.Х.* О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине (первая половина XIX в.) // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Редкол.: Р.Х. Гугов, В.Н. Сокуров. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – С. 28–53.

Кажаров 1981 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании адыгов в первой половине XIX века // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1981. – С. 65–80.

Кажаров 1982 – *Кажаров В.Х.* Сельская община у адыгов в первой половине XIX века (поземельные отношения): автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1982. – 22 с.

Кажаров 1986 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о дуализме кабардинской сельской общины в предреформенный период // Общественный быт адыгов и балкарцев. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1986. – С. 22–45.

Кажаров 1992 – *Кажаров В.Х.* Основная социальная единица адыгского общества в XVIII – первой половине XIX века // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года Госкомиздата КБССР, 1992. – С. 7–51.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. – 434 с.

Кажаров 2007 – *Кажаров В.Х.* Кабардинская вотчина-община времен русского завоевания Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 347–369.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / сост. А.Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – С. 570–589.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Ковалевский 1883 – *Ковалевский М.М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. – 1883. – Кн. XII. – С. 137–154.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. I. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890. – 303 с.

Кожев 1998 – *Кожев З.А.* Динамика численности населения Кабарды (XVIII – первая четверть XIX в.) // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 2. – С. 116–126.

Кокиев 2005 – *Кокиев Г.А.* История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 903 с.

Куббель 1988 – *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 270 с.

Кумыков 1959 – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношение и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869 гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. книжное изд-во, 1959. – 171 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.-Балк. книжное изд-во, 1965. – 420 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII века). – Нальчик: Изд-во АН СССР, 1963. – 371 с.

Лавров 1978 – *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л.: Наука, 1978. – 183 с.

Леонтович 2002 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа: в 2-х выпусках. Вып. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 344 с.

Материалы… 1956 – *Материалы* по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. / Под ред., сост. Б.А. Гарданова. – Нальчик: Каб. кн. изд. 1956. – 426 с.

Мининкова 2007 – *Мининкова Л.В.* Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. – Ростов н/Д.: Издательство СКНЦ ВШ, 2007. – 520 с.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – нач. XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 419 с.

Налоева 1972 – *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник КБНИИ. – 1972. – Вып. 6. – С. 69–87.

Налоева 1973 – *Налоева Е.Дж.* Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Нальчик, 1973. – 21 с.

Налоева 1980 – *Налоева Е.Дж.* Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии / Редкол.: Р.Х. Гугов, В.Н. Сокуров. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – С. 5–27.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Одиссей… 2006 – *Одиссей*. Человек в истории: ежегодник. 2006: Феодализм перед судом историков / Гл. ред. А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 2006. – С. 171–183.

Рахаев 2019 – *Рахаев Д.Я.* Эволюционная теория в историческом адыговедении: современное состояние и проблемы изучения // Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 23–29.

Смирнов 1948 – *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. – Нальчик: Каб. Гос. Изд., 1948. – 120 с.

Тхамоков 1961 – *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. – Нальчик: КБ кн. изд-во, 1961. – 203 с.

Филиппов 2015 – *Филиппов И.С.* Размышления о книге Сюзан Рейнольдс «Феоды и вассалы» и ее восприятии в современной медиевистике // Средние века. – 2015. – Вып. 76 (34). – С. 8–56.

Cheyette 1996 – *Cheyette F.* Susan Reynolds, Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. New York and Oxford: Oxford University Press, 1994. Pp. xi, 544. 1996 // Fordham university: website. URL: http://www.fordham.edu/halsall/source/reynolds-2%20reviews.html (access date: 29.05. 2022).

Claessen 2008 – *Claessen H.J.M.* Before the Early State and After: An Introduction // Social evolution and history. Thirty years of Early State research. Special issue / ed. by H.J.M. Claessen, R. Hagesteijn, P. van de Velde. – 2008. – Vol. 7. – No 1. – P. 4–18.

Davies 2003 – *Davies R.* The Medieval State: The Tyranny of a Concept? // Journal of Historical Sociology. – June 2003. – Vol. 16. – No. 2. – P. 280–300.

Hyams 1997 – *Hyams P.R.* Susan Reynolds, Fiefs & Vassals: the Medieval Evidence Reinterpreted (New York: Oxford University Press, 1994). Pp. xi + 544. 1997 // Fordham university: website. URL: http://www.fordham.edu/halsall/source/reynolds-2%20reviews.html (access date: 29.05. 2022).

Reynolds 1994 – *Reynolds S.* Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 544.

Reynolds 1997 – *Reynolds S.* The Historiography of the Medieval State // M. Bentley (ed.), Companion to Historiography. – L.; N.Y.: Routledge, 1997. – P. 117–138.

Reynolds 2003 – *Reynolds S.* There were States in Medieval Europe: A Response to Rees Davies // Journal of Historical Sociology. – December 2003. – Vol. 16. – No. 4. – P. 550–555.

REFERENCES

Adygskaya (Cherkesskaya) entsiklopediya [Adyghe (Circassian) Encyclopedia] / *Gl. red. professor M.A. Kumakhov*. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russ.).

ALOEV T.Kh. *K voprosu o mezhdunarodno-pravovom statuse Kabardy v nachale XVIII v.* [On the issue of the international legal status of Kabarda at the beginning of the 18th century]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – Nalchik: El'-Fa, 2005. Iss. I. – P. 214–225. (In Russ.).

AZIKOVA Yu.M. *Sistema vlasti v traditsionnom kabardinskom obshchestve (XVI–XVIII vv.): avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk* [The system of power in the traditional Kabardian society (XVI–XVIII centuries): abstract of the dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2011. – 24 p. (In Russ.).

BESLANEEV V.S. *Malaya Kabarda* [Little Kabarda]. – Nalchik: El'brus, 1995. – 232 p. (In Russ.).

BOROV A.Kh. *Obshchestvo i vlast' na Severnom Kavkaze: osnovnye podkhody i kontseptsii v rossiiskom kavkazovedenii XIX veka* [Society and Power in the North Caucasus: Main Approaches and Concepts in Russian Caucasian Studies of the 19th Century]. IN: *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii*. – 2009. – 12 (2). – P. 9–17. (In Russ.).

BOROV A.Kh., AZIKOVA Yu.M. *Kontseptsiya rannego gosudarstva v sovremennoi politicheskoi antropologii* [The concept of the early state in modern political anthropology]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – Iss. VII. – P. 3–41. (In Russ.).

BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problem* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, ways of formation, problems]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 184 p. (In Russ.).

BOROV A.Kh., DZAMIKHOV K.F. *Rossiya i Severnyi Kavkaz: etapy vzaimootnoshenii* [Russia and the North Caucasus: stages of relations]. IN: *Izvestiya KBNTs RAN*. – 1998. – No. 1. – P. 142–150. (In Russ.).

BOTSVADZE T.D. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya v Kabarde v pervoi polovine XIX veka* [Socio-economic relations in Kabarda in the first half of the 19th century]. – Tbilisi: Metsniereba, 1965. – 124 p. (In Russ.).

BRONEVSKY S. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest geographic and historical information about the Caucasus]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 223 p. (In Russ.).

CHEYETTE F. Susan Reynolds, Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. New York and Oxford: Oxford University Press, 1994. Pp. xi, 544. 1996. IN: Fordham university: website. URL: http://www.fordham.edu/halsall/source/reynolds-2%20reviews.html (access date: 29.05. 2022). (In Eng.).

CLAESSEN H.J.M. Before the Early State and After: An Introduction. IN: Social evolution and history. Thirty years of Early State research. Special issue / ed. by H.J.M. Claessen, R. Hagesteijn, P. van de Velde. – 2008. – Vol. 7. – No 1. – P. 4–18. (In Eng.).

DAVIES R. The Medieval State: The Tyranny of a Concept? IN: Journal of Historical Sociology. – June 2003. – Vol. 16. – No. 2. – P. 280–300. (In Eng.).

DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata: pervaya polovina XIX v.* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat: the first half of the 19th century]. – Nalchik: El'brus, 1990. – 261 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza (issledovaniya i materialy)* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus (research and materials)]. IN: DZAMIKHOV K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adygs: milestones of history]. – Nalchik: El'brus, 2008. – P. 437–668. (In Russ.).

FILIPPOV I.S. *Razmyshleniya o knige Syuzan Reinol'ds «Feody i vassaly» i ee vospriyatii v sovremennoi medievistike* [Reflections on Susan Reynolds' book "Fiefs and Vassals" and its perception in modern medieval studies]. IN: *Srednie veka*. – 2015. – Iss. 76 (34). – P. 8–56. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [The social system of the Adyghe peoples (XVIII – the first half of the XIX century)]. – M.: Nauka, 1967. – 331 p. (In Russ.).

GAVRILOV P.A. *Ustroistvo pozemel'nogo byta gorskikh plemen Severnogo Kavkaza* [Land life of the mountain tribes of the North Caucasus]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (SSKG)* [Collection of information about the Caucasian mountaineers]. – Tiflis: Tipografiya Glavnago Upravleniya Namestnika Kavkazskago, 1869. – Iss. 2. – S. 1–78. (In Russ.).

GUGOV R.Kh. *Kabarda i Balkariya v XVIII veke i ikh vzaimootnosheniya s Rossiei* [Kabarda and Balkaria in the 18th century and their relationship with Russia]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 683 p. (In Russ.).

GÜLDENSTÄDT J.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza iz puteshestviya g-na Akademika I.A. Gil'denshtedta cherez Rossiyu i po Kavkazskim goram v 1770, 71, 72 i 73 godakh. Izdano po poveleniyu Imperatorskoi akademii nauk* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus from the travel of Mr. Academician J.A. Gildenstedt through Russia and the Caucasus Mountains in 1770, 71, 72 and 73. Published by order of the Imperial Academy of Sciences]. – SPb.: pri Imperatorskoi akademii nauk, 1809. – 394 p. (In Russ.).

GUREVICH A.Ya. *Feodalizm pered sudom istorikov, ili o srednevekovoi krest'yanskoi tsivilizatsii* [Feudalism before the court of historians, or about medieval peasant civilization]. IN: *Odissei. Chelovek v istorii: ezhegodnik. 2006: Feodalizm pered sudom istorikov / Gl. red. A.Ya. Gurevich* [Odysseus. A Man in History: An Yearbook. 2006: Feudalism before the Court of Historians / Ch. ed. A.Ya. Gurevich]. – M.: Nauka, 2006. – P. 11–49. (In Russ.).

GUREVICH A.Ya. *Nachalo feodalizma v Evrope* [Beginning of feudalism in Europe]. IN: *Elektronnaya biblioteka Gumer: sait* [Electronic library Gumer: website]. URL: https//www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gur/index.php (access date: 10.11.2021). (In Russ.).

GUTNOV F.Kh. *Gorskii feodalizm* [Mountain feudalism]. – Vladikavkaz: Ir, 2008. – Part 2. – 287 p. (In Russ.).

GUTNOV F.Kh. *Politogenez i genezis feodalizma na Severnom Kavkaze* [Politogenesis and genesis of feudalism in the North Caucasus]. IN: *Vestnik instituta tsivilizatsii*. – Vladikavkaz: Izd-vo VITs, 2000. – Iss. 3. – P. 7–57. (In Russ.).

HYAMS P.R. Susan Reynolds, Fiefs & Vassals: the Medieval Evidence Reinterpreted (New York: Oxford University Press, 1994). Pp. xi + 544. 1997. IN: Fordham university: website. URL: http://www.fordham.edu/halsall/source/reynolds-2%20reviews.html (access date: 29.05. 2022). (In Eng.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR: v 2-kh t. [History of the Kabardino-Balkarian ASSR: in 2 volumes]. – M.: Nauka, 1967. – Vol. 1. – 482 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. – M.: Nauka, 1988. – 541 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy: v 2-kh t. [Kabardino-Russian Relations in the 16th–18th Centuries. Documents and materials: in 2 volumes]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – Vol. 2. – 622 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy: v 2 t. T. 2: XVIII v. / Sost. V. M. Bukalova [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries: Documents and materials: in 2 vols. Vol. 2: 18th century / Comp. by V. M. Bukalova]. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. – 424 p. (In Russ.).

KABUZAN V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh. Etnostatisticheskoe issledovanie* [The population of the North Caucasus in the XIX-XX centuries. Ethnostatistical study]. – SPb.: Izdatel'stvo «Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs», 1996. – 224 p. (In Russ.).

KALMYKOV Zh.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian system of government (second half of the 18th – early 20th centuries)]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o dualizme kabardinskoi sel'skoi obshchiny v predreformennyi period* [To the question of the dualism of the Kabardian rural community in the pre-reform period]. IN: *Obshchestvennyi byt adygov i balkartsev* [Public life of the Circassians and Balkars]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 1986. – P. 22–45. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o feodal'nykh privilegiyakh v obshchinnom zemlepol'zovanii adygov v pervoi polovine XIX veka* [On the issue of feudal privileges in the communal land use of the Adygs in the first half of the 19th century]. IN: *Voprosy etnografii i etnosotsiologii Kabardino-Balkarii* [Questions of ethnography and ethnosociology of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik, 1981. – P. 65–80. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o territorii feodal'noi Kabardy* [On the issue of the territory of feudal Kabarda]. IN: KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov / sost. A.Kh. Abazov* [Selected works on the history and ethnography of the Adygs / comp. by A.H. Abazov]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – P. 570–589. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Kabardinskaya votchina-obshchina vremen russkogo zavoevaniya Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Kabardian fiefdom-community of the times of the Russian conquest of the North-Western Caucasus]. IN: *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* [North Caucasus as part of the Russian Empire]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – P. 347–369. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *O sisteme regulirovaniya zemlepol'zovaniya v kabardinskoi sel'skoi obshchine (pervaya polovina XIX v.)* [On the system of land use regulation in the Kabardian rural community (the first half of the 19th century)]. IN: *Iz istorii feodal'noi Kabardy i Balkarii / Redkol.: R.Kh. Gugov, V.N. Sokurov* [From the history of feudal Kabarda and Balkaria. Editorial board: R.Kh. Gugov, V.N. Sokurov]. – Nalchik: El'brus, 1980. – P. 28–53. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Osnovnaya sotsial'naya edinitsa adygskogo obshchestva v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The main social unit of the Adyghe society in the XVIII – the first half of the XIX century]. IN: *Aktual'nye problemy feodal'noi Kabardy i Balkarii* [Actual problems of feudal Kabarda and Balkaria]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 goda Goskomizdata KBSSR, 1992. – P. 7–51. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Sel'skaya obshchina u adygov v pervoi polovine XIX veka (pozemel'nye otnosheniya): avtoref. dis. … kand. ist. nauk* [Rural community among the Circassians in the first half of the 19th century (land relations): abstract of the dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – M., 1982. – 22 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1994. – 434 p. (In Russ.).

KOKIEV G.A. *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetova* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – 903 p. (In Russ.).

KOVALEVSKY M.M. *Pozemel'nye i soslovnye otnosheniya u gortsev Severnogo Kavkaza* [Land and estate relations among the mountaineers of the North Caucasus]. IN: *Russkaya mysl'*. – 1883. – Book XII. – P. 137–154. (In Russ.).

KOVALEVSKY M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze. T. I* [Law and custom in the Caucasus. Vol. I]. – M.: Tip. A.I. Mamontova, 1890. – 303 p. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Dinamika chislennosti naseleniya Kabardy (XVIII – pervaya chetvert' XIX v.)* [Dynamics of the population of Kabarda (XVIII – first quarter of the XIX century)]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 1998. – No. 2. – P. 116–126. (In Russ.).

KUBBEL L.E. *Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii* [Essays on Potestary-Political Ethnography]. – M.: Nauka, 1988. – 270 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: Kab.-Balk. knizhnoe izd-vo, 1965. – 420 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.Kh. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnoshenie i otmena krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869 gg.)* [Socio-economic Relations and the Abolition of Serfdom in Kabarda and Balkaria (1800–1869)]. – Nalchik: Kab.-Balk. knizhnoe izd-vo, 1959. – 171 p. (In Russ.).

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gg. XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia (the second half of the 16th – 30s of the 17th century)]. – Nalchik: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 371 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus]. – L.: Nauka, 1978. – 183 p. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza: v 2-kh vypuskakh. Vyp. 1* [Adats of the Caucasian highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus: in 2 issues. Iss. I]. – Nalchik: El'-Fa, 2002. – 344 p. (In Russ.).

Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v. / Pod red., sost. B.A. Gardanova [Materials on customary law of Kabardians. First half of the 19th century / Ed. by B.A. Gardanov]. – Nalchik: Kab. kn. izd. 1956. – 426 p. (In Russ.).

MININKOVA L.V. *Syuzerenitet-vassalitet v domongol'skoi Rusi* [Suzerainty-vassalage in pre-Mongol Rus]. – Rostov n/D.: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2007. – 520 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nach. XX v.* [Socio-political history of Balkaria in the 17th – early 20th century]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 419 p. (In Russ.).

NALOEVA E.Dzh. *Gosudarstvenno-politicheskii stroi i mezhdunarodnoe polozhenie Kabardy v pervoi poloviny XVIII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The State-Political System and the International Position of Kabarda in the First Half of the 18th Century: abstract of the dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 1973. – 21 p. (In Russ.).

NALOEVA E.Dzh. *K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom stroe Kabardy pervoi poloviny XVIII veka* [To the question of the state-political system of Kabarda in the first half of the 18th century]. IN: *Vestnik KBNII*. – 1972. – Iss. 6. – P. 69–87. (In Russ.).

NALOEVA E.Dzh. *Ob osobennostyakh kabardinskogo feodalizma* [On the features of Kabardian feudalism]. IN: *Iz istorii feodal'noi Kabardy i Balkarii / Redkol.: R.Kh. Gugov, V.N. Sokurov* [From the history of feudal Kabarda and Balkaria / Ed. by R.Kh. Gugov, V.N. Sokurov]. – Nalchik: El'brus, 1980. – P. 5–27. (In Russ.).

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [History of the Adyghe people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 232 p. (In Russ.).

Odissei. Chelovek v istorii: ezhegodnik. 2006: Feodalizm pered sudom istorikov / Gl. red. A.Ya. Gurevich [Odysseus. A Man in History: An Yearbook. 2006: Feudalism before the Court of Historians / Ch. ed. A.Ya. Gurevich]. – M.: Nauka, 2006. – P. 171–183. (In Russ.).

RAKHAEV D.Ya. *Evolyutsionnaya teoriya v istoricheskom adygovedenii: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya* [Evolutionary theory in historical Adyghe studies: current state and problems of study]. IN: *Narody Kavkaza v tsivilizatsionnom prostranstve Rossii: materialy VI Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Rostov-na-Donu, 13–15 noyabrya 2019 g.) / otv. red. akad. G.G. Matishov* [The peoples of the Caucasus in the civilizational space of Russia: materials of the VI International Forum of Caucasian Historians (Rostov-on-Don, November 13–15, 2019) / Ed. by acad. G.G. Matishov]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN, 2019. P. 23–29. (In Russ.).

REYNOLDS S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 544. (In Eng.).

REYNOLDS S. The Historiography of the Medieval State. IN: M. Bentley (ed.), Companion to Historiography. – L.; N.Y.: Routledge, 1997. – P. 117–138. (In Eng.).

REYNOLDS S. There were States in Medieval Europe: A Response to Rees Davies. IN: Journal of Historical Sociology. – December 2003. – Vol. 16. – No. 4. – P. 550–555. (In Eng.).

SMIRNOV N.A. *Kabardinskii vopros v russko-turetskikh otnosheniyakh XVI–XVIII vv*. [The Kabardian issue in Russian-Turkish relations in the 16th–18th centuries.]. – Nalchik: Kab. Gos. Izd., 1948. – 120 p. (In Russ.).

TKHAMOKOV N.Kh. *Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi kabardintsev v XVIII v*. [Socio-economic and political structure of the Kabardians in the 18th century]. – Nalchik: KB kn. izd-vo, 1961. – 203 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.М. Азикова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Yu.M. Azikova – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 28.07.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Средневековая и новая история

Научная статья
УДК 93/94+908
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-66-82
EDN: BGBOPJ

ПРОЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ТЕРСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В 1909–1912 ГГ.

Расул Салихович Гуртуев[1], **Петр Абрамович Кузьминов**[2], **Карина Асланбековна Сундукова**[3], **Инна Сарабиевна Тахушева**[4]

[1234] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия

[1] rasul.gurtuev@mail.ru https://orcid.org/0000-0002-0092-0742

[2] petrakis_hist@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5767-1484

[3] sundukova.karina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

[4] tahusheva94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

Аннотация. В первые десятилетия развития электроэнергетики водные потоки рассматривалась как наиболее мощный и экономически рентабельный источник энергии для крупных промышленных объектов и энергетических систем. Горные районы предоставляли удобные условия для строительства гидроэлектрических установок без затопления территорий и относительно низкими капитальными затратами. Поэтому Северный Кавказ стал одним из первых регионов России, на который обратили внимание гидроэнергетики. Статья посвящена проблемам проектирования первой высоконапорной Терской ГЭС на Кавказе, столкновению интересов нескольких групп предпринимателей, которые боролись за право ее строительства при поддержке различных групп влияния в высших кругах Российской империи и иностранных государств. В ходе этой борьбы интересы железнодорожников и энергетиков столкнулись с интересами политических и военных властей, в результате которой реализация проекта затянулась более чем на 100 лет.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терская ГЭС, Перевальная железная дорога, Статковский, Кучинский, Чарльз Стюарт.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00787 «Становление гидроэнергетического комплекса в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX в.: планы, подготовка, реализация».

Для цитирования: Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А., Сундукова К.А., Тахушева И.С. Проекты и проблемы строительства Терской гидроэлектростанции в 1909–1912 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 66-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-66-82. EDN: BGBOPJ.

© Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А., Сундукова К.А., Тахушева И.С., 2022.

Original article

PROJECTS AND PROBLEMS OF CONSTRUCTION OF TEREK HYDROELECTRIC POWER PLANT IN 1909-1912

Rasul S. Gurtuev[1], Petr A. Kuzminov[2], Karina A. Sundukova[3], Inna S. Takhusheva[4]

[1234] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchick, Russia

[1] rasul.gurtuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0092-0742

[2] petrakis_hist@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5767-1484

[3] sundukova.karina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

[4] tahusheva94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

Abstract: In the early decades of electricity development, water flows were the most powerful and economically viable source of energy for large industrial facilities and power systems. Mountainous areas provided convenient conditions for the construction of hydroelectric installations without flooding of territories and relatively low capital costs. Therefore, the North Caucasus was one of the first regions in Russia to be targeted by hydroelectric power. The article deals with the problems of designing the first high-head Terskaya hydropower station in the Caucasus, and with the clash of interests of several groups of entrepreneurs who fought for the right to build it with the support of various pressure groups in high places in the Russian Empire and foreign countries. In this struggle, the interests of the railways and power engineers clashed with those of the political and military authorities, and as a result, the project was delayed for over 100 years.

Key words: North Caucasus, Terek hydroelectric power station, Perevalnaya railroad, Statkovsky, Kuchinsky, Charles Stewart.

Gratitude: The study was carried out with the financial support of the Russian National Federation within the framework of the scientific project № 22-28-00787 "Formation of a hydropower complex in Kabardino-Balkaria in the 20s and 30s of the XX century: plans, preparation, implementation."

For citation: Gurtuev R.S., Kuzminov P.A., Sundukova K.A., Takhusheva I.S. Projects and problems of construction of Terek hydroelectric power plant in 1909-1912. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – C. 66-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-366-82. EDN: BGBOPJ.

© Gurtuev R.S., Kuzminov P.A., Sundukova K.A., Takhusheva I.S., 2022

Реализуемая программа строительства малых ГЭС на Северном Кавказе, имеет главной целью создание энергетической основы его экономического развития и ввода в оборот значительных гидроэнергетических ресурсов. Одновременно решается задача привлечения инвестиций в регион, создания новых высокотехнологичных рабочих мест, устойчивого энергоснабжения территорий.

Отметим, что разработка планов электростроительства в регионе имеет богатую историю и значительный объем результатов практических исследований, начиная с 1870-х гг. Исторические исследования этого вопроса таким объёмом и разнообразием похвастаться не могут. Основной объем литературы дореволюци-

онного периода составляют проектные предложения инженеров путей сообщения Н. Андриевского [Андриевский 1895], Б.И. Статковского [Статковский 1895], Ф.К. Гартмана [Гартман 1898], А.А. Кучинского [Кучинский 1912] и др., которые рассматривают проблему развития электроэнергетики в связи с железнодорожным строительством. В советское время, если не брать литературу технического направления, можно отметить работу Р.И. Цориева [Цориев 1988], которая посвящена проблеме истории электрификации Северного Кавказа, а также авторов, которые рассматривали эту проблему в контексте индустриализации и экономического развития региона в целом [Медалиев 1959]. Из современных работ можно выделить статьи С.В. Дарчиевой и А.В. Дарчиева [Дарчиева, Дарчиев 2017], Ф.С. Киреева [Киреев 2021], П.А. Кузьминова и Р.С. Гуртуева [Гуртуев, Кузьминов 2019], [Гуртуев, Кузьминов 2020], [Гуртуев 2019] и ряда других исследователей. Их работы, в особенности по теме электрификации региона на основе использования энергии горных рек Северного Кавказа, получают особое звучание в свете нынешнего возвращения развития энергетики на экологически чистые возобновляемые источники энергии, наиболее удобным и стабильным из которых по-прежнему остается энергия воды, или как ее называли на заре развития энергетики – «белый уголь». В наше время строительство гидроэнергетических установок на Кавказе во многом наследует тем разработкам, которые проводились, но не получили своего воплощения в прошедшие 150 лет. В разные периоды исходные экономические предпосылки исследований и обоснования строительства гидроэлектрических установок на Северном Кавказе отличались, и один и тот же проект получал новое целеполагание. Так случилось с проектом строительства высоконапорной Терской ГЭС в верховьях реки Терек на территории Грузии в районе села Казбеги.

Начало разработки проекта относится к 1906 г., а реализован он был лишь в 2016 г. при совершенно других экономических и политических условиях. Все это время – более столетия – проект прорабатывался, изменялся, отменялся, возобновлялся в зависимости от складывающейся экономической и политической ситуации: проект был включен в первоначальный вариант плана ГОЭЛРО, затем от него было решено отказаться из-за дороговизны, в 1935 и 1957 гг. к проекту возвращались, но строить станцию не стали. В конечном счете, один из вариантов проекта был реализован в 2016 г. в виде Дарьяльской ГЭС установленной мощностью 108 МВт, работающей на напоре 371 метр (первоначальный проект предполагал напор 560 метров). Ниже по течению, двумя годами ранее, построена Ларси ГЭС установленной мощностью 20 МВт. Обе станции расположены на территории Грузии вблизи российско-грузинской границы.

Настоящая работа посвящена первоначальным проектам использования энергии Терека и перипетиям борьбы между различными группами инженеров и предпринимателей, государственных деятелей за право строительства электростанции. По нашему представлению эта борьба отражала не только экономические интересы, но и стала элементом геополитического противостояния ведущих держав того времени.

В исследовании авторы придерживались принципа историзма, оценивая проблему в контексте складывавшейся на тот момент обстановки в мире. Ис-

пользовался нарративный, проблемно-исторический метод, частично типологический и структурный методы исследований, которые позволили прийти к означенному результату.

После окончания Кавказской войны перед Россией встал вопрос о соединении путями сообщения закавказских губерний с внутренними районами империи. Разнообразные проекты дорог – грунтовых и железных, которые должны были не только способствовать развитию производительных сил Кавказа, включению этого района в общероссийский рынок, но и позволяли осуществлять быструю переброску войск в Закавказье в условиях сохранявшейся опасности военного противостояния с Турцией – проводницей английских интересов в регионе, – стали разрабатываться сразу. Тогдашний наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич в 1880 г. в своих «предположениях о железных дорогах на Кавказе и за Кавказом» отмечал: «Необходима немедленная постройка железных дорог, связывающих Закавказье с Россией. Эта необходимость, кроме интересов политического положения нашего здесь – в крае, ясно указывается и соображениями военного характера» [Дарчиева, Дарчиев 2017: 930].

В числе авторов проектов железнодорожного строительства были такие известные в то время инженеры как, например, Н.В. Филькович [Филькович 1901], строитель Сурамского железнодорожного тоннеля в Закавказье Ф.Д. Рыдзевский, проект которого затем развивал Е.Д. Вурцель [Вурцель 1907].

Значительный вклад в разработку проектов развития путей сообщения на Кавказе, соединения Закавказья с внутренними губерниями России внёс крупный инженер, начальник Кавказского округа путей сообщения, председатель Кавказского отдела Императорского Русского Технического Общества, создатель Кавказского Альпийского общества Болеслав Игнатьевич Статковский (1825–1898), который с 1872 г. разрабатывал в числе прочих и проекты железной дороги через перевалы центральной части Главного Кавказского хребта [Киреев 2021: 33-34].

Дарчиева С.В. и Дарчиев А.В. в своей работе говорят о трёх концепциях развития железнодорожного сообщения с Закавказьем, которые господствовали в профессиональных и политических кругах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич полагал наиболее разумным продлить Ростово-Владикавказскую дорогу, открытую в 1875 г., в направлении Владикавказ – Петровск – Баку и соединиться с Закавказской железной дорогой для связи со столицей наместничества – Тифлисом. Как следует из его «Предположений» этот вариант способствовал бы ускоренной экономической и политической интеграции регионов Чечни, Дагестана в общероссийский рынок. «Задача наша в Кавказском наместничестве не состоит только в защите этого края от турок и англичан. Опасность нам угрожает не с одной турецкой границы, она заключается и во внутреннем состоянии Кавказа. Нет надобности доказывать, какое важное значение имела бы для Кавказа в смысле окончательного умиротворения его и слияния с Россией экономическими, а через них и нравственными интересами железная дорога, прорезывающая Терскую область и опоясывающая Дагестан» [Дарчиева, Дарчиев 2017: 930].

Для военных такой длинный маршрут представлялся неудобным. Они осознавали практическую необходимость связывания Закавказья с основной территорией империи именно в интересах возможности быстрой переброски войск на русско-турецкий театр военных действий в случае войны. Поэтому вопрос строительства прямой железнодорожной магистрали через перевалы Кавказского хребта продолжал обсуждаться, и служил основой для второй концепции, которая получила поддержку канцлера империи, министра иностранных дел А.М. Горчакова и военного министра Д.А. Милютина. В соответствии с требованиями военных с 1872 по 1878 гг. Б.И. Статковский составил три предварительных проекта перевальной дороги с пересечением Кавказского хребта в центральной его части под перевалами Крестовым, Квенамтским и Магским. При этом существовало понимание проблемы глубокой убыточности такой дороги для государства в силу того, что она проходила по малообжитым и малопривлекательным для развития экономики местам, требовала строительства тоннелей, большого количества топлива для паровозов из-за больших уклонов, ограничивала количество вагонов в составе, что, соответственно, негативно влияло на пропускную способность дороги и стоимость перевозки грузов.

Сторонники третьего направления – инженеры путей сообщения Г.В. Адрианов и М.А. Малишевский, – указывая на эти обстоятельства, взамен перевального направления предлагали проложить Черноморско-Кубанскую железную дорогу по побережью Черного моря с выходом на Закавказскую железную дорогу [Дарчиева, Дарчиев 2017: 931]. Однако и этот вариант военным представлялся неудачным – указывалось на невозможность эффективной защиты этого пути от огня артиллерии с неприятельских военных кораблей в случае войны [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 56. Л. 138].

Упомянутые выше проекты предполагали строительство линий на паровой тяге. Лишь у побережной черноморской дороги на первоначальном этапе некоторое время существовал вариант с использованием электрической тяги со строительством двух гидроэлектростанций на местных реках Бзыби и Мзымте, который предлагал крупный предприниматель, инженер Рафаил Карлович фон Гартман [Гартман 1898]. В данном случае требования военного ведомства об увеличении колеи для обеспечения возможности переброски войск конкурентная борьба с акционерным обществом Владикавказской железной дороги стали причиной отказа от электрифицированного проекта дороги, а, соответственно, от строительства электростанций. После длительного обсуждения вопроса в правительстве, «21 февраля 1900 г. на собранном по инициативе царя Николая II особом совещании разработка маршрута и строительство были отданы в ведение АО Владикавказской дороги»[1].

Закономерно, что при разработке проекта перевальной дороги на определенном этапе появился электрический вариант, а учитывая наличие поблизости такого мощного источника энергии, как река Терек, у него были весьма высокие шансы на воплощение в жизнь. Возможность электрификации перевальной железной

[1] *Аджиев А.С.* Из истории Армавир-Туапсинской железной дороги [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20100510045858/http://www.zdp.ru/pub/8/1544_1.shtml (Время обращения 11.03.22 г.)

дороги решала проблему убыточности: даровая энергия воды позволяла железной дороге не покупать топливо для паровозов, резко снижая стоимость перевозок, а излишки электроэнергии предполагалось продавать сторонним предприятиям, что позволяло получать дополнительную коммерческую прибыль.

Возможности электрификации перевальной железной дороги первым стал исследовать военный инженер Управления Кавказского военного округа полковник Антон Антонович Кучинский, который в 1906 г. представил проект строительства линии электрического трамвая через Крестовый перевал. Второй вариант 1909 г. развивал один из первоначальных проектов Б.И. Статковского 1872–1873 гг. – предполагалось строительство узкоколейной галерейной электрической железной дороги по маршруту Владикавказ–Квенамтский перевал–Тифлис. И, наконец, в 1915–1917 гг. проводились изыскания по электрической железной дороге широкой колеи по тому же направлению [Киреев 2021: 35–36]. Принципиальным моментом являлось то, что гидроэлектрические установки должны были принадлежать железной дороге – только тогда проект оказывался рентабельным. Именно поэтому в проектах А.А. Кучинского Терская (или Теречная) центральная ГЭС рассматривается как составная и неотъемлемая часть перевальной железной дороги. И именно поэтому проекты Кучинского шли от более простых и дешевых, но и коммерчески выгодных (узкой колеи, галерейного типа) к наиболее дорогому – широкой колеи, с тоннелем в центральной части. Изменения были вызваны исключительно требованиями военных по увеличению провозной способности войск, и этот параметр выступал одним из основных при оценке возможностей поддержки проекта государством.

Как видим, проект перевальной железной дороги имел конкурента в виде проекта железнодорожного пути по берегу Черного моря от Туапсе через Сухум к станции Квалони Закавказской железной дороги. Группа предпринимателей во главе с инженером П.Н. Перцовым смогла «продавить» этот вопрос и строительство Черноморской побережной дороги в 1912 г. получило поддержку высших сановников империи и самого императора [РГИА. Ф.1276. Оп. 20. Д. 56. Л. 136].

Примерно таким же образом была построена и железная дорога от Владикавказа через Петровск на Баку (1900 г.) – как указывалось выше, проект и здесь счастливо совместил в себе поддержку наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича с энергичными действиями предпринимательского сообщества, заинтересованного в появлении устойчивого и доступного пути вывоза бакинской нефти на основную территорию России.

Таким образом, вопросы предпринимательской выгоды, частных интересов получали преимущество перед стратегическими военными соображениями. Однако вопрос строительства перевальной дороги с повестки дня не уходил. После многочисленных согласований, благодаря энергичной деятельности городского головы г. Владикавказа Г.В. Баева и депутата Государственной Думы от Терского казачьего войска М.А. Караулова в январе 1917 г. средства на завершение изыскательских работ (10 000 рублей) были выделены из казны Владикавказской городской управы. К этому времени уже имелись результаты полевых изыскательских работ, проведённых Геологическим комитетом Министерства торговли и промышленности. «Осенью *(1915 г. – авт.)* В.П. Ренгартен

производил геологическое исследование линии проектируемой электрической Перевальной ж.д. через Главный Кавказский хребет. Эти изыскания были предприняты группой частных предпринимателей по инициативе инженер-генерала А.А. Кучинского. Линия, магистрального типа, нормальной колеи, должна была направиться от Владикавказа по долине Терека, затем по р. Гудошаури, оттуда, пройдя 6-верстным тоннелем под Квенамтским перевалом Главного Кавказского хребта, выйти в долину Бусарчилис-хеви, затем по Гудомакарской Арагве до Пасанаура и, наконец, по Белой Арагве и Куре достигнуть Тифлиса» [Геолком 1917: 524–525]. Заключительная, кабинетная стадия проектирования велась в течение 1917 г., но была прервана Гражданской войной [Киреев 2021: 36]. Впоследствии проект Терской высоконапорной ГЭС вместе с перевальной железной дорогой попал в план ГОЭЛРО [ГОЭЛРО 1920].

В ходе разработки проекта электрифицированной железной дороги и гидроэлектростанции на Тереке А.А. Кучинский столкнулся с конкурентом в лице британского подданного Чарльза Генри Стюарта, который предложил масштабный проект создания большой электроэнергетической системы, объединяющей Северный Кавказ и Закавказье, и создающий фактическую монополию на производство и распределение электроэнергии в регионе. В 1910 г. он обратился к наместнику на Кавказе И.К. Воронцову-Дашкову с ходатайством о разрешении на постройку ГЭС на реках Терек и Занги, вытекающей из озера Гокча (*Севан – авт.*) [Грищенко 2008: 30].

Поскольку горные реки Кавказа имеют преимущественно ледниковое питание с соответствующим сокращением стока в зимние месяцы, проектом предусматривалось использовать озеро Гокча как регулятор мощности путем устройства дополнительной станции, связанной линиями электропередачи с высоконапорной станцией на р. Терек, «покрывая за счет понижения горизонта озера периодические недостатки воды в Тереке» [Горев 1928: 226].

Ч.Г. Стюарт решил строить электростанцию на Тереке ровно в том месте, которое было выбрано четырьмя годами ранее А.А. Кучинским, то есть в районе станции Казбек Военно-Грузинской дороги. Поэтому последний обратился в Совет министров лично к его председателю П.А. Столыпину с ходатайством о признании своего первенства в этом вопросе. Обстоятельства дела отложились в архивах [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284]. Несмотря на колоссальную практическую значимость, они практически не задействованы научным сообществом.

Напомним историю вопроса. Первый проект А.А. Кучинского 1906 г. предлагает строительство линии электрического трамвая через Крестовый перевал и не встречает сочувствия у Правительственной комиссии [Киреев 2021: 35]. Второй вариант А.А. Кучинского – уже электрической железной дороги узкой колеи – поступил в министерство путей сообщения на имя министра Николая Константиновича Шауфуса 13 сентября 1907 г. В нём трое акционеров: генерал-от-инфантерии граф Ю.А. Борх, А.А. Кучинский и надворный советник Николай Вергилес просят о поддержке организуемого ими акционерного общества для постройки «без всякого от казны пособия» Тифлис-Владикавказской электрической железной дороги [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 2]. Проект предполагает строительство галерейной узкоколейной железной дороги через

Квенамтский перевал на электрической тяге. Разработка проекта финансируется английским капиталом – об этом упоминает сам Кучинский в своей докладной записке: «все предприятие финансируется одним из видных известных финансистов Англии» [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 49]. Энергией железную дорогу должны обеспечивать две электростанции, находящиеся примерно посередине дороги – на Тереке возле станции Казбек, и на реке Арагви. Проектированием гидроэлектростанций на Арагви в это время в интересах электрификации Тифлисского района и ирригации окружающих районов занимались инженеры Зворыкин и Н.Н. Андреев [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 35об].

Почти через два года, 4 июня 1909 г. Председатель Совета министров П.А. Столыпин обратился к наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову с просьбой дать отзыв на второй проект Кучинского. В ответном письме за подписью помощника наместника на Кавказе по военной части генерала Н.П. Шатилова высказана поддержка ходатайства Кучинского, но только при условии переработки проекта на нормальную колею.

2 сентября 1909 г. докладная записка Кучинского с отзывом канцелярии Наместника на Кавказе поступает министру путей сообщения Н.С. Рухлову с просьбой П.А. Столыпина «почтить уведомлением о том направлении, которое Вы изволите признать необходимым дать этому делу» [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 3].

Проект выносится на суд межведомственной комиссии в составе представителей министерств финансов, путей сообщения, внутренних дел, под председательством члена Инженерного совета МПС Б.А. Риппаса. Проект представляет сам А.А. Кучинский. Комиссия не даёт однозначного ответа, поскольку он не соответствует требованиям военного министерства о нормальной колее, а министр путей сообщения Рухлов собирает собственную комиссию для оценки возможности строительства перевальной дороги, отдавая предпочтение проекту Рыдзевского и Вурцеля в исполнении акционерного общества Владикавказской железной дороги [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 12 об].

Проект Ф.Д. Рыдзевского 1890 г. предполагал возведение железнодорожной ветки от Владикавказа через Архотский перевал с 11-верстным тоннелем. Е.Д. Вурцель в 1904-1906 гг. переработал этот вариант с удлинением главного тоннеля до 23 верст [Киреев 2021: 35]. Будучи в это время начальником Управления по сооружению новых дорог Министерства путей сообщения, Е.Д. Вурцель оказал противодействие проекту А.А. Кучинского, лоббируя собственный проект на паровой тяге.

В своей телеграмме П.А. Столыпину от 22 февраля 1910 г. Кучинский настоятельно просит помешать Е.Д. Вурцелю «похоронить» проект электрической железной дороги [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 8–9]. «Продолжительными трудами междуведомственного совещания установлена техническая исполнимость и рациональность электрической перевальной дороги. А между тем по газетным сообщениям организуется новое междуведомственное совещание в присутствии министра путей сообщения. Причем г. Вурцель привлекает к этому совещанию знакомых ему инженеров. Когда же проект выйдет на нормальный путь и пойдет в комиссию о новых дорогах, как-то мне положительно и

многократно обещано министром путей сообщения и финансов? Три года инженер Вурцель официально тормозил дело. Усердно ходатайствуем перед Вашим Высокопревосходительством оказать содействие по устранению зловредных для дела влияний инженера Вурцеля» [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 9].

Забегая вперёд, скажем, что Е.Д. Вурцель добился своей цели: при поддержке министра путей сообщения С.В. Рухлова получил 300 000 рублей на изыскания по Архотскому направлению, и в 1911–1914 гг. инженером Камбиаджо были проведены изыскания по двум проектам перевальной железной дороги – от станции Авчалы Закавказской железной дороги через Архотский перевал до Владикавказа и до ст. Слепцовской [Киреев 2021: 35].

В первой половине 1910 г. проект постройки перевальной дороги обсуждался в комиссии по новым железным дорогам. А 16 июня 1910 г. Кавказский наместник принял британского подданного Чарльза Генри Стюарта, который предложил новый проект строительства крупной энергетической системы по обеспечению дешёвой электроэнергией всего Кавказа. С этого момента проект Кучинского оказывается «под сукном», поскольку впечатлённый перспективами проекта Стюарта, наместник на Кавказе Илларион Иванович Воронцов-Дашков даёт ему «блестящий ход» [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 45].

Как следует из документов «Дела Кучинского», наместник на Кавказе в связи с прошением Ч.Г. Стюарта, предполагал строительство энергосистемы, способной дать энергетическую основу расцвета всего кавказского региона [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 43]. Основой системы становились две высоконапорные ГЭС, причем главной являлась Терская ГЭС. Для ее строительства Стюарт просил отдать ему в концессию территорию в шесть верст по правому берегу реки Терек в том самом месте, где строить станцию и железнодорожные пути предполагалось проектом Кучинского. Таким образом, исключалась возможность строительства железной дороги, а из проекта перевальной дороги изымалась ее важнейшая часть, энергетическая основа – сама ГЭС.

При этом наместник на Кавказе выразил поддержку проекту перевальной дороги по Архотскому варианту на паровозной тяге, ориентировочные сроки постройки которого проектом определялись в 15 лет.

Проект Стюарта быстро получил поддержку кавказского начальства, восторженную прессу, был оперативно рассмотрен на специально созданной межведомственной комиссии, в состав которой входили в том числе и крупнейшие русские ученые-энергетики П.С. Осадчий (руководитель комиссии) и М.Н. Шателен. Были выработаны условия концессии и одобрен сам проект. Стоит отметить, что П.С. Осадчий – один из будущих разработчиков плана ГОЭЛРО, осужденный по «делу Промпартии» в 1930 г., с самого начала был привлечен к консультациям по будущей «концессии Стюарта», как об этом упоминает А.А. Кучинский [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 35].

В августе 1912 г. после рассмотрения Советом Министров и одобрения проекта императором Николаем II, британскому подданному Чарльзу Стюарту была выдана концессия на 75 лет «на эксплуатацию водных сил озера Гокчи и реки Терек на Кавказе с правом распределять добываемую электрическую энергию – для снабжения ею железных дорог, портов, трамваев, фабрик, заводов, станций

городского и частного освещения и прочее – на сотни верст от центральных станций, по всему Кавказу до Баку, Грозного, Майкопа и Батума» [Симонов 2016: 142]. Руководил полевыми изысканиями и систематизацией материалов на правах правительственного чиновника уже упоминавшийся нами разработчик проектов ГЭС на реке Арагве инженер Николай Николаевич Андреев.

Необходимо отметить, что два конкурирующих проекта – А.А. Кучинского и Ч.Г. Стюарта – имели принципиально разные идейные основания. В первом случае электростанция рассматривается как составная часть отдельного предприятия, обеспечивающая рентабельность основной деятельности и приносящая ему дополнительную прибыль. Во втором случае электростанция является общественной или центральной, которая сама по себе является отдельным предприятием и обеспечивает энергетическую основу развития экономики всего региона. Именно такого взгляда на развитие электроэнергетики в то время придерживалось подавляющее большинство российских (да и не только российских) энергетиков и, как мы полагаем, именно поэтому проект Стюарта получил такую поддержку у ведущих специалистов отрасли. Следует отметить, что именно этот принцип впоследствии исповедовали разработчики плана ГОЭЛРО, и именно он стал основой проектирования единой энергосистемы СССР–России [Гуртуев, Кузьминов 2020: 101].

А.А. Кучинский в полемике с оппонентами не спорит с этим постулатом, но просит построить станцию в другом удобном месте, которое не препятствовало бы строительству электрической перевальной железной дороги. В своих докладных записках А.А. Кучинский подробно разбирает условия концессии и справедливо указывает, что Стюарт по ходу дела несколько раз изменил свои положения: сначала предлагал реализацию всего проекта в 5–6 лет, затем разбил проект на три этапа – в целом на 16-18 лет, поставил условием строительство в течении первых шести лет лишь временной электростанции у станции Ларс, которую затем предполагалось разобрать(!). В проекте Стюарта отсутствовал анализ рынка потребителей энергии, не имелось понятия о том месте, где планируется строительство второй ГЭС на озере Гокча, в конечном варианте концессии указывалось, что Терская станция будет обеспечивать электроэнергией Тифлис и Владикавказ, а лишь затем по мере выяснения потребностей энергосистема будет развиваться и по другим направлениям.

Кучинский встречался со Стюартом, рассчитывая найти общие подходы, формы сотрудничества, однако британский подданный был непреклонен и настаивал на собственном проекте, предлагая в будущем обеспечивать энергией и железную дорогу. В свою очередь, Кучинский с этим категорически не соглашался: «Постройка и содержание перевальной железной дороги базируется на применении наиболее дешевого из современных родов тяги – электрической. Изобрели и придумали ее не предприниматели, а современное развитие техники и государственные запросы. Слишком заблуждается г. Стюарт и другие лица, если допускают возможным или выгодным, чтобы перевальная дорога покупала на стороне энергию; конечно, предприниматель гидравлических станций, независимо от всех принимаемых правительством мер, в силу простых коммерческих расчетов, должен стремиться, чтобы продать энергию по воз-

можно дешевой, доступной, сходной цене; тем не менее железная дорога у него энергии не купит (что я лично объяснил г. Стюарту)» [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 49 об].

Кроме того, Кучинский в своих докладных записках неоднократно подчеркивал, что, несмотря на постоянно меняющиеся условия реализации концессии, Ч.Г. Стюарт твердо и последовательно отстаивает пункт о праве на переуступку прав концессии третьим лицам. На этом основании Кучинский делает предположение о том, что концессионер и не думает о строительстве, а предполагает провести чисто спекулятивную операцию, получив права на строительство энергетических объектов за 25 тысяч рублей концессионного взноса, а затем продавая их заинтересованным лицам. Кроме того, Кучинский в свою пользу трактует логику происходящих событий, настаивая на том, что нельзя отдавать собственность над стратегическими объектами иностранным подданным [ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. Л. 74об].

Н.Н. Андреев – правительственный чиновник при концессии Стюарта, инженер-гидростроитель, проживавший в 1935 г. в г. Тифлисе, по поручению московского института «Гидроэлектропроект» занимался розыском документов «концессии Стюарта». Целью было использование материалов изысканий при проектировании высоконапорной Дарьяльской ГЭС для включения ее в энергосистему Закавказья, в которой образовался недостаток электрической мощности. Поиски не дали результатов. В ходе переписки с управляющим ростовским отделением института он вспоминал, что после заключения концессионного договора с Чарльзом Генри Стюартом в 1912 г. начались полевые изыскания по р. Терек и ее притоку р. Чхери. «Концессионер домогался предоставления ему права отчуждения потребных для осуществления концессии земель, и этот вопрос подвергся подробному рассмотрению. Государственный совет стал на точку зрения невозможности поступиться «священным правом собственности» для проведения водоводов и линии электропередач, предоставив ему добиваться осуществления своих прав на основе общих законов» [ГАРО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 299. Л. 16].

Место расположения будущего головного сооружения электростанции находилось в собственности «13 князей Казбека», один из них умер, оставив малолетних наследников, находящихся под опекунством. Это стало непреодолимым препятствием для реализации проекта, поскольку вопрос принудительного отчуждения земель под проекты, имеющие общественную пользу, на законодательном уровне в Российской империи был решен лишь к концу 1916 г. А наличие в данном случае малолетних наследников не позволяло решить вопрос на общих юридических основаниях.

Кроме того, существовало еще одно обстоятельство, которое позволяет говорить об организованном противодействии реализации «концессии Стюарта» местным владикавказским предпринимательским сообществом и органами местной власти, которые были заинтересованы в строительстве железнодорожной ветки через Владикавказ, что повышало бы транзитный статус города и способствовало развитию экономики региона. Участки под водоводы и тоннели, находящиеся в собственности казны, предоставлялись концессионеру на

арендных правах, «однако проживавшая в г. Владикавказе «генеральша Сухотина» уже после выдачи правительством концессии, сделала в силу общих законов по всей линии тоннеля заявки на медную руду и получила отводы (земельные площади) для разработки таковой» [ГАРО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 299. Л. 16 об.].

Учитывая, что в это время полковник А.А. Кучинский продолжал разработку проекта перевальной железной дороги при активной поддержке Владикавказского городского головы и депутата от Терского казачества в Государственной Думе, можно предположить, что возник конфликт интересов разных уровней власти. То есть Ч.Г. Стюарт получил полную поддержку своего достаточно слабо проработанного проекта от наместника на Кавказе и представителей более высоких уровней власти, но встретил сопротивление властей местных.

Если наши рассуждения верны, то необходимо поставить вопрос, почему так произошло? Наместник на Кавказе Илларион Иванович Воронцов-Дашков после встречи с иностранным подданным сразу «дал делу блестящий ход» и обеспечил принятие положительного решения на самом высоком уровне в кратчайшие сроки. По-видимому, иностранный подданный имел основания быть встреченным с максимальным вниманием. Учитывая жесткий сословный характер российского общества, смеем предположить, что речь идёт о Чарльзе Генри Вейн-Темпест-Стюарте (1878–1949), 7-м маркизе Лондондерри, виконте Каслри, военном и дипломате, в то время члене британского парламента[1]. Иначе сложно объяснить, почему достаточно молодому иностранцу практически без обсуждения отдали приоритет в электрификации целого региона Российской империи, подключили к разработке проекта ведущих российских ученых, позволили воспользоваться результатами предварительных полевых исследований. В этой связи можно предположить, что одной из основных целей британского подданного было противодействие строительству стратегической железной дороги в Закавказье, которое представляло интерес для английской короны. Российские ученые, ухватившись за одну из счастливых возможностей реализовать крупный энергетический проект на новых организационных принципах опережающего развития энергетики, оказали ему полное содействие, может быть не вполне понимая стратегическую значимость проекта Кучинского. А самого британского подданного интересовали несколько другие аспекты этого дела.

С другой стороны, проект перевальной дороги Кучинского также финансировался английским банковским капиталом, и таким образом, у заинтересованных английских специальных служб была полная картина перспектив строительства дороги. Последовавшие за этим события иностранной интервенции и гражданской войны в России с английскими войсками в Баку и т.д. говорят в пользу изложенных соображений. Этот вопрос, на наш взгляд, требует дальнейшего, более глубокого изучения.

Тем не менее данные полевых исследований не пропали бесследно. Сама концессия Стюарта была в 1917 г. отменена, а проект Терской ГЭС, который

[1] *Чарльз Стюарт // https://ru.wikipedia.org/wiki/Чарльз_Стюарт_Генри_Вейн-Темпест-Стюарт,_7-й_маркиз_Лондондерри (дата обращения: 26.08.2022)*

разрабатывался под руководством А.А. Кучинского, вошел в первоначальный план ГОЭЛРО. «…Для перевальной дороги Владикавказ–Тифлис по Квенамтскому варианту (по Тереку и Арагве) имеются готовые изыскания и готовый проект дороги с электрической тягой. Установленная мощность 120 000 сил на валу турбин, напор около 560 метров. Расположение всех частей Терской гидроэлектрической установки подробно обследовано на месте. Имеется готовый проект установки. В октябре 1918 г. по ходатайству отдела горцев Кавказа был отпущен первый кредит на подготовку приступа к работам по сооружению установки, не использованный вследствие ведомственных противоречий» [ГОЭЛРО 1920: 16].

В уточненном плане ГОЭЛРО 1927 г. было принято решение от строительства Терской ГЭС отказаться, а вместо нее построить Гизельдонскую и Баксанскую ГЭС, что и было реализовано в 1930-е гг. [Электрификация СССР 1966: 195]. Причиной отказа была необходимость затопления и переноса нескольких участков Военно-Грузинской дороги, что вело к удорожанию строительства и себестоимости электроэнергии [Гуртуев, Кузьминов 2019].

Впоследствии на Тереке было построено несколько гидроэлектростанций: Эзминская (1954 г.) на территории России, Ларси (2014 г.) и Дарьяльская (2017 г.) на территории Грузии. Интересно, что строители двух последних пошли по пути, предлагавшемся группой российских энергетиков начала XX в. в концессии Ч.Г. Стюарта: первоначальное строительство небольшой станции возле селения Ларс для обеспечения работ по проходке тоннелей основной ГЭС, а затем возведение объектов Дарьяльской ГЭС возле селения Казбеги. Разница лишь в том, что малая станция не была разобрана впоследствии, а возведение Дарьяльской ГЭС не потребовало переноса участков Военно-Грузинской дороги. Перевальная железная дорога в итоге так и не была построена, и на сегодня необходимость ее строительства не очевидна, а для переброски войск во время последних военных событий 2008 г. пришлось использовать построенный в 1980-е гг. Рокский автомобильный тоннель.

Гидроэнергетический потенциал Терека на сегодня планируется использовать в перспективных проектах строительства электростанций Терского каскада ГЭС крупнейшего российского оператора гидроэлектростанций – ПАО «РусГидро».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андриевский 1895 – *Андриевский Н.* Сухум-кале, его данные и возможная будущность; основания для осуществления к нему железных дорог через Главный Кавказский хребет и от Закавказской их сети. Санкт-Петербург: Тип В.С. Балашева и Ко., 1895. – 68 с.

Статковский 1895 – *Статковский Б.И.* Железная дорога через Главный Кавказский хребет на Сухум. Тифлис, Тип. Главнонач. гражд. част. на Кавказе, 1895. – 28 с.

Вурцель 1907 – *Вурцель Е.Д.* К вопросу о постройке железнодорожной магистральной линии первостепенного значения для соединения сети Владикавказской и Закавказских дорог пересечением главного Кавказского хребта в центральной его части. – Тифлис: тип. Е.А. Либерман, 1907. – 42 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 299 *«Дело изысканий материалов бывшего концессионера по Терской ГЭС»*.

Гартман 1898 – *Доклад Р.К. фон-Гартмана Его Превосходительству г-ну министру финансов по делу о сооружении железной дороги по восточному берегу Черного моря.* – СПб: Типолитография А. Э. Винеке, 1898. – 53 с.

Геолком 1917 – *Известия Геологического комитета.* 1917 год. Т.36. № 1. Петроград: тип. М.М. Стасюлевича. 1917. – С. 524–527.

ГОЭЛРО 1920 – *План ГОЭЛРО. Электрификация Кавказского района.* М.: Научно-технический отдел ВСНХ, 1920. – 50 с.

Горев 1928 – *Горев А.А.* Водные ресурсы Закавказья и значение их утилизации в общем плане народного хозяйства. // Плановое хозяйство. 1928. № 3. – С. 221–230.

Грищенко 2008 – *ГрищенкоА.И., Зиноватный П.С.* Энергетическое право России (Правовое регулирование электроэнергетики в 1885–1918 гг.) М.: Юрист. 2008. – 279 с.

Гуртуев, Кузьминов 2019 – *Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А.* Проект электрификации Кабардино-Балкарской автономной области В.А. Покшишевского (1927 г.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 4 (47). – С. 76–82.

Гуртуев 2019 – *Гуртуев Р.С.* Обсуждение проекта строительства Баксанской ГЭС на заседании Президиума Кабардино-Балкарского облисполкома 27 февраля 1927 г. // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2019. Вып. 22. – С. 124–133.

Гуртуев, Кузьминов 2020 – *Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А.* Накопление научных знаний о гидроэнергетических ресурсах Северного Кавказа и первые шаги по их реализации // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. – С. 95–106. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-95-106

Дарчиева, Дарчиев 2017 – *Дарчиева С.В. Дарчиев А.В.* Нереализованный проект строительства железной дороги: Кавказская перевальная дорога // Былые годы, 2017, вып. 45, № 3, С. 928–936.

Киреев 2021 – *Киреев Ф.С.* К вопросу о дореволюционных проектах перевальной железной дороги в Закавказье // Вестник СОИГСИ им. К. Хетагурова. 2021. № 4. С. 32–37. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-4-32-37.

Кучинский 1912 – *Особый доклад почетному председателю Императорского Русского технического общества его императорскому высочеству великому князю Александру Михайловичу, г. Тифлис, 1906-1912 : [о проекте электрической перевальной железной дороги на Кавказе] / Инженер-полковника Кучинского*. – Тифлис, 1912. – 28 с.

Медалиев 1959 – *Медалиев Х.Т.* Социалистическая индустриализация Кабардино-Балкарии (1928–1937гг.). Нальчик, 1959; *Ортобаев Б.Х.* Развитие экономики Северной Осетии в конце XIX–начале XX вв. Орджоникидзе,1967; *Цуциев Б.А.* Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967; *Даниялов А.Д.* Строительство социализма в Дагестане 1921–1940 гг. – М., 1975 и др.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф.1276. Оп. 20. Д. 56. Л. 136–147 об. «*Особый журнал Совета Министров 23 февраля 1912 г. По вопросу о сооружении Черноморской побережной и Перевальной через главный Кавказский хребет железных дорог».*

Симонов 2016 – *Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской Империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 318 с.

Филькович 1901 – *Филькович Н.В.* Экономический очерк к проекту постройки «Центрально-кавказской» железной дороги через Рокский или Магский перевалы Главного Кавказского хребта. 2-е изд. – Санкт-Петербург: Паровая типо-лит. инж. И. Гершуна, 1901. – 91 с.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 284. «*Дело Совета Министров по ходатайству инженер-полковника, штаб-офицера для особых поручений Кавказского окружного инженерного управления А.А. Кучинского о рассмотрении проекта постройки перевальной узкоколейной электрической железной дороги через Главный Кавказский хребет; о нарушении иностранным подданным Г. Стюартом права первен-*

ства А.А. Кучинского на постройку электрической станции на р. Терек. 9 января 1909 г. – 1 марта 1912 г.».

Цориев 1988 – Цориев Р.И. Электрификация горного края. Орджоникидзе: Ир, 1988. – 239 с.

Электрификация СССР 1966 – *Электрификация СССР. Сборник документов и материалов 1926-1932 гг*. М.: Экономика, 1966. – 477 с.

REFERENCES

ANDRIEVSKIJ N. *Suhum-kale, ego dannye i vozmozhnaja budushhnost'; osnovanija dlja osushhestvlenija k nemu zheleznyh dorog cherez Glavnyj Kavkazskij hrebet i ot Zakavkazskoj ih seti* [Sukhum-Kale, its data and possible future; grounds for the implementation of railways to it through the Greater Caucasus Range and from the Transcaucasian network]. – Saint-Peterburg: V.S. Balashev & Co. tip., 1895. – 68 p. (In Russ.).

CORIEV R.I. *Jelektrifikacija gornogo kraja* [Electrification of the mountainous region] – Ordzhonikidze: Ir, 1988. – 239 p. (In Russ.).

CUCIEV B.A. *Jekonomika i kul'tura Severnoj Osetii* [The economy and culture of North Ossetia]. – Ordzhonikidze, 1967;

DANIJALOV A.D. *Stroitel'stvo socializma v Dagestane 1921–1940 gg* [Building Socialism in Dagestan 1921-1940]. – Moscow, 1975 i dr. (In Russ.).

DARCHIEVA S.V. DARCHIEV A.V. *Nerealizovannyj proekt stroitel'stva zheleznoj dorogi: Kavkazskaja pereval'naja doroga* [Unrealised railway project: the Caucasus Pass Road]. // Bylye gody, 2017, vol. 45, No. 3, P. 928–936. (In Russ.).

*Doklad R.K. fon-Gartmana Ego Prevoshoditel'stvu g-nu ministru finansov po delu o sooruzhenii zheleznoj dorogi po vostochnomu beregu Chernogo morja [*Report by R.K. von Hartmann to His Excellency the Minister of Finance on the construction of the railway on the eastern shore of the Black Sea] – St. Petersburg: A.E. Vineke pr., 1898. – 53 p. (In Russ.).

Fil'kovich N.V. Jekonomicheskij ocherk k proektu postrojki «Central'no-kavkazskoj» zheleznoj dorogi cherez Rokskij ili Magskij perevaly Glavnogo Kavkazskogo hrebta [Economic sketch for the project of building the «Central Caucasus» railway via the Roki or Magi Passes of the Main Caucasus Range] 2 ed. – St-Petersburg: I. Gershun typ., 1901. – 91 p. (In Russ.).

GOREV A.A. *Vodnye resursy Zakavkaz'ja i znachenie ih utilizacii v obshhem plane narodnogo hozjajstva* [Transcaucasian Water Resources and the Importance of their Utilization in the General Plan of the National Economy] // Planovoe hozjajstvo. 1928. – № 3. – P. 221-230. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region]. F.1952. In.1. C. 299.

GRISHHENKOA.I., ZINOVATNYJ P.S. *Jenergeticheskoe pravo Rossii (Pravovoe regulirovanie jelektrojenergetiki v 1885–1918 gg.)* [Energy Law of Russia (Legal Regulation of the Electric Power Industry in 1885-1918)] – Moscow: Jurist, 2008. – 279 p. (In Russ.).

GURTUEV R.S. *Obsuzhdenie proekta stroitel'stva Baksanskoj GJeS na zasedanii Prezidiuma Kabardino-Balkarskogo oblispolkoma 27 fevralja 1927 g [*Discussion of the Baksan HPP construction project at a meeting of the Presidium of the Kabardino-Balkarian Regional Executive Committee on 27 February 1927.]. // Izvestija Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij. – 2019. – Vol. 22. – P. 124-133.

GURTUEV R.S., KUZ'MINOV P.A. *Nakoplenie nauchnyh znanij o gidrojenergeticheskih resursah Severnogo Kavkaza i pervye shagi po ih realizacii* [The accumulation of scientific knowledge on hydropower resources in the North Caucasus and the first steps towards their implementation]. In: «Kavkazologija». – 2020. – № 4. – P. 95-106. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-95-106. (In Russ.).

GURTUEV R.S., KUZ'MINOV P.A. *Proekt jelektrifikacii Kabardino-Balkarskoj avtonomnoj oblasti V.A. Pokshishevskogo (1927 g.)* [V.A. Pokshishevsky's project for the electrification of the

Kabardino-Balkarian Autonomous Oblast (1927)]. // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. – 2019. – № 4 (47). – P. 76-82.

Izvestija Geologicheskogo komiteta [Proceedings of the Geological Committee]. 1917. Vol. 36. No. 1. – Petrograd: tip. M.M. Stasjulevich. 1917. – P. 524–527. (In Russ.).

Jelektrifikacija SSSR. Sbornik dokumentov i materialov 1926-1932 gg [Electrification of the USSR. Collection of documents and materials 1926-1932.]. – Moscow: Ekonomika, 1966. – 477 p. (In Russ.).

KIREEV F.S. *K voprosu o dorevoljucionnyh proektah pereval'noj zheleznoj dorogi v Zakavkaz'e* [On the pre-revolutionary projects of the Transcaucasian railroad]. // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. Khetagurova. 2021. Vol. 4. P. 32–37.(In Russ.).

MEDALIEV H.T. *Socialisticheskaja industrializacija Kabardino-Balkarii (1928–1937gg.)* [Socialist Industrialisation of Kabardino-Balkaria (1928-1937)]. Nal'chik, 1959;

ORTOBAEV B.H. *Razvitie jekonomiki Severnoj Osetii v konce XIX–nachale XX vv [*The development of the economy of North Ossetia in the late XIX–early XX century]. – Ordzhonikidze,1967;

Osobyj doklad pochetnomu predsedatelju Imperatorskogo Russkogo tehnicheskogo obshhestva ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knjazju Aleksandru Mihajlovichu, g. Tiflis, 1906-1912 : [o proekte jelektricheskoj pereval'noj zheleznoj dorogi na Kavkaze] / Inzhener-polkovnika Kuchinskogo [Special report to His Imperial Highness the Grand Duke Alexander Mikhailovich, Honorary Chairman of the Imperial Russian Technical Society, Tiflis, 1906-1912 : [about the project of the electric pass railway in the Caucasus] / Colonel-Engineer Kuchinsky] – Tiflis, 1912. – 28 p. (In Russ.).

*Plan GOJeLRO. Jelektrifikacija Kavkazskogo rajona [*GOELRO plan. Electrification of the Caucasian Region]. – Moscow: The Scientific and Technical Department of the Supreme Council of the National Economy, 1920. – 50 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. F.1276. In. 20. C. 56. S. 136–147 ob.

SIMONOV N.S. *Razvitie jelektrojenergetiki Rossijskoj Imperii: predystorija GOJeLRO* [Development of the Electric Power Industry of the Russian Empire: the Prehistory of GOELRO]. – Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2016. – 318 p. (In Russ.).

STATKOVSKIJ B.I. *Zheleznaja doroga cherez Glavnyj Kavkazskij hrebet na Suhum [*Railway across the Greater Caucasus Range to Sukhum]. – Tiflis: Chief civilian officer of the Caucasus tip., 1895. – 28 p. (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Central State Historical Archive]. F. 1276. In. 5. C. 284.

VURCEL' E.D. *K voprosu o postrojke zheleznodorozhnoj magistral'noj linii pervostepennogo znachenija dlja soedinenija seti Vladikavkazskoj i Zakavkazskih dorog peresecheniem glavnogo Kavkazskogo hrebta v central'noj ego chasti [*Concerning the construction of a railway line of paramount importance to connect the Vladikavkaz and Transcaucasian railways network by crossing the main Caucasus mountain range in its central part]. – Tiflis: E.A. Liberman tip., 1907. – 42 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р.С. Гуртуев – лаборант-исследователь.
П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор.
К.А. Сундукова – лаборант-исследователь.
И.С. Тахушева – лаборант-исследователь.

Information about the authors

R.S. Gurtuev – laboratory assistant.
P.A. Kuzminov – Doctor of Science (History), professor.
K.A. Sundukova – laboratory assistant.
I.S. Takhusheva – laboratory assistant.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 31.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Новейшая история

Научная статья
УДК 94«1917»
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-83-94
EDN: BWTNMM

ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НАРОДОВ КАВКАЗА В ПЕРИОД РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

Дмитрий Игоревич Состин
МИРЭА Филиала Российского технологического университета в г. Ставрополе, Ставрополь, Россия, dima.sostin@yandex.ru, https://orcid.org /0000-0003-2016-2392

Аннотация. В статье анализируются особенности государственного строительства народов Кавказа в переломный период российской государственности, отмеченный острыми драматическими событиями, -революциями 1917 г. Специфика предмета исследования, тесно связана с общероссийским политическим процессом, падением самодержавия в феврале-марте 1917 г. Сделан вывод о том, что следствием революций, включая октябрьский переворот, была не только трансформация социальных и политических институтов горского населения Кавказа, казачества этой на тот момент аграрной окраины нашей страны, но довольно жесткая борьба между местными политическими силами, которые стремились реализовать в регионе свои проекты национально государственного устройства. Однако ни один из них к 1918 г. так и не состоялся. Приводится заключение о том, что в условиях все более усиливающегося к концу 1917 г. социального и экономического кризиса, в массовом сознании северокавказского общества, Юга России, как в прочем основной части населения других регионов России брали верх леворадикальные тенденции, результатом чего стала гражданская война и строительство социализма в стране.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, Кубанская Область, Терская Область, Кубанская войсковая Рада, Союз Юго-Восточных автономных и федеральных областей, Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей.

Для цитирования: Состин Д.И. Опыт национально-государственного строительства народов Кавказа в период российских революций 1917 года // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 83-94. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-83-94. EDN: BWTNMM.

© Состин Д.И., 2022

Original article

THE EXPERIENCE OF NATIONAL STATE BUILDING OF THE CAUCASSIAN PEOPLE DURING THE RUSSIAN REVOLUTIONS IN 1917

Dmitry I. Sostin
MIREA Branch of the Russian Technological University in Stavropol, Stavropol, Russia, dima.sostin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2016-2392

Annotation. The article analyzes the features of the state building of Caucasian people in the crucial period of Russian statehood, marked by acute dramatic events—the revolutions of 1917. The specifics of the subject of the study are closely related to the All-Russian political process, the fall of the autocracy in February—March 1917. It is concluded that the consequence of the revolutions, including the October revolution, was not only the transformation of the social and political institutions of the mountain population of the Caucasus, the Cossacks of this agrarian outskirts of our country but a rather fierce struggle between local political forces that sought to implement their national state system projects in the region. However, none of them took place in 1918. The conclusion is given that in the conditions of the social and economic crisis, which was increasingly intensifying by the end of 1917, in the mass consciousness of the North Caucasian society, the South of Russia, as in other things, the main part of the population of other regions of Russia, left-wing radical tendencies prevailed, resulting in a civil war and the construction of socialism in the country.

Keywords: February Revolution, October Revolution, Kuban Region, Tersk Region, Kuban Military Rada, Union of South– Eastern Autonomous and Federal Regions, South-Eastern Union of Cossack troops, Mountaineers of the Caucasus and free peoples of the steppes.

For citation: Sostin D.I. The experience of national state building of the Caucassian people during the Russian revolutions in 1917. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 83-94. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-83-94. EDN: BWTNMM.

© Sostin D.I., 2022

В условиях развития российской государственности, с учетом все более нарастающих внутренних и внешних вызовов, усиливающегося противостояния с Западом и борьбы за суверенитет на современном этапе, имеет исторический опыт государственного развития России начала XX в. Особую ценность в этом дискурсе представляет история национально государственного строительства на местах, в первую очередь в таком уникальном регионе страны, как Северный Кавказ.

Следует отметить, что вопросы, связанные с революциями, гражданским противостоянием на Кавказе всегда были в центре внимания историков. Научная разработка этой проблематики началась еще в середине 20-х гг. XX в. Тогда же вышли работы Н.Л. Янчевского. На материалах Северного Кавказа исследователь непредвзято с объективных позиций, которые были еще допустимы накануне 10-летия Октябрьской революции, ставилась обобщающая проблема гражданской борьбы не только в регионе, но в России. Анализировался опыт борьбы политических партий за местное население до и после революций 1917 г. [Янчевский 1924; Янчевский 1927].

В 30-40-х гг. XX в. под влиянием сталинского режима наблюдался поворот в методологии исторической науки и революционные события на Кавказе в трудах исследователей получали несколько иное, более тенденциозное направление. События 1917 г. и последующей, затем гражданской войны, освещались преимущественно в контексте Октября и в дозволенных авторам рамках [Раенко 1939]. Сюда же можно отнести труды донских историков М.Н. Корчина, Зо-

лотова. Эти работы, несмотря на подробную детализацию событий, которым они предавали характер социальных движений крестьянства казачества и горцев в борьбе за Советскую власть, страдали отсутствием подробных событий, показывающих особенности национально-государственного строительства [Корчин 1941; Золотов 1950].

Хрущевская «оттепель», с которой связаны: демонтаж ГУЛАГА, реабилитация незаконно депортированных народов Кавказа, позволила расширить научные рамки исследований. Они, разумеется, лишь только в определенной степени, затронули политическую историю кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, черкесов, жителей Дагестана, Чечни, Ингушетии и других представителей северокавказского населения в рассматриваемую нами эпоху. Весьма ценными в это непростое время оказались исследования выдающегося историка и кавказоведа с мировым именем, профессора В.П. Невской. На основе богатого архивного материала Валентина Павловна комплексно изучила аграрный вопрос в Карачае и Черкесии накануне 1917 г., показала социальные и сословные противоречия, обусловившие революционные процессы в местных горских сообществах [Невская 1972].

Значительное влияние на развитие региональной историографии, касательно революций 1917 г. в 70–80-е гг. XX в. оказали труды П.А. Шацкого, И.П. Осадчего, Л.И. Футорянского, В.П. Трут, А.И. Козлова. Они усилили исследования предшественников подробным анализом социально-экономической и политической жизни Кавказа накануне в ходе российских революций 1917 г. [Шацкий 1970; Осадчий 1977; Футорянский 1972; Трут 1988; Козлов 1988].

Основной историографический массив по исследуемой теме сформировался в постсоветский период. К этому периоду относятся исследователи петербургских кавказоведов. Так изучением административно-территориального деления Кавказа в 1917–1924 гг. особенностями национального устройства занимались А.Х. Даудов, Д.И. Месхидзе [Даудов, Месхидзе 2009; Даудов 2012]. Политическую трансформацию Терской области в Горскую республику в 1917–1921 гг. исследует В.Б. Лобанов [Лобанов 2022].

Ингушский историк Т.Х. Матиев выявил много интересных фактов, касающихся становления и развития горского националистического движения и не только его в годы российских революций [Матиев 2018; Матиев 2021].

Дагестанский исследователь Р.Т. Джамбулатов посвятил свои работы политическим событиям в годы революций в Терской Области [Джамбулатов, Чекулаев 2017].

И наконец, известные кабардинские историки, представляющие республиканскую историческую науку, такие как: А.Г. Кажаров, К.Ф. Дзамихов, О.А. Жанситов достаточно обстоятельно в последние годы исследовали историю Нальчикского округа современной Кабардино-Балкарии, раскрыли содержание сложных политических процессов, связанных с национально-государственным строительством в 1917г и в последующий период [Кажаров 2017; Кажаров 2018; Дзамихов, Кажаров 2019; Кажаров 2019; Жанситов 2021].

Россия, вплоть до 1917 г. в национально-государственном устройстве была уникальным мировым феноменом. С XVIII в. до 1917 г. по форме государ-

ственного правления она являлась империей с мощной центральной властью, разветвленной бюрократией, сильным репрессивным аппаратом и державной идеологией. На рубеже XIX-XX вв. она достигла своего экономического и политического расцвета. Государственное управление находилось в руках царской администрации «лучше кого либо, знавшей интересы народа». Такая модель общественного устройства не отвечала интересам всего российского общества, в том числе той его части, которая проживала на Кавказе.

Во второй половине XIX в. Российская империя уже окончательно утвердилась на Кавказе, завершилось формирование административной системы управления этим сложным в социально-экономическом и политическом отношении, многонациональным Краем. Главным инструментом его выступало Кавказское наместничество, деятельность которого, начиная с окончания Кавказской войны, строилась на принципах централизма, компромисса и регионализма. Деятельность института наместников на Кавказе дополнялась уникальными по своему содержанию административно-судебными органами, которые имели название военно-народного управления. Российское государство видело их, прежде всего, как инструмент унификации управления северокавказскими территориями для управления для подготовки их в послевоенный период к гражданскому управлению. В это же время завершался переход к новому административно-территориальному устройству региона. В 60-х гг. XIX в. были образованы Кубанская и Терская области [Гайдабура, Кондрашева 2006: 202].

Дальнейшее развитие наместничества на Кавказе продолжил император Николай II., возродив эту административно-территориальную единицу в рамках империи в 1905 г. [Злобин 2014: 22].

Однако дальнейшие события внесли серьезные изменения в сложившуюся структуру управления, а позднее и административно территориального деления региона. В условиях усложнения общественно политической ситуации в стране происходили серьезные изменения. Российское общество в условиях революции 1905 г., Мировой войны 1914 г. переживало системный кризис, охвативший экономику, власть, государственное управление. Кавказское Наместничество было упразднено, политика регионализма, уступало жесткому, централизованному управлению территориями и областями. На Северном Кавказе, в Терской Области, как в прочем и на Дону и Кубани, вводилось прямое административное военно-казачье управление просуществовало вплоть до Февраля 1917 г.

Отметим, что Кавказское Наместничество было ликвидировано сразу же после Февральской революции 1917 г. Мы рассматриваем события, разворачивающиеся на Кавказе от Февраля к Октябрю, следовательно, за рамками прежнего, уже отжившего административно-территориального деления имперской России. С этим межреволюционным периодом, который сопровождался демократизацией общественно-политической жизни, как в целом по России, так и в ее регионах, были связаны и основные проекты национально государственного строительства. В многонациональном северокавказском регионе они реализовывались различного рода

политическими силами, нередко от имени местного горского населения, крестьянства, горожан, а также казачества.

Особый интерес в этой связи вызывает и ближайший фронтир, пространственная проблематика которого все больше актуализируется в современном научном дискурсе. В нашем случае к нему относится расположенная к северу от бывшего Кавказского наместничества Донская Область. Исследовательское внимание здесь подогревается присутствием издавна проживавшего в этих местах казачества, сословное устройство, бытовой уклад которого приближалось к казакам Кубани и Терека. Сюда же, относятся и некоторые духовно-ментальные аспекты. В сочетании с национальным колоритом, которым всегда отличался горный Кавказ, они создавали особую картину, на фоне которой в 1917 г. реализовывались планы создания национальными, группами, духовными объединениями, казачеством различных политических автономий.

Донское казачество было самым многочисленным среди казачьих войск, существовавших в России, а национально-государственное проектирование своего будущего, формы самоуправления и в период деятельности Временного правительства и в борьбе с большевизмом не уступало кубанцам терцам, горцам. Такая тенденция наблюдалась и в период революций 1917 г и последующей за ними гражданской войны в России. Однако, несмотря на определенное единство интересов казаков, крестьян, горцев в плане политического самоопределения, которые в прочем, как и у поляков, финнов в какой-то мере сводились к стремлению «пожить» самостоятельно, подальше от центральной власти, революционные события на Кавказе имели свою специфику. Революции, социально-экономический кризис не только активизировали национальное пробуждение горских народов, но предопределили специфику моделей государственного устройства последних. Особенности этого сложного, противоречивого процесса и являются целью нашего исследовательского анализа.

Итак, Февральская революция, свергнувшая монархию, ускорила политические процессы, привела к коренным изменениям в жизни всех народов России и территорий некогда обширной империи. В первую очередь это касалось российских окраин, и Кавказ при этом, не был исключением. Неудачи на фронте влияли на настроение людей. Они затронули практически все слои местного населения крестьян, казаков, горцев. Активизировалась деятельность различных политических сил, в основном оппозиционных Временному правительству общероссийских и национальных партий. Вышедшие из подполья после февральской революции большевики, эсеры, (либеральные партии в регионе присутствовали преимущественно в крупных городах, которых было немного) оказывали все возрастающее воздействие на все более страдающее от войны население, призывая последних к захвату и разделу частновладельческих земель в казачьих областях и горских аулах. Политическая деятельность левых сопровождалась созданием крестьянско - казачьих Союзов и советов крестьянских депутатов как органов самоуправления. Общественно-политическая обстановка постепенно

накалялась. Крестьянство, в первую очередь иногороднее требовало пересмотра арендных отношений с землевладельцами, скорейшего решения аграрного вопроса в свою пользу. Казачьи верхи, население относительно благополучных станиц Кубани, Терека, горская знать выступали против радикального решения аграрного вопроса в пользу бедного крестьянства и иногородних. Привилегированные слои стремились сохранить свою самобытность, земельные права, а также, что немаловажно - свое сословное самоуправление. И это на фоне все более теряющего нити государственного управления и авторитет в низах российского общества Временного правительства. Что касается последнего, то оно (Временное правительство) главную свою задачу видело в том, чтобы довести страну до созыва Учредительного собрания. Однако эта идея неоднозначно воспринималась в разных слоях общества, сообразно их положению, социальному, политическому, культурному опыту. Поэтому, по мере исчезновения Февральской эйфории, «отдельные группы населения региона, включая коренное, опасались только одного – быть обойдёнными в праве участвовать в решении задач на своей земле. Так, собравшийся в марте 1917 г. в Петрограде общеказачий съезд формально признал Временное правительство, выступив при этом за сохранность сословных привилегий и казачье самоуправление [Гордеев 2008: 517]. Подобная обстановка складывалась на Кубани. В Кубанском казачьем войске высшей властью обладал войсковой наказной атаман, который одновременно был начальником Кубанской Области. При нем создавалось областное правление, которому подчинялись правления отделов, которые вместе со станичными правлениями следили за общественным порядком, утверждали выборных станичных атаманов. В апреле 1917 г. в сложной для страны обстановке, когда в Петрограде разворачивался политический кризис, повлекший отставку министра иностранных дел Временного правительства П. Милюкова, на Кубани была создана Кубанская войсковая Рада, которая выполняла функции кубанского правительства [Вольная Кубань 1917а].

Идея сохранить войсковые земли, капиталы, промыслы прослеживалась на многих казачьих сборах. В частности, собрании казаков Ростова и Нахичевани, проходившем 8 апреля 1917 г. в Ростове, в одном из докладов, говорилось: «…Казачество находится во власти исторических традиций. Оно имеет свои особенности, завещанные ему историей, и оно имеет право на общественно-правовую ячейку (автономию)…» [Ростовская речь 1917]. Подобным содержанием отличалась резолюция Донского Войскового казачьего съезда, на котором присутствовали выборные от всех станиц Области. Он проходил в конце апреля 1917 г. в Новочеркасске. В ней отмечалось: «Самобытность Донского казачества, уклад жизни его на основах исторических казачьих вольных традиций, требует сохранения за казаками неотъемлемого права собственности на юртовые, войсковые земли, составляющие неприкосновенное историческое достояние казачества…» [Вольный Дон 1917].

Продолжением процесса казачьей «самостийности» и не только на Дону, было создание в осенью 1917 г. Конфедерации представителей казачьих войск и горских народов Кавказа. На съезде конфедерации, проходившем в сентябре

1917 г. в Екатеринодаре, было заявлено о создании «…сильной власти, самостоятельного казачьего государственного образования – Союза Юго-Восточных автономных и федеральных областей…» [Вольная Кубань 1917б]. Союз просуществовал непродолжительное время. В условиях кризиса центральной власти и ее упадка, сказывалась неопределенность перспектив развития. Обострялась борьба двух властных структур – Войсковых правительств и Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, в целом казачества и горского населения.

Революционные события 1917 г. и, как следствие, возникший после Февральской революции политический резонанс затронули горный Кавказ. Рамки статьи, к сожалению, не позволяют подробно описать содержание политического процесса в отдельных его районах. Остановимся, однако, на основных событиях весны – осени 1917 г. в Терской Области.

Терская Область, входившая до 1917 г. в состав Кавказского наместничества, в указанный период также не избежала перемен административно-территориального характера. Начало им положил Февраль 1917 г., сбросивший устаревшую политическую систему царской России, которая в сознании значительной части горского населения ассоциировалась с деспотизмом и социальным бесправием, религиозным гнетом. В этих условиях актуализировался поиск новых форм политической религиозной идентичности. Ускоряло эту тенденцию также ухудшение социально-экономического положения и как следствие обнищание значительной части и без того бедного населения области, начавшееся с началом первой мировой войны.

Как и на Дону и Кубани, политические перемены на Тереке инициировала местная элита, духовные авторитеты, казачьи верхи, отчасти политические партии (РСДРП, партия народной свободы и др.), которые за исключение городской среды, малочисленного пролетариата и интеллигенции, не пользовались значительным влиянием аулах и станицах.

По мере обострения социально-экономического и политического кризиса в стране, выхода на политическую сцену большевиков, настроения местного социума сторону в смысле национально-государственного самоопределения менялись в более активную сторону. Так уже в марте 1917 г., во Владикавказе, административном центре Терской области, был учрежден Временный центральный комитет объединенных горцев Северного Кавказа. Причины формирования этой структуры, как объясняли его организаторы, был паралич власти и анархия. Дальше-больше. От задач организации местных органов самоуправления активисты Центрального комитета перешли к подготовке регионального форума, для определения концепции национально-государственного развития региона.

В рамках этого курса, в мае 1917 г. , во Владикавказе был созван съезд, на котором обсуждался вопрос о вхождении в состав новой республики России горских районов Терека, Дагестана, частично Закавказья на правах некого «горского штата» со своим управлением и массовой общественной организацией, именуемой, как Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана [Кажаров 2018: 20]. Опираясь на просвещенную в российской культурной среде

интеллигенцию, религиозных авторитетов в общественном формате Союз должен был регулировать социально-экономические вопросы, повседневную жизнь горцев на местах. В свою очередь, терское казачество создавало свое войсковое правительство для контроля за обстановкой в четырех отделах Области [Киреев 2021: 20].

Политический кризис в Петрограде, усиление позиций большевиков в Советах, ускорял процесс самоопределения российских окраин, включая Кавказ. Острота, с которой развивались события в Центре, несла угрозу местным сословиям и этническим общностям, требовала принятия ответных решений. В этих условиях между казачеством и горской общественностью намечался определенный политический консенсус. 20 октября 1917 г. во Владикавказе заключен Договор об образовании Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» В Союз вошли Донские Кубанские, Терские, Астраханские казачьи войсковые земли, степные кочующие народы Ставрополья, Дагестан, горцы сухумского отдела.

Следует отметить, что Союз не ставил перед собой задачи развала России, как государства. Более того, наилучшей формой государственного устройства России, считала прогрессивная горская интеллигенция, должна была стать федеративная демократическая республика, куда наряду с другими регионами страны должен был войти и Северный Кавказ. В условиях нарастающей к осени 1917 г. социальной и политической нестабильности в стране, такая модель национально-государственного устройства как считала местная элита, была едва ли не единственным вариантом спасения Кавказа от левого переворота. Союз концентрировал усилия на развитии самоуправления, сохранении традиционных культурных ценностей, самобытности. Такой позиции, придерживалось, сформированное в декабре 1917 г. Терско-Дагестанское правительство, одним из инициаторов которого был атаман терского казачьего войска М. Караулов.

Значительная часть населения Кавказа, в частности «объединенные горцы» в этот драматический период не теряли надежды на лучшие времена, но занимала пассивную выжидательную позицию. Однако Октябрьский переворот внес коррективы в процесс политического творчества многонационального Кавказа, противоречия привели к расколу не только кавказского, но и в целом российского общества, а далее последовала братоубийственная гражданская война. Тем не менее попытки национально-государственного строительства на Кавказе в период революций 1917 г., несмотря на их неудачи, требуют серьезного осмысления, а опыт безусловно полезен в условиях внутренних и внешних вызовов современной российской государственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вольная Кубань 1917а – *Вольная Кубань*: газета общественно-политическая. – Екатеринодар, – 1917 г. 6 сентября.

Вольная Кубань 1917б – *Вольная Кубань:* газета общественно-политическая – Екатеринодар. – 1917 г. 8 июня.

Вольный Дон 1917 – *Вольный Дон:* газета общественно-политическая. – Ростов на Дону. – 1917 г. 26 апреля.

Гайдабура, Кондрашева 2006 – *Гайдабура И. Г., Кондрашева А.С.* Политика России на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Очерки политической и правовой истории Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.). – Краснодар: КубГУ, 2006. – С. 202-264.

Гордеев 2008 – *Гордеев А.А.* История казачества. – М.: Вече, 2008. – 516 с.

Даудов 2012 – *Даудов А.Х.* Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 1. – С. 31-41.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А. Х., Месхидзе Д. И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. – 224 с.

Джамбулатов, Чекулаев 2017 – *Джамбулатов Р.Т., Чекулаев Н.Д*. Революционные будни 1917 г.: Кизлярщина от Февраля к Октябрю // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 г. Материалы международной научной конференции. Под редакцией В.М. Доброштана, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. – СПб. СПбГУ, 2017. – С. 98-101.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: История становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 3 (42). – С. 39-58.

Жанситов 2021 – *Жанситов О.А*. Процесс «автономизации» в Кабарде в период Февральской и Октябрьской революции // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2021. – № 1 (52). – С. 38-43.

Злобин 2014 – *Злобин Ю.П.* Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления в XIX – начале XX вв. // Вестник ОГУ. – 2014. – № 7 (168). – С. 124-129.

Золотов 1950 – *Золотов В.А.* Аграрный вопрос на Дону перед Великой Октябрьской социалистической революцией. – Ростов на Дону, 1950. – 15с.

Кажаров 2017 – *Кажаров А.Г.* Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917–1918 гг. // Вестник АГУ. – 2017. – № 4 (209). – С. 100-110.

Кажаров 2018 – *Кажаров А. Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917– 1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Киреев 2021 – *Киреев Ф.С.* Восстановление войскового самоуправления в Терском казачьем войске весной 1917 г. // Kavkaz-Forum. – 2021. – № 5 (12). – С. 90-100.

Козлов 1988 – *Козлов А.И.* Социально-экономические, политические отношения, классовая борьба на Юго-Востоке европейской России накануне Октября. Автореф. дис. д.ист.н. – Ростов на Дону, 1988. – 37 с.

Корчин 1941 – *Корчин М.Н.* Революционные выступления донского казачества (1905-1819). – Ростов на Дону, 1941. – 34 с.

Лобанов 2022 – *Лобанов В.Б*. От Терской области к Горской АССР: Терек в 1917- 1921 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 48-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-48-60

Матиев 2018 – *Матиев Т.Х*. Роль моздокского съезда народов Терека в налаживании политического союза между Ингушетией и большевиками // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 250-253.

Матиев 2021 – *Матиев Т.Х.* Термин «Горское национальное движение» в современной историографии революции и гражданской войны 1917–1921 гг. // «Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра». Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас: ООО «КЕП», 2021. – С. 309-316.

Невская 1972 – *Невская В.П.* Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972. – 216 с.

Осадчий 1977 – *Осадчий И.П.* Октябрь на Кубани. Краснодар: кн. Изд-во, 1977. – 208 с.

Раенко 1939 – *Раенко Я.К.* Хроника исторических событий на Дону, Кубани, Черноморье. – Ростов-на-Дону: Росиздат, 1939. – 130 с.

Ростовская речь 1917. – *Ростовская речь:* газета общественно-политическая. – Ростов-на-Дону. – 1917 г. 11 апреля.

Трут 1988 – *Трут В.П.* Казачество Дона, Кубани, Терека накануне и в ходе осуществления Великой октябрьской социалистической революции. Дис. канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 1988. – 211 с.

Футорянский 1972 – *Футорянский Л.И.* Казачество в период буржуазно-демократической революции. – М.: б/и, 1972. – 43 с.

Шацкий 1970 – *Шацкий* П.А. Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь: б/и, 1970. – 410 с.

Янчевский 1927 – *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: Севкавкнига, 1927. – 78 с.

Янчевский 1924 – *Янчевский Н.Л* Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917–1920 гг). – Ростов-на-Дону: Советский юг, 1924. – 157 с.

REFERENCES

VOL′NAYA KUBAN′: *gazeta obshchestvenno-politicheskaya.* [Free Kuban: social and political newspaper]. – *Yekaterinodar, – 1917g. 6 sentyabrya*. (In Russ.).

VOL′NAYA KUBAN′*: gazeta obshchestvenno-politicheskaya* [Free Kuban: socio-political newspaper]. – *Yekaterinodar. – 1917g. 8 iyunya.* (In Russ.).

VOL′NYY DON*: gazeta obshchestvenno-politicheskaya* [Free Don: social and political newspaper]. – *Rostov na Donu .– 1917g. 26 aprelya.* (In Russ.).

GAIDABURA I.G., KONDRASHEVA A.S. *Politika Rossii na Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [With the policy of Russia in the Caucasus (the second half of the XIX – early XX centuries.)]. IN: Ocherki politicheskoi i pravovoi istorii Severnogo Kavkaza (XIX – nachalo XX vv.). – Krasnodar: KubGU, 2006. – S. 202-264. (In Russ.)

GORDEEV A.A. *Istoriya kazachestva.* [History of the Cossacks]. – Moscow: Veche, 2008. – 516 p. (In Russ.)

DAUDOV A.H. *Gosudarstvennoye ustroystvo Gorskoy ASSR* [State structure of the Mountain ASSR]. IN: Bulletin of St. Petersburg University. History. – 2012. – No. 1. – S. 31- 41. (In Russ.)

DAUDOV A. H., MESKHIDZE D.I. *Natsional'naya gosudarstvennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (1917– 1924 gg.).* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2009. – S. 224 (In Russ.)

DZHAMBULATOV R.T., CHEKULAEV N.D. *Revolyucionnye budni 1917 goda: Kizlyarshchinaot Fevralya k Oktyabryu* [Revolutionary weekdays of 1917: Kizlyarshchina from February to October]. IN: Revolyucii v otechestvennoj i mirovoj istorii: k 100-letiyu rossijskih revolyucij 1917 goda. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Pod redakciej V.M. Dobroshtana, S.I. Bugasheva, A.S. Minina, T.V. Rabush. – SPb., 2017. – S. 98-101. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T., CHEKULAEV N.D. *Revolyucionnye budni 1917 goda: Kizlyarshchinaot Fevralya k Oktyabryu.* [Revolutionary weekdays of 1917: Kizlyarshchina from February to October]. IN: Revolyucii v otechestvennoj i mirovojistorii: k 100-letiyu rossijskih revolyucij 1917 goda. Materialy mezhdunarodnojnauchnoj konferencii. Pod redakciej V.M. Dobroshtana, S.I. Bugasheva, A.S. Minina, T.V. Rabush. – SPb., 2017. – S. 98-101. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Process «avtonomizacii» v Kabarde v period Fevralskoj i Oktyabr'skoj revolyucii* [The process of "autonomy" in Kabarda during the February and October revolutions]. IN: Vestnik Akademii nauk CHechenskoj Respubliki. – 2021. – № 1 (52). – S. 38-43. (In Russ.).

ZLOBIN Yu.P. *General-gubernatorstva v sisteme rossiyskogo regional'nogo upravleniya v XIX nachale XX vv* [Governorships in the system of Russian regional administration in the XIX-early XX centuries]. //Bulletin of OSU No. 7 (168) July 2014(In Russ.).

ZOLOTOV V.A. *Agrarnyy vopros na Donu pered Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsiyey*. [The agrarian question on the Don before the Great October Socialist Revolution]. – Rostov on Don 1950. – S. 15. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Gorskaya intelligentsiya ob etnopoliticheskikh protsessakh na Severnom Kavkaze: idei, proyekty i itogi natsional'nogo samoopredeleniya v 1917– 1918 gg* [Mountain intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918]. IN: Bulletin of ASU. – 2017. – № 4 (209). – S. 100- 110. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizatsiya «Soyuz ob"yedinennykh gortsev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchiye sily i itogi (1917– 1919 gg.*) [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: Bulletin of ASU. – 2018. – № 1 (214). – S. 28-38. (In Russ.).

KIREEV F.S. *Vosstanovleniye voyskovogo samoupravleniya v Terskom kazachyem voyske vesnoy 1917 g*. [Restoration of military self-government in the Tersk Cossack army in the spring of 1917]. IN: Kavkaz-Forum. – 2021. – № 5 (12). – Pp. 90-100. (In Russ.).

KOZLOV A.I. *Sotsial'no-ekonomicheskiye, politicheskiye otnosheniya, klassovaya borba na Yugo-Vostoke yevropeyskoy Rossii nakanune Oktyabrya*. [Socio-economic, political relations, class struggle in the South-East of European Russia on the eve of October].- Rostov on Don 1988. – S. 37. (In Russ.).

KORCHIN M.N. *Revolyutsionnyye vystupleniya donskogo kazachestva (1905-1819)* [Revolutionary performances of the Don Cossacks (1905-1819)]. – Rostov on Don 1941. – S. 34. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Ot Terskoy oblasti k Gorskoy ASSR: Terek v 1917- 1921 gg. [*From the Terek region to the Mountain ASSR: Terek in 1917- 1921.]. // Electronic journal "Kavkazologiya". – 2022. – No. 1. – pp. 48-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-48-60. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Rol' mozdokskogo s"ezda narodov Tereka v nalazhivanii politicheskogo soyuza mezhdu Ingushetiej i bol'shevikami*. [The role of the Mozdok Congress of the Peoples of the Terek in establishing a political alliance between Ingushetia and the Bolsheviks]. IN: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2018. – T. 18. – Vyp. 2. – S. 250-253. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Termin «Gorskoe nacional'noe dvizhenie» v sovremennoj istoriografii revolyuci i igrazhdanskoj vojny 1917-1921 gg.* [The term "Mountain National Movement" in the modern historiography of the revolution and the civil war of 1917-1921]. IN: «Kul'tura i istoriya narodov Kavkaza: vchera, segodnya, zavtra». Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu sozdaniya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk im. CH.E. Ahrieva. – Magas: OOO «KEP», 2021. – S. 309-316. (In Russ.).

NEVSKAYA V.P. *Agrarnyy vopros v Karachaye i Cherkesii v epokhu imperializma.* [The agrarian question in Karachay and Cherkessia in the era of imperialism]. – Cherkessk 1972. – S.15, 81. (In Russ.).

OSADCHY I.P. *Oktyabr' na Kubani.* [October in the Kuban]. – Krasnodar 1977 – 208 c. (In Russ.).

RAENKO Ya.K. Khronika istoricheskikh sobytiy na Donu, Kubani, Chernomor′ye. [Chronicle of historical events on the Don, Kuban, Black Sea region]. Rostov-on-Don, 1939. – S. 130. (In Russ.).

Rostov speech. *Rostovskaya rech'*. [socio-political newspaper]. - Rostov-on-Don. - 1917 April 11.1917. (In Russ.).

TRUT V.P. *Kazachestvo Dona, Kubani, Tereka nakanune i v khode osushchestvleniya Velikoy oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii*. [Cossacks of the Don, Kuban, Terek the day before. during the implementation of the Great October Socialist Revolution]. – Rostov on Don 1988. – S. 211. (In Russ.).

FUTORYANSKY L.I. *Kazachestvo v period burzhuazno-demokraticheskoy revolyutsii.* [Cossacks in the period of the bourgeois-democratic revolution]. – M. 1972. – S. 43. (In Russ.).

SHATSKY P.A. *Nekotoryye voprosy sotsial'noekonomicheskogo razvitiya Yugo-Vostochnoy Rossii* [Some issues of socio-economic development of Southeastern Russia]. – Stavropol, 1970. – S. 410. (In Russ.).

YANCHEVSKY N.L. *Grazhdanskaya bor'ba na Severnom Kavkaze*. [Civil struggle in the North Caucasus] – Rostov on Don 1927. – S. 78. (In Russ.).

YANCHEVSKY N.L. *Kratkiy ocherk istorii revolyutsii na Yugo-Vostoke (1917-1920gg*) [A brief outline of the history of the revolution in the South-East (1917-1920)]. – Rostov-on-Don 1924. – S. 157. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.И. Состин – кандидат исторических наук.

Information about the authors

D.I. Sostin – candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 07.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 07.07.2022; approved after reviewing 21.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 94«1918-1919»
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-95-104
EDN: CKNCPI

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА (МАЙ 1918 – МАЙ 1919 ГГ.)

Владимир Борисович Лобанов
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, lobanov19772009@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9608-6619

Аннотация. В статье затрагивается проблематика, связанная с созданием и ликвидацией одного из многочисленных государственных образований эпохи революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. Либерально-националистический проект вылился в создание и существование в регионе на протяжении 1918-1919 гг. Горской республики. С одной стороны он идейно противостоял большевистскому проекту в виде Терской советской республики как части Северо-Кавказской Советской Социалистической республики, с другой – белогвардейскому Терско-Дагестанскому краю Вооруженных сил на Юге России. Показаны причины, по которым горская государственность не смогла противостоять более сильным оппонентам. Делаются выводы о том, что данный проект не мог существовать без внешней поддержки, а внутри не имел достаточной поддержки. Высказывается утверждение о том, что опыт Горской республики не пропал даром и был использован победившими в 1920 г. большевиками для создания собственной формы государственности для народов Северного Кавказа на протяжении 1921-1924 гг.

Ключевые слова: Революция, Гражданская война, Терек, Дагестан, Караулов, Киров, Чермоев, Бичерахов, Деникин, большевики, горцы, белогвардейцы

Для цитирования: Лобанов В.Б. Гражданская война на Северном Кавказе: Горская республика (май 1918 – май 1919 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 95-104. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-0-95-104. EDN: CKNCPI.

© Лобанов В.Б., 2022

Original article

CIVIL WAR IN THE NORTH CAUCASUS: THE MOUNTAIN REPUBLIC (MAY 1918 - MAY 1919)

Vladimir B. Lobanov
Northwest Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, lobanov19772009@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9608-6619

Abstract. The article touches upon the problems associated with the creation and liquidation of one of the many state entities of the era of revolution and Civil War in the North Caucasus. The liberal-nationalist project resulted in the creation and existence in the region during 1918-1919 the Mountain Republic. On the one hand, he ideologically opposed the Bolshevik project in the form of the Terek Soviet Republic as part of the North Caucasian Soviet Socialist Republic, on the other,

the White Guard Terek-Dagestan region of the Armed Forces of Southern Russia. The reasons the mountain statehood could not resist stronger rivals are shown. Conclusions are drawn that this project could not exist without external support, and inside it did not have sufficient support. Some argue the experience of the Mountain Republic was not in vain and was used by the Bolsheviks who won in 1920 to create their own form of statehood for the peoples of the North Caucasus during 1921-1924.

Keywords: Revolution, Civil War, Terek, Dagestan, Karaulov, Kirov, Chermoyev, Bicherakhov, Denikin, Bolsheviks, Highlanders, White Guards

For citation: Lobanov V.B. Civil war in the North Caucasus: the Mountain Republic (may 1918 – may 1919). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 95-104. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-95-104. EDN: CKNCPI.

© Lobanov V.B., 2022

Проблематика, связанная с историей революции и Гражданской войной на Северном Кавказе, получила достаточно широкое освещение в работах целого ряда отечественных историков. Однако советский период изучения данной тематики отличался односторонним фокусированием на победившей стороне. Вне поля исследования находились различные аспекты, касавшиеся изучения противоборствующего лагеря конфликта. После поистине революционных изменений, в том числе в историографии, в конце 1980-х гг. отечественные исследователи обратили внимание на рассмотрение антибольшевистского спектра конфликта. В изучаемом регионе антибольшевистские силы были представлены терским казачеством, либерально-националистической общественностью и исламистами.

Среди современных отечественных историков, занимающихся широким спектром вопросов, связанных с Гражданской войной на Северном Кавказе, следует выделить петербургских историков А.С. Пученкова и А.Х. Даудова, московских историков В.Ж. Цветкова и Р.Г. Гагкуева, ингушского исследователя Т.Х. Матиева, махачкалинских исследователей Р.Т. Джамбулатова и И.Х. Сулаева, кабардинских исследователей А.Г. Кажарова, К.Ф. Дзамихова, А.Х. Борова, О.А. Жанситова, владикавказского историка Ф.С. Киреева. В частности, им принадлежат работы, связанные с национальной политикой генерала А.И. Деникина на Северном Кавказе, с изменением административно-территориального деления Северного Кавказа в 1917-1924 гг., проблематикой, связанной с британской интервенцией на Кавказе, рядом аспектов национальной политики Белого движения на юге России, участием народов Северного Кавказа в Гражданской войне на стороне белогвардейцев, горским либерально-националистическим движением на Северном Кавказе в революционный период, борьбой Ингушетии против белогвардейцев в 1919-1920 гг. В числе избранных для изучения тем стоит также отметить вопросы, связанные с революционными изменениями на территории Терской области, с религиозной сферой и революционными изменениями, взаимоотношениями Советского государства и мусульманского духовенства в изучаемом регионе, с революционными процессами и национально-государственным строительством на территории Нальчик-

ского округа Терской области, участием терских казаков и осетин в событиях Первой мировой и Гражданской войн.

Период Революции и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи характерен, помимо всего прочего, широкомасштабным созданием множества государственных образований. Причем в большинстве случаев претензии тех, кто решил создать на обломках империи свои государства, были ничем не оправданными. Как показала история 1917-1922 гг., идея о создании новой государственности не имели широкой поддержки ни внутри новых «государств», ни со стороны иностранных держав, на помощь которых они рассчитывали. Одним из таких несостоявшихся проектов была Горская республика, которая просуществовала хоть в каких-то территориальных рамках чуть больше полугода.

Предыстория ее создания такова. После свержения монархии в России в национальных регионах в среде местной военной и гражданской интеллигенции стали создаваться общественные организации, до некоторой степени попытавшиеся заменить собой государственные институты [Кажаров 2017: 105]. На Тереке и в Дагестане таким центром притяжения либерально-националистических кругов стал Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, созданный на 1-ом съезде горских народов Кавказа в мае 1917 г. [Джамбулатов, Чекулаев 2017: 100] Первоначально эта общественная организация ставила своей целью помочь местным органам Временного правительства довести регионы до момента созыва Всероссийского Учредительного собрания. Планировалось предстать перед этим всероссийским форумом единым лагерем и в дальнейшем войти в состав обновленной Российской федеративной республики в качестве отдельного «штата» [Добрякова, Камбиев 2021: 88; Кажаров 2018: 30]. В этой среде был популярен романтизированный образ кавказских народов, участвовавших в Кавказской войне якобы в едином строю против самодержавной России. Выбранная модель будущего государственного устройства выглядела в духе времени как либерально-националистический вариант имамата Шамиля [Сулаев 2021: 105].

Горские деятели во главе с А.-М. Чермоевым первоначально не планировали создавать самостоятельное государство, однако ход революции постепенно стал подталкивать их к этому. Путь к собственной республике был разбит на несколько этапов. Первоначально планировалось создать союз с казачьими верхами [Морозова, Николаев 2021: 86; Киреев 2021: 93], чтобы вместе противостоять большевистской угрозе. Шла речь о создании отдельного Горского правительства на территории горских районов Терека и Дагестана. Потом планировалось войти в состав Юго-Восточного союза, однако этим планам не суждено было осуществиться [Жанситов 2019: 57].

Первым относительно удачным национально-государственным проектом антибольшевистской направленности на Северном Кавказе стало создание Временного Терско-Дагестанского правительства во главе с терским атаманом М.А. Карауловым в декабре 1917 г. [Лобанов 2021: 71]. Однако этом проект не выдержал испытания временем, в том числе из-за гибели его главы в этом же месяце и бурной деятельности большевиков во главе с С.М. Кировым [Матиев 2018: 250], которым практически без вооруженной борьбы удалось в начале 1918 г. перетянуть большую часть народов Терека на свою сторону [Джамбула-

тов 2008: 80; Джамбулатов 2007: 145]. В марте 1918 г. большевики создали Терскую советскую республику, что означало поражение терской контрреволюции [Киреев 2018: 60]. В апреле в основных центрах Дагестана также была установлена большевистская власть [Сулаев 2018: 25].

В этих условиях наиболее активные горские антибольшевистские деятели оказались в Тифлисе. Здесь они попали в водоворот закавказской политики. Последние месяцы доживало единое Закавказье, постепенно разваливавшееся под мощными ударами турецкого наступления. На этом фоне северокавказцы решили, что пришел момент для создания собственного государственного проекта [Жанситов 2017: 115]. Это удалось осуществить в Батуме 11 мая 1918 г., в ходе очередной мирной конференции. Идея создания Горской республики было неформально поддержана Германской империей, активно Османской и вызвала крайне отрицательную реакцию со стороны РСФСР. Турки заключили военно-политический союз с новым горским государственным образованием, которое на момент создания не располагало ни территорией, ни армией. Ничто не говорило о том, что горским деятелям удастся претворить свои планы в жизнь [Матиев 2021: 310].

Однако ситуация резко поменялась осень 1918 г., когда турецко-азербайджанской Исламской кавказской армии 15 сентября удалось захватить сначала Баку, а затем уже турецко-горские части двинулись в сторону Дагестана. Здесь они столкнулись с частями Кавказской армии во главе с Л.Ф. Бичераховым. Борьба носила ожесточенный характер, тем не менее в ноябре 1918 г. объединенным турецко-горским силам удалось разгромить бичераховцев и закрепиться в Дагестане, победители переименовали Порт-Петровск в Шамиль-калу.

Однако поражение германо-турецкого блока в Мировой войне изменило расстановку сил в регионе. На месте уходивших турок на Кавказе появились британцы. В конце 1918 г. первому главе Горской республике А.-М. Чермоеву пришлось уйти со своего поста из-за сотрудничества с турками [Матиев 2020: 95] (формально под предлогом того, что он возглавил горскую делегацию на Парижскую мирную конференцию, где планировалось получить юридическое признание своего «государства») [Камбиев 2022а: 22]. Новым главой республики стал П. Коцев [Камбиев 2021: 136]. Именно ему пришлось столкнуться с новой угрозой для горского новообразования. Ей стала Добровольческая армия под командованием генерала А.И. Деникина, которая в ходе тяжелых сражений лета-осени 1918 г. захватила территории Кубани, Черноморья, Ставрополья и в конце 1918 г. вступила на территорию Терека [Пыльцын 2017: 196].

В ходе Северокавказской наступательно операции рубежа 1918-1919 г. добровольцы разгромили Терскую советскую республику и установили здесь своей режим [Артемьев, Лобанов 2019: 44]. Все претензии на Терек со стороны горских деятелей белогвардейцы отвергли. Бесконечные переговоры в течение нескольких месяцев ни к чему не привели [Джамбулатов 2013: 35]. Горские деятели до конца не осознали, что никто извне не собирался поддерживать существование очередного государственного проекта на Кавказе. Британцы не стали гарантами существования Горской республики, признав ее существование только де-факто. Собственными силами горцы не могли противостоять внеш-

ней угрозе. За несколько месяцев своего существования не удалось создать ни полноценной армии, ни работоспособного государственного аппарата, без которых невозможно любое более-менее дееспособное государство.

Это объяснялось несколькими факторами, среди которых следует отметить малочисленность населения и незначительность относительно подконтрольной территории [Гагкуев 2019: 200]. Фактически Горская республика на момент своего краха состояла из территории Дагестана, население которого на момент начала Мировой войны не превышало 800 тыс. человек. К тому же надо принять во внимание гористую местность, крайнее этническое разнообразие подконтрольной территории, чтобы понять, что идея создания швейцарского аналога на Кавказе изначально была обречена на провал [Даудов, Месхидзе 2009: 113]. Самое главное, что небольшую территорию разрывали политические распри, не дававшие возможности противостоять внешней угрозе [Камбиев 2022b: 24]. Все это в конечном счете привело к поражению либерально-националистического государственного проекта на Северном Кавказе в 1919 г.

Воспользовавшись удобной военно-политической ситуацией, белогвардейцы в мае 1919 г. молниеносным ударом захватили основные центры Дагестана и провозгласили здесь свою власть [Добрякова, Донин, Лобанов 2019: 61]. Часть деятелей Горской республики оказалась в эмиграции в соседней Грузии [Матиев 2019: 86], часть стала под знамена единой, неделимой России. В частности, генерал М. Халилов стал первым правителем белогвардейского Дагестана. На этом активная роль горских деятелей и сама недолгая история Горской республики завершилась [Гагкуев 2005: 80].

Следует отметить еще два эпизода, так или иначе связанных с Горской республикой. Ее незадачливые деятели развили в Грузии бурную политическую деятельность, правда, не имевшую какого-либо практического значения. Тем не менее, они себе приписывали чуть ли не главенствующую роль в начавшемся летом 1919 г. антибольшевистском восстании на Тереке и в Дагестане [Сулаев 1998: 45]. К нему они имели очень опосредованное отношение, так как руководящую роль там играли исламисты, большевики, турки, грузины и азербайджанцы [Камбиев 2020: 1145].

Второй эпизод более существенен. Следует сказать, что после победы большевиков на Северном Кавказе в марте 1920 г. стоял вопрос о том, в каком статусе этот регион войдет в состав РСФСР. Было предложено несколько вариантов, однако большевистское руководство со второй половины 1920 г. взяло курс на создание на территории горских округов бывшей Терской области Горской АССР [Даудов 2011: 66; Даудов 2012: 32; Даудов 2008: 210]. Этот проект был реализован в начале 1921 г. и просуществовал до 1924 г. Этот выбор был не случаен и объяснялся тем, что большевики приняли решение использовать повестку горских деятелей [Сулаев 2019: 480] и создать горскую автономию, но уже в советской «оболочке». Тем самым, с одной стороны, был «нейтрализован» либерально-националистический проект, с другой, местные горские народы привлекались на сторону Советской власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев, Лобанов 2019 – *Артемьев А.С., Лобанов В.Б.* Добровольческая армия в Терской области: Конец 1918 – первая половина 1919 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 1. – С. 43-50.

Гагкуев 2005 – *Гагкуев Р.Г.* Горские формирования в составе белых армий юга России // Белое дело. 2 съезд представителей печатных и электронных изданий. – М., 2005. – С. 77-91.

Гагкуев 2019 – *Гагкуев Р.Г.* Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917-1920 гг. // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. – 2019. – Т. 7. – С. 196-210.

Даудов 2011 – *Даудов А.Х.* Восстановление и развитие нефтяной и металлургической промышленности Горской АССР // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 5. – С. 65-73.

Даудов 2012 – *Даудов А.Х.* Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 1. – С. 31-41.

Даудов 2008 – *Даудов А.Х.* Из истории ликвидации неграмотности народов Горской АССР // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. Сборник научных трудов к 10-летию кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 207-214.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. –224 с.

Джамбулатов 2013 – *Джамбулатов Р. Т.* Борьба с армией Деникина на Тереке в феврале 1919 – апреле 1920 г. // Вопросы истории. – 2013. – № 10. – С. 30-40.

Джамбулатов 2008 – *Джамбулатов Р. Т.* Гражданская война в Терской области в 1918 – начале 1919 г. // Вопросы истории. – 2008. – № 12. – С. 78-90.

Джамбулатов 2007 – *Джамбулатов Р. Т.* Погромы 1918 года в Хасав-Юрте // Вопросы истории. – 2007. – № 6. – С. 143-147.

Джамбулатов, Чекулаев 2017 – *Джамбулатов Р.Т., Чекулаев Н.Д.* Революционные будни 1917 года: Кизлярщина от Февраля к Октябрю // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года. Материалы международной научной конференции. Под редакцией В.М. Доброштана, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. – СПб., 2017. – С. 98-101.

Добрякова, Донин, Лобанов 2019 – *Добрякова Н.А., Донин А.Я., Лобанов В.Б.* Антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона в период Гражданской войны 1917-1920 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 58-67.

Добрякова, Камбиев 2021 – *Добрякова Н.А., Камбиев А.М.* К вопросу о горском национальном движении на Тереке и в Дагестане в 1917-1921 гг. // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 88-91.

Жанситов 2019 – *Жанситов О.А.* Развитие революционного процесса в Кабарде: внутренние предпосылки и внешние факторы // Всеобщая история. – 2019. – № 3. – С. 56-60.

Жанситов 2017 – *Жанситов О.А.* Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917-1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2 (76). – С. 113-118.

Кажаров 2017 – *Кажаров А.Г.* Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917-1918 гг. // Вестник АГУ. – 2017. – № 4 (209). – С. 100-110.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Камбиев 2022а – *Камбиев А.М.* Абдул-Меджид Чермоев – первый глава Горской республики в годы Гражданской войны на Северном Кавказе // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-1. – С. 21-23.

Камбиев 2020 – *Камбиев А.М.* Азербайджанская Демократическая Республика и ее политика в отношении Терека и Дагестана (вторая половина 1919 – первая половина 1920 гг.) // Historia provinciae – журнал региональной истории. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 1140-1173.

Камбиев 2021 – *Камбиев А.М.* Нажмуддин Гоцинский – активный деятель Революции и Гражданской войны на Северном Кавказе (1917-1920) // Современная научная мысль. – 2021. – № 2. – С. 135-139.

Камбиев 2022b – *Камбиев А.М.* Пшемахо Коцев – один из лидеров движения горцев Северного Кавказа за независимость в период Революции и Гражданской войны // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-1. – С. 23-26.

Киреев 2021 – *Киреев Ф.С.* Восстановление войскового самоуправления в Терском казачьем войске весной 1917 г. // Kavkaz-Forum. – 2021. – № 5 (12). – С. 90-100.

Киреев 2018 – *Киреев Ф.С.* Из истории гражданского противостояния на Тереке в 1918 году // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – 2018. – № 20. – С. 53-67.

Лобанов 2021 – *Лобанов В.Б.* Административно-территориальное деление Терека и Дагестана в период Революции и Гражданской войны, 1917-1920 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 67-80.

Матиев 2020 – *Матиев Т.Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Матиев 2019 – *Матиев Т.Х.* Роль меньшевистской Грузии в поддержке горского антиденикинского движения в период Гражданской войны на Северном Кавказе // Современная научная жизнь. – 2019. – № 6. – С. 86-89.

Матиев 2018 – *Матиев Т.Х.* Роль моздокского съезда народов Терека в налаживании политического союза между Ингушетией и большевиками // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 250-253.

Матиев 2021 – *Матиев Т.Х.* Термин «Горское национальное движение» в современной историографии революции и гражданской войны 1917-1921 гг. // «Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра». Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас: ООО «КЕП», 2021. – С. 309-316.

Морозова, Николаев 2021 – *Морозова В.О., Николаев А.В.* К вопросу о военно-политической активности терского казачества в годы революции и Гражданской войны // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 85-88.

Пыльцын 2017 – *Пыльцын Ю.С.* Военная повседневность терских казачьих частей в составе Вооруженных Сил юга России (1919-1920 гг.) // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. – Ульяновск, 2017. – С. 193-204.

Сулаев 2021 – *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917-1921 гг.). – Махачкала: ДГУ, 2021. – 199 с.

Сулаев 2018 – *Сулаев И.Х.* Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859-1925) // Религиоведение. – 2018. – № 2. – С. 21-28.

Сулаев 2019 – *Сулаев И.Х.* Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестана (1917-1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 463-487.

Сулаев 1998 – *Сулаев И. Х.* Страницы жизни Али Хаджи Акушинского // Возрождение. – Махачкала, 1998. – № 4. – С. 42-49.

REFERENCES

ARTEM'EV A.S., LOBANOV V.B. *Dobrovol'cheskaya armiya v Terskoj oblasti: Konec 1918 – pervaya polovina 1919 gg.* [The Volunteer Army in the Tersk region: The end of 1918 – the first half of 1919]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – № 1. – S. 43-50. (In Russ.).

GAGKUEV R.G. *Gorskie formirovaniya v sostave belyh armij yuga Rossii* [Mountain formations as part of the white armies of the South of Russia]. IN: Beloe delo. 2 s"ezd predstavitelej pechatnyh i elektronnyh izdanij. – M., 2005. – S. 77-91. (In Russ.).

GAGKUEV R.G. *Osobennosti Velikoj rossijskoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze. 1917-1920 gg.* [Features of the Great Russian Revolution and Civil War in the North Caucasus. 1917-1920]. IN: Rossiya v epohu revolyucij i reform. Problemy istorii i istoriografii. – 2019. – T. 7. – S. 196-210. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Vosstanovlenie i razvitie neftyanoj i metallurgicheskoj promyshlennosti Gorskoj ASSR* [Restoration and development of the oil and metallurgical industry of the Gorskaya ASSR]. IN: Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2011. – № 5. – S. 65-73. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Gosudarstvennoe ustrojstvo Gorskoj ASSR* [The state structure of the Mountain ASSR]. IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. – 2012. – № 1. – S. 31-41. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Iz istorii likvidacii negramotnosti narodov Gorskoj ASSR* [From the history of the elimination of illiteracy of the peoples of the Mountain ASSR]. IN: Stranicy rossijskoj istorii: Problemy, sobytiya, lyudi. Sbornik nauchnyh trudov k 10-letiyu kafedry istorii dlya prepodavaniya na estestvennyh i gumanitarnyh fakul'tetah SPbGU. – Sankt-Peterburg, 2008. – S. 207-214. (In Russ.).

DAUDOV A.H., MESKHIDZE D.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924 gg.)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – SPb.: SPbGU, 2009. – 224 s. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T. *Bor'ba s armiej Denikina na Tereke v fevrale 1919 – aprele 1920 g.* [The struggle with Denikin's army on the Terek in February 1919 – April 1920]. IN: Voprosy istorii. – 2013. – № 10. – S. 30-40. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T. *Grazhdanskaya vojna v Terskoj oblasti v 1918 – nachale 1919 g.* [The civil war in the Tersk region in 1918 – early 1919]. IN: Voprosy istorii. – 2008. – № 12. – S. 78-90. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R. T. *Pogromy 1918 goda v Hasav-Yurte* [Pogroms of 1918 in Khasav-Yurt]. IN: Voprosy istorii. – 2007. – № 6. – S. 143-147. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T., CHEKULAEV N.D. *Revolyucionnye budni 1917 goda: Kizlyarshchina ot Fevralya k Oktyabryu* [Revolutionary everyday life of 1917: Kizlyar region from February to October]. IN: Revolyucii v otechestvennoj i mirovoj istorii: k 100-letiyu rossijskih revolyucij 1917 goda. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Pod redakciej V.M. Dobroshtana, S.I. Bugasheva, A.S. Minina, T.V. Rabush. – SPb., 2017. – S. 98-101. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., DONIN A.Y., LOBANOV V.B. *Antibol'shevistskie sily Tersko-Dagestanskogo regiona v period Grazhdanskoj vojny 1917-1920 gg.* [Anti-Bolshevik forces of the Tersk-Dagestan region during the Civil War of 1917-1920]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – № 2. – S. 58-67. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., KAMBIEV A.M. *K voprosu o gorskom nacional'nom dvizhenii na Tereke i v Dagestane v 1917-1921 gg.* [On the question of the Mountain national movement on the Terek and in Dagestan in 1917-1921]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – № 6. – S. 88-91. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Razvitie revolyucionnogo processa v Kabarde: vnutrennie predposylki i vneshnie faktory* [The development of the revolutionary process in Kabarda: internal prerequisites and external factors]. IN: Vseobshchaya istoriya. – 2019. – № 3. – S. 56-60. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Revolyucionnye processy v nacional'nyh okrugah Terskoj oblasti (1917-1918)* [Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918)]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2017. – № 2 (76). – S. 113-118. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Gorskaya intelligenciya ob etnopoliticheskih processah na Severnom Kavkaze: idei, proekty i itogi nacional'nogo samoopredeleniya v 1917-1918 gg.* [Mountain intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918]. IN: Vestnik AGU. – 2017. – № 4 (209). – S. 100-110. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob"edinennyh gorcev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: Vestnik AGU. – 2018. – № 1(214). – S. 28-38. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Abdul-Medzhid Chermoev – pervyj glava Gorskoj respubliki v gody Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze* [Abdul-Medjid Chermoyev – the first head of the Mountain Republic during the Civil War in the North Caucasus]. IN: Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 81-1. – S. 21-23. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Azerbajdzhanskaya Demokraticheskaya Respublika i ee politika v otnoshenii Tereka i Dagestana (vtoraya polovina 1919 – pervaya polovina 1920 gg.)* [The Azerbaijan Democratic Republic and its policy towards Terek and Dagestan (the second half of 1919 – the first half of 1920)]. IN: Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii. – 2020. – T. 4. – № 4. – S. 1140-1173. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Nazhmuddin Gocinskij – aktivnyj deyatel' Revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze (1917-1920)* [Nazhmuddin Gotsinsky – an active figure of the Revolution and Civil War in the North Caucasus (1917-1920)]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – № 2. – S. 135-139. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Pshemaho Kocev – odin iz liderov dvizheniya gorcev Severnogo Kavkaza za nezavisimost' v period Revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [Pshemakho Kotsev – one of the leaders of the movement of the highlanders of the North Caucasus for independence during the Revolution and Civil War]. IN: Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 81-1. – S. 23-26. (In Russ.).

KIREEV F.S. *Vosstanovlenie vojskovogo samoupravleniya v Terskom kazach'em vojske vesnoj 1917 g.* [Restoration of military self-government in the Tersk Cossack army in the spring of 1917]. IN: Kavkaz-Forum. – 2021. – № 5 (12). – S. 90-100. (In Russ.). (In Russ.).

KIREEV F.S. *Iz istorii grazhdanskogo protivostoyaniya na Tereke v 1918 godu* [From the history of the civil confrontation on the Terek River in 1918]. IN: Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenyh. – 2018. – № 20. – S. 53-67. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Administrativno-territorial'noe delenie Tereka i Dagestana v period Revolyucii i Grazhdanskoj vojny, 1917-1920 gg.* [Administrative-territorial division of Terek and Dagestan during the Revolution and Civil War, 1917-1920]. IN: Kavkazologiya. – 2021. – № 1. – S. 67-80. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917-1921)]. – Nazran': OOO «Kep», 2020. – 402 s. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Rol' men'shevistskoj Gruzii v podderzhke gorskogo antidenikinskogo dvizheniya v period Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze* [The role of Menshevik Georgia in supporting the mountain anti-Denikin movement during the Civil War in the North Caucasus]. IN: Sovremennaya nauchnaya zhizn'. – 2019. – № 6. – S. 86-89. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Rol' mozdokskogo s"ezda narodov Tereka v nalazhivanii politicheskogo soyuza mezhdu Ingushetiej i bol'shevikami* [The role of the Mozdok Congress of the Terek peoples in establishing a political alliance between Ingushetia and the Bolsheviks]. IN: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2018. – T. 18. – Vyp. 2. – S. 250-253. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Termin «Gorskoe nacional'noe dvizhenie» v sovremennoj istoriografii revolyucii i grazhdanskoj vojny 1917-1921 gg.* [The term "Mountain national movement" in the modern historiography of the revolution and the Civil War of 1917-1921]. IN: «Kul'tura i istoriya narodov Kavkaza: vchera, segodnya, zavtra». Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu sozdaniya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk im. C.E. Ahrieva. – Magas: OOO «KEP», 2021. – S. 309-316. (In Russ.).

MOROZOVA V.O., NIKOLAEV A.V. *K voprosu o voenno-politicheskoj aktivnosti terskogo kazachestva v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [On the issue of military and political activity

of the Terek Cossacks during the Revolution and Civil War]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – № 6. – S. 85-88. (In Russ.).

PYL'CYN Y.S. *Voennaya povsednevnost' terskih kazach'ih chastej v sostave Vooruzhennyh Sil yuga Rossii (1919-1920 gg.)* [Military everyday life of the Terek Cossack units as part of the Armed Forces of the South of Russia (1919-1920)]. IN: Velikaya rossijskaya revolyuciya: obshchestvo, chelovek, kul'tura, povsednevnost'. Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Ul'yanovsk, 2017. – S. 193-204. (In Russ.).

SULAEV I. H. *Musul'manskoe duhovenstvo Dagestana i svetskaya vlast': bor'ba i sotrudnichestvo (1917-1921 gg.)* [Muslim clergy of Dagestan and secular power: struggle and cooperation (1917-1921)]. – Mahachkala: DGU, 2021. – 199 s. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Obshchestvenno-politicheskie i social'nye vzglyady Nazhmuddina Gocinskogo (1859-1925)* [Socio-political and social views of Nazhmuddin Gotsinsky (1859-1925)]. IN: Religiovedenie. – 2018. – № 2. – S. 21-28. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Revolyuciya i grazhdanskaya vojna v vospriyatii i deyaniyah musul'manskogo duhovenstva Dagestana (1917-1921 gg.)* [Revolution and civil war in the perception and deeds of the Muslim clergy of Dagestan (1917-1921)]. IN: Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1-2. – S. 463-487. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Stranicy zhizni Ali Hadzhi Akushinskogo* [Pages of the life of Ali Hadji Akushinsky]. IN: Vozrozhdenie. – Mahachkala, 1998. – № 4. – S. 42-49. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Б. Лобанов – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

V. B. Lobanov – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 28.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 28.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 93/94+32(479):314.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-105-123
EDN: CRAQFD

БАКИНСКИЙ ПЕРИОД В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕВОНА МИРЗОЯНА – ПЕРВОГО РУКОВОДИТЕЛЯ КАЗАХСКОЙ ССР

Виктор Завенович Акопян
Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, zaven2005@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4734-1905

Аннотация: Статья посвящена известному политическому и партийному деятелю Левону Исаевичу Мирзояну, занимавшему высокие государственные должности в ряде регионов СССР, в частности Азербайджанской ССР, а Казахская АССР при нем была преобразована в союзную республику, правопреемником которой является современная Республика Казахстан. В последние годы под влиянием ангажированных политиков и историков деятельность известного политического деятеля, благодаря которому произошел невероятный цивилизационный скачок народа, ранее тысячелетиями кочевавшего по бескрайним азиатским просторам, подвергается фальсификациям и одновременно придаются забвению его заслуги перед Казахстаном и его народом. Ему приписываются чужие злодеяния, против которых он вел борьбу. Безусловно, деятельность республиканского руководства в конце 30-х годов не была лишена печати жестокой сталинской эпохи Великого перелома.

Ключевые слова: Советский Союз, Арцах, Нагорный Карабах, Азербайджанская Советская Социалистическая Республика, Казахская ССР, коренизация, репрессии.

Для цитирования: Акопян В.З. Бакинский период в деятельности Левона Мирзояна – первого руководителя Казахской ССР // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 105-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-105-123. EDN: CRAQFD.

© Акопян В.З., 2022

Original article

THE BAKU PERIOD IN THE ACTIVITY OF LEVON MIRZOYAN, THE FIRST HEAD OF THE KAZAKH SSR

Victor Z. Akopyan
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, zaven2005@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4734-1905

Abstract: This article is devoted to the famous political and party figure LevonIsaevich Mirzoyan, who held high public positions in several regions of the USSR, particularly in the Azerbaijan SSR; the Kazakh ASSR transformed into a union republic under his leadership, the successor of which is the modern Republic of Kazakhstan. In recent years, under the influence of biased politicians and historians, the activities of a well-known politicians, thanks to whom an incredible civilizational leap of the people, who had previously wandered through the boundless Asian expanses for thousands of years, have been falsified and his services to Kazakhstan and its people have been forgotten. Other people's atrocities are attributed to him, against which he fought. Of course, the activ-

ities of the Republican leadership in the late 30s were not without the stamp of the brutal Stalinist era of the Great Turning Point.

Keywords: Soviet Union, Artsakh, Nagorno-Karabakh, Azerbaijan Soviet Socialist Republic, Kazakh SSR, korenization, repression.

For citation: Akopyan V.Z. The Baku period in the activity of Levon Mirzoyan, the first head of the Kazakh SSR. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 105-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-105-123. EDN: CRAQFD.

© Akopyan V.Z., 2022

История – это не безликое описание прошлого. Даже исследования о далеких миллиардах безжизненных галактик (теоретически может быть и населенных где-либо и какими-либо живыми организмами) не обходятся без упоминания имен ученых астрономов, которые на теоретическом уровне изучали и продолжают изучать их возникновение и развитие. И уж тем более, описание того, что происходило в жизни страны на нашей Земле, не будет историей, если окажется обезличенным или искажающим картину времени.

В 2021 г. современный Казахстан отметил 30-летие своего независимого государства, а 1 декабря казахстанцы чествовали Елбасы (Лидер нации) Нурсултана Назарбаева – Первого Президента Республики Казахстан (РК). В этот день три десятилетия назад Назарбаев был избран президентом.

Независимый Казахстан, являясь правопреемником одноименной союзной республики, не может не принять ее историю в полном объеме, такой, какая она есть, учитывая огромные достижения республики в первые десятилетия ее становления, связанные с ее формационной трансформацией и теми трудностями, которые приходилось испытывать стране на этом пути.

В связи с празднованием 30-летия независимости Казахстана нельзя не вспомнить первого руководителя Казахской ССР (КазССР). С 1933 по 1938 г., то есть накануне и в период образования союзной республики, ставшей прообразом независимого Казахстана, ею руководил Левон Исаевич Мирзоян (1897−1939).

Четверть века имя Левона Исаевича, как и многих других репрессированных политических деятелей, было предано забвению. И только спустя многие десятилетия после реабилитации в 1956 г. и особенно в первые годы после обретения Казахстаном независимости вспомнили о его заслугах в начальный период строительства казахстанской государственности. Однако в последние два десятилетия его имя начинает исчезать из учебников и справочников. В Казахстане стираются посвященные ему топонимы, рушатся памятники и мемориальные доски. А если и появляется упоминание о нем, то только в качестве нарицательной фигуры «дашнака», замыслившего уничтожить все национальное в республике. Такие волны лжи и негатива, смеем утверждать, принесены на восточные берега Каспия с Апшеронского полуострова. А, к великому сожалению, исторический иммунитет в Казахстане оказался недостаточным для того, чтобы противостоять этим потокам фальсификаций.

Конечно, имеются несколько научных публикаций последних десятилетий, где содержится попытка с высоты постсоветского периода проанализировать начальный этап становления государственности в Казахстане и объективно оценить личность первого руководителя КазССР [Достабаев 2007; Габдуллин 2015; Ованнисян 2019; Хуршудян 2001; Шепель 2013].

Однако мощные негативные потоки «продукции» вначале со стороны безликих блогеров, а затем и сомнительные пропагандистские работы под вывеской «исторических трудов» вытесняют серьезный, объективный взгляд на историю страны первых десятилетий. В результате история обезличивается или, что не менее опасно, представлена лицами с грубо искаженным образом. В последнем случае «историки-пропагандисты» от апшеронского «агитпропа», исходя из поставленной идеологической цели, выборочно используют факты, вырванные из контекста исторической обстановки рассматриваемой эпохи.

Национально ориентированный казахский политик, журналист Бигельды Габдуллин в своем труде – историческом эссе «Великое кочевье» дал великолепную оценку периода правления в республике Левона Мирзояна, называя недалекими тех людей, которые этот период сводят к одному негативу. Свой очерк, посвященный герою данной работы, он назвал: «Левон Мирзоян. Немного солнца в холодной воде» [Габдуллин 2015: 154–171].

Прежде чем обратиться к «казахскому периоду» жизни Мирзояна (1933−38), коротко обозначим основные этапы в его политической биографии.

Левон Исаевич родился 14 ноября 1897 г. в древнем арцахском селе Ашан[1] Шушинского уезда Елизаветпольской губернии в семье крестьянина. До середины XVIII в. это были земли, входившие в состав арцахского княжества (меликства) Варанда. Согласно сведениям епископа Макара Бархударянца, в последней четверти XIX в. описавшего большинство населенных пунктов Нагорного Карабаха (НК) в своей книге «Арцах», опубликованной в Баку в 1895 г. и переведенной на русский язык в 2009 г., в селе имелось 104 «дыма» [Бархударян 2009: 113]. Согласно Кавказскому календарю на 1915 г., население села к 1914 г. составляло 1508 жителей – все армяне [Кавказский календарь 1915: 110].

Как и все сельчане, Левон был крещен в сельской церкви СурбАствацацин (Св. Богоматери). Ее подробное описание оставил епископ Макар. Но, возможно, его крестили в древней часовне «Кармир Аветаран» («Красное Евангелие»), расположенной на окраине Ашана, на другой стороне ущелья. Такое название часовня получила по Новому Завету, хранившемуся там, в памятной записи которого описаны события, связанные с католикосом Армянской апостольской церкви Агванка Нерсесом. Об этом также сообщает епископ Макар [Бархударян 2009: 113].

Левон получил начальное образование в сельской школе. Полное среднее образование получить ему не удалось. Впрочем, опыт его жизни и деятельности был равноценен нескольким университетам. В 15 лет он отправился на заработ-

[1] Село Ашан (Աշան) ныне расположено в Мартунинском районе Нагорно-Карабахской Республики (НКР) в 15 км северо-западнее районного центра –города Мартуни. По переписи населения НКР 2005 г. население села составляло 588 человек.

ки в Баку. Этот город тогда не являлся чужим для карабахского юноши. Более четверти населения города составляли армяне преимущественно из НК. Ненамного больше в городе проживало кавказских татар, как тогда именовали нынешних азербайджанцев. И хотя русское население города численно превосходило каждую из первых двух общин, лидирующие позиции во многих отраслях экономики занимали предприниматели армянского происхождения. В статье «Баку» Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона сообщается, что на рубеже XIX–XX вв. в руках армян находилась «большая часть торговли и многие нефтяные промыслы» [Баку 1890].

В многонациональном городе он почти сразу же включился в рабочее движение. Начиная с 1912 г. юный Левон принимал активное участие в митингах и демонстрациях, и, как отмечают исследователи, он заметно выделялся не только своим высоким ростом, но и организаторскими способностями. В 19-летнем возрасте, в марте 1917 г. он вступил в партию большевиков. В 1917–1918 гг. принимал активное участие в профсоюзах города и избирался от большевиков депутатом Бакинского совета. После падения Бакинской коммуны в конце июля 1918 г. он переходит к подпольной деятельности.

В апреле 1920 г. Левон Мирзоян участвовал в установлении советской власти в Баку, а затем и на родине в НК. В этом крае абсолютно преобладавшее автохтонное армянское население (более 96 %) после распада Российской империи сформировало свои органы власти (национальный совет и правительство), рассматривавшие самоуправляющийся край частью Республики Армения. Сразу же после советизации Армении власти Азербайджанской ССР (АзССР) декларировали отказ от претензий на НК в пользу Армянской ССР (АрмССР). Однако, вопреки всем актам по самоопределению карабахцев и воле его населения, решением Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г., пересмотревшим свое прежнее решение, НК был передан в состав АзССР в качестве Автономной области Нагорный Карабах.

Отметим, что никакого отношения к формированию автономии Левон Мирзоян не имел. Также, как и не предпринимал каких-либо действий по статусу НК ни до, ни во время своего пребывания в должности первого секретаря ЦК КП Азербайджана (АзЦК), ни, тем более, после отбытия за пределы этой республики. Современная армянская историография его может упрекнуть только в этом.

Он никогда не позиционировал себя в качестве политического представителя армянского народа, продвигающего какие-либо интересы своих соотечественников. Поэтому любые попытки конъюнктурных политиков и националистически настроенных псевдоисториков из Баку приписать ему те или иные политические действия, связанные с его этнической принадлежностью, обречены на провал.

После советизации Азербайджана Левон Мирзоян занимал ответственные должности в АзССР: председатель республиканского совета профсоюзов, нарком труда в АзСНК (Совнаркоме), секретарь Бакинского комитета КП(б)Аз. В 1925 г., в свои неполные 29 лет, Л.И. Мирзоян был избран первым секретарем ЦК КП(б) Азербайджана.

Республиканскую парторганизацию он в числе других делегатов представлял на X (1921) и XI (1922) партийных съездах РКП(б). На этих съездах все еще велась внутрипартийная дискуссия, в том числе по национальному вопросу (X и XII съезды). Республики Южного Кавказа тогда обсуждали формы объединения в Закавказскую Федерацию – ЗСФСР, а вместе с другими советскими республиками (РСФСР, УССР, БССР) – в Союз ССР, хотя по партийной линии такое объединение уже существовало в рамках «унитарного» РКП(б) – с декабря 1925 г. ВКП(б).

Впоследствии Мирзоян принимал участие и в других партийных съездах: XIV съезде ВКП(б) – съезде индустриализации в декабре 1925 г.; XV съезде в декабре 1927 г., на котором исключили из партии Троцкого, Зиновьева, Каменева и 90 их сторонников по т.н. «оппозиционному» блоку; XVI съезде (июнь – июль 1930 г.) – «съезде развернутого наступления социализма по всему фронту» и XVII съезде (январь – февраль 1934 г.), получившем официальное название «Съезд победителей», а в антисталинской литературе – «Съезд расстрелянных», так как большинство его делегатов было репрессировано в годы Большого террора. На XV и XVI съездах Левон Мирзоян избирался кандидатом в члены ЦК, а на XVII съезде, будучи первым секретарем ЦК Казахстана, – членом ЦК ВКП(б) (1934–1938).

Возглавляя пять лет республиканскую партийную организацию, Мирзоян продвигал интересы АзССР и ее этнического тюркского большинства (название «азербайджанцы» применительно к тюркскому населению республики стало использоваться только с середины 30-х гг.), за что впоследствии присутствовавший во время жестоких пыток Берия назовет его «мусаватистом» [Габдуллин 2015]. Вплоть до начала 30-х гг. в Москве полагали, что АзССР будет «титульной» не только для тюркского населения, но и для всех автохтонных народов республики: армян, удин, лезгин, аварцев, талышей, татов и др. Даже руководящие должности республиканской компартии до 1933 г. включительно занимали представители различных национальностей. К примеру, должность первого секретаря занимали: тюрок Мирза Давуд Гусейнов, грузин В.И. Нанейшвили, русская Е.Д. Стасова, грузин В.Е. Думбадзе (все четверо в 1920 г.), еврей Г.Н. Каминский (1920–1921), русский С.М. Киров (1921–1926)[1], армянин Л.И. Мирзоян (21 января 1926 – 5 августа 1929), украинец Н.Ф. Гикало (1929–1930), еврей В.И. Полонский (1930–1933) и армянин Р.Г. Рубенов (1933). Но в дальнейшем главный орган власти республики занимали азербайджанцы [Акопян 2019].

В период пребывания Мирзояна во главе республики в русских школах стали преподавать тюркский язык в качестве обязательного предмета; в 1927 г. Бакинский горком ВКП(б) принял постановление об увеличении числа газет и учебников на тюркском языке; Мирзоян добился от Центра отчислений средств от «Азнефти» в местный бюджет, что позволило республике по темпам разви-

[1] Несколько недель (а может быть и меньше того) исполнял обязанности секретаря ЦК секретарь Бакинского ГК Рухулла Ахундов. До 8 января 1926 г., когда С.М. Кирова избрали первым секретарем Ленинградского губернского комитета (обкома) и горкома партии, он формально находился в должности секретаря ЦК АзКП, а 21 января того же года эту должность занял Л.И. Мирзоян.

тия выйти на ведущие позиции в Закавказье. При нем тюркские рабочие, ранее получавшие в десять раз меньше, чем более квалифицированные работники других национальностей (русские, армяне и др.), были практически уравнены с ними и обрели право на преимущественное получение квалифицированных рабочих мест. Не в меньшей степени это касалось и подготовки кадров интеллигенции.

Мирзоян, свободно владевший тюркским языком, для укрепления позиций того же требовал от всех работников аппарата, но это вызвало неудовольствие у русскоговорящих. Не посчитаться с их мнением он не мог, что вызвало претензии к нему уже с другой стороны. Впрочем, то, что вместе с Мирзояном в августе 1929 г. сместили как раз «национальные кадры» (Караев, Касимов и др.), свидетельствует о совершенно других мотивах в кадровых перестановках. Возможно, в первую очередь это было связано с нефтяной промышленностью, которую Центр отказывался отдать даже под частичный контроль республиканской власти [Ляхов 1965; Левон Мирзоян в Казахстане 2001].

В этом отношении становится вполне понятным назначение после Мирзояна первым секретарем нефтяной республики близкого к Сталину еще со времен гражданской войны на Кавказе Н.Ф. Гикало (1897–1938). Все продвижение по партийно-государственной лестнице Гикало, выпускника Тифлисской военно-фельдшерской школы (1915), от председателя Грозненского горкома РКП(б), Кавказского крайкома, военкома на Тереке и Дагестане, секретаря Горского обкома, секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и первого секретаря ЦК КП(б) Узбекской ССР до его назначения в Баку, проходило под неусыпным оком Сталина. Впрочем, и Николаю Федоровичу была уготована известная участь, постигшая, за редким исключением (Багиров, Берия), почти всех известных партийных деятелей во второй половине 30-х гг. [Морозова 2011: 37–57].

О том, что из всех названных выше руководителей Азербайджана недобрым словом в настоящее время вспоминают там только Мирзояна, нет ничего удивительного. И тем более, совсем не удивляет ярлык «дашнака», присвоенный ему там же в постсоветский период. Такую «партийную принадлежность» приписывают не только всем революционерам и советским деятелям армянского происхождения, но и всему армянскому народу, включая новорожденных. Впрочем, взирая с высоты сегодняшнего дня, не может быть ничего оскорбительного в принадлежности к старейшей национальной партии (1890). Другое дело, что Мирзоян никакого отношения не имел к Армянской Революционной Федерации и, как все большевики, бескомпромиссно боролся с партией, как в прошлом, так и в настоящее время ведущей борьбу за осуждение геноцида и справедливое решение армянского вопроса.

Другой вопрос, почему эти пропагандистские ярлыки подхватывают в современном Казахстане, там, где этническая принадлежность Мирзояна не должна была вызывать такое болезненное и даже физиологическое неприятие. Личность Левона Мирзояна не может не стоять в ряду выдающихся национальных деятелей Казахстана. Не Республики Армения и его родного Арцаха, а Казахстана. Он отдал свою жизнь, отстаивая интересы этой страны. Национальные силы

этой республики не смогли противостоять напору апшеронских пропагандистов по очернению личности, при которой Казахстан стал союзной республикой, что в 1991 г. стало юридическим основанием для получения независимости. Эти силы не смогли или не пожелали воспользоваться советом, заключенным в русской пословице «Дружба дружбой, а табачок врозь», означающим, что любая дружба имеет свои пределы и что есть вещи, которыми не делятся даже с друзьями. Только сделаем одну поправку: не вещами, а личностями.

«Бакинский период» Левон Мирзоян завершал с характеристикой, которою ему дал С.М. Киров в 1929 г. В ней известный советский политический и государственный деятель писал: «Мирзоян подготовлен практически и теоретически. При работе в подполье и после проявил деятельное участие в восстановлении Бакинской организации. Тов. Мирзоян относится к работникам партийным и профессиональным губернского масштаба» [Шепель 2013].

В контексте Великого перелома, когда коллективизация, индустриализация и культурная революция сопровождались «кадровыми перестановками», повод для смены руководства АзССР не надо было долго искать – так, Левона Мирзояна «перебросили» на Урал. Теперь уже в этом обширном регионе в 1929–1933 гг. он продолжил отстаивать «местные интересы» (в той мере, в какой это можно было осуществлять в условиях сталинского режима) в должности первого секретаря Пермского окружкома, а затем второго секретаря Уральского обкома ВКП(б).

В столице Урала городе Свердловске (бывший и нынешний Екатеринбург) он работал рука об руку с первым секретарем обкома Иваном Дмитриевичем Кабаковым, оставившим значительный след в истории Урала периода Великого перелома, которого прозвали «Большевистским вице-королём Урала»[1]. Все достижения, как и «издержки» социалистического строительства этого периода на Урале являются частью биографии как И.Д. Кабакова, так и Левона Исаевича – второго секретаря обкома.

В период деятельности Кабакова на этом посту огромная по площади Уральская область (1,8 млн. км^2; ок. 8 млн. чел.), простиравшаяся от Карского моря на севере и до северных границ КазАССР на юге, начинает переориентироваться на преимущественное развитие отраслей тяжелой промышленности, обеспечивавших технический прогресс и развитие ВПК [Уральская историческая энциклопедия 2000].

В период первой пятилетки много было сделано для развития социальной инфраструктуры Среднего Урала. Свердловск превращался в крупнейший научный и культурный центр Урала. Первый и второй секретари жили по соседству в новом доме – т.н. «Доме Чекиста». В 1932 г. на баланс Свердловского облисполкома была принята вторая очередь этого дома, переименованного во «Второй

[1] И.Д. Кабаков (1891–1937) – член РСДРП(б) с 1914 г. Принимал активное участие в революции и гражданской войны. До назначения на Урал возглавлял Ярославский и Тульский губкомы РКП(б). В 1928 г. был назначен председателем Уральского облисполкома, а в январе 1929 г. – первым секретарем Уральского обкома ВКП(б). В 1936 г. на Урале началась широкая волна репрессий, связанная с разоблачением т.н. «право-троцкистского центра», «возглавляемого» И.Д. Кабаковым. Это «дело» затронуло практически всех партийных, советских и хозяйственных руководителей, представителей интеллигенции. Самого И.Д. Кабакова обвинили в организации «Уральского штаба восстания». Он был арестован и осужден, а 30 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован 17 марта 1956 г. [Новоселова 2012; 228–231].

дом Советов». В огромном доме, состоявшем из восьми подъездов, поселилась партийная, хозяйственная, военная, культурная и научная элита Урала. Естественно, что рядом с квартирой первого секретаря находилась квартира Левона Исаевича. Увы, в комфортабельном доме ему с супругой Юлией Тевадросовной (Федоровной) удалось прожить всего два года [Погодин 2013: 89–132].

Имеющего значительный опыт в осуществлении индустриализации на Урале Левона Исаевича направляют в бывшую КиргАССР, переименованную в 1925 г. в Казакскую АССР (КазАССР)[1]. По инициативе Левона Мирзояна, чтобы не было путаницы с русскими казаками, новый этноним кайсак-киргизского населения «казак» в русскоязычной литературе был исправлен на «казах». Соответственно изменилось и название республики.

Мирзояну следовало распространить индустриализацию, осуществляемую в соседней Уральской области на Казахстан. Но осуществить это уже с учетом национальной специфики сложного в этническом отношении региона, где продолжалось этностроительство формировавшегося казахского народа. И главное – в условиях жесткого сталинского режима преодолеть последствия семилетнего человеконенавистнического правления Ф.И. Голощекина[2].

Левон Исаевич, как и на предыдущих постах, в той мере, в какой можно было в условиях жесткого сталинского режима 30-х гг., сделал все, от него зависящее, для грандиозного цивилизационного скачка республики – от архаичного к аграрно-индустриальному обществу. Этот прорыв осуществлялся без грубых извращений, как в предшествующий ненавистный для казахского народа «голощекинский» период. Только на самом последнем отрезке его политической деятельности, сам находясь под дамокловым мечом сталинской репрессивной машины, Мирзоян вынужден был подписывать списки, подготовленные карательными органами.

Строительству казахстанской государственности Левон Мирзоян отдал всю свою энергию, знания, богатый жизненный опыт. За созидательную дея-

---

1КиргАССР, как будущая казахская автономия в составе РСФСР, была образована в 1920 и в 1925 г. переименована в КазАССР. Тогда же Кара-Киргизская АССР получила наименование Киргизская АССР. В досоветский период племена, населявшие территорию будущей автономии, называли «киргиз-кайсаки». В июле 1917 г.на 1-мВсекиргизском съезде оформилась организация «Алаш-Орда», поставившая цель создать автономию в составе России. 26.08.1920 г. Ленин и Калинин подписали декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики». 4.10.1920 г. в г. Оренбурге Учредительный съезд рабочих, крестьянских, казачьих, киргизский и красноармейских депутатов провозгласилКиргАССР. В феврале 1925 г. столица КиргАССР была перенесена из Оренбурга в город Ак-Мечеть (Кзыл-Орда), а затемв город Алма-Ату. 15 июня 1925 г. КиргАССР была переименована в Казакскую АССР. Крайком с 1921 по 1932 г. возглавляли М. Костеловская, Г. Коростелев, В. Нанейшвили и Ф. Голощекин[Козыбаев 2013; История Казахстана 2009].

[2]Филипп Исаевич (ШаяИцикович) Голощёкин (1876–1941), чл. РСДРП с 1903 г.,по профессии зубной врач, участвовал во всех трех русских революциях. Находился в ссылке до Февральской революции. В письме из ссылки к жене Я. Свердлов, близко сошедшийся с Голощёкиным в ссылке, писал о нем: «Он стал форменным неврастеником». В октябре вошел в Петроградский ВРК. Участвовал в октябрьском восстании и был избран членом ВЦИК. В ноябре 1917 г. вошел в Екатеринбургский комитет РСДРП(б). Один из организаторов расстрела царской семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. С осени 1922 г. Голощёкин – председатель Самарского губисполкома. С 1925 по февраль 1933 г. – секретарь Казкрайкома. Жесточайшими методами проводил политику коллективизации. После отзыва из Казахстана в 1933–39 гг. – Главный гос. арбитр СССР. Арестован 15 октября 1939 г.по обвинению в сочувствии троцкизму. В апреле 1939 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов в своих показаниях упоминает Голощёкина в качестве своего интимного партнера. 28.10.1941 г. расстрелян[Народ не безмолвствует 1996; Петров, Янсен 2008; Залесский 2005].

тельность он заслужил уважение народа Казахстана, но, пройдя через мучительные пытки, он лишился своей жизни. Жертвой режима стала и его супруга Юлия Тевосян сестра известного советского государственного деятеля И.Ф. Тевосяна[1], возглавлявшая республиканский Институт марксизма-ленинизма, при всей своей идеологической направленности, являвшийся главной кузницей национальных управленческих кадров Казахстана.

Назовем только некоторые наиболее знаковые преобразования и достижения республики в период руководства Левона Мирзояна – с 21 января 1933 по 16 мая 1938 г.

Новый руководитель, за короткое время объехав все области автономной республики, еще входившей в состав РСФСР, на июльском 1933 г. пленуме Казкрайкома, где собрался партийный актив Казахстана, дал объективную и неутешительную оценку состояния республики. Главный его вывод – Казахстан находился в удручающем состоянии, а экономика – на грани коллапса. И самое главное – невосполнимые человеческие потери.

В течение 1931–1933 гг. умерли или покинули Казахстан сотни тысяч человек (в исторической литературе приводятся самые различные данные – от одного миллиона у Р. Конквеста и до 2 млн. – данные современных казахских историков) [Conquest Robert 1991; Абжанов]. Впрочем, в условиях массового перемещения населения, веками ведущего кочевой образ жизни, назвать достоверные данные жертв не представляется возможным.

Уже тогда Мирзоян определил задачи по исправлению трагического положения, сложившегося после преступной деятельности Голощёкина.

Первое, с чего начал Мирзоян, – создал в республике нормальную психологическую обстановку, настроил руководящие кадры и все слои общества на созидательную деятельность, основанную не на страхе, а на вере в то, что удастся наладить нормальную жизнь и при этом совершить настоящий переворот в экономике. При этом Мирзоян не побоялся взять на себя роль «громоотвода» для жителей республики, где в образе «Грома» выступал безжалостный сталинский Центр. При этом сам герой, несомненно, должен был рано или поздно погибнуть.

На упомянутом выше июльском пленуме крайкома один из авторитетных партработников А. Джангильдин сказал: «Выступление т. Мирзояна нас вполне удовлетворило. Я являюсь старым работником в Казахстане, все перегибы, все загибы [при Голощекине] при мне происходили. Я сам себя не оправдываю в этом отношении. Я глубоко уверен, что с сегодняшнего дня наша казахстанская

[1] Ованес Тевадросович (Иван Федорович) Тевосян (1902 Шуши –1958) – известный советский государственный деятель. В 1918 г. вступил в РСДРП, а в 1919 г. стал секретарем подпольного райкома РКП(б) г. Баку. В 1921–27 гг. обучался в Московской горной академии и одновременно работал зам. завотделом проп. и агитации Замоскворецкого райкома. Работал на заводе «Электросталь» Московской области, где в дальнейшем стал гл. инженером. В 1931–36 гг. – управляющий трестом «Спецсталь»; в 1936–39 гг. – 1-й зам. наркома оборонной промышленности СССР; в 1939–1940 гг. – нарком судостроительной промышленности СССР; в 1940–48 гг. – нарком, затем министр чёрной металлургии СССР, руководил эвакуацией металлургических предприятий. Тевосян был привлечён к работам по добыче урановой руды. В 1948–1949 гг. – министр металлургической промышленности; в 1949–56 гг. – зам. председателя СМ СССР, одновременно в 1950–53 гг. министр чёрной металлургии СССР. С 1956 г. до смерти – посол СССР в Японии. После смерти прах помещён в урне в Кремлевской стене [Якубович 2012]. Памятник в родном Шуши был снесён в марте 2021 г. после того, как город был оккупирован.

организация действительно по-большевистски исправит все прежние ошибки» [Левон Мирзоян в Казахстане 2001].

В своем выступлении на XVII съезде ВКП(б) Мирзоян докладывал о состоянии республики после правления Голощёкина: «Ошибки выразились в попытке перепрыгнуть через непройденный этап, в попытке сразу, без предварительной работы, насадить в кочевом и полукочевом ауле артельную форму колхозного движения» [Левон Мирзоян в Казахстане 2001: 5].

Преступная деятельность Голощёкина осуществлялась в соответствии с директивами сталинского руководства, поэтому на съезде Мирзоян вынужден был квалифицировать их как «ошибки». Но и это был смелый шаг, ведь не мог же Сталин допустить назначение преступника на должность Главного государственного арбитра при СНК СССР. Этот орган, совмещавший в себе управленческие и судебные функции, Голощёкин возглавлял с 1933 по 1938 г. К тому же последний находился под особой опекой Ежова, которого с Голощёкиным связывали далеко не только деловые связи [Петров, Янсен 2008]. Тем более что накануне «Съезда расстрелянных» будущий председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и народный комиссар внутренних дел СССР (с 1936 г.) заведовал Орграспредотделом, реализовавшим на практике кадровую политику Сталина.

Левон Исаевич предпринял первоочередные шаги по преодолению последствий голода: крестьянские хозяйства были освобождены на два года от государственных налогов, снята их задолженность за предыдущие годы, выдавалось продовольствие и семена маломощным хозяйствам, по его распоряжению колхозники получали скот (за три года им было роздано более 1,1 млн голов скота), в районах оседания развернулось строительство жилья и социальных объектов и т.д. В результате не только прекратились массовые откочевки казахов за пределы республики, но и происходило их возвращение на родину. В областях были созданы комиссии, занимавшиеся обустройством возвращающихся казахов. Руководители областей ежемесячно сообщали о количестве вернувшихся казахов и их обустройстве.

К концу 1933 г. около 100 тыс. семейств (при этом следует учитывать численность многодетных и многопоколенных семей казахов) бывших кочевников и «откочевников» были расселены в зерновых и животноводческих хозяйствах, что позволило без жертв и грубого насилия переводить казахов к оседлости, что объективно способствовало их переходу к более высокой цивилизационной модели [Левон Мирзоян в Казахстане 2001: 6].

Уже в 1933 г. в Казахстане удалось собрать неплохой урожай, прекратился массовый убой скота и наметился рост его поголовья [Шепель 2013]. А в следующем году республика получила небывалый урожай зерновых (120 млн пудов), позволивший накормить не только своих жителей, но и жителей других регионов страны.

В 1935 г. колхозы получили акты на вечное пользование землей. За годы пятилетки только в полукочевых районах создано несколько тысяч коллективных хозяйств (колхозов) и около 200 крупных государственных хозяйств (совхозов). В указанное время на 740 тыс. га увеличились посевные площади под

зерновые, значительно повысилась эффективность обработки земли, следовательно, поднялась урожайность зерновых и технических культур. В годы пятилетки поголовье скота в республике увеличилось на 5 млн. Эти результаты стали возможны благодаря развитию социальной сферы сельчан, созданию научно-исследовательских институтов животноводства и растениеводства, подготовке тысяч молодых специалистов для сельского хозяйства из коренных жителей [Левон Мирзоян в Казахстане 2001].

За годы второй пятилетки (1933–1937) потрясающие показатели республика достигла в области индустриализации. Приведем только некоторые примеры. Это строительство Ульбинской ГЭС, ускоренное введение в строй крупнейших предприятий: Риддерский комбинат, Карагандинский угольный бассейн, Чимкентский свинцовый завод, Актюбинский химический завод и др. В 1934 г. был получен первый чимкентский свинец, а в 1938 г. – первая балхашская медь. Большое социальное значение имело развитие рыбных промыслов на Каспии и строительство крупного рыбоконсервного завода в Гурьеве (ныне – Атырау) [Левон Мирзоян в Казахстане 2001].

Велись важные для страны и республики геологоразведочные работы в Эмбинском районе с запасом нефти свыше 800 млн. тонн, что позволило ввести в строй новые нефтепромыслы. В конце 1935 г. завершилось строительство уникального в те времена нефтепровода Гурьев – Орск, имевшего протяженность около 800 км. На введенном в эксплуатацию в апреле 1930 г. знаменитом Турксибе (Туркестано-Сибирская железная дорога) в период второй пятилетки грузопоток увеличился более чем в два раза. Эти и многие другие уникальные объекты позволили сформировать в Казахстане индустриальные районы. Всего к концу второй пятилетки в республике было построено и введено в строй 120 крупных промышленных предприятий и электростанций, увеличилась вдвое сеть железных дорог [Левон Мирзоян в Казахстане 2001].

Ускоренными темпами формировался рабочий класс, в том числе за счет национальных кадров, доля которых составила 45%. Рядом с промышленными стройками возводились города. Республика в прямом смысле покрылась строительными лесами. Кардинально изменился облик первой столицы Казахстана – города Алма-Аты (ныне – Алматы).

Прибыв зимой 1933 г. в Алма-Ату, Левон Исаевич ужаснулся убогости небольшого городка, расположенного на фоне величественных гор. Он сообщал в Москву Кагановичу: «Ужас, что из себя представляет Алма-Ата… это паршивенькая деревенька, и, конечно, в несколько раз хуже любой северо-кавказской станицы» [Габдуллин 2015: 159].

В докладной записке Сталину «О жилищно-коммунальном хозяйстве в Казахстане» от 31 ноября 1934 г. Мирзоян просил, чтобы республике выделили средства для строительства в Алма-Ате водопровода и канализации, жилых домов, зданий под учреждения (Дворец Советов, Дом правительства), Дворца казахской национальной культуры, институтов, национального театра, краевой больницы и других объектов [Левон Мирзоян в Казахстане 2001]. Как видно из списка, перечисленные объекты далеко выходили за рамки «жилищно-коммунального хозяйства».

Не дожидаясь выделения заявленного финансирования из Центра, уже в 1933 г. развернулось строительство целого ряда объектов, указанных в письме к генсеку. К началу 1934 г. было завершено строительство первого водопровода, проведена канализация, открылись четыре общественные бани, три гостиницы. «А через год, – пишет Бильгельды Габдуллин, – в центре города высился Дом связи, образец стиля конструктивизма. Годы спустя горожане будут чтить Главпочтамт как памятник архитектуры. Строились жилые дома, появился трамвайный маршрут, приступили к планированию троллейбусных линий. И уже наметили место, где будет построен Театр оперы и балета» [Габдуллин 2015: 160].

Неоценим вклад руководителя в формирование и поддержку национальной интеллигенции республики. Мирзоян содействовал проведению Первого съезда писателей республики, созданы Музыкальный театр, впоследствии преобразованный в театр оперы и балета, Госфилармония, Русский и Казахский драматические театры. При нем небольшая база Академии наук, была преобразована в филиал Академии наук СССР и др. В мае 1936 г. прошла первая Декада литературы и искусства Казахстана в Москве, – пишет Б. Габдуллин, – и «мир узнал Жамбыла, Куляш Байсеитову. Был “реабилитирован” и вернулся в духовную жизнь казахов великий Абай». Вузы открывались не только в столице, но и в областных центрах. Не осталось аулов, где бы ни были созданы школы на родном языке.

В связи с преобразованием в 1936 г. КазАССР в союзную республику, в марте 1937 г. на X съезде Советов республики была принята разработанная под руководством Л.И. Мирзояна первая Конституция КазССР.

1937-й г. стал апогеем репрессий против неугодных кадров. В течение только одного этого года сместили с постов и расстреляли как врагов народа большинство региональных руководителей. От тех же руководителей, которых маховик репрессий пока не затронул, Центр требовал выполнения и перевыполнения плана «жертвоприношений». В условиях нарастающих репрессий, арестов руководителей, – отмечает директор архива президента РК, историк В. Шепель, – Мирзоян старался хоть как-то их уберечь, но «маховик» террора уже было не остановить, тем более что угроза нависла и над самим первым секретарем ЦК КП (б) Казахстана [Шепель 2013].

22 сентября 1937 г. в газете «Правда» была опубликована статья Пухова «На поводу у буржуазных националистов», где была раскритикована деятельность республиканского ЦК по разоблачению врагов народа: «Партийное руководство Казахстана не разоблачило ни одного сколько-нибудь видного буржуазного националиста, хотя на отсутствие острых сигналов коммунистов ЦК КП(б) Казахстана пожаловаться не может… Подобное положение с самокритикой в Казахстане мешает разоблачить врагов, пробравшихся к руководству» [Шепель 2013].

Эта статья появилась через полгода после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., на котором «Вождь всех времен и народов» подверг критике кадровую политику Мирзояна [Материалы февральско-мартовского пленума 1995: 13]. Кстати, когда в 1937 г. на I съезде КП(б)Каз. некоторые вы-

ступавшие в прениях по отчетному докладу Мирзояна напомнили ему о критике со стороны Сталина, Левон Исаевич сказал: «Я думаю, критика моих ошибок тов. Сталиным не дает права всю работу крайкома по подбору кадров поставить под сомнение, под недоверие» [Шепель 2013].

Попытка Мирзояна воспротивиться маховику репрессий вызвала гневную реакцию со стороны Сталина и руководителя НКВД. Перед началом первой сессии Верховного Совета СССР первого созыва Мирзоян на приеме у Сталина и Ежова высказал накопившиеся сомнения по поводу методов работы НКВД [Первая сессия 1938; Габдуллин 2015]. Ответом на это высказывание стало отправление в республику на должность наркома внутренних дел КазССР всесильного и влиятельного комиссара госбезопасности 1 ранга, члена особой тройки НКВД СССР С.Ф. Реденса[1] – свояка Сталина (женат на Анне Аллилуевой – сестре жены вождя). Последний по прямому указанию из Москвы лично принимал решения о масштабе репрессий в республике, составлял списки «врагов народа» и представлял Мирзояну, который уже не мог повлиять на судьбу обвиняемых. Ему следовало лишь докладывать в ЦК о ходе борьбы с врагами и шпионами, разоблачении банд вредителей, антисоветских групп и руководителей, связанных с разного рода оппозицией.

И даже в таких условиях Мирзоян старался выступать за прекращение необоснованных обвинений в адрес руководителей. Б. Габдуллин писал, что «Левон Исаевич Мирзоян пытался уменьшить число жертв, но НКВД был всемогущ и ему никак не подвластен. И все-таки… ему удалось спасти великого Мухтара Ауэзова, он предупредил его о возможном аресте и настоял на незамедлительном отъезде из Алма-Аты. Только себя он уберечь не смог» [Габдуллин 2015: 160].

Впоследствии Реденс во время следствия признавал, что в Казахстане он санкционировал расстрел четырех тысяч человек «без достаточных оснований». Как вспоминал бывший его заместитель П.В. Володзько, на вопрос, как быть, если нет оснований для ареста, Реденс ответил: «Нужно бить беспощадно, тогда будут сознаваться» [Савин, Тепляков 2019].

Левон Мирзоян пользовался большим авторитетом и популярностью в республике. Уже после февральского пленума, на котором он подвергся крити-

[1] Станислав Францевич Реденс (1892–1940) – комиссар госбезопасности 1 ранга (1935), член особой тройки НКВД СССР. Родился в г. Мазовецк, в семье польского кустаря-сапожника. Член РСДРП с 1914 г. В 1917 г. – секретарь польской группы Соц.-дем. Польши и Литвы. С 1918 г. работал в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ. С июня 1924 до 1926 г. – помощник председателя и секретарь Президиума ВСНХ СССР; в 1926–28 гг. –управляющий делами Наркомата РКИ СССР и ЦКК ВКП(б). С 10 ноября 1928 г. – полпред ОГПУ по ЗСФСР и председатель ГПУ ЗСФСР; с мая по июль 1931 г. – полномочный представитель ОГПУ при СНК СССР по Белорусскому ВО и председатель ГПУ БелССР; с июля 1931 по февраль 1933 г. – полпред ОГПУ по УкрССР – председатель ГПУ УССР. С 20 февраля 1933 г. возглавлял Полномочное представительство ОГПУ по Московской области (МО), с июля 1934 г. по январь 1938 г. – начальник Управления НКВД по МО. Руководил развёртыванием массового террора в Москве и МО. Был одним из организаторов процесса над Зиновьевым и Каменевым и по делу Рютина. Один из организаторов репрессий в РККА 1937–38 гг. Входил в состав особой тройки (председатель), созданной по приказу НКВД СССР от 30.07.1937 г. 20.01.1938 г. назначен наркомом вн. дел КазССР. В ноябре того же года был арестован и 12 февраля расстрелян. Реденс был признан виновным в шпионаже в пользу Польши и участником заговорщической организации в системе НКВД. В 1961 г. по прямому указу Н.С. Хрущева был реабилитирован. В годы перестройки Прокуратура СССР установила, что Реденс за совершение фальсификации уголовных дел был реабилитирован необоснованно [Петров, Скоркин 1999].

ке со стороны Сталина, доносчики сообщали в Москву о том, что аплодисменты во время выступления первого секретаря звучали так же громко, как и при упоминании руководителей партии.

Рядом с ним постоянно находились лица, местные и присланные из Москвы, которым было поручено регулярно докладывать о любых провинностях первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана и других руководящих работников республики. Одним из них был ответственный инструктор ЦК ВЛКСМ Поздняков. Он скрупулезно собирал все факты «прославления» в республике Мирзояна и отправлял информацию в Москву. В одной из своих «Докладных записок к генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ А.В. Косареву об обстановке восхваления в Казахстане» (естественно для передачи Сталину)[1] от 14 февраля 1938 г. он привел примеры такого восхваления. Вот только несколько собранных им «фактов».

«Например, – сообщает Поздняков, – десять дней не прошло после выборов в Верховный Совет СССР, как через несколько дней в газете «Казахстанская правда» в первых числах января [1938 г.] печатается речь тов. Мирзояна, произнесённая на совещании директоров совхозов с портретом. Через 3 дня – 6 января печатают речь на пленуме Алма-Атинского обкома – опять с портретом» [Савин, Тепляков 2019: 140–141].

Или другой «сигнал» комсомольского инструктора: «У меня создалось такое впечатление, слушая речи, читая газеты, разговаривая с людьми, присутствуя на собраниях, …что казахстанский народ добился счастливой жизни благодаря [работе] т. Мирзояна, и мало упоминается, что всё это достигнуто под руководством нашей партии Ленина-Сталина и её Центрального комитета» [Савин, Тепляков 2019: 140–141].

Свою записку Поздняков завершает «обнародованием» фамилий т.н. «артели тов. Мирзояна» (так Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК, наряду с другими примерами, назвал приближенных к Мирзояну ответственных работников республики – руководителей областей КазССР): Н.С. Кузнецова, С.М. Свердлова (работал вместе с Л.И. Мирзояном в Баку и на Урале), Г.И. Пинхасик, Ариева, Панкратова.

Наверняка еще на «Съезде расстрелянных» в 1934 г. Сталин внес фамилию Мирзояна в свой кровавый список делегатов, посмевших при выборах в ЦК больше голосов отдать не ему, а Кирову. Однако небывалые успехи Казахстана в тот период, популярность «Мырза-жана», как его называли простые казахи, вынудили оттянуть исполнение запланированного приговора на более «подходящее время».

Никто из авторов не упоминает животное неприятие Вождя такого антропометрического признака физического развития человека, как рост его мнимых оппонентов. Конечно, рост политика, к тому же являющегося главнокомандующим, не является обязательным условием для того, чтобы выполнять функцию лидера. Возможно, в глубокой древности для вождя, ведущего за собой

[1] На первой странице письма красным карандашом наложена резолюция А.В. Косарева: «Надо направить т. Андрееву и т. Сталину. А.К.» [Савин, Тепляков 2019].

племя, этот показатель и был очень важным. Но и в древние времена не рост определял значение личности. Вспомним самого выдающегося полководца Византии VI в. – непобедимого Нарсеса с его небольшим ростом и низкорослого Александра Невского (кинематографический образ не соответствует реальности). Другое дело – Сталин с его психологическими комплексами. Политические деятели, которые превосходили его по интеллекту, популярности (а это одна из важнейших причин неприятия вождем Левона Мирзояна) и внешнему облику, при всей их лояльности и даже верноподданности записывались в число врагов, которых следовало устранить. Затмевать вождя интеллектом, популярностью и даже ростом считалось наитягчайшим преступлением. Апологеты Сталина приписывают ему рост в 165 и даже 170 см. Однако достаточно взглянуть на фотографии, где на трибуне мавзолея рядом с вождем в фуражке стоят известные политические и военные деятели, имеющие рост меньше 165 см и без головного убора, чтобы согласиться с называемой в литературе цифрой в 155–160 см и даже меньше.

Ну как можно было в годы «Великого террора» оставлять на руководящей должности (и в живых) политика с очень высоким ростом, с привлекательным и открытым лицом, высоким лбом, как характеризуют современники Левона Исаевича, и еще необыкновенно популярного среди населения республики, с которым он не был связан кровнородственными и этническими узами, но принявшего его как своего родного Мырза-жана.

Сталин ожидал удобного повода для устранения неугодного руководителя второй по величине республики СССР. И такой повод не заставил себя долго ждать. В 1938 г. Мирзоян выразил несогласие с решением Центра поселить на севере республики депортированных с Дальнего Востока корейцев. Он считал, что корейцы могли бы успешно заниматься рисоводством в южных районах Казахстана. 15 мая за подписью Сталина им была получена телеграмма с требованием немедленно прибыть в Москву.

До столицы Мирзоян не доехал. Его арестовали 23 мая 1938 г. по обвинению в шпионаже на станции в 50 км от столицы и поместили в Лефортово [Шепель 2013]. По дороге из вагона были выведены жена и дети.

В тюрьме он подвергался жестоким пыткам. От него требовали показаний о шпионской деятельности в пользу Великобритании, с которой он якобы вел переговоры об отделении Казахстана от СССР, а также о подготовке им террористического акта против Калинина, Сталина и Ежова.

Во время одного допроса, на котором присутствовал Ежов, Мирзоян пожаловался на жестокие методы следствия. В ответ Ежов заявил: «Товарищ Сталин приказал оставить тебе целой только кисть правой руки, чтобы ты мог подписать показания о своей вражеской деятельности. Учти, Мирзоян, что указания Иосифа Виссарионовича будут выполнены с точностью!» [Габдуллин 2015: 159].

После многомесячных беспрерывных пыток, 26 февраля 1939 г. Л.И. Мирзояна расстреляли. В 1956 г. он был реабилитирован и восстановлен в партии. По решению Президента РК Нурсултана Назарбаева за большие заслуги перед казахским народом в 1997 г. в городе Актобе установлен памятник Мирзояну на

одноименной площади и улице, в Алма-Ате – городе, который он искренне любил и для которого сделал так много доброго, в его честь названа улица.

Увы, через два десятилетия в Казахстане забыли о «больших заслугах перед казахским народом» первого руководителя этой, тогда союзной, республики. Более того, вначале радикалами из Апшерона, а потом уже и внутри самого современного Казахстана появившимися инициаторами повелась борьба с «тоталитарным прошлым», символом которого сделан Левон Мирзоян. Но только как раз из этого тоталитарного прошлого появилось нынешнее одно из крупнейших государств Евразии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абжанов 2012 – *Абжанов Х.М.* Голод начала 30-х годов XX века в Казахстане: Преступление и Наказание // Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории. – Астана, 2012. – 458 с.

Акопян 2019 – *Акопян В.З.* Изменение этнического состава населения в Нагорно-Карабахской автономной области в 1920–1980-е гг. // Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – С. 224–228.

Баку 1890 – *Баку* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.

Бархударянц 2009 – *Бархударянц Макар*. Арцах. – СПб.: Наука, 2009. – 384 с.

Габдуллин 2015 – *Габдуллин Б.* «Великое кочевье». Исторические эссе. – Алматы: «Хантәңірі» баспасы, 2015. – 286 с.

Достанбаев 2007 – *Достанбаев Т.* Мирзоян – время созидательного и творческого подъема – Тараз: ТарГУ, 2007. С. 64–65.

Залесский 2000 – *Залесский К.А*. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. – М.: Вече, 2000. – 605 с.

История Казахстана 2009 – *История Казахстана: Курс лекций* / под ред. Каражан К.С.– Алматы: Нур-пресс, 2009. – 432 с.

Кавказский календарь 1915 – *Кавказский календарь на 1915 год*. – Тифлис: Типография канцелярии Е.И.В. на Кавказе, 1915. – С. 110.

Козыбаев 2013 – *Козыбаев М.К.* и др. История Казахстана (с начала XX в. по настоящее время). 3-е. – Алматы: Мектеп, 2013. – 296 с.

Левон Мирзоян в Казахстане 2001 – *Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938)* / Отв. ред. Л.Д. Дегитаева; Архив Президента Республики Казахстан. – Алматы: «Казахстан», 2001. – 368 с.

Ляхов 1965 – *Ляхов В.И.* Л.И. Мирзоян // Вопросы истории КПСС. – 1965. – № 1.

Материалы февральско-мартовского пленума 1995 – *Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г.* // Вопросы истории. – 1995. – № 10-11. – № 12.

Морозова 2011– *Морозова О.М.* Николай Федорович Гикало // Вопросы истории. – 2011. – № 9. – С. 37–57.

Народ не безмолвствует 1996 – *Народ не безмолвствует* / Сост Пономарев М.И. – Алматы: «Обелиск»: Простор, – 1996. – 302 с.

Новосёлова. 2012 – *Новосёлова Е.С.* И.Д. Кабаков: жизненный путь, партийная и государственная деятельность // Девятые Татищевские чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 1920 апреля 2012 года). – Екатеринбург, 2012. – С. 228–231.

Ованнисян 2019 – *Ованнисян А.Ю.* Фундаментальный вклад Левона Мирзояна в процесс становления и развития казахстанской государственности в период СССР // Регион и мир, 2019. – № 2. – С. 38–43.

Петров и др. – *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008. – 446 с.

Петров и др. 1999 – *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1999. – 504 с.

Первая сессия 1938 – *Первая сессия Верховного Совета СССР* [1-го созыва], (12–19 января 1938 г.): стенографический отчет. – 1938. – 207 с.

Погодин 2013 – *Погодин С.* Второй дом Советов в воспоминаниях, фотографиях и документах // Веси. Журнал. Спецвыпуск. – № 6. 2013. – С. 89–132.

Романов 1965 – *Романов В.Я.* Иван Кабаков. [1891–1937]. – Свердловск, 1965. – 93 с.

Савин и др. 2019 – *Савин А.И., Тепляков А.Г.* Левон Мирзоян и Станислав Реденс: штрихи к биографиям руководителей Казахской ССР (1937–1938 гг.) // Мир Большого Алтая. – 2019. – №5(2). – 133–149.

Сушков 2007 – *Сушков А.В.* Руководители Свердловской области: первые секретари Свердловского обкома ВКП(б) – КПСС: историко-биографический справочник. – Екатеринбург, 2007. – 168 с.

Хуршудян 2001 – *Хуршудян Э.* Слово о Мирзояне // Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938). Архив Президента Республики Казахстан. – Алматы: «Казахстан», 2001. – 368 с.

Шепель 2013 – *Шепель В.* Левон Мирзоян и Казахстан. Годы великих испытаний // Комсомольская правда. 2013. 20–27 июня. URL: https://web.archive.org/web/20140813213922/http://www.archive.president.kz/up_files/publications/shepel_publication_27.pdf

Уральская историческая энциклопедия 2000 –*Уральская историческая энциклопедия*. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 637 с.

Якубович 2012 – *Якубович М.И.* И.Ф. Тевосян, МИСиС. – М., 2012. – 733 с.

Conquest Robert 1991 – *Conquest Robert*. The Great Terror: A Reassessment. – New York; Oxford: Oxford univ. press, 1991. VIII. – 570 с.

REFERENCES

ABZHANOV H.M. *Golodnachala 30-h godov XX veka v Kazahstane: Prestuplenie i Nakazanie* [Famine of the early 30s of the XX century in Kazakhstan: crime and punishment]. IN: Golod v Kazahstane: tragediya naroda i uroki istorii. – Astana, 2012. – 458 p. (In Russ.).

AKOPYAN V.Z. *Izmenenie etnicheskogo sostava naseleniya v Nagorno-Karabahskoj avtonomnoj oblasti v 1920–1980-e gg.* [The change in the ethnic composition of the population in the Nagorno-Karabakh Autonomous Region in the 1920s-1980s] IN: Narody Kavkaza v civilizacionnom prostranstve Rossii. – Rostov-on-Don: Izd-vo YUNC RAN, 2019. – pp. 224–228. (In Russ.).

Baku. IN: Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). – Saint Petersburg, 1890–1907. (In Russ.).

BARHUDARYANC MAKAR. *Arcah*. – Saint Petersburg: Nauka, 2009. – 384 p. (In Russ.).

GABDULLIN B. *«Velikoe kochev'e». Istoricheskie esse* [«The Great Nomad». Historical essays] – Almaty: «Hantәңiri» baspasy, 2015. – 286 p. (In Russ.).

DOSTANBAEV T. *Mirzoyan – vremya sozidatel'nogo i tvorcheskogo pod"ema* [Mirzoyan – the time of creative and creative rize] – Taraz: TarGU, 2007. pp. 64–65. (In Russ.).

ZALESSKIJ K.A. *Imperiya Stalina. Biograficheskij enciklopedicheskij slovar'* [Stalin's Empire. Biographical encyclopedic dictionary] – Moscow: Veche, 2000. – 605 p. (In Russ.).

Istoriya Kazahstana: Kurs lekcij [History of Kazakhstan: A course of lectures] pod red. Karazhan K.S. – Almaty: Nur-press, 2009. – 432 p. (In Russ.).

Kavkazskijkalendar' na 1915 god [Caucasian calendar for 1915] – Tiflis: Tipografiyakancelyarii E.I.V. naKavkaze, 1915. – P. 110. (In Russ.).

KOZYBAEV M.K. i dr. *IstoriyaKazahstana (s nachala XX v. po nastoyashcheevremya)* [The history of Kazakhstan (from the beginning of the XX century to the present)]. 3-e. – Almaty: Mektep, 2013. – 296 p. (In Russ.).

Levon Mirzoyan v Kazahstane. Sbornik dokumentov i materialov (1933–1938) [Levon Mirzoyan in Kazakhstan. Collection of documents and materials (1933–1938)]. Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan. – Almaty: «Kazahstan», 2001. – 368 p. (In Russ.).

LYAHOV V.I. *L.I. Mirzoyan*. IN: Voprosy istorii KPSS. – 1965. – № 1. (In Russ.).

Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma CK VKP(b) 1937 g. [Materials of the February-March plenum of the Central Committee of the CPSU(b). 1937] IN: Voprosy istorii. – 1995. – № 10−11. – № 12. (In Russ.).

MOROZOVA O.M. *Nikolaj Fedorovich Gikalo* [Nikolay Fedorovich Gikalo]. IN: Voprosy-istorii. – 2011. – № 9. – pp. 37–57. (In Russ.).

Narod ne bezmolvstvuet [The people are not silent] – Almaty: «Obelisk»: Prostor, – 1996. – 302 p. (In Russ.).

NOVOSYOLOVA E.S. *I.D. Kabakov: zhiznennyj put', partijnaya i gosudarstvennaya deyatel'nost'* [I.D. Kabakov: life path, party and state activity]. IN: Devyatye Tatishchevskie chteniya: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Ekaterinburg, 1920 aprelya 2012 goda). – Ekaterinburg, 2012. – pp. 228–231. (In Russ.).

OVANNISYAN A.YU. *Fundamental'nyj vklad Levona Mirzoyana v process stanovleniya i razvitiya kazahstanskoj gosudarstvennosti v period SSSR* [Levon Mirzoyan's fundamental contribution to the process of formation and development of Kazakhstan's statehood during the USSR period]. IN: Region i mir, 2019. – № 2. – pp. 38–43. (In Russ.).

PETROV N., YANSEN M. *«Stalinskijpitomec» – Nikolaj Ezhov* [«Stalin's pet» – Nikolai Yezhov] – Moscow, 2008. – 446 p. (In Russ.).

PETROV N.V., SKORKIN K.V. *Ktorukovodil NKVD, 1934–1941: Spravochnik* [Who led the NKVD, 1934-1941: Handbook]. – Moscow: Zven'ya, 1999. – 504 p. (In Russ.).

Pervaya sessiya Verhovnogo Soveta SSSR [1-go sozyva], (12–19 yanvarya 1938 g.): *stenograficheskij otchet* [The first session of the Supreme Soviet of the USSR [1st convocation], (January 12-19, 1938): verbatim report] – 1938. – 207 p. (In Russ.).

POGODIN S. *VtorojdomSovetov v vospominaniyah, fotografiyahidokumentah* [The Second House of Soviets in memoirs, photographs and documents]. IN: Vesi. ZHurnal. Specvypusk. – № 6. 2013. – pp. 89–132. (In Russ.).

ROMANOV V.YA. *Ivan Kabakov. [1891–1937]*. – Sverdlovsk, 1965. – 93 p. (In Russ.).

SAVIN A.I., TEPLYAKOV A.G. *Levon Mirzoyan i Stanislav Redens: shtrihi k biografiyam rukovoditelej Kazahskoj SSR (1937–1938 gg.)* [Levon Mirzoyan and Stanislav Redens: strokes to biographies of leaders of the Kazakh SSR (1937–1938)]. IN: Mir Bol'shogo Altaya. – 2019. – №5(2). – pp. 133–149. (In Russ.).

SUSHKOV A.V. *Rukovoditeli Sverdlovskoj oblasti: pervye sekretari Sverdlovskogo obkoma VKP(b) – KPSS: istoriko-biograficheskij spravochnik* [Leaders of the Sverdlovsk region: first secretaries of the Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU(b) – CPSU: historical and biographical directory]. – Ekaterinburg, 2007. – 168 p. (In Russ.).

HURSHUDYAN E. *Slovo o Mirzoyane* [The word about Mirzoyan]. *IN: Levon Mirzoyan v Kazahstane. Sbornik dokumentov i materialov* (1933–1938). Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan. – Almaty: «Kazahstan», 2001. – 368 p. (In Russ.).

SHEPEL' V. *Levon Mirzoyan i Kazahstan. Gody velikih ispytanij* [Levon Mirzoyan and Kazakhstan. Years of great trials]. IN: Komsomol'skaya pravda. 2013. 20–27 iyunya. URL: https://web.archive.org/web/20140813213922/http://www.archive.president.kz/up_files/publications/shepel_publication_27.pdf (In Russ.).

Ural'skaya istoricheskaya enciklopediya [Ural Historical Encyclopedia]. – Ekaterinburg: Akademkniga, 2000. – 637 p. (In Russ.).

YAKUBOVICH M.I. I.F. Tevosyan, MISiS. – Moscow, 2012. – 733 p. (In Russ.).

CONQUEST ROBERT. The Great Terror: A Reassessment. – New York; Oxford: Oxford univ. press, 1991. VIII. – 570 p.

Информация об авторе
В.З. Акопян – кандидат исторических наук.
Information about the author
V.Z. Akopyan – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.
The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК: 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-124-136
EDN: JAHXFO

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Артур Гусманович Кажаров[1], **Хамитби Борисович Мамсиров**[2], **Карина Аслановна Кушхова**[3]

[1] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, artur-kazharov@yandex.ru

[23] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[2] mamsirhb@mail.ru

[3] k_rina98@mail.ru

Аннотация. В первой половине 1920-х гг. параллельно развивались процессы поиска форм национально-государственного устройства горских народов и механизмов их административно-территориального управления. Решения этих вопросов были взаимосвязаны и взаимообусловлены. В основе политики советского государства лежал принцип экономического тяготения территорий и хозяйственно-экономического единства Северного Кавказа. В связи с этим для администрирования национальных автономий была создана Юго-Восточная область, а затем и Северо-Кавказский край, в рамках которых проявилась новая тенденция, связанная с консолидацией административно-политической элиты национальных автономий. В ее основе лежала необходимость ослабления территориальных конфликтов между горскими народами и укрепления политических и экономических основ национальных автономий. Вместе с тем региональные системы административно-территориального управления стали важным инструментом национальной политики советской власти. В целом была сконструирована эффективная система, интегрировавшая в себе федеральный, региональный и областной уровни власти и управления.

Ключевые слова: Административно-территориальное устройство, национальная автономия, Кабардино-Балкария, Северо-Кавказский край.

Для цитирования: Кажаров А.Г., Мамсиров Х.Б., Кушхова К.А. Кабардино-Балкария в административно-территориальной системе Северного Кавказа в первой половине 1920-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 124-136. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-124-136. EDN: JAHXFO.

© Кажаров А.Г., Мамсиров Х.Б., Кушхова К.А., 2022

Original article

KABARDINO-BALKARIA IN THE ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL SYSTEM OF THE NORTHERN CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 1920S

Artur G. Kazharov[1], **Khamitbi B. Mamsirov**[2], **Karina A. Kushkhova**[3]

[1] The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, artur-kazharov@yandex.ru

[23] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[2] mamsirhb@mail.ru

[3] k_rina98@mail.ru

Abstract. During the first half of the 1920s, with the processes of searching for forms of the national-state structure of the mountain peoples, the mechanisms for their administrative-territorial control were developed. The solutions to these issues were interrelated and interdependent. The policy of the Soviet state was based on the principle of economic gravity of territories and the economic unity of the North Caucasus. At the same time, the regional systems of administrative-territorial administration became a crucial instrument for the national policy of the Soviet government. An effective system was designed that integrated the federal, local, and regional levels of government and management. In this regard, the administration of national autonomies, the South-Eastern region was created, and then the North Caucasus Territory, where a new trend associated with the consolidation of the administrative and political elite of national autonomies occurred. During that time, the regional systems of administrative-territorial direction became a crucial instrument of the national policy of the Soviet government. In general, an effective system was designed that integrated the federal, regional levels of government and management. It lies in the need to ease territorial conflicts between the mountain peoples and to strengthen the political and economic foundations of national autonomies. The regional systems of administrative-territorial administration became an important instrument of the national policy of the Soviet government. An effective system was designed that integrated the federal, regional and local levels of government and management.

Keywords: Administrative-territorial structure, national autonomy, Kabardino-Balkaria, North Caucasian Territory

For citation: Kazharov A.G., Mamsirov Kh.B., Kushkhova K.A. Kabardino-Balkaria in the administrative and territorial system of the Northern Caucasus in the first half of the 1920s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 124-136. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-124-136. EDN: JAHXFO.

© Kazharov A.G., Mamsirov Kh.B., Kushkhova K.A., 2022

После прихода в октябре 1917 г. к власти одной из первоочередных задач большевиков стало внесение изменений в унаследованную от Российской империи систему административно-территориального устройства [Административно-территориальное… 2003: 202]. Во внутренней политике государства этот вопрос начинает занимать существенное место, как действенный и фундаментальный механизм реализации идейно-теоретических основ программы большевистской партии, что особенно касалось решения национального вопроса. Даже в условиях военно-политического противостояния в 1917–1920 гг. проводилась активная политика по внесению изменений в административно-территориальную систему [Лужин 1969: 7]. Учитывая трудности управления в условиях революционных процессов, в январе 1918 г. Совет народных комис-

саров РСФСР предоставил местным органам власти право самостоятельно решать существующие в этой сфере вопросы [Коржихина 1986: 151].

Победоносное для советской власти завершение Гражданской войны создало необходимые условия для планомерного решения административно-территориальных проблем. В начале 1920 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР была создана Административная комиссия, которая была призвана разработать основные принципы новой административно-территориальной системы. В состав комиссии вошли представители всех заинтересованных наркоматов и других ведомств. О ее высоком статусе свидетельствовало то обстоятельство, что она наделялась полномочиями разрешать конкретные проблемы формирования новых административных подразделений, более того, устанавливать границы национальных автономий [Шихавцова 2005: 86].

В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов принял решение о необходимости учитывать принцип экономического тяготения различных территорий. Данный фактор спустя несколько месяцев стал краеугольным при обосновании кабардинским руководством причин выхода Кабардинского округа из состава Горской республики.

Советская власть уделяла большое внимание Северному Кавказу, учитывая его полиэтничность и наличие многочисленных территориальных и административных проблем, влиявших на характер общей социально-политической ситуации в регионе. Особенность сложившихся исторических реалий заключалась в переплетении вопросов административно-территориального и национально-государственного устройства горских народов. В марте 1921 г. ВЦИК РСФСР утвердил основополагающий документ – «Основные положения о районировании», который фактически обозначил национальный признак, как определяющий фактор административно-территориального деления [Ансоков 1974: 136].

Становление автономии Кабардино-Балкарии неразрывно связано с вопросами определения ее статуса в региональной системе власти и управления в условиях активной фазы административно-территориального переустройства Северного Кавказа, который, по мнению представителей федеральных органов власти, отличался хозяйственно-экономическим единством. В связи с этим 13 февраля 1924 г. было принято решение образовать Юго-Восточную область РСФСР с центром в г. Ростов-на-Дону [Сулькевич 1926: 107]. В нее вошли Адыгейская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская автономные области, а также Горская АССР [Хлынина 2003: 210].

К середине 1920-х гг. территориальные проблемы в отношениях между национальными автономиями оставались важным фактором развития социально-исторических процессов, хотя их накал значительно и снизился. Однако появился новый аспект проблем формирования нового административно-территориального пространства Северного Кавказа и системы управления национальными автономиями. Различные комиссии, которые были созданы в течение 1924 г. в недрах федеральных органов власти по вопросам разрешения этнотерриториальных проблем, исходили в своей деятельности из необходимости расширения общегорского земельного-территориального фонда. Это был важный фактор не только лишения основ этнотерриториальных противоречий,

но экономического и политического укрепления национальных автономий, определения перспектив их устойчивого развития.

Председатель облисполкома Кабардино-Балкарии Б.Э. Калмыков связывал факторы социально-экономического развития автономной области с получением выхода к железнодорожным узлам. Он сформулировал и отстаивал идею включения Пятигорска в состав КБАО [Кажаров 2019: 291]. В 1922 г. были предприняты определенные действия для достижения этой цели. В частности, на состоявшемся 27–29 февраля 1924 г. бюро областного комитета РКП (б), на котором присутствовал А.И. Микоян, руководитель Кабардино-Балкарии вновь поднял указанный вопрос [Нечипурнова 1968: 144]. Со своей стороны, А.И. Микоян твердо выступал против включения Пятигорска в состав Кабардино-Балкарии. Его позиция заставила Б.Э. Калмыкова изменить свою позицию.

В наиболее концентрированном виде проблемы расширения общегорского земельного фонда были сформулированы руководителями горских национальных автономий на пленуме Краевого экономического совета, состоявшемся 8–12 марта 1924 г. Характер вопроса способствовал их консолидации. В повестке дня пленума были проблемы административного и экономического районирования Северного Кавказа. Материалы этого пленума до сего времени не были опубликованы, но они имеют принципиальное значение для понимания сути административно-территориального переустройства Северного Кавказа в 1920-е гг. На пленуме развернулась острая дискуссия по вопросу об административно-территориальной реорганизации Терской губернии. Б.Э. Калмыков выступил с защитой интересов Кабардино-Балкарии и других национальных автономий Северного Кавказа.

Один из руководителей Юго-Восточного отделения Госплана СССР В.Н. Хронин сообщил участникам пленума о предложении руководства Кабардино-Балкарии передать им некоторые части территории Терской губернии, которые экономически связаны с областью. Конкретнее, судя по стенограмме его выступления, речь шла о городах Пятигорск, Моздок, Георгиевск и др. Он сделал вывод, значительно преувеличив масштабы «территориальных претензий», согласно которому необходимо расформировать Кабардинскую область, как он выразился, так как «не Терская губерния тяготеет к Кабарде, а, наоборот, Кабарда тяготеет к этой губернии» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 104, 105]. Такая интерпретация смысла позиции Кабардино-Балкарии значительно накалила обстановку на пленуме. При этом он был не совсем точен. Б.Э. Калмыков под давлением обстоятельств, как было указано выше, вынужден был откорректировать свою позицию по вопросу присоединения Пятигорска к автономной области. На пленуме он ничего не говорил о Пятигорске и выступил с вопросом о Моздоке, Прохладном и Георгиевске [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 137].

Мнение Б.Э. Калмыкова было основано на том, что решение вопроса о присоединении новых территорий являлось непременным фактором социально-экономического и политического развития национальных автономий. Он считал необходимым обратить внимание присутствующих на исключительное значение экономического фактора: «если вы не дадите эти экономические пункты, то Ваша автономия явится вывеской. Она нам ничего не дала». Он считал, что

экономические и политические интересы национальных автономий можно обеспечить только, если «…те или иные районы, связанные с отдельными национальностями, в ущерб даже районам, исторически сложившимся под давлением царского правительства, отойдут к националам» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 139]. Б.Э. Калмыков выступил за расширение прав, полномочий и самостоятельности национальных автономий. Он считал, что существующее положение не отвечает национальным интересам горских народов. На пленуме он открыто сформулировал свою мысль по данному вопросу: «…Вы националов забираете в такие ежовые рукавицы, что даже пыхтеть невозможно» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 140].

Необходимость присоединения Моздока Б.Э. Калмыков аргументировал историческими и демографическими факторами, связанными с его основанием и тем, что кабардинцы составляли там коренное население. Некоторые из участников пленума выразили сомнение в правдивости слов о кабардинском населении Моздока. В ответ Б.Э. Калмыков сказал: «Я утверждаю, что коренное население г. Моздок состоит исключительно из кабардинцев. В окрестностях Моздока целых три кабардинских селения и несколько хуторов осетинских. В районе Минеральных вод тоже кабардинцы и караногайцы. Вот на эти районы мы претендуем» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 140]. В конце своего выступления руководитель Кабардино-Балкарии решительно подчеркнул, что «…необходимо районироваться… в нашу пользу с отходом в нашу пользу нужных районов» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 141].

Б.Э. Калмыков выступил практически от всех национальных подразделений, сказав: «Терскую губернию, может быть, надо расчленить: часть отдать Дагестану, часть Чечне, часть Горской республике, часть Кабарде, часть Карачаю» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 139, 140]. Вне зависимости от мнения руководителей перечисленных национальных автономий, такой подход отвечал интересам горских народов Северного Кавказа в тех конкретно-исторических условиях.

Отдельные участники пленума поддержали Б.Э. Калмыкова. В частности, со многими его идеями выразил согласие председатель Краевого экономического совета Б.П. Позерн. Он считал, что принципы районирования должны учитывать необходимость выхода горских народов на плоскость. Поэтому он обещал, что все предложения подобного рода должны стать предметом для глубокого изучения и обсуждения. По его мнению, «ни один из этих вопросов не может быть обойден» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 142]. Н.Ф. Гикало, который имел на Северном Кавказе большой авторитет, также в основном поддерживал идею территориального расширения национальных автономий. Он полагал, что не было другой альтернативы для устранения малоземелья горских народов. По его мнению, опыт работы «7 или 8 комиссий» подтверждал необходимость изменения политики, которая с момента восстановления советской власти приводила к перманентным этнотерриториальным коллизиям в регионе [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 143]. Конкретно он затронул вопрос о взаимоотношениях Кабарды с соседними национально-государственными подразделениями. Он открыто заявил, что только за счет территории Кабарды нельзя решать проблему малоземелья населения Горской республики и Карачая. Он

понимал, что это чревато политико-идеологическими потерями для советской власти, так как «это могло привести к усилению антисоветских настроений в кабардинской массе». Н.Ф. Гикало поддержал предложение Б.Э. Калмыкова о том, что Прохладный надо присоединить к Кабардино-Балкарской автономной области [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 145]. Н.Ф. Гикало выступил за присоединение Моздока к Горской республике, аргументируя свою позицию тем, что «город Моздок окружен осетинами». Поэтому «придется поставить вопрос о передаче Горской республике этой части вместе с Моздоком и сделать одним из районов автономной Горской республики…» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 145, 146].

На пленуме руководители других национальных автономий поддержали Б.Э. Калмыкова. В частности, председатель облисполкома Карачаево-Черкесской автономной области К. Курджиев отмечал необходимость расчленения Терской губернии между национальными автономиями и Кубано-Черноморской областью [Нечипурнова 1968: 44]. Сложившаяся ситуация была продиктована объективными историческими причинами, связанными с характером вхождения народов региона в состав России и политикой советской власти в решении земельного вопроса.

Руководители национальных автономий знали об исторических истоках многих национальных проблем. И они в различных политических ситуациях открыто высказывались, усиливаю свою позицию аргументами исторического характера. Например, на одном из пленумов облпарткома и облисполкома в июле 1923 г. Б.Э. Калмыков сделал исторический экскурс: «Старая Кабарда имела границу до Дона и в силу нажима царского правительства отступала и отступала до тех пор, пока не перешла Малку и не задержалась в том уголке, где она сейчас находится. Около полутора миллиона кабардинцев должны были покинуть родину и уехать в Турцию. Несколько сот тысяч погибло в Черном море, и этот оставшийся уголок царское правительство закрепило за Кабардой» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 63]. Он затронул этот вопрос и на пленуме Краевого экономического совета. Более того, именно этот фактор лежал в основе его административно-территориальных предложений [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 139].

В ходе дискуссий на пленуме Краевого экономического совета было предложено, чтобы «авторитетная комиссия» решила вопрос об административно-территориальном будущем Терской губернии. Согласившись с таким предложением, один из его участников высказал мнение, что руководители национальных автономий и республик «поговорят, горские горячие инстинкты успокоятся и мы, может быть, решим отложить на будущий год» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 180, 181]. Желая предупредить негативную реакцию на эти слова и успокоить руководителей горских народов, Б.П. Позерн отметил, что все вопросы «по существу… берутся на очередь и Юго-Восточное бюро обязуется их поставить, когда к этому представится первая возможность» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 181].

Постановление ВЦИК от 21 июля 1924 г. об административно-территориальном разграничении национальных областей Северного Кавказа

[Кажаров 2019: 299], устроившее все заинтересованные стороны, снизило накал земельно-территориальных проблем в регионе. Демонтаж Горской республики и образование на ее основе Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, а также Сунженского округа, которые заявили о своем желании войти в состав Юго-Восточной области, привели к поиску новых форм управления народами.

Юго-Восточная область РСФСР 17 октября 1924 г. была реорганизована в Северо-Кавказский край [Сулькевич 1926: 107]. В его состав вошли 4 автономных области и 11 административно-территориальных округов. Объясняя образование Северо-Кавказского края, первый секретарь крайкома А.И. Микоян говорил: «Наша задача объединить эти народности в одно политическое и экономическое целое, создать между ними братское единение, спаять в одну дружную, трудовую семью рабочих, крестьян, казаков, горцев и всех трудящихся» [Улигов 1979: 314, 315]. Ю.А. Кониев считал, что «деятельность общекраевых партийных и советских органов имела большое значение для последующего развития советской национальной государственности на Северном Кавказе» [Кониев 1973: 97].

В декрете регламентировалось, что автономные национальные области, входящие в состав Северо-Кавказского края, управляются областными исполнительными комитетами, избираемыми на съездах советов этих областей, и пользуются всеми правами, предоставленными им постановлениями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об образовании этих областей [Декрет ВЦИК… 1925].

По всем направлениям функционирования системы власти были определены принципы взаимоотношений между органами власти автономных областей и Северо-Кавказского края. В области внутреннего управления, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, судоустройства, местного хозяйства, местного бюджета и земельной, автономные национальные области в соответствии с Положением о крае были независимы от краевых органов управления, хотя программу и план своих работ в области местного бюджета и местного хозяйства автономные национальные области должны были согласовывать с общекраевым хозяйственным планом. Это обстоятельство было продиктовано тем, что Северо-Кавказский край определялся как единый хозяйственный механизм. В сфере финансово-налоговой, труда, рабоче-крестьянской инспекции, внутренней торговли и статистики автономные национальные области должны были подчиняться директивам как центральных органов власти, так и краевого исполнительного комитета и его президиума. Соответствующим краевым народным комиссариатам подчинялись структуры управления в области внешней торговли, железнодорожного транспорта и управления почтово-телеграфной сетью [Декрет ВЦИК… 1925].

Важное значение для национальных автономий имели полномочия областных органов власти по решению кадровых вопросов. Механизм решения этого вопроса определялся Положением о Северо-Кавказском крае. Исполнительный комитет автономной области имел право назначать заведующих отделами: финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, внутренней торговли и статистического бюро, но за президиумом краевого исполнительного комитета за-

креплялось право отвода представленных кандидатур. Положительный для автономий момент заключался в том, что при возникновении разногласий национальные автономии имели право обращаться в Президиум ВЦИК [Декрет ВЦИК… 1925].

В положении о Северо-Кавказском крае определялись принципы взаимодействия областных, краевых и центральных (федеральных) органов власти. В случае несогласия краевого исполнительного комитета с постановлением областного исполнительного комитета автономной национальной области краевой исполнительный комитет имел право опротестовать означенное постановление в Президиуме ВЦИК. В случае несогласия областного исполнительного комитета автономной национальной области с постановлениями и распоряжениями краевого исполнительного комитета или президиума, он мог своим постановлением приостановить действие распоряжения краевого исполнительного комитета на своей территории и обжаловать его в Президиум ВЦИК [Декрет ВЦИК… 1925].

Принципиальное значение имело то обстоятельство, что автономные области сохраняли за собой право непосредственного выбора на своих областных съездах советов делегатов на Всероссийский Съезд Советов и на другие всероссийские съезды и совещания. Также автономные национальные области сохраняли право непосредственно сноситься с Президиумом ВЦИК и СНК РСФСР [Декрет ВЦИК… 1925].

Становление системы горских национальных автономий, в том числе и Кабардино-Балкарии, и формирование нового регионального административно-территориального пространства, результатом которого в первой половине 1920-х гг. стали образование Юго-Восточного края и его реорганизация в Северо-Кавказский край, неразрывно связаны. Национальные автономии были интегрированы в сложную иерархично соподчиненную административно-территориальную систему (региональную и федеральную) власти и управления советского государства. Объем полномочий был четко регламентирован, но в 1920-е гг. позволял еще обеспечивать функционирование национальных автономий, не ущемляя права и интересы народов и их элит.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Административно-территориальное… 2003 – Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 320 с.

Ансоков 1974 – *Ансоков М.Т.* Образование и развитие национальной государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 211 с.

Декрет ВЦИК… 1925 – Декрет ВЦИК от 26 января 1925 года «О введении в действие Положения о Северо-Кавказском крае» // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2325.htm (дата обращения – 05.09.2022 г.).

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – 408 с.

Кониев 1973 – *Кониев Ю.А.* Автономия народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе: Ир, 1973. – 256 с.

Коржихина 1986 – *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. – М.: Высшая школа, 1986. – 399 с.

Лужин 1969 – *Лужин А.В.* Административно-территориальное устройство Советского государства. – М.: Юр. лит-ра, 1969. – 172 с.

Нечипурнова 1968 – *Нечипурнова Н.С.* Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 188 с.

Сулькевич 1926 – *Сулькевич С.И.* Административно-политическое строение СССР. – Л.: Государственное издательство, 1926. – 297 с.

Улигов 1979 – *Улигов У.А.* Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1936). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 354 с.

Хлынина 2003 – *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. – М.: МГОУ, 2003. – 268 с.

Шихавцова 2005 – *Шихавцова В.М.* Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в процессе национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг.: дис. … канд. ист. наук. – Армавир, 2005. – 258 с.

ГА РФ – *Государственный архив Российской Федерации*

ЦДНИ КБР – *Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики*

REFERENCES

Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii. Istoriya i sovremennost' [Administrative-territorial structure of Russia. History and modernity]. – M.: OLMA-PRESS, 2003. – 320 s. (In Russ.).

ANSOKOV M.T. *Obrazovanie i razvitie natsional'noi gosudarstvennosti narodov Kabardy i Balkarii (1917–1936)* [Formation and development of the national statehood of the peoples of Kabarda and Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 211 s. (In Russ.).

Dekret VTsIK ot 26 yanvarya 1925 goda «O vvedenii v deistvie Polozheniya o Severo-Kavkazskom krae» [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of January 26, 1925 "On the Enactment of the Regulations on the North Caucasus Territory"] // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2325.htm (data obrashcheniya 05.09.2022 g.) (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)* [Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917–1920s)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2019. – 408 p. (In Russ.).

KONIEV Yu.A. *Avtonomiya narodov Severnogo Kavkaza* [Autonomy of the peoples of the North Caucasus]. – Ordzhonikidze: Ir, 1973. – 256 s. (In Russ.).

KORZHIKHINA T.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii SSSR* [History of state institutions of the USSR]. – M.: Vysshaya shkola, 1986. – 399 s. (In Russ.).

LUZHIN A.V. *Administrativno-territorial'noe ustroistvo Sovetskogo gosudarstva* [Administrative-territorial structure of the Soviet state]. – M.: Yur. lit-ra, 1969. – 172 s. (In Russ.).

NECHIPURNOVA N.S. *Partiinoe rukovodstvo opytnym administrativno-khozyaistvennym raionirovaniem Severnogo Kavkaza* [Party leadership of the experimental administrative and economic zoning of the North Caucasus]. – Ordzhonikidze: Ir, 1968. – 188 s. (In Russ.).

SUL'KEVICH S.I. *Administrativno-politicheskoe stroenie SSSR* [Administrative and political structure of the USSR]. – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. – 297 s. (In Russ.).

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1936)* [The socialist revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917–1936)]. – Nal'chik: El'brus, 1979. – 354 s. (In Russ.).

KHLYNINA T.P. *Stanovlenie sovetskoi natsional'noi gosudarstvennosti u narodov Severnogo Kavkaza. 1917–1937 gg.: problemy istoriografii* [The formation of Soviet national state-

hood among the peoples of the North Caucasus. 1917–1937: problems of historiography]. – M.: MGOU, 2003. – 268 s. (In Russ.).

SHIKHAVTSOVA V.M. *Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie na Severnom Kavkaze v protsesse natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v 1920–1930-e gg.*: dis. … kand. ist. nauk [Interethnic interaction in the North Caucasus in the process of nation-state building in the 1920s–1930s.]. – Armavir, 2005. – 258 s. (In Russ.).

GA RF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

TsDNI KBR – *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Документы

Из стенографического отчета расширенного Пленума Крайэкономсовета с участием представителей национальных автономий Северного Кавказа

8-12 марта 1924 г.

Хронин: […] идет спор относительно автономных областей, причем мы имеем со стороны Кабардино-Балкарской области, чтобы им передать район примерно до Ставропольской губернии, как притягивающий их экономически. Это город Пятигорск, Моздок, Георгиевск и другие, расположенные по линии железной дороги. Тут имеется у них целый ряд оснований. Сейчас имеется спор о том, что все население фактически идет на базар в эти самые города, имеет обмен с этими городами, закупает пшеницу в этих городах и пр., но тут получается обратный принцип: не эта губерния тяготеет к Кабарде, а, наоборот, Кабарда тяготеет к этой губернии, и, если следовать, этому принципу, то следовало бы раскассировать Кабардинскую область, что мыслится политически. Но если объединить, то получится кассация Кабарды, так как эта часть населения превысит Кабардинскую область. Тут получится такое положение, при котором получится борьба русских с кабардинцами […].

Калмыков: […] Я остановлюсь на моментах спора Кабарды с Терской губернией, Горской республики с Терской губернией, Дагестана с Терской губернией, Карачая с Кубано-Черноморской областью и т.д. Тов. Хронин, касаясь националов, махнул широко, захватив много. Смеялся сам тов. Хронин и заставил смеяться многих. Я думаю, что к этому вопросу с маленькой насмешкой относиться нельзя. Не нужно указывать те пункты, на которые мы не претендуем, только для того, чтобы произвести известное впечатление. Мы не претендуем на Пятигорск, на Ессентуки, на группу Минеральных Вод, которая имеет курортное значение для государства. Мы претендуем только на Моздок, на Прохладный, на Георгиевск, экономические пункты не только для Терской губернии, но в большей части для Кабарды. Что касается казачьих станиц, лежащих в промежутке этих городов, то мы с удовольствием от них откажемся, хотя мы ни православному, ни магометанскому богу не верим.

С места: Боитесь.

Калмыков: Мы не боимся, но в силу того, что некоторые русские станицы и села здесь расположены, отказаться от них нельзя. Претендуя на эти экономические пункты, мы оптом забираем и все остальное. Например, в отношении национальных взаимоотношений по поводу части, о которой тов. Хронин сказал, что если этот район к нам отойдет, то там большой процент не нашего населения. Ничего подобного! Националов там 60% и меньше даже 40% русских, включая тех, которые живут у нас в казачьих станицах. Нечего бояться, что они нас проглотят. Нас поддерживает край, поддерживает красная Москва. А, конечно, в таком широком заседании Вы нас задавите.

Позерн: Нет никакого желания Вас давить.

С места: Охотники найдутся.

Калмыков: В этой части надо было бы тов. Хронину сказать более подробно. Перейду к тов. Карклину. Он довольно ответственный работник, поэтому на ответственном заседании надо прямо говорить. Этот товарищ меня не пугает, но пугает такое неуважительное и даже пренебрежительное отношение. Он говорит: «Это все чепуха…». […] Это отношение заставляет нас ставить вопрос ребром и перед тов. Карклиным и на пленуме Крайэкономсовета, который ставит вопрос о районировании. В чем дело? Какая автономия? Мы на этот пункт претендовали, претендуем и будем претендовать. Эти районы отойдут к нам при всем вашем нежелании. Тов. Карклин, говоря, что кабардинские претензии чепуха, является спецом, о которых у нас говорят, что это советский чиновник. Я дерзкий, нехороший человек и скажу, что, хотя он и советский чиновник и живет по красному, но мыслит совершенно по-старому. Не надо забывать этого момента. Вы говорите о трех казачьих станицах, которые разрезают пополам Малую и Большую Кабарду. В Кабарде живут три казачьих станицы, которые царское правительство поселило как черезполосицу, чтобы разделить горские народности и вести здесь царскую политику. Вы говорите, что мы забираем казачьи станицы и близлежащие тяготеющие к ним русские хутора. Если Вы заберете эти три казачьи станицы или не дадите эти экономические пункты, то ваша автономия явится вывеской. Она нам ничего не дала. Заберите ее. Мы будем одним из ваших районов в Терской области. Но так ли это будет? Этого не будет. Нельзя так относиться. Мы докажем цифровыми данными, что правы. Дагестан поставит этот вопрос во весь рост. Думая, что и Горская республика это сделает и мы, как и Карачай, поставим вопрос ребром. Тот довод, что тов. Хронин выступает в отношении Невинномысской, не основателен. Хочешь, не хочешь, а нужно выпустить к Невинномысской Карачай, и Кабарду нужно выпустить к Георгиевску, Прохладному, к Моздоку. Мы хотим с Вами районироваться. Из двух зол надо выбрать одно. Мы не считаем Юго-Восток злом. Мы ни за что не пойдем в федерацию с Горской республикой. Если вы ни вершка не дадите, то нас не обидите. Мы у вас подачек не просим, а просим то, что нам принадлежит. Мы это потребуем и возьмем. Тов. Хронин, не надо отделываться от национального вопроса […]. Если Вы хотите соединить национальный вопрос с экономическим, то давайте подходить к вопросу и создавать экономическое равновесие, а это можно сделать только при тех условиях, когда

те или иные районы, связанные с отдельными национальностями в ущерб даже районам, исторически сложившимся под давлением царского правительства, отойдут к националам. Вот так надо подойти и во весь рост поставить вопрос.

Курджиев: Наш лидер Калмыков все расшифровал. Мы с Калмыковым являемся союзниками […]. Вы не можете нас упрекать, что у нас имеются какие-то империалистические тенденции. […] Вы иронически относитесь к тому, что Карачай, может быть, претендует на Невинку, а Кабарда, говорят, тоже. Кабарда не хочет брать Терскую губернию, она хотела только ту часть, которая диктуется исторически. Безболезненный выход для всех народностей был бы в том, чтобы братские народности жили в условиях мирного строительства, а мы наблюдаем то, что грызем друг друга, хватаем за горло, потому что нет выхода. Этот естественный выход можно было бы найти, но Вы не хотите дать. Мы верим, что все-таки Вы, когда лично ознакомитесь, и не будете с плеча разрешать этот вопрос. Вы увидите, куда что можно отдать.

Карклин: Я очень благодарен, что узнал, какие есть претензии по отношению к Терской губернии […]. Что касается Кабарды и его претензий к Георгиевску, то Георгиевск вырезать не удастся и не будет правильно для того, чтобы удовлетворить Ваши претензии. Вопрос идет о Прохладной, Солдатской и Моздоке. Прохладная имеет 15 000 казаков, а Солдатская – 12 000. Это чрезвычайно плотно населенные станицы, которые не дадут ни десятины земли. Вы хотите взять станицы, которые явно настроены антинационально.

Позерн: Ничего подобного.

Калмыков: Да, здесь тов. Карклин, конечно, неправ. Подробно не остановился, какое экономическое тяготение у нас и в чем оно выражается. Мы хорошо знаем, что половина границ Кабарды плотно населена казаками и русским населением. Мы знаем, что от этих населенных пунктов земля к нам не перейдет, но знаем, что кабардинское скотоводство (об этом есть исторические материалы) пользовалось весенней травой в Терской губернии, что мы сейчас просим этого только в форме временного выхода. Пусть это будет в форме аренды или другой форме… Но кабардинцы не пойдут жить с казаками. Кабарда за время революции землю не получила и потеряла все хозяйство, которое имела – и мы вправе прямо оправдано говорить, что Кабарда – погибшая Кабарда. После того, как ездил тов. Позерн, а также Микоян, которые видели воочию, мы уже прямо можем говорить, что представляет собой сейчас Кабарда. Это не Кабарда, а сплошная нищета. За время революции одни бандиты угнали 78 тыс. голов скота. Я не буду говорить кем. Куда угнан скот, достаточно знает Край и Москва. Я не хочу обострять этого. От Кабарды отошел большой клочок земли и кабардинское хозяйство в тех пределах, которые сейчас оно имеет, не в состоянии развиваться без некоторого выхода хотя бы в форме временного пользования в Терскую губернию. С другой стороны, возьмем хотя бы Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Георгиевск, Прохладную. Кем снабжаются продуктами эти города? Вы, тов. Карклин, видите в Пятигорске несколько тысяч кабардинцев, ежедневно тянутся тысячи подвод кабардинцев […].

Мы говорим, что в районе Пятигорска, в 5-6 верстах наша граница проходит, но мы не претендуем ни на Пятигорск, ни на Ессентуки, ни на Кисловодск, но разрешите нам иметь свой ревком или хотя бы нанять частный дом для ревкома.

Голос с места: Мы разрешили представительство.

Калмыков: Вместо нашего ревкома Вы разрешили представителя, которому отвели комнату в своем исполкоме. Под Вашим контролем. Можно ли ему принять там какого-либо кабардинца без вашей опеки и контроля. Я думаю, мы заслужили такое право. чтобы образовать свой ревком. У Вас в тюрьмах томятся сотни кабардинцев и их интересы мы должны защищать.

ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 104-181.

Информация об авторах
А.Г. Кажаров – доктор исторических наук, доцент.
Х.Б. Мамсиров – доктор исторических наук, профессор.
К.А. Кушхова – аспирант.
Information about the authors
A.G. Kazharov – Doctor of Science (History), associate professor.
Kh.B. Mamsirov – Doctor of Science (History), professor.
K.A. Kushkhova – graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 04.09.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.
The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 04.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 94(44)81(=35)–054.72
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-137-150
EDN: CSWYAA

КУДАШЕВЫ: СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ЭМИГРАЦИИ

Ирина Леонидовна Бабич[1], **Йоханнес Шнелле**[2]
[1] Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, babi7chi@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0003-1879-1608
[2] Германский исторический институт в Москве, Москва, Россия, johannes.schnelle@dhi-moskau.org

Аннотация. Статья посвящена жизни и общественно-политической деятельности трех поколений кабардинцев Кудашевых: Владимира Николаевича (1865-1945), сына Владимира Владимировича (1905-1979) и внука Александра Владимировича (1951). После Октябрьской революции 1917 г. и событий 1918-1919 гг. в Кабарде Кудашевы были вынуждены эмигрировать в Европу. Обосновались во Франции. Исследование основано на новых архивных материалах, полученных во Франции и Германии, а также на интервью, проведенные одним из авторов статьи, с А.В. Кудашевым в Берлине (2020-2022 гг.), которые уточняют данные монографии Дзагалова и Шапаровой (2010 г.). В процессе эмигрантской жизни взгляды Владимира Николаевича Кудашева, который всесторонне поддерживал российскую монархию и включение Кабарды в состав Российской империи, претерпели коренные изменения. Его сын пошел дальше: во время Второй мировой войны служил в немецкой армии. Кроме смены политической идентичности в эмиграции произошло изменение и этнической идентичности. Кабардинский язык, традиции ушли из семьи постепенно. Появились русские и немецкие корни. Внуки и правнуки Владимира Николаевича имеют немецкую идентичность. В статье рассмотрены особенности процессов смены политической и этнической идентичностей в семье Кудашевых.

Ключевые слова: Кабарда, Кудашевы, Франция, Германия, монархия, Россия, этническая идентичность, кабардинская культура, немецкая культура.

Благодарности: Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Бабич И.Л., Шнелле Й. Кудашевы: смена политической и этнической идентичностей в эмиграции // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 137-150. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-137-150. EDN: CSWYAA.

© Бабич И.Л., Шнелле Й., 2022

Original article

KUDASHEV: CHANGE OF POLITICAL AND ETHNIC IDENTITIES IN EMIGRATION

Irina L. Babich[1], **Johannes Schnelle**[2]

[1] Institute of Ethnology and anthropology RAS, Moscow, Russia, babi7chi@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0003-1879-1608

[2] German Historical Institute in Moscow, Moscow, Russia, johannes.schnelle@dhi-moskau.org

Abstract. This article aims to study social and political activities of three generations of the Kabardian Kudashev family: Vladimir Nikolayevich (1865-1945), his son Vladimir Vladimirovich (1905-1979) and grandson Alexander Vladimirovich (1951). After the October Revolution in 1917 and the events in 1918-1919 in Kabarda, V.N. Kudashev and V.V. Kudashev were forced to emigrate to Europe and settle in France. This study is based on new archival materials from France and Germany, as well as interviews conducted by one of this article authors with A.V. Kudashev in Berlin (2020-2022), therefore furthering the findings of Dzagalov and Shapirova (2010). During his life in France, the views of Vladimir Nikolaevich Kudashev, who once comprehensively supported the Russian monarchy and the annexation of Kabarda in the Russian Empire, changed fundamentally. During World War 2, his son even served in the German army. The change of political identity that the Kudashevs experienced during emigration was accompanied by changes in their ethnic identity. The Kabardian language and traditions disappeared and were supplanted by Russian and later German roots. As a result, grandson and great-grandchildren of Vladimir Nikolaevich have a German identity. The article examines the features of the processes leading to changes in political and ethnic identities in the Kudashev family.

Keywords: Kabarda, Kudashev, France, Germany, monarchy, Russia, ethnic identity, Kabardian culture, German culture.

Gratitude: Published in accordance with the plan of research work of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Babich I.L., Schnelle J. Kudashev: change of political and ethnic identities in emigration. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 137-150. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-137-150. EDN: CSWYAA.

© Babich I.L., Schnelle J., 2022

Введение

После событий в Российской империи 1917–1919 гг. во Франции среди эмигрантов первой волны оказались представители двух линий Кудашевых из одного аула Кабарды – Докшоково: это Владимир Николаевич (Эльбаздуко Канаметович) и Магомет Мурзабекович (Мухаммат, Туша). Если о первом написана целая книга, то о втором практически ничего неизвестно, тогда как он был племянником Владимира Николаевича. М.М. Кудашев родился в 1900 г., был военным, служил корнетом 18-го драгунского Северного полка. Эвакуировался вместе со своим полком в 1920 г. в Галлиполи (Османская империя), откуда он перебрался во Францию, чтобы быть ближе к родственникам. По нашим материалам, известно, что в 1932 г. Магомет жил в Париже и вступил в Ассоциацию беженцев-горцев Северного Кавказа во Франции. Впоследствии он переехал в Югославию, жил в Панчево, где и умер 1 сентября 1940 г. [АМТ].

Судьбе семьи Владимира Николаевича Кудашева посвящены, безусловно, интересные и глубокие исследования А.С. Дзагалова и А.К. Шапаровой [Дзагалов, Шапарова 2010]. Монография этих авторов базируется на уникальных архивах. Результатом деятельности А.К. Шапаровой стало приобретение возглав-

ляемым ею архивохранилищем Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра ценнейших документов из личного архивного фонда семьи сына В.Н. Кудашева – Владимира.

В предлагаемой статье, опираясь на новые, впервые вводимые источники, извлеченные из архивов Франции и Германии, а также собранные в ходе интервью с потомками Владимира Николаевича, мы рассмотрим те стороны жизни семьи Кудашевых, которые остались вне внимания исследователей, а именно: политические взгляды и этническую идентичность в эмиграции.

Жизнь Кудашевых в России

Фото 1. Из личного архива Заура Тобиевича Кудашева. Семья Эльбаздуко Канаметовича Кудашева (Владимира Николаевича). г. Нальчик 1906 г. Сидят (слева – направо): Кудашева Хута Канаметовна (Астемирова) – сестра Эльбаздуко, *Кудашев Эльбаздуко Канаметович с племянником Кудашевым Мухамматом Мурзабековичем*, Кудашева Жан (Даутокова) – мать Эльбаздуко, Кудашева Нафо Канаметовна (Шипшева) – сестра Эльбаздуко. Стоят (слева – направо): горничная, Кудашев Лялю Канаметович – брат Эльбаздуко. Даутоков – племянник Жан Кудашевой, Коченовская Анна Елисеевна – (первая супруга Эльбаздуко Кудашева) с сыном Али Кудашевым, Кожоков Нану Мурзабекович (брат жены Лялю) [Дзагалов, Шапарова 2010].

Как справедливо отмечали А.С. Дзагалов и А.К. Шапарова, «Владимир Николаевич Кудашев – первый профессиональный провизор – кабардинец, фармацевт, собиратель сведений о кабардинском народе, крупный землевладелец и коннозаводчик. В своем поместье в селении Докшоково он высадил аллею платанов, разбил уникальный цветник, заложил огромный фруктовый сад» [Дзагалов, Шапарова 2010: 10].

Владимир Николаевич Кудашев родился в 1865 г. Его родители: отец – Николай (Канамет) Кудашев, мать – Жан Даутокова. В 1876 г. по прошению отца Владимир был зачислен в Нальчикскую окружную горскую школу, которую закончил в 1880 г. На средства, полученные им от т.н. Кабардинской общественной суммы, он прошел двухгодичный курс аптекарского ученика в аптеке Енкена (1882–1884 гг.). Ему выдали свидетельство Харьковского университета о присвоении звания аптекарского помощника. С 1885 г. Владимир начал работать в Санкт-Петербурге, в аптеке Нордквиста. Проработав полгода, он продолжил свое образование в Московском университете. В 1890 г. Владимир Ку-

дашев получил степень провизора. Вернулся в Санкт-Петербург, где устроился на службу по ведомству Государственного контроля. В 1894 г. Владимир (Эльбаздуко) женился на русской дворянке – Анне Елисеевне Коченовской. Для того, чтобы совершить обряд венчания, Эльбаздуко принял таинство крещения с именем Владимир. Отметим, что сам Эльбаздуко был из семьи узденей (что неформально приравнивалось в России к дворянству). Получив приданое, он купил дом в Киеве, где и стал жить с супругой. В 1905 г. в семье родился сын Владимир (Али).

Таким образом, еще до Октябрьской революции 1917 г. Владимир Николаевич получил российское образование, сделал карьеру в Российской империи, удачно женился и жил вне Родины, тем самым невольно отдаляясь от своих соотечественников и от своих корней. Хотя Кудашевы периодически приезжали в Кабарду, его сын практически вырос вне кабардинской среды. Поэтому неудивительно, что Владимир Николаевич стал активным сторонником российской монархии и включения Кабарды в состав Российской империи. В то же время он стремился к культурной и духовной общности своего народа, через приобщение кабардинцев к российской государственности. В 1909 г. он присутствовал в Санкт-Петербурге на похоронах почившего Его Императорского величества Великого князя Михаила Николаевича Романова. От имени селений Кабарды и пяти Горских обществ Владимир Кудашев возлагал серебряный венок с бантом стоимостью 300 руб. на гроб умершего. Тем не менее исследователи жизни В.Н. Кудашева считают, что у него сложились своеобразные политические воззрения, позволяющие ему сочетать идеи кабардинского патриотизма и российской имперской государственности [Дзагалов, Шапарова 2010: 130].

Проживая в Киеве, В.Н. Кудашев становится участником «клуба русских националистов» (1909–1913 гг.). Дворянин, коллежский советник В.Н. Кудашев являлся сторонником сохранения классовых привилегий, уравнения прав кабардинского дворянства с русским и большего привлечения горской знати к государственному управлению в крае через введение земских учреждений. В.Н. Кудашев, по мнению Р.Х. Хашхожевой, один из тех просветителей, которые утверждали идею исторической общности адыгов (кабардинцев) и русских, насчитывающую много веков, и которые стремились использовать данный факт в защиту интересов своего народа [Хашхожева 2004: 31]. Клуб русских националистов Киева объединял в своих рядах людей, исповедующих принципы «национально-русской державности», то есть укрепления основ существующего российского государства. В то же время с 1906 г. В.Н. Кудашев активный участник просветительского движения интеллигенции в Нальчикском округе «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев».

В 1913 г. В.Н. Кудашев издает книгу «Исторические сведения о кабардинском народе», которая посвящена празднованию 300-летия царственного дома Романовых. 3 марта 1915 г. в ставке войск Юго-западного фронта в г. Киеве на аудиенции у русского царя Николая II В.Н. Кудашев преподносит императору эту книгу. Кудашев обратился к императору с просьбой о переводе его на службу по ведомству государственного коннозаводства с назначением корреспондентом главного управления. Он обосновывает свою просьбу тем, что же-

лает посвятить свою службу делу, «которое составляет любимое занятие моё и моих предков, как кабардинцев по происхождению». На прошение была наложена резолюция императора: «Ничего не имею против» [НА: Ф. 36. Инв. № 2794]. После Октябрьской революции 1917 г. и в годы гражданской войны супруги Кудашевы жили в Кабарде. Владимир Николаевич Кудашев вместе со своим сыном Владимиром и племянником Магометом вступили добровольцами в Кабардинскую конную дивизию, сражавшуюся в составе белой армии с большевиками [Дзагалов, Шапарова 2010: 109].

Владимир Николаевич Кудашев в эмиграции

Владимир Кудашев и его сын эмигрировали во Францию, а А. Коченовская, предположительно, – в Швейцарию. Несмотря на то, что архивные материалы о жизни Кудашевых многочисленны, однако до сих пор неизвестно и непонятно, почему супруги оказались в разных странах и почему сын оказался вместе с отцом. Может быть, к этому времени А. Коченовской не было в живых. Однако, как указывает О.Л. Опрышко [Опрышко 1993: 180], в списках лиц, пожертвовавших деньги и вещи в поддержку Добровольческой белой армии А. Деникина и Кабардинской конной дивизии в июле 1919 г. состояла и мадам Кудашева. Владимир Николаевич и его сын в это время находились в этой дивизии. Известно точно, Анна Коченовская умерла до 1934 г. [АП: Reg. 1656. 17-й округ. 1934 г.].

В начале ноября 1920 г. Владимир Николаевич и его сын эвакуировались из Крыма в составе армии Врангеля. Часть беженцев, в том числе предположительно и отец, и сын Кудашевы, прибыли на кораблях русской эскадры в порт Бизерта (Тунис) – протекторат Франции. Некоторое время они находились там (до 1925 гг.). Находясь в Бизерте, сын Владимира Николаевича – Владимир окончил морской кадетский корпус. После этого отец и сын переехали во Францию, жили в Париже. Потом отец переехал в Ниццу [АП: Reg. 1656. 17-й округ. 1934 г.].

В первые годы эмиграции Кудашевы жили благополучно, однако впоследствии Владимир Николаевич – бедно. Свои последние годы он провел в русских старческих домах и был похоронен в могиле для бедных. Его родственник Руслан Муртазов [Шарапова 2008: 138] так писал об этом:

> «Мой отец, по воле судьбы, видел Эльбаздуко в Ницце в 1943 г. Как он рассказывал отцу, в 1919 г. родственники убедили его эмигрировать. Младшего брата Эльбаздуко, моего деда по матери Лялю расстреляли в 1937 г. Эльбаздуко (когда эмигрировал) взял с собой сына Али и племянника Тушу, которых отдал в кадетское училище. Коченовская не эмигрировала с ними, так как они к тому времени были разведены**,** и он был женат на балкарке Урусбиевой, которая была отправлена к своим родителям через 3 месяца после отъезда Эльбаздуко. Они, по рассказам моей тёти Нины Кудашевой, после женитьбы почти не жили вместе. Что случилось с Коченовской, никто не знает. Нищим он (Эльбаздуко Кудашев) стал, как он сказал моему отцу, из-за того, что он перевел весь свой капитал в один, кажется, французский банк. Правительство его капитал конфисковало, объяснив это тем, что они могут сделать революцию» [Дзагалов, Шапарова 2010: 80].

Объяснение Муртазова причин бедности Владимира Николаевича представляется странным. Скорее всего имеющиеся у него средства со временем закончились (в эмиграции в силу возраста он не работал). Такая ситуация была характерна для многих северокавказцев, которые приехали со средствами. Даже Чермоевы, имеющие нефтяные деньги, к 1930-м гг., во многом обеднели. Данная ситуация осложнялась тем, что из-за непростых отношений между отцом и сыном Кудашевыми Владимир Николаевич не хотел быть на содержании у своего сына. Сын работал и, разумеется, был обеспечен.

Владимир Николаевич умер 26 января 1945 г. и был похоронен на кладбище «Валлорис» (возле г. Канны, Франция). По свидетельству протоиерея русского православного прихода г. Ниццы Н. Соболева, В. Кудашев 5 января 1944 г. был помещен в госпиталь «Пастер», где находился до 15 июня того же года. С 15 июня по 19 октября 1944 г. он был в «Азиль Сент Мари», откуда был переведён в старческий дом «Валлорис» (около Канн). Здесь он скончался 26 января 1945 г., а на следующий день, т.е. 27 января был погребен в могиле для бедных на кладбище Валлорис [ПЭМБ 2019]. Владимир Николаевич до конца жизни оставался православным. Поскольку есть сведения о нем в русской православной церкви Ниццы, значит, был совершен чин отпевания Кудашева.

В эмиграции Владимир Николаевич жил незаметно. По собранным нами материалам, свидетельствующими об участии северокавказцев в различных общественно-политических организаций во Франции в 1920–1930-е гг. [Бабич, Гладкова, Мнухин 2020], Кудашев не был замечен ни в одной из них. Поэтому, как нам представляется, не совсем понятна публикация им в 1936 г. в эмигрантском журнале «Кавказ» статьи под названием «Заметки кабардинца», в которой он описал свое отношение к России [Кудашев 1936: 28-31]. Эта статья оказалась очень важным свидетельством того, насколько кардинально поменялись общественно-политические взгляды Владимира Николаевича – до революции, как указывалось выше, активного сторонника российской монархии и нахождения Кабарды в рамках этой монархии.

Кудашев писал следующее:

«Дружественные сношения Кабарды с Москвою восходят ко временам российского царя Ивана Грозного… И с тех пор, до самого падения императорской власти мы были честно верны единению с Россией, выступая на защиту неприкосновенности и достоинства русского государства во всех войнах, которые только Россия вела. Но когда многовековые государственные устои рухнули, и страна стала быстро разваливаться и катиться в пропасть, мы, естественно, задали себе вопрос – как нам быть – следовать за Россией или нет? Явилась более ясная критическая оценка всего прошлого, и национальная наша независимость была подсказана самым ходом событий…. Мы со своей стороны были верны государственному единению с Россией, но что нам дала русская власть?

Говоря общим образом, можно считать, что Кавказ находился под владычеством России 75 лет. Давайте оглянемся немножко назад и дадим свой отчет, – что же сделала Россия хорошего на три четверти столетия для нашего края? Над этим вопросом я очень много думал и пришел к заключению, что ровным счетом ничего.

1) Народное просвещение было в полнейшем застое, 2) пути сообщения в первобытном состоянии, 3) торговля и промышленность почти не развивались, даже добыча нефти и та главным образом была в руках иностранцев.

Зато Россия может похвастаться тем, то насадила в нашем крае военно-народное полицейское управление, куда приглашались на службу господа офицеры, исключенные за порочное поведение их своих полков. Эти офицеры назначались на должности уездных и окружных начальников, и являясь низшими агентами власти, ближе всего соприкасались с народной массой, применяя сравнительно гуманные русские государственные законы вкривь и вкось, по собственному усмотрению, подрывая этим самым доверие к государственной власти и к монарху. Так как они были люди сомнительных нравственных качеств, то обирали темный народ без зазрения совести, брали во всех видах, не брезгуя ни чем. Приходили к нам беднякам «на кривых каблуках» и уходили от нас помещиками.

Эти незакономерные действия властей не ускользали от населения. Оно видело все это прекрасно – люди терпели со скрежетом зубовным и все это намотали себе на ус.

Теперь, когда уже нет более былых исторических основ нашей связи с Россией, мы можем сказать: отныне Кавказ для кавказцев – довольно с нас 75-летнего опыта. Мы хотим жить свободной независимой жизнью от России и свободно дышать полной грудью своим чудным горным воздухом. Опека ваша, гг. русские, нам не нужна, – вы слишком оказались плохими опекунами. Мы дошли до полной нищеты в этом благословенном крае, в котором, где ни копнешь лопатой, то нефть, руда или целебные минеральные воды. Всем этим богатством Россия сама не умела и не умеет пользоваться и нас ничему не научила. Довольно. Нам осталось ждать меньше, чем ждали. Всем существом своим мы чувствуем, что близок час, когда наша дорогая родина освободиться от большевизма, и все мы дружно примемся за работу по объединению народностей Кавказа и формированию Кавказского федеративного государства» [Кудашев 1936: 28-31].

Таким образом, Владимир Николаевич Кудашев в конце своей жизни, когда ему было 71 год, полностью разочаровался в российской монархии, в пользе для Кабарды и для кабардинцев от того, что они вошли в состав империи и выступал за идею создания независимого от России федеративного государства на Кавказе.

Проживая во Франции, Владимир Николаевич, несмотря на изменение отношения к России, продолжил пользоваться русскими домами престарелых, русским фондами, которые поддерживали больных и одиноких стариков. Кудашев с годами стал именно таким одиноким стариком. Его сын, о котором речь пойдет далее, женился на немке и в 1938 г. или 1939 г. переехал жить в Германию, а Владимир Николаевич остался на юге Франции. Безусловно, в сложившейся ситуации есть и противоречие, и неясность. Как правило, те эмигранты, которые имели антироссийские взгляды, т.е. стремились к независимости Северного Кавказа от России, предпочитали не обращаться за помощью в русские благотворительные организации, ограничиваясь своим кавказским кругом [Бабич 2020: 126-142].

Владимир Владимирович Кудашев

Как указывалось выше, сын Владимира Николаевича – Владимир (Али) жил в эмиграции вместе с отцом. Имя Владимир он получил во время православного крещения еще в Российской империи. Факт крещения был подтвержден Сертификатом, который был выдан Владимиру в 1947 г. в г. Мюнхене канцлером епископального синода графом Г. Граббе. Документ удостоверял: «Князь Владимир (Али) Кудашев, который является сыном князя Владимира Кудашева и его законной супруги Анны, урождённой Коченовской, принадле-

жит к Русской ортодоксальной церкви. Он был крещен в соответствии с законами и обрядами церкви преподобным Василием Успенским, при крестном отце мистере Александре Апухтине и крестной матери – миссис Марии Анзоровой» [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/16.]. Имя Али, видимо, осталось его вторым именем. Для кабардинской народной культуры XIX в. было характерно иметь два имени. В эмиграцию Владимир попал молодым человеком: в возрасте 17 лет. Как мы указывали выше, еще в Бизерте в 1925 г. он окончил Военно-Морской кадетский корпус, получил звание штурмана по каботажу [НА: Ф. 36. Инв. №2796/2]. После переезда во Францию, Владимир работал прорабом в Бордо (1928–1930 гг.) [ПЭМШ 2020]. Переехав в Париж, он продолжил свое образование, окончив высшую школу по специальности строительство и архитектура (1931 г.) [AA: 3.2.1.1 CM/1 Akten aus Deutschland/ 79356637-40/ ITS Digital Archive]. Владимир работал декоратором интерьеров (до 1938 г.), а также в строительной фирме «Томас Харрисон» [НА: Ф. 36. Инв. №2796/4]. Любопытно, что в одном из документов, которые заполнял сам Владимир, он написал, что в 1934 г. указывал, что работал маляром [АП: Reg. 1656. 17-й округ. 1934 г.]. Согласно материалам из немецкого архива Арользена, в 1935–38 гг. он работал прорабом в Париже [AA: 3.2.1.1 CM/1 Akten aus Deutschland/ 79356637-40/ ITS Digital Archive]. Скорее всего, он мог в разное время в течение 1931–1938 гг., до своего переезда в Германию, занимать все вышеуказанные должности. Известно, что Владимир Кудашев в Париже жил в 17 округе по адресу 24 rue Claude Pouillet [АП: Reg. 1656. 17-й округ. 1934 г.].

Фото 2. Владимир Владимирович Кудашев. Фото из немецких архивов.

22 сентября 1934 г. Владимир женился на немке Рут Юлии фон Элерт (Ruth Julia von Elert). Брак был заключен в Париже. Рут Юлия была старше Владимира на девять лет (родилась 10 ноября 1896 г., Грос Носси, Германия.). Это был ее второй брак [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/12]. До Кудашева она была замужем за принцем Фредериком Людвигом Константином Кантакузен (Cantacuzene). Отец Юлии Паул фон Элерт (Paul von Elert) умер, а мать проживала в Германии (в г. Stole) [АП: Reg. 1656. 17-й округ. 1934 г.]. На бракосочетании Кудашева присутствовал его русский друг, эмигрант, работавший шофером, Борис Степанов и француз Александр де Бровар [АП: Reg. 1656.

17-й округ. 1934 г.]. Это интересный факт: как правило, у женившихся северокавказцев в 1930-е г. в Париже свидетелями были свои же земляки, а у Владимира – русский и француз. Борис Степанов, как и Владимир Владимирович, был моряком и состоял в парижском Морском собрании. Это свидетельствует о его кругах общения: русском и французском.

В 1938-1939 гг. вместе с женой Владимир Кудашев уехал в Германию, в Померанию, где жили родственники первой жены [ПЭМШ 2022]. С 1941 г. Владимир пошел служить в Вермахт. Его сын Александр полагает, что на этот шаг его подвигли в первую очередь политические мотивы и желание вернуться на родину. Но каких именно политических взглядов придерживался Владимир в то время нам не известно. По мнению Александра, его отец, естественно, являлся противником советской системы, но в отличие от собственного отца Владимира Николаевича не выступал за независимое от России кавказское государство, предпочитая идею Российской республики. Получив еще в Бизерте капитанское свидетельство, Владимир сначала служил в частях Кригсмарине, где, возможно, охранял прибрежные районы Финляндии. Затем он перешел во фронтовую разведку, в отдел “Валли I”, в круг обязанностей которого входило приобретение сведений в районе передовой, разбор трофейных документов и опрашивание советских военнопленных. Служил он там в ранге оберлейтенанта [ПЭМШ 2022, Дзагалов, Шапарова 2010: 110].

В 1945 г. Владимир попал в американский плен в Алльгое. После освобождения с 1946 г. под псевдонимом “Operation Rusty” он стал работать для разведывательной службы, созданной американской военной администрации в Германии прежде всего из бывших сотрудников восточной разведки Вермахта. По 1947 г. он возглавлял отделение этой организации во Франкфурте-на-Майне [ПМЭШ 2022, Wolf 2018: 6; Meinl 2014: 174]. В 1948 г. он жил в Мюнхене на улице Richthofenstraße 53 и – по собственным данным – работал переводчиком [AA: 3.2.1.1 CM/1 Akten aus Deutschland/ 79356637-40/ ITS Digital Archive]. Жена Владимира – Рут Юлия перед приходом советских войск, в марте 1945 г., покончила жизнь самоубийством в своем имении, в Будове [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/23]. Владимир Николаевич остался один. Детей в этой семье не было. В 1947 г. он женился вторично, в Мюнхене. Его вторая жена – Мария Гизела Рупп (Maria Gisela Rupp) была младше его на 20 лет. Она родилась 3 февраля 1925 г. в Целле (Ганновер) в семье немецкого офицера Эрнст Йоханн Рупп, павшего в 1943 г. на южном участке восточного фронта в ранге генерал-лейтенанта Вермахта. Видимо, состоялось два венчания: по православному и по протестантскому обряду. Это ясно из Свидетельства о заключении брака: князь В. Кудашев, 42 лет, проживающий в Оберменцинге (район Мюнхена – прим. И.Б.), греко-ортодоксального вероисповедания, не имеющий гражданства, сочетался законным браком (во второй раз) с незамужней Марией Гизелой Рупп, немецкой подданной, евангельского вероисповедания [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/3]. Бракосочетание совершил священник православной церкви святого Николая в Мюнхене епископ Александр 18 июля 1947 г. Затем они были обвенчаны и по евангельскому протестантскому обряду священником Д. Дорманном в церкви св. Луки в Мюнхене [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/25;

ПЭМШ 2020]. Его жена имела медицинское образование (1945–1947 гг.), увлекалась славистикой. Этот брак помог Владимиру приобрести немецкое подданство (свидетельство было выдано районным управлением г. Констанца 30 мая 1950 г. и подписано собственноручно его владельцем).

Фото 3. Кудашев Владимир Владимирович со второй женой Марией Гизелой Рупп. Предположительно1950 г. [ПМЭШ 2022].

По воспоминаниям внука Владимира Николаевича – Александра, взаимоотношения между Владимиром Николаевичем и его сыном Владимиром были непростыми. Александр практически ничего не знал о своем деде, никогда не был на его могиле, не имел даже фотографию деда. Это свидетельствует об отсутствии у Владимира (Али) желания передать своему сыну память об отце. Александр полагает, что их отношения были сложными уже в 1920-е и 1930-е гг. и окончательно разорвались в связи с решением Владимира младшего покинуть Францию и переехать в Германию [ПМЭШ 2020, 2022]. Однако, как мы считаем, их взаимоотношения были сложными не только, и не столько по политическим мотивам. Видимо, были и другие причины, о которых, к сожалению, мы ничего не знаем.

Их родственник Руслан Муртазов писал:

«Сына своего он (т.е. Владимир Николаевич) проклял, так как Али воевал на стороне немцев. Отец (имеется в виду, отец Руслана – прим. И.Б.) убеждал его простить сына и встретится с ним, а он постарается найти его. После отъезда он начал поиски, но не успел, так как американцы освободили Голландию, и отец выбрал возврат домой, где отсидел в тюрьме до 1955 года. По воле судьбы его не расстреляли, как особо опасного преступника Кабарды из-за моратория на смертную казнь в 1949 году, а присудили 25 лет лагерей и 5 лет поражения в [гражданских] правах» [Дзагалов, Шапарова 2010: 97].

Убедившись в том, что для них будущего в Европе нет, Владимир Кудашев вместе с супругой в конце 1940-х гг. решил уехать в Южную Америку [AA: 3.2.1.1 CM/1 Akten aus Deutschland/ 79356637-40/ ITS Digital Archive; ПМЭШ 2022]. В октябре 1950 г. супругам удалось уехать в Аргентину. Они обосновались в Буэнос-Айрес [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/18], где Владимир Владимирович стал работать представителем немецкой компании по продаже строительных машин [ПМЭШ 2020]. 28 мая 1951 г. у супругов родился сын Александр. В 1958 г. из-за разразившегося в Аргентине экономического кризиса Кудашевы

возвращаются в Германию, в Мюнхен, где Владимиру удалось устроиться архитектором, а его супруге – сотрудником Министерства иностранных дел [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/18]. В Мюнхене семья прожила более 20 лет. 7 декабря 1979 г. Владимир Владимирович Кудашев умер и похоронен на местном «Лесном» кладбище (Waldfriedhof) [ПМЭШ 2020]. Его вдова Мария, которой в это время было 59 лет, уехала в Вену и работала там советником в посольстве Германии в Австрии [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/19]. Она умерла 16 февраля 2022 г. и была похоронена на мюнхенском «Лесном» кладбище.

Александр Владимирович Кудашев

Внук Владимира Николаевича – Александр, как указывалось выше, родился 28 мая 1951 г. в Буэнос-Айресе. Во время проживания в Аргентине дома супруги говорили по-русски, и мальчик знал русский язык. В 1958 г. семья переехала в Мюнхен, Александр пошел в немецкую школу, русский язык забыл и его родным языком стал немецкий. Александр изучал философию, историю, политологию, исламоведение в Мюнхене, Гамбурге, Кельне. В 1977 г. он защитил докторскую работу по философии. Александр много лет работал в немецкой международной общественной телерадиокомпании «Немецкая волна», с 2014 г. по 2017 г. являлся ее главным редактором. Александр женился на немке – Корнелии Зудбрак [НА: Ф. 36. Инв. № 2796/21]. В семье в 1983 г. родилась дочь Нина, которая стала психологом. Семья проживает в Берлине. Если оба Владимира сохраняли православную традицию, то Александр уже не исповедует никакую религию [ПМЭШ 2020].

В семье Кудашевых изменилась не только религиозная идентичность, но и этническая. Сын Владимира Николаевича, родившийся в 1905 г. и эмигрировавший в 1922 г., в возрасте 17 лет, помнил, что он – кабардинец, знал кабардинский язык. Он гордился и своим происхождением: его предки были из привилегированного сословия [ПМЭШ 2020; Ferrand 1980: 237]. Однако его сын Александр уже ничего не узнавал ни о кабардинцах, ни о своем уникальном деде из уст отца. В доме родителей Александра кроме православного вероисповедания отца «не было ни кавказской, ни русской». По словам самого Александра, у него, безусловно, немецкая идентичность (его мама – немка). Но *иногда он чувствует в себе русскую душу, издали любит Кабарду и кабардинцев*. Об изданной дедом книге он узнал, когда вместе со своей матерью Марией он посетил Кабарду в 1992 г. [ПМЭШ 2020]. Отметим, не случайно, Александр смешивает «русскую душу» и кабардинцев. Как правило, нынешнее поколение северокавказских эмигрантов, в семьях которых не было акцента на национальной культуре, не различают русскую и национальную идентичность, например, кабардинскую. Такая ситуация имела место и в семье потомков кабардинца Измаила Шакова [Бабич, Страйхорн 2020: 137-158].

Заключение

Описав историю трех поколений кабардинцев, которые породнились с русскими, немцами, мы видим, что память о кабардинских корнях оказалась в семье Кудашевых во многом утраченной. Потомки осознают себя немцами. Разу-

меется, политический фактор, повлиявший на эмиграцию Кудашевых из России, в настоящее время перестал иметь значение, тем не менее, отметим, что в эмиграции произошла смена политической парадигмы в случае Владимира Николаевича: от идеи российской монархии до кавказского национализма. Это распространенный путь среди северокавказских горцев-эмигрантов. Его прошли многие. И те, кто сохранил в годы эмиграции свою приверженность российской монархии, скорее исключение, чем правило.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АА – Архив Арользена. Германия. Дело 3.2.1.1 CM/1 Akten aus Deutschland/ 79356637-40/ ITS Digital Archive // Arolsen Archives. Германия.

АМ – Архив Марии Гизелы Рупп // Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

АМТ – Архив Али Мардана Бека Топчибаши (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHESS). Париж. Франция.

АП – Архивы Парижа. Браки. (Archives de Paris, marriage).

Бабич 2020 – *Бабич И.Л.* Благотворительность в контексте материального обеспечения северокавказских эмигрантов во Франции (1920-1940-е годы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 2. – С. 126-142. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-2-126-142.

Бабич, Гладкова, Мнухин 2020 – *Бабич И.Л., Гладкова Т.Л., Мнухин Л.А.* Северокавказцы в эмиграции в XX веке. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 297 с.

Бабич, Страйхорн 2020 – Бабич И.Л., Страйхорн К. Двадцатый век в судьбах северокавказской интеллигенции: И.М. Шаков и его потомки // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 137-158. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-137-158.

Дзагалов, Шапарова 2010 – *Дзагалов А.С., Шапарова А.К.* Эльбаздуко Канаметович (Владимир Николаевич) Кудашев: Неизвестные страницы биографии. – Пятигорск, 2010. – 188 с.

Кудашев 1936 – *Кудашев Э.* Заметки кабардинца // Кавказ. 1936. № 28.

НА – Научный архив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН .

Опрышко 1993 – *Опрышко О.Л.* Бывают странные сближения. Нальчик: Эльбрус, 1993. 224 с.

ПЭМБ 2019 – Полевые этнографические материалы И. Бабич. Ницца. 2019 г.

ПЭМШ 2020 – Полевые этнографические материалы Й. Шнелле. Интервью с А. Кудашевым. Берлин, 2020 г.

ПЭМШ 2022 – Полевые этнографические материалы Й. Шнелле. Интервью с А. Кудашевым. Берлин, 2022 г.

Хашхожева 2004 – *Хашхожева Р.Х.* Избранные статьи. Нальчик: «Эльбрус». – 2004. – 167 с.

Шапарова 2008 – *Шапарова А.К*. Два века отразилось в них… – Нальчик: Кавказская здравница, 2008. – 148 с.

Ferrand 1980 – *Ferrand J*. Les Familles princieres de L'ancien empire de Russie (en e'migration en 1978). – Montreui 1980. – Vol II, 149 p.

Meinl 2014 – *Meinl Susanne Meinl, Bodo Hechelhammer*: Geheimobjekt Pullach: von der NS-Mustersiedlung zur Zentrale des BND. – Berlin 2014. – 288 p.

Wolf 2018 – *Thomas Wolf*: Die Entstehung des BND: Aufbau, Finanzierung, Kontrolle, – Berlin 2018. – 563 p.

PEFERENCES

Arkhivy Arol'zena. Germaniya. 3.2.1.1 CM/1 Akten aus Deutschland / 79356637-40. ITS. (In German).

Arkhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva) [Archive of Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)] IN: Biblioteka Tsentra po izucheniyu sovremennoy Rossii, Kavkaza i Tsentral'noy Yevropy. Parizh. Frantsiya. (In Russ.).

Arkhiv Marii Gizelly Rupp [Archive of Maria Gisella Rupp] IN: Archive of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. Nalchik. Rossiya. (In Russ.).

Arkhivy Parizha. Braki [Archives of Paris. Marriages]. Parizh. Frantsiya. (In France).

BABICH I.L. *Polevyye etnograficheskiye materialy* [Field ethnographic materials]. Nice, 2019. (In Russ.).

BABICH I.L *Blagotvoritel'nost' v kontekste material'nogo obespecheniya severokavkazskikh emigrantov vo Frantsii (1920-1940-ye gody)* [Charity in the context of the material support of the North Caucasian emigrants in France (1920-1940s)]. IN: *Kavkazologiya*. – 2020. – № 2. – P. 126-142. (In Russ.).

BABICH I.L., GLADKOVA T.L., MNUKHIN L.A. *Severokavkaztsy v emigratsii v XX veke* [North Caucasians in emigration in the twentieth century]. – Moscow-Berlin: Direct-Media, 2020 . – 297 p. (In Russ.).

BABICH I.L, STRAIHORN K. *Dvadtsatyy vek v sud'bakh severokavkazskoy intelligen-tsii: I.M. Shakov i yego potomki* [The twentieth century in the destinies of the North Caucasian intelligentsia: I.M. Shakov and his descendants]. IN: *Kavkazologiya.* – 2020. – № 4. – P.137-158. (In Russ.).

DZAGALOV A. S., SHAPAROVA A. K. *El'bazduko Kanametovich (Vladimir Nikolayevich) Kudashev: Neizvestnyye stranitsy biografii* [Elbazduko Kanametovich (Vladimir Nikolaevich) Kudashev: Unknown pages of biography]. – Pyatigorsk Nalchik. – 2010. – 189 p. (In Russ.).

FERRAND J. *Les Familles princieres de L'ancien empire de Russie (en e'migration en 1978)* [The Princely Families of the former Russian Empire (emigration in 1978]. – Montreuil. – 1980. (In France). Vol II, 149 p.

KHASHKHOZHEVA R.KH. *Izbrannyye stat'i* [Selected articles]. – Nalchik. –Elbrus, 2004. – 167 p. (In Russ.).

KUDASHEV E. *Zametki kabardintsa* [Notes of a Kabardian]. IN: Kavkaz. – 1936. – № 28. (In Russ.).

MEINL S., HECHELHAMMER B. *Geheimobjekt Pullach: von der NS-Mustersiedlung zur Zentrale des BND*. – Berlin. – 2014. – 288 p. (In German).

Nauchnyy arkhiv [Scientific archive]. IN:Institute for Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences . (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. *Byvayut strannyye sblizheniya* [There are strange connections]. – Nalchik.Elbrus – 1993. – 224 p. (In Russ.).

SHAPAROVA A.K. *Dva veka otrazilos' v nikh*… [Two centuries were reflected in them...] – Nalchik: Kavkazskaya zdravnica, 2008. – 148 p. (In Russ.).

SHNELLE Y. *Polevyye etnograficheskiye materialy* [Field ethnographic materials]. Berlin, 2020. (In Russ.).

SHNELLE Y. *Polevyye etnograficheskiye materialy* [Field ethnographic materials]. Berlin, 2022. (In Russ.).

Thomas Wolf: Die Entstehung des BND: Aufbau, Finanzierung, Kontrolle – Berlin. – 2018. (In German). 563 p.

Информация об авторах

И.Л. Бабич – доктор исторических наук.

Й. Шнелле – ассистент проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные» «Германского исторического института в Москве».

Information about the authors

I.L. Babich – doctor of science (History).

J. Schnelle – assistant of the project "Soviet and German prisoners of war and internees" of the German Historical Institute in Moscow.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 07.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 930.85+39(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-151-162
EDN: DBOMTQ

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 20-30-Е ГГ. XX В.

Гульфия Джамаловна Базиева
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, gbaz@mail.ru, orcid.org/0000-0002-1860-9856

Аннотация. В советский период процессы культурной модернизации и интеграции в различных регионах СССР исследовались с точки зрения позитивных достижений социалистического строительства, в постсоветский период итоги культурной революции начинают рассматриваться в контексте разрушения базовых традиционных ценностей, атеизации общества, русификации и др. Научная новизна исследования обусловлена культурологическим подходом к исследованию культурной революции как уникального феномена, обусловившего социокультурное и культурно-образовательное развитие региона. Анализ культурной революции как многогранного и разноплановового процесса позволил выявить несколько направлений этнокультурной интеграции (в системе начального, среднего и высшего образования, культурно-просветительской деятельности, средств массовой информации, самодеятельной и профессиональной художественной практики), выделить позитивные результаты преобразований в системе образования и культуры Кабардино-Балкарии. В качестве объекта исследования выступает культура кабардинского и балкарского народов, предметом анализа является изучение трансформации традиционной культуры в результате социалистических преобразований. Целью исследования является выявление позитивных результатов культурной революции 20-30-х гг. в Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: культура, образование, библиотечное дело, краеведение, средства массовой информации, Кабардино-Балкарская Республика.

Для цитирования: Базиева Г.Д. Культурная революция в Кабардино-Балкарии в 20-30-е гг. XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 151-162. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-151-162. EDN: DBOMTQ.

© Базиева Г.Д., 2022

Original article

CULTURAL REVOLUTION IN KABARDINO-BALKARIA IN 20-30s XX c.

Gulfiya Dz. Bazieva
Institute for Humanitarian Studies – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchick, Russia, gbaz@mail.ru; orcid.org/0000-0002-1860-9856.

Abstract. Processes of cultural modernization and integration in various regions of the USSR were investigated from the point of view of the positive achievements of socialist construction, in

the post-Soviet period the results of the cultural revolution was considered in the destruction's context of basic traditional values, the atheization of society, russification, etc. The scientific novelty of this study is the culturological approach to the study of the cultural revolution as a unique phenomenon that led to the socio-cultural and cultural and educational development of the region. Analysis of the cultural revolution as a multifaceted and diverse process made it possible to identify several areas of ethnocultural integration (in the system of primary, secondary and higher education, amateur and professional practice, cultural and educational activities, the media), to select positive results of transformations in the education and culture system of Kabardino-Balkaria. The culture of the Kabardian and Balkarian peoples acts as the object of research. The subject of analysis is the study of the transformation of traditional culture because of socialist transformations. The purpose of the study is to identify the positive results of the cultural revolution of the 20-30s. in Kabardino-Balkaria.

Key words: culture, education, librarianship, local history, mass media, Kabardino-Balkarian Republic.

For citation: Bazieva G.D. Cultural revolution in Kabardino-Balkaria in 20-30s of XX c. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – С. 151-162. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-151-162. EDN: DBOMTQ.

© Bazieva G.D., 2022

Введение

Советская национально-культурная политика была направлена на формирование единой социалистической культуры, как важной предпосылки развития общества на основе равенства и братства всех народов многонациональной страны. Масштабы революционных культурных преобразований носили гигантский размах, так как залогом успешного построения нового строя становится в первую очередь культура. В.И. Ленин отмечал, что для создания «социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств)», но для развития культурного строительства необходимо завоевать предпосылки, «а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [Ленин 1957: 381].

В декабре 1917 г. было опубликовано обращение В.И. Ленина «ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором подчеркивалось, что верования и обычаи, национальные и культурные учреждения являются «свободными и неприкосновенными» [КПСС 1970: 114].

На X съезде РКП (б) в 1921 г. была принята резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в которой была выдвинута конкретная программа по развитию культуры во всех регионах СССР. В данной резолюции развитие культуры и образования рассматривалось в качестве важнейшего звена нового социалистического строя [КПСС 1970: 252]. В резолюции были определены основные задачи в области культурного строительства в национальных республиках: развитие и укрепление государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям, укрепление судопроизводства, образовательных и культурно-просветительских учреждений на родном языке, развитие прессы, а также широкой сети курсов и школ как общеобразователь-

ного, так и профессионально-технического характера на родном языке [КПСС 1970: 252].

Процессы развития национальных культур в ряде теоретических исследований советского периода рассматривались как несовместимые с интернациональными задачами пролетарской революции и потому усилия, направленные на развитие культур народов СССР, – исторически не оправданными [Из истории… 1977: 264]. Данные процессы были направлены на нивелирование этнодифференцирующих культурных маркеров, в том числе и в конфессиональной сфере.

Результаты

В советской науке итоги культурной революции в КБАССР рассматривались в качестве важнейших достижений социализма (И.П. Копачев, Х.М. Сабанчиев, М.Х. Герандоков, Г.Х. Мамбетов, Х.И. Хутуев и др.). В современный период данные достижения пересматриваются в контексте переосмысления противоречивых процессов насаждения «нового» без учета этнорелигиозной специфики региона (М.Х. Герандоков, Х.Б. Мамсиров, Х.Г. Тхагапсоев и др.).

В период культурной революции 20–30-х гг. XX в. на территории КБАССР (с 1922 г. – Кабардино-Балкарская автономная область (КБАО), с 1936 г. – автономная республика) можно выделить несколько направлений этнокультурной интеграции:

Первое направление было связано с первостепенными задачами ликвидации безграмотности, формированием системы образования, подготовки педагогических и научных кадров.

Второе направление реализовывало задачи строительства сети культурно-просветительских учреждений и средств массовой информации (изб-читален, библиотек, музеев, периодической печати, радио).

Третье направление осуществляло задачи развития как самодеятельной, так и профессиональной художественной деятельности (развитие театрального, музыкального и изобразительного искусства).

В рамках **первого направления** в Кабардино-Балкарии начинает развиваться новая советская система образования. После провозглашения на территории республики 21 марта 1918 г. Советской власти, уже в июне этого года Нальчикский окружной Совет создает отдел народного образования, работа которого была направлена на управление школами республики на основе директив новой власти, а также на открытие новых школ, составление учебных программ, пособий, подготовку педагогических кадров и др. В докладе на бюро Северокавказского крайкома ВКП(б) о состоянии Кабардино-Балкарского области отмечалось, что грамотного населения в КБО около 2 процентов, «причем эта грамотность является очень относительной. К категории грамотных мы относим население, которое мало-мальски умеет расписываться» [Боровицкий 1927: 77].

На основе декрета ВЦИК «О единой трудовой школе» от 16 октября 1918 г. начинает разрабатываться программа по построению новой системы школьного образования, реализация которой в Кабардино-Балкарии была осложнена рядом причин: отсутствием материально-технической базы, учебной литерату-

ры, недостатком педагогических кадров, религиозными предубеждениями и др. По мнению Х.Б. Мамсирова, важную роль в культурно-политическом воспитании масс имело развитие печатного дела, данный процесс был осложнен малограмотностью населения [Мамсиров 2004: 286–287].

В 1922 г. в Кабардино-Балкарии была создана «Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности». «Всеобуч, – как отмечает М.Х. Герандоков, – осуществлялся дружными усилиями большого отряда учителей, при этом неоценимую помощь преподавателям кабардинцам и балкарцам оказывали русские учителя…» [Герандоков 1975: 126-127].

До сих пор в Кабардино-Балкарии не забыты имена учителей, самоотверженно работающих в сфере образования (Г.А. Альтов, Е.А. Альтова, Т.Н. Вавилова, Л.Н. Воробьева, М.В. Гуренко, Г.А. Дурин, И.В. Зайцев, Р.Н. Крашенинникова, А.М. Перновская, А.В. Омельченко, М.П. Пчелина, И.П. Ильин, М.А. Пузанова, А.Н. Покровская, Г.В. Степанов, К.А. Тихонович, Я.Я Сысуненко, М.А. Пузанова, И.П. Ильин и др.) [Хутуев 1984: 47].

На VI Кабардино-Балкарском областном съезде Б.Э. Калмыков отметил важную роль русского языка в качестве языка межнационального общения, подчеркнув его богатство, «культурность». «Но сейчас нам нужен свой язык – кабардинский и балкарский. Арабского языка нам не надо – это язык религии. Мы боремся за кабардинский, балкарский, русский язык…» [Калмыков 1983: 153].

Основную «культурную силу» в сфере образования Кабардино-Балкарии и в других сферах народного хозяйства составляли русскоговорящие специалисты. В предисловии к книге «О русском учителе» С.К. Башиева отмечает, что учителя «становились активными членами социума, изучали кабардинский и балкарский языки, готовили кавказские блюда, сами же учили детей готовить блюда русской кухни, вышивать, разводить цветы…» [Башиева 2016: 16].

К примеру, М.В. Гуренко (1909-2004) приехал по распределению в с. Верхняя Балкария в 1930 г. после окончания педагогического института в г. Орджоникидзе (Владикавказ). Будучи учителем биологии, преподавал и другие дисциплины, за достаточно короткий период времени выучил балкарский язык. В селении очень уважительно отнеслись к молодому учителю. Перед зданием школы М.В. Гуренко высадил саженцы тополей, привезенные им из г. Нальчика. После войны вместе с супругой Л.А. Норец (1910-2003), которая после окончания Бакинского медицинского училища в 1931 г. также работала в с. Верхняя Балкария, они неоднократно приезжали в село, встречались со своими бывшими учениками [Зимина 2019].

По воспоминаниям дочери одного из первых педагогов республики, М.М. Зиминой (1933-2022), проработавшей более сорока лет учителем математики в СШ № 21 г. Нальчика, во время Великой Отечественной войны М.В. Гуренко служил военфельдшером, награжден тремя орденами Великой Отечественной войны, орденом Красного знамени, медалью «За боевые заслуги». После войны М.В. Гуренко продолжил педагогическую деятельность, с 1951 г. возглавлял сш. № 11 г. Нальчика. За самоотверженный труд в сфере образования удостоен высоких званий «Отличник народного образования», «Заслуженный учитель

РСФСР», награжден орденом Ленина и медалью «За трудовую доблесть» [Зимина 2019].

Несмотря на активное привлечение профессионально подготовленных кадров в различных сферах культурно-образовательной практики, основной задачей культурного строительства являлась подготовка местных кадров. В 1920 г. в Нальчике стали работать краткосрочные курсы подготовки учителей, в 1924 г. был открыт педагогический техникум, на основе этих заведений создается Ленинский учебный городок (ЛУГ). На работу в ЛУГ по путевкам ЦК и Юго-Восточного бюро были направлены специалисты из других регионов: А.В. Померанцева, А.А. Гессельберг, М.М. Пугач, А.М. Перновская и др. Из 47 преподавателей и 8 воспитателей ЛУГа на 1 октября 1925 г. около 50 сотрудников были русскими. Из 47 преподавателей и 8 воспитателей ЛУГа на 1 октября 1925 г. около 50 сотрудников были русскими [Очерки 1971: 93].

Один из первых учеников ЛУГа балкарский поэт и педагог С.А. Отаров так вспоминал годы обучения в ЛУГе: «Сыновья и дочери кабардинцев, балкарцев, русских, евреев, кумыков и других народов в стенах учебного городка крепко подружились между собой» [Ленинский… 1964: 53-54].

В 1936 г. в школах республики преподавали 534 кабардинца, 156 балкарцев и 796 русских учителей [Мамбетов, Хутуев 1984: 56].

В процессах новой культурно-образовательной политики важное место занимала борьба против «обычаев и адатов» без ограничения их на прогрессивные и консервативные. «В вопроснике, предлагавшемся читателю в разделе «Кабарда и Балкария», тема была сформулирована следующим образом: «Борьба с обычаями и адатами. Достижения в этой борьбе», – отмечает А.И. Мусукаев [Мусукаев 1986: 59].

К особо сложным проблемам развития национального образования в республике можно отнести ряд явлений: перевод графической системы письма кабардинцев и балкарцев с арабского алфавита на латинский (1926), а затем на русский, что усложняло процесс подготовки учебных пособий для школ, так называемый «женский вопрос», так как местное население придерживалось мнения о «вреде» образования для лиц женского пола, а также борьба местного духовенства с нововведениями. «Духовенство развивает активность в смысле укрепления своих школ, мечетей – опорных пунктов идеологической работы. Активность духовенства особенно сильно проявляется по линии усиления агитации за укрепление религии» [Религиозный… 1930: 11-12].

Острой и крайне напряженной проблемой в процессах культурной революции становится так называемый «женский вопрос». В апреле 1928 г. отделом работниц и крестьянок Северокавказского Крайкома ВКП(б) были отмечены определенные достижения в работе по организации кустарных мастерских по производству трикотажа, шерсти, швейных изделий, работы на дому и кооперативной деятельности, пунктов ликвидации безграмотности, женских клубов, «увеличилось количество делегатских собраний, имеется рост процента горянок в советах (18 процентов), в кооперации и т.д.» [Постановление 1928: 130]. Вместе с тем отмечаются такие недостатки как «слабый подбор ячейковых организаторов», отсутствие продвижения горянок на руководящие посты, про-

блемы в сфере набора курсанток в Ленинский учебный городок и т.д. В результате было принято решение о необходимости привлечения женщин среднего возраста к активной деятельности в таких коллективных «клубах», «необходимо расширить охват женщин, начав эту работу с собраний матерей при школах Соцвоса, женских ликпунктов при школах кройки и шитья, трикотажных мастерских, ликпунктах и клубах…» [Постановление 1928: 133].

При этом, если вопросы привлечения горянок к социалистическому труду в различных мастерских, могли решаться на уровне убеждения и материальной заинтересованности, то проблемы женского образования рассматривались в контексте религиозных постулатов, направленных на сохранение этнорелигиозных приоритетов в трактовке роли женщины в традиционном обществе.

Реализация задач **второго направления** культурной революции осуществлялась через открытие различных просветительских учреждений (избы-читальни, библиотеки, музеи, клубные учреждения, средства массовой информации и др.).

Первая библиотека в Кабардино-Балкарии была открыта при первой советской школе, созданной на основе Нальчикского реального училища, заведующим библиотеки был назначен Б.Н. Гвоздев [Герандоков 1975: 78].

Но республика нуждалась в массовой библиотеке, которую могли бы посещать не только образованные жители, но и малообразованные. В 1922 г. при центральной массовой библиотеке г. Нальчика было создано общество «Друзей книги», члены которого обратились к Н.К. Крупской с просьбой оказать помощь в комплектовании библиотеки книгами. Такая помощь была оказана, что позволило уже в 1923 г. организовать 53 книжные передвижные библиотеки в сельских населенных пунктах республики (с общим фондом 5480 экз.), 30 из них при сельских Советах, а 23 при школах.

В 1936 г. за активную работу библиотеке было присвоено имя Н.К. Крупской, которое она носила вплоть до 2007 г. Библиотека принимала активное участие во всех значимых общественно-политических, культурно-массовых мероприятиях, ее работа не прекращалась и во время войны.

Музейное дело в Кабардино-Балкарии начинает развиваться в 20-е гг. XX в. в результате социокультурных коммуникаций с другими музеями страны. Краеведческий музей в Кабардино-Балкарии был открыт в 1921 г. Первый директор краеведческого музея КБР М.И. Ермоленко принимал активное участие в археологических и этнографических экспедициях в регионе «для изучения края во всех его отношениях, для представления картины его в бытовом и экономическом положении…» [Ермоленко 1928: 1].

Для организации музея в г. Нальчике М.И. Ермоленко был переведен из Владикавказа, где работал хранителем музея при Северо-Кавказском институте краеведения. «Еще до революции интерес к древностям Кабарды и Балкарии заставлял его неоднократно бывать в Нальчике…» [Аппаева 2020: 88]. О первых впечатлениях от посещения музея М.И. Ермоленко писал: «Против ожидания, музей чем дальше, тем больше посещается горцами и их женщинами. Идут целой гурьбой, с живым интересом осматривая экспонаты и непременно щупая

их руками. Много задают вопросов. Лица их оживлены, все интересно им» [Ермоленко 1928: 11].

В резолюции XI съезда РКП(б) «О печати и пропаганде (1922) подчеркивалось, что печать является «одним из самых могущественных орудий в борьбе партии за влияние на массы, за их коммунистическое просвещение» [Советская печать… 1961: 46]. Постановления ЦК РКП(б) «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» и «Об усилении партийного руководства печатью и работой издательств» (1924) определили конкретные меры по развитию советской прессы, в том числе и на нерусских языках. Развитие национальной печати требовало установление сети книжных издательств, регулярного выпуска периодики, а также подготовки кадров работников в данной сфере.

1 июня 1921 г. в Нальчике вышел первый номер газеты «Красная Кабарда». В его подготовке участвовали наряду с местными кадрами (И. Шинахов, Т.П. Кашежев) также ответственный секретарь газеты «Терек» А.А. Лукашевич, редакторами газеты были Г. Петров, М. Васильев, редактировали газету А. Антониковский, Б. Павлович, И. Боровиковский, А. Булычев [Ошнокова 2003: 6]. В выпуске первого номера газеты приняла участие также известная деятельница партии большевиков О.Б. Лепешинская, работавшая это время в Кабардино-Балкарии, в первом номере был опубликован ее очерк «Нальчик как исцелитель». В целях организации сотрудничества многонациональная редакция газеты (русские, украинцы, белорусы, евреи и др.) изучала кабардинский и балкарский языки, а «кабардинцы и балкарцы усердно овладевали русским» [Ошнокова 2003: 6].

1 мая 1924 г. вышел первый номер газеты «Карахалк» на трех языках (русском, кабардинском, балкарском). В 1925-1926 гг. газета выходила на четырех языках (русском, кабардинском, балкарском, еврейском). Журнал «Красная печать» отмечал, что на горско-еврейском языке во всем мире издается только одна газета «Карахалк» [Ошнокова 1971: 12]. «Бок о бок в одной общей редакции, работали и учились у более опытных журналистов и друг у друга молодые национальные кадры газетных работников. Это была своеобразная газета-школа периода освоения письменности родного языка» [Петров 2001: 16].

В начале 30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии начинают издаваться три самостоятельных одноименные газеты «Ленинский путь», «Ленин гъуэгу» (на каб. языке), «Ленинчи жол» (на балк.), а также литературно- художественные альманахи «Карууша» (на каб. языке), «Новая сила» (на русском языке), «Жангы кюч» (на балк. языке) и др., призванные пропагандировать достижения социалистических преобразований в культуре и быту. В 1934 г. все газеты были объединены под единым названием «Социалистическая Кабардино-Балкария».

Советская пресса формировалась в условиях жесткого идеологического контроля и была направлена на формирование новой социалистической системы ценностей, принципов интернационализма и братства народов СССР. Не менее важным рупором советской власти являлось и такое активно развивающееся средство коммуникации советского периода как радио.

В 1923 г. жители Нальчика впервые услышали голос Москвы с помощью радиоустановки «Радиоволна». В 1926 г. началось строительство радиовеща-

тельной станции типа «Малый Коминтерн», изготовленной радиолабораторией Нижнего Новгорода. 1 мая 1927 г. в Нальчике состоялись торжественные мероприятия, посвященные пуску радиовещательной станции, а 19 мая было установлено уже 18 громкоговорителей в селах Кабардино-Балкарии. Этот день и стал отправной точкой в истории радиовещания на трех государственных языках – кабардинском, балкарском и русском. Радиовещание носило не только новостной характер, но освещало широкий спектр вопросов: идеологических, политических, культурно-просветительских.

В июне состоялась первая музыкальная передача местного радио, а в 1937 г. состоялась первая прямая трансляция заседания десятого чрезвычайного съезда Советов, принявшего Конституцию КБАССР [В прямом эфире 2013: 20-21].

На первом этапе работы республиканского радио важное значение имела радиогазета «Карахалк», носящая одноименное название с местной газетой. Содержание ее составляли выступления областных руководителей, ударников труда и чтение газетных страниц. Каждый выпуск радиогазеты завершался «Концертами», «Концертами-трансляциями», симфонической музыкой, беседами о музыке [Бжеников 1985: 14]. Регулярно по радио звучали народные песни в исполнении кабардинских и балкарских исполнителей, а также музыкальные переложения на народные темы. В этом направлении много работал тогда композитор А.Г. Шахгалдян», – отмечает Х.Х. Хавпачев [Хавпачев 1999: 72]. В 1936 г. Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) принял решение о коренной перестройке работы областного радиокомитета. После перестройки работы местного радио 80 % радиовещания производилось на кабардинском и балкарском языках, 20 % на русском [Ошнокова 2003: 55].

В 30-е гг. XX в. радио становится не только идеологическим, но и культурно-образовательным информационным каналом. По радио выступали преподаватели ЛУГа, писатели и поэты республики, постепенно радиогазета вытесняется новостными программами, вводится цикл передач для женщин-горянок, а также детей.

Для решения задач и целей культурной революции в автономных республиках Северного Кавказа в рамках **третьего направления** создаются коллективы как самодеятельного, так и профессионального творчества (организация художественной самодеятельности в различных населенных пунктах, привлечение специалистов в области литературы и искусства для оказания помощи местным творческим кадрам, обучение наиболее талантливой молодежи в лучших учебных заведениях СССР и др.). Решение Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП(б) о создании новых профессиональных коллективов и обучении талантливой молодежи профессиональному искусству было принято после яркого выступления самодеятельных творческих коллективов республики в олимпиадах 1931-1932 гг. В Ленинском учебном городке (ЛУГ), созданном в 1924 г., были открыты кружки: танцевальный, хоровой, драматический, кружок изобразительного искусства и театр рабочей молодежи (ТРАМ). В 30-е гг. учащиеся ЛУГа, а также активные участники сельской художественной самодеятельности получили возможность получить образование в Москве. В 1935 г. в ГИТИСе им. Луначарского были открыты кабардинская и балкарская студии,

которые впоследствии стали труппами Кабардинского и Балкарского (1940) профессиональных театров.

В 1932 г. открывается первая писательская организация, в 1934 г. – Кабардино-Балкарское отделение Союза писателей СССР. Убедительному отражению революционной темы национальные писатели и поэты учатся у ведущих советских мастеров слова, создавая публицистические стихи - молнии, расширяя лексику, вводя в обиход новые слова: «большевик», «пролетариат», «интернационал», «пионер» и др. Во вступительном докладе на I съезде писателей СССР (1934 г.) А.М. Горький подчеркнул, что советская литература должна развиваться в русле общесоюзных тенденций «социалистического соревнования» [Горький 1953: 324]. После съезда начинается работа по изданию поэтических сборников и других произведений народов СССР на русском и родных языках. В 1935 г. в Москве были опубликованы произведения кабардинских и балкарских авторов в поэтическом сборнике «Поэзия горцев Кавказа» под редакцией А.А. Суркова.

В работе первого организационного бюро художников республики (1939 г.) приняли участие М.А. Ваннах, Н.Н. Гусаченко, И.В. Балицкий, Н.З. Трындык и др., активно участвующие в обучении и воспитании подрастающего поколения в студии живописи при Республиканском Дворце пионеров. Ввиду отсутствия профессионально подготовленных национальных кадров в сфере изобразительного искусства, художники, приехавшие из различных уголков многонациональной страны, начинают закладывать основу для развития республиканской живописи и графики.

Модернизационные процессы культурной революции привели к трансформации традиционного общественного уклада кабардинцев и балкарцев. Развитие принципиально новых ценностей носило, с одной стороны, позитивный характер (создание письменности, развитие литературы и искусства, средств массовой информации, профессиональных творческих организаций и коллективов), но, с другой стороны, данные этноинтегративные процессы способствовали нивелированию национальной специфики региона.

Заключение

Культурная революция, решающая глобальные вопросы нового мироустройства, нарушила традиционный уклад местных народов, но при этом стремилась к утверждению коммунистических идеалов равенства и братства всех народов СССР. В ходе культурной революции, несмотря на трудности, связанные с особой спецификой мусульманских регионов советского государства (негативное отношение к повышению уровня образования широких слоев населения на родном и русском языках, к женскому образованию, «раскрепощению женщины-горянки» и др.), на территории Кабардино-Балкарии задачи культурной революции в целом были выполнены. К числу несомненных позитивных достижений периода культурной революции можно отнести:

– создание письменности коренных народов на основе латинской, а затем русской графической системы;

– осуществление и развитие системы бесплатного обучения на родном и русском языках;

– формирование национальной интеллигенции во всех отраслях народного хозяйства;

– приобретение русским языком статуса языка межнационального общения, а также второго родного языка;

– формирование сети государственных культурно-просветительских учреждений;

– развитие самодеятельного творчества, профессионального искусства и национальной литературы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аппаева 2020 – *Аппаева Ж.М.* История создания Краеведческого музея в Нальчике // Аппаева Ж.М. Изобразительное искусство Кабардино-Балкарии. – Нальчик, Тетраграф, 2020. – 89-98 с. – 320 с.

Башиева 2016 – О русском учителе / Сост. С.К. Башиева. Нальчик: Эльбрус, 2016. – 180 с.

Бжеников 1985 – *Бжеников М.М.* Радио и телевидение КБАССР. – Нальчик, Полиграфсервис и Т., 1985. – 136 с.

Боровицкий 1927 – Из доклада Боровицкого на бюро Северокавказского крайкома ВКП(б) о состоянии Кабардино-Балкарского области. 30.09.1927 // Архивные материалы из Ростовского областного партархива (1926-1930 гг.). Отобрал Р.Х. Гугов. Фонд КБИГИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 77.

В прямом эфире 2013 – В прямом эфире: 85 лет радио, 55 лет телевидению. – Нальчик, Полиграфсервис, 2013. – 382 с.

Герандоков 1975 – *Герандоков М.Х.* Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. – Нальчик, Эльбрус, 1975. – 240 с.

Горький 1953 – *Горький А.М.* Собр. соч. В 30-ти т. Т. 27. – М.: Наука, 1953. – 350 с.

Ермоленко 1928 – *Ермоленко М.И.* Кабардино-Балкарский областной музей. – Владикавказ: Красный Октябрь, 1928. – 18 с.

Из истории 1977 – Из истории советского искусствоведения и эстетической мысли 1930-х годов. – М.: Искусство, 1977. – 416 с.

Зимина 2019 – *Зимина М.М.* Интервью автора статьи от 14.08.19 г.

Калмыков 1983 – *Калмыков Б.* Победив разруху, голод, бандитизм, мы восстанавливаем свое хозяйство. Из доклада на шестом Кабардино-Балкарском областном съезде Советов 15 марта 1927 г. // Калмыков Б.Э. Статьи и речи. – Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 151-158.

КПСС 1970 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е издание. В 15-ти т. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1970. – 606 с.

Ленин 1957 – *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. В 55-ти т. Т. 45. – М.: Госполитиздат, 1957. – 729 с.

Ленинский… 1964 – Ленинский учебный городок – коммунистическая кузница кадров Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1964. – 128 с.

Мамбетов, Хутуев 1984 – *Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И.* Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 190 с.

Мамсиров 2004 – *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 325 с.

Мусукаев 1986 – *Мусукаев А.И.* Об обычаях и законах горцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 151 с.

Очерки 1971 – Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 394 с.

Ошнокова 2003 – *Ошнокова Ф.Ш.* Очерки истории кабардино-балкарской журналистики (1917-1937 гг.). – Нальчик: Эль-фа, 2003. – 123 с.

Петров 2001 – *Петров Г.* Становление // Секундная стрелка истории: Книга о газете «Кабардино-Балкарская правда» / Авт.-сост. :В.Ф. Белухина, Р.А. Кроник. – Нальчик: Полиграфсервис, 2001. – 13-17 с. – 172 с.

Постановление 1928 – Постановление Отдела по докладу о результатах обследования работы среди горянок в Кабардино-Балкарской области (апрель 1928 год). (Из материалов Ростовского областного партархива). Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Св. 56. Арх. 841. ЛЛ. 22-25.) Л. 130.

Советская печать… 1961 – Советская печать в документах. – М.: Госполитиздат, 1961. – 559 с.

Хавпачев 1999 – *Хавпачев Х.Х.* Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 224 с.

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 452 с.

REFERENCES

APPAEVA ZH.M. *Istoriya sozdaniya Kraevedcheskogo muzeya v Nal`chike* [The history of the creation of the Museum of Local Lore in Nalchik]. IN: Appaeva Zh.M. Izobrazitel`noe iskusstvo Kabardino-Balkarii. – Nalchik: Tetragraf, 2020. – 89-98 p. – 320 p. (In Russ.).

BZHENIKOV M.M. *Radio i televidenie KBASSR* [Radio and television of the KBASSR]. – Nalchik: Poligrafservis-T, 1985. – 280 p. (In Russ.).

BOROVICHKIY – *Iz doklada Boroviczkogo na byuro Severokavkazskogo krajkoma VKP(b) o sostoyanii Kabardino-Balkarskogo oblasti. 30.09.1927. Arxivny`e materialy` iz Rostovskogo partarxiva (1926-1930 gg.). Otobral R.X. Gugov. Fond KBIGI. F.2. Op. 1. D.12. L.77*. [From Borovitsky's report to the bureau of the North Caucasus regional committee of the CPSU (B.) On the state of the Kabardino-Balkarian region. 30.09.1927. Archival materials from the Rostov Party Archive (1926-1930). Selected R.H. Hugov. BCIGI Foundation. F.2. Op. 1. 12. L.77]. (In Russ.).

Dekrety` Sovetskoj vlasti [Decrees of Soviet power]. T. 1. – M.: Gospolitizdat, 1957. – 626 p. (In Russ.).

ERMOLENKO M.I. *Kabardino-Balkarskij oblastnoj muzej* [Kabardino-Balkarian Regional Museum]. – Vladikavkaz: Krasnyi Oktyabr, 1928. – 18 p. (In Russ.).

GERANDOKOV M.X. *Kul`turnoe stroitel`stvo v Kabardino-Balkarii* [Cultural construction in Kabardino-Balkaria]. – Nal`chik: Elbrus, 1975. – 240 p. (In Russ.).

GOR`KIJ A.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. V 30-ti t. T. 27. – M.: Nauka, 1953. – 350 p. (In Russ.).

Iz istorii sovetskogo iskusstvovedeniya i e`steticheskoj my`sli 1930-x godov [From the history of Soviet art history and aesthetic thought of the 1930s.]. – M.: Iskusstvo, 1977. – 416 p. (In Russ.).

ZIMINA M.M. *Interv'yu avtora stat'i ot 14.08.19 g*. [Interview of the author of the article from 14.08.19].

KALMY`KOV B. *Pobediv razruxu, golod, banditizm, my` vosstanavlivaem svoe xozyajstvo. Iz doklada na shestom Kabardino-Balkarskom oblastnom s``ezde Sovetov 15 marta 1927 g.* [We have won the devastation, famine, banditry, we will being restore our economy. From the report at the sixth Kabardino-Balkarian regional congress of Soviets on March 15, 1927]. IN: Kalmy`kov B.E`. Stat`i i rechi. – Nalchik: Elbrus, 1983. – 239 p. (In Russ.).

KPSS v rezolyuciyax i resheniyax s``ezdov, konferencij i plenumov CK. 8-e izdanie. V 15-ti t. [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 8th edition. In 15-en v.]. T. 2. – M.: Gospolitizdat, 1970. – 660 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. V 55-ti t. T. 45. – M.: Gospolitizdat, 1957. – 729 p. (In Russ.).

*Leninskij uchebny`j gorodok – kommunisticheskaya kuznicza kadrov Kabardino-Balkarii* [Lenin training camp is a communist personnel forge in Kabardino-Balkaria]. – Nal`chik: Elbrus, 1964. – 128 p. (In Russ.).

MAMBETOV G.X., XUTUEV X.I. *Bratskaya pomoshh` russkogo i drugix narodov SSSR v razvitii kul`tury` Kabardino-Balkarii* [Fraternal assistance to the Russian and other peoples of the USSR in the development of the culture of Kabardino-Balkaria]. – Nal`chik: Elbrus, 1984. – 190 p. (In Russ.).

MAMSIROV X.B. *Modernizazia kulturu narodov Severnogo Kavkaza v 20-e gg. XX v.* [Modernization of the cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s.]. – Nal`chik: Elbrus, 2004. – 325 p. (In Russ.).

MUSUKAEV A.I. *Ob oby`chayax i zakonax gorcev* [On the customs and laws of the highlanders]. – Nal`chik: Elbrus, 1986. – 151 p. (In Russ.).

O russkom uchitele [About the Russian teacher] / Sost. S.K. Bashieva. – Nal`chik: Elbrus, 2016. – 214 p. (In Russ.).

Ocherki istorii Kabardino-Balkarskoj organizacii KPSS [Essays on the history of the Kabardino-Balkarian organization of the CPSU] – Nal`chik: Elbrus, 1971. – 394 p. (In Russ.).

OSHNOKOVA F.SH. *Ocherki istorii kabardino-balkarskoj zhurnalistiki (1917-1937 gg.)* [Essays on the history of Kabardino-Balkarian journalism (1917-1937)].– Nal`chik: El-fa, 2003. – 123 p. (In Russ.).

PETROV G. *Stanovlenie* [First issue]. IN: Sekundnaya strelka istorii: Kniga o gazete «Kabardino-Balkarskaya pravda» / Avt.-sost.: V.F Beluxina, R.A. Kronik. – Nal`chik: Poligrafservis -T, 2001. – 13-17 p. – 172 p . (In Russ.).

Postanovlenie Otdela po dokladu o rezul`tatax obsledovaniya raboty` sredi goryanok v Kabardino-Balkarskoj oblasti (aprel` 1928 god). (Iz materialov Rostoblpartarxiva [Decision of the Department on the report on the results of the survey of work among hot women in the Kabardino-Balkarian region (April 1928)]. F.7. op.1, sv.56, arx. 841, l.l. 22-25.) L.130.

Sovetskaya pechat` v dokumentax [Soviet seal in documents]. – M.: Gospolitizdat, 1961. – 559 p. (In Russ.).

*V pryamom e`fire: 85 let radio, 55 let televideniyu* [Live: 85 years of radio, 55 years of television]. – Nal`chik: Poligrafservis, 2013. – 382 p. (In Russ.).

XAVPACHEV X.X. *Professional`naya muzy`ka Kabardino-Balkarii.* [Professional music of Kabardino-Balkaria]. – Nal`chik: Elbrus,1999. – 224 p. (In Russ.).

XUTUEV X.I. *Stanovlenie i razvitie socialisticheskoj kul`tury` sovetskoj Kabardino-Balkarii* [The formation and development of socialist culture of Soviet Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Elbrus, 1984. – 452 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Г.Д. Базиева – кандидат философских наук.

Information about the author

G.D. Bazieva – Candidate Science (Philosophy).

Статья поступила в редакцию 25.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 01.09.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.9

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-163-182
EDN: DHQMHJ

НАУЧНО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.А. ПОЛИЕВКТОВА В ГРУЗИИ В 1920-1930 ГОДАХ

Юрий Семенович Сулаберидзе
Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия, iuri.sulaberidze@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание научно-преподавательской деятельности видного кавказоведа М.А. Полиевктова (1872-1942) в Тбилисском госуниверситете в 1920-1930 годах. Опираясь на архивные материалы, впервые введенные в научный оборот, автор анализирует малоисследованные аспекты научной биографии М.А. Полиевктова. Впервые автор широко использует протоколы заседаний кафедры истории народов СССР за 1934-1940 годы, более ранние документы о работе ученого в Тбилисском государственном университете, и архивные материалы из личного фонда М.А. Полиевктова, характеризующие научно-педагогическую деятельность. В статье прослеживается динамика этой деятельности, подготовка курсов по источниковедению и историографии, методических пособий для работы со студентами и аспирантами. Своими работами М.А. Полиевктов заложил основы преподавания научного кавказоведения в Грузии. Его деятельность происходила в условиях жесточайщей общественно-политической борьбы в стране, волны которой достигали стен университета и отражались на судьбах преподавателей. Это нашло отражение в протоколах заседаний кафедры, выступлениях и трудах М.А. Полиевктова. Научно-преподавательская деятельность М.А. Полиевктова составляет органическую часть его научной биографии, и оставила заметный след в историографии кавказоведения.

Ключевые слова: кавказоведение 1920-1930 гг; М.А. Полиевктов; научно-преподавательская деятельность; курсы по источниковедению и историографии; научные труды.

Для цитирования: Сулаберидзе Ю.С. Научно-преподавательская деятельность М.А. Полиевктова в Грузии в 1920-1930 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 163-182. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-163-182. EDN: DHQMHJ.

© Сулаберидзе Ю.С., 2022

Original article

SCIENTIFIC AND TEACHING ACTIVITIES OF M.A. POLIEVKTOV IN THE GEORGIA IN THE YEARS 1920-1930

Yuri S. Sulaberidze
Tbilisi state uneversity; Tbilisi, Georgia, e-mail- iuri.sulaberidze@mail.ru

Abstract. The article reveals the content of the scientific and teaching activities of the prominent Caucasian scholar M.A. Polievktov (1872-1942) at Tbilisi State University in 1920-1930. Based on archival materials, first introduced into scientific circulation, the author analyzes the little-

studied aspects of the scientific biography of M.A. Polievktov. For the first time, the author widely uses the meeting records of the Department of the History of the USSR Peoples for 1934-1940, earlier documents on the work of a scientist at Tbilisi State University, and archival materials from the personal fund of M.A. Polievktov characterizing scientific and pedagogical activity. The article traces the dynamics of this activity, preparing courses on source studies and historiography, teaching aids for working with students and graduate students. With his works, M.A. Polievktov laid the foundations for teaching scientific Caucasian studies in Georgia. His activity took place in the conditions of the most severe socio-political struggle in the country, the waves of which reached the walls of the university and were reflected in the fate of teachers. This was reflected in the meeting records of the department, speeches and works of M.A. Polievktova. Scientific and teaching activity of M.A. Polievktova is an organic part of his scientific biography, and left a noticeable mark on the historiography of Caucasian studies.

Keywords: caucasian studies in 1920-1930; M.A. Polievktov; scientific and teaching activities; courses of source studies and historiography; works of the scientist.

For citation: Sulaberidze Yu.S. Scientific and teaching activities of M.A. Polievktov in the Georgia in the years 1920-1930. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – С. 163-182. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-163-182. EDN: DHQMHJ.

© Sulaberidze Yu.S., 2022

Введение

М.А. Полиевктов (1872-1942) оставил заметный след в развитии русского и грузинского научного кавказоведения во второй половине XIX – в первой половине XX в. Это связано с его источниковедческой и историографической деятельностью в области исследования проблем внешней политики России XVI-XVIII вв. В «тифлисский период» (1920-1942) ученый акцентировал внимание на кавказской политике России, русско-грузинских отношениях. Многие аспекты научного творчества М.А. Полиевктова изучены исследователями: этапы научного творчества, формирование научных интересов и методов исследования в лоне петербургской исторической школы [Выскочков 2019], проблематика исследований в области внешней политики России [Максимчик 2014a], трансформация научного мировоззрения в советский («тифлисский») период, усвоение марксистской методологии, создание научной концепции [Максимчик 2014b; Тихонов 2011b; Муратова 2018; Сулаберидзе 2019; Сулаберидзе 2020; Сулаберидзе 2021; Сулаберидзе 2022], изыскание и публикация архивных материалов по русско-кавказским, русско-грузинским взаимоотношениям [Выскочков 2019; Жужунашвили 2003; Максимчик 2014b; Муратова 2018; Ляндрес 2011; Сулаберидзе 2012; Тихонов 2011a]. Как справедливо отмечает Е.Г. Муратова, научное творчество М.А. Полиевктова составляет важнейшую часть историографии кавказоведения, и требует дальнейшего исследования [Муратова 2018: 60]. Актуальность этого очевидна. В историографии научного творчества М.А. Полиевктова неразработанной является область научно-преподавательской деятельности в различных высших учебных заведениях Грузии, прежде всего, в Тбилисском (Тифлисском) государственном университете. Указанный аспект полнее отражают научный облик неординарной личности, сложные перипетии жизненного пути М.А. Полиевктова.

Историографические проблемы развития высшего образования в СССР в 1920-1930 гг. рассматриваются в исследовании Е.И. Демидовой. Она утверждает, что в конце 1920-х гг. произошел резкий поворот в развитии советской высшей школы. В 1934 г. возвратилось преподавание истории в вузах, в 1936 г. восстановился в правах лекционно-семинарский метод [Демидова 2007]. В грузинской историографии проблемы развития высшей школы в 1920-1930-х гг. в основном освещаются в рамках культурной революции, и частично отражены в исследовании Ц.П. Каландадзе, ученицы М.А. Полиевктова [Каландадзе 1963]. Становлению и развитию Тбилисского университета посвящена монография С. Джорбенадзе, в которой дан очерк о деятельности университета в 1934-1940 гг. [Джорбенадзе 1988].

Целью исследования является обнаружение динамики научно-преподавательской деятельности М.А. Полиевктова. Преподавание курса истории народов СССР, и ее в рамках истории Кавказа, ставило задачи изучения отличительных особенностей колонизации, русско-кавказских отношений. Это закономерно требовало введения в научный оборот комплекса архивных материалов, отложенных в архивах Москвы и Ленинграда. При исследовании данных аспектов были впервые выявлены и проанализированы источники, в которых содержатся ответы на ряд вопросов, которые до сих недостаточно освещены. В Центральном архиве новейшей истории Грузии (Далее. – ЦАНИГ) в фонде № 471 находятся документы, отражающие сложные коллизии научно-преподавательской деятельности М.А. Полиевктова в 20-х – начале 40-х гг. XX в. Они позволяют представить облик ученого-преподавателя, научную и общественную среду, в которой жил и творил М.А. Полиевктов. Кроме этого, в работе были использованы материалы личного фонда ученого (Ф. 1505) из Центрального исторического архива Грузии (Далее. – ЦИАГ), которые дополняют и углубляют понимание данных аспектов научного творчества. Впервые нами использованы протоколы заседания кафедры истории народов СССР за 1934-1940 гг., отражающие преподавательскую и научную работу его сотрудников, а также более ранние документы о работе М.А. Полиевктова в Тбилисском государственном университете. При довольно значительной историографии научного творчества М.А. Полиевктова, эта область его жизни до сих пор не получила достаточного освещения, хотя отдельные эпизоды нашли отражение. В рукописном издании АН Грузии «Грузинская советская историография» (1964) только в нескольких строках упоминается о «большой исследовательской работе в области истории России М.А. Полиевктова, долгое время возглавлявшим в Тбилисском государственном университете кафедру истории России» [Грузинская советская историография: 70]. Но и это упоминание не является точным, так как зав.кафедрой М.А. Полиевктов не был.

У истоков преподавания истории России в Тифлисском университете

В исторической литературе раскрываются детали приезда М.А. Полиевктова в Грузию осенью 1920 г. во время гражданской войны. Покидая голодный Петроград, М.А. Полиевктов позаботился получить пропуск-удостоверение из Наркомпросса от 25 июня. В документе указывалось, что он «командирован на

6 месяцев на Кавказ и Грузию по делам Кавказского историко-археологического института в Тифлис для изучения племенного состава Южного Кавказа» [Максимчик 2014b: 252]. В Тифлисе уже некоторое время находилась супруга ученого – Русудан Николадзе с сыном. Благодаря покровительству и связям столь знаменитой семьи Н. Николадзе, М.А. Полиевктов 15 октября 1920 г. был избран Советом университета профессором на кафедре истории. К этому времени М.А. Полиевктов уже был состоявшимся ученым. Представитель петербургской исторической школы был известен одному из основателей первого на Кавказе университета Ив. Джавахишвили, выпускнику Восточного факультета Санкт-Петербургского университета [Выскочков 2019]. На первых порах М.А. Полиевктов был привлечен к составлению и чтению курса по истории Восточной Европы, одновременно читал и историю России. В письме к С.Б. Веселовскому он писал, что его приняли с «теплотой и любовью, но, как специалист по истории России, чувствовал себя в одиночестве. С большим усердием приступил к составлению нового курса по Восточной Европе... Но чувства к себе требовали найти свое место в той грузиноведческой работе, центром которого стал Тбилисский университет» [Жужунашвили: 386]. После смены политического режима (февраль-март 1921 г.) М.А. Полиевктов продолжал работать в университете на историко-филологическом отделении педагогического факультета. С 1920 по 1926 г. вместе с известным историком Г. Натадзе на 1 курсе читал курс: «Западная Европа и история феодализма в России», на 2 курсе – «Западная Европа и история России», и на 4 – специальный курс по истории Западной Европы и России. М.А. Полиевктову, как представителю петербургской исторической школы, было поручено чтение разделов, касающихся России. Студенты параллельно усваивали историю Западной Европы и России [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 1. Д. 118. Л. 90].

Согласно декрету Совнаркома (ноябрь 1920 г.), исторические и юридические факультеты были преобразованы в факультеты общественных наук (ФОН). Большевики считали, что обществоведение должно заменить преподавание истории. В работе А.Н. Максимчика приводится негативное мнение, высказанное по этому вопросу М.А. Полиевктовым, который считал, что «русская историческая наука была сильна своей традицией, что создавало почву для возникновения и улучшения в ней нового направления и марксистское направление могло бы дать пышный расцвет» [Максимчик 2014b: 253]. М.А. Полиевктов в письме к Н. Николадзе от 6 октября 1924 г. отмечал многообразие и богатые традиции русской историографии в лице «Соловьева, Ключевского, Бестужева-Рюмина, Платонова, каждый который не повторяет друга, создавая научные школы» [Пайчадзе 1981: 75]. Он утверждает, что «лучшие представители историков-марксистов воспитаны ими» [Пайчадзе 1981: 75]. Говоря о необходимости сохранения в вузах «атмосферы научного наследия», он подчеркивает необходимость «сохранения связи с научными обществами в связи с возникающими перспективам исследования русско-кавказских отношений» [Пайчадзе 1981: 76]. В условиях борьбы со «старыми специалистами» это было довольно смелое заявление и могло иметь последствия, но надо иметь в виду, что оно было высказано в частном письме к родственнику.

Зарплата лектора университета была небольшой, поэтому М.А. Полиевктову приходилось подрабатывать на историко-филологическом отделении Политехнического института («Политехникума»). Сохранился конспект лекций по социально-экономической истории XIX-XX вв., читанных на 2-3 курсах факультета общественных наук в 1922-1923 гг. Они были изданы под этим названием в Тифлисе в 1923 г. Но в 1924 г. в «Политехникуме» был закрыт факультет общественных наук, и материальное положение семьи М.А. Полиевктова значительно ухудшилось [Ляндрес 2011].

Но неожиданно пришло спасение: 1 марта 1925 г. М.А. Полиевктов был зачислен сотрудником в Центрархив ССР Грузии. Для «архивариуса» это открывало столь жизненные врата для изучения темы русско-грузинских отношений, возможности для публикации документов. Это придало дополнительную энергию научного творчества. Данный аспект научного творчества требует отдельного исследования.

В мае 1931 г. М.А. Полиевктов был уволен с работы в университете в ходе кампании избавления от «старых специалистов», как «правый профессор». В мае 1932 г. последовал новый удар: якобы по причине недобросовестного выполнения обязанностей старшего консультанта последовало увольнение из Центрархива ССР Грузии по приказу директора Иовидзе.

Как утверждает Л.В. Выскочков, после обращения М.А. Полиевктова в комиссариат просвещения Грузии, ему разрешили продолжать заниматься научной и преподавательской работой [Выскочков 2019]. С.М. Ляндрес же отмечает, что «старому специалисту» разрешили занимать скромные должности в Центрархиве ССР Грузии, и дали незначительную преподавательскую нагрузку в университете [Ляндрес 2011]. Однако М.А. Полиевктов продолжал активно заниматься научной деятельностью и создал ряд трудов, которые оставили заметный след в историографии кавказоведения.

«Великий перелом» и судьба ученого

История, как отдельный предмет, тем более история народов СССР не занимала подобающего места в курсе лекций вузов до 1934 г. Это во многом было связано с засилием «школы М. Покровского», вытеснением истории социологией. Обострение внутрипартийной и классовой борьбы в стране в условиях «великого перелома», и отхода от теории мировой революции, кардинально меняло положение и на «историческом фронте». Историческая наука превращалась в активное поле борьбы не только с буржуазной наукой, но и с вульгарным социологизмом идеологов мировой революции, ориентировавшихся на Запад [Кривошеев, Дворниченко 1994].

5 марта 1934 г. по инициативе И.В. Сталина на заседании Политбюро ВКП (б) был рассмотрен вопрос «О начале преподавания гражданской истории в школе». 16 мая 1934 г. было принято решение о восстановлении исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах, о преподавании истории народов СССР. Необходимо было подготовить новые учебники по истории. И.В. Сталин был недоволен тем, как во вновь подготовленных учебниках рассматривался вопрос о присоединении Грузии к России. В своих замеча-

ниях руководитель государства подчеркивал, что патронаж со стороны России был единственной альтернативой в условиях окружения со стороны Турции и Ирана. В 1930-х гг. провозглашается советская идеология и патриотизм главными ценностями советского общества. Эти глубокие изменения в общественно-политической жизни нашли отражение и в истории Тбилисского государственного университета. В 1934 г. был создан исторический факультет, кафедра истории народов СССР.

Архивные материалы раскрывают некоторые особенности борьбы на «историческом фронте», волны которой докатились до Тбилиси.

На заседании кафедры от 29 сентября 1934 г. был рассмотрен вопрос «О ходе работы по составлению программы и учебников по истории народов СССР в связи с постановлением ЦК ВКП (б) для средней и высшей школы, а также преподавании истории».

Ситуация в университете была довольно напряженная. Сказывались отголоски «разоблачительной кампании» против ряда «старых специалистов» университета, проходившей 13-16 декабря 1930 г. Огонь «разоблачений» в национализме, антиисторизме, антимарксизме, отсутствия классового подхода к анализу исторических фактов обрушился на основателей университета – И. Джавахишвили, С. Какабадзе, Г. Церетели и других видных грузинских историков. В 1931 г. многие из «старых специалистов» лишились возможности преподавать в университете. Как известно, среди них был и М. Полиевктов. Впоследствии после создания кафедры истории народов СССР (1934 г.) к работе привлекались «старые специалисты», без знаний которых невозможно было ни составление учебных программ, а тем более преподавание. Поэтому М. Полиевктов получил возможность читать на 4 курсе источниковедение России и вспомогательный курс – палеографию. По сути дела, эти предметы мог вести только этот ученый, прошедший солидную подготовку в «петербургской исторической школе». На заседании кафедры М. Полиевктову поручили подготовить схему преподавания курса. В целом нехватка учебников по гражданской истории явно ощущалась. Учебники основателя марксистского направления советской историографии М.Н. Покровского после его смерти (1932 г.) не удовлетворяли руководителей «великого перелома». Их создателя обвиняли в субъективном социологизме. Тем не менее на заседании кафедры было принято постановление, что в «связи с неимением учебников частично использовать сокращенный курс М. Покровского, но руководствоваться при преподавании трудами Ленина, Сталина, Ванага, Томсинского». Показательно, что для 4 курса факультета, где курс источниковедения вел М. Полиевктов, «допускались по некоторым вопросам труды Ключевского и Рожкова». Такое «сотрудничество» со старой «буржуазной историографией» было вынужденным [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 9б. Л. 1-5]. Количество студентов на курсе у М. Полиевктова было немного, всего 4 студента, и все они были аттестованы оценкой 4. Следует отметить не только сложность самого предмета, но незнание многими студентами русского языка, что неоднократно отмечалось на заседании кафедры. Это затрудняло им знакомство с источниками и историографией России. М. Полиевктов преподавал на русском

языке, хотя постепенно осваивал и грузинский язык. По личной инициативе готовил конспект курса для своих студентов.

Напряженность в работе кафедры истории народов СССР постоянно ощущалась в условиях обостряющейся внутриполитической борьбы.

С февраля-марта 1935 г. началась атака на Ив. Джавахишвили, одного из основателей университета со стороны партийных активистов. После выступления ректора К. Орагвелидзе разоблачением «старых специалистов», занялась целая когорта партийных функционеров. Секретарь партийной организации С. Гегенава послал на имя первого секретаря ЦК Грузии Л. Берия письмо, в котором потребовал чистки преподавательского состава университета от меньшевиков, националистов, троцкистов. В письме отмечено, что число коммунистов среди преподавателей незначительно [Ониани 2021: 12-13].

13 апреля 1935 г. на заседании кафедры разгорелась жаркая полемика вокруг доклада доцента А. Пирцхалаишвили «Классовая борьба в России в конце XVI – начале XVII в.». М. Полиевктов сделал замечание коллеге, что в докладе должным образом не было уделено внимание «внешней политике самодержавия на Востоке». Кроме того, М. Полиевктов отметил, что докладчик ограничился анализом только трудов Н. Карамзина. Казалось, что это чисто научная историографическая проблема. Однако в условиях открытой идеологизации учебно-образовательного процесса дискуссия приобретала явно политизированный характер. А. Пирцхалаишвили стал обвинять рецензента в «ошибках». Он утверждал, что критически рассматривал мнения не только Карамзина, но и Ключевского, Соловьева, Костомарова и других русских историков по вопросу о классовой борьбе. Отвергая критику в свой адрес, он заключал: «Мой взгляд не противоречит марксизму и такие взгляды отражены в БСЭ» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 9б. Л. 15-16].

Дискуссия стала переходить чисто научные рамки и приобретать зловещий характер. Жупел в антимарксизме висел как «дамоклов меч» над сотрудниками университета, кафедры. Вскоре сменился зав. кафедрой, им стал Н. Махарадзе, более активный проводник марксистской идеологии в работе кафедры. Сменился и секретарь на кафедре: А. Пирцхалаишвили сменил Я. Цинцадзе. Необходимо отметить, что М. Полиевктов не всегда присутствовал на заседании кафедры. Это объяснялось и тем, что он читал только на 4 курсе источниковедение и палеографию. На кафедре, как заявлял Н. Махарадзе, необходимо особое место уделить критике ошибок представителей «школы М. Покровского».

В феврале 1936 г. состоялось открытое заседание кафедры, на котором докладчик Н. Махарадзе отметил положительную роль М. Покровского в изучении источников по истории России, борьбу с буржуазной историографией, роль в становлении марксистской историографии. Но основное внимание было обращено на ошибки М. Покровского – субъективный схематизм, социологизм, отрицание исторических фактов. В дискуссии приняли участие проф. Университета – Г. Натадзе, С. Джанашия, доц. А. Пирцхалаишвили. Они выступили с самокритикой своих прежних взглядов. М. Полиевктов не выступал [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 33. Л. 14]. Он посчитал, что в условиях всеобщего «очище-

ния» от всего «старого» лучше заниматься наукой, источниковедческими разысканиями.

9 апреля 1936 г. М. Полиевктов выступил на заседании кафедры с отчетом о проделанной научно-исследовательской работе. Он отметил, что продолжил работу С. Белокурова в архивах Москвы. Если С. Белокуров публиковал материалы за XVI в. до 1613 г., то он решил опубликовать материалы с 1613 г.. М. Полиевктов отметил, что еще в 1926-1928 гг., занимаясь поисками материалов по истории русско-грузинских взаимоотношений, опубликовал материалы посольств в «Трудах» университета («Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650-1652 гг.»; «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640-1643 гг.»). Изучая историю русско-грузинских отношений, М.А. Полиевктов заявил: «Работаю над материалами экономических разведок русского царизма на Кавказе, над обзором документов, находящихся в архивах России по истории русско-грузинских связей, а также экспедиции Гильденштедта и Паласса.Часть этих работ была опубликована» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 33. Л. 23-24]. Ученый имел в виду работы: «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис: НИИ кавказоведения, 1932; «Русские архивные материалы по истории Грузии (предварительные заметки). Тифлис: ТГУ, 1936.

Кафедра поручила М. Полиевктову представить справку о материалах по истории Грузии в архивах России, на основе которых могла бы просить ректорат о командировке ученого для работы в архивах России. М.А. Полиевктов неоднократно бывал в научных командировках (с 1924 по 1939 г.), что впоследствии привело к публикации «Материалов по истории грузино-русских взаимоотношений (1615-1640 гг. Тбилиси: ТГУ, 1937).

Таким образом, важную роль в этом деле сыграло трудолюбие «архивиста» М. Полиевктова по изысканию источников по истории русско-грузинских взаимоотношений. Знакомство с материалами привело ученого к более глубокому изучению «восточного вопроса», открытию «кавказского вопроса» внешней политики России. Уже в своем отчете на заседании кафедры М. Полиевктов высказал мысль, которая стала основополагающей в мотивационном комплексе воззрений ученого по вопросу о присоединении Грузии, Кавказа к России.

Он утверждал, что необходимо опровергнуть господствующее положение дореволюционной историографии, что «якобы Грузия приглашала Россию» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 33. Л. 22-27]. В 1920-1930 гг. в исторической науке доминировала тенденция разоблачения захватнической колонизаторской политики царизма. Другая позиция идеологически рассматривалась, как антимарксистская, что влекло за собой преследование.

Обратимся к архивному материалу, который раскрывает не только остроту борьбы с «антимарксизмом» в исторической науке 1930-х гг., но и позволяет увидеть специфику восприятия М.А. Полиевктовым отношения к интерпретации исторических источников. Ученый, преподаватель университета оказался на острие борьбы на «историческом фронте». 1935-1936 гг. были отмечены высоким градусом напряжения, когда решалось не только будущее советской исторической науки, но и его многих представителей. Волна репрессий стала за-

хлестывать не только представителей «старой школы», но и тех марксистов, которые не смогли попасть в «нужную волну великого перелома». Наученный горьким опытом 1931-1932 гг., М. Полиевктов должен был сделать выбор, сохранить место в университете, а значит и в науке, и в то же время не предать своих друзей. «Академическое дело» (1929-1930), когда были репрессированы ученики С. Ф. Платонова, к которым относился М.А. Полиевктов, оставило в нем глубокий след. В 1937-1938 гг. М.А. Полиевктову удалось сохранить место в Тбилисском университете и печататься в его трудах. В 1938 г. в журнале «Историк-марксист» публикуется статья А. Киквидзе, в которой на фоне борьбы с «врагами народа» сказано о публикациях сотрудников различных общественных кафедр Тбилисского государственного университета. Автор высоко оценивает работу 1937 г. профессора кафедры истории народов СССР М.А. Полиевктова «Материалы по истории русско-грузинских отношений 1615-1640 гг.». Отмечается, что в ней «впервые опубликованы очень ценные материалы, проливающие свет на историю русско-грузинских отношений» [Киквидзе 1938: 167-168]. Это был пик репрессий представителей грузинской общественной и научной интеллигенции.

В архивном деле сохранилось выступление М. Полиевктова во время дискуссии в университете, касающегося положения на «историческом фронте». В марте 1936 г. в своем выступлении М. Полиевктов заострил внимание на своих источниковедческих публикациях. Чтобы избежать «разоблачений в антимарксизме», ученый-преподаватель предпочел занять активную позицию самокритики: «Я знаю, что в моих публикациях, и в моих исследованиях есть целый ряд методологических ошибок, которые мне сейчас видны и которые стараюсь изживать в каждой моей последующей работе. Если кто-нибудь бы выступил с развернутой критикой моих ошибок в методологических установках, я был бы ему очень благодарен» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 19. Д. 4. Л. 107].

Поддерживая положения доклада ректора К. Орагвелидзе об отношении к источникам, М. Полиевктов особо выделил необходимость привлечения не только новых источников, но и правильной интерпретации уже опубликованных источников. М. Полиевктов отметил: «И вот в этом отношении у историков редко ставится вопрос о классовой сущности и социально-политических корнях этих источников, и отсюда при правильной передаче факта получается *искажение исторических перспектив* (выделено нами. – *Ю.С.*)» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 19. Д. 4. Л. 108]. Переходя к конкретизации данного положения, М. Полиевктов приводит в пример факт присоединения Грузии к России. Он утверждает, что надо показать, что «Московское государство если не подстрекало, то во всяком случае культивировало в кругах грузинской феодальной аристократии обращение к нему за помощью. Москва всячески культивировала эту ориентацию» [ЦАНИГ. Ф. 471. Л. 19. Д. 4. Л. 109]. Автор говорит, что это «полная формула обращения к России. Она легла в основу российского кавказоведения. Отсюда и вся дореволюционная публикация российских документов, начиная с Н. Карамзина по истории Грузии и Кавказа, выполняет классовый политический заказ» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 19. Д. 4. Л. 109]. И заключает, что «нам нужна изощренная марксистко-ленинская методология не только в

исследованиях, но и в публикациях документов» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 19. Д. 4. Л. 110].

В выступлении М. Полиевктов позитивно говорил о научном творчестве своего друга И. Джавахишвили, подвергавшегося в очередной раз «разоблачению». Он утверждал: «Проф. Ив. Джавахишвили, вряд ли можно упрекать в русской великодержавности, и он в своих работах берет за основу материал, но в этих актах материалы профильтрированы под определенным углом зрения» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 19. Д. 4. Л. 110]. Такая формулировка не давала оснований для обвинения Ив. Джавахишвили в антимарксизме.

М.А. Полиевктов следовал основной линии – разоблачению политики русского царизма на Кавказе, в этом отношении положение о «культивировании ориентации» со стороны Москвы было определенным креном в определении содержания концепции присоединения, идеологизацией сложного и противоречивого процесса. В действительности концепция М. Полиевктова о «восточно-кавказском вопросе» выглядела более уравновешенной, научно мотивированной [Сулаберидзе 2020а].

Установка на разоблачение политики русского царизма на Кавказе доминировала в работах М. Полиевктова 1930-х гг.

Для преподавания на кафедре университета еще с 1936 г. М. Полиевктов подготовил программу спецсеминара –«Экспансия русского царизма на Кавказе». Протоколы заседания кафедры свидетельствуют о содержании программы спецсеминара. В этот период кафедрой уже руководил Г. Хачапуридзе, известный историк революции, при котором явно ощущалась «большевизация» состава кафедры. Но при этом Г. Хачапуридзе содействовал деятельности М. Полиевктове, понимая и ценя профессионализм ученого-преподавателя. Зав.кафедрой поручил М. Полиевктову до 25 сентября 1936 г. предоставить программу указанного курса. Она была утверждена 15 октября 1936 г., и на заседании кафедры было принято решение – до 1 января 1937 г. сделать редакцию и издать с правом рукописи лекции проф. М. Полиевктова [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 91. Л. 5,22].

Курс стал читаться М.А. Полиевктовым с 1937 г. Программа носила название: «Экспансия русского царизма на Кавказе и русские кавказоведные изыскания XVI-XVIII вв.». Проф. М. Полиевктов так обосновывает его содержание: «Великодержавные концепции «утверждения русского владычества на Кавказе» в русской и домарксистской историографии не вскрывают классово-эксплуататорского характера этой концепции в современной марксистско-ленинской исторической науке» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 180. Л. 1]. Автор учебной программы подчеркивает необходимость «научной постановки вопроса об экспансии русского царизма на Кавказе» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 180. Л. 1]. «Военно-феодальная экспансия русского царизма на Кавказе в XVI-XVIII вв. – прямое продолжение более ранних этапов этой экспансии в юго-восточном направлении (захват Москвой Поволжья), перерастании темы в историю европейской международной политики» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 180. Л. 1].

Дальше автор программы объясняет, как необходимо исследовать Кавказ, экспансию русского царизма. Это изучение системы путей сообщения, рынков,

исследования мотивации феодальной верхушки политических образований Северного Кавказа и Грузии, как главных сил, на которые старается оказывать влияние русский царизм. Важный аспект темы – исследование истории экономических разведок, экспедицией на Кавказ, отношения России с Турцией и Ираном с устремлениями на Каспий и Черному морю.

Автор программы дает периодизацию этапов экспансии России на Кавказ, выделяя подготовительный этап – XVI-XVII вв.; I пол. XVIII в. – начало открытого наступления царизма на Кавказ, завоевание прикаспийской области и причины неудач первых захватов. Следующий этап: II пол. XVIII в. – как время покорения Кавказа от Каспийского моря до Черноморья [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 180. Л. 2]. Подводит итоги академических экспедиций в конце XVIII в. и подготовки окончательного покорения Кавказа, превращения его в русскую колонию [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 180. Л. 2].

Второй раздел программы составляют сведения о Кавказе в Московском государстве с XVI в. Большую источниковедческую ценность представляют документы, извлекаемые из архивов Посольского приказа. Это «Наказы» московских посольств, отправляющихся в Грузию, «статейные списки». Первые систематизации кавказоведных сведений о Кавказе в Посольском приказе в XVII в., показывающие нарастание интереса к Каспийскому краю с середины XVII в. К ценным источникам относятся кавказоведные изыскания XVIII в.: русские карты прикаспийских областей Кавказа 1728 г, русская картография II половины XVIII в. о Кавказе. Автор курса также выделяет рапорты-донесения офицеров разведки Кавказской линии, русских специалистов-техников, миссионеров, агентов русского правительства в Грузии. Особое внимание М. Полиевктов уделил академическому кавказоведению – итогам экспедиции 1768-1774 гг. Обосновывая содержание программы, ее автор заключает: «В XVI-XVIII веках была подготовлена почва для развития русского кавказоведения в эпоху промышленного капитализма и заложены основы великодержавной концепции «утверждения владычества русского царизма на Кавказе» и превращения его в русскую колонию» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 180. Л. 3].

Таким образом, М. Полиевктов рассматривал «Экспансию русского царизма на Кавказе» как научно-политическую задачу: во-первых, для разоблачения великодержавной концепции «утверждение владычества русского царизма на Кавказе», имея в виду исторические труды Н. Дубровина, В. Потто и других представителей домарксистской историографии. С другой стороны, М. Полиевктов предлагал в противовес марксистскую концепцию покорения Россией Кавказа, и основание для становления научного кавказоведения. Черновые материалы этой работы отложены в личном фонде М. Полиевктова и до сих пор не изданы [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 53].

О работе над курсом М. Полиевктов сообщил на заседании кафедры, отмечая, что работает параллельно над двумя темами: «Ревизия 1829 года Кутайсова и Мечникова» и «Русские кавказоведные изыскания XVI – нач. XIX вв». Некоторые работы М. Полиевктова были впоследствии опубликованы. Это касается работ: «Ревизия Закавказского края сенаторами Кутайсовым и Мечниковым и фонд дел этой ревизии в историческом архиве Ленинграда (Труды ТГУ. 1940.

Т.15. С.81-102; «Из истории русского академического кавказоведения XVIII в. // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. общ. наук. 1935. № 8. С. 759-774; «Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу / Сост. М.А. Полиевктов. НИИ кавказоведения им. Н. Марра. Тифлис, 1935).

На заседании кафедры 2 января 1940 г. М.А. Полиевктов предложил доклад на тему: «Русские кавказоведные изыскания XVI-XVII вв.»., исходя из того плана, который был им намечен по курсу «Экспансия русского царизма на Кавказе» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 296. Л. 8]. Резюме отчетного доклада находится в личном фонде ученого [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 49. Л. 17].

Оно в целом соответствует ранее предложенной программе курса «Экспансия русского царизма на Кавказ», но вносит ряд существенных дополнений и конкретики. В своем выступлении М.А. Полиевктов подробно охарактеризовал этапы кавказоведческих разысканий, связав их с процессом экспансии царизма на Кавказ. XVI-XVII вв. составили подготовительный этап, в котором доминировали описания-разведки различных районов Кавказа посредством посольств, отправляемых Посольским приказом. С первой четверти XVIII в. экспансия на Кавказ «становится органической частью программы широкой завоевательной политики Российской империи. Кавказ в этой политике входит в систему «балтийского вопроса». Это был второй этап экспансии России на Кавказ, который стал носить наступательный характер. Со второй половины XVIII в., как определилось стремление к Черноморью, русский царизм ведет «наступление на Кавказ широко развернутым фронтом от Черного моря до Каспия». С XVIII в. инициатива кавказоведных разысканий переходит к Академии наук, которая организует экспедиции на Кавказ. М.А. Полиевктов в особенности выделяет экспедицию Гюльденштедта (1768-1774). Активно разведками занимаются офицеры Кавказской линии (Гак, Фраундарф, Батыров, Киреев), технические кадры (Вонявин, Кирхнер), миссионнеры (Лебедев), агенты правительства в Грузии (Языков, Рейнегс, Мусин-Пушкин).

Таким образом, М.А. Полиевктов утверждает, что все это «заложило основу великодержавной концепции утверждения русского владычества на Кавказе в трудах Дубровина, Потто и других историков». Москва также «культивировала с XVI в. ориентацию правителей Кавказа на Россию». С марксистских позиций М.А. Полиевктов разоблачает захватническую политику русского царизма на Кавказе [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 49. Л. 5-9].

М.А. Полиевктов почти не пропускал заседаний кафедры истории народов СССР, пользовался высоким авторитетом среди сотрудников кафедры. К нему весьма благосклонно относился зав.кафедрой Г. Хачапуридзе, который являлся самым авторитетным марксистским историком. Вероятно, это было также одной из причин, что помогло маститому ученому, из «буржуазных специалистов» избежать худших последствий, чем его учитель и друзья по «Академическому делу». Архивные материалы показывают, что М. Полиевктову доверяли подготовку аспирантов. Так, за 1939-1940 академический год у него было 8 аспирантов. Среди них можно выделить Ц. Каландадзе, В. Мачарадзе, впоследствии известных ученых в области грузино-русских культурно-политических взаимоотношений [ЦИАГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 296. Л. 9].

Основатель преподавания источниковедения и историографии истории народов СССР в Тбилисском университете

М.А. Полиевктов был, прежде всего, прекрасным специалистом в области источниковедения. На заседании кафедры 25 января 1940 г. М.А. Полиевктов сообщил, что подготовил методический материал для проведения спецсеминаров [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 296. Л. 10]. М.А. Полиевктов серьезно относился к работе с аспирантами: им были подготовлены специальные программы и пособия по историографии и источниковедению СССР [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 88, 89], а также заметки по руководству работой с аспирантами и техническим приемам научной работы по истории [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 91, 92]. На кафедре народов СССР М.А. Полиевктов нес основную нагрузку по преподаванию источниковедения и историографии. Архивные материалы сохранили ряд доказательств активной работы в этом направлении. Как известно, на 4 курсе М.А. Полиевктов вел курс «Источниковедение по истории СССР и русская палеография». В личном фонде ученого в деле 89 представлены программа курса, календарное расписание. Программа состояла из пяти основных тем: вводной части (задачи источниковедения, понятие исторического источника, различия в подходе к источнику в дореволюционной и марксистской исторической науке). Вторая и третья темы были посвящены характеристике основной группы источников- документальных источников. Четвертая тема касалась особенностей повествовательных источников, пятая тема раскрывала задачи палеографии и эпиграфики в источниковедении. Указана и используемая литература, среди которой труды учителя – С. Ф. Платонова, ближайшего друга А.Е. Преснякова, а также учебник «Источниковедение по истории СССР» (тт. 1–2. Москва, 1940). В календарном расписании лекции распределены по конкретным вопросам. Среди них анализ документальных источников по социально-экономическим отношениям, общественной идеологии, публикации исторических источников и истории русской палеографии. Дана сетка часов курса источниковедения на 42 часа [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 89. Л. 1-2, 40].

В исторической литературе довольно обстоятельно исследованы исторические баталии в области источниковедения и историографии на фоне той острой идейной борьбы, которая развернулась в СССР в 1920-1930 гг. И в этих условиях публикация трудов, в которых затрагивались теоретические и идеологические проблемы, представляла особую ответственность, тем более для «старых специалистов» [Медушевская 1969: 171-194].

В 1937 г. на грузинском языке был опубликован конспективный курс источниковедения истории СССР, составленный М.А. Полиевктовым. Как отмечает известный грузинский источниковед Р.К Кикнадзе, «это был первый опыт создания учебного пособия в данной области». Пособие состояло из введения и 6 глав, где рассматривались общетеоретические вопросы, системы деления источников, проблемы критики источников [Кикнадзе 1988: 4-5].

Что касается курса историографии народов СССР, то М.А. Полиевктов уделял этой области исторического знания также повышенное внимание. В архивном деле (№ 88) сохранилась «программа СССР» за 1936 г., всего 5 тем: «Общественный строй Киевской Руси в исторической литературе», «Феодализм

в России в русской исторической литературе», «Происхождение крепостного права в России в исторической литературе», «Вопрос о самодержавии в исторической литературе», «Крестьянская реформа в исторической литературе». Представлены и различные теории исторического развития России – «теория родового быта», «теория общинного быта», «теория федеративного строя», «теория торгового происхождения городов и обмена», а также основатели и приверженцы указанных теорий. Необходимо отметить, что дана резкая критика «антимарксистской концепции» М.Н. Покровского, показано значение трудов В. Ленина и И. Сталина в борьбе с «мелкобуржуазным и троцкистским контреволюционным историзмом». Дана и основная литература по историографии, в их числе работы С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Пичеты, И.Л. Маяковского, Н.А. Рожкова и других видных историографов. Возможно, М.А. Полиевктов, как источниковед, готовил и работу по историографии истории народов СССР и делал наброски к ней [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 88. Л. 8-9]. Как известно, первое учебное пособие по курсу истории народов СССР вышло только в 1941 г., и было создано Н.Л. Рубинштейном.

Представляют интерес критические замечания ученого на учебник «История СССР» под общей редакцией проф. А.М. Панкратовой, данные 9 марта 1939 г. Как известно, работа над учебником для средних школ (VIII-X классов) по «Истории СССР» началась с 1937 г. Были подготовлены 4 макета учебника, учитывались критика И. Сталина по поводу написания учебника. В обсуждении приняли участие ученые, учителя истории. Обсуждение учебника проходило и на кафедре истории народов СССР Тбилисского государственного университета. Замечания М.А. Полиевктова выдержаны в строго научном стиле и лишены политизации.

М.А. Полиевктов отмечает, что одним «из недочетов указанной книги является отсутствие «кавказоведческой точки зрения. Кавказ не освещается с XI века... Он в целом совершенно выпадает из внимания составителей, а потому параграф 103 завоевания Кавказа является совершенно не подготовленным». Критике подвергается употребляемый часто термин «горцы», при этом отсутствие термина «черкесы». В нем не находит отражение и понятие «долины», как место обитания жителей Северного Кавказа [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 306. Л. 3].

Весьма важным представляется замечание ученого-кавказоведа, что необходимо «было дать четкую и расчлененную характеристику социального уклада и культурных политических образований Северного Кавказа в историческом разрезе», их взаимосвязи» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 306. Л. 4].

Ученый отметил значимость экономических и политических разведок еще с XVII в., «из которых выросло грандиозное здание русского кавказоведения» [ЦАНИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 306. Л. 4].

М.А. Полиевктов был одним из первых в кавказоведении, кто обратил внимание на необходимость исследования социального строя и культуры народов Северного Кавказа. В одной из своих работ («Русские источники по истории народов Закавказья») ученый отмечал, что до сих пор не создана история

народов Кавказа [Сулаберидзе 2020: 81-82]. Необходимо признать, что М.А. Полиевктовым был положены «кирпичики в здание русского кавказоведения».

В августе 1939 г. М.А. Полиевктов был отправлен в научную командировку для работы в архивах Москвы и Ленинграда. Результатом этого явились многие работы ученого, а также вынесенные рекомендации преподавателя-консультанта М.А. Полиевктова для улучшения работы кафедры. Используя опыт вузов Ленинграда, М.А. Полиевктов предлагал поручить аспирантам работать больше по конкретным темам. Сохранились заметки ученого по руководству работы с аспирантами. Записи носят черновой, рабочий характер подготовки к лекциям. М.А. Полиевктов особое внимание уделял работе с источниками. Так, он сравнивает русские и западноевропейские источники по истории народов СССР. В частности, по его мнению, в русских источниках «круг вопросов более строго очерчен, и ответы более четко сформулированы. В западных (итальянских путешественников), «круг вопросов более широк, иногда более расплывчатый». В русских источниках «толкование более элементарно, но иногда понимание более жизненно», в западных источниках «толкование более научно- углубленное, но представление о себе, как более культурного» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 91. Л. 2-3].

В последние годы жизни, несмотря на недуги и перенесенный микроинсульт, М.А. Полиевктов с удвоенной энергией работал над темой «Европейские путешественники по Кавказу». Первый выпуск, содержащий сведения о Кавказе XIII-XVIII вв., вышел в 1935 г. Второй выпуск вышел уже после смерти в 1946 г. В плане на 1941 г. сообщалось, что ученый работал над ним. М.А. Полиевктовым был подготовлен 3 выпуск, но он утерян, и до сих его судьба неизвестна [ЦИАГ. Ф. 471. Д. 402. Л. 4].

В 1940-1941 гг. М.А. Полиевктов интенсивно работал по материалам, выявленным в архивах России. В индивидуальном плане значится работа «По архивным следам Гильденштедта в его путешествии по Кавказу». М.А. Полиевктов критически относился к предшествующим изданиям Гильденштедта, Палласа и Клапрота и переработки Германа. В своей аннотации нового издания ученый пояснял, что предлагает неопубликованный материал, собранный в Академии Наук, а также составление вводного исторического очерка и биографии Гильденштедта и комментарии [ЦГАСИГ. Ф. 471. Оп. 22. Д. 371. Л. 3-4]. На заседании от 14 октября 1940 г. М.А. Полиевктов сообщал, что в Московском архиве он нашел много материалов о деятельности Гюльденштедта [ЦАНИГ. Ф. 471. Д. 402. Л. 5-6]. Черновой вариант рукописи сохранился в фонде М.А. Полиевктова. Ученый утверждает, что «такого труда не было еще ни в русской, ни в западноевропейской кавказоведческой литературе. Здесь охвачены все стороны кавказоведения: даются сведения о местной производительной деятельности, торговли, по этнографии и истории края; даны словари грузинского, мингрельского, сванского, черкесского, чеченского и других языков и наречий Кавказа». М.А. Полиевктов заключает, что прежние издания «устарели и совершенно не отражают на себе всего богатства гюльденштедского кавказоведного наследия» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 61. Л. 8-9]. Рукопись была подготовлена к изданию, но завершить работу М.А. Полиевктов не успел, и материа-

лы, собранные им, были введены в научный оборот Г. Гелашвили «Путешествие И. Гильденштедта на Кавказе» (тт. 1-2. Тбилиси, 1962-1964).

Одна из последних работ ученого «Кемпфер в русских книгохранилищах» хранится в личном фонде. М.А. Полиевктов обнаружил две рукописи известного немецкого ученого XVIII в. в библиотеке ГИМ в Москве, и в Ленинградском институте истории АН. Она была напечатана в 1724 г. в Германии под названием «Новейшие известия о Казани, Астрахане и Грузинии и других». В части третьей даны подробные сведения о «грузинской земле»: общий очерк Грузии, ее исторических областей, этнографии и родословных царей. Ученый отмечает, что эти сведения в «увязке с наступлением русского царизма на Кавказ заслуживают самого тщательного анализа и затем опубликования» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 65. Л. 10.].

Заслуги М.А. Полиевктова, как ученого-источниковеда, историографа и прекрасного лектора, консультанта аспирантов были налицо и признаны коллективом кафедры, администрацией университета.

Зав. кафедрой Г.В. Хачапуридзе ходатайствовал перед ректоратом о праздновании 50-летнего юбилея научно-педагогической деятельности М.А. Полиевктова [ЦАНИГ. Ф. 471.Оп.22. Д. 402. Л. 14]. Однако 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, и перед страной и ее гражданами стали новые испытания. К этому времени М.А. Полиевктов был уже тяжело болен. Лишения и испытания 1930-х гг. дали знать о себе. Они отняли много сил, здоровья, нервов. Приходилось работать в постоянном напряжении, стрессе. Но сильный характер, и постоянное стремление работать, создавать «здание русского кавказоведения» не покидало даже в трудные годы.

В последних работах активно звучала патриотическая тема: «Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях и письмах современников [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 66], «Крымская война 1853-1856 гг. в записках и письмах современников» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70]. На одном из последних заседаний кафедры истории народов СССР, на котором присутствовал М.А. Полиевктов, им был прочитан доклад методического характера: «Методология использования мемуаров при занятии с аспирантами» [ЦАНИГ. Ф. 471.Оп.22. Д. 402. Л. 17].

М.А. Полиевктов всегда оставался патриотом своей Родины. Это было органически ему присуще, как ученому, преподавателю, как человеку в истинном значении этого слова.

Заключение

Учебные программы М. Полиевктова органически совмещались с научной работой, они были взаимосвязаны и взаимодополняемы. М.А. Полиевктов был не только прекрасным лектором, но и маститым ученым, открывающим новые грани кавказской темы на основе публикации архивных материалов по колонизации Кавказа. Научные работы по истории Кавказа, созданные в процессе подготовки лекционных курсов, являлись их глубокой переработкой, насыщением новым материалом, обсуждением их на семинарах со студентами и аспирантами.

Протоколы заседаний кафедры истории народов СССР позволяют проследить, как развивались научные интересы М.А. Полиевктова. совершенствова-

лась методика работы со студентами и аспирантами. Им были подготовлены конспекты лекций, учебник по источниковедению истории народов СССР, один из первых в своей области. Своей работой в Тбилисском государственном университете М.А. Полиевктов заложил основы научного кавказоведения в Грузии, воспитал ученых-кавказоведов. Научно-преподавательская деятельность М.А. Полиевктова протекала в переломный этап советской истории, изломы которой нашли отражение в жизни и творчестве. Политизация истории не могла не отразиться на научной биографии, но ему удалось избежать репрессий, сохранив при этом достоинство ученого и гражданина. М.А. Полиевктов оставил заметный след в историографии кавказоведения. Эта страница еще полнее представляет облик историка-кавказоведа, остававшегося верным научным и жизненным принципам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Выскочков 2019 – *Выскочков Л.В.* Петербургский период жизни М.А. Полиевктова и его книга – Николай I (К столетию первого издания книги) // Деятели русской науки XIX-XX веков. Коллек. монография / Ред. и сост. Т.В. Андреева, С.Ф. Синельникова. – Вып. 5. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. – С.107-148.

Демидова 2007 – *Демидова Е.И.* Формирование советской системы высшего образования. – Саратов.: СГСЭУ, 2007. – 240 с.

Джорбенадзе 1988 – *Джорбенадзе С.* История Тбилисского университета. Тб.: ТГУ, 1988. – 365 с. (на груз.яз.)

Жужунашвили 2003 – *Жужунашвили Г.* Теплота и любовь, привезенные из Петрограда в Тбилиси (Памяти проф. М.А. Полиевктова) // Грузино-русские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга [Сборник материалов и документов, биографический справочник] / Ред. и сост. В.В. Парцвания-Чарайия. – СПб.: Logos, 2003. – С. 385–391.

Каландадзе 1963 – *Каландадзе Ц.П.* Культурная революция в Советской Грузии в 1921-1941 годах. – Тб.: Мецниереба, 1963. – 107 с.

Киквидзе 1938 – *Киквидзе А.* Историческая наука в СССР. Исторический факультет Тбилисского государственного университета // Историк-марксист. – 1938. – № 3. – С. 167-168.

Кикнадзе 1988 – *Кикнадзе Р.К.* Источниковедческие проблемы современной грузинской историографии // Источниковедческие разыскания. 1985. – Тб.: Мецниереба, 1988. – С. 4-5.

Кривошеев, Дворниченко 1994 – *Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская история (20 – нач. 30 г. XX вв.) // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 143–157.

Ляндрес 2011 – *Ляндрес С.М.* М.А. Полиевктов и Комиссия опросов Таврического дворца//Политическая история России XX века: К 80-летию проф. В.И. Старцева: Сборник научных трудов. – СПб: 2011. – С. 287-315.

Максимчик 2014a – *Максимчик А.Н.* Рукопись проф. М.А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики» (1924) // Кавказский сборник. – Т. 8 (40). – М.: Русская панорама, 2014. – С. 260-276.

Максимчик 2014b – *Максимчик А.Н.* Тифлисский период жизни и деятельности историка-архивиста М.А. Полиевктова // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014» / гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – С.252-257.

Медушевская 1969 – *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. – М.: Наука, 1969. – С.171-194.

Муратова 2018 – *Муратова Е.Г.* Основные направления научно-исследовательской деятельности М.А. Полиевктова в «тифлисский период» его жизни // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 2. – С. 51-65.

Ониани 2021 – *Ониани Г.* Сталин и история Грузии // Грузия и мир. – № 32. – 2021. – С. 12-13 (на груз. яз.).

Пайчадзе 1981 – *Пайчадзе Г.Г.* М.А. Полиевктов (К столетию со дня рождения) // Историографические этюды. – Тб.: Мецниереба, 1981. – С. 62-85 (на груз. яз.)

Сулаберидзе 2012 – *Сулаберидзе Ю.С.* Роль М.А. Полиевктова в развитии российско-грузинских культурно-научных традиций // Клио. – 2012. – №8 (68). – С. 125-130.

Сулаберидзе 2019 – *Сулаберидзе Ю.С.* Влияние идей К. Маркса на формирование научной концепции М.А. Полиевктова по «восточно-кавказскому вопросу» // Russian Colonial Studies. – 2019. – № 3. – С. 119-137.

Сулаберидзе 2020a – *Сулаберидзе Ю.С.* «Тифлисский период» научного творчества М.А. Полиевктова. История создания научной концепции «восточно-кавказского вопроса». – Саарбрюккен: Lambert Akademic Publishing, 2020. – 121 с.

Сулаберидзе 2020b – *Сулаберидзе Ю.С.* М.А. Полиевктов – у истоков русского научного кавказоведения // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №2 (26). – С. 236-249.

Сулаберидзе 2021 – *Сулаберидзе Ю.С.* Концепция М.А. Полиевктов о «восточно-кавказском вопросе» // Народы Кавказа в XVIII-XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного Форума историков-кавказоведов. Под ред. Г.Г. Матишова. Пятигорск. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во. ЮНЦ РАН, 2021. – С.67-74.

Сулаберидзе 2022 – *Сулаберидзе Ю.С.* Роль М.А. Полиевктова в развитии русского научного кавказоведения // Этнокультурное пространство Кавказа в системе межэтнических и межконфессиональных коммуникаций: сб. научных статей. – М.: ООО МАКС Прест, 2022. – С. 208-218.

Тихонов 2011a – *Тихонов В.В.* «Не считайте меня изменником русской исторической науки»: М.А. Полиевктов-историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия и Грузия: альтернативы конфронтации-созидание (Проблемы российско-грузинских отношений XIX-XX вв.). Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Институт российской истории РАН, 2011. – С. 419-435.

Тихонов 2011b – *Тихонов В.В.* М.А. Полиевктов как кавказовед // История России в исследованиях и документах. – Вып. 5. – М., 2011. – С. 73-82.

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии

ЦАНИГ – Центральный архив новейшей истории Грузии

REFERENCES

VYSKOCHKOV L.V. *Peterburgskij period zhizni M.A. Polievktova i ego kniga- Nikolaj I (K stoletiyu pervogo izdaniya knigi)* [The Petersburg period of life of M.A. Polievktov and his book-Nikolai I (In the centenory of the first edition of the book].IN: Deyteli russkoj nauki XIX-XX vv. Kollek. monografiya [Red. i sost. T.V. Andreeva, S.F. Sinel`nikova.]. Vyp 5. SPb: Dm. Bulanin, 2019. – S. 107-148 (In Russ.).

DEMIDOVA E.I. *Formirovanie sovetskoj sistemy vysshego obrazovaniya* [Formation of the Soviet higher school]. Saratov: SGSEU, 2007. – 240 s. (In Russ.).

DZHORBENADZE S. Istoriya Tbilisskogo universiteta [History of Tbilisi Uneversity]. Tb.: TGU, 1988. – 365 s. (In Georg.)

JUJUNASHVILI G. *Teplota i lyubov privezennye is Petrograda v Tbilisi (Pamyati prof.M.A. Polievktova)* [Warmth and love brouht from Petrograd to Tbilisi (In memory of prof. M.A. Polievktov)]. IN: Gruzino-ruskie-russkie nauchno-kulturnye svyazi v istorii Sankt-Peterburga [Sb. materialov i dokumentov, biograficheskij spravochnik]. Red. i sost. Partsvaniya-Charaya V.V. SPb: Logos, 2003. – S. 385-391 (In Russ.).

KALANDADZE TS.P. *Kul`turnaya revolyutsiya v Sovetskoj Gruzii v 1921-1941 g* [Cultural revolution in Soviet Georgia in 1921-1941 y.]. Tb.: Metsniereba, 1963. – 107 s. (In Russ).

KIKVIDZE A. *Istoriceskaya nauka v SSSR.Istoricheskij fakul`tet Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta* [Historical science in the USSR. Faculty of history. Tbilisi State Uneversity]. IN: Istorik-marksist. – 1938. – № 3. – S. 167-168. (In Russ.).

KIKNADZE R.G. *Istoriograficheskie problemy sovremennogo gruzinskogo istochnikovedeniya* [Historiographic problems of modern Georgian source studies]. IN: Istochikovedcheskie razyskaniya. – Tb.: Metsniereba, 1988. – S. 4-5 (In Russ.).

KRIVOSHEEV YU; DVORNICHENKO A.YU. *Izgnanie nauki: rossijskaya istoria (20-nach.30 g.)* [Exile of science: russian history (20-30 years)]. IN: Otechestvennaya istoriya. – 1994. – № 3. – S. 143-157 (in Russ.).

LYANDRES S.M. *M.A. Poliektov i Komissiya oprosov Tavricheskogo dvortsa* [M.A. Polievktov and the Commission of polls of the Tauride Palace]. IN: Politicheskaya istoriya Rossii XX veka. K 80 letiyu V.I. Startseva. – Sb. Nauchnykh trudov, 2011. – S. 287-315 (In: Russ.).

MAKSIMCHIK A.N. *Rukopis`prof.M.A. Polievktova «Rossiya, Kavkaz, kak problema istorii russkoj vneshnej politiki» (1924)* [Manuscript of prof. M.A. Polievktov "Russia and the Caucasus as a problem of Russian foreign policy (1924)]. IN: Cavkazskij sbornik. – Tom. 8 (40). – M.: Russkaya panorama, 2014. – S. 260-276 (In Russ.).

MAKSIMCHIK A.N. *Tiflisskij period zhizni i deyatel`nosti istorika-arkhivista M.A. Polievktova* [Tiflis period of life and work of the historian-archivist M.A. Polievktov]. IN: Istoricheskie dokumenty i aktual`nye problemy arkheografii, istochnikovedeniya rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni. Sb.materialov IV mezhdunarodnoj konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov «Clio-2014» [gl.red. A.K.Sorokin, otv. red. S.A.Kotov]. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya [ROSSPENN], 2014. – S. 252-257 (In Russ.).

MEDUSHEVSKAYA V.M. *Teoreticheskie problemy istochnikovedeniya v sovetskoj istorii 20-kh – nachale 30-kh godov* [Teoritical problems of source studies in the soviet history of the 1920-s- early 30 s.]. IN: Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodicheskie problemy. – M.: Nauka, 1969. – S. 171-194 (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Osnovnye napravleniya nauchno-issledovatel`skoj deyatel`nosti M.A. Polievktova v «tiflisski period» ego zhizni* [The main directions of research activities of M.A. Polievktov in the «tiflis period» of the life]. IN: Kavkazologiya. – 2018. – № 2. – S. 51-65 (In Russ.).

ONIANI G. *Stalin i istoriya Gruzii* [Stalin and history of Georgia]. IN: Gruziya i mir. – 2021. – № 32. – S. 12-13 (In Georg.).

PAJCHADZE G.G. *M.A.Poliektov (K stoletiyu so dnya rozhdeniya)* [M.A. Polievktov (To the centenary of his birth)]. IN: Istoricheskie ehtyudy. – Tb.: Metsniereba, 1981. – S. 62-85 (In Georg.).

SULABERIDZE Yu.S. *Rol`M.A. Polievktova v razvitii rossijsko-gruzinskikh kul`turno-nauchnykh traditsij* [The role of M.A. Polievktov in the development of Russian-Georgian cultural and scientific tradition]. IN: Clio. – 2012. – № 8 (68). – S. 125-130 (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *Vliyanie idej K.Marksa na formirovanie nauchnoj kontseptsii M.A. Polievktova po vostochno-kavkazskomu voprosu* [The influence of K.Marx on thr formition of the scientific concept of M.A. Polievktov on the East Caucasian issue]. IN: Russian Colonial Studies. – 2019. – № 3. – S. 119-137 (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *M.A. Polievktov – u istokov russkogo nauchnogo kavkazovedeniya* [M.A. Polievktov – at the origins of russian scientific caucasian studies]. IN: Peterburgskij istoricheskij zhurnal. – 2020. – № 2 (26). – S. 236-249 (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. *«Tiflisskij period» nauchnogo tvorchestva M.A. Polievktova. Istoriya sozdaniya nauchnoj kontseptsii «vostochno-kavkazskogo voprosa» [*«Tiflis period» of M.A. Polievktov`s scientific work. The history of the creation of the scientific concept of the «East Caucasian issue»]. – Saarbrukken: Lambert Akademic Publishing. – 2020. – 121 s. (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *Kontseptsiya M.A. Polievktova o vostochno-kavkazskom voprose* [M.A. Polievktov`s concept of the east caucasian issue]. IN: Narody Kavkaza v XVIII-XXI vekakh: istoriya. politika, kul`tura / Materialy VIII mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov. Pod red. G.G. Matishova. Pyatigorsk. 1 chast. – Rostov-na-Donu, 2021. – S.67-74. (In Russ.)

SULABERIDZE Yu.S. *Rol` M.A. Polievktova v razvitie nauchnogo kavkazovedeniya* [The role M.A. Polievktov in the development of scientific caucasian studies]. IN: Ehtnokui`nornoe prostranstvo Kavkaza: sistema mezhehnicheskhikh i mezkonfessonnal`nykh kommunikatsij. Sb. nauchnykh statej. – M.: OOO MAKS Prest, 2022. – S. 208-218 (In Russ).

TIKHANOV V.V. *«Ne schitajte menya izmennikom russkoj istoricheskoj nauki»: M.A. Polievktov-istorik russko- gruzinskikh vzaimootnoshenij* [«Do not consider me a traitor of Russian historical science»: M.A. Polievktov-historian of Russian-Georgian relations]. IN: Russiya i Gruziya: al`ternativy konfrontatsii-sozidanie (Problemy rossijsko-gruzinskikh otnoshenij XIX-XXI vv). Kol. avt. Sost. Bugaj N.F: Institut rossijskoj istorii RAN. – 2011. – S. 419-435. (In Russ.).

TIKHONOV V.V. *M.A. Polievktov kak kavkazoved* [M.A. Polievktov as a Caucasian scholar]. IN: Istoriya Rosssii v issledovaniyakh i dokumentakh. – Vyp. 5. – M.: 2011. – S. 73-82. (In Russ.).

TSIAG – *Tsentral`ny istoricheskij arkhiv Gruzii* [Central State Historical archive of Georgia].

TSANIG – *Tsentral`ny arkhiv noveyshej istorii Gruzii* [Central State modern history archive of Georgia].

Информация об авторе

Ю.С. Сулаберидзе – кандидат исторических наук.

Information about the author

Yu.S. Sulaberidze – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 22.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 94(47)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-183-203
EDN: EDOFJP

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ

Назар Николаевич Назаренко[1], **Анатолий Викторович Башкин**[2]

[1] Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, nnazarenko@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2425-3649

[2] Проект «Исторические материалы» (http://istmat.org), Москва, Россия, lost_empire@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1086-8690

Аннотация. В статье рассмотрено естественное движение населения в период голода 1932–1933 гг. на Северном Кавказе. Установлено, что на Дону, Кубани и в Ставрополье был высокий уровень учета населения и полный его охват, высокий недоучет сельского населения был в горных национальных автономиях Северного Кавказа. В Дагестане также был учет неместных и неизвестных в городах, но попали ли в статистическую отчетность неместные и неизвестные в других регионах Северного Кавказа не установлено. Проведена оценка родившихся и умерших на Северном Кавказе по регионам с поправкой на недоучет. Показано, что на Дону, Кубани и в Ставрополье почти одновременно и одинаково наблюдается типичный «голодный» пик весны 1933 г. Установлено, что наиболее высокая смертность сельского населения была в Ставрополье, Кубань и юг Дона пострадали несколько меньше и еще в меньшей степени – север Дона. Определены очаги катастрофической смертности и убыли населения. В горных автономиях и причерноморских районах Кубани отмечен положительный естественный прирост сельского населения. Установлено, что смертность городского населения Северного Кавказа была не ниже смертности сельского, показана демографическая катастрофа в северокавказских городах, что опровергает мнение о том, что в период 1932–1933 гг. пострадало преимущественно сельское население. Показано отсутствие этнической компоненты демографической катастрофы на Северном Кавказе в период голода 1932–1933 гг., не прослеживается искусственность голода по какой-либо единой системе, организованной центральной властью. Смертность на Северном Кавказе имела зональный характер, ее величины, наиболее вероятно, определяются действиями местных властей, административными границами, эпидемическими либо природными факторами. Суммарные общие демографические потери Северного Кавказа в период голода 1932–1933 гг. от падения рождаемости оцениваются как 190 тыс. человек, а превышение смертности – 280 тыс. человек.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг.; рождаемость; смертность; демографические потери; Северо-Кавказский край; Азово-Черноморский край; Дагестанская АССР; Дон; Кубань; Ставрополье; республики Северного Кавказа.

Для цитирования: Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Северокавказского региона в период голода 1932–1933 годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 183-203. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-183-203. EDN: EDOFJP.

© Назаренко Н.Н., Башкин А.В., 2022

Original article

REGIONAL FEATURES OF BIRTH RATE AND MORTALITY IN THE NORTH CAUCASUS REGION IN THE FAMINE OF 1932–1933 YEARS

Nazar N. Nazarenko[1], **Anatoliy V. Bashkin**[2]

[1] South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, nnazarenko@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2425-3649

[2] Project «Historical materials» (http://istmat.org), Moscow, Russia, lost_empire@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1086-8690

Abstract. The article reviews the vital statistics analysis during the 1932–1933 famine in the North Caucasus region. It has been established that vital statistics registration high level and full population cover occurred in Don, Kuban' and Stavropol' regions high underestimating of rural population occurred in highlands national autonomies. The non-local and unknown identity residents' birth rate and mortality are registered in Dagestan, but for other regions, the registration of non-local and unknown identity residents and presence of these data in vital statistics has not ascertained. The estimation of birth rate and mortality has done for North Caucasus by regions with underestimating correction. It has been shown that characteristic famine peak occurred in 1933 year spring in Don, Kuban' and Stavropol' regions at the same time and almost equally. The most high mortality of rural population was in Stavropol' region, regions of Kuban' and southern Don were losses rather fewer and fewer losses regions of north Don. It has been detected the regions of catastrophic mortality and catastrophic of natural loss of population. The natural increase of rural population was in highlands national autonomies and Black Sea seaside regions of Kuban. It has been ascertained, that urban population mortality of North Caucasus was not low mortality than country. It has been shown the demographic catastrophe in North Caucasus cities and towns, which disprove sociocide of country people (Cossacks) hypothesis in examined region during the 1932–1933 famine. It has been demonstrated absence of ethnocide (genocide) in North Caucasus regions and famine artificiality by common plan and central authority organization. The mortality in North Caucasus had zonal allocation and was determined by local government response, natural, climate and epidemics conditions and administrative borders most likely. The total demographic losses due to decreased birth rate in North Caucasus regions in 1932–1934 came to 190000 persons and entire number of excess deaths – 280000 persons.

Keywords: famine of 1932–1933 years; birth rate; mortality; demographic losses; North Caucasus Krai; Azov – Black Sea Krai; Dagestan ASSR; Don; Kuban'; Stavropol'; North Caucasus republics.

For citation: Nazarenko N.N., Bashkin A.V. Regional features of birth rate and mortality in the North Caucasus region in the famine of 1932–1933 years. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 183-203. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-183-203. EDN: EDOFJP.

© Nazarenko N.N., Bashkin A.V., 2022

Введение

Северный Кавказ как наиболее пострадавший от голода 1932–1933 гг. регион рассматривался еще в ранних исследованиях по демографии довоенного периода СССР, которые начали появляться в первой половине 90-х гг. XX в.

[Андреев и др. 1993: 42]. К регионам с отрицательным естественным приростом населения кроме Азово-Черноморского и Северо-Кавказского края был отнесен и Дагестан [Андреев и др. 1993: 47]. Одной из первых работ по голоду 1932–1933 гг. на Северном Кавказе была монография Е.Н. Осколкова [Осколков 1991], где приводятся сведения о количестве смертей от голода по отдельным населенным пунктам и хозяйствам региона, и указывается, что голод охватил 44 района края, 20 из которых были «неблагополучными», а 13 – «особо неблагополучными» [Осколков 1991: 73]. В работе приведены данные о значительном числе голодающих беженцев и эпидемии среди них сыпного и брюшного тифа [Осколков 1991: 76]. В другой работе Е.Н. Осколков приводит уже 48 (64 % от общего количества) голодающих районов – 20 кубанских, 14 донских, 13 ставропольских и 1 адыгейский [Осколков 1995: 115]. Дается помесячная динамика умерших за 1932 и 1933 гг. и общее число родившихся и умерших – 123 108 и 424 437, соответственно [Осколков 1995: 119]. «Избыточная» смертность в Северо-Кавказском крае с июля 1932 по декабрь 1933 гг. оценивается в 350 тыс. человек или 4 % населения края [Осколков 1995: 119]. К демографическим потерям относятся также более 270 тыс. человек репрессированных и высланных [Осколков 1995: 120].

Данные Е.Н. Осколкова применяются в других работах по голоду 1932–1933 гг. на Северном Кавказе. Например, В.В. Кондрашин с их помощью оценивает «избыточную» смертность и общие потери с депортированными и репрессированными в количестве 620 000 человек (8 % населения) [Кондрашин, Пеннер 2002: 216–217, 230; Кондрашин 2018: 259–260, 324, 325].

Н.А. Ивницкий, ссылаясь на Е.Н. Осколкова, указывает на гибель от голода «около одного миллиона человек» [Ивницкий 2009: 224]. В монографии «Население России в XX веке» также указывается, что Е.Н. Осколков остановился на оценке жертв голода 1 млн. чел., предложенной Р. Конквестом [Население… 2000: 275]. Вместе с тем Е.Н. Осколков приводит эти данные с оговоркой, что западные исследователи считают ее преувеличенной [Осколков 1991: 80].

Е.А. Осокина, согласно отчетных данных Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР, приводит данные об убыли городского населения Северо-Кавказского края 63,8 (63,9), а сельского – 214 (227,1) тыс. человек [Осокина 1991: 19, 20]. По-видимому, эти сведения приведены в границах края 1932 г. вместе с Дагестанской АССР и данными по сельской местности Чечни и Ингушетии [Осокина 1991: 19]. Также автором отмечена высокая убыль городского населения Северного Кавказа (2,5 %) [Осокина 1991: 20].

Отрицательный естественный прирост на Северном Кавказе в 1933 г. отмечает В.Б. Жиромская – 38,5 ‰ в Северо-Кавказском и 35,5 ‰ в Азово-Черноморском крае при смертности в селах 68 и городах 36 ‰ и 60 и 42 ‰, соответственно [Жиромская 2009: 96]. Эти данные несколько отличаются от данных из других работ и приведены в процентах (возможно, техническая ошибка, которая привела к искусственному завышению в 10 раз) – 38,6 % в Северо-Кавказском и 37 % в Азово-Черноморском краях при смертности в селах 68,1 %

и городах 36,6 % и 59,5 и 42 %, соответственно [Жиромская 2013: 653]. Также отмечается отрицательный прирост городского населения (2,2 %) в Азово-Черноморском крае в 1934 г. [Жиромская 2009: 97]. Потери от убыли населения между переписями 1926 и 1937 гг. составили, по расчетам автора, 0,7 % всего и 20,8 % сельского населения в Азово-Черноморском крае и 4,1 % и 15,3 %, соответственно, в Северо-Кавказском крае [Жиромская 2009: 99; Жиромская 2013: 652]. Исходя из данных об убыли и смертности, больше пострадал Северо-Кавказский край в границах 1933 г., чем Азово-Черноморский, а по оценкам переписей населения – наоборот, Азово-Черноморский. Для городского населения видны такие же отличия – при более высокой смертности в городах Азово-Черноморского края убыль между переписями городского населения меньше, чем в Северо-Кавказском. В приведенных публикациях это не объясняется.

Оценку потерь населения Северного Кавказа по переписям 1926 и 1937 гг. предложил В.В. Кондрашин, указывая на сокращение сельского населения на 20,4 % [Кондрашин 2014: 283]. Он же дал свою оценку на основе анализа данных по учету населения по сельскохозяйственному налогообложению: с 01.01.1933 г. по 01.01.1935 г. численность сельского населения сократилась в Азово-Черноморском крае на 22 % и Северо-Кавказском на 10 % [Кондрашин 2014: 285]. Отметим, что начальник сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ СССР С. Каплун еще в 1933 г. указывал, что данные налогового учета не могут непосредственно использоваться в оценках населения, поскольку не обеспечивают полноту учета и отражают результаты миграции [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 174].

Р. Дэвис и С. Уиткрофт указывают, что на Северном Кавказе в 1932 г. умерло 180 458 (19,4 на 1000 населения), а в 1933 г. – 416 664 (44,5) человек [Davies, Wheatcroft 2004]. Включен ли в эти цифры Дагестан, не оговаривается. Отмечен рост смертности в деревнях Северного Кавказа с сентября 1932 г. с превышением «нормы» в 7 раз к июню 1933 г. и приводятся данные Е.Н. Осколкова по пострадавшим от голода районам [Дэвис, Уиткрофт 2011: 417]. «Избыточная» смертность на Северном Кавказе составляла 0,04 в 1932 г. и 0,27 млн. человек в 1933 г. [Дэвис, Уиткрофт 2011: 422.]. С. Уиткрофт указывал на пик смертности сельского населения на Северном Кавказе около 100, а городского – 70 чел. на 1000, и на очень высокий уровень смертности до сентября в городах и до октября 1933 г. в селах [Уиткрофт 2013: 754–755].

С.А. Нефедов использует данные Р. Дэвиса и С. Уиткрофта при проведении своих расчетов. Беря за «норму» среднее число умерших в 1930–31 гг., потери на Северном Кавказе в 1932–1933 гг. рассчитаны им в 261 000 человек или 2,8 % населения Северного Кавказа [Нефедов 2013: 47; Нефедов 2017: 270].

Оценка потерь от голода на Северном Кавказе была предпринята американо-украинской группой демографов и историков в 2020 г. [Levchuk et al 2020]. Ранее мы публиковали критику применявшейся ими методики [Назаренко, Башкин 2021: 190–191]. Для Северного Кавказа с целью «более точной оценки потерь от голода», ими был выделен «субрегион» Krasnodar kraj, остальная часть названа North Caucasus [Levchuk et al 2020: 3], к которому, судя по карте, отнесен и Дагестан [Levchuk et al 2020: 8]. Указано, что выбирались структуры

для 1926–1939 гг. [Levchuk et al 2020: 3], но Краснодарский край образован в сентябре 1937 г. Для Krasnodar kraj не указано, как рассчитывалась рождаемость и смертность на основе данных по Северо-Кавказскому краю до 1932 г. и Азово-Черноморскому краю с 1933 г. Также ими не было показано, как анализировалась миграционная статистика 1926–1939 гг., поскольку миграция между «Krasnodar kraj» и «North Caucasus» до 1932 г. была внутри Северо-Кавказского края и могла не попасть в отчеты, а в 1933–37 гг. – это миграция между краями и могла учитываться лишь частично. Поэтому непонятно, как выделение «Krasnodar kraj» дает «более точную» оценку? Возможно, так авторы пытаются обосновать «субнациональный уровень» (at the subnational level) голода. Поскольку в современной украинской парадигме Кубань считается этнически украинской и на Кубани наблюдался очаг катастрофической смертности, видимо, таким способом они пытаются обосновать «голодомор – украинский геноцид» на Кубани в РСФСР.

Вопросы есть к потерям от голода. В демографии обычно число умерших за год относится к годовому населению. Авторами общее число «избыточно» умерших за 1932–1934 гг. суммируется и делится на «среднегодовую» численность населения 1933 г. [Levchuk et al 2020: 5] – величина за три года относится к годовой, из-за чего относительная смертность искусственно завышается. Неудивительно, что «Krasnodar kraj» отнесен к первой группе регионов с наивысшими потерями в 1933 г. (389,5 тыс. или 122,9 на 1000 населения) – «потери» превышают смертность в Азово-Черноморском крае (287 253 чел.) и сопоставимы с умершими на Северном Кавказе (405 485 человек [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21]). Такие рассчитанные «потери» характеризуют, скорее, неадекватность моделирования американо-украинской группой.

В рассмотренных региональных исследованиях по Северному Кавказу также наблюдаются разночтения в оценках потерь. Во-первых, приводятся завышенные оценки Р. Конквеста потерь до 1 млн. человек [Кропачев 2009: 80; Ракачева 2011: 93; Токарева 2014: 23], иногда с указанием на то, что это предположение «на основе косвенных данных» [Ракачев 2009: 136; Ракачев 2012: 134]. Публикуются оценки Е.Н. Осколкова (и из монографий В.В. Кондрашина) [Кропачев 2009: 80; Осадченко, Руднева 2012: 97; Гадицкая 2018: 46], Е.А. Осокиной и Р. Дэвиса и С. Уиткрофта [Ракачев 2009: 135, 136; Ракачев 2012: 134; Чернопицкий 2002: 32; Семенько, Панарина 2021: 101], иногда без ссылок на источники, с ошибками авторства оценок, упоминанием «голодомора» и указаний в качестве числа жертв голода общего числа умерших. География голода также дается по Е.Н. Осколкову [Кропачев 2009: 79; Ракачев 2009: 131; Ракачев 2012: 133; Иванцов 2009: 40].

Таким образом, вопрос естественного движения населения Северного Кавказа и география голода 1932–33 гг. представляется по работам начала 90-х гг. XX в. и рассматривается на уровне крупных административно-территориальных единиц. При этом детально не прояснены региональные особенности рождаемости и смертности, в т. ч. городской и порайонной, особенно на Дону и в республиках Северного Кавказа.

Целью данной работы является оценка региональных особенностей есте-

ственного движения населения в период голода 1932–1933 гг. на Северном Кавказе: Азово-Черноморский край (включая Адыгею), Северо-Кавказский край (включая северокавказские республики) и Дагестан.

Методология и методы исследования

Методологической основой работы являются общенаучные принципы историзма, научного сравнения, анализа и синтеза, а также метод типологизации. С учетом специфики данных, использованы демографо-статистические методы исследования.

Источниковой базой исследования являлись отчетные документы из фонда Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР, сохранившиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Во-первых, это сводные отчеты по форме А, которые местные управления в течение 1934 г. передавали в ЦУНХУ, за 1933 г. по Северному Кавказу по форме А найден отчет по городам Дагестана [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 123]. Во-вторых, это обобщенные данные конъюнктурных отчетов (исчисленные на основе месячных отчетов Загсов и местных статистических управлений) по Северному Кавказу [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 114, 116]. Наконец, сводные отчеты по форме 1-а, в которых есть порайонные итоги естественного движения населения по городам и сельской местности на основе годовых разработок отчетов Загсов и районных статуправлений. По форме 1-а сохранились отчеты по Северо-Кавказскому краю [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98], Дагестанской АССР [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37об.] и Азово-Черноморскому краю [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 75–78].

Для визуализации и региональной оценки особенностей демографических процессов на Северном Кавказе использовались методы геоинформационного картографирования [Wheatcroft at al 2013; Wheatcroft at al 2013a; Назаренко, Башкин 2021], дающие возможность более точной оценки географии и очагов рождаемости и смертности. Рассчитанные нами по отчетам 1-а показатели рождаемости и смертности населения на 1000 чел. вносились в базу и привязывались к картографической основе (административно-территориальное устройство на отчетный 1934 г.) в пакете ArcGIS. Для сопоставления региональных особенностей очагов голода при классификации районов использовалась шкалы, принятые для Нижнего Поволжья [Назаренко, Башкин 2021: 197].

Результаты и обсуждение

С. Уиткрофт полагает, что первичная регистрация населения в РСФСР 30-х гг. XX в. была достаточно полной и данные статистических органов можно использовать в исследованиях [Уиткрофт 2013: 766]. Первичный учет велся Загсами при местных городских и сельских советах. Е.Н. Осколков указывает, что в результате Великой Отечественной войны, реорганизаций и «перетасовки» эти данные в значительной степени были утрачены [Осколков 1991: 72]. Однако, как указывалось выше, местные управления в течение 1934 г. передавали в ЦУНХУ сводные отчеты по форме А и 1-а, в которых есть порайонные итоги естественного движения населения по городам и сельской местности на

основе годовых разработок отчетов загсов и районных статуправлений. Оценка неполноты охвата и недоучета населения нами выполнялась по окончательным годовым разработкам в форме 1-а (табл. 1).

Города и городские поселки Северного Кавказа были полностью охвачены системой учета. Число горсоветов сопоставимо с числом городских ЗАГСов (в Азово-Черноморском крае их было 45 [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 78], больше числа горсоветов). Нет данных по городам Беслану, Дарг-Коху, Садону и Назрани [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97об., 98]. Недоучет по Азово-Черноморскому краю (табл. 1) – не присланный один месячный отчет п. Лихая (ныне микрорайон г. Каменск-Шахтинский Ростовской области).

Сельская местность равнинной и предгорной части Северного Кавказа также была полностью охвачена системой учета (1263 загса по Азово-Черноморскому краю [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19., Л. 78] сопоставляется с числом сельсоветов). Проблемными районами были: Виноделенский (62 % недоучета) и Георгиевский (23) Ставрополья [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98] и Туапсинский (46), Кропоткинский (40), Калмыцкий (23), Верхне-Донской и Армянский (по 22), Адыгея (16,7) Азово-Черноморского края [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 75–78]. Недоучет сельского населения объясним кризисной ситуацией, но он не высокий.

Таблица 1

Недоучет естественного движения населения Северного Кавказа (1933 г.)

Регион		Число советов[1] (загсов)	Население (на 01.01.1933), тыс. чел.	Загсо-месяцев[2]		Среднегодовое население, тыс. чел.		Недоучет, %	
				всего	отчетное	всего	Отчетное	загсы	Население
Азово-Черноморский край[3]	город	33	1643,2	–	455	1680,845	1680,464		0
	село	930	3716,6	–	10279	3155,413	2893,002		8,3
Северная область[4]	город	4	88,3	84	84	70,674	70,674	0	0
	село	232	558,3	–	2598	540,337	482,122		10,8
Адыгейская АО	город[5]		0,7						
	село	43	135,7	–	419	128,750	107,312		16,7
Северо-Кавказский край[3]	город	10	286,1	180	180	283,528	283,528	0	0
	село	307	1299,2	3732	3473	1182,9	1038,574	6,9	12,2
Кабардино-Балкарская АО	город	2	32,0	36	36	31,614	31,614	0	0
	село	108	247,3	1296	627	241,750	122,778	51,6	49,2
Карачаевская АО	город	1	2,9	12	12	3,104	3,104	0	0
	село	41	100,1	492	267	97,2	53,685	44,8	44,8
АО Северная Осетия	город	1	118,8	48	12	118,742	112,979	75,0	4,9
	село	70	166,8	900	193	169,750	55,987	78,6	67,0
Черкесская АО	город	1	23,4	12	12	23,369	23,369	0	0
	село	39	56,4	468	344	52,8	41,986	20,5	20,5
Чечено-Ингушская АО[6]	город	2	206,2	72	60	203,529	201,758		
	село	212	433,2	2556		442,4			
Дагестанская АССР	город	7[7]	150,6	72	72	156,5	156,5	0	0
	село	604	798,6	7248	3317	789,5[8]	392,4[8]	54,2	49,7

Примечание. Составлено и рассчитано по [Административно-территориальное… 1934: 108–127; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37об., 75–78].

[1] – по городам в т.ч. рабочие поселки; [2] – прочерк: часть данных не читаемо из-за качества копии документа; [3] – без автономий; [4] – рассчитано по районным данным; [5] – в отчете

города не указаны; [6] – в отчете Чеченская и Ингушская АО указаны отдельно, нет данных по Ингушетии и по сельской местности Чечни; [7] – разница, возможно, связана с включением в г Махач-Калу п. Петровск-Кавказский; [8] – по районам 790,4 и 397,4 тыс. человек.

Национальные автономии Северного Кавказа характеризуются 100 % охватом загсами сельских советов. Но отсутствуют данные по Чечне и Ингушетии, высокий недоучет в Черкесской АО (20 %,) в Кабардино-Балкарии и Карачаевской АО (более 40) и в Северной Осетии (67). В сельской местности Дагестана недоучет был почти 50 % населения, и превышал 40 % в большинстве районов. Проблемные районы: Курахский (71%), Табасаранский (80), Махач-Калинский (82) и Дербентский (94), нет данных по Кайтакскому району [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37об.].

Отчетные показатели рождаемости составили: Азово-Черноморский край – 24 849 чел. в городах и 64 870 в сельской местности, Северо-Кавказский край – 10 514 и 28 965, соответственно, Дагестан – 3 111 и 6 552, соответственно [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37 об., 78]. Всего – 138 861 чел. (38 474 в городах и 100 387 в селах). Смертность: Азово-Черноморский край – 73 929 чел. в городах и 213 324 в сельской местности, Северо-Кавказский край – 24 050 и 94 182, Дагестан – 4 264 и 6 915, соответственно [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37об., 78]. Всего – 416 664 чел. (102 243 в городах и 314 421 в селах). Смертность превышала рождаемость. Именно эти данные попали в общий отчет, помесячную динамику за 1933 г. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 8, 82–83, 87–88] и в динамические ряды, в связи с переписью 1939 г. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21]. Проблема в том, что это данные **без поправки на недоучет**.

Исходя из краевых отчетов по форме 1-а, данные нами пересчитаны с поправкой на недоучет (табл. 2). Также досчитано число рожденных и умерших в Чечне и Ингушетии и Кайтакском районе Дагестана. Для городов взята средняя рождаемость и смертность близких г. Орджоникидзе (Владикавказ), Грозный и Гудермес [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 98] – 27,0 и 43,4 на 1000 населения. Оценка числа рожденных в Назрани составила 50, Беслане – 90, Садоне – 60, Дарг-Кохе – 20 чел., а умерших – 80, 140, 90 и 30 чел., соответственно. Для сельской местности Чечни и Ингушетии взята средняя рождаемость и смертность по автономиям Северо-Кавказского края [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97 об. – 98] – 31,7 и 24,5 на 1 000 населения. В сельской местности Ингушетии оценка числа рожденных составила 2 510, а умерших – 1 940 человек, Чечни – 11 520 и 9 000 человек, соответственно. Для Кайтакского района Дагестана взяты средние рождаемость и смертность по соседним Табасаранскому, Коркмас-Калинскому и Дахадаевскому районам – 11,9 и 15,2 на 1 000 населения, соответственно [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37об.]. В Кайтакском районе оценочно родилось 280, а умерло 360 человек.

С поправками в Азово-Черноморском крае в городах родилось 24 854, а умерло 73 945 чел., что сопоставляется с пересчетом на 1935 г. (24 849 и 73 929) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14]. На селе родилось и умерло 71 210 и 233 805 чел., что тоже сопоставляется с пересчетом на 1935 г. (69216 и 227618)

[РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14]. По Северо-Кавказскому краю и Дагестану в городах с поправками родилось 10 734 и 3 110 человек, соответственно (всего 13 844), а умерло 24 390 и 4 264 (всего 28 654), что также сопоставляется с оценками на 1935 г. (13746 и 28591) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14]. В селах края и Дагестана родилось, по нашим оценкам, соответственно, 54 521 и 13 310 человек (67 831 всего), а умерло 124 334 и 14 112 человека (138 446 всего), что также сопоставляется с расчетами на 1935 г. (63 229 и 131 897) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14]. Естественная убыль населения по нашим оценкам в Азово-Черноморском крае – 211 686 чел., что выше оценок на 1935 г. (207 482), а по Северо-Кавказскому краю и Дагестану – 83 469 и 1 956 человек, суммарно – 85 425, что также выше расчетов на 1935 г. (83 513) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14].

Еще одной проблемой является оценка рождаемости и смертности населения, незарегистрированного по месту жительства (мигрантов). С. Уиткрофт пишет, что с 1933 г. загсы получили указания вести учет рождаемости и смертности только местных жителей и не учитывать неместных, пытаясь так скрыть скачок смертности, но на местах вопреки указанию неместных учитывали [Уиткрофт 2013: 721–722].

Таблица 2

Естественное движение населения Северного Кавказа в 1933 г.
(расчеты авторов)

Регион		Рождаемость			Смертность			Прирост
		Отчет	с недоучетом	на 1000	отчет	с недоучетом	на 1000	
Азово-Черноморский край[1]	город	23811	23816	14,2	70851	70867	42,2	-47051
	село	55111	60110	19,0	186697	203631	64,5	-143522
Северная область[2]	город	1038	–	14,7	3078	–	43,6	-2040
	село	7685	8613	15,9	22421	25128	46,5	-16515
Адыгейская АО	село	2073	2487	19,3	4206	5046	39,2	-2559
Северо-Кавказский край[1]	город	3557	–	12,5	13279	–	46,8	-9722
	село	21124	24060	20,3	87406	99552	84,2	-75493
Кабардино-Балкарская АО	город	606	–	19,2	1227	–	38,8	-621
	село	2230	4391	18,2	3144	6191	25,6	-1800
Карачаевская АО	город	60	–	19,3	26	–	8,4	34
	село	2461	4456	45,8	1147	2077	21,4	2379
АО Северная Осетия	город[3]	1885	2055	16,7	3548	3808	31,4	-1753
	село	2042	6191	36,5	1380	4184	24,6	2007
Черкесская АО	город	326	–	14,0	473	–	20,2	-147
	село	1108	1393	26,4	1105	1390	26,3	4
Ингушская АО	город[4]	–	50	27,0	–	80	43,4	-30
	село[4]	–	2510	31,7	–	1940	24,5	570
Чеченская АО	город	4080	–	20,2	5497	–	27,2	-1417
	село[4]	–	11520	31,7	–	9000	24,5	2520
Дагестанская АССР	город	3110	–	19,9	4264	–	27,2	-1154
	село	6552	13310[5]	16,5	6915	14112[5]	17,4	-802
	неизвестно	273			472			-199
Итого по Северному Кавказу	город	38698			102599			-63901
	село	139041			372251			-233210
	неизвестно	273			472			-199

Примечание к таблице 2. Составлено и рассчитано по [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37об., 75–78]. [1] – без автономий; [2] – рас-

считано по районным данным; [3] – в том числе оценки авторов; [4] – оценки авторов; [5] – включая оценку по Кайтакскому району.

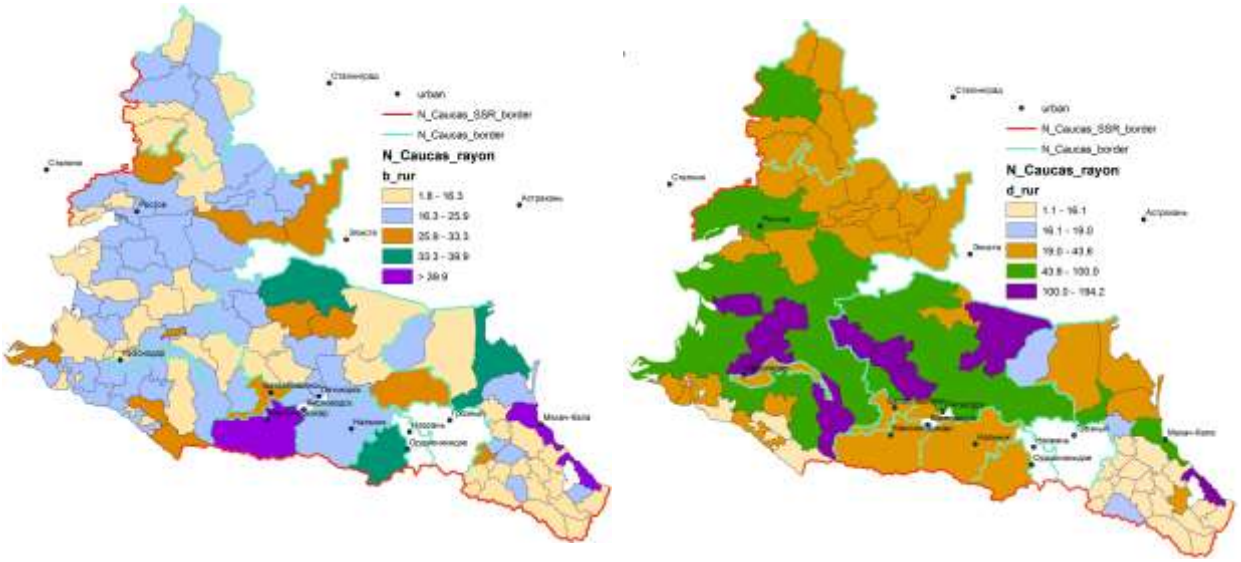
В записке начальника Московского городского УНХУ Шавтвалова и начальника сектора здравоохранения и населения Киркевича упоминается инструкция расчета рождаемости и смертности за 1933 г. «без внегородских и не указавших адреса» [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 2]. Но в записке упоминаний о сокрытии нет, а в приведенных динамических рядах за 1926–33 гг. указаны и общие данные с неместными и приезжими [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 3]. Форма отчета 1-а имела столбцы для родившихся, умерших и умерших до 1 года жителей, не являющихся постоянно проживающими в данной местности [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19.]. По Дагестану эти столбцы заполнены для городов, (родилось 273, умерло 472) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37 об.]. По Азово-Черноморскому и Северо-Кавказскому краям статистики эти графы, единственные по РСФСР, не заполнили [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 75–78]. В сводной ведомости движения населения для Северо-Кавказского края в этих графах стоят пометки «сведений нет» [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 45]. Были ли неместные и неизвестные учтены в общей статистике движения населения Дона, Кубани и Ставрополья – вопрос остается открытым.

Городская смертность на Северном Кавказе была крайне высокой. В Северной области (север современной Ростовской области) смертность в городах была сопоставима с сельской, а в горных автономиях она превышала сельскую (табл. 2). Городская смертность Дона, Кубани и Ставрополья сопоставима со Сталинградским краем [Назаренко, Башкин 2021: 198], что указывает на одинаковую ситуацию в городах разных регионов. Катастрофа городского населения была практически по всему Северному Кавказу (кроме Микоян-Шахара, ныне г. Карачаевск), а убыль городского населения почти в 64 тыс. человек сопоставима с исчезновением в 1933 г. такого города, как Ставрополь или Пятигорск. Поэтому теории о намеренном уничтожении голодом именно сельского населения не состоятельны, а крайне жесткие действия властей по обеспечению городов продовольствием становятся объяснимыми.

Наиболее пострадало в 1933 г. сельское население Ставрополья (смертность > 84 на 1000 населения – выше, чем в Саратовском крае [Назаренко, Башкин 2021: 198]), сельские Кубань и юг Дона пострадали несколько меньше (сопоставимо с Саратовским краем). Север региона – еще меньше, как и Адыгея (сопоставимо со Сталинградским краем). В сельской местности горных районов смертность была практически одинаковая по всем регионам и еще меньше. В большинстве национальных автономий был прирост сельского населения. Отрицательный прирост населения в Кабардино-Балкарии и Дагестане связан с низкой рождаемостью. Рождаемость была низкой и схожей почти во всех северокавказских регионах, за исключением Северной Осетии и Карачаевской АО.

Картографирование величин рождаемости показывает, что в сельской местности Северного Кавказа нет зональности или географической приуроченности числа родившихся (рис. 1: *А*). Рождаемость такая же низкая, как и нижне-

волжская [Назаренко, Башкин 2021: 197], но районов низкой рождаемости на Северном Кавказе больше. Крайне низкая рождаемость была в Дагестане. На Кубани самая низкая рождаемость была в сельской местности Греческого района (8,7 на 1000 населения) и территории в административном подчинении г. Краснодара (9,0), на Дону – Каменского (10,7) и Тарасовского (11,5), в Ставрополье – Невинномысского (14,0) и Прикумского (14,3) районов. Высокая рождаемость была в Северной Осетии (36,5), Карачаевской АО (45,8) и в районах у Калмыкии – донских Ремонтинском (28,5) и Пролетарском (27,6) и ставропольских Виноделенском (37,9) и Туркменском (36,4) и соседних Петровском (29,6) и Благодарненском (27,8). С чем это связано – требует дальнейших исследований. В Дагестане высокая рождаемость была в Махач-Калинском (40,4) и Дербентском (38,4) и русских национальных Кизлярском (35,7) и Шелковском (33,5) районах. Фактически, падение рождаемости зависело от местных особенностей.



А *Б*

Рисунок 1. Рождаемость (*А*) и смертность (*Б*) на 1000 чел. сельского населения Северного Кавказа в 1933 г.

Смертность на Северном Кавказе, как и на Нижней Волге [Назаренко, Башкин 2021: 197], характеризуется четкой зональностью (рис. 1: *Б*). В сельской местности Дона смертность была гораздо ниже, чем на Кубани и в Ставрополье, граница скачка смертности четко проходит по условной линии Ейск–Элиста, севернее которой находятся донские районы меньшей смертности, примыкающие к Сталинградскому краю. Исключение составляют два очага смертности: в Миллеровском и Леоно-Калитвинском районах он связан со столицей Северной области, а в Матвеево-Курганском, Новочеркасском и Мясниковском районах и территориях в административном подчинении гг. Таганрог и Ростов – регион у столицы края. Эти очаги подтверждают гипотезу С. Уиткрофта, что высокая смертность связана с тем, что местные власти усилили децентрализованные заготовки в прилегающих к городам сельских районах для обеспечения продовольствием городов [Уиткрофт 2013: 758].

Низкая смертность была в предгорьях и горах Северного Кавказа – горные

национальные автономии, Ессентукский район Ставрополья и в приморских причерноморских районах: Анапский, Крымский, Греческий, Новороссийский, Геленджикский, Туапсинский, Шапсугский, Сочинский и Армянский.

Катастрофическая смертность была на равнинной Кубани и в Ставрополье, (исключая Адыгею). Очаги катастрофы (>100 на 1000 населения): Каневский, Тихорецкий, Кореновский, Усть-Лабинский, Краснодарский и территория в административном подчинении г. Краснодар (самая высока смертность 194,2 на 1000 населения) на Кубани; Ново-Александровский, Курсавский и Ставропольский на Ставрополье. Смертность в них такая же, как в АССР Немцев Поволжья и прилегающих районах Саратовского края [Назаренко, Башкин 2021: 197]. Эти очаги также, вероятно, связаны с децентрализованными заготовками в прилегающих к гг. Краснодару и Ставрополю сельских районах. Катастрофическая смертность была в Лабинском районе Кубани и Прикумском Ставрополья. В Краснодарском, Каневском, Кореновском, Усть-Лабинском и Лабинском районах Кубани и Курсавском, Прикумском, Ново-Александровском и Ставропольском Ставрополья естественная убыль населения была > 90 ‰. Еще в 18 районах (из них 5 ставропольских) естественная убыль была выше 50 ‰.

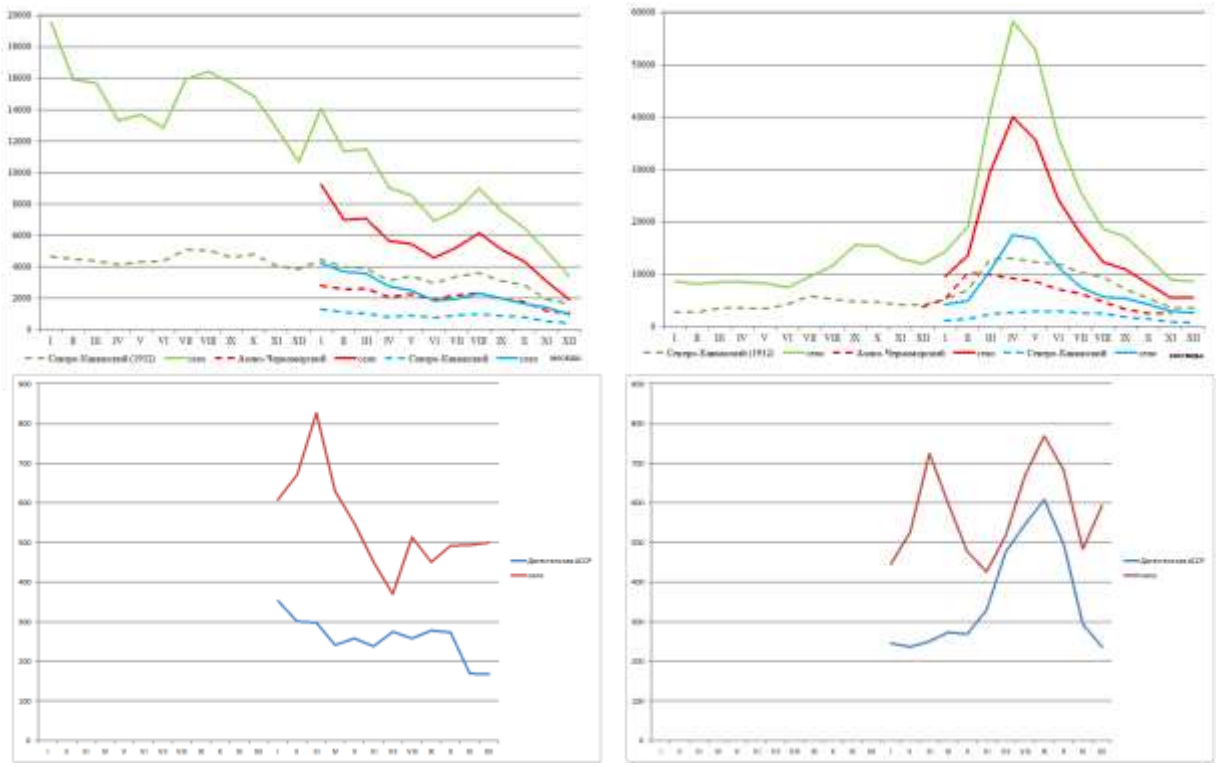
В Дагестане наименьшая смертность была в горных районах, в северном Дагестане (Караногайский, Кизлярский и Баба-Юртовский районы) смертность была выше и сопоставимой с севером Дона. При этом Ачикулакский район Дагестана, граничащий со ставропольским Прикумским районом с катастрофической смертностью, характеризуется низкой смертностью (18,1 на 1000). В Дагестане катастрофическая смертность была в прикаспийском Дербентском районе (100,9), и в соседнем столичном Махач-Калинском.

Естественный прирост населения был только в сельской местности причерноморских районов – Греческого, Туапсинского, Геленджикского, Шапсугского, Сочинского (18,3 ‰) и Армянского (20,1), в Северной Осетии (24,6), Туркменском районе Ставрополья (13,0) и Карачаевской АО (24,5). Почти нулевой естественный прирост (0,1) был в Черкесской АО. Более благополучная ситуация была в Дагестане: в 16 (преимущественно горных) районах был положительный естественный прирост населения. В подавляющем большинстве случаев в этих регионах низкая рождаемость компенсировалась низкой смертностью, либо высокую смертность компенсировала высокая рождаемость.

Не прослеживается какой-либо этнической приуроченности. Одинаково высокая смертность была везде, а ее скачки определяются административными (в пограничных с Украиной районах смертность даже была ниже) и природными границами. Очаги объясняются особенностями продовольственных заготовок в попытке спасти от голода города. Таким образом, смертность на Северном Кавказе имеет не этнический, а зональный характер и, вероятнее всего, связана, с действиями местных властей, либо с природными факторами, что требует дополнительных исследований.

Динамика рождаемости и смертности на Северном Кавказе в 1932–33 гг. по отчетным данным УНХУ оценивалась по Северо-Кавказскому краю [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 33; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 82–83, 87–88] без Дагестана, вынесенного за 1933 г. в отдельные графики – рис. 2.

Рождаемость (рис. 2: *А*) в 1932–33 гг. на Северном Кавказе схожа с нижневолжской [Назаренко, Башкин 2021: 196]. Есть сезонные пики июля–августа обоих годов, связанные с зачатиями конца предыдущего года, характерные для сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа. Северный Кавказ отличался более резким пиком рождаемости января (февраля в Дагестане) 1933 года и катастрофическим падением рождаемости за два года, сильнее, чем в Нижнем Поволжье – в 5 раз. Для городского населения эти пики также есть, но падение рождаемости в городах меньше (около 2 раз).



А *Б*

Рисунок 2. Динамика рождаемости (*А*) и смертности (*Б*) на Северном Кавказе в 1932–1933 гг. (чел.).

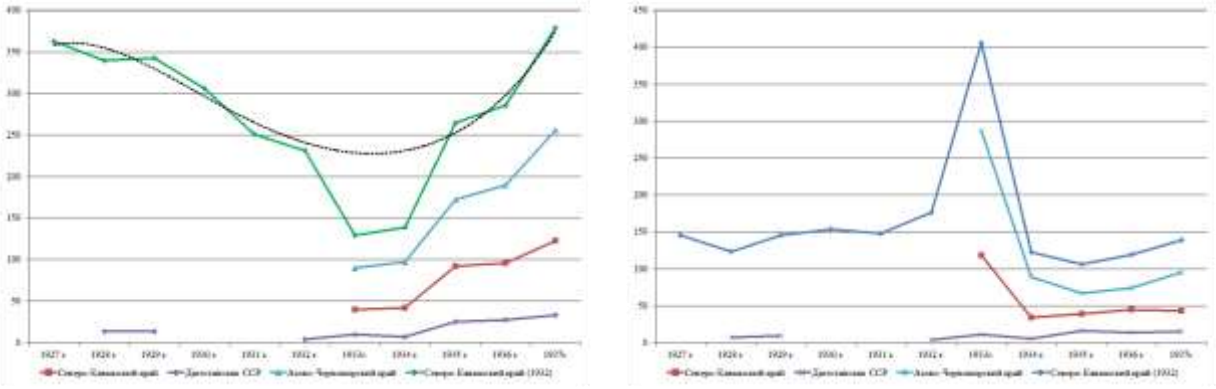
Рост смертности (рис. 2: *Б*) в сельской местности Северного Кавказа (как и в Нижне-Волжском крае) катастрофический (в 6 раз) [Назаренко, Башкин 2021: 196]. Но динамика резко отличается от нижневолжской. На Северном Кавказе в 1932 г. есть небольшой пик смертности сентября – октября. Голодом он не объясняется, поскольку только прошла уборочная и дальше смертность снизилась и, возможно, имеет эпидемическую причину. Смертность на Северном Кавказе росла скачком гораздо быстрее, чем на Нижней Волге, ее пик был в апреле 1933 г., после чего смертность резко стала падать (на Ставрополье она была высокая и в мае). На Дону, Кубани и в Ставрополье одновременно и одинаково наблюдается типичный «голодный» пик смертности начала весны, снижающийся с началом лета, в отличие от Нижней Волги, где пик смещен на лето. В отличие от нижневолжских городов, где рост в 2,5 раза был в марте – апреле с пиком смертности летом, в городах Дона и Кубани пик смертности (в 3 раза) был уже в феврале, после чего смертность упала, а в городах Ставрополья динамика смертности «сталинградская». Это может быть объяснено гипотезой

С. Уиткрофта – в связи с катастрофическим голодом в городах местные власти спасали городское население за счет окрестных сел, форсируя децентрализованные заготовки продовольствия. Смертность в городах упала, но резко выросла на селе и вокруг крупных городов возникли очаги катастрофической смертности. На Ставрополье крупных городов было меньше, находились они в более благополучном предгорье (г. Кисловодск и Пятигорск) и динамика смертности была другая, а катастрофический очаг возник только у г. Ставрополя. Такая принципиально разная динамика исключает гипотезу искусственного голода, организованного центральной властью – все определялось на местах.

Если принять месячную сельскую смертность (10 тыс. чел.) начала 1932 г. как «норму», то за 1933 г. «избыточная» смертность составила на селе около 197 тыс. человек. Для городов Северного Кавказа при «норме» начала 1932 г. 4 тыс. «избыточная» смертность за 1933 г. составит 5,5 тыс. человек. Всего – 202,5 тыс. умерших.

В Дагестане в 1933 г. в сельской местности было два пика смертности. Первый – двукратный мартовский, далее, смертность резко падает и в мае снижается до ниже январской. Этот пик отличается от «голодного» других регионов и, скорее всего, имеет эпидемическую природу, либо связан с горными природными условиями. Второй пик в сельской местности и в городах такой же двукратный сентябрьский с ростом смертей в июне и спадом к ноябрю 1933 г. Голодом он также не объясняется, и связан, скорее всего, с неблагоприятной эпидемической обстановкой, характерной для Дагестана в 30-е гг. XX в. [Нагиева 2016]. Вопрос эпидемий в Дагестане (особенно в Махач-Калинском и Дербентском районе) 1933 г. требует дополнительной проверки по данным первичного учета или медицинской статистики.

Динамический ряд 1927–37 гг. (рис. 3) дает общую оценку рождаемости и смертности (Азово-Черноморский край за 1936 и 1937 гг. – сумма Ростовской области и Краснодарского края) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 15–25].



А *Б*

Рисунок 3. Динамика рождаемости (*А*) и смертности (*Б*) на Северном Кавказе в 1927–1937 гг. (тыс. чел.), пунктиром показан тренд рождаемости.

Тренд падения рождаемости на Северном Кавказе (рис. 3: *А*) такой же, как и в Нижне-Волжском крае [Назаренко, Башкин 2021: 196]. Часто его связывают с массовой коллективизацией, которая вызвала социальную нестабильность и

падение уровня жизни [Нефедов 2013: 58]. Однако падение уровня жизни обычно сопровождается ростом смертности, которая на Северном Кавказе в 1927–31 гг. была стабильна (150 тыс. чел. ежегодно) (рис. 3: *Б*). Падение рождаемости без роста смертности мог вызвать распад семейных и социальных традиций в результате советской пропаганды, эмансипации женщин, роста грамотности и легализации абортов [Нефедов 2013: 58–59]. Судя по всему, эти процессы и шли в это время на Северном Кавказе.

Четко определяется «яма» 1933–34 гг., после чего рождаемость вернулась на уровень чуть выше 1932 г. и стала возрастать. Динамика рождаемости с 1933 г. по Азово-Черноморскому краю, новому Северо-Кавказскому (с 1936 г. – Орджоникидзевскому) краю и Дагестану одинакова. Для Дагестана «яма» не прослеживается, идет рост рождаемости, который может быть связан с улучшением системы учета населения. Тренд рождаемости без учета 1932–34 гг. (рис. 3: *А,* пунктир) для Северного Кавказа отличается от нижневолжского тем, что рождаемость 1932 г. находится на линии тренда. Фактически, на Северном Кавказе демографические потери от снижения рождаемости определяются в 1933 г. около 100 000 и в 1934 г. – 90 000 человек, всего – 190 000 человек.

Динамика смертности на Северном Кавказе (кроме Дагестана) идентична динамике Нижне-Волжского края [Назаренко, Башкин 2021: 196] – при практически линейном тренде с конца 20-х гг. XX в. есть небольшой рост 1932 г. и резкий пик смертности 1933 г., который сменился компенсационным падением 1934 г. (рис. 3: *Б*). На Нижней Волге смертность вернулась к уровню до 1932 г. на год раньше, на Северном Кавказе она выросла до уровня до голода в 1937 г. В Дагестане также прослеживается небольшой пик, но по динамике показана его неоднозначная связь с голодом. Для Северо-Кавказского края в границах 1932 г. превышение смертности над трендом в 1932 г. составляет около 25 000 человек, а в 1933 г. – 255 000 человек. Общее превышение смертности на Северном Кавказе – 280 000 человек (выше, чем оценки по динамике).

Выводы

Города и городские поселки Северного Кавказа в период голода 1932-1933 гг. были полностью охвачены системой учета, недоучет городского населения незначительный и отмечен по отдельным городам. В 1933 г. наблюдался небольшой недоучет в сельской местности на Дону, Кубани и в Ставрополье (от 8,3 до 12,2%), что не является критическим и объясняется кризисной ситуацией в регионе. Высокий недоучет был в селах национальных автономий Северного Кавказа, отсутствуют данные в Чечне и Ингушетии. Не установлено, были ли на Северном Кавказе учтены и попали ли в отчетные данные, родившиеся и умершие неместные жители и неизвестные. По городам Дагестана они были учтены и составляют 8,7 и 11% от рожденных и умерших жителей городов, соответственно.

По нашим оценкам в городах Северного Кавказа в 1933 г. родилось 38698 человек (24854 в Азово-Черноморском крае, 10734 – в Северо-Кавказском и 3110 – в Дагестане), а умерло 102599 человек (73945, 24390 и 4264, соответственно). Убыль городского населения составила около 64 тыс. человек. В

сельской местности Северного Кавказа в 1933 г. родилось 139041 человек (71210 в Азово-Черноморском крае, 54521 – в Северо-Кавказском и 13310 – в Дагестане), а умерло 372251 человек (233805, 124334 и 14112, соответственно). Убыль сельского населения составила более 233 тыс. человек. Показатели городской смертности на Северном Кавказе крайне высокие и в равнинных регионах сопоставимы со смертностью в сельской местности, а в горных национальных автономиях превышают сельскую. Таким образом, практически по всему Северному Кавказу в 1933 г. была демографическая катастрофа не только сельского, но и городского населения, что опровергает мнение о намеренном уничтожении именно крестьянства (казачества).

В сельской местности Дона, Кубани и Ставрополья было катастрофическое (пятикратное) падение рождаемости за два года и двукратное падение рождаемости в городах Северного Кавказа. На Дону, Кубани и в Ставрополье почти одновременно и одинаково наблюдается типичный «голодный» пик смертности начала весны 1933 г., с началом лета смертность падает до уровня предыдущего 1932 г. Наиболее в 1933 г. пострадало сельское население Ставрополья, Кубань и юг Дона пострадали несколько меньше и еще в меньшей степени – север Дона. Смертность сельского населения Ставрополья сопоставима со смертностью в другом очаге голода – Саратовском крае. В сельской местности горных национальных автономий смертность была значительно меньше. Динамика смертности в 1933 г. в Дагестане резко отличается, а высокая смертность и отрицательный прирост населения в отдельных дагестанских районах вероятнее всего объясняется эпидемическими причинами.

Естественный прирост населения отмечен только в сельской местности причерноморских районов Северного Кавказа, в Северной Осетии, Туркменском национальном районе Ставрополья, Карачаевской АО и в 16 районах Дагестана. Почти нулевой естественный прирост был в Черкесской АО. В этих регионах низкая рождаемость компенсировалась низкой смертностью, либо высокую смертность компенсировала высокая рождаемость.

Очагами катастрофической смертности (более 100 на 1000 населения) были на Кубани: Каневский, Тихорецкий, Кореновский, Усть-Лабинский, Краснодарский районы и территория в административном подчинении г. Краснодар (194,2), в Ставрополье: Ново-Александровский, Курсавский и Ставропольский районы. Краснодарский, Каневский, Кореновский, Усть-Лабинский и Лабинский районы Кубани и Курсавский, Прикумский, Ново-Александровский и Ставропольский районы Ставрополья характеризуются естественной убылью населения более 90‰. Еще в 18 районах (из них 5 ставропольских) естественная убыль была выше 50‰.

География смертности указывает на отсутствие какой-либо этнической компоненты демографической катастрофы 1933 г. Смертность на Северном Кавказе имеет зональный характер, ее величины в части случаев определяются административными границами и, вероятнее всего, связаны, с действиями местных властей, эпидемическими или природными факторами, что требует дополнительных исследований. Появление очагов демографической катастрофы на Северном Кавказе наиболее вероятно объясняется гипотезой

С. Уиткрофта, что в связи с катастрофическим голодом в городах местные власти спасали городское население за счет окрестных сел, форсируя децентрализованные заготовки продовольствия.

Смертность на Северном Кавказе и на Нижней Волге имеют разный характер, что исключает гипотезу искусственного голода по какой-либо единой системе, организованной центральной властью.

Суммарные общие демографические потери населения Северного Кавказа от падения рождаемости составили порядка 190 тыс. человек, а общее превышение смертности – 280 тыс. человек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Административно-территориальное… 1934 – *Административно-территориальное* деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.). – М.: Власть советов, 1934. – 359 с.

Андреев и др. 1993 – *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Д.* Население Советского Союза, 1922–1991 гг. – М.: Наука, 1993. – 139 с.

Гадицкая 2018 – *Гадицкая М.А.* Голод в колхозной деревне юга России: стратегии выживания в 1932 – 1933 годах // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2018. – №. 4. – С. 41–47. DOI: 10.23683/0321-3056-2018-4-41-47.

Дэвис, Уиткрофт 2011 – *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. – М.: Росспэн, 2011. – 543 с.

Жиромская 2009 – *Жиромская В.Б.* Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – №14. – С. 92–101.

Жиромская 2013 – *Жиромская В.Б.* Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. – М.: МФД, 2013. – С. 651–662.

Иванцов 2009 – *Иванцов И.Г.* Голод на Северном Кавказе в 1933 г. // Социально-гуманитарный вестник. – 2009. – Вып. 1. – Краснодар: Издательство Краснодарского ЦНТИ. – С. 40–44.

Ивницкий 2009 – *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. – М.: Собрание, 2009. – 288 с.

Кондрашин 2014 – *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 350 с.

Кондрашин 2018 – *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: РОССПЭН, 2018. – 566 с.

Кондрашин, Пеннер 2002 – *Кондрашин В., Пеннер Д.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). – Самара–Пенза: Изд. СГУ–ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2002. – 432 с.

Кропачев 2009 – *Кропачев С.А.* О масштабах голода на Кубани в начале 1930-х годов // Голос минувшего. – 2009. – № 1–2. – с. 75–82.

Нагиева 2016 – *Нагиева М.К.* Создание санитарно-эпидемиологической службы в Дагестане (20 – 30-е гг. XX века) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 8 (112). – С. 240–243.

Назаренко, Башкин 2021 – *Назаренко Н.Н., Башкин А.В.* Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, – №2. – С. 189–199. DOI: 10.17816/snv2021102210.

Население… 2000 – *Население* России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. – М.: Росспэн, 2000. – 463 с.

Нефедов 2013 – *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – 283 с.

Нефедов 2017 – *Нефедов С.А.* Уровень жизни населения и аграрное развитие России в

1900–1940 годах. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 432 с.

Осадченко, Руднева 2012 – Осадченко Е.В., Руднева С.Е. Голод на Кубани 1932 – 1933 гг. // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 1. – С. 96–98.

Осколков 1991 – *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1991. – 96 с.

Осколков 1995 – *Осколков Е.* Голод 192 – 1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини та наслідки: матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 9–10 вересня 1993 р. – Київ: Інститут Історії НАН України, 1995. – С. 113–123.

Осокина 1991 – *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18–26.

Ракачев 2009 – *Ракачев В.Н.* Государственная политика хлебозаготовок 1932 – 1933 гг. на Кубани и ее демографические последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932-1933 г. Материалы научно-практической конференции / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. – Краснодар: Традиция, 2009. – С. 129–140.

Ракачев 2012 – *Ракачев В.* Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. – 2012. – № 7. – С. 131–134.

Ракачева 2011 – *Ракачева Я.В.* Голод 1932–1933 гг. на Кубани и его демографические масштабы и последствия // Историческая демография. – 2011. – № 1 (7). – с. 93.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

Семенько, Панарина 2021 – Семенько С.П., Панарина Е.В. Реализация демографической политики советского государства на Кубани в 1930-е гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1. – С. 101–108.

Токарева 2014 – *Токарева Н.А.* Голод 1932 – 1933 годов на Украине и на Северном Кавказе // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 6. – С. 22–31.

Уиткрофт 2013 – *Уиткрофт С.* Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. – М.: МФД, 2013. – С. 719–771.

Чернопицкий 2002 – *Чернопицкий П.Г.* Голод 1932 – 1933 г. на Кубани // Родная Кубань. – 2002. – № 3. – С. 26–32.

Davies, Wheatcroft 2004 – *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933. 2004. URL: https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger. (date of access: 25.03.2022).

Levchuk et al 2020 – *Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N.* Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia // Nationalities Papers. – 2020. – P. 1–21. DOI: 10.1017/nps.2019.55.

Wheatcroft at al 2013 – *Wheatcroft S.G., Garnaut A., Leikin I.* Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and ex-plaining the raion patterns // Голод в Україні у першій половині XX століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада 2013 р. – Київ, 2013. – С. 219–226.

Wheatcroft at al 2013a – *Wheatcroft S.G., Garnaut A., O'Grada C., Bishop I.* Mapping and evaluating the major famines of modern times // Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. – 2013. – P. 11–12.

REFERENCES

Administrativno-territorial'noe delenie Soyuza SSR (na 15 iyulya 1934 g.) [Administrative and territorial division of Union of SSR (at the 15 July 1934)]. – M.: Vlast' sovetov, 1934. – 359 p. (In Russ.).

ANDREEV E.M., DARSKII L.E., KhAR'KOVA T.D. *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991 gg* [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. – M.: Nauka, 1993. – 139 p. (In Russ.).

CHERNOPITSKII P.G. *Golod 1932 – 1933 g. na Kubani* [Famine of 1932-1933 in the Kuban]. IN: Rodnaya Kuban'. – 2002. – № 3. – P. 26–32. (In Russ.).

DAVIES R.W., WHEATCROFT S.G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933. 2004. URL: https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger. (date of access: 25.03.2022).

DAVIES R.W., WHEATCROFT S.G. *Gody goloda: Sel'skoe khozyaistvo SSSR, 1931–1933* [The Years of hunger: Soviet agriculture, 1931 – 1933. Rus. Ed.]. – M.: ROSSPEN, 2011. – 543 p. (In Russ.).

GADITSKAYA M.A. *Golod v kolkhoznoi derevne yuga Rossii: strategii vyzhivaniya v 1932 – 1933 godakh* [Famine in a collective farm village in southern Russia: survival strategies in 1932-1933]. IN: Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. – 2018. – № 4. – P. 41–47. DOI: 10.23683/0321-3056-2018-4-41-47. (In Russ.).

IVANTSOV I.G. *Golod na Severnom Kavkaze v 1933 g.* [Famine in the North Caucasus in 1933]. IN: Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik. – 2009. – Vol. 1. – Krasnodar: Krasnodar TsNTI. – P. 40–44. (In Russ.).

IVNITSKII N.A. *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga region, Central-Chernozem oblast, Western Siberia, Ural]. – M.: Sobranie, 2009. – 288 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoi pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.)* [Soviet grain procurement policy during the first 5-year plan and its results (1929–1933)]. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. – 350 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiiskoi derevni. 2-e izd., dop. i pererab* [Famine of 1932–1933 years: the tragedy of the Russian village. 2nd ed.]. – M.: ROSSPEN, 2018. – 566 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V., PENNER D. *Golod: 1932–1933 gody v sovetskoi derevne (na materialakh Povolzh'ya, Dona i Kubani)* [Famine: 1932-1933 in the Soviet countryside (based on materials from the Volga region, Don and Kuban)]. – Samara–Penza: SGU–PGPU, 2002. – 432 p. (In Russ.).

KROPACHEV S.A. *O masshtabakh goloda na Kubani v nachale 1930-kh godov* [On the scale of famine in the Kuban in the early 1930s]. IN: Golos minuvshego. – 2009. – № 1–2. – P. 75–82. (In Russ.).

LEVCHUK N., WOLOWYNA O., RUDNYTSKYI O., KOVBASIUK A., KULYK N. *Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia.* IN: Nationalities Papers. – 2020. – P. 1–21. DOI: 10.1017/nps.2019.55.

NAGIEVA M.K. *Sozdanie sanitarno-epidemiologicheskoi sluzhby v Dagestane (20–30-e gg. KhKh veka)* [Creation of a sanitary and epidemiological service in Dagestan (20-30s of the twentieth century)]. IN: Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2016. – № 8 (112). – P. 240–243. (In Russ.).

Naselenie Rossii v XX veke. V 3-kh t. T. 1 [Population of Russia in XX century. In 3 vol. Vol. 1]. – M.: ROSSPEN, 2000. – 463 p. (In Russ.).

NAZARENKO N.N., BASHKIN A.V. *Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Nizhnego Povolzh'ya v period goloda 1932–1933 godov* [Regional features of birth rate and mortality in the Lower Volga region in the famine of 1932–1933 years]. IN: Samara Journal of Science. – 2021. – Vol. 10, – № 2. – P. 189–199. DOI: 10.17816/snv2021102210. (In Russ.).

NEFEDOV S.A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoi kollektivizatsii* [Agrarian and demographic results of Stalin's collectivization]. – Tambov: TGU, 2013. – 283 p. (In Russ.).

NEFEDOV S.A. *Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh* [The standard of living of the population and the agrarian development of Russia in 1900-1940]. – M.: RANKhiGS, 2017. – 432 p. (In Russ.).

OSADCHENKO E.V., RUDNEVA S.E. *Golod na Kubani 1932 – 1933 gg.* [Famine in the Kuban 1932-1933]. IN: Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. – 2012. – № 1. – P. 96–98. (In Russ.).

OSKOLKOV E.N. *Golod 1932/1933. Khlebozagotovki i golod 1932/1933 goda v Severo-Kavkazskom krae* [The Famine of 1932/1933. Grain procurements and famine of 1932/1933 in the North Caucasus Region]. – Rostov-on-Don: Rostov universitet, 1991. – 96 p. (In Russ.).

OSKOLKOV E. *Golod 192 – 1933 gg. v zernovykh raionakh Severo-Kavkazskogo kraya* [Famine of 192-1933 in grain areas of the North Caucasus Region]. IN: *Golodomor 1932–1933 rr. v Ukrai'ni: prychyny ta naslidky: materialy mizhnarodnoi' naukovoi' konferencii'. Kyi'v, 9–10 veresnja 1993 r.* [Holodomor of 1932-1933 in Ukraine: causes and consequences: Proceedings of the international scientific conference. Kiev, September 9-10, 1993] – Kyi'v: Institut Istoriyy NAN Ukrai'ny, 1995. – P. 113–123. (In Russ.).

OSOKINA E.A. *Zhertvy goloda 1933 goda: skol'ko ikh? (Analiz demograficheskoi statistiki TsGANKh SSSR)* [Victims of the famine of 1933: how many of them? (Analysis of demographic statistics of the CGANH USSR)]. IN: Istoriya SSSR. – 1991. – № 5. – P. 18–26. (In Russ.).

RAKACHEV V.N. *Gosudarstvennaya politika khlebozagotovok 1932 – 1933 gg. na Kubani i ee demograficheskie posledstviya* [State grain procurement policy of 1932-1933 in the Kuban and its demographic consequences]. IN: *Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932-1933 g. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Historical memory of the population of the South of Russia about the famine of 1932-1933. Materials of the scientific and practical conference] / Ed. by N.I. Bondar, O.V. Matveev. – Krasnodar: Traditsiya, 2009. – P. 129–140. (In Russ.).

RAKACHEV V. *Golod i ego demograficheskie posledstviya kak rezul'tat gosudarstvennoi politiki khlebozagotovok na Kubani i Stavropol'e v 1930-kh gg.* [Famine and its demographic consequences as a result of the state policy of grain procurement in the Kuban and Stavropol in the 1930s.]. IN: Vlast'. – 2012. – № 7. – P. 131–134. (In Russ.).

RAKACHEVA Ya.V. *Golod 1932–1933 gg. na Kubani i ego demograficheskie masshtaby i posledstviya* [The famine of 1932-1933 in the Kuban and its demographic scale and consequences]. IN: Istoricheskaya demografiya. – 2011. – № 1 (7). – P. 93. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [*Russian State Archive of Economics*]. (In Russ.).

SEMEN'KO S.P., PANARINA E.V. *Realizatsiya demograficheskoi politiki sovetskogo gosudarstva na Kubani v 1930-e gg.* [Implementation of the demographic policy of the Soviet state in the Kuban in the 1930s.]. IN: Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2021. – № 1. – P. 101–108. (In Russ.).

TOKAREVA N.A. *Golod 1932 – 1933 godov na Ukraine i na Severnom Kavkaze* [Famine of 1932-1933 in Ukraine and the North Caucasus]. IN: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. – 2014. – № 6. – p. 22–31. (In Russ.).

WHEATCROFT S. *Pokazateli demograficheskogo krizisa v period goloda* [Indicators of the demographic crisis in the period of famine] IN: *Golod v SSSR. 1929–1934: V 3 t. T. 3: Leto 1933–1934* [Famine in the USSR. 1929–1934. Documents. Vol. 3. Summer 1933 – 1934]. – M.: MFD, 2013. – P. 719–771. (In Russ.).

WHEATCROFT S.G., GARNAUT A., LEIKIN I. *Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the raion patterns*. IN: *Golod v Ukrai'ni u pershij polovyni HH stolittja: prychyny ta naslidky (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): materialy mizhnarodnoi' naukovoi' konferencii'. Kyi'v, 20–21 lystopada 2013 r.* [Famine in Ukraine in the first half of the twentieth century: causes and consequences (1921-1923, 1932-1933, 1946-1947): Proceedings of the international scientific conference. Kyi'v, November 20-21, 2013] – Kyi'v, 2013. – P. 219–226.

WHEATCROFT S.G., GARNAUT A., O'GRADA C., BISHOP I. *Mapping and evaluating the major famines of modern times*. IN: Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. – 2013. – P. 11–12.

ZHIROMSKAYA V.B. *Golod 1932–1933 godov v Rossii i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Famine of 1932–1933 in Russia and the contemporary international relations]. IN: Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2009. – № 14. – P. 92–101. (In Russ.).

ZHIROMSKAYA V.B. *Golod 1932–1933 gg.: Lyudskie poteri* [Famine of 1932–1933: Human losses]. IN: *Golod v SSSR. 1929–1934: V 3 t. T. 3: Leto 1933–1934* [Famine in the USSR. 1929–1934. Documents. Vol. 3. Summer 1933 – 1934]. – M.: MFD, 2013. – P. 651–662. (In Russ.).

Информация об авторах
Н.Н. Назаренко – доктор биологических наук, доцент.
А.В. Башкин – координатор проекта «Исторические материалы».
Information about the authors
N.N. Nazarenko – Doctor of Science (Biology), associate professor.
A.V. Bashkin – coordinator of project «Historical materials».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 18.07.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.
The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-204-217
EDN: EGLBVF

МАЛЫЕ ГОРОДА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

Светлана Алексеевна Хубулова[1], **Залина Владимировна Сосранова**[2], **Эда Владимировна Хубулова**[3]

[1] Ставропольский государственный педагогический институт (филиал), Ессентуки, Россия, hubul@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7483-6378

[2] Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, zalinasosranova.yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7814-5910

[3] Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, Владикавказ, Россия, dudieva63@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7757-2619

Аннотация. В статье изучаются проблемы возникновения и дальнейшего развития малых городов на территории Северо-Осетинской АССР. Впервые вводимые источники позволяют проследить в динамике процесс появления малых городов на территории Северо-Осетинской АССР. Было установлено, что выделение из общей массы сельских поселений в качестве перевода в положение городских поселений происходило не случайно. В ряде населенных пунктов к этому моменту наличествовало несколько крупных, экономически оформленных предприятий, которые могли стать градообразующими. К таким можно отнести фабрики по переработке руд цветных металлов в Алагире, нефтеперегонный завод в Моздоке, консервные заводы в Ардоне и т.д. Было установлено, что часть населенных пунктов специализировалась на переработке сельскохозяйственной продукции, а другие становились довольно крупными в республике промышленными зонами.

В предвоенные годы (1938 г.) возник малый город Алагир. Это связано с тем, что переоснащения военной техники требовались в большом количестве руды цветных металлов, марганец и др. Для их современной добычи и переработке создавались новые предприятия, которые стали ядром новых поселений-городов.

Другие малые города появились на карте СО АССР в 1950 и 1964 гг. Так, г. Беслан являлся крупной железнодорожной развязкой, через которую осуществлялось перемещение грузов, пассажиропотока и т.д. Кроме того, в Беслане успешно функционировал маисовый комбинат, который по мощностям занимал второе место в Европе. Значительно меньшую экономическую роль играли города Ардон и Дигора, которые в 1960-1970-е гг. оказались в переходном положении. В этих малых поселениях еще сильно было влияние традиционного сельского уклада. Однако процесс перехода в состояние городского жизнеустройства набирал силу.

Ключевые слова: город, урбанизация, районирование, городская история

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-09-43008 СССР «Повседневная жизнь малого города: жизненные практики, новые идентичности, мифы и ожидания».

Для цитирования: Хубулова С.А., Сосранова З.В., Хубулова Э.В. Малые города Северной Осетии в системе социально-экономического развития Северо-Осетинской АССР // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 204-217. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-204-217. EDN: EGLBVF.

© Хубулова С.А., Сосранова З.В., Хубулова Э.В., 2022

Original article

SMALL TOWNS OF NORTH OSSETIA IN THE SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NORTH OSSETIAN ASSR

Svetlava A. Khubulova[1], **Zalina V. Sosranova**[2], **Eda V. Khubulova**[3]

[1] Stavropol State Pedagogical Institute (branch), Yessentuki, Russia, hubul@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7483-6378

[2] North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, zalinasosranova@.yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7814-5910

[3] The V.I. Abayev North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies is a branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia, dudieva63@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7757-2619

Abstract. The article studies the problems of the emergence and further development of small towns on the territory of the North Ossetian ASSR. For the first time, the sources introduced allow us to trace the dynamics of the process of the emergence of small towns on the territory of the North Ossetian ASSR. It was found that the separation from the total mass of rural settlements as a transfer to the position of urban settlements did not happen by chance. In several settlements by this time, there were several large, economically designed enterprises that could become city-forming. These include factories for processing non-ferrous metal ores in Alagir, an oil refinery in Mozdok, canneries in Ardon, etc. It was found that some settlements specialized in processing agricultural products, while others became quite large industrial zones in the republic.

In the pre-war years (1938), the small town of Alagir appeared. This is because the re-equipment of military equipment required a large amount of non-ferrous metal ores, manganese, etc. For their modern extraction and processing, new enterprises were created, which became the core of new settlements-cities.

Other small towns appeared on the map with the ASSR in 1950 and 1964. Thus, the city of Beslan was a major railway interchange through which the movement of goods, passenger traffic, etc. was carried out. In addition, a maize mill successfully operated in Beslan, which ranked second in Europe in terms of capacity. The cities of Ardon and Digora played a much smaller economic role, which in the 1960s and 1970s found themselves in a transitional situation. In these small settlements, the influence of the traditional rural way of life was still strong. However, the process of transition to the state of urban life was gaining momentum.

Keywords: city, urbanization, zoning, urban history

Gratitude: The publication was prepared within the framework of the project No. 21-09-43008 of the USSR supported by the Russian Foundation for Basic Research («Everyday life of a small town: life practices, new identities, myths and expectations»).

For citation: Khubulova S.A., Sosranova Z.V., Khubulova E.V. Small towns of North Ossetia in the system of socio-economic development of the North Ossetian ASSR. IN: Electronic journal

«Caucasology». – 2022. – № 3. – С. 204-217. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-204-217. EDN: EGLBVF.

© Khubulova S.A., Sosranova Z.V., Khubulova E.V., 2022

Введение

Городская история в последние десятилетия в отечественной историографии стала самостоятельным направлением социальной истории [Город 1995; Сенявский 1998; Ахиезер 1995]. Стали уделять внимание как крупным историческим городам, так и тем, которые появились за годы советской власти. Малые города являются своего рода фронтиром между крупными промышленными центрами и массой сельских поселений. Они служат одним из значимых ресурсов развития страны в целом.

В небольших городах с численностью населения до 40 тыс. человек сейчас проживает примерно 2/3 граждан России. Судьба этих поселений складывается по-разному: одни смогли приспособиться к вызовам времени и могут удовлетворять потребности горожан; другие же, наоборот, пришли в запустение, культурный ландшафт и демографическая картина депрессивны. Это приводит к перекосам в экономике, культуре целых российских регионов.

Чтобы вдохнуть новую жизнь в малые города, необходимо изучить исторический опыт становления и развития советских городских поселений.

Цель статьи – исследовать основные направления урбанизации на территории Северо-Осетинской АССР, ее результаты и перспективы.

Литература и методы. Постановка проблемы является необходимой в изучении тенденций социально-экономического, социокультурного развития малых городов РСО-Алания на разных исторических этапах. Повседневные практики, менталитет, жизненные стратегии населения в процессе функционирования малых городов республики претерпели существенные перемены, связанные с трансформацией всех структур жизнедеятельности страны, что также представляет научный интерес [Ахиезер 1989; Кураков 1975; Малые города 2019]. Сразу отметим, что обозначенная тема является фронтирной и требует междисциплинарного подхода для всестороннего анализа экономических, социокультурных, поведенческих и других аспектов [Поляков, Жиромская 2003]. Это обстоятельство подтверждается тем, что немногочисленные работы по проблеме малых городов региона написаны экономистами и географами, а также любителями-краеведами [Бадов, Тавасиев 1998; Каберты, Гуриева, Бегиева 2017] научных исторических работ нет по настоящее время. Это актуализирует проблему и требует ее анализа.

Такие вопросы, как свойства городской среды, социально-культурный потенциал, образ жизни, городской менталитет и др., также впервые стали предметом специального анализа. Исследование малых городов региона позволяет реконструировать особенности приспособления человека в урбанизированной среде, приводящей к изменению поведения, мировосприятия, культуры; рассмотреть некоторые вопросы менталитета жителей малых городов Северной

Осетии во второй половине XX – начале XXI в.; их восприятие изменяющейся среды проживания, новых возможностей.

В отечественной историографии А.Я. Гуревичем была предложена оригинальная методика, позволяющая выделить некоторые категории, в конечном счете, оказывающие влияние на формирование мировосприятия человека – власть, семья, имущество, религиозные взгляды [Гуревич 1993]. Касаемо нашей темы, следует указать на тот факт, что город представляет достаточно замкнутый населенный пункт, которой имеет своеобразную организацию общественной жизни, отличную от окружающего его сельского мира, особыми занятиями жителей, а также формами социальной коммуникацией [Бушмаков 2006].

Было установлено, что вне зависимости от размеров, каждая социальная страта подвержена влиянию своей более крупной общности. Это дает возможность взаимообогащаться, а также влиять друг на друга, через сознание, культуру, традиции и ландшафт. Как результат, данные процессы формируют общее сознание [Пищик 2018: 20]. Но каждой группе свойственна разная скорость: чем крупнее социум, тем медленнее происходит формирование группового сознания, но более основательней ее структуры.

Как считает известный специалист в области городской ментальности Т.В. Семенова, провинциальность составляет существенное свойство ментальности, ибо она взаимодействует и «переваривает» особенности представлений граждан об их местожительстве в пространственно-временных координатах [Семенова 2007].

В результате проведенных исследований ученые сравнили социально-психологические потребности городов разной величины, типа, и установили, что в малом городе удачно сочетаются черты традиционного и городского образа жизни; жизнь в них течет замедленно и рефлексии на происходящие события и процессы меньше чувствуются.

Результаты и дискуссия

В 1930-1970-е гг. в СССР сложилась ситуация, когда городам отводилась роль попечительства над селами (шефство, разного рода квотирование и др.). Особенно это характерно для новых малых городов советского времени. Приоритет города над деревней должен был в корне изменить традиционную психологию «новых» горожан, преобразовать ее в сугубо городскую. Но параллельно с этим происходит изменение и городской ментальности, которая от традиционной формы неотвратимо переходит к инновационной [Кузнецова, Петрулевич 2019]. Процесс довольно сложный и протяженный, рамках этого большого исторического периода можно отметить этапы, в рамках которых эти процессы имели свою специфику.

В 1950-1960-е гг. в Северной Осетии отмечается устойчивый рост городского населения. Появление городов и поселков городского типа на карте СО АССР не случайно. В первой половине 1960-х гг. правительство страны активно разрабатывало концепцию преобразования перспективных сел и деревень в города. Возникновение малых городов на территории Северной Осетии во многом связано с государственной политикой создания территориальных агропро-

мышленных комплексов, смысл которых заключался во включении перерабатывающих заводов в центр сельскохозяйственного района, специализировавшегося на производстве определенных видов продукции. Данная задача основывалась на программе интенсивного индустриального строительства в сельской местности. При этом особенности сельского образа жизни и хозяйствования в расчет не принимались. Такая политика позволила рационально использовать материальные вложения, создавать и развивать город-райцентр, что в условиях так называемой маятниковой миграции было самым правильным выходом [Урбанизация 1995: 131]. Благодаря такой политике малые города активно участвовали в региональном разделении труда. Типология малых городов также связана с их функционалом (промышленный, местный, агропромышленный центры). В зависимости от своего предназначения малый город формировал «свое лицо», которое проявлялось в социально-демографических процессах, культурном облике, наконец, в повседневной жизни его населения.

Рассмотрим некоторые механизмы, оказавшие большое влияние на формирование городских поселений Северной Осетии.

Во-первых, исторические предпосылки возникновения.

г. Моздок – один из старейших городов на Северном Кавказе. Был образован как крепость в период освоения региона, статус города получил в 1785 г., являлся уездным городом. Население Моздока с самого начала было полиэтничным: первыми переселенцами стали волгско-хоперские казаки, участвовавшие в пугачевском восстании, со временем туда стали переселяться осетины, армяне, грузины и др. [Город Моздок 1995: 34].

В 1824 г. на карте Осетии появилось с. Салугардан. Позже на его основе возникло поселение Алагир, связанное с решением царского правительства построить на базе Садонских месторождений цветных металлов металлургический завод, а также контролировать перевальную Военно-Осетинскую дорогу. Алагирский плавильный завод был построен донецкими, уральскими и алтайскими горными рабочими. К 1853 г. в Алагире насчитывалось свыше 200 домов. В конце X1X в. в эту местность прибыла большая группа осетин, которые поселились в предместье Алагира. Затем в 1938 г. Алагир получил статус города [Калоев 1992: 57].

г. Беслан также имеет историю, уходящую корнями глубоко в историю. Он вырос из небольшого осетинского селения Тулатово (1847 г.), в связи со строительством Ростово-Владикавказской железной дороги поселение получило развитие, т.к. стало важным транспортным узлом. В 1950 г. с. Тулатово получило статус города и стало называться Беслан [Калоев 1992: 49].

Два других города – Дигора и Ардон – выросли на месте прежних сельских поселений. В 1824 г. на берегу р. Ардон горцы-осетины основали с. Ардон, в 1837 г. вблизи него образовалась ст. Ардонская. Еженедельно в ст. Ардонской проходили сельскохозяйственные ярмарки, куда съезжались со всего Северного Кавказа, привозя кустарные изделия, сельскохозяйственную продукцию. До войны в Ардоне были построены консервный и пеньковый заводы. Позже начали свою работу кукурузо-обрабатывающий, молочный заводы. Таким образом, Ардон специализировался на переработке сельскохозяйственной продукции. В

1852 г. на левом берегу р. Урсдон был образован аул Вольно-Христиановский, переименованный в 1934 г. в с. Дигора. В Дигоре функционировали: хлебоприемный пункт, пищекомбинат, сахарный завод, завод лимонной кислоты [История города 1992: 18]. Таким образом, Ардон и Дигора были ориентированы на переработку местного сельскохозяйственного сырья. В ходе визита Н.С. Хрущева в Северную Осетию в августе 1964 г. обнародован Указ Президиума ВС РСФСР о преобразовании Ардона и Дигоры в города районного подчинения [ЦГА РСО-А. ФР. 53. Оп. 2. Д. 52. Л. 21].

Во-вторых – занимаемая площадь. Отметим, что занимаемая малыми городами площадь невелика: Моздока – 17,5 км²; Алагира – 27 км², Беслана – 23,2 км², Ардона – 23 км², Дигоры – 9,2 км², в то время, как центр Ирафского района – с. Чикола – занимает площадь в 16,3 км².

В-третьих – факторы перевода сельских поселений в малые города. В советские годы возникновение городов и поселков городского типа (ПГТ) было связано с близостью к природным ископаемым, сельскохозяйственному производству, удобными транспортными путями, трудовыми ресурсами и т.д. Так, г. Алагир имел тесную привязку к разрабатываемым залежам полиметаллических руд и руд цветных металлов. Алагирский серебросвинцовый завод еще в годы Крымской войны удовлетворял потребности русской армии в свинце, выдавая ежегодно военному ведомству около 600 тонн [НА СОИГСИ. Ф. 7. Папка 22. Д. 2. Л. 25]. Активный процесс урбанизации проходил в годы индустриализации, когда массы населения хлынули в города, на предприятия, на всесоюзные стройки. Как указывают демографы, рост горожан обязан следующим факторам: приросту населения из разных источников, а также государственно-административным реформам.

В-четвертых – приоритетные отрасли экономики, которые получили свое развитие в малых городах.

В первой половине 1960-х гг. правительство страны активно разрабатывало концепцию преобразования перспективных сел и деревень в города. Данная задача основывалась на программе интенсивного индустриального строительства в сельской местности. Такая политика позволила рационально использовать материальные вложения, создавать и развивать город-райцентр, что в условиях так называемой маятниковой миграции было самым правильным выходом [Урбанизация 1985: 131]. Благодаря такой политике малые города активно участвовали в региональном разделении труда. Типология малых городов также связана с их функционалом (промышленный, местный, агропромышленный центры). В зависимости от своего предназначения малый город формировал «свое лицо», которое проявлялось в социально-демографических процессах, культурном облике, наконец, в повседневной жизни его населения. При этом особенности сельского образа жизни и хозяйствования в расчет не принимались [Сушко 2011].

В малых городах и городских поселениях СО АССР развивалась промышленность, строились новые и совершенствовались имеющиеся заводы и фабрики, для работников которых возводились дома. Например, благодаря развитию Бесланского маисового комбината (1934 г.) можно говорить о том, что работ-

ники комбината имели больше преференций, нежели остальные малые города республики. При нем начал создаваться своего рода соцгородок, который включал объекты инфраструктуры и жизнеобеспечения, прежде всего, работников БМК [ЦГА РСО-А. ФР. 558. Оп.1. Д. 1. Л. 36]. В г. Ардон за короткое время построена газо-раздаточная станция, которая обеспечивала газом не только население г. Орджоникидзе, но и Ардона.

г. Алагир с самого начала формировался как транспортная развязка для перевозки грузов из рабочих поселков (шахт, перерабатывающих предприятий) к флагману промышленности СО АССР – заводу «Электроцинк». Но наряду с этим градообразующими предприятиями были завод сопротивлений, лесзавод, хлебзавод. После завершения строительства Транскавказской магистрали Алагир стал важным транспортным узлом между Северный и Южным Кавказом [Заря 2010].

В 1950-1960-х гг. в Алагирском районе было создано несколько поселков городского типа (ПГТ): Садон, Бурон, Верхний Згид, Холст, Мизур, Верхний Фиагдон [Бадов 1993: 66]. Горнорудная промышленность долгое время составляла одну из важнейших отраслей экономики Северной Осетии. Кроме основной деятельности – добычи руды – предприятия этого кластера занимались доразведкой месторождений, транспортировали добытую руду на обогатительную фабрику, на которой извлекались цинк, свинец, медь. С закрытием завода «Электроцинк» все указанные поселки перестали заниматься добычей руды и население переселено в Мизур и Алагир.

Градообразующими предприятиями г. Моздока были гардинная фабрика, консервный завод, завод стройматериалов; остальные предприятия носили вспомогательный характер [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп.1. Д. 22. Л. 3].

По данным Роскомстата, на территории г. Моздока функционировало до конца XX в. 14 промышленных предприятий (в том числе Моздокская швейная фабрика, Моздокский кирпичный завод, мясокомбинат, консервный завод), но объем промышленного производства в целом сокращался, и, как следствие, люди теряли работу [Генеральный 2018: 15]. Основными промышленными предприятиями Дигоры были: гофрокоронная фабрика, меховая фабрика (работала на привозном сырье), завод лимонной кислоты (сырье получала из БМК), пищекомбинат, маслосырзавод, кирпичный завод. Все они не смогли приспособиться к новым экономическим процессам и свернули свою деятельность. Рабоче-активное население вынуждено искать работу за пределами г. Дигора.

Промышленные предприятия, построенные за годы советской власти, являлись притягательной силой как местных, так и иногородних рабочих. Так, в 1966 г. механический прирост составил 56 %, а в начале 1970-х гг. – 65,7 %. Трудовая структура населения Моздока отражает некоторые его особенности. Город отличается сравнительно высокой долей несамодеятельного населения – 55 %. Из самодеятельного населения к градообразующей группе относится 28 %, градообслуживающей – 17 %. Это позволяет утверждать, что в городе отсутствуют крупные промышленные предприятия, способные использовать имеющийся резерв рабоче-активного населения [Генеральный 2018: 28].

Демографическая картина г. Алагир на конец 1980-х гг. выглядит следующим образом: всего населения – 21,0 тыс. чел., трудоспособного населения – 12,2 тыс., не занятого в производстве – 1,7 тыс., занятое в общественном производстве – 10,5 тыс. Подавляющая часть населения рабочих поселков – это специалисты в области разработки залежей цветных и полиметаллических залежей. В процесс миграции, и прежде всего, урбанизации включилось местное сельское население из трудоизбыточных районов республики. Основная причина переезда в городские поселения, – бо′льшие заработки, благоустроенное жилье, культурный досуг и лучшее снабжение. Кроме того, планировавшееся размещение промышленного производства на территории Северной Осетии осуществлялось с таким расчетом, чтобы прививать навыки индустриального труда сельскому населению. Однако процесс носил долгий характер. Материалы переписи 1959 г. дают представление о кадровом составе рабочих горнорудной промышленности Северной Осетии: из общего количества горняков на долю осетин приходилось примерно 27 % [Народное 1958: 7].

Немало рабочих и ИТР прибывало в малые города и рабочие поселки из других регионов страны. Часть их находилась в долгосрочной командировке, восполняя недостаток квалифицированных кадров, другие же в поисках лучшей материальной выгоды оставались в Осетии на долгие годы (так называемая безвозвратная миграция). Мигранты обладали более высокой квалификацией по сравнению с коренным населением, которая давала некоторые преференции. Причем такая ситуация характерна для всех республик Северного Кавказа.

При этом следует отметить, что заметна дифференциация темпов роста численности населения городских поселений разных типов. Так, горные поселки городского типа (Садон, Мизур) прибавили в 1950-1960-е гг. примерно 65 % населения, а малые города – 50 % [Заря 2004]. Указанный период был своего рода ренессансом в жизни малых городов, т.к. налицо довольно быстрый рост численности городского населения, благоустройство городской среды и проч. Самое выгодное экономико-географическое положение имел г. Алагир и ПГТ. Более широкая сфера приложения труда, возможность получения высоких заработков (для шахтеров и проходчиков), хорошее обеспечение и развивающаяся инфраструктура стали притягательной силой не только местных сельских жителей, но и большого количества приезжих.

Как известно, в конце 1940-х гг. в стране вновь был взят курс на проведение оргнабора рабочих на предприятия. В шахты Осетии было направлено около 2 тыс. квалифицированных рабочих, которые в разное время трудились в промышленности республики. Статистические источники позволяют оценивать механический прирост населения в Северной Осетии в 35 тыс. чел.

Однако в следующие 10 лет ситуация резко меняется, что связано с застойными явлениями в экономике малых городов и ПГТ в благоустройстве, развитии инфраструктуры, недостаточной сферой приложения труда. Сложившаяся в Алагирском районе групповая система поселков городского типа в настоящее время находится в упадке: многие ПГТ ликвидированы, население частью переселено в районный центр или в г. Владикавказ. Среди ПГТ выделя-

ется п. Мизур, который является центром для сообщества горных поселков Алагирского района.

В конце 60-х гг. наблюдаются серьезные проблемы в добыче полиметаллических руд, происходит их истощение, и, как результат, происходит сокращение численности городского населения в два раза. Регион перестал быть притягательным. Число прибывших в поселения республики в 1970-х гг. оценивается в 266 тыс. чел., а выбывших – в 283 тыс. чел. В этот период городское население отличалось малой миграционной подвижностью. Для многих стало выгодно работать в столице Северной Осетии, жить в малом городе, либо вообще переехать поближе к предприятию или учреждению.

Лишь к концу 1970-х гг. удельный вес работников составил 60 %. Для выравнивания профессионального уровня в Северной Осетии была создана система профессионально-технического обучения молодежи. Например, в 1960 г. из средних специальных учебных заведений республики было выпущено по отраслевым группам (промышленность и строительство) 664, в 1970 г. – 1158, в 1975 – 1097, 1980 – 1335 чел. [Северная 1984: 10]. Примерно 60 % поступающих в средние специальные учебные заведения – это дети из сельской местности. Полученное образование делало их конкурентно-способными на рынке труда и давало возможность изменить свой социальный статус [Культурное 1983: 114]. Все выпускники получили распределение на местные предприятия.

В конце 1980-х гг. численность населения в поселках городского типа существенно сократилась ввиду «перестроечных реформ» и падения социально-экономического уровня. Так, в поселке В. Згид к концу 1980-х гг. численность населения упала в 4 раза, В. Фиагдон – в 4,5 раз, Холст – в 3 раза. Такому оттоку населения способствовало и то, что происходило истощение запасов полиметаллических руд, тяжелое состояние горнодобывающей промышленности.

В последние годы повседневные практики стали предметом научного изучения [Пушкарева 2008; Поляков 2000; Козлова 1996]. В историографии сложилось представление о том, что история – это жизнь обычных людей, связанная с региональными, временными особенностями, формами проживания, досуга, культуры и т.д. Один из основоположников указанного направления в историографии М. Хайдеггер, определил повседневную жизнь как «публичное мироощущение», «незаметность» [Хайдеггер 2003].

Влияние крестьянского менталитета во всех малых городах республики было заметно. Превращение сельского населения в городское проходило достаточно тяжело и медленно. Урбанизация вызвала новые формы повседневной жизни, новые поведенческие особенности. Жители новых городов становятся горожанами в первом поколении. Такая быстрая метаморфоза приводит к тому, что эти люди в силу ряда обстоятельств, медленно теряют многие элементы сельского жительства, но пока не прививают городские привычки и правила жизни. По этой причине происходит маргинализация первого поколения горожан. Эту ситуацию емко охарактеризовал Е. Стариков: «Классическая фигура маргинала – человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, городская субкультура еще не усвоена» [Стариков 1989: 133]. Такая неустойчивость приводи-

ла к тому, что все социальные связи рвались, утрачивались, делая вчерашнего сельского труженика включенным в совершенно чуждые, неизвестные ему отношения, лишая его привычных социальных и духовных связей. Исследователь А. Пыжиков дает этому процессу следующее обоснование: система удержания сельских жителей в прежних рамках была связана не с запретом миграций, а с государственным их регулированием, сочетанием с потребностями экономической политики в определенный период времени [Пыжиков 2002: 265].

Кроме этого, миграционная политика середины XX в. приводила к социальной размытости и неопределенности населения, т.к. в это время абсолютное большинство жителей малых городов родились в селе, тяготели к сельскому быту, имели небольшие приусадебные участки, нередко держали живность.

Даже те, кто родился уже в городах, во многом несли на себе издержки жизни родителей, их традиционного менталитета, хотя адаптация их проходила более активно. Их дети, а потом и внуки, преодолели «болезни адаптации» к городской среде и стали уже в большей степени городскими жителями, переняв культурные вариации, поведение и образ жизни у населения крупных городов. Принимая во внимание возможности телекоммуникации, частые выезды за пределы своих городков, общение со сверстниками и т.д., это сделать стало гораздо легче и быстрее.

Заключение

Таким образом, малый город – это поле повседневности, которое надо изучать с помощью такой категории как городская ментальность, т.к. это дает возможность реконструировать коммуникативные действия, которые основаны на общей системы ценностей.

Определенная провинциальность малого города дает представление об уровне общего развития, который прослеживается в пространственно-временных характеристиках городской ментальности. Уровень провинциальности во многом зависит от размеров города, а также качественных характеристик.

Ментальность жителей малых городов связана как с пространством города, так и качествами группового сознания, каждое из которых придает городу и горожанам свои детерминанты.

Обретение нового статуса давало возможность горожанам рассчитывать на право проживания и перспективы рост инфраструктуры. В то же время преобразование населенных пунктов и то, как это реализуется, свидетельствовало о полном пренебрежении традиционными принципами сельской поселенческой практики, что, несомненно, стало одной из причин последующей деградации малых городов.

В результате исследования установлено, что характер взаимосвязей во многом организует пространство и городской, и сельской местности, причем в ряде случаев нельзя сбрасывать со счетов и возможный синергетический эффект такого взаимодействия если малый город и сельская местность дополняют друг друга, имея общую сырьевую базу, совместно используют инфраструктуру.

В зависимости от предназначения малый город формировал «свое лицо», которое проявлялось в социально-демографических процессах, культурном об-

лике, наконец, в повседневной жизни его населения. В ходе исследования впервые удалось выявить, что влияние крестьянского менталитета во всех малых городах республики было заметно.

Урбанизация вызвала новые формы повседневной жизни, новые поведенческие особенности. Жители новых поселений становятся горожанами в первом поколении. Такая быстрая метаморфоза приводит к тому, что эти люди в силу ряда обстоятельств, медленно теряют многие элементы сельского жительства, но пока не прививают городские привычки и правила жизни. По этой причине происходит маргинализация первого поколения горожан.

Приоритет города над деревней должен был в корне изменить традиционную психологию «новых» горожан, преобразовать ее в сугубо городскую. Но параллельно с этим происходит изменение и городской ментальности, которая от традиционной формы неотвратимо переходит к инновационной. Данные выводы основаны на проведенных контент-анализе и глубинных социологических опросах горожан разных возрастов и разного культурного уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер 1989 – *Ахиезер А.С.* Качество городской среды как фактор интенсификации производства // Проблемы качества городской среды. – М.: Наука, 1989. – Вып. 3. – С. 105-112.

Ахиезер 1995 – Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 21-29.

Бадов 1993 – *Бадов А.Д.* Формирование, развитие и функционирование расселения в Северной Осетии. – Владикавказ: СОГУ, 1993. – 203 с.

Бадов, Тавасиев 1998 – *Бадов А.Д., Тавасиев В.Х.* Социально-демографические проблемы Северной Осетии. – Владикавказ: СОГУ, 1998. – 195 с.

Бушмаков 2006 – *Бушмаков А.В.* Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: Дисс. … канд. ист. наук. – Пермь, 2006. – 215 с.

Генеральный 2018 – Генеральный план Моздокского городского поселения Моздокского муниципального района РСО-Алания Материалы по обоснованию. Современное положение. – Владикавказ: Ир, 2018. – Том 1. – 92 с.

Город 1995 – Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1995. – 351 с.

Город Моздок 1995 – Город Моздок: Исторический очерк / Под ред. В.Д. Кучиева. – Владикавказ: ИР, 1995. – 207 с.

Гуревич 1993 – Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – 432 с.

Заря 2004 – Газета «Заря». 2004. 21 сентября

Заря 2010 – Газета «Заря». 2010. 16 февраля

История города 1992 – История города Дигоры. – Владикавказ: Ир, 1992. – 198 с.

Каберты, Гуриева, Бегиева 2017 – *Каберты Н.Г., Гуриева Л.К., Бегиева А.Ш.* Демографическая 2017 – Демографическая ситуация в Северной Осетии: факторы, прогнозы и механизмы регулирования. – Владикавказ: СОГУ, 2017. – 215 с.

Калоев 1992 – Калоев Г.Ф. Малые города Северной Осетии. – Владикавказ: Ир, 1992. – 136 с.

Козлова 1996 – *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности: голоса из хора. – М.: ИФРАН, 1996. – 215 с.

Кузнецова, Петрулевич 2019 – *Кузнецова В., Петрулевич И.А.* Городская ментальность в пространстве культуры: социо- и лингвокультурный аспекты. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 4 (249). – С. 89-95.

Культурное 1983 – Культурное строительство в Северной Осетии. 1917-1977. Сборник док-тов и материалов. Т.2. 1941-1977. – Орджоникидзе: Ир, 1983. – 350 с.

Кураков 1975 – Кураков Л.П. Некоторые проблемы занятости и развития малых и средних городов (на примере Волго-Вятского экономического района) // Вопросы социалистического обобществления в современных условиях. – Чебоксары, 1975. – С. 88–97.

Малые города 2019 – Малые города в социальном пространстве России: [монография] / [А. Ю. Ардальянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и др.]; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 545 с.

Народное 1958 – Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Статистический сборник. – Орджоникидзе: б/и, 1958. – 131 с.

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН.

Пищик 2018 – *Пищик В.И.* Типология ментальности советских и постсоветских поколений // Российский психологический журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 18-23.

Поляков 2000 – *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 290-322.

Поляков, Жиромская 2003 – *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б.* Человек в повседневности: Прошлое и настоящее // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2003. – № 2. – С.7-9.

Пушкарева 2008 – *Пушкарева Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история: Ежегодник, 2007. – М., 2008. – С. 9-54.

Пыжиков 2002 – *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель». – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 506 с.

Северная 1984 – Северная Осетия за 60 лет автономии. Статистический сборник. – Орджоникидзе: Ир, 1984. – 84 с.

Семенова 2007 – *Семенова Т.В.* Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: Дисс. … докт. психол. наук. – Самара, 2007. – 414 с.

Сенявский 1998 – *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. – 216 с.

Стариков 1989 – *Стариков Е.* Маргиналы или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. – 1989. – № 10. – С. 133-160.

Сушко 2011 – *Сушко М.Ю.* Возникновение и развитие рабочих поселков в Саратовской области в 1950-1970 годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2011. – № 1 (35). – С. 129-133.

Урбанизация 1985 – Урбанизация и развитие городов в СССР. Сборник статей / Под ред. И.И. Сигова. – Л., 1985. – 256 с.

Хайдеггер 2003 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 506 с.

ЦГА РСО-А. – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

REFERENCES

AXIEZER A.S. *Kachestvo gorodskoj sredy` kak faktor intensifikacii proizvodstva.` [*The quality of the urban environment as a factor of intensification of production.*].* – Moskow: Nauka, 1989. – Pp. 30-39 (In Russ.).

AXIEZER A.S. *Gorod – fokus urbanizacionnogo processa [*The city is the focus of the urbanization process]. IN: Gorod kak sociokul`turnoe yavlenie istoricheskogo processa. – Moskow: Nauka , 1995. – Pp.21-29 (In Russ.).

BADOV A.D. *Formirovanie, razvitie i funkcionirovanie rasseleniya v Severnoj Osetii. [*Formation, development and functioning of settlement in North Ossetia*].* – Vladikavkaz: SOGU, 1993. – 203 p. (In Russ.).

BADOV A.D., TAVASIEV V.X. *Social`no-demograficheskie problemy` Severnoj Osetii. [*Socio-demographic problems of North Ossetia*].* – Vladikavkaz, 1998. – 195 p. (In Russ.).

BUSHMAKOV A.V. *Izmeneniya mental`nosti gorodskogo naseleniya rossijskoj provincii v konce XIX – nachale XX veka [*Changes in the mentality of the urban population of the Russian province in the late XIX – early XX century]: Diss. ... candidate of Historical Sciences. – Perm, 2006. – 215 p. (In Russ.).

*General`ny`j plan Mozdokskogo gorodskogo poseleniya Mozdokskogo municipal`nogo rajona RSO-Alaniya Materialy` po obosnovaniyu. Sovremennoe polozhenie. [*The general plan of the Mozdok urban settlement of the Mozdok municipal district of the RSO-Alania Materials for justification. The current situation]. – Vladikavkaz: Ir, 2018. – Volume 1. – 92 p. (In Russ.).

*Gorod kak sociokul`turnoe yavlenie istoricheskogo processa. [*The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. / Ed. by E.V. Saiko. – M.: Nauka, 1995. – 351 p. (In Russ.).

*Gorod mozdok: Istoricheskij ocherk. [*The city of Mozdok: A historical sketch / Edited by V.D. Kuchiev]. – Vladikavkaz: IR, – 1995. *207 p.* (In Russ.).

GUREVICH A.Ya. *Istoricheskij sintez i shkola «Annalov». [*Historical synthesis and the school of "Annals"]. – Moskow: Indrik, 1993. – 432 p. (In Russ.).

Zarya, 2004, 21 sentyabrya (In Russ.).

Zarya, 2010, 16 fevralya (In Russ.).

*Istoriya goroda Digory` [*The history of the city of Digory]. – Vladikavkaz: Ir, 1992. – 198 p. (In Russ.).

KABERTY` N.G., GURIEVA L.K., BEGIEVA A.SH. *Demograficheskaya situaciya v Severnoj OSETII: faktory`, prognozy` i mexanizmy` regulirovaniya. [*Demographic situation in North Ossetia: factors, forecasts and regulatory mechanisms]. – Vladikavkaz: SOGU, 2017. – 215 p. (In Russ.).

KALOEV G.F. *Maly`e goroda Severnoj Osetii. [*Small towns of North Ossetia]. – Vladikavkaz: Ir, 1992. – 136 p. (In Russ.).

KOZLOVA N.N. *Gorizonty` povsednevnosti: golosa iz xora. [*Horizons of everyday life: voices from the choir]. – M.: IFRAN, 1996. – 215 p. (In Russ.).

KUZNECZOVA V., PETRULEVICH I.A. *Gorodskaya mental`nost` v prostranstve kul`tury`: socio- i lingvokul`turny`j aspekty`. [*Urban mentality in the space of culture: socio- and linguocultural aspects]. IN: Bulletin of the Adygea State University. The series "Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. – 2019. – No. 4 (249). – Pp. 89-95 (In Russ.).

*Kul`turnoe stroitel`stvo v Severnoj Osetii. 1917-1977. Sbornik dok-tov i materialov. [*Cultural construction in North Ossetia. 1917-1977. Collecting *T.2. 1941-1977].* – Ordzhonikidze: Ir, 1983. – 350 p. (In Russ.).

KURAKOV L.P. *Nekotory`e problemy` zanyatosti i razvitiya maly`x i srednix gorodov (na primere Volgo-Vyatskogo e`konomicheskogo rajona). [*Some problems of employment and development of small and medium-sized cities (on the example of the Volga-Vyatka economic district)]. In: Issues of socialist socialization in modern conditions. – Cheboksary, 1975. – Pp. 88-97; (In Russ.).

Maly`e goroda v social`nom prostranstve Rossii: [monografiya] / [A. Yu. Ardal`yanova, P. V. Bizyukov, R. G. Braslavskij i dr.]; otv. red. V. V. Markin, M. F. Cherny`sh; predisl. ak. M. K. Gorshkov. [Small towns in the social space of Russia: [monograph] / [A. Y. Ardalyanova, P. V. Bizyukov, R. G. Braslavsky, etc.]; ed. by V. V. Markin, M. F. Chernysh; preface by M. K. Gorshkov.]. M.: FNISTC RAS, 2019. – 545 p. (In Russ.).

Narodnoe xozyajstvo Severo-Osetinskoj ASSR. Statisticheskij sbornik. [The national economy of the North Ossetian ASSR. Statistical collection]. – Ordzhonikidze, 1958. – 131 p. (In Russ.).

*Nauchny`j arxiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarny`x i social`ny`x issledovanij VNCz RAN ((*In Russ.).

PISHHIK V.I. *Tipologiya mental`nosti sovetskix i postsovetskix pokolenij. [*Typology of mentality of Soviet and post-Soviet generations]. IN: Russian Psychological Journal. – 2018. – Vol. 7. – No. 3. – Pp. 18-23(In Russ.).

POLYAKOV YU.A. *Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty`) [*Man in everyday life (historical aspects)]. IN: Russian History. – 2000. – No. 3. – Pp. 290-322 (In Russ.).

POLYAKOV YU.A., ZHIROMSKAYA V.B. *Chelovek v povsednevnosti: Proshloe i nastoyashhee.* [Man in everyday life: Past and Present]. IN: Bulletin of the RUDN. The series "History of Russia". – 2003. – No. 2. – Pp. 7-9 (In Russ.).

PUSHKAREVA H.L. *Istoriya povsednevnosti: predmet i metody`. [*The history of everyday life: subject and methods]. IN: Social History: –Yearbook, 2007. – M., 2008. – Pp. 9-54 (In Russ.).

PY`ZHIKOV A.V. *Xrushhevskaya «ottepel`». [*Khrushchev's "thaw"]. – Moskow: OLMA-PRESS, 2002. – 506 p. (In Russ.).

Severnaya Osetiya za 60 let avtonomii. Statisticheskij sbornik. [North Ossetia for 60 years of autonomy. Statistical collection]. – Ordzhonikidze: Ir, 1984. – 84 p. (In Russ.).

SEMENOVA T.V. *Teoreticheskie i prikladny`e aspekty` social`no-psixologicheskogo issledovaniya gorodskoj mental`nosti: [*Theoretical and applied aspects of socio-psychological research of urban mentality]: Diss. ... doct. psychological sciences. – Samara, 2007. – 414 p. (In Russ.).

SENYAVSKIJ A.S. *Urbanizaciya Rossii v XX veke: rol` v istoricheskom processe. [*The urbanization of Russia in the XX century: the role in the historical process]. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1998. – 216 p. (In Russ.).

STARIKOV E. *Marginaly` ili razmy`shleniya na staruyu temu: «Chto s nami proisxodit?»* [Marginals or reflections on the old topic: "What is happening to us?"]. IN: Znamya. – 1989. – № 10. – Pp. 133-160 (In Russ.).

SUSHKO M.Yu. *Vozniknovenie i razvitie rabochix poselkov v Saratovskoj oblasti v 1950-1970 gody`. [* The emergence and development of workers' settlements in the Saratov region in the 1950-1970 years]. IN: Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. – 2011. – No. 1 (35). – Pp. 129-133 (In Russ.).

Urbanizaciya i razvitie gorodov v SSSR. [Urbanization and urban development in the USSR. Collection of articles]. Sbornik statej / Edited by I.I. Sigov. L., 1985. 256 p. (In Russ.).

XAJDEGGER M. *By`tie i vremya* [Being and Time]. /Per. s nem. V.V. Bibixina. – Kharkiv: "Folio", 2003. – 506 p. (In Russ.).

CzGA RSO-A. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (In Russ.).

Информация об авторах

С.А. Хубулова – доктор исторических наук, профессор.

З.В. Сосранова – кандидат исторических наук, доцент.

Э.В. Хубулова – кандидат исторических наук.

Information about the authors

S.A. Khubulova – doctor of science (History), professor.

Z.V. Sosranova – candidate of science (History), associate professor.

E.V. Khubulova – candidate of science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 17.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 94 (470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-218-242
EDN: EOXGIJ

ПЕРЕСТРОЙКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

Алим Инзрелович Тетуев
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Аннотация. Впервые на основе новых архивных документов и других источников исследована проблема перестройки деятельности государственных органов власти и общественных организаций в условиях военного времени на материалах Кабардино-Балкарии, раскрыты особенности преобразования государственно-политического руководства страны и на местах. Проанализированы изменения ВКП(б) и Кабардино-Балкарской областной партийной организации. Обобщен опыт организаторской работы партийных организаций и советских органов власти республики по организации военной мобилизации, обеспечения потребностей фронта военной продукцией, продовольственными и промышленными товарами. Исследованы задачи и содержание организаторской работы профсоюзных, комсомольских организаций и общественности по организации сбора средств в Фонд обороны страны и оказания помощи эвакогоспиталям, эвакуированному населению, семьям военнослужащих, инвалидам Великой Отечественной войны, детям-сиротам. Проведен анализ организации повседневной жизни населения. Выявлены недостатки и упущения в работе государственных и общественных организаций по обеспечению населения продовольственными и промышленными товарами, топливом и проведением культурно-массовой работы. Сделан вывод о том, что изменения форм и методов работы государственных органов и общественных организаций в период войны явилось важным фактором консолидации власти и общества для защиты Отечества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронт, тыл, Кабардино-Балкария, государственные органы власти, партия, профсоюз, комсомол, перестройка, деятельность.

Для цитирования: Тетуев А.И. Перестройка деятельности государственных органов власти и общественных организаций в годы Великой Отечественной войны: проблемы повседневной жизни населения (на примере Кабардино-Балкарии) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 218-242. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-218-242. EDN: EOXGIJ.

© Тетуев А.И., 2022

Original article

RESTRUCTURING OF THE ACTIVITIES OF STATE AUTHORITIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: PROBLEMS OF DAILY LIFE OF THE POPULATION (BY THE EXAMPLE OF KABARDINO-BALKARIA)

Alim I. Tetuev

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Abstract. For the first time, based on new archival documents and other sources, the restructuring problem of the activities of state authorities and public organizations in wartime conditions on the materials of Kabardino-Balkaria is investigated, the features of the transformation of the state and political leadership of the country and in the field are revealed. The changes of the All-Union Communist Party (b) and the Kabardino-Balkarian regional party organization are analyzed. The experience of an organizational work of party organizations and Soviet authorities of the republic in organizing military mobilization, providing the needs of the front with military products, food and industrial goods, is summarized. Tasks and content of the organizational work of trade unions, Komsomol organizations and the public in organizing fundraising for the National Defense Fund and helping evacuation hospitals, evacuated population, families of military personnel, disabled veterans of the Great Patriotic War, and orphans were studied. Analysis of the organization of daily life of the population is carried out. Shortcomings and omissions in the work of state and public organizations to provide the population with food and industrial goods, fuel and cultural work have been identified. It is concluded that changes in the forms and methods of work of state bodies and public organizations during the war were a critical factor in the consolidation of power and society to protect the Fatherland.

Keywords: Great Patriotic War, front, rear, Kabardino-Balkaria, state authorities, party, trade union

For citation: Tetuev A.I. Restructuring of the activities of state authorities and public organizations during the Great Patriotic war: problems of daily life of the population (by the example of Kabardino-Balkaria). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 218-242. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-218-242. EDN: EOXGIJ.

© Tetuev A.I., 2022

Введение

Победа в Великой Отечественной войне ковалась не только на полях сражений: ее приближали своей неустанной работой государственные органы власти и общественные организации СССР. Долгое время эта сторона военной действительности оставалась на втором плане, что естественно и объяснимо. Но чем дальше уходит от нас время войны, тем острее появляется потребность разобраться в той «негероической повседневности», без которой представление о военной действительности будет неполным. На современном этапе изучение опыта перестройки работы государственных организаций и общества в экстремальных условиях войны имеет большое научно-практическое значение.

Следует отметить, что в последние десятилетия появилось значительное количество работ историков, посвященных названной теме. Особый интерес по теме исследования представляет десятый том фундаментального коллективного труда «История Великой Отечественной войны» в 12 томах. В нем освещаются проблемы перестройки государственного управления и деятельности общественных организаций с начала войны [ВОВ 2014].

В работах М.С. Зинич, В.Н. Данилова рассматриваются отдельные вопросы взаимоотношений власти и социума в годы Великой Отечественной войны [Зинич 2012; Данилов 2020].

Формы и методы реформирования государственных учреждений в чрезвычайных условиях в различных регионах анализируются в трудах М.К. Ильясовой, В.И. Морозова, Н.А Омельченко, Е.В. Черепановой [Ильясова 2006; Морозов 2005; Омельченко 2013; Черепанова 2005].

Исследуемая проблема в той или иной мере затрагивалась в работах ученых Кабардино-Балкарии. Так, в работе А.Х. Абазова и Ф.С. Гериевой изучены некоторые вопросы перестройки деятельности органов государственной власти Кабардинской Республики на завершающем этапе Великой Отечественной войны [Абазов, Гериева 2019]. В ней отмечается, что после депортации балкарского народа основные трансформации в системе власти республики в рассматриваемый период были связаны с преобразованием административно-территориальной структуры региона и решением кадровых вопросов [Абазов, Гериева 2019].

Некоторые проблемы темы нашли отражение в нашей предыдущей работе [Тетуев 2021].

Отдельные аспекты политики советского государства в начале Великой Отечественной войны рассмотрены в работах зарубежных исследователей. Так, в работе Н. Верта, Дж. Боффе раскрывается политика национального единства, направленная на смягчение режима и достижения социального консенсуса в обществе [Боффа 1990; Верт 1995].

Анализ литературы, показывает, что, несмотря на определенные наработки, исследуемая проблема не стала предметом специального исследования. Практически отсутствуют комплексные исследования, раскрывающие формы и методы взаимодействия государственных, общественных организаций Кабардино-Балкарии и населения в экстремальных условиях.

Объект исследования – повседневная жизнь населения в период перестройки деятельности государственных органов власти и общественных организаций Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны.

Предмет исследования – формы и методы взаимоотношений власти и общества республики по организации повседневной жизни населения в это время.

Цель исследования – изучить опыт перестройки работы государственных органов власти и общественных организаций в годы Великой Отечественной войны, а также организации повседневной жизнедеятельности населения на примере Кабардино-Балкарии.

Указанная цель предусматривает решение следующих задач:

1. Проанализировать основные направления деятельности органов государственной власти в условиях военного времени.

2. Раскрыть задачи, формы и методы организаторской работы партийных, профсоюзных и комсомольских организаций.

3. Выявить основные проблемы в повседневной жизнедеятельности населения и проанализировать действенность и эффективность их решений указанными органами.

Научная новизна исследования. На основе архивных документов и других источников, многие из которых введены в научный оборот впервые, проведена реконструкция деятельности органов государственной власти, общественных организаций Кабардино-Балкарии в экстремальных условиях.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности.

Материалы статьи могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также в учреждениях общего и профессионального образования при изучении курса «История Кабардино-Балкарской Республики».

Чрезвычайные формы руководства страной

Программным документом перестройки страны в соответствии с требованиями войны стала директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» [Решения партии… 1968: 38–40].

Условия войны обусловили обращение к чрезвычайным формам руководства страной и народным хозяйством. Поэтому совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР), Центрального комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР (далее – СНК СССР) от 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны (далее – ГКО) [Сборник законов… 1945: 41].

Постановления и распоряжения ГКО имели силу законов военного времени: все граждане, партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и военные органы обязаны были выполнять их беспрекословно.

Следует отметить особенности работы неконституционного органа ГКО. Анализ постановлений и распоряжений ГКО свидетельствует о том, что он ни разу не собирался на протокольные заседания. Решения оформляли от имени ГКО, Политбюро, ЦК ВКП(б), а также СНК и Верховного Совета СССР. Он, по сути, объединил и координировал исполнительные органы власти, в его руках сосредоточивалась вся полнота власти в государстве [ГКО 2015].

10 июля 1941 г. Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования. И.В. Сталин назначался Верховным Главнокомандующим, Народным комиссаром обороны. Кроме того, он же занимал должности Председателя ГКО, СНК СССР и Секретаря ЦК ВКП(б), и тем самым усиливалась тенденция к централизации и полновластию Сталина.

В своей деятельности на местах ГКО опирался на разветвленный партийный и советский аппарат, обязанный безоговорочно выполнять указания его членов и уполномоченных. Таким способом ГКО буквально «проламывал» решение любого вопроса. Безусловно, такая централизация власти в одних руках создавала условия для оперативного решения возникающих проблем, но вместе с тем она способствовала возникновению условий для политических репрессий граждан и народов.

22 октября 1941 г. ГКО СССР принял постановление о создании в 46 городах и прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой район фронта, городских комитетов обороны, в том числе Нальчикского [Сборник законов… 1945: 97].

Согласно этому решению постановлением обкома ВКП(б) от 25 октября 1941 г., в состав Нальчикского комитета обороны были включены З.Д. Кумехов – первый секретарь Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП(б) (председатель), Х.К. Ахохов – председатель Совнаркома КАССР, И.Л. Ульбашев – председатель Президиума Верховного Совета КБАССР и другие [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 88. Д. 1. Л. 130]. В ведении Комитета была сосредоточена вся полнота гражданской и воинской власти в республике. Анализ архивных документов показал, что с октября 1941 г. до начала временной оккупации Кабардино-Балкарии (август 1942 г.) Нальчикским комитетом обороны были разработаны мероприятия по обороне республики, мобилизации военнообязанных в ряды Красной Армии, поставке фронту и стране продукции промышленности и сельского хозяйства республики [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 88. Д. 1].

В рамках реализации этих мер Нальчикский комитет обороны принял ряд постановлений, направленных на организацию выполнения военных заказов, создание оборонительного рубежа, частей народного ополчения, истребительных батальонов, партизанских отрядов, эвакуационных комиссий и др. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3 Л. 57, 58; КБВОВ: 83, 87, 90, 92, 93, 257].

Перестройка работы ВКП(б)

Существенные изменения произошли и в деятельности ядра политической системы – ВКП(б). В государственной структуре партия и армия были единственными органами, наделенными властью, достаточной для организации военных действий. К началу войны партия осуществляла контроль над ситуацией на местах, а иногда и непосредственно брала на себя властные функции.

В условиях начавшейся войны ВКП (б) на основе Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. определила основные направления деятельности партийных организаций страны и сосредоточила их усилия на главном – мобилизации сил и средств на отпор врагу. При этом ВКП(б) изыскивала такие формы и методы своей организации и деятельности, которые способствовали решению военных задач. Сложность военной обстановки, необходимость быстрого перевода экономики на военные рельсы, максимального увеличения военного производства потребовали перестройку партийного руководства народным хозяйством.

Систему чрезвычайных органов партийного руководства экономикой дополняли созданные в ноябре 1941 г. по постановлению ЦК ВКП(б) политотделы машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов, а также институт уполномоченных ГКО и парторгов ЦК ВКП(б) и нижестоящих партийных органов. Подобные политические органы создавались и в транспорте, но в мае 1943 г. от этой идеи было решено отказаться.

Условия войны вызвали к жизни чрезвычайные формы партийного руководства вооруженными силами. Указом ПВС СССР от 16 июля 1941 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) в подразделениях Красной Армии был введен институт военных комиссаров [Сборник законов… 1945: 114].

Основная их задача состояла в «мобилизации личного состава армии и флота на решительную и самоотверженную борьбу против немецко-фашистских захватчиков». Однако 9 октября 1942 г. институт народных комиссаров был заменён институтом заместителей командиров по политической части (замполитов, так как его введение принижало роль командиров в руководстве войсками, означало недоверие к ним [Сборник законов… 1945: 116].

Одним из ведущих направлений партийного руководства народным хозяйством стала поддержка и развитие патриотической активности трудящихся. Поощрялись различные «движения», «инициативы», «почины». Партийные организации организовывали сбор средств в Фонд обороны страны и на приобретение боевой техники, теплой одежды и подарков для бойцов и командиров воинских частей и соединений, подписку на Государственные военные займы. Например, ЦК ВКП(б) партии 5 сентября 1941 г., учитывая обращения рабочих, колхозников и служащих, принял постановление «О сборе среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии» [ВОВ 2014: 167].

Кампания по сбору теплых вещей для воинов Красной Армии проходила по всей стране. Она свидетельствовала о высоком патриотическом духе граждан страны, о готовности помочь защитникам Отечества, сражавшихся с гитлеровскими захватчиками. Инициатива нашла широкий отклик и среди жителей Кабардино-Балкарии. Для работы по сбору теплых вещей для Красной Армии при Кабардино-Балкарском обкоме ВКП(б) была создана комиссия из ответственных работников республики, которая устанавливала планы для районов, г. Нальчика и осуществляла контроль за их исполнением. Комиссии с аналогичными функциями создавались при райкомах ВКП(б) и сельских исполкомах [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 17-26, 28].

Помимо этого, особое внимание отдавалось социалистическому соревнованию в различных отраслях народного хозяйства. Все эти меры содействовали укреплению единства тыла фронта.

Перестройка работы партии на военный лад выразилась, прежде всего, в усилении организационного централизма, известном свертывании коллективных органов организаций, повышении партийной дисциплины.

За годы войны ни пленумов (за исключением одного – в январе 1944 г.), ни съездов партии не проводилось. XIX съезд ВКП(б), состоявшийся 5–14 октября 1952 г., подвел итоги работы за 13 лет, истекшие после XVIII съезда партии (март 1940 г.) и избрал новый состав высших партийных органов.

В тыловых районах страны отчеты и выборы партийных органов в первичных организациях проводились по согласованию с вышестоящим органом. Так, например, в Кабардино-Балкарии XVIII областная партийная конференция состоялась 26-28 декабря 1946 г. и подвела итоги работы за 6 лет, истекшие после XVII партконференции 9 марта 1940 г., а также избрала областной комитет партии [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1382. Л. 1–172].

Вместе с тем следует отметить, что пленумы и заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) проводились регулярно (в 1942 г. – два пленума, что было связано временной оккупацией территории республики немецко-румынскими войсками).

Местные партийные организации оперативно, как обязывала военная обстановка, откликнулись на требование ЦК ВКП (б) партии укрепить Красную Армию коммунистами и комсомольцами. Всего за первый год войны в ходе специальных и общих мобилизаций в действующую армию были направлены 1 млн 344 тыс. коммунистов, что составляло около 40 % суммарной численности гражданских первичных организаций ВКП(б) на начало войны [ВОВ 2014: 111].

В Кабардино-Балкарии по состоянию на 9 октября 1941 г. было мобилизовано в Красную армию из 4 411 коммунистов областной партийной организации 1 365 коммунистов, что составляло 31 % состава областной парторганизации [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. Д. 420. Л. 10].

Усиление влияния партии в армии и на флоте было невозможно без укрепления и роста в них партийных организаций. Между тем партийные организации армии ввиду больших потерь коммунистов в боях стали численно уменьшаться. Даже огромный приток коммунистов из территориальных организаций не мог восполнить эти потери. Учитывая все это, ЦК ВКП (б) по предложению армейских политорганов принял в августе 1941 г. решение, которое облегчало отличившимся воинов действующей армии вступление в партию с рекомендацией трех членов партии не с трехгодичным стажем, как это требовалось Уставом партии, а с годичным, и знавших кандидата менее года.

На 1 июля 1941 г. в рядах ВКП(б) состояли 3,9 млн человек, в том числе в Красной армии и Военно-морском флоте – 563 503. Несмотря на большие потери (всего за годы войны погибли более 3 млн коммунистов), общая численность ВКП(б) возросла на 1,6 млн человек и составила к концу войны почти 5 902 207 [ВОВ 2014: 104, 106].

В то же время в результате массовых мобилизаций коммунистов в вооруженные силы численность подавляющей части территориальных организаций уменьшилась. Так, например, численность областной партийной организации Кабардинской Республики на 1 декабря 1946 г. по сравнению с мартом 1940 г. сократилась на 11,3 % и насчитывала в своих рядах 7190 членов ВКП(б), в том числе кандидатов в члены ВКП(б) – 1527 человек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1382. Л. 105–108].

Сокращение численности состава партийной организации на XVIII областной партийной конференции (декабрь 1946 г.) объяснялось рядом причин. Во-первых, в связи с депортацией балкарского народа в марте 1944 г. выбыл 471 коммунист. Во-вторых, первичные партийные организации слабо занимались

ростом партийных рядов и не всегда соблюдали принцип индивидуально отбора при приеме в партию. Кроме того, из числа оставшихся на оккупированной территории республики 2462 коммуниста с января 1943 г. по декабрь 1946 г. было исключено 1750 человек (за бандитизм, дезертирство из Красной армии, регистрацию и сдачу партийных документов в гестапо, связь с полицией, за работу у немцев и по другим причинам) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1382. Л. 109–110; Д 923, Л. 53].

Наряду с этим в докладе первого секретаря Кабардинского областного комитета ВКП(б) Н.П. Мазина на указанной конференции отмечалось: «…Не эвакуация такого большого процента коммунистов (до оккупации на 1 августа 1942 г. в областной партийной организации на учете состоял 6061 коммунист – А.Т.), безусловно, объясняется, с одной стороны, отсутствием должной заботы районного и республиканского руководства о вывозе коммунистов и их семей. С другой стороны, сознательное нежелание эвакуироваться самих коммунистов: большинство из них имели все условия для отхода с оккупированной территории, однако не сделали этого, оставшись у немцев, недостойно вели себя, а некоторые перешли на сторону врага, изменив Родине…» [УЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1382. Л. 109–110; Д. 923. Л. 53].

Анализ архивных документов о деятельности партийного руководства республики в первый период Великой Отечественной войны позволяет сделать вывод, что оно не было подготовлено к выполнению задач в условиях приближающегося фронта. Растерянность и неорганизованность, охватившие органы власти Кабардино-Балкарии, привели к тому, что был провален план эвакуации, не удалось организовать подпольную работу на оккупированной территории республики и партизанское движение. Все это существенным образом повлияло на общественно-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии. 5 марта 1944 г. на основании фальсифицированной справки «О состоянии балкарских районов Кабардино-Балкарской АССР», подписанной руководством республики, ГКО принял постановление «О выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 215. Л. 119-121].

Спустя месяц после выселения 4 апреля 1944 г. в нарушение Конституции СССР был принят Указ ПВС СССР «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании КБАССР в Кабардинскую АССР» [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1-2].

Исследованию судьбы балкарского народа в годы депортации (1944–1957 гг.), безмерных лишений в его повседневной жизни посвящена наша работа «Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии)» [Тетуев 2021: 175–221].

В целом, необходимо отметить, что усиление партийного руководства экономикой, осуществление Советским государством разработанной ВКП(б) военно-экономической политики сыграли немалую роль, в том, что народное хозяйство СССР в основном выполнило свою основную задачу: преодолело трудности военной перестройки, увеличило производство оборонной продукции до размеров, необходимых для победы. Однако параллельное существование рядом с народными комиссариатами и местными органами Советской власти пар-

тийных структур управления народным хозяйством не избавляло от ошибок, а, напротив, являлось источником некомпетентных решений, осложнявших экономическую жизнь страны.

В процессе принятия решений игнорировались реальные возможности предприятий, что порождало стремление выполнить план любой ценой, не считаясь с затратами ресурсов, физических и материальных. Сокрытию этих пороков служила идеология, требовавшая от трудящихся самопожертвования, которое не всегда вызывалось объективной необходимостью. Отсутствие внимание к человеку превратилось в норму жизни. Скудное питание, нехватка жилья и всего самого необходимого в сочетании с продолжительным рабочим днем подрывали здоровье людей.

Основные направления деятельности государственных органов власти

По действовавшей Конституции СССР 1936 г. официально высшая власть в стране принадлежала Верховному Совету СССР, которому принадлежало исключительное право принятия законов. Верховный Совет также избирал высший исполнительный орган – СНК. В то же время СНК был выведен из непосредственного подчинения Верховному Совету, не обязан был отчитываться перед ним, получил широкие права для создания множественных подзаконных актов.

В целях пополнения трудовых ресурсов ПВС СССР и СНК СССР был издан ряд нормативно-правовых документов, которые расширяли права военных и государственных органов власти в регулировании трудовой деятельности граждан в 1941–1945 гг. В них устанавливался режим рабочего времени, ответственность за нарушение трудовой дисциплины, определялись различные формы трудовой мобилизации [Сборник указов… 1945: 141-144, 247].

Приоритетным направлением социальной работы государства в годы Великой Отечественной войны являлась забота о семьях воинов-фронтовиков. ПВС СССР и СНК СССР приняли в 1941 г. ряд указов и постановлений о предоставлении различных льготах и пособий для семей военнослужащих [Сборник указов… 1945: 148, 149, 150, 151].

Так, членам семей, состоявших на иждивении военнослужащих, выплачивались пособия, освобождались от уплаты налогов, а хозяйства колхозников, рабочих и служащих, призванных в армию, освобождались от сельскохозяйственного налога, сохранялись пенсии за пенсионерами, вернувшимися на производство.

Анализ документов, принятых Верховным Советом КБАССР, показал, что тенденция сокращения компетенции законодательных органов в условиях военного времени была характерна и для автономных республик. Например, Верховный Совет КБАССР в основном рассматривал представления к государственным наградам, почетным званиям [КБВОВ 1975: 315–319, 209, 531, 631, 632, 642, 676, 678]. О практической направленности рассматриваемых вопросов свидетельствуют также и формулировки некоторых постановлений: «О состоянии работы в госпиталях Наркомздрава республики», «О работе постоянной оборонной комиссии при Черекском райисполкоме», «О состоянии работы по народному образованию в г. Нальчике» и др. Указы Верховного совета КАССР

«О частичном изменении границы между Кабардинской АССР и Северо-Осетинской АССР» от 7 апреля 1944 г. «О частичном изменении границ между Кабардинской АССР и Грузинской ССР» от 7 апреля 1944 г. были приняты на основании одноименных указов ПВС СССР от 7 апреля 1944 г.» [УЦГА АС КБР. Ф. 717. Оп. 1. Д. 184. Л. 4–5; УЦГА АС КБР. Ф. 717. Оп. 1. Д. 181. Л. 19-21; Д. 189а. Л. 79].

Основными задачами местных советов и их исполнительных комитетов тыловых районов были удовлетворение нужд фронта и создание хотя бы минимальных условий для жизни населения в тылу. В целом жители КБР, выполняя решения СНК и райисполкомов, оказали посильную финансовую и материальную помощь: сдали государству за годы войны 278 130 тонн зерна. 47 399 тонн подсолнечника, 55 275 тонн картофеля, 19 512 тонн овощей, 96 967 центнеров мяса, 164 165 гектолитров молока, 13450 тыс. шт. яиц, 9025 центнеров шерсти. Красной Армии были переданы 27000 коней, внесены в Фонд обороны страны и на займы государству 160 580 566 руб. и 6176 тонн хлеба. Труженики республики за годы передали для Красной Армии 71 673 различных предмета теплых вещей, собрали и отправили на фронт 19 вагонов подарков воинам Советской Армии [Тетуев 2021: 115].

Наряду с этим большая работа проводилась местными советами по решению социальных проблем населения республики, в том числе по обеспечению продовольственными и промышленными товарами.

Другим важным направлением деятельности государственных органов и общественности Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны являлась помощь раненым и больным воинам в эвакогоспиталях, размещенных на территории республики. При этом большое внимание уделяли решению проблем их бытового обустройства, лечения, питания и оказания им психологической поддержки. Для этого использовались различные формы: декадники адресной помощи, донорство, шефская помощь колхозов, совхозов школ, граждан.

В результате реализации постановлений Совнаркома КБАССР «О размещении и трудоустройстве эвакуированных граждан в Лескенском и Баксанском районах» от 22 декабря 1941 г., «О размещении эвакуированных граждан Ленинграда в городе Нальчике и районах Кабардино-Балкарии» от 12 февраля 1942 г., «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 12 февраля 1942 г., «О мероприятиях по улучшению материально-бытового положения детей-сирот и детей фронтовиков» от 15 марта 1944 г., «О плане мероприятий по улучшению материально-бытовых условий семей военнослужащих» от 8 мая 1944 г. местные исполкомы выполнили большой объем работ по оказанию материальной помощи эвакуированному населению, семьям военнослужащих, инвалидам войны и детям-сиротам и обустройству их быта [КБВОВ 1975: 430, 431, 436-439, 473, 474].

Исполкомы систематически, в соответствии с постановлениями Совета СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в городах и районах Кабардино-Балкарской АССР» от 23 апреля 1943 г., «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов Кабардино-Балкарской АССР» от 26 апреля 1943 г.

занимались мобилизацией населения на восстановление промышленности, сельскохозяйственного производства и социальной сферы [КБВОВ 1975: 541-545].

Продолжалась практика тесной увязки деятельности местных органов Советской власти и территориальных партийных инстанций. Например, были приняты совместные постановления Совнаркома КБАССР и бюро обкома ВКП(б) «О мероприятиях по выполнению постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности» от 5 мая 1943 г., «О мероприятиях по восстановлению народного хозяйства Кабардино-Балкарской АССР» от 15 мая 1943 г. и др. В них предписывалось: «Обязать райкомы ВКП(б) райисполкомы не реже одного раза в месяц рассматривать на заседаниях бюро райкомов партии и райисполкомах состояние восстановлению народного хозяйства [КБВОВ 1975: 545-551].

Анализ документов позволяет раскрыть объективную действительность повседневной жизни населения в военное время. Добровольные сборы средств в Фонд обороны страны в значительной мере укрепляли бюджет государства, но они не могли покрывать военные расходы, поэтому были введены для рабочих, служащих, колхозников новые налоги, в частности налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, военный налог. Колхозники, кроме этого, платили местные налоги – со скота, строений, земельную ренту, которые являлись тяжелым бременем для семейного бюджета.

Тяжелое материальное положение городского и сельского населения, на наш взгляд, объясняется еще и тем, что условия карточной системы снабжения создавали почву для спекуляции, обогащения отдельных лиц или групп людей. На заседаниях государственных и партийных органов регулярно анализировались вопросы, связанные с распределением продовольствия в республике, проводились проверки работы торговой сети и общественного питания. Но следует признать, что меры, предпринятые для борьбы со злоупотреблениями и хищениями, не были достаточно результативными. Тем не менее жители республики проявляли высокую сознательность, сохраняли силу духа.

Перемены в работе профсоюзных организаций

Самой массовой общественной организацией в стране являлись профсоюзы, объединявшие свыше 25 миллионов человек [ВОВ 2014: 125].

С началом Великой Отечественной войны профсоюзные организации Кабардино-Балкарии перестроили свою работу с учетом военного времени. В их структуре действовали следующие комиссии: организационно-массовая, производственно-массовая, жилищно-бытовая, огородная, политико-массовая, культурно-массовая, комиссии рабочего контроля, охраны труда, заработной платы и государственного социального страхования.

Основной обязанностью профсоюзов партия считала развитие инициативы трудящихся, социалистического соревнования за оперативное и качественное выполнение заказов для фронта.

Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) систематически осуществлял контроль за работой профсоюзных организаций республики. Например, рассмотрев 15 апреля 1942 г. на пленуме обкома вопрос об улучшении работы профсоюз-

ных организаций республики в связи с задачами военного времени», он принял постановление, в котором предписывалось: «Обязать обкомы профсоюзов республики возглавить трудовой энтузиазм рабочих и служащих предприятий и учреждений в борьбе за выполнение производственных планов, военных заказов; широко популяризировать передовой опыт стахановцев, многостаночников, двухсотников; повседневно заботиться об улучшении материальных и культурно-бытовых условий рабочих и служащих...; оказывать повседневную помощь семьям призванных в РККА и эвакуированному населению в трудоустройстве и улучшению их культурно-бытовых условий; шире развернуть оборонно-массовую работу…» [КБВОВ 1975: 127].

Выполняя указанное решение, профсоюзные организации республики особое внимание уделяли вопросам организации оборонной работы. Силами членов Союза работников медицинских и санитарных работников (далее – Союз медсантруд) за время войны было подготовлено свыше 3 850 человек значкистов ГТО I степени, 23 медсестры запаса, 30 сандружинниц, а нормы ПВХО сдали все работающие в отрасли. По Союзу работников начальной средней школы было подготовлено 47 медсестер, по Союзу работников МТС – 22 медсестры и 64 сандружинника [КБВОВ 1975: 129].

Одновременно профсоюзные организации республики активно участвовали в акциях по сбору денег и теплых вещей для фронта. Работники Союза госторговли и общественного питания республики в 1943 г. подписались на военный заем на 199,4 тыс. руб., что составило свыше 150 % к фонду зарплаты союза, на денежно-вещевую лотерею на 54,9 тыс. руб., собрали 300 комплектов теплых вещей для бойцов и командиров Красной Армии, а в 1944 г. – в фонд обороны 1,3 тыс. руб. и на строительство танковой колонны – 33 тыс. руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 3. Л. 28, 32].

Особое внимание профсоюзные организации уделяли повышению производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. Хороших результатов в организации социалистического соревнования добились работники обкома Союза медсантруд и Союза финансово-банковских работников (далее – Союз НКФ). По Союзу медсантруд из 3828 человек работающих было охвачено соревнованием 67 %, по Союзу НКФ – 80,7 %. Договоры соревнований проверялись каждый квартал, показатели публиковали, четко был налажен учет стахановцев, ударников и двухсотников, благодаря чему были видны их рост и проведенная с ними работа [КБВОВ 2014: 129].

На крупных промышленных предприятиях, в частности на мясокомбинате в соревнование были включены 92 % работников, Докшукинском консервном заводе – 90 %. За I квартал 1942 г. по кондитерской фабрике число стахановцев и ударников выросло на 116 %, маслозаводу – на 108 %, мясокомбинату – на 110 %, консервному заводу – на 113 %. В организациях Союза госторговли и общественного питания в IV квартале 1943 г. из 1171 человек в соревновании участвовали 579 работников (49,4 %). Звание стахановцев было присвоено 78 и ударников – 6 работникам [КБВОВ 2014: 129].

Обкомы Союзов Кабардино-Балкарии проводили мероприятия по оказанию помощи эвакогоспиталям, эвакуированному населению, семьям военно-

служащих, инвалидам войны и детям-сиротам. Наиболее действенную помощь в начале 1942 г. семьям красноармейцев и эвакуированных оказал обком союза МТС и земельных органов (далее – Союз МТС земорганов). Он предоставил 113 семьям фронтовиков и эвакуированных работу, оказал единовременную помощь 2090 семьям и 70 инвалидам войны на сумму 87 тыс. руб., определил по организациям на содержание и воспитание за счет средств профсоюза троих детей-сирот, родители которых погибли в годы войны [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 3 Л. 3, 14; КБВОВ: 128, 129].

Работники Союза госторговли и общественного питания республики в течение 1943 г. собрали средств на оборудование больниц и разных вещей на 2 тыс. руб., семьям военнослужащих – 12,8 тыс. руб., средств для подшефного госпиталя – 20,1 тыс. руб. В 1944 г. были трудоустроены из семей военнослужащих 503 чел., приглашены на руководящие должности 16 инвалидов войны, оказана материальная помощь 42 членам союза семьям военнослужащих из средств профсоюзной организации на сумму 14,3 тыс. руб., определены в детские сады 75 детей, отремонтировано 6 квартир [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 3. Л. 34, 35].

В 1945 г. остронуждающимся семьям военнослужащих была оказана помощь: из средств обкома союза 6,8 тыс. руб., из средств в помощь семьям военнослужащих – 125 тыс. руб., выданы талоны на промтовары – 2065, топливо – 596 куб. м овощи – 25 тыс. тонн [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 14. Л. 4].

Большую заботу о военнослужащих госпиталя 2442 проявили работники профсоюзной организации культурных учреждений. Им передали, имеющуюся в месткоме библиотеку, музыкальные инструменты и культинвентарь, была собрана посуда и создан актив для проведения культурно-массовой работы. Помимо этого, республиканская библиотека передала госпиталю 350 книг, организовала доставку свежих газет и журналов [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 3. Л. 23, 26].

Существенную помощь семьям фронтовиков оказала профсоюзная организация мясокомбината. Она позаботилась об устройстве на работу 126 человек из семей красноармейцев и 48 эвакуированных. На кондитерской фабрике получили работу 136 человек из семей военнослужащих и эвакуированных. Помимо этого, профсоюзная организация фабрики обеспечила квартирами и общежитиями 80 человек, оказала денежную помощь в сумме 3550 руб., не считая выделенного белья, домашней утвари, топлива [КБВОВ: 128, 129].

Работа профсоюзных организаций республики нашла отражение и партийных документах Кабардинского обкома ВКП(б). Так, в марте–апреле 1944 г. организационно-инструкторский отдел обкома ВКП(б) проверил состояние профсоюзной работы в Баксанской ГЭС. В справке отмечалось, что молодежные бригады успешно выполняют обязательства предмайского социалистического соревнования на 100–170 %. Для передовиков производства организованы трехмесячные месячные курсы повышения технических знаний. Вместе с тем было указано, что постройком профсоюзной организации слабо контролирует работу отдела рабочего снабжения (ОРСы), который не выполняет свои функции. За I квартал 1944 г. допущено работниками 125 нарушений трудовой дис-

циплины, в том числе 12 членами профсоюза [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1007. Л. 10–12; Ф. 175. Оп. 2. Д. 3. Л. 31].

В другой справке организационно–инструкторского отдела Кабардинского обкома ВКП(б) «О работе профсоюзных организаций предприятий г. Нальчика» от 23 мая 1945 г. указывалось, что на заводе № 4 г. Нальчика созданы две комсомольско-молодежные бригады. Были названы лучшие из них: член профсоюза формовщик Загоруйко, цех которого выполнил норму выработки на 184 %, Туревич, мастер механического цеха, – на 180–200 %, формовшица Иванова на – 180–200 % [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1007. Л. 16, 17].

Всего по заводу имелось 57 стахановцев и 42 ударника. В 1944 г. внедрено 21 рационализаторское предложение, что позволили сэкономить 50 тыс. руб. в год. Профком обеспечил всех работающих индивидуальными огородами и регулярно осуществлял контроль за работой столовой [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1007. Л. 16, 17].

Наряду с этим в справке были указаны недостатки: – не проводился обмен опытом лучших стахановцев, неудовлетворительно поставлена организация культурно-массовой работы.

Большое внимание уделяли профсоюзы республики улучшению жилищно-бытовых и материальных условий рабочих и служащих, особенно созданию подсобных хозяйств предприятий и учреждений, коллективных и индивидуальных огородов. Так, например, площади индивидуальных огородов работников союза мннсантруда в 1945 г. по сравнению с 1943 г. увеличились в 2, 5 раза и составляли 175 га. Было собрано картофеля на этой площади 685,5 тонн, капусты – 4,5 тонн, свеклы – 13 тонн, кукурузы – 63 тонн, бобовых – 8 тонн, бахчевых – 1,25 тонн [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-690. Оп. 2. Д. 12. Л. 16].

Это не только улучшало продовольственное снабжение рабочих и служащих при минимальных затратах государства, но и сокращало перевозки продовольствия, высвобождало ресурсы для фронта. Из 29 подсобных хозяйств, лучшими хозяйствами стали хозяйства Костно-туберкулезного санатория, больницы Терского, Майского и Нальчикского районов [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-690. Оп. 2. Д. 12. Л. 16].

Полученные продукты использовались для улучшения питания больных в лечебных учреждениях республики.

Наряду с этим в 1943 г. за счет средств профсоюза были оздоровлены 38 детей и 25 – за счет минздрава, 18 человек лечились в санаториях, 113 детей были зачислены на детское питание в молочные кухни. В связи с подготовкой к зиме было отремонтировано 135 квартир, подвезено топлива 225 семьям, оказана материальная помощь в 3,6 тыс. руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-690. Оп. 2. Д. 12. Л. 16].

Вместе с тем в организации бытового устройства и продовольственного обеспечения были отмечены недостатки. Так, в отчете «О работе Кабардинского союза медсантруда за 1943–1944 гг.» указывалось, что в печеном виде хлеб получали только работники союза медсантруда в Прохладненском и Майском районах, остальные – мукой. Поступало много жалоб на то, что муку выдавали 1–2 раза в месяц, потому рабочие вынуждены были приобретать муку на рынке. В Советском районе вместо муки выдавали

кукурузу в початках, смолоть ее в районе не представлялось возможным. Кроме этого, медработники не обеспечивались продовольственными и промышленными товарами. Помимо этого, ежегодно случались перебои с обеспечением топливом лечебных учреждений и медработников [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-690. Оп. 2. Д. 5 Л. 3].

Профсоюзные организации республики осуществляли контроль и за работой магазинов и столовых. Состав рабочего контроля Союза работников медсантруд в 1944 г. включал 73 человек, еще 47 являлись членами комиссии рабочего снабжения. В госпитале они выявили факты обвешивания при выдаче пайков медицинским работникам (масла, джема, жидкого мыла). По настоянию рабочего контроля продавцы были сняты с работы [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-690. Оп. 2. Д. 5 Л 7.8: Д. 12 Л. 6, 7].

В Майском районе было обнаружено систематическое обвешивание на 200–300 граммов во время выдачи хлеба, так как на весах вместо гирь использовались обыкновенные камни. По результатам акта рабочего контроля никаких мер не было принято. Продавщица была уволена только после избиения представителя рабочего контроля [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-690. Оп. 2. Д. 5. Л. 7,8; Д. 12 Л. 6, 7]. Имели место случаи, когда Баксанский райздрав и больница не допускали рабочий контроль к проверке наличия купленного фуража, собранного урожая и работы кухни столовой. Руководители этих учреждений требовали разрешения и указаний Минздрава КАССР. Главный врач Прохладненской райбольницы не допускал рабочий контроль профсоюзной организации для проверки факта получения продуктов для столовой, закладку, сбор урожая с подсобного хозяйства. И только по требованию обкома союза и райздрава он разрешил проверять, но нечасто, а тогда, когда он пожелает. В отчете о работе Кабардинского обкома союза медсантруда сделан вывод, что в большинстве своем профсоюзные организации не осознали важность работы рабочего контроля [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-690. Оп. 2. Д. 5. Л. 7. 8; Д. 12. Л. 6, 7].

Следует отметить, что профсоюзные организации союза МТС и земорганов неудовлетворительно осуществляли контроль за работой магазинов и столовых. IV пленум Союза, состоявшийся 30 июня 1945 г, отметил: «Рабочкомы союза не осуществляют контроль за расходованием продукции подсобных хозяйств, в результате чего имеет место хищения продуктов на Советской и Чегемской МТС. В большинстве профсоюзных организаций союза до сих пор не избраны комиссии общественного контроля за работой столовых, магазинов, ларьков. В ряде организаций, поступающие продукты и товары, распределяют сами хозяйственники. Рабочкомы и месткомы самоустранились от законного участия в распределении поступающих продуктов [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-190. Оп. 3. Д. 1. Л. 14, 14 об.].

Аналогичное положение организации общественного контроля имело место и в союзе работников госторговли и общественного питания. Согласно отчету о работе союза с 10 февраля 1943 г. по 1 марта 1944 г., комиссия общественного контроля была избрана в составе 68 человек от 9 профсоюзных организаций. За указанный период общественные контролеры Гусев, Будовой составили два акта на обвес и антисанитарное состояние в столовой № 1 и № 2 г. Нальчика. По ре-

зультатам этих актов кладовщик был уволен, а директор оштрафован на 200 руб. Однако комиссия фактически не работала, на профсоюзных собраниях отчеты не заслушивались [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 3. Л. 33].

Анализ указанных материалов и других архивных документов показывает, что профсоюзные организации Кабардино-Балкарии поступали многочисленные жалобы и докладные записки о нарушениях в распределении продовольственных и промышленных товаров.

Однако профсоюзным организациям не удалось решить эту проблему, так как некоторые руководители государственных, партийных и хозяйственных органов, используя свое служебное положение, порой сами нарушали нормативно-правовые акты нормированного распределения, тем самым создавали условия для различных махинаций в организации учета и отчетности в системе торговли.

Другим направлением деятельности профсоюзов была культурно-массовая работа. В феврале 1943 г. ЦК ВКП(б) принял специальное решение «О культурной работе профсоюзов». ЦК счел неправильным, что некоторые профсоюзные органы, ссылаясь на трудности военного времени, ослабили политическое и культурное воспитание рабочих и служащих. В соответствии с указаниями ЦК партии президиум ВЦСПС обязал профсоюзные органы улучшить лекционную пропаганду, работу библиотек, развивать художественную самодеятельность» [Профсоюзы… 1963: 375].

В этом плане заслуживает внимания опыт работы обкома союза работников политпросветучреждений. Во всех профорганизациях выпускались стенгазеты, систематически проводились читки материалов газет, посвященных Великой Отечественной войне, изучались материалы 10 сессии Верховного совета СССР (1 марта 1944 г.). Интересно были организованы для детей встреча нового 1944 г., а также зимние каникулы. Новогодние утренники в профсоюзных организациях проводились коллективами художественной самодеятельности, встречей с участниками Великой Отечественной войны [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 3. Л. 26].

Однако следует отметить, что не во всех профсоюзных организациях Кабардино-Балкарии уделяли внимание проведению культурно-массовой работе. Так, например, Президиум обкома союза МТС и земороганов 19 июня 1945 г., заслушав на заседании вопрос «О состоянии культурно-массовой работы на мотороремонтном заводе», отметил: «…На заводе крайне слабо поставлена культмассовая работа клуба: не организованы кружки самодеятельности, рабочие – в своем большинстве молодежь – предоставлены сами себе, читки газет, лекции проводятся нерегулярно, радио на заводе нет. Все это приводит к частым случаям нарушения трудовой дисциплины…» [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 1. Л. 9]. Во исполнение решения обкома союза директор завода выделил помещение для красного уголка, создал библиотеку, приобрел инвентарь для проведения культурно-массовых и спортивных мероприятий [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 1. Л. 9].

На низком уровне находилась культурно-массовая работа и в других профсоюзных организациях обкома союза. В связи с этим IV пленум работников обкома союза МТС и земорганов (30 июня 1945 г.) разработал комплекс мер по

улучшению культурно-массовой работы [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-190. Оп. 3. Д. 1. Л. 15, 16].

Большую работу проводили профсоюзные организации промышленных предприятий в укреплении трудовой дисциплины, повышении производительности труда, благодаря чему многие промышленные предприятия выполняли и перевыполняли производственные задания. Помимо этого, профсоюзные организации занимались улучшением повседневной жизни различных категорий населения: осуществляли сбор средств и теплых вещей для фронта, оказывали помощь эвакогоспиталям, семьям военнослужащих, инвалидам Великой Отечественной войны, детям-сиротам, проводили контроль за работой магазинов и столовых. Тем не менее в условиях командно-административной системы они не смогли реализовать в полном объеме свои функции.

Формы и методы работы комсомольских организаций в годы войны

Значительную работу по патриотическому воспитанию молодежи осуществляли комсомольские организации. К началу войны в его рядах состояли более 10 млн человек. 23 июня 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О мероприятиях по военной работе в комсомоле» – программу перестройки жизни и деятельности комсомольских организаций применительно к условиям войны [Организация… 1968: 192, 193]. В нем Центральный комитет ВЛКСМ призвал всех комсомольцев быть готовыми с оружием в руках защищать любимую Родину, крепить дисциплину и организованность, удесятерять бдительность, оказывать всемерную помощь Красной Армии и Военно-Морскому Флоту, повсеместно заниматься военной подготовкой. Всего за годы войны на фронт были мобилизованы 3,5 млн комсомольцев, были приняты в комсомол 5,3 млн человек [Организация… 1968: 198; ВОВ 2014: 126]. В Кабардино-Балкарской областной комсомольской организации по состоянию на II квартал 1941 г. насчитывалось 24 773 членов ВЛКСМ и 547 первичных комсомольских организаций [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 56. Л. 11].

С первых дней войны по всей Кабардино-Балкарии проходили многочисленные митинги и собрания. Так, студент Пернацкий, выступая на митинге преподавателей и студентов Кабардино-Балкарского государственного пединститута (далее – КБГПИ) во второй половине дня 22 июня 1941 г., говорил: «…От имени 400 комсомольцев института заверяю партию и правительство, что мы по первому зову встанем на защиту Родины». В начале войны 228 студентов-комсомольцев КБГПИ влились в ряды Красной Армии, большинство из них отправились на фронт добровольцами [КБВОВ 1975: 29, 30].

Атмосферу, царившую в республике в первые часы войны, хорошо передает В. Сабанин в корреспонденции «Добровольцы»: «В комитет комсомола входит электромонтер Тырныаузкого вольфрамо-молибденового комбината Бибиков с заявлением: «Прошу зачислить в ряды доблестной Красной Армии, чтобы бить врага». Вслед за ним появляется столяр жилищного участка комсомолец Найденов, из механического цеха Ларин, и у всех одна просьба перед военкоматом – принять добровольцами не фронт. Это было рано утром 22 июня 1941 г., а к часу дня уже был большой наплыв заявлений [КБВОВ 1975: 51].

С июня по октябрь 1941 г. свыше пяти тысяч комсомольцев республики, что составило около трети численности состава ВЛКСМ Кабардино-Балкарии, были мобилизованы на фронт. Всего в годы войны 12 300 комсомольцев республики были призваны в ряды Красной Армии, что составляло 50 % состава комсомольской организации республики. При этом добровольцами отправились на фронт 2354 человека, в том числе 300 девушек [Страницы истории… 1980: 236; УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 14–16].

На 1 июня 1945 г. областная комсомольская организация состояла из одной городской и 15 районных комсомольских организаций, объединявших 445 первичных организаций с 7396 комсомольцами. Многие из них отличились на фронте. За мужество и героизм 22 комсомольца Кабардино-Балкарии были удостоены звания «Герой Советского Союза» [Страницы истории… 1980: 286; КБВОВ 1975: 703-731].

Высокий патриотический дух проявили и те, кто по тем или иным причинам не подлежали отправке на фронт. Согласно постановлению бюро Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ «Об обязательной военной подготовке комсомольцев и молодежи» от 28 июня 1941 г., комсомольцы регулярно изучали военное дело, создавали группы противовоздушной и химической обороны, бригады милиции по охране городов и селений республики, санитарные дружины [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 44. Л. 122].

Они принимали деятельное участие в укреплении фонда обороны государства. В годы войны комсомольцы Кабардино-Балкарии перечислили значительные средства в фонд обороны, на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи, собрали более трех миллионов рублей на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам!», 1 655 тыс. – на строительство эскадрильи истребителей «Комсомолец Кабарды». Кроме того, на молодежных воскресниках было заработано и внесено в фонд обороны 309 600 рублей. Силами комсомольцев и пионеров было сдано государству 2338 тонн металлолома [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 872. Л. 122].

Комсомольцы принимали активное участие в формировании 115 Кабардино-Балкарской национальной кавалерийской дивизии. Они работали на субботниках и воскресниках, а заработанные средства поступали в фонд обороны, направлялись в помощь детям-сиротам, инвалидам Отечественной войны, семьям фронтовиков. По инициативе Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ 1943–1944 гг. на комсомольских воскресниках заработали 945,5 тыс. рублей для оказания помощи детям фронтовиков [Страницы истории… 1980: 243].

Самоотверженно трудились комсомольцы на производстве. О их трудовом подъеме в условиях военного времени сообщала газета «Социалистическая Кабардино-Балкария»: «…На кондитерской фабрике, мясокомбинате, спиртзаводе и других предприятиях нет ни одного комсомольца, который бы не выполнял своей нормы. Молодежная смена убойного цеха мясокомбината ежедневно выполняет задания на 150–160 %; комсомолка швейной фабрики № 1 тов. Казанчева довела дневную норму выработки до 300 %; многостаночница завода «Чинар» тов. Кумехова свое производственное задание выполняет на 200 % [Страницы истории… 1980: 243, 244].

В соответствии с решением ЦК ВЛКСМ от 24 июня 1941 г. бюро Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ приняло постановления «О мероприятиях по практическому участию комсомольцев колхозов и учащихся школ сельской местности в колхозном производстве» от 28 июня 1941 г., «О подготовке кадров из женской молодежи для промышленных предприятий» от 22 декабря 1941 г. Помимо этого широкий отклик нашло среди сельской молодежи обращение трактористки Нальчикской МТС комсомолки Л. Бляниховой «Девушки, на трактор!» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 55. Л. 123, 124; Д. 56, Л. 82; Страницы истории… 1980: 239, 244]. Поддерживая эти инициативы, студенты учебных ведений, учащиеся средних школ объявили себя мобилизованными для трудового фронта. Более 1000 человек пошли работать на промышленные предприятия, в колхозы. Многие из них добивались больших результатов в труде. Например, тракторист Прималкинского зерносовхоза тов. Волков перевыполнял норму в четыре раза, комбайнер Акбашской МТС тов. Мешев ежедневно убирал 28–29 га пшеницы при норме 9 га [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 55. Л. 123, 124; Д. 56, Л. 82; Страницы истории… 1980: 239, 244].

Комсомольские организации совместно с руководителями МТС и колхозов проводили подготовку механизаторских кадров из женщин. В Прохладненском районе 77 девушек работали трактористками, 20 – комбайнерками и 29 – без отрыва от производства готовились стать трактористами и комбайнерами. Женщины, заняв места мужчин, ушедших на фронт, работали, перевыполняя плановые задания. Комсомолки-трактористки Нальчикской МТС Лола Блянихова, Фица Хамгокова и Зурият Тхамокова вдвое перевыполняли нормы выработки. Молодые трактористки Чегемской МТС Аца Атабаева и Ляца Шогенова с первых дней Отечественной войны выполняли норму на 150 % [КБТФ 2005: 68].

Девушки-комсомолки из колхоза «Нижний Баксан» Эльбрусского района заменили на сенокосе ушедших на фронт мужчин. Летом 1942 г. 12 девушек, в том числе Шахризан Этезова, Раузия Этезова, Зухра Отарова, Шамшия Юсупова, Шамхан Малкарова и Фатимат Малкарова отправились на сенокосные угодья колхоза в местности Бажиган (ныне Ногайский район Республики Дагестан – уточнение – *А.Т.*) на сенокос и работали на лобогрейках и сенокосилках [КБТФ 2005: 63].

Летом 1942 г., когда немецко-фашистские войска вторглись на Северный Кавказ, комсомольцы Кабардино-Балкарии приняли активное участие в строительстве оборонительных сооружений. При этом комсомолки Котлярова Аня, Ашабокова Жанпаго, Казаченко Александра и другие выполняли по 8–10 норм за день. Самоотверженно работала на строительстве дороги Актопрак–Былым молодежная бригада Чопановой-Акизовой, получившая благодарность от командования воинской части. Комсомольцы города Нальчика освоили производство бутылок с горючей жидкостью и под руководством военных специалистов изготовили 18 тысяч [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 278. Л. 14, 16].

Анализ архивных документов показывает, что в период временной оккупации территории Кабардино-Балкарии гитлеровскими захватчиками комсомольцы, вступив в партизанские отряды, вели беспощадную борьбу с врагом. Высокими правительственными наградами отмечены подвиги партизан Юлии

Панайоти, Харитоны Куликовой, Василия Агаларова, Мурадина Мечукаева, Владимира Меликьянц, Александры Козуб, Софьи Жанказиевой, Ольги Буцкой, Веры Макогон, Нины Радченко, пионера Шаваева и др. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2369. Л. 47, 51, 56, 65].

Немецко-фашистские оккупанты нанесли огромный ущерб Кабардино-Балкарии. После изгнания захватчиков с территории республики в январе 1943 г. областной комитет партии направил все свои усилия на восстановление народного хозяйства, оказание фронту всемерной помощи.

Комсомольцы республики принимали активное участие в восстановлении предприятий г. Нальчика – завода № 4, кондитерской фабрики, хлебозавода, мясокомбината. Комсомольско-молодежная бригада Брюхиной на хлебозаводе постоянно выполняла план на 200 %. На заводе № 4 комсомольцы и молодежь расчистили цеха, приняли участие в создании электростанции. Комсомольцы и молодежь «Главмуки» восстановили мельницу, оборудовали элеватор, расчистили территорию. Силами комсомольцев и молодежи города и районов были восстановлены железнодорожная линия «Нальчик – Прохладная» и Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 62. Л. 30, 31].

Большое народнохозяйственное значение имело для республики восстановление основной энергетической базы Кабардино-Балкарии –Баксанской ГЭС. В нем приняли участие более 700 комсомольцев, в основном девушек. Были созданы комсомольско-молодежные бригады и звенья, которые, несмотря на огромные трудности, ежедневно перевыполняли сменные задания. Например, бригады комсомолок Марьинцевой, Цыбулиной и Ковтуненко, доводили выработку до полутора нормы [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 10-12].

Комсомольцы колхозов приняли активное участие в восстановлении хозяйства колхозов, МТС, совхозов. Силами комсомольцев было собрано и отремонтировано 7 тыс. сельхозмашин и другого сельскохозяйственного инвентаря, 102 трактора. Для тракторов и иных сельхозмашин было собрано и отремонтировано запасных деталей на сумму 40 тыс. рублей. 163 комсомольско-молодежные бригады работали на сборе семян, ремонте тракторов и сельскохозяйственных машин. Ими было собрано 25 830 ц семян, отремонтировано более 7 тысяч сельскохозяйственных машин, в том числе 102 трактора. На севе работали 363 комсомольско-молодежных звена, которые посеяли 606 га [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 10-12].

Успешно трудились на прополке сельхозкультур и добивались 200 и более процентов выработки звенья Марии Цыгаевой (Курпский район), Салихат Эндреевой (Черекский район), Христины Бойко (Майский район) и др. По почину девушек-комсомолок колхоза им. Кирова Баксанского района девушки республики вышли на сенокос. В заготовке сена приняло участие более 2 тыс. девушек-косарей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 12].

Комсомольские организации республики приняли активное участие в восстановлении и работе художественной самодеятельности. В декабре 1943 г., январе 1944 г. совместно с органами Народного образования и Управлением по делам искусства было проведено 16 смотров художественной самодеятельности

в районах. В результате в районах возобновили свою работу 97 коллективов и были вновь созданы 50 коллективов самодеятельности. В районных смотрах 1943 г. приняло участие 1898 человек. На республиканский смотр были отобраны 29 коллективов и 65 одиночных исполнителей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 40].

Зимой 1945 г. обком ВЛКСМ совместно с Управлением по делам искусств провел второй смотр художественной самодеятельности, в котором приняли участие более 2 тыс. человек комсомольцев и молодых людей, а в республиканском смотре – 375 человек, в том числе 15 лучших коллективов.

В 1943 г. и летом 1944 г. были созданы агитбригады из работников искусства и комсомольского актива. Они обслужили колхозы Терского, Урожайненского, Зольского, Кубинского, Эльбрусского, Баксанского районов и дали 60 концертов. Концертам предшествовал доклад, посвященный событиям на фронтах Великой Отечественной войны [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 41].

Анализ архивных документов свидетельствует о том, что период войны возросла роль комсомольской организации Кабардино-Балкарии как активного помощника областной партийной организации, укрепилась связь с молодежью, увеличилось количество первичных комсомольских организаций. Вместе с тем комсомол, являясь частью командно-административной системы, не смог в полной мере раскрыть творческие возможности своей организации, страдал заорганизованностью, формализмом. Комсомольские организации слабо занимались вопросом оказания молодежи помощи в получении и повышении квалификации, налаживанием работы культурно-просветительных учреждений – клубов, домов культуры, изб-читален, не вели должной борьбы с фактами бюрократического отношения к нуждам молодежи, терпимо относились к фактам нарушения отдельной частью рабочей молодежи государственной и трудовой дисциплины.

Заключение

Таким образом, в экстремальных условиях для нашей страны происходила перестройка деятельности государственных органов власти, военного руководства, партийных и общественных организаций страны и на местах. Тем самым был реализован принцип максимальной централизации политического, хозяйственного и военного руководства. Произошло сращивание партийной и государственной власти, соединение ветвей государственной власти, жесткая вертикаль исполнительной власти и определенное снижение внутрипартийной демократии.

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что приоритетными направлениями работы государственных власти, общественных организаций Кабардино-Балкарии в условиях военного времени являлись военно-мобилизационная работа, обеспечение потребностей фронта военной продукцией, продовольственными и промышленными товарами, сбор средств в Фонд обороны страны и приобретение боевой техники, теплой одежды и подарков для воинов Красной Армии, подписка на Государственные военные займы. Организаторами всей этой многосторонней деятельности выступили профсоюзные и комсомольские организации. Для достижения своих целей они использовали

различные формы работы – «социалистическое соревнование», «движения», «инициативы», «почины». Они осуществляли работу по организации разнообразной шефской помощи раненым фронтовикам в эвакогоспиталях, эвакуированным гражданам, семьям фронтовиков, инвалидам Великой Отечественной войны, детям-сиротам. Для этого проводились декадники, воскресники адресной помощи, колхозов, совхозов, школ и граждан.

Вместе с тем в работе государственных и общественных организаций были определенные недостатки по обеспечению населения продовольственными и промышленными товарами, топливом и организации культурно-массовой работы. Одной из причин явилось то, что в условиях доминирования командно-административной системы не были созданы условия для работы общественного контроля. Тем не менее при всех упущениях и недостатках перестройка деятельности государственных органов и общественных организаций в экстремальных условиях было необходимым условием для достижения победы над фашистской Германией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Абазов, Гериева 2019 – *Абазов А.Х., Гериева Ф.С.* Основные направления деятельности органов власти в Кабардинской АССР в марте 1944 – мае 1945 годов // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 231-245. – DOI 10.24224/2227-1295-2019-9-231-245. – EDN: OKRKYG.

Боффа 1990 – *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т.2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.: Пер. с итал. 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1990. – 632 с.

ВОВ 2014 – *Великая Отечественная война* 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.

Верт 1995 – *Верт Н.* История Советского государства, 1900-1991 / пер. с французского: Н. – Москва: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации*.

ГКО 2015 – *Государственный комитет обороны СССР.* Постановления и деятельность, 1941-1945 гг.: в 2 ч. / Федеральное архивное агентство, Российский гос. арх. социально-политической истории, Российское историческое о-во ; редко Л. : А. К. Сорокин (отв. ред.). – Москва: РОССПЭН, 2015. Т. 1. 1941-1943. 1220 с. Т.2. 1944-1945. 1340с.

Данилов 2020 – *Данилов В.Н.* Власть и общество в Великой Отечественной войне // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 4-10. – DOI 10.22394/1682-2358-2020-2-4-10. – EDN: KSCTVZ.

Зинич 2012 – *Зинич М. С.* Социум и власть: решение проблем повседневной жизни в 1941-1945 годы // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 9. – С. 146-154. – EDN: PCEINH;

Ильясова 2006 – *Ильясова М. К.* Государственная система власти СССР в период Великой Отечественной войны: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореф. дисс… канд. ист. наук / Ильясова М. К. – Махачкала, 2006. – 30 с. – EDN: NJZLBZ.

КБВОВ 1975 – *Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны* 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

КБТФ 2005 – *Кабардино-Балкария: Тыл и фронт* 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. – Нальчик: Эльфа, 2005. – 340 с.

Морозов 2005 – *Морозов В.И.* Особенности государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Управленческое консультирование. – 2005. – № 1(17). – С. 32-46. – EDN: KUBWUB.

Омельченко 2013 – *Омельченко Н.А.* Государственное управление в СССР в годы Великой Отечественной войны: новое и старое в системе властно-управленческих отношений / Н.А. Омельченко, Е.П. Казбан, Ю.В. Гимазова // Вестник университета. – 2013. – № 20. – С. 275-280. – EDN: PYCDJQ.

Организация… 1968 – *«Организация удесятеряет силы». Документы и материалы съездов, конференций, ЦК ВЛКСМ по организационной работе (1918—1966 гг.*), – М.: Молодая гвардия, 1968. – 375 с.

Профсоюзы… 1963 – *Профсоюзы* СССР: документы и материалы: 1905-1963 гг.: в 4 т. – Москва: Профиздат, 1963. – Т. 3. – 749 с.

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории.*

Решения партии… 1968 – *Решения партии* и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941-1952 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968. – 754 с.

Сборник законов… 1945 – *Сборник законов СССР* и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938-1944 гг. – М.: Ведомости Верховного совета СССР, 1945. –362 с.

Страницы истории… 1980 – *Страницы* истории комсомола Кабардино-Балкарии: Документы и материалы (1918-1978 гг.*)* / Составители А.К. Карачаева и др. – Нальчик: Эльбрус, 1980. –522 с.

Тетуев 2021 – *Тетуев А. И.* Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии). – Нальчик: Принт Центр, 2021. – 380 с.

УЦГА АС КБР – *Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.*

УЦДНИ АС КБР – *Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.*

Черепанова 2005 – *Черепанова Е.В.* Перестройка системы власти и государственного управления СССР в первый период Великой Отечественной войны: июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.: автореф. дис... канд. ист. наук / Рос. эконом. акад. им. Г.В. Плеханова. – М., 2005. – 21 с.

REFERENCES

ABAZOV A.Kh., GERIEVA F.S. *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti organov vlasti v Kabardinskoi ASSR v marte 1944 – mae 1945 godov* [The main directions of activity of the authorities in the Kabardian ASSR in March 1944 – May 1945]. IN: Nauchnyi dialog. – 2019. – № 9. – P. 231-245. – DOI 10.24224/2227-1295-2019-9-231-245. – EDN: OKRKYG. (In Russ.).

BOFFA D.Zh. *Istoriya Sovetskogo Soyuza. T.2. Ot Otechestvennoi voiny do polozheniya vtoroi mirovoi derzhavy. Stalin i Khrushchev. 1941-1964 gg.* [History of the Soviet Union. T.2. From the Patriotic War to the position of the second world power. Stalin and Khrushchev. 1941 - 1964]: Per. s ital. 2-e izd. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990.632 p. (In Russ).

DANILOV V.N. *Vlast' i obshchestvo v Velikoi Otechestvennoi voine*[. Power and Society in the Great Patriotic War]. IN: Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. – 2020. – T. 20. – № 2. – P. 4-10. – DOI 10.22394/1682-2358-2020-2-4-10. – EDN: KSCTVZ. (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i voina [The Great Patriotic War of 1941-1945]. In 12 vols. T. 10. State, society and war. – M.: Kuchkovo pole, 2014. – 864 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [GARF – State Archive of the Russian Federation] (In Russ.).

Gosudarstvennyi komitet oborony SSSR Postanovleniya i deyatel'nost', 1941-1945 gg.: v 2 ch. [State Defense Committee of the USSR. Decrees and activities, 1941-1945: in 2 hours]. Federal'noe arkhivnoe agentstvo, Rossiiskii gos. arkh. sotsial'no-politicheskoi istorii, Rossiiskoe istoricheskoe o-vo ; redkol.: A.K. Sorokin (otv. red.). – M.: ROSSPEN, 2015. – T. 1. 1941-1943. – 1220 p.; – T. 2. 1944-1945. – 1340 s. (In Russ.).

ZINICh M. S. Sotsium i vlast': reshenie problem povsednevnoi zhizni v 1941-1945 gody [Society and power: solving the problems of everyday life in 1941-1945] IN: Trudy storicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2012. – № 9. – P. 146-154. – EDN: PCEINH (In Russ.).

IL"YaSOVA M. K. Gosudarstvennaya sistema vlasti SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny: avtoref. diss…. kand. ist. nauk [State system of power of the USSR during the Great Patriotic War: author. diss…. cand. ist. Sciences] Il'yasova M. K. – Makhachkala, 2006. – 30 p. – EDN: NJZLBZ. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War 1941–1945 Collection of documents and materials]. – Nal'chik: El'brus, 1975. –795 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya: Tyli front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Ka-bardino-Balkaria: Rear and front 1941–1945 (to the 60th anniversary of the Great Victory) / comp]. sost.: Kh.M. Dumanov, V.Kh. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko. – Nal'chik: El'fa, 2005. – 340 p. (In Russ).

MOROZOV V.I. *Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945*) [Features of public administration of the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945)]. IN: Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2005. – № 1 (17). – P. 32-46. – EDN: KUBWUB (In Russ.).

OMEL"ChENKO N A. *Gosudarstvennoe upravlenie v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: novoe i staroe v sisteme vlastno-upravlencheskikh otnoshenii* [Public administration in the USSR during the Great Patriotic War: new and old in the system of power-administrative relations] / N. A. Omel'chenko, E. P. Kazban, Yu. V. Gimazova. IN: Vestnik universiteta. – 2013. – № 20. – P. 275-280. – EDN: PYCDJQ (In Russ).

«*Organizatsiya udesyateryaet sily».Dokumenty i materialy s"ezdov, konferentsii, TsK VLKSM po organizatsionnoi rabote (1918—1966 gg.)* [The organization is multiplying its strength." Documents and materials of congresses, conferences, Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League for organizational work (1918-1966)]. M., 1968. – P. 192-193 (In Russ.).

Profsoyuzy SSSR: dokumenty i materialy: 1905-1963 gg.: v 4 t. [Trade unions of the USSR: documents and materials: 1905-1963. : in 4 volumes] – M.: Profizdat, 1963. – T. 3. – 749 s. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [RGASPI – Russian State Archive of Socio-Political History]

Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam. V 5 t.: Sb. dok. za 50 let. T. 3. 1941-1952 gg. [Decisions of the party and government on economic issues. In 5 volumes: Sat. doc. for 50 years. T. 3. 1941-1952] / Sost. K.U. Chernenko, M.S. Smirtyukov. – M.: Politizdat, 1968. – 754 p. (In Russ.).

Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo soveta SSSR. 1938-1944 g.g. [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938-1944] – M.: Vedomosti Verkhovnogo soveta SSSR, 1945. –362 p.

Stranitsy istorii komsomola Kabardino-Balkarii: Dokumenty i materialy (1918-1978 gg.) [Pages of the history of the Komsomol of Kabardino-Balkaria: Documents and materials (1918-1978] / Sostaviteli A. K. Karachaeva i dr. – Nal'chik : El'brus, 1980. –522 p. (In Russ.).

TETUEV A. I. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945. (on the example of Kabardino-Balkaria)]. – Nal'chik: Print Tsentr. 2021. –380 p. (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardi-no-Balkarskoi Respubliki [UTSDN AS KBR – Office of the Center for Documentation of the Recent History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardi-no-Balkarskoi Respubliki [UCCA AS KBR - Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. Department of the Cen-tral State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

ChEREPANOVA E.V. *Perestroika sistemy vlasti i gosudarstvennogo upravleniya SSSR v pervyi period Velikoi Otechestvennoi voiny: iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.: avtoref. dis. ... kand.*

ist. Nauk [Restructuring of the system of power and public administration of the USSR in the first period of the Great Patriotic War: June 1941 - November 1942: author. dis. ... cand. ist. Sciences] Ros. ekonom. akad. im. G.V. Plekhanova. – M., 2005 – 21p. (In Russ.).

Информация об авторе
А.И. Тетуев – доктор исторических наук, доцент.
Information about the author
A.I. Tetuev – Doctor of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.
The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 37:093(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-243-269
EDN: FCWWWO

КАФЕДРА ИСТОРИИ СССР КАБАРДИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДИНСТИТУТА (конец 1940-х – 1957 г.): ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Елена Георгиевна Муратова[1], **Юлия Аслановна Ортанова**[2]
[12] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1] lena_gm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6803-6884
[2] yulia-kabardinka@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных документов и историографических источников определены основные направления научных исследований преподавателей, работавших на кафедре истории СССР Кабардинского педагогического института в конце 1940-х-1957 гг. Представлены факты научной биографии А.И. Першица, В.А. Рюмина, В.П. Крикунова, И.Ф. Мужева, А.И. Щеголева, М.Н. Кривушина, Т.И. Агаповой, Р.Х. Гугова, Т.Х. Кумыкова, относящиеся к этому этапу их научно-педагогической карьеры. Сделаны выводы, что одним из приоритетных направлений научной деятельности сотрудников кафедры истории СССР в рассматриваемый период была разработка основных проблем истории Кабарды. Статья подготовлена к девяностолетию Кабардино-Балкарского государственного университета и посвящена преподавателям, стоявшим у истоков исторической науки и исторического образования в республике.

Ключевые слова: Кабардинский государственный педагогический институт, кафедра истории СССР, историческое образование в Кабардино-Балкарии, научная биография, А.И. Першиц, В.А. Рюмин, В.П. Крикунов, И.Ф. Мужев, А.И. Щеголев, М.Н. Кривушин, Т.И. Агапова, Р.Х. Гугов, Т.Х. Кумыков.

Для цитирования: Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А. Кафедра истории СССР Кабардинского государственного пединститута (конец 1940-х – 1957 г.): основные направления научных исследований // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 243-269. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-243-269. EDN: FCWWWO.

© Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А., 2022

Original article

DEPARTMENT OF USSR HISTORY AT THE KABARDIAN STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE (late 1940s – 1957): MAIN DIRECTIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Elena G. Muratova[1], **Yulia A. Ortanova**[2]
[12] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] lena_gm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6803-6884
[2] yulia-kabardinka@mail.ru

Abstract. Based on archival documents and historiographic sources, the article defines the main directions of scientific research of teachers who worked at the Department of History of the USSR of the Kabardian Pedagogical Institute in the late 1940s–1957. The facts of the scientific biography of A.I. Pershits, V.A. Ryumin, V.P. Krikunov, I.F. Muzhev, A.I. Shchegolev, M.N. Krivushin, T.I. Agapova, R.H. Gugov, T.Kh. Kumykov related to this stage of their scientific and pedagogical career are presented. The article shows that one of the priority areas of scientific activity among the employees of the Department of USSR History in the period under review was the development of the key problems in the history of Kabarda. The article was written for the ninetieth anniversary of the Kabardino-Balkarian State University and is dedicated to the teachers who stood at the origins of historical science and historical education in the republic.

Keywords: Kabardian State Pedagogical Institute, Department of History of the USSR, historical education in Kabardino-Balkaria, scientific biography, A.I. Pershits, V.A. Ryumin, V.P. Krikunov, I.F. Muzhev, A.I. Shchegolev, M.N. Krivushin, T.I. Agapova. R.H. Gugov, T. Kh. Kumykov.

For citation: Muratova E.G., Ortanova Yu.A. Department of USSR history at the Kabardian State Pedagogical Institute (LATE 1940S – 1957): main directions of scientific research. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 243-269. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-243-269. EDN: FCWWWO.

© Muratova E.G., Ortanova Yu.A., 2022

2022 г. является юбилейным для Кабардино-Балкарского государственного университета, которому исполнилось 90 лет. В 1932 г. был создан Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт (КБГПИ), в 1934 г. при нем был открыт учительский институт с двухгодичным сроком обучения и одновременно был основан исторический факультет. В 1934 г. начала свою работу кафедра истории, объединившая преподавателей отечественной и всеобщей истории. Здесь начинается подготовка квалифицированных кадров историков-педагогов и формируется центр исторической науки Кабардино-Балкарии, где ведется разработка основных проблем истории региона. В специальных работах мы уже рассматривали начальный этап становления системы высшего исторического образования в республике [Муратова, Ортанова 2017б; Муратова, Ортанова 2017в; Ортанова 2021], а также посвящали отдельные исследования некоторым преподавателям, внесшим значительный вклад в ее развитие [Муратова, Ортанова 2017а; Муратова, Ортанова 2020; Муратова, Ортанова 2021].

Представленная статья продолжает серию работ, посвященных изучению научно-педагогической деятельности историков, стоявших у истоков исторической науки и высшего исторического образования в республике. Ее цель – осветить работу кафедры истории СССР Кабардинского государственного педагогического института в один из кризисных периодов ее истории – с конца 1940-х гг. до преобразования пединститута в Кабардино-Балкарский государственный университет в 1957 г. Основные факты биографий и научно-педагогической деятельности ученых-историков, о которых пойдет речь, уже освещались в специальных изданиях и юбилейных публикациях [Гасанов 2006; Семенов 2008; Хасбулатов и др. 2013; Жизнь во имя науки… 2013; Гугов 2017; Бугай 2019]. Однако в данной статье основным источником послужили документы, извлеченные из Архива Кабардино-Балкарского государственного университета и

фондов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарии, которые существенно дополняют известные материалы. Прежде всего речь идет о фонде Р-582 «Кабардино-Балкарский пединститут» и ежегодных отчетах заведующих кафедрами, которые содержат достаточно полные сведения о ходе научно-исследовательского и образовательного процесса на историческом отделении вуза. При этом фокус анализа сосредоточен на деятельности преподавателей кафедры истории СССР на соответствующем этапе их академической карьеры в стенах тогда Кабардинского государственного пединститута. Весьма примечательно, что более 60 лет назад задача по созданию очерков по истории КБГУ уже ставилась перед учеными университета, и раздел «Кафедра истории СССР» был выполнен доцентом кафедры Т.И. Агаповой [УЦГА АС КБР. Ф. Р-892. Оп. 1. Д. 43. Л. 71-72]. Однако эта рукопись пока не обнаружена.

Для решения поставленных задач наиболее эффективным представляется использование методов «новой биографической истории», при этом особое значение придается выявлению автобиографической составляющей в том числе делопроизводственной документации, анализу именно персональной истории жизни в широком смысле этого слова. Биографический метод дополняется историографическим подходом, что дает возможность исследовать творческую лабораторию историка, ввести в научный оборот малоизвестные факты, исторические и историографические источники и на этой основе проанализировать интеллектуальную деятельность отдельной личности, оценив ее вклад в соответствующую проблемную область исторического знания. Выявленные научные работы профессорско-преподавательского состава кафедры истории СССР КГПИ за 1950-1957 гг., опубликованные как отдельными изданиями, так и в «Ученых записках» Кабардино-Балкарского пединститута и Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, значительно расширяют источниковую базу и позволяют определить основные направления научных исследований преподавателей кафедры в рассматриваемый период.

С конца 1949 г. кафедра истории СССР функционировала как вполне самостоятельное и административно оформленное научно-педагогическое подразделение Кабардинского государственного пединститута. В 1948-1949 учебном году в должности исполняющего обязанности заведующего кафедрой работал **Абрам Исаакович Першиц** (Фото 1).

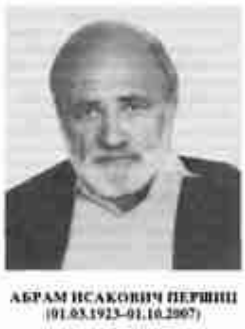


*Фото 1. Абрам Исаакович Першиц**

* Фото из IN MEMORIAM // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С.185.

Молодым специалистом он приехал из Москвы после окончания аспирантуры Института этнографии АН СССР и защиты кандидатской диссертации. «В Кабардинском пединституте А.И. Першиц читал общий курс истории СССР и спецкурс «История Кабарды». Следует отметить, что именно в 1948-1949 учебном году впервые на 3-м и 4-м курсах истфака был разработан спецкурс по истории Кабардинской АССР, доведенный до Великой Октябрьской революции. В этом же году А.И. Першиц сдал в редакцию Академии наук свою кандидатскую диссертацию, а также подготовил работу о родоплеменной организации бедуинов и две статьи для Большой советской энциклопедии. В качестве общественной нагрузки он руководил кружком по этнографии Кабарды и выступал с докладами в преподавательском лектории» [Муратова, Ортанова 2017б: 108]. Представляется, что именно этот ученый стоял у истоков этнографической подготовки студентов вуза: одновременно он заведовал сектором этнографии местного НИИ. Однако работа А.И. Першица в качестве временно исполняющего обязанности зав.кафедрой Истории СССР в отчете руководства получила критическую оценку: «Может работать и умеет, но работал с холодком, без желания и интереса» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 50. Л. 5]. В сентябре 1949 г. Министерство высшего образования СССР переводит его в Бухарский пединститут. Но этот год, проведенный в стенах КГПИ, как представляется, в дальнейшем во многом предопределил сферу научных интересов А.И. Першица и на долгие годы связал его с кавказоведением. По его собственному утверждению, еще в 1948 г., собирая этнографические материалы в Лескенском и Нагорном районах Кабардинской АССР, А.И. Першиц попытался выявить сохранившиеся здесь в прошлом пережитки патриархально-родовой организации и определить их значение в общественно-экономической жизни кабардинцев. Итогом этих исследований стала его работа «Фамилия-лъэпкъ у кабардинцев в XIX в.», опубликованная в журнале «Советская этнография» [Першиц 1951]. А.И. Першиц приходит к заключению, что «*лъэпкъ*» – круг отцовских родственников-однофамильцев – играл весьма заметную роль в жизни дореволюционной Кабарды, члены его были объединены рядом хозяйственных, общественных и идеологических связей. При этом экономическое единство родственников-однофамильцев, не имевших в условиях соседской общины общей земельной собственности, проявлялось главным образом во взаимопомощи. В области организационного единства, общественных связей членов одной фамилии А.И. Першиц отмечает прежде всего наличие старшего – *нахыжь,* с которым советовались во всех существенных случаях жизни семейств данного объединения. Характерной чертой общественного единства членов одного *лъэпкъ* была фамильная экзогамия. Столь же яркой чертой общественного единства родственников-однофамильцев была общефамильная обязанность кровной мести. Характерным моментом являлась также единая фамильная генеалогия, воспоминания об общем родоначальнике группы. Фамилии имели свои участки на сельских кладбищах. Таким образом, рассмотренная А.И. Першицем кабардинская фамилия – *лъэпкъ* представляла, по его мнению, пережиточную форму патриархально-родовой организации, воплощавшую реликтовое единство распавшегося отцовского рода. Однако, согласно Першицу, значение *лъэпкъ* этим

не исчерпывается, ибо пережиточные внутрифамильные традиции широко использовались верхушкой кабардинского общества в целях увеличения феодальных поборов [Першиц 1951: 177-179]. Все эти важные положения, сформулированные Абрамом Исааковичем Першицем, в последующем были широко востребованы этнографической наукой.

На рубеж 1940-х-1950-х гг. приходится краткосрочная деятельность на кафедре истории СССР КГПИ **Владимира Афанасьевича Рюмина** (Фото 2), известного организатора науки, основателя Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

*Фото 2. Владимир Афанасьевич Рюмин**

В 1948 г. по направлению министерства просвещения РСФСР Рюмин вновь прибыл в Нальчик для преподавания в Кабардинском пединституте, он активно включился в учебную деятельность: готовил студентов к госэкзаменам, читал историю средневековой Руси, будучи «старым музейным работником» разработал спецсеминар «Музееведение и региональное краеведение», а также активно работал над докторской диссертаций «История государственных учреждений Закавказья конца XVIII и начала XIX веков (Система управления)» [Муратова, Ортанова 2017б: 109-110].

По поручению кафедры истории СССР В.А. Рюмин вел историко-краеведческий кружок, который соответствовал тематике его научной работы. Он подготовил большой доклад «История Нальчика и перспективы его развития в досоветский период». Рюмин видел свою задачу в приобщении студентов к научно-исследовательской работе. Под его руководством студенческий краеведческий кружок провел больше 20 занятий. Была организована экскурсия в станицу Екатериноградскую Кабардинской АССР, основанную волжскими казаками рядом с крепостью св. Екатерины (заложена в 1777 г.). Отсюда начиналась Военно-Грузинская дорога, связавшая Центральную Россию с Закавказьем.

* Фото с сайта URL: http://nhkm.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=414&Itemid=348&lang=ru (дата обращения: 13.12.2017)

История ст. Екатиноградской связана с именами многих выдающихся личностей, с 1786 по 1790 г. здесь находился центр Кавказского наместничества.

В рамках данной статьи следует отметить вклад В.А. Рюмина в разработку общего курса истории Кабарды. Комментируя на заседании Ученого совета 26 июля 1949 г. итоги работы за прошедший учебный год, он, в частности, говорил: «…будучи еще в Москве, я интересовался кафедрами истории народов СССР в части проведения курса истории народов Северного Кавказа и истории народов Кабарды. Ни в министерстве просвещения, ни в министерстве образования никто не мог мне сказать ничего, и когда я прибыл в пединститут, я был радостно удивлен, что здесь читается курс истории Кабарды. Это прекрасное достижение, в этом году был прочитан курс, и дирекции нужно было записать в отчете. Не во всех союзных республиках так читается этот курс. В такой республике, как Киргизская начали читать этот курс и не могли довести до конца» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 58. Л. 111 об.].

Примечательно, что именно доцент кафедры истории СССР В.А. Рюмин в следующем учебном году читал курс истории Кабарды, и руководство вуза отметило «это чрезвычайно отрадное явление в жизни нашего института» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 57. Л. 9]. По предположению Е.С. Тютюниной, В.А. Рюмин, как и его предшественники, читал свой авторский курс по истории Кабарды, поскольку тогда не было ни учебника, ни обобщающего труда по этой дисциплине. Она же опубликовала с археографическим комментарием один из протоколов заседания кафедры истории СССР КГПИ за 1949 г. [Тютюнина 2017].

Заметной фигурой в истории развития вузовского образования на Северном Кавказе являлся **Василий Павлович Крикунов** (Фото 3). Первый этап его научно-педагогической деятельности был тесно связан с историей Кабардино-Балкарского государственного университета.

*Фото 3. Василий Павлович Крикунов**

Василий Павлович Крикунов (1921 г.р.). был родом из г. Пятигорска. Окончил Пятигорский институт иностранных языков. В 1949 г. после защиты кандидатской диссертации он был направлен на работу в Кабардинский госу-

* Фото из архива музея КБГУ

дарственный пединститут, где и проработал около 14 лет до 1963 г. Как отмечают исследователи, кафедра истории СССР Кабардинского пединститута в это время не располагала квалифицированными научно-педагогическими кадрами [Гасанов 2006: 105-106].

10 ноября 1949 г. В.П. Крикунов был назначен временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории СССР тогда Кабардинского пединститута. Приказом министерства высшего образования от 26 мая 1950 г. он был утвержден в этой должности. В составе кафедры в этот период числились следующие преподаватели: Иван Федорович Мужев, Елена Васильевна Мушкарева, Андрей Иванович Щеголев, Сосруко Алиевич Улигов, Елена Петровна Вихорева, Михаил Николаевич Кривушин [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 60. Л. 1].

В начале своей научной карьеры В.П. Крикунов вел исследовательскую деятельность по нескольким направлением. В 1949 г. вышла в свет его монография «Крестьянская реформа 1861 г. в Ставропольской губернии», по существу представившая научные результаты его кандидатской диссертации, а в 1950 г. в «Ставропольском альманахе» № 5 была опубликована статья «Крестьянское движение в Ставрополье в 1879 г.» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 60. Л. 12]. Одним из первых В.П. Крикунов вернулся в послевоенные годы к теме иногороднего населения и показал его вклад в развитие северокавказского региона в пореформенный период. Следуя идеологическим постулатам того времени, В.П. Крикунов сосредоточил внимание прежде всего на классовой борьбе иногородних наемных крестьян против землевладельцев. На материалах конкретного архивного дела он показал, что съезд землевладельцев с. Средне-Егорлыкского Медвеженского уезда, где в мае-июле собиралось от пяти до десяти тысяч наемных сельскохозяйственных рабочих, ходатайствовал перед губернатором о специальных мерах для подавления ежегодных бунтов рабочего народа, приходящего из разных губерний Российской империи на заработки на Ставрополье. Иногородние сельхозрабочие не только сами боролись против землевладельцев, но они не давали и другим наниматься в работники, добиваясь повышения заработной платы. Землевладельцы требовали с помощью расквартированных военных сил обеспечить им защиту от беспорядков, поскольку местная полиция оказалась бессильна против тысячной толпы. В.П. Крикунов полагал, что введение в научный оборот подобных документов из нетронутых фондов архивных источников, а также пересмотр опубликованных материалов позволят исследовать социально-экономическое развитие Кубани, Ставрополья и Терека в пореформенный период [Крикунов 1953: 186-187].

Как было показано в предыдущих работах, в начале 1950-х гг. научно-исследовательская работа кафедры истории СССР КГПИ, в целом, и В.П. Крикунова, в частности, была сосредоточена на подготовке первого обобщающего труда – «Истории Кабардинской АССР». План-проспект первого тома был опубликован в 1950 г. За Крикуновым был закреплен один из разделов – «Кабарда в период Первой мировой империалистической войны». К 1951 г. он подготовил план-конспект II тома. К обсуждению плана-конспекта первого обобщающего труда по истории Кабарды были привлечены не только профессио-

нальные историки, но и широкая общественность республики. Обсуждение показало, что форсированное создание такого важного труда обречено на неудачу. Нерешенность основных проблем истории Кабарды и, прежде всего, проблемы стадиально-типологической характеристики ее общественного строя, не позволили завершить работу в отведенные два года. Более продуктивной была признана предварительная разработка основных вопросов истории Кабарды, предпринятая кавказоведами в дальнейшем [Муратова, Ортанова 2017б: 113].

В связи с развертыванием научной работы по изучению истории кабардинского народа важно обратить внимание на одну из статей В.П. Крикунова, посвященную аналитическому обзору материалов по истории Кабарды в Ставропольском архиве. Значимость ее состоит в том, что, во-первых, к этим фондам до середины XX в. еще не обращались историки Кабарды, во-вторых, сохранившиеся в госархиве Ставропольского края документальные материалы отражают историю региона с конца XVIII в., что на 50-70 лет раньше, чем подобные документы начали отлагаться в архивах Тбилиси и Владикавказа. В.П. Крикунов охарактеризовал дела, относящиеся к истории обращения кабардинских владельцев в Моздокский уездный суд (1793 г.) из фонда «Кавказский верхний земский суд», а также отдельные документы по истории низших сословий в Кабарде в период с 1787 по 1833 гг. из фонда «Ставропольский земский суд». При этом он указал, что больше всего материалов по истории кабардинского народа сохранилось в фондах «Кавказский гражданский губернатор», «Гражданский губернатор Кавказской области», «Канцелярия Ставропольского гражданского губернатора» и обозначил дела, отражающие такие важные исторические факты, как отвод земли в Моздокском и Георгиевском уездах переселяющимся кабардинцам с 2000 душ семейств, награждение мусульманских духовных чинов бронзовыми медалями 1812 г. и другие. Среди основных тематических направлений, которые с успехом могли быть разработаны на материалах Ставропольского архива, В.П. Крикунов выделил материалы о нападении горцев на жителей Кавказской губернии; об организации торговли с горскими народами, устройстве меновых дворов и карантинов; о взаимоотношениях эксплуатируемого большинства кабардинского народа и кабардинских князей. Он обратил внимание исследователей на фонд «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. Кирова», аккумулирующий нигде не опубликованные рукописи о кабардино-осетинских феодально-вассальных отношениях в XVIII в. и о «Кавказских нартах в глазах европейской науки», а также на значительные коллекции заверенных копий с документов из архивов Тбилиси, Владикавказа и Санкт-Петербурга об освобождении зависимых сословий; об образе жизни, хозяйстве и политических взглядах горцев; о кабардинцах, взятых на обучение в училища Кавказской области. Также В.П. Крикунов указал на значительное количество материалов в Ставропольском архиве в связи с задачами изучения истории Кабарды XX в., в частности, – на сведения о промышленных предприятиях и кредитных организациях, данные об окладных сборах с земель сельских обществ и изменениях в землевладении Нальчикского округа в первые десятилетия XX в. [Крикунов 1951б: 237-242]. Безусловно, подобные источниковедческие обзоры архивных коллекций спо-

собствовали формированию источниковедческой основы для написания первой обобщающей работы по истории Кабарды и научной разработке ее отдельных вопросов.

Значительные изменения наблюдались и в учебно-методическом плане работы кафедры. В первую очередь, это связано с введением актуальных для того времени спецкурсов и спецсеминаров. Сам Василий Павлович в 1949-1950 гг. вел спецкурс «Внешняя политика Советского Союза», который был введен для разъяснения студентам международной обстановки и являлся частью активной пропаганды советского патриотизма среди работников и учащихся вуза. Как заведующий кафедрой он отвечал за качество преподавания исторических дисциплин и, в частности, обязан был подвергать критике противоречащие официальной точке зрения концепции, вводить в научный оборот новые источники и давать им идеологически выверенную советскую интерпретацию.

Кроме плановых учебных занятий и руководства кафедрой Василий Павлович принимал активное участие в работе научно-исследовательского кружка, читая дополнительные лекции студентам по истории СССР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 60. Л. 12]. С середины 1950-х гг. В.П. Крикунов начал работать над докторской диссертацией «Социально-экономическое развитие Северного Кавказа в пореформенный период», которую планировалось издать отдельной монографией в 1961 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-892. Оп. 1. Д. 171. Л. 26]. В мае 1959 г. в Нальчике состоялась первая межвузовская научная конференция Северного Кавказа и Дона по вопросам истории, языка и литературы, где В.П. Крикунов значился в числе организаторов этого мероприятия и был избран председателем секции истории.

В 1961-1962 учебном г. В.П. Крикунов покинул Кабардино-Балкарский госуниверситет [УЦГА АС КБР. Ф. Р-892. Оп. 1. Д. 47. Л. 66]. Он перешел на работу в Грозненский педагогический институт (позже Чечено-Ингушский университет), по существу, участвуя в становлении кафедры отечественной истории и высшего исторического образования в ЧИАССР. Весь последующий период В.П. Крикунов сохранял тесные научные и личные контакты с КБГУ. Он участвовал в работе государственной экзаменационной комиссии и диссертационном совете, выступал с докладами на научных сессиях и конференциях.

В Чечено-Ингушетии В.П. Крикунов продолжил заниматься исследованиями в области истории и историографии народов Северного Кавказа. Он является одним из авторов многотомных академических изданий по истории Осетии, Кабардино-Балкарии, руководителем и автором ряда глав в фундаментальных трудах «История народов Северного Кавказа», «История крестьянства Дона и Северного Кавказа». Кроме обобщающих трудов, его перу принадлежат около 200 научных трудов, в том числе 19 монографий.

На протяжении 14 лет работы в Кабардино-Балкарском госуниверситете работы В.П. Крикунова публиковались на страницах периодических изданий и отдельными монографиями. По справедливому замечанию исследователей, диапазон его научных интересов необычайно широк. Важно подчеркнуть вклад В.П. Крикунова в изучение историографии и источниковедения народов Кабардино-Балкарии. В частности, в рассматриваемый период ему принадлежат ис-

следования по крестьянскому движению на Северном Кавказе, истории Кабарды советского периода, а также публикации архивных документов и источниковедческих обзоров по дореволюционной истории Кабарды [Крикунов 1951а; Крикунов 1951б; Крикунов 1953; Крикунов 1956; Крикунов 1959].

Одним из старейших преподавателей кафедры истории СССР являлся **Иван Федорович Мужев** (Фото 4).

*Фото 4. Иван Федорович Мужев**

Он родился в 1899 г. в с. Искань Могилевской губернии. Первое образование получил, находясь на службе в Красной Армии. Это был Военно-инженерный техникум в г. Смоленске, после окончания которого в 1921 г. И.Ф. Мужев служил в разных военно-инженерных частях в качестве военного техника-строителя.

В 1923 г. И.Ф. Мужев вернулся в родную Белоруссию, но по сложившимся семейным обстоятельствам вскоре переехал на новое место жительство на Кубань. Там в 1928 г. после окончания Кубанской областной партийной школы, он был направлен на преподавательскую работу в школы г. Краснодара и ст. Усть-Лабинской Кубанской области.

Посвятив несколько лет работе в школе, в 1931 г. И.Ф. Мужев переехал в г. Орджоникидзе, где работал преподавателем истории в разных учебных заведениях. В 1933 г. И.Ф. Мужев переехал в г. Нальчик и начал преподавать историю ВКП(б) в педагогическом техникуме и Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе.

Еще в 1932 г. И.Ф. Мужев поступил в Московский государственный институт истории, философии и литературы по специальности «история народов

* Фото из архива музея КБГУ

СССР»; в 1937 г. окончил полный курс этого вуза с присвоением квалификации научного работника в области истории, преподавателя вуза и учителя средней школы.

В сентябре 1938 г. И.Ф. Мужев поступил на работу в Кабардино-Балкарский пединститут на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР. С 1939 по 1943 гг. он являлся секретарем партийной организации, затем парторгом исторического факультета Кабардино-Балкарского пединститута. По приказу Наркомпроса РСФСР от 27 декабря 1943 г. И.Ф. Мужев был назначен заместителем директора по заочному обучению педагогического института, по совместительству продолжал работать в качестве преподавателя истории СССР. В какой-то период был временно исполняющим обязанности зав. кафедрой истории СССР [Архив КБГУ. Личные дела сотрудников, уволенных с работы в 1969 г. с буквы «Ж» по «М». – № 2].

В конце 1940-х гг. И.Ф. Мужев занимался повышением своей научной квалификации. В 1947 г. он сдал кандидатский минимум в МГУ и продолжал работать над диссертацией: была закончена первая часть работы «Классовая структура кабардинского общества накануне реформы 1867 г.». По этой теме на кафедре истории СССР Мужев вел спецсеминар. В отчете о работе кафедры истории СССР за 1949-1950 учебный год зав. кафедрой В.П. Крикунов дал высокую оценку работе И.Ф. Мужева и сообщил, что одногодичная аспирантура способствовала завершению его диссертации, и осенью 1950 г. предполагается ее защита [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 60]. Однако защита состоялась лишь на следующий год. 14 мая 1951 г. Секция истории СССР Ученого совета исторического факультета МГУ рассмотрела представленную на защиту кандидатскую диссертацию И.Ф. Мужева на тему «Крестьянская реформа в Кабарде (1867 г.)». Официальными оппонентами по этой диссертации выступили известные советские историки П.А. Зайончковский и Е.С. Зевакин. 29 августа 1951 г. И.Ф. Мужеву был выдан диплом МГУ о присуждении ученой степени кандидата исторических наук. В октябре 1952 г. он был утвержден в ученом звании доцента по кафедре истории СССР Кабардинского государственного пединститута [Архив КБГУ. Личные дела сотрудников, уволенных с работы в 1969 г. с буквы «Ж» по «М». – № 2. Л. 165-166].

Ивану Федоровичу Мужеву принадлежит приоритет в разработке темы «Крестьянская реформа в Кабарде». Краткие историографические оценки его научных разработок в этой области содержаться в трудах Т.Х. Кумыкова, Т.А. Жакомихова и П.А. Кузьминова. Так, оценивая концепцию И.Ф. Мужева о характере социально-экономических отношений в Кабарде до крестьянской реформы, Т.Х. Кумыков категорично заключает, что И.Ф. Мужев стоит на неправильной позиции, поскольку он отрицает наличие феодальной собственности на землю в Кабарде [Кумыков 1959: 22]. Однако следует заметить, что И.Ф. Мужев в своей работе говорит не об отсутствии феодальной собственности на землю, а о ее слабом развитии.

Рассматривая вопрос о характере и развитии феодализма в Кабарде, Т.А. Жакомихов также критикует концепцию И.Ф. Мужева по вопросу о наличии частной собственности на землю в Кабарде, обвиняя последнего в повторении

ошибок буржуазных историков-кавказоведов, таких как Н. Грабовский, Ф.И. Леонтович, Н. Кулишер [Жакомихов 1959: 173-174].

Более развернутую интерпретацию взглядов И.Ф. Мужева предлагает П.А. Кузьминов. По его мнению, уровень развития экономических отношений в Кабарде Мужевым был определен неверно, и это привело его к ошибочным выводам. В целом, П.А. Кузьминов отмечает, что несмотря на ряд неверных утверждений, диссертация И.Ф. Мужева является первым монографическим исследованием реформы в Кабарде, в котором комплексно освещены основные стороны проблемы [Кузьминов 2011: 197].

Главный же вывод И.Ф. Мужева сводится к тому, что основной процесс развития кабардинского общества, хотя и медленно, шел по пути феодализации. Патриархально-родовые отношения хотя и играли большую роль, находились в определенной стадии отмирания. Ведущую роль в кабардинском обществе занимали феодальные отношения, которые по сравнению с русским феодализмом были несравненно более отсталыми [Мужев 1957: 146].

За время работы в КБГУ И.Ф. Мужевым было опубликовано более 30 научных работ по истории революционного движения народов Северного Кавказа в период империализма, в том числе 6 монографий [Архив КБГУ. Личные дела сотрудников, уволенных с работы в 1969 г. № 2. Л. 159]. Среди них – работа «1905 год в Кабарде» опубликована в рассматриваемый период [Мужев 1955]. Часть основных исследований И.Ф. Мужева вошла в обобщающие труды по истории народов Северного Кавказа в качестве самостоятельных глав. Он внес значительный вклад в разработку проблем социально-экономического развития Кабарды XIX столетия и в исследование вопросов революционного движения на Северном Кавказе в начале XX в.

О педагогической деятельности И.Ф. Мужева сохранились воспоминания его бывшего студента, ныне доктора исторических наук, профессора Н.Ф. Бугая. В частности, он отмечал: «Как бывший студент истфака КБГУ могу подтвердить, что Иван Федорович был истинный ученый, до конца преданный истории, именно влюбленный в свой предмет и увлекал студентов, добивался понимания ими сущности исторических процессов. Особенно привлекательными были его лекции по истории IX–XVI вв.» [Бугай 2019: 75].

И.Ф. Мужев принимал активное участие в научных симпозиумах, где выступал с докладами и сообщениями. Так, в 1955 г. в Тбилиси на объединенной сессии Академии Наук Закавказских объединенных республик, посвященной 50-летию первой русской революции Иван Федорович выступил с сообщением об интернациональных связях народов Северного Кавказа и Закавказья в период русской революции. В 1965 г. в Москве он участвовал в Международной конференции историков, посвященной 20-летию разгрома фашисткой Германии. В 1967 г. И.Ф. Мужев был награждён почетной грамотой КБГУ за добросовестный и безупречный труд в связи с 10-летием со дня основания Кабардино-Балкарского государственного университета.

Решением Высшей аттестационной комиссии от 15 ноября 1969 г. И.Ф. Мужеву была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В мае 1968 г., в соответствии с решением Совета историко-филологического факуль-

тета он был избран, а в октябре 1969 г. утвержден по конкурсу на штатную должность профессора кафедры истории СССР сроком на пять лет. Однако, проработав в университете в должности профессора всего несколько месяцев, И.Ф. Мужев был уволен согласно поданному заявлению.

В 1969 г., вернувшись в родную Белоруссию, на протяжении шести лет он работал на кафедре истории КПСС и научного коммунизма Гомельского государственного университета. С 1975 г. Иван Федорович проживал в гор. Быхов, в районе, с которым были связаны его детство и юношество. Там он и похоронен.

Еще одним из старейших преподавателей кафедры истории СССР является **Андрей Иванович Щеголев (**Фото 5).

*Фото 5. Андрей Иванович Щеголев**

Это человек с трудной судьбой, как и большинство людей военного поколения. Специальных работ, посвященных А.И. Щеголеву, его биографии или историографической оценке его научных работ, нет. Исключение составляет книга В.Д. Лесева, основанная на свидетельствах очевидцев событий, письмах и воспоминаниях фронтовиков, которая сегодня приобрела характер важного эго-источника. Специальная глава этой книги «Похоронен был дважды заживо» посвящена трагическим событиям фронтовой жизни А.И. Щеголева [Лесев 1975: 138-146]. Отдельные сведения о его педагогической деятельности встречаются в статьях о начальном этапе становления вузовского исторического образования в Кабардино-Балкарии: (1934-1953) [Муратова, Ортанова 2017б].

Подлинные личные документы Щеголева периода Великой Отечественной войны стали доступны благодаря интернет-проекту «Память народа», что позволило реконструировать многие факты его личной биографии. Андрей Ивано-

* Фото с сайта «Память народа» URL: https://foto.pamyat-naroda.ru/detail/914102?utm_source=pmt_detail&static_hash=8819f36439590e25dc70af6be19a0481v1 (дата обращения: 10.03.2021)

вич Щеголев, 1902 г.р., родом из села Петровское Хомутовского района Курской области, был кадровым офицером Красной армии, с февраля 1939 г. являлся старшим политруком, преподавателем истории ВКП(б) социально-экономического цикла Урюпинского военного пехотного училища, которое с августа 1941 по август 1942 г. было дислоцировано в городе Нальчике. В то же время А.И. Щеголев являлся преподавателем истории в Кабардино-Балкарском государственном педагогическом институте.

Во время Великой Отечественной войны Андрей Иванович Щеголев, будучи старшим политруком 7-й отдельной стрелковой бригады 8-й армии Северо-Кавказского фронта, участвовал в ожесточённых боях за г. Кропоткин Краснодарского края и, согласно донесению, погиб (утонул) при переправе через р. Кубань. Считался погибшим, оставлен на поле боя. Выжил. Находился в плену. Согласно донесению № 16550 от 29.04.1943 г., освобожден из плена. Направлен политруком в штрафную роту. 4 августа 1943 г. в бою под городом Новороссийском получил тяжёлое ранение в правую ногу, которая затем была ампутирована. Восстановлен в звании и во всех правах. В феврале 1944 г. уволен из армии как инвалид 2-й группы*.

После демобилизации А.И. Щеголев вернулся на работу в Кабардино-Балкарский педагогический институт. В 1951 г. Указом Президиума ВС СССР за отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне, он был награжден Орденом Отечественной войны I степени.

В послевоенные годы А.И. Щеголев работал старшим преподавателем на кафедре истории СССР КГПИ и занимался подбором архивных материалов для диссертации «Развитие капитализма в Кабарде в пореформенный период». Около года он проходил обучение на кафедре истории СССР Московского университета, где его исследовательская тема была скорректирована, и Щеголев собрал документы по теме «Крестьянское движение в Кабарде в годы Столыпинской реакции» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 52. Л. 57-62]. Надо отметить, что исследование по этой проблеме он начал еще в 1930-е гг.

Несмотря на все трудности послевоенного времени этот уже немолодой и перенесший много испытаний человек довел до конца свое научное исследование по крестьянскому движению в Кабардино-Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. В 1956 г. труд А.И. Щеголева был представлен ученому совету исторического факультета МГУ и ему единогласно была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. В 1962 г. это исследование было издано в виде монографии [Щеголев 1962].

* Портал «Память народа» [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123067234/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DЩеголев%26first_name%3DАндрей%26middle_name%3DИванович%26date_birth_from%3D1902%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=podvignagrada_kartoteka1111356497&static_hash=ca5f25c2e8ec9c257e11185fec5067eav3 (дата обращения: 10.03.2021)

В работе А.И. Щеголева показано, что в конце XIX – начале XX в. аграрный вопрос в Кабарде и Балкарии стал острым социальным вопросом, поскольку росло малоземелье среди коренных жителей, переселенцев и казаков. Наряду с развитием малоземелья шло массовое обнищание крестьян. По заключению А.И. Щеголева, многие из них были вынуждены переселяться из Кабарды, значительная часть кабардинских и балкарских крестьян пролетаризировалась, превращаясь в сельскохозяйственных и промышленных рабочих. А значит, согласно А.И. Щеголеву, в Кабарде и Балкарии в конце XIX-начале XX в. под влиянием развивавшегося капитализма в России изменились социально-экономические отношения и как следствие – в кабардинской и балкарской деревне на почве земельного неравенства обострилась классовая борьба [Щеголев 1962: 54].

Анализ крестьянского движения в Кабарде и Балкарии в начале XX в. полностью базировался, как было принято в те годы, на основе ленинской оценки столыпинской аграрной политики, изложенной А.И. Щеголевым в специальном разделе, предваряющем изложение исследуемой проблемы. Под давлением революции 1905 г. царское правительство совершило резкий поворот в области аграрной политики, получившей впоследствии название «столыпинской». После отмены крепостного права это был второй шаг в сторону буржуазного развития. Основная цель нового аграрного законодательства заключалась в удержании политической власти в руках помещиков, тем самым создавалась новая экономическая основа старой власти. Основной идеей столыпинского варианта развития земельных отношений было укрепление экономического и политического господства «старых» помещиков и формирование «новых» помещиков – кулаков как опоры самодержавия в деревне [Щеголев 1962: 54-57].

При этом несмотря на использованные клише А.И. Щеголев в своей монографии на основе скрупулезно собранных архивных документов показал распределение земельных ресурсов в Кабарде и Балкарии к началу XX в. и проанализировал аграрную политику в Нальчикском округе в первые десятилетия XX в. Современная региональная историография со всей очевидностью демонстрирует, что сегодня без обращения к научному наследию Андрея Ивановича Щеголева не обходится ни одно исследование по проблемам социально-экономической и социально-политической истории Кабардино-Балкарии конца XIX – начала XX в. А его работа «Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема» не потеряла своей научной значимости и актуальности.

Умер Андрей Иванович Щеголев 21 мая 1978 г. Похоронен в городе Нальчике.

В начале 1950-х гг. зав. кафедрой истории СССР В.П. Крикунов возлагал надежды и на научную карьеру старшего преподавателя **Михаила Николаевича Кривушина (**Фото 6)**,** который приступив к работе в местном архиве, проявил интерес к изучению истории развития судебных органов в Кабарде [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 60. Л. 12].

*Фото 6. Михаил Николаевич Кривушин**

Автобиография М.Н. Кривушина объясняет выбор им данной исследовательской задачи. Юрист по образованию, в 1942 г. он был назначен на должность прокурора Кабардино-Балкарской автономной республики, а в 1949 г. был освобожден от этой должности, и в октябре того же года поступил на преподавательскую работу в Кабардинский государственный педагогический институт [Архив КБГУ. Оп. 2. Д. 515. «К». Т. 4. № 17. Л. 3]. В дальнейшем М.Н. Кривушин был назначен на должность декана историко-филологического факультета.

Доклад старшего преподавателя кафедры истории СССР М.Н. Кривушина на тему «О реакционном движении мюридизма и отношении к нему кабардинского народа» был сделан на очередной пятой сессии Кабардинского научно-исследовательского института при Совете Министров Кабардинской АССР (август 1950 г.). Опубликованная на его основе статья получила положительные отзывы в журнале «Вопросы истории» и отразила очередной историографический поворот в освещении проблем мюридизма и движения Шамиля, произошедший в советской исторической науке на рубеже 1949-1950 гг. В это время наблюдается отказ от характеристики движения северокавказских горцев как справедливого антифеодального, антиколониального и дается его оценка как реакционно-клерикального, инспирированного из-за рубежа движения.

Весьма плодотворно в рассматриваемый период на кафедре истории СССР КГПИ работала **Таисия Ивановна Агапова** (Фото 7).

* Фото из архива музея КБГУ

*Фото 7. Таисия Ивановна Агапова**

Сегодня историографы истории дореволюционной Сибири называют это имя «незаслуженно забытым». Родилась Таисия Ивановна Агапова 23 мая 1919 г. в станице Успенской Кубанской области, в семье сельских учителей. После окончания в 1941 г. литературного и исторического факультетов Северо-Осетинского государственного педагогического института работала учителем в селе Плановском Кабардино-Балкарской АССР. Три месяца (октябрь 1942 – январь 1943) находилась на временно оккупированной территории. Согласно ее автобиографии: «болела сама, болели дети. Муж, Агапов Ф.А. был на фронте. Младший сын умер» [Шиловский 2019: 150-151]. С 1943 г. Таисия Ивановна работала на кафедре истории Северо-Осетинского государственного пединститута; а с 1950 г. она – ассистент, старший преподаватель, затем доцент кафедры истории СССР КБГУ (1953-1960).

В историографии значительно лучше освещена ее научная и общественно-политическая деятельность после 1960 г., когда Т.И. Агапова являлась заведующей сектором памятников истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР и стала известна как крупный ученый по истории региона [Шиловский 2020: 197]. В обзоре научных конференций по истории Сибири и Дальнего Востока, одна из которых работала с 10 по 19 марта 1960 г. в Новосибирске, среди прочих выступлений отмечен доклад Т.И. Агаповой, осветившей некоторые вопросы первоначального накопления капитала в Сибири. О своем переезде в Новосибирск Таиса Ивановна сама отзывалась так: «Разве не чудо то, что совершили сибирские историки. Ведь до 60-х гг. при наличии талантливых исследователей и блестящих работ по истории Сибири и Дальнего Востока не было сибирской истории и признанных школ. И вот от бескорыстной душевной щедрости З.Я. Бояршинова, И.М. Разгон (Томск), Ф.А. Кудрявцев и В.И. Дулов

* Фото из архива музея КБГУ.

(Иркутск) задумали и совершили дело, поистине ставшее подвигом, – задумали создать многотомную «Историю Сибири» Вы чувствуете героику времени, грандиозность замысла? Они разыскали и пригласили безвестных провинциалов, вроде меня, и московско-ленинградских мэтров В.И. Шункова, А.П. Окладникова. С этого и началось. Я – самая дальняя точка – Нальчик. … Там, в Иркутске В.И. Дулов от имени президиума пригласил меня из «солнечного Нальчика» переехать... в Сибирь. Я была бесконечно счастлива! Великое дело быть востребованной! Мое кабинетское хозяйство, стоившее мне так много душевных сил, на юге никому было не нужно...» [Агапова 2009: 51].

Таким образом в начале 1950-х гг. основным направлением научных изысканий Т.И. Агаповой на кафедре истории СССР КГПИ было исследование кризиса крепостной горной промышленности Сибири и процесса формирования рабочих и инженерно-технической кадров для русской промышленности конца XVIII-первой половины XIX в. В 1953 г. в Ленинградском государственном университете она защитила кандидатскую диссертацию, посвященную этой проблеме. В последующие годы в фокусе ее исследовательских интересов оставались вопросы классовой борьбы на алтайских горных предприятиях в XVIII в. [Агапова 1956] и изучение становления цветной металлургии в России [Агапова 1960].

В те годы Т.И. Агапова актуализировала свои исследования по проблемам социально-экономического развития Сибири необходимостью обратиться к истории отечественной горной промышленности в связи с тем, что в ближайшем будущем «большое место в экономике Кабардино-Балкарии займет цветная металлургия». Согласно Т.И. Агаповой, первостепенную роль в укреплении экономических связей Сибири с Центральной Россией сыграло развитие сибирской горной промышленности, которая имела два центра – наиболее древний Нерченский и более новый Алтайский. Кабинетский период истории сереброплавильных заводов этих регионов характеризуется тем, что владельцем их являлся император, поэтому вся доходная часть составляла его личную собственность, расходы этих предприятия всей тяжестью лежали на государстве. Т.И. Агапова показала, что обеспечение заводов источниками сырья и топлива осуществлялось за счет приграничения государственных земель к заводской округе. Финансирование предприятий производилось за счет государственных дотаций, складывавшихся из подушных, рекрутских и соляных сборов от сибирских крестьян. По форме организации производства это была вотчинная мануфактура, в основе которой лежал труд крепостных. Источниками рабочей силы являлись: приписка земель с крестьянами к заводам, ежегодные рекрутские наборы с крестьян незаводской округи, естественный прирост населения, ибо зависимость от заводов была не только пожизненная, но и потомственная. Развитие остальных отраслей промышленности в Сибири было законсервировано. Отдельные технические усовершенствования (создание парового духтактного двигателя И.И. Ползуновым, механизация основных производственных операций на одном из заводов К.Д. Фроловым) в условиях феодально-крепостнических отношений не могли привести к существенным изменениям в организации производства. В 1-й половине XIX в. процесс перехода к фабрич-

ной индустрии совсем не коснулся кабинетских предприятий. Крепостная горная промышленность Сибири вступила в полосу застоя. К середине XIX в. нарастание революционного движения в Центральной России превратило район Нерчинских заводов в место массовой ссылки. В период развития капитализма в России сибирская горная промышленность оставалась цитаделью крепостничества, усиленно охраняемого всем военно-бюрократическим строем [Агапова 1960: 222-227].

Наряду с этими важными выводами на основе документов Государственного архива Алтайского края Т.И. Агапова заключает, что Министерство финансов России в то время ищет новые источники благородных металлов. «Такими оказались Садонские серебросвинцовые залежи на Кавказе. Для организации производства – постройки рудников и заводов, быстрейшей организации выплавки серебра – необходимы были технически подготовленные кадры. …И вот, по приказу министра финансов, и далекой алтайской глухомани отправляются не только начальник заводов и инженерные кадры, но, главное, и несколько сотен «мастеровых, знающих горное и заводское производство, с женами и детьми». Они послужили делу создания нового центра цветной металлургии России, развивавшегося уже на новых, капиталистических основах» [Агапова 1960: 228].

Таким образом, нальчикский период научно-педагогической карьеры Таисы Ивановны Агаповой был весьма продуктивным, именно в это время был собран источниковый материал и сформулированы основные положения о развитии цветной металлургии и системе управления горно-металлургической промышленности Сибири второй половины XVIII – первой половины XIX в., получившие свое продолжение в последующий период.

В 1960-1963 гг. Т.И. Агапова заведовала кафедрой истории государственного пединститута в г. Комсомольск-на-Амуре. Затем перебралась в Новосибирск, где в 1963–1968 гг. работала деканом экономического факультета, заведующей кафедрой истории народного хозяйства в Институте советской кооперативной торговли [Шиловский 2019: 150-151]. В 1967 г. Т.И. Агапова защитила докторскую диссертацию «Кабинетское хозяйство. 1747-1860-е гг.: (Опыт социально-экономического исследования)». После чего по состоянию здоровья была переведена в Краснодарский институт культуры, где в начале 1970-х гг. Таисия Ивановна создала кафедру истории и музееведения, которую возглавляла до 1986 г.

Вместе с тем к началу 1950-х гг. в некоторой степени была выполнена задача, стоявшая перед высшей школой республики, по подготовке преподавателей и научных работников из лиц коренной национальности. На исторических кафедрах Кабардинского государственного пединститута начала работу небольшая группа историков, выпускников исторического отделения. Именно эта новая генерация будет олицетворять историческую науку Кабардино-Балкарии в последующий период. Т.Х. Кумыков, А.Х. Касумов, У.А. Улигов были рекомендованы в аспирантуру, а **Рашад Хусейнович Гугов** (Фото 8) оставлен для работы на кафедре истории СССР.

*Фото 8. Рашад Хусейнович Гугов**

В то же время другой выпускник КГПИ **Туган Хабасович Кумыков** (Фото 9) окончил аспирантуру Северо-Осетинского государственного института и уже в 1953 г., в возрасте 26 лет, в Тбилисском госуниверситете защитил кандидатскую диссертацию «Земельные отношения в Кабарде в первой половине XIX в. и земельная реформа 1863-1869 гг.». В штат Кабардинского пединститута Т.Х. Кумыков был зачислен 15 декабря 1952 г. на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР [Архив КБГУ. Оп. 2. Д. 512. Личные дела сотрудников (уволенных) за 1960-1970 гг. Т. 1. На букву «К». Л. 62-63].

*Фото 9. Туган Хабасович Кумыков**

* Фрагмент фото из книги: Гугов Р.Х. Научное наследие. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. С. 597.

* Фото с сайта URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BC%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2,_%D0%A2%D1%83%D0%B3%D0%B0%D0%BD_%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: обращения: 10.03.2021 г.)

Т.Х. Кумыков вел практические занятия по «истории СССР с конца XVIII века до 1861 г.» на 2 курсе заочного отделения, а Р.Х. Гугов – практические занятия по «истории СССР периода империализма» и «эпохи социализма 1917-1932 гг.» на 3 курсе ОЗО [УЦГА АС КБР. Ф. Р-892. Оп. 1. Д. 171. Л. 46-48].

В конце августа 1953 г. оба молодых преподавателя приняли участие в седьмой сессии Кабардинского научно-исследовательского института, посвященной задачам изучения истории кабардинского народа в свете решений XIX съезда КПСС. В частости, участвуя в обсуждении макета книги С.К. Бушуева «История Кабарды (с древнейших времён до конца XIX в.)», в рамках развернувшейся дискуссии об общественном строе Кабарды до крестьянской реформы 1861 г. старший преподаватель Кабардинского педагогического института Х.Т. Кумыков «отметил наличие развитого института земельной собственности и феодальных отношений в Кабарде в дореформенный период, основываясь на глубоком изучении архивных материалов Государственного архива Кабардинской АССР, на статистических данных хозяйственного развития Кабарды». Р.Х. Гугов «в доказательство существования института феодального землевладения в Кабарде привёл ряд документов из архивных фондов, главным образом заявления кабардинских феодалов, отстаивавших свои права на землю» [Группа историков Кабарды 1953: 152].

Таким образом, Т.Х. Кумыков и Р.Х. Гугов уже в начале своей академической карьеры приняли участие в обсуждении одной из самых «больших проблем» отечественного кавказоведения – проблемы стадиально-типологической характеристики общественного строя народов Северного Кавказа, которая сохраняла свое ключевое значение на протяжении всей советской эпохи [Боров 2017: 22].

В январе 1954 г. преподаватели пединститута Т.Х. Кумыков и Р.Х. Гугов по решению бюро обкома партии были переведены в научно-исследовательский институт для работы по созданию сводного труда по истории кабардинского народа [Беров 1995: 37].

Итак, с начала 1950-х гг. на кафедре истории СССР КГПИ основные направления научных исследований были заданы ключевыми проблемами курса отечественной истории, который реализовывался этим подразделении вуза, а также обуславливались научными интересами преподавателей. В планах работы кафедры истории СССР значилось издание качественного курса лекций по следующим темам: «Вводная лекция по спецкурсу «Крепостная промышленность России XVIII века и ее кризис в первой половине XIX века» (Т.И. Агапова), «Столыпинская аграрная реформа» (Р.Х. Гугов), «Советское государство в борьбе за мир» (М.Н. Кривушин), «Массовое крестьянское движение 60-70-х гг.» (В.П. Крикунов), «Значение присоединения Кабарды к России» (И.Ф. Мужев), «Крестьянская война под руководством Болотникова» (Е.В. Мушкарева) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 93. Л. 11]. Предполагалось также укрепление научных студенческих кружков чтением дополнительных лекций В.П. Крикунова по истории СССР, И.Ф. Мужева по истории Кабарды, М.Н. Кривушина по основам Советского государства и права. Планировались дополнительные

лекции Т.И. Агаповой по изучению методики преподавания истории и конституции [УЦГА АС КБР. Ф. Р-582. Оп. 1. Д. 93. Л. 12].

При этом магистральным направлением научных исследований на кафедре истории СССР с конца 1940-х гг. становится участие в совместной с научно-исследовательским институтом при Совете министров КАССР работе по составлению двухтомного труда по истории Кабарды и разработка отдельных вопросов в рамах этой большой темы.

Работа по созданию истории народов Кабарды и Балкарии была начата еще в 1940-е гг. Г.А. Кокиевым [Муратова, Ортанова 2017а]. Однако в начале 1950-х гг. она получила новый импульс на иных политико-концептуальных основаниях. Научные сессии по вопросам истории кабардинского народа, проводившиеся Кабардинским научно-исследовательским институтом в начале 1950-х гг. позволяют заключить, что историки-преподаватели пединститута активно участвовали в обсуждении сложных вопросов истории Кабарды и создании первой обобщающей работы. Их научная деятельность позволила в то время расширить спектр исследований и участвовать во всех основных проектах по изучению актуальных вопросов истории Кабардино-Балкарии.

В 1957 г. педагогический институт был преобразован в Кабардино-Балкарский государственный университет. Кафедра истории СССР стала его старейшим университетским подразделением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агапова 1956 – *Агапова Т.И.* Из истории классовой борьбы на Алтайских горных предприятиях в XVIII веке // Краеведческие записки. – Вып. 1. – Барнаул, 1956. – С. 69-91.

Агапова 1960 – *Агапова Т.И.* Первые страницы истории цветной металлургии России (информация) // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. – Вып. 6. – 1960. – С. 222-228.

Агапова 2009 – *Агапова Т.И.* Мой поклон Зое Яковлевне // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3(7). – С. 51-53.

Архив КБГУ – Архив Кабардино-Балкарского государственного университета.

Беров 1995 – *Беров Х.Ж.* Развитие исторической науки // 70 лет научных поисков и открытий. – Нальчик, 1995. – С. 31-75.

Боров 2017 – *Боров А.Х.* Проблема культурно-исторического синтеза в кавказоведении // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 3. – С. 12-40. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-3-12-40.

Бугай 2019 – *Бугай Н.Ф.* Профессор Иван Федорович Мужев: забытое имя // Электронный научный журнал «Архонт». – 2019. – № 6 (15). – С. 72-84.

Гасанов 2006 – *Гасанов М. Р.* Педагог, ученый и интернационалист (к 85-летию профессора В.П. Крикунова) // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3. – С. 105-108.

Группа историков Кабарды… 1953 – Группа историков Кабарды, научная сессия по вопросам истории кабардинского народа // Вопросы истории. – 1953. – № 10. – С. 150-153.

Гугов 2017 – *Гугов Р.Х.* Научное наследие. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. – 592 с.

Жакомихов 1959 – *Жакомихов Т.А.* Некоторые черты феодализма в Кабарде // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. – Вып. 5. – Нальчик, 1959. – С. 173–174.

Жизнь во имя науки… 2013 – Жизнь во имя науки. К 85-летию заслуженного деятеля науки РФ, профессора Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: Печатный двор, 2013. – 440 с.

Крикунов 1951а – *Крикунов В.П.* Товарищ И.В. Сталин – организатор советской автономии Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1951. – Вып. 2. – С. 51-86.

Крикунов 1951б – *Крикунов В.П.* Материалы по истории Кабарды в Ставропольском госархиве // Ученые записки Кабардинского государственного пединститута. – Вып. 3. – 1951. – С. 237-242.

Крикунов 1953 – *Крикунов В.П.* К изучению истории иногороднего населения на Северном Кавказе в пореформенный период // Ученые записки Кабардинского педагогического института. – Нальчик, 1953. – Вып. 5. – С. 183-187.

Крикунов 1956 – *Крикунов В.П.* Совместная борьба русских и кабардинских крестьян против феодального гнета в 60-х годах XIX века. – Нальчик: Кабард. кн. изд., 1956. – 60 с.

Крикунов 1959 – *Крикунов В.П.* Из истории крестьянского движения на Северном Кавказе. «Чумные бунты» конца 80-х – начала 90-х гг. XIX века // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета (кафедры общественных наук). – Вып. 5. – 1959. – С. 293-334.

Кузьминов 2011 – *Кузьминов П.А.* Эпоха преобразований 50–70-х гг. XIX в. у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. – Нальчик: Печатный двор, 2011. – 536 с.

Кумыков 1959 – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869 гг.). – Нальчик: Кабард. -Балкар. кн. изд-во, 1959. – 172 с.

Лесев 1975 – *Лесев В.Д.* Поиск продолжается. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 204 с.

Мужев 1955 – *Мужев И.Ф.* 1905 год в Кабарде. – Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1955. – 88 с.

Мужев 1957 – *Мужев И.Ф.* К вопросу об общественных отношениях в Кабарде в первой половине XIX века // Ученые записки Кабардинского государственного пединститута. – Вып. 13. – Нальчик, 1957. – С. 127-146.

Муратова, Ортанова 2017а – *Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.* Вклад профессора Г. А. Кокиева в становление кафедры истории Кабардинского пединститута в середине 1940-х гг. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып. 17. – Владикавказ, 2017. — С. 92-99

Муратова, Ортанова 2017б – *Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.* Вузовское историческое образование в Кабардино-Балкарии: начальный этап становления (1934-1953) // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – №3. – С. 97-119. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-3-97-119.

Муратова, Ортанова 2017в – *Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.* Историческое образование в Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны: успехи и трудности // Социально-культурная трансформация народов Северного Кавказа в российском цивилизационном пространстве (1917– 2017 гг.): взгляд сквозь столетие. Сборник научных статей по материалам региональной научной конференции. (Нальчик, 29 июня 2017 г.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – С. 43-59.

Муратова, Ортанова 2020 – *Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.* Советские историки «второго плана»: случай Веры Ивановны Горемыкиной // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 140-153. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-140-153.

Муратова, Ортанова 2021 – *Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.* Из истории археологического изучения Кабардино-Балкарии: профессор КГПИ Константин Эдуардович Гриневич // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 3. – С. 189-205. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-3-189-205.

Ортанова 2021 – *Ортанова Ю. А.* Историческое образование в Кабардинском государственном пединституте в условиях идеологических кампаний послевоенного сталинизма (1946-1953 гг.) // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 1 (105). – С. 87-93. – DOI 10.18522/2072-0181-2021-105-1-87-93 .

Першиц 1951 – *Першиц А.И.* Фамилия -лъэпкъ у кабардинцев в XIX в. // Советская этнография. – 1951. – № 1. – С. 177-181.

Семенов 2008 – *Семенов Ю.И.* Абрам Исакович Першиц // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 5. – С. 185-189.

Тютюнина 2017 – *Тютюнина Е.С.* Исторический факультет Кабардинского педагогического института в 1948-1950 гг. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – X. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24-25 ноября 2017 г. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – С. 402-417.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

Хасбулатов и др. 2013 – *Хасбулатов А.И., Бугаев А.М., Акаев В.Х.* Василий Павлович Крикунов – патриот, ученый и наставник // В кругу Юрия Андреевича Жданова: учителя, сподвижники, ученики. – Ростов-на-Дону. – 2013. – С. 159-170.

Шиловский 2019 – *Шиловский М.В.* Изучение дореволюционной истории Сибири в Новосибирске в 1950-х – начале 1980-х годов // Исторический курьер. – 2019. – No 6 (8) – С. 137-156.

Шиловский 2020 – *Шиловский М.В.* Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960-1970-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 63. – С. 192-200.

Щеголев 1962 – *Щеголев А.И.* Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. – Нальчик: Кабард. -Балкар. кн. изд-во, 1962. – 140 с.

REFERENCES

AGAPOVA T.I. *Iz istorii klassovoi bor'by na Altaiskikh gornykh predpriyatiyakh v XVIII veke* [From the history of the class struggle at the Altai mining enterprises in the 18th century]. IN: *Kraevedcheskie zapiski*. – Is. 1. – Barnaul, 1956. – P. 69-91. (In Russ).

AGAPOVA T.I. *Pervye stranitsy istorii tsvetnoi metallurgii Rossii (informatsiya)* [The first pages of the history of non-ferrous metallurgy in Russia (information)]. IN: *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. – Is. 6. – 1960. – P. 222-228. (In Russ).

AGAPOVA T.I. *Moi poklon Zoe Yakovlevne* [My bow to Zoya Yakovlevna]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2009. – No 3(7). – P. 51-53. (In Russ).

Arkhiv Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of the Kabardino-Balkarian State University].

BEROV KH.ZH. *Razvitie istoricheskoi nauki* [Development of historical science]. IN: *70 let nauchnykh poiskov i otkrytii* [70 years of scientific searches and discoveries]. – Nal'chik, 1995. – P. 31-75. (In Russ).

BOROV A.KH. *Problema kul'turno-istoricheskogo sinteza v kavkazovedenii* [The problem of cultural-historic synthesis in Caucasian studies]. IN: Electronic journal «Caucasology». — 2017. — No 3. — P. 12-40. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-3-12 (In Russ).

BUGAĬ N.F. *Professor Ivan Fedorovich Muzhev: zabytoe imya* [Professor Ivan Fedorovich Muzhev: a forgotten name]. IN: Electronic scientific journal *«Arkhont»*. – 2019. – No 6 (15). – P. 72-84. (In Russ).

GASANOV M. R. *Pedagog, uchenyi i internatsionalist (k 85-letiyu professora V.P. Krikunova)* [Educator, scientist and internationalist (on the 85th anniversary of Professor V.P. Krikunov)] IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2006. – No 3. – P. 105-108. (In Russ).

Gruppa istorikov Kabardy, nauchnaya sessiya po voprosam istorii kabardinskogo Naroda [Group of historians of Kabarda, scientific session on the history of the Kabardian people]. IN: *Voprosy istorii*. – 1953. – No 10. – C. 150-153. (In Russ).

GUGOV R. KH. *Nauchnoe nasledie* [Scientific heritage]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2017. – 592 p. (In Russ).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Nekotorye cherty feodalizma v Kabarde* [Some features of feudalism in Kabarda]. IN: *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. – Is. 5. – Nal'chik, 1959. – P. 173–174. (In Russ).

Zhizn' vo imya nauki. K 85-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki RF, professora T.Kh. Kumykova [Life in the name of science. To the 85th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Professor T.Kh. Kumykov]. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2013. – 440 p. (In Russ).

KRIKUNOV V.P. *Tovarishch I.V. Stalin – organizator sovetskoi avtonomii Kabardy* [Comrade I.V. Stalin - the organizer of the Soviet autonomy of Kabarda]. IN: *Sbornik statei po istorii Kabardy* [Collection of articles on the history of Kabarda]. – Nal'chik: Kab. kn. izd-vo, 1951. – Is. 2. – P. 51-86. (In Russ).

KRIKUNOV V.P. *Materialy po istorii Kabardy v Stavropol'skom gosarkhive* [Materials on the history of Kabarda in the Stavropol State Archive]. IN: *Uchenye zapiski Kabardinskogo gosudarstvennogo pedinstituta*. – Is. 3. – 1951. – P. 237-242. (In Russ).

KRIKUNOV V.P. *K izucheniyu istorii inogorodnego naseleniya na Severnom Kavkaze v poreformennyi period* [To the study of the history of non-resident population in the North Caucasus in the post-reform period]. IN: *Uchenye zapiski Kabardinskogo pedagogicheskogo instituta*. – Nal'chik, 1953. – Is. 5. – P. 183-187. (In Russ).

KRIKUNOV V.P. *Sovmestnaya bor'ba russkikh i kabardinskikh krest'yan protiv feodal'nogo gneta v 60-kh godakh XIX veka* [Joint struggle of Russian and Kabardian peasants against feudal oppression in the 60s of the XIX century]. – Nal'chik: Kabard. kn. izd., 1956. – 60 p. (In Russ).

KRIKUNOV V.P. *Iz istorii krest'yanskogo dvizheniya na Severnom Kavkaze. «Chumnye bunty» kontsa 80-kh – nachala 90-kh gg. XIX veka* [From the history of the peasant movement in the North Caucasus. "Plague riots" of the late 80s - early 90s. 19th century]. IN: Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta (kafedry obshchestvennykh nauk). – Is. 5. – 1959. – P. 293-334. (In Russ).

KUZ'MINOV P.A. *Epokha preobrazovaniĭ 50–70-kh gg. XIX v. u narodov Severnogo Kavkaza v noveishei istoriografii* [The era of transformations of the 50–70s. 19th century among the peoples of the North Caucasus in the latest historiography]. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2011. – 536 p. (In Russ).

KUMYKOV T.KH. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i otmena krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869 gg.).* [Socio-economic relations and the abolition of serfdom in Kabarda and Balkaria (1800–1869)]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1959. – 172 p. (In Russ).

LESEV V.D. *Poisk prodolzhaetsya* [The search continues]. – Nal'chik: El'brus, 1975. – 204 p. (In Russ).

MUZHEV I. F. *1905 god v Kabarde* [1905 in Kabarda]. – Nal'chik: Kabard. kn. izd-vo, 1955. – 88 p. (In Russ).

MUZHEV I.F. *K voprosu ob obshchestvennykh otnosheniyakh v Kabarde v pervoi polovine XIX veka* [To the question of public relations in Kabarda in the first half of the 19th century]. IN: *Uchenye zapiski Kabardinskogo gosudarstvennogo pedinstituta*. – Is. 13. – Nal'chik, 1957. – P. 127-146. (In Russ).

MURATOVA E.G., ORTANOVA YU.A. *Vklad professora G. A. Kokieva v stanovlenie kafedry istorii Kabardinskogo pedinstituta v seredine 1940-kh gg*. [The contribution of Professor G. A. Kokiev to the formation of the Department of History of the Kabardian Pedagogical Institute in the mid-1940s.]. IN: *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*. – Is. 17. – Vladikavkaz, 2017. – – P. 92-99. (In Russ).

MURATOVA E.G., ORTANOVA YU.A. *Vuzovskoe istoricheskoe obrazovanie v Kabardino-Balkarii: nachal'nyi etap stanovleniya (1934-1953)* [Higher education in history in Kabardino-Balkaria: the initial stage of formation (1934-1953)]. IN: Electronic journal «Caucasology». — 2017. — №3. — S. 97-119. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-3-97-119. (In Russ).

MURATOVA E.G., ORTANOVA YU.A. *Istoricheskoe obrazovanie v Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: uspekhi i trudnosti* [Historical Education in Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War: Successes and Difficulties]. IN: *Sotsial'no-kul'turnaya transformatsiya narodov Severnogo Kavkaza v rossiiskom tsivilizatsionnom prostranstve (1917– 2017 gg.): vzglyad skvoz' stoletie. Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi nauchnoi konferentsii.*

(Nal'chik, 29 iyunya 2017 g.) [Socio-cultural transformation of the peoples of the North Caucasus in the Russian civilizational space (1917–2017): a look through the century. Collection of scientific articles based on materials of the regional scientific conference. (Nalchik, June 29, 2017).]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – P. 43-59. (In Russ).

MURATOVA E.G., ORTANOVA YU.A. *Sovetskie istoriki «vtorogo plana»: sluchai Very Ivanovny Goremykino*i [Soviet historians of the "second plan": the case of Vera Ivanovna Goremykina]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2020. – No 3. – P. 140-153. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-140-153. (In Russ).

MURATOVA E.G., ORTANOVA YU.A. *Iz istorii arkheologicheskogo izucheniya Kabardino-Balkarii: professor KGPI Konstantin Eduardovich Grinevich* [From the history of the archaeological study of Kabardino-Balkaria: professor of KSPI Konstantin Eduardovich Grinevich]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2021. – No 3. – P. 189-205. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-3-189-205 (In Russ).

ORTANOVA YU. A. *Istoricheskoe obrazovanie v Kabardinskom gosudarstvennom pedinstitute v usloviyakh ideologicheskikh kampanii poslevoennogo stalinizma (1946-1953 gg.)* [History Education at the Kabardian State Pedagogical Institute in the Conditions of Ideological Campaigns of Post-War Stalinism (1946-1953)]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* – 2021. – No 1(105). – P. 87-93. – DOI 10.18522/2072-0181-2021-105-1-87-93. (In Russ).

PERSHITS A.I. *Familiya -l"epk" u kabardintsev v XIX v.* [Surname - *l"epk"* among Kabardians in the 19th century]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1951. – No 1. – P. 177-181. (In Russ).

SEMENOV YU.I. Abram Isakovich Pershits IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 2008. – No 5. – P.185-189. (In Russ).

TYUTYUNINA E.S. *Istoricheskii fakul'tet Kabardinskogo pedagogicheskogo instituta v 1948-1950 gg.* [Faculty of History of the Kabardian Pedagogical Institute in 1948-1950]. IN: *Rossiiskaya gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Kavkaza – X. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian statehood in the fate of the peoples of the Caucasus - X. Materials of the regional scientific and practical conference. Pyatigorsk, November 24-25, 2017]. – Pyatigorsk: PGU, 2017. – P. 402-417. (In Russ).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki [Directorate of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]

KHASBULATOV A.I., BUGAEV A.M., AKAEV V.KH. *Vasilii Pavlovich Krikunov – patriot, uchenyi i nastavnik* [Vasily Pavlovich Krikunov - patriot, scientist and mentor]. IN: *V krugu Yuriya Andreevicha Zhdanova: uchitelya, spodvizhniki, ucheniki* [In the circle of Yuri Andreevich Zhdanov: teachers, associates, students]. – Rostov-na-Donu. – 2013. – P. 159-170. (In Russ).

SHILOVSKII M.V. *Izuchenie dorevolyutsionnoi istorii Sibiri v Novosibirske v 1950-kh – nachale 1980-kh godov* [Studying the pre-revolutionary history of Siberia in Novosibirsk in the 1950s - early 1980s]. IN: *Istoricheskii kur'er.* – 2019. – No 6 (8) – P. 137-156. (In Russ).

SHILOVSKII M.V. *Oni byli pervymi: formirovanie istoricheskogo soobshchestva v Novosibirske v 1960-1970-e gg.* [They were the first: the formation of the historical community in Novosibirsk in the 1960s-1970s.] IN: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2020. – No 63. – P. 192-200. P.197. (In Russ).

SHCHEGOLEV A.I. *Krest'yanskoe dvizhenie v Kabarde i Balkarii v gody stolypinskoi reaktsii i novogo revolyutsionnogo pod"ema* [Peasant movement in Kabarda and Balkaria during the years of the Stolypin reaction and a new revolutionary upsurge]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1962. – 140 p. (In Russ).

Информация об авторах

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Ю.А. Ортанова – аспирант.

Information about the authors
E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor.
Yu.A. Ortanova – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 17.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья
УДК 395+297.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-270-281
EDN: DYXRPK

СУФИЙСКИЕ ПРАКТИКИ ИНГУШСКИХ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, albmac@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9746-1820

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей женских суфийских практик в ингушском обществе. Выявлены и охарактеризованы причины и мотивы, движущие женщинами в поисках душевного равновесия, возрастной и социальный состав участниц ритуала. Рассмотрено, как менялись духовные практики на различных этапах жизни общества. Установлено, в каких религиозных братствах участие женщин в ритуалах зикра допустимо, как политические процессы влияли на женскую религиозную активность, связанную с ритуалом зикра. Отмечено, что рассмотрение данной темы позволяет не только выявить те изменения, которые произошли в религиозной жизни женских суфийских групп Ингушетии, но и показать, какую роль в их жизни играет ритуальная практика зикра. В статье использованы современные методы историко-этнологического описания, необходимые для подробного рассмотрения региональных особенностей ритуальных практик ингушских женщин.

Ключевые слова: женщина, ингушка, суфии, тарикат, мюрид, зикр, ритуал, обряд.

Благодарности: Исследование проведено в рамках темы НИР МАЭ РАН – «Многообразие культурного наследия и этническая история народов исламского мира (историко-этнографические, музейные и архивные источники)» (рук. Е.А. Резван).

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г. Суфийские практики ингушских женщин: история и современность // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 270-281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-270-281. EDN: DYXRPK.

© Албогачиева М.С.-Г., 2022

Original article

SUFI PRACTICES OF INGUSH WOMEN: HISTORY AND MODERNITY

Makka S.-G. Albogachieva
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamer) RAS, St. Petersburg, Russia, albmac@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9746-1820

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of women's Sufi practices in Ingush society. This article shows how and under whose influence women could take part in the rituals of a loud zikr, how women come to the fraternity, the reasons and motives driving women in search of mental balance, age and social composition of the participants in the ritual. We considered how spiritual practices changed at various stages of society, in which religious fraternities the participation of women in zikr rituals is permissible. How political processes influenced female religious activity associated with the zikr ritual. The consideration of this topic in this vein allows not only to see the changes that have occurred in the religious life of women's Sufi groups in Ingushetia, but also to show what role the ritual practice of zikr has in the life of society and the participants themselves. This article uses modern methods of historical and ethnological description necessary for a detailed consideration of the regional features of the ritual practices of Ingush women.

Key words: woman, ingushka, Sufis, tariqat, murid, zikr, ritual, rite.

Gratitude: The study was conducted within the framework of the topic NIR MAE RAS - "Diversity of cultural heritage and ethnic history of the peoples of the Islamic world (historical, ethnographic, museum and archival sources)" (hand. E.A. Rezvan).

For citation: Albogachieva M.S.-G. Sufi practices of Ingush women: history and modernity. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 270-281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-270-281. EDN: DYXRPK.

© Albogachieva M.S.-G., 2022

Введение

Религия играет важную роль в функционировании любого общества, вписывая жизнь индивида в канву определённых условностей, отход от которых выводит его за рамки данного социума или подвергает критике. Современные ингуши – мусульмане-сунниты – принадлежат двум тарикатам: накшбандийа и кадирийа, в свою очередь, подразделяющимся на братства (вирды) [Албогачиева 2013а: 318]. Окончательное принятие ислама произошло в середине XIX в. было связано с проповедческой деятельностью чеченского шейха Кунта-хаджи Кишиева. С этого времени религиозные догмы пронизывают все сферы жизнедеятельности, общественные и семейные отношения, обычаи и традиции народа. Особая роль для сохранения традиционной культуры отводится женщине, так как она с самого детства закладывает в детях любовь к своему народу, религии, стране, нормам поведения и многому, что регламентирует поведение индивида в социуме. Ингушской женщине в традиционном обществе отводилась роль хранительницы очага [Ахриев 1871: 3]. Но со временем ее жизнь сильно изменилась. Этому послужило распространение и укрепление в ингушском обществе кадирийского тариката. Кунта-хаджи разрешил впервые, женщинам участвовать в круговом зикре. С этого периода в обществе существуют «женщины-мюриды» (инг. *истий мурдаш*). Для обывателя нет ответа на вопросы: кто эти женщины? Чем они занимаются в повседневной жизни? Какие функции они выполняют в ингушском обществе? Это связано не только с их малочисленностью, но и с тем, что до настоящего времени нет обстоятельных работ по женским суфийским практикам, несмотря на то что подобная субкультура характерна для не только жительниц Ингушетии, Чечни, Дагестана, но и женщинам других регионов страны и мира. Эта тема не нашла должного осве-

щения в научных публикациях, особенно в региональном аспекте. Наиболее интересные статьи, касающиеся исследуемой темы, принадлежат чеченским исследователям Л.М. Гарсаеву и А.М. Гарасаеву [Гарсаев, Гарасаев 2012; Гарсаев и др. 2016].

Этими работами ограничивается источниковая база по заявленной теме. Для восполнения существующего пробела были проведены полевые исследования в Назрановском, Малгобекском, Сунженском и Джайрахском районах Ингушетии и в местах компактного проживания ингушей – Пригородном районе РСО-Алания. Нашими информантами были женщины, практикующие громкий зикр, возрастной состав которых варьирует от 25 до 70 лет. Основные вопросы, которые ставились перед респондентами касались самого ритуала зикра: места, времени, атрибутов женщин во время ритуала, их мотива, благодаря которому они пришли в это братство, психологического состояния во время ритуала, какой смысл они вкладывают в ритуальную практику? Не все вопросы удалось освятить в должной мере, так как сами женщины не всегда могли четко сформулировать ответы на поставленные перед ними вопросы. Тем не менее, основная цель, поставленная в ходе исследовательской работы, была выполнена. Результатом этого исследования стала статья «Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии», опубликованная в журнале «Ислам в современном мире» [Албогачиева 2018: 149-164]. Настоящая статья представляет собой дополненный и переработанный материал последующего периода (2019–2021 гг.). Новые материалы, полученные в ходе исследования, позволяют показать: какие изменения произошли в обрядовой практике ингушских женщин; что послужило изменению отношения к ритуальным практикам; как реисламизация последних лет изменила отношение традиционному исламу, в котором еще в остаточной форме существует женский зикр. Кроме того, из религиозной жизни уходят многие элементы, связанные с мировоззрением и культурой ингушского народа, так как они не укладываются в нормы ортодоксального ислама. Ввиду всех вышеописанных причин эта работа призвана зафиксировать и изучить те изменения, которые произошли в обрядовых практиках женщин.

История распространения женского зикра

Женские суфийские практики в Ингушетии имеют полуторавековую историю. В середине XIX в. женщина была затворницей и принимала участие только в хозяйственной жизни семьи [Ахриев 1871: 3]. Кардинальные изменения в положении женщин начали происходить в середине XIX в. Это было связано с распространением на Северо-Восточном Кавказе учения Кунта-хаджи Кишиева (1800–?), уроженца чеченского аула Иласхан-юрт. Кадирийский тарикат, который он распространил на Кавказе в середине XIX в., отличался от известного в Ингушетии еще с XVIII в. тариката накшбандийа. Согласно его учению, женщине предоставлялось право принимать участие в суфийских ритуальных практиках громкого зикра [Албогачиева 2012: 105]. Кунта-хаджи стал очень популярным в ингушском, чеченском и андийском обществе Дагестана. Число последователей Кунта-хаджи из года в год становилось больше и больше. Обеспокоенные набиравшей силу религиозной организацией, царские власти начали

преследовать «зикристов» и арестовали Кунта-хаджи. После его ареста возникли новые религиозные братства (инг. *вирд*). О жизни в заключении сведений мало. Последователи считают, что он лишь скрылся и явится накануне Судного дня. После ухода Кунта-хаджи с Кавказа его адепты – Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхороев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Вис-хаджи Загиев создали новые религиозные братства [Албогачиева 2013а: 320]. В начале XX в. вся территория Ингушетии и Чечни была разделена на религиозные братства с большим или меньшим числом последователей. Некоторые из них не ограничивали женщин и позволяли женщинам принимать участие в зикрах и чтениях айятов. Однако их было ограниченное число. Об этом свидетельствуют и полевые материалы. Так, например, в период сбора полевого материала, известный ингушский богослов Суламбек Евлоев, сын Шахбота Евлоева – муллы и тамады ингушей, проживавших в городе Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ, РСО-Алания, Россия), рассказал историю, связанную с периодом распространения ислама в Ингушетии. Из его рассказа стало известно, что, когда Кунта-хаджи приехал в середине XIX в. очередной раз в Ингушетию и как для дорого гостя для него зарезали барана, он попросил, чтобы галушки к столу приготовила женщина, которая делает намаз [Албогачиева 2009-2021]. Хозяйка дома не умела, и они привезли женщину из соседнего села Барсуки, которая выполняла основные столпы ислама. Она удовлетворила просьбу гостя. В последующем эту информацию подтверждали и другие информанты [Албогачиева 2009-2021]. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что на том историческом этапе еще незначительная часть женщин практиковала намаз и чтение айятов, а тем более участие в зикрах. Ислам постепенно стал укреплять свои позиции на территории Ингушетии. Здесь начала формироваться местная мусульманская элита. Это способствовало тому, что женщины стали постигать основы мусульманской религии в лоне семьи. Но это было прерогативой только немногих женщин, так как они не имели возможности посещать медресе и получать полноценное образование. Самую значительную часть женщин, постигших основы ислама, составляли дочери, жены, сестры, матери ученых алимов Ингушетии. Они и стали первыми распространять мусульманские догматы среди женщин.

Постепенно в обществе сформировалась женская группа, не только изучающая основы ислама, но практикующая громкий зикр. Они, по очереди стали у себя на дому собираться по четвергам для проведения ритуала зикра. Таких женщин было немного. Это было связано не только с ограничениями со стороны мужской половины, но и с многочисленными обязанностями, лежащими на их плечах, со сложностью передвижения из одного конца села в другой и отсутствием свободного времени. Тем не менее эта практика продолжала существовать.

В 1944 г. ингушей и чеченцев депортировали в Среднюю Азию и Казахстан, но и там они практиковали зикр. По свидетельству нескольких информантов, женщины даже чаще встречались для проведения ритуала, чем мужчины, так как они не привлекали такого внимания, как мужчины [Албогачиева 2009-2021]. Известно, что в местах депортации мужчины должны были регулярно

отмечаться в комендатуре, и они были под особым контролем со стороны местных властей. Вместе с тем, несмотря на тяжелые условия существования и тотальный контроль, адепт Чин-Мирзы, одного из мюридов Кунта-Хаджи, образовал новое религиозное братство в Атбасаре. Это был Вис-хаджи Загиев, который стал последним шейхом кадирийского тариката Чечни. Он, ввел в практику совместное совершение зикра мужчинами и женщинами, что отличало его вирд от всех других чеченских вирдов. Женщины его вирда чаще чем другие практиковали зикр. Это было связано с тем, что члены этого вирда жили обособленно, и шейх имел более тесные связи с руководителями колхоза, которые не обращали особого внимания на обрядовую сторону, так как последователи шейха были очень дисциплинированными и трудолюбивыми. Таких преференций не было у других последователей кадирийского тариката.

В 1957 г. ингуши и чеченцы были реабилитированы и вернулись на родину. Первые годы женские практики не получили широкого распространения, так как не все массово вернулись на родину и еще не все наладили прежние контакты. Однако уже в начале 1970-х женщины стали, как и прежде, собираться для проведения ритуальных практик. Наличие зикристских женских групп в районах очень тревожило местные власти. Коммунистами принимались различные меры по предотвращению этих сборов. Под их чутким вниманием были сборы в пятницу, так как в эти дни проходили коллективные намазы и зикры. Если участница зикра была работающим человеком, то по доносу коллег или иных «доброжелателей» ее вызывали в партком для проведения соответствующей беседы. Все женщины, уличённые в участии в зикре, не зависимо от того, домохозяйка она и или работающая, приглашалась в райком партии, где с ними проводилась беседа. Женщин всячески запугивали, но, по имеющимся данным, задержаний и арестов женщин-мюридов в отличие от мужчин не было. Такая же практика была характерна и для других регионов. Так, например, в соседнем Дагестане в советский период «женщины-мюриды из Кахиба каждую пятницу проводили коллективные молитвы в одном из домов села. Следует обратить внимание на соотношение мужчин и женщин мюридов, последователей шейха Гасана Кахибского – 466 мужчин и 1600 женщин. Очевидно, что это было результатом репрессий в отношении мужчин – верующих, в том числе и из среды духовенства» [Мутиева 2022: 9]. О существовании женских ритуальных практик в Центральной Азии упоминается и в работе Б.М. Бабаджанова. Вместе с тем он не описывает подробно ритуал зикра в котором участвуют женщины. Однако, эти материалы подтверждают о существовании подобных ритуалов и в других регионах, но не позволяют отразить региональные особенности зикра.

Полевые материалы свидетельствуют о том, что большая группа практикующих зикр сложилась в 1970-х гг. в станице Слепцовской (с 2016 г. – город Сунжа, Республика Ингушения, Россия) – около 30–50 женщин регулярно участвовали в зикрах. По сообщениям информантов, они были разновозрастными, от 18 лет и старше, до преклонного возраста [Албогачиева 2009-2021]. Национальный состав участниц был в основном ингушский, но некоторые участницы были из нахского общества, мялхи. Основала и руководила обществом зикристок ингушка Оздоева (Сейнароева) Кьарибат Чонтиевна (1901–

1992) и до самой смерти оставалась их тхамадой. Ее помощником-исполнителем являлась ингушка Колоева (Цицкиева) Марем Кагермановна (1932–2013). Религиозная активность их не прекращалась со дня основания.

Однако, в конце 90-х гг. XX в. мусульманское общество страны получило разного рода преференции, касающиеся их религиозных догматов. Начались поездки в хадж, открылись мусульманские школы и университеты, повсеместно стали строиться мечети. А с началом перестройки появилась возможность получать религиозное образование за рубежом. Это привело к тому, что наряду с тарикатами накшбандийа и кадирийа стало формироваться и радикальное крыло в лице ваххабитов и салафитов, которые стали выступать против местного варианта суфийских практик [Албогачиева 2017: 300]. Они считают совершенно недопустимым участие женщин в коллективных ритуалах. Это очень сильно отразилось и на количественном и возрастном составе участниц зикра. Как подтверждают полевые материалы до указанного периода молодых женщин, участвующих в ритуале зикра было гораздо больше. Это связано с тем, что новые религиозные взгляды стали более близки и востребованы молодежью, а старшее поколение осталось приверженцем традиционных для ингушского общества норм ислама. Влияние интернета и социальных сетей изменило отношение к ритуальным практикам. Женщины стали находить новую нишу для реализации своих потребностей в виртуальном пространстве. Сформировалось целое поколение молодых мусульман, считающих практику зикра недопустимой и нежелательной для ингушского общества. В связи с этим у многих женщин в семье возникают проблемы, связанные с их религиозной активностью. Некоторые женщины вынуждены покидать свою социокультурную и духовную ячейку под влиянием близких мужчин. Этому влиянию больше подвержены молодые женщины. Их численный состав из года в год сокращается среди участников зикра.

В ритуале участвуют в большинстве своем женщины, достигшие возраста ритуальной чистоты. Основной возрастной состав участниц варьирует от 40 до 70 лет, но иногда среди них можно встретить и более молодых женщин. В настоящее время активных женщин-мюридов в различных населенных пунктах Ингушетии стало значительно меньше. Поэтому для проведения ритуала зикра они объединяются с женщинами из других населенных пунктов.

Часть женщин приходят на ритуал по совету знакомых или родственников. Это связано с тем, что для основной массы приход в братства связан с поиском духовной ниши, в которой они смогут восполнить образовавшийся вакуум. Чаще всего в эти группы приходят женщины, у которых в семье произошла трагедия или их постигли большие несчастья и неприятности. Как глубоко верующие люди, они знают, что нет таких обстоятельств и ситуаций, когда жизнь утратила бы свой смысл. В исламе, как и в христианстве, недопустимо самоубийство. Для того чтобы пережить потерю близких или иную трагедию, они ищут спасения в коллективных молитвах. После знакомства с женскими религиозными практиками многие начинают выходить из депрессии или просто плохого душевного состояния. Совершая групповой зикр, они понимают, что им близки основы суфизма, через которые они могут приблизиться к понимаю божественного начала. Высшей целью познания суфии считают познание Бога

в себе. Средством такого постижения считается мистический Путь любви (или сердца). Сердце станет достойным получить любовь только тогда, когда оно сможет посредством духовного усилия растворить все проявления души [Вильданов 2012: 7]. Посвящая свою жизнь служению Богу, они учатся очищать свою душу от негатива, накопленного за многие годы. Как отмечают женщины, это долгий и сложный процесс, который они проходит под руководством женщины-туркха [Албогачиева 2009-2021]. Для того чтобы научить женщин, как отказаться от различных плохих привычек, свойственных им до прихода в эту группу, им даются определенные вирд-задания, выполняя которые они отучают себя от них. Так, одна из участниц зикра признавалась, что она всегда осуждала окружающих за те или иные поступки, критиковала всех своих знакомых и незнакомых людей и не представляла без этого свою жизнь. Но трагедия, произошедшая в ее жизни, заставила ее посмотреть на все, что она делает, под другим углом зрения. Ей захотелось измениться в лучшую сторону, но она не знала, как это сделать. Случай свел ее с женщиной, занимавшейся суфийскими практиками. Она оказалась близка к идеалу, к которому стремилась информантка в последние годы. Познакомившись ближе, она узнала, что ее новая знакомая регулярно делает зикр, выполняет пять столпов ислама и проводит свое свободное время в чтении Корана и различных молитв. Она стала посещать зикры регулярно и постепенно отошла от своих прежних привычек [Албогачиева 2009-2021].

Часто люди, испытавшие страдания и горе, находят утешение в религии. Согласно теории трансформации личности М.Ш. Магомед-Эминова, «ситуация экстремального опыта может стать как источником страдания, так и источником стойкости, мужества и роста, просветления, в зависимости от смысловой позиции, которую занимает человек» [Магомед-Эминов 2009: 47]. Многие участницы зикра отмечают, что во время этого ритуала они чувствуют эмоциональный подъем и физическую легкость.

Большое значение при проведении зикра имеют религиозные песнопения. Женщины-мюриды также практикуют религиозные песнопения. Одной из первых моих информантов, практикующих зикр, была Лида Арцханова. Именно благодаря ей удалось встречаться с женщинами во время ритуала и проводить свои исследования среди ее единомышленников. Лида обладает прекрасным голосом, знает большое количество религиозных песнопений (инг. *назым*) и читает мовлиды. Она и исполнитель, и собиратель этих религиозных песнопений. Из-за хорошо поставленного от природы голоса ее просят быть запевалой почти на всех встречах женщин. Чаще всего мусульманские песнопения исполняют женщины до начала коллективного зикра и после него. К великому сожалению, этому жанру народного искусства в Ингушетии не уделено нужного внимания ни в научных публикациях, ни в творчестве современных исполнительниц. Такой опыт есть во многих мусульманских регионах Российской Федерации. Так, например, «исполнение религиозных жанров становится непременной частью программ фольклорно-этнографических ансамблей, участники которых записывают старинные напевы непосредственно от носителей традиции и выносят их на концертную эстраду. Среди таких коллективов татарские фольклорные

ансамбли «Ак калфак» и «Жомга көн», возникшие в конце девяностых годов XX в. и начале XXI столетия» [Еникеева 2020: 33]. Мы можем наблюдать, как расширяется мусульманский компонент и в социокультурном пространстве современного Северо-Восточного Кавказа. «Религиозные музыкально-поэтические жанры, сформированные в контексте мусульманского обряда, обогатили жанровое поле традиционной музыки народов Дагестана, обозначили новые векторы в развитии музыкальной культуры региона. Если современная академическая и массовая музыка ориентирована на модернизацию и активно демонстрирует способность к интонационной интеграции в европейское музыкальное пространство, то сакрально-религиозные жанры демонстрируют приоритет локальной идентичности благодаря корпусу интонаций, которые являются знаково-выразительными смыслами этномузыкальной традиции дагестанских народов» [Абдулаева 2021: 209]. Такая же тенденция появления новых форм музыкального творчества наблюдается и в Чеченской Республике и в Ахмедском районе Грузии, где выступают женщины с исполнением различных религиозных песнопений. Таким образом они пропагандируют духовную культуру ислама. Мусульманские песнопения, традиционно исполняемые без привлечения музыкальных инструментов, не запрещены в исламе. Недопустимым считается изменение звучания голоса, накладывание различных звуков, использование музыкальных инструментов, кроме ударного инструмента, напоминающего небольшой барабан или бубен. Тем не менее, на просторах мусульманского мира есть известные исполнители нашидов, которые признаны во всем мире. Одним из наиболее известных нашидов на сегодняшний день в мире является Сами Юсуф – азербайджанец иранского происхождения. Ежедневная леволиберальная газета Великобритании The Guardian назвала его самым известным в мире британским мусульманином [Гарифуллин 2015].

Ингушские женщины-мюриды не выступают на музыкальных площадках региона для популяризации канонического (арабо-мусульманского) компонента. Их исполнение возможно услышать только на коллективных встречах во время зикров или посещения зийаратов. Назымы связаны с жизнью пророка Мухаммада, его сподвижников, с именами основателей местных религиозных братств и историей распространения ислама. Безусловно, в назымах прослеживается соединение различных пластов культуры, которые имеют давнее происхождение и определяются конкретными историческими условиями бытования ислама на Кавказе. Для участниц зикра исполнение религиозных песнопений имеет огромное значение. Именно они задают темп движению зикра.

Религиозные песнопения занимают важное место не только в обрядовой части, но и при посещении зийаратов региона и при совершении хаджа в Мекку. Как известно, все паломники, приезжающие для выполнения пятого столпа ислама в Саудовскую Аравию, обязательно посещают зийарат пророка Мухаммада в Медине. Этот зийарат не является столпом ислама, но его выполнение каждый правоверный считает своим долгом. Находясь в хадже и проходя мимо палаток в долине Мина или на Арафате, можно услышать исполнение религиозных песнопений женщинами, практикующими зикр и приехавшими с Кавказа. Здесь же отметим, что в советский период совершение хаджа было невоз-

можно и многие верующие, в том числе и женщины, совершали пеший малый хадж к месту захоронения матери Кунта-хаджи Хэди в с. Эртени в Чечне. Зийарат находится в высокогорном селении в Веденском районе. В то время подъездные дороги были разбиты и паломникам приходилось с большим трудом добираться до могилы Хэди. В настоящее время благодаря инициативам руководителя Чечни Рамзана Кадырова этот зийарат, как, впрочем, и все остальные зийараты святых, приведены в надлежащий вид и ждут своих паломников.

Ингушские женщины, прежде чем посетить зийарат Хэди в Чечне, отправляются в с. Гази-юрт к зийарату Тешала Ужахова, который был адептом Кунта-хаджи. Уезжая из Ингушетии, Кунта-хаджи оставил Тешала Ужахова после себя духовным наставником мусульман. Поэтому его могила является очень почитаемой среди мусульман региона. Паломницы делают там дуа и продолжают свое путешествие в Чечню. Приезжая к месту погребения матери Кунта-хаджи, они читают молитвы и только после этого заходят в само помещение зийарата. Трижды обходят могилу, переходят в комнату, пристроенную к зийарату, и делают намаз, после которого делают дуа за родных, близких, больных, за всю мусульманскую умму. Впрочем, содержание дуа может быть различным в зависимости от желания участниц. Так, во время первой и второй чеченской кампании местные женщины приходили к могиле Хэди и просили Аллаха остановить военные действия, чтобы на земле Чечни наступил мир.

Еще одним очень популярным зийаратом для женщин, практикующих зикр, является кладбище Кирхляр в Дербенте. Это место – самое посещаемое всеми мусульманами региона, и не только из-за того, что там похоронены 40 сподвижников пророка Мухаммада. Это один из древнейших мусульманских памятников на Северном Кавказе. Женщины-мюриды несколько раз в год посещают эту святыню, арендуя микроавтобус, и отправляются туда на несколько дней, так как расстояние от Ингушетии до Дербента очень большое (370 км). Этот длинный путь пожилым паломницам бывает нелегко преодолеть, на дорогу с остановками уходит 6–9 часов. В пути паломницы молятся, делают дуа и напевают религиозные песнопения – назымы, в которых восхваляют пророков, шейхов – основателей вирдов, сподвижников пророка Мухаммада и многое другое из истории ислама.

Кроме зийаратов к святым местам, мюриды совершают и зерат к больным. На ингушском языке посещение кого-нибудь переводится как зерат [Албогачиева 2013б: 304]. Это тоже важная часть жизни женщин, практикующих зикр. Узнав о болезни человека, они по просьбе родных или по собственной инициативе отправляются к нему и читают мовлиды, зикры, делают дуа за его выздоровление. Посещение больного по этикету предполагает какое-нибудь угощение. Они приносят с собой продукты или дают деньги, которые собирают со всех участников зикра. Большая часть из них пенсионеры, но тем не менее с пустыми руками они не приходят. Свои зераты они делают ради Аллаха, уповая на его милость.

Заключение

Женщины-мюриды всегда имели высокий общественный статус, но в последние десятилетия количество женских групп, совершающих зикр, стало

уменьшаться, как, впрочем, и число участниц. В значительной степени этому способствует укрепление позиций салафитов считающих, что женщинам можно молиться и дома. Однако нам представляется, что это связано не только с влиянием мужчин, которое было всегда, но и с современным образом жизни. Если раньше женщины объединялись в социокультурные ячейки для коллективного радения, совершения ритуальных действий, а также для получения знаний по исламу, то в настоящее время подобных проблем не возникает. Многие современные женщины независимо от возраста освоили интернет, который доступен для жителей всех районов Ингушетии, что позволяет им постигать основы ислама с помощью компьютера. Вероятно, женщины получили возможность реализовывать свои духовные потребности другими способами и смотрят на женский зикр как на нечто устаревшее, архаичное и не укладывающееся в нормы современного бытия.

Вместе с тем сами участницы зикра считают, что именно коллективные радения позволяют им постигать любовь к Всевышнему и всему человечеству. В них преобладает чувство сострадания, милосердия, любовь к ближнему, отражающаяся в действиях, совершаемых с целью принесения духовной помощи себе и другим. Совершая зикр, они стремятся получить блага как в этом, так и в другом мире. Исследователи подчеркивают, что в зикре отмечается проявление «женской» гендерной роли, в которой отражена любовь к Богу [Суворова 2011: 128]. Главное для них – довольство Аллаха, к которому они стремятся всеми доступными для них средствами. Многие женщины сумели самостоятельно решить свои собственные проблемы с помощью регулярных практик зикра. Женщины-мюриды считают, что ритуал зикра и его сохранение в обществе очень важно для женской части общества. Коллективный зикр дает им возможность общаться с единомышленниками и не зацикливаться повседневных заботах. Через зикр они находят путь к жизни и к Богу. Кроме того, они ощущают себя единой социокультурной ячейкой общества, которая отличается от всей остальной массы своим желанием изменить отношение к религии и к женщине. В этом особом положении, в котором они находятся, прослеживается их желание показать свою уникальность и особую роль женщин в духовном развитии общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулаева 2021 – *Абдулаева М.Ш.* Сакрально-религиозная музыка народов Дагестана: универсальные характеристики и локальные традиции // Кавказ: перекресток культур. – СПб.: МАЭ РАН, 2021. – Вып. 3. – С. 208-214.

Албогачиева 2012 – *Албогачиева М.С.-Г.* Кунта-хаджи Кишиев, его проповедь и последователи // Шейх, Устаз, Овлия Кунта-Хаджи Кишиев. сборник статей. авт. проекта и сост. Р.-Х. Ш. Албагачиев. – Нальчик: «Тетраграф», 2012. – С. 101-107.

Албогачиева 2013а – *Албогачиева* М. С.- Г. Ислам / М. С. Г. Албогачиева // Ингуши: коллективная монография. – М.: «Наука», 2013. – С. 317-330.

Албогачиева 2013б – *Албогачиева М.С.-Г.* Ингушская женщина в городской и сельской среде // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2013. – С. 290-330.

Албогачиева 2017 – *Албогачиева М.С.-Г.* Радикальный ислам в Ингушетии: основные этапы и специфика распространения // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. – М.: «Чеховский Печатный двор», 2017. – С. 283-317.

Албогачиева 2018 – *Албогачиева М.С.-Г.* Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии // Ислам в современном мире. – 2018. – № 14 (2). – С. 149-164.

Албогачиева 2009-2021 – Полевые материалы автора. Ингушетия, 2009–2021 гг.

Ахриев 1871 – Об ингушских женщинах // Терские ведомости. – 1871. – № 31.

Бабабджанов 2009 – *Бабабджанов Б.М.* Зикр джахр у братств Центральной Азии: дискуссии, типология, возрождение // PAX ISLAMICA. – 2009. – № 1 (2). – С. 105-125.

Вильданов 2012 – *Вильданов У.С.* Суфизм о пути любви к наивысшему совершенству (по мировосприятию шейха З. Расулева) // Проблемы востоковедения. – 2012. – № 1 (55). – С. 7-9.

Гарсаев, Гарасаев 2012 – *Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М.* Роль и место вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-Хаджи – Чечня (некоторые аспекты) // Рефлексия. – 2012. – № 2-6. – С. 7-9.

Гарсаев и др. 2016 – *Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Шаипова Т.С., Гарсаева М.М.* О роли и месте вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-Хаджи (некоторые аспекты) // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа. Материалы Международной научной конференции, посвященные 90-летию Ингушского научно-исследовательского института. – Назрань: Издательство: ООО "КЭТ", 2016. – С. 87-90.

Еникеева 2020 – *Еникеева А.Р.* Происхождение и современное развитие традиционных духовных песнопений татар // Музыкальная культура XXI века: Теория, исполнительство, образование: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, 21 мая 2020 г. / Казанский государственный институт культуры; редколлегия: З.М. Явгильдина, Т.Ю. Гордеева, Л.З. Бородовская. – Казань: Казанский государственный институт культуры, 2020. – 362 с.

Магомед-Эминов 2009 – *Магомед-Эминов М.Ш.* Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности, дисс. на соискание уч. ст. д. псх. н. – М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2009. – 679 с.

Мутиева 2022 – *Мутиева О.С.* Религиозные практики женщин в мусульманских общинах Северного Кавказа: история и современность // Вестник Дагестанского государственного университета Серия 2. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 37. – Вып. 3. – С. 7-14

Суворова 2011 – *Суворова А.А.* Женское соло в мужском хоре: секта зикри в Пакистане // Восток (Oriens). – 2011. – № 2. – С. 122–130.

REFERENCES

ABDULAEVA M.SH. *Sakral'no-religioznaya muzyka narodov Dagestana: universal'nye kharakteristiki i lokal'nye traditsii* [Sacred religious music of the peoples of Dagestan: universal characteristics and local traditions]. IN: Kavkaz: perekrestok kul'tur. – SPb.: MAE RAN, 2021. – Vyp. 3. – S. 208-214. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M. S.-G. *Konferentsiya musul'man respubliki Ingushetiya* [Conference of Muslims of the Republic of Ingushetia]. IN: Antropologicheskii forum. – 2011. – № 14. – S. 480-488. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M. S.-G. *Kunta-khadzhi Kishiev, ego propoved' i posledovateli. IN: Sheikh, Ustaz, Ovliya Kunta-Khadzhi Kishiev* [Kunta-haji Kishiev, his sermon and followers]. IN: Sbornik statei. avt. proekta i sost. R.-Kh. Sh. Albagachiev. – Nal'chik, 2012. – S. 101-107. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M. S.-G. *Islam* [Islam]. IN: Ingushi: kollektivnaya monografiya. – M.: «Nauka», 2013b. – S. 317-330. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Ingushskaya zhenshchina v gorodskoi i sel'skoi srede* [Ingush woman in urban and rural environment]. IN: Kavkazskii gorod: potentsial etnokul'turnykh svyazei v urbanisticheskoi srede. – Sankt-Peterburg, 2013. – S. 290-330. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Radikal'nyj islam v Ingushetii: osnovnye etapy i specifika rasprostraneniya* [Radical Islam in Ingushetia: the main stages and specifics of the spread]. IN: Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoj karte sovremennogo mira. – M.: "CHekhovskij Pechatnyj dvor", 2017. – S. 283-317.

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Zhenskie sufiiskie praktiki gromkogo zikra v Ingushetii* [Women's Sufi practices of high-profile zikr in Ingushetia]. IN: Islam v sovremennom mire. – 2018. – 14 (2). – S. 149-164. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. 2009-2021 – *Polevye materialy*. [Field materials]. Ingushetiya, 2009–2021 gg. (In Russ.).

AKHRIEV Ch. 1871 – *Ob ingushskih zhenshchinah* [On Ingush women]. IN: Terskie vedomosti. 1871. № 31. (In Russ.).

BABADZANOV B.M. *Zikr dzhahr u bratstv Central'noj Azii: diskussii, tipologiya, vozrozhdenie* [Zikr jahr at the fraternities of Central Asia: discussions, typology, revival]. IN: PAX ISLAMICA. – 2009. – 1 (2). – S. 105-125. (In Russ.).

VIL'DANOV U.S. *Sufizm o puti lyubvi k naivysshemu sovershenstvu (po mirovospriyatiyu sheikha z.Rasuleva)*. [Sufism about the path of love for the highest perfection (according to the world vision of the Sheikh. Rasuleva)] IN: Problemy vostokovedeniya. – 2012. – № 1 (55). – S. 7-9. (In Russ.).

GARSAEV L.M., GARASAEV A.M. *Rol' i mesto vainakhskoi zhenshchiny v sufiiskom bratstve Kunta-Khadzhi – Chechnya (nekotorye aspekty)* [The role and place of the Vainakh woman in the Sufi brotherhood of Kunta Haji – Chechnya (some aspects)]. IN: Refleksiya. – 2012. – № 2-6. – S. 7-9. (In Russ.).

GARSAEV L.M., GARASAEV A.M. SHAIPOVA T.S., GARSAEVA M.M. *O roli i meste vainakhskoi zhenshchiny v sufiiskom bratstve Kunta-Khadzhi (nekotorye aspekty)* [On the Role and Place of the Vainakh Woman in the Kunta-Haji Sufi Brotherhood (Some Aspects)]. IN: Ingushetiya v kontekste nauchnykh problem i perspektiv izucheniya Kavkaza. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennye 90-letiyu Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. – Nazran': Izdatel'stvo: OOO "KET", 2016. – S. 87-90. (In Russ.).

ENIKEEVA A.R. *Proiskhozhdenie i sovremennoe razvitie traditsionnykh dukhovnykh pesnopenii tatar* [Origin and modern development of traditional spiritual chants of Tatars]. IN: Muzykal'naya kul'tura XXI veka: Teoriya, ispolnitel'stvo,obrazovanie: Materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21 maya 2020 g. / Kazanskii gosudarstvennyi institut kul'tury; redkollegiya: Z.M. Yavgil'dina, T.Yu. Gordeeva, L.Z. Borodovskaya. – Kazan', 2020. – 362 s (33). (In Russ.).

MAGOMED-EMINOV M.SH. *Deyatel'nostno-smyslovoi podkhod k psikhologicheskoi transformatsii lichnosti, diss na soiskanie uch. st. d. pskh. n*. [Activity-semantic approach to psychological transformation of personality]. – IN: M., 2009. – 679 s. (In Russ.).

SUVOROVA A.A. *Zhenskoe solo v muzhskom khore: sekta zikri v Pakistane*. [Female solo in male choir: Zikri sect in Pakistan] IN: Vostok (Oriens). – 2011. – № 2. – S. 122–130. (In Russ.).

Информация об авторе

М.С.Г. Албогачиева – доктор исторических наук.

Information about the author

M.S.-G. Albogachieva – doctor of science (History).

Статья поступила в редакцию 29.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 39(396.5)+304.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-282-295
EDN: GPUNFQ

ГЕНДЕР В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И САКРАЛЬНОЙ СФЕРАХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН

Роберт Петрович Кулумбегов
Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. Ванеева, Цхинвал, Республика Южная Осетия, kulumbegov_2@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1489-8643

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные отличия в земледельческой культуре осетин. Земледелие, как важная сфера хозяйственной деятельности народа, получила достаточно широкое освещение в этнографической литературе. Вместе с тем повседневность жителей Осетии различного пола, их ежедневные хозяйственные практики и участие в религиозной сфере в научных исследованиях рассматривались без учета гендерных особенностей. Мужское и женское начала табуировались, определяя каждому полу сферу его деятельности. Участие мужчин-горцев и женщин-горянок в хозяйственной деятельности определялось преимущественно физическими способностями полов, приспособленностью человеческой психики к определенной трудовой деятельности. Один перечень трудовых процессов находился в компетенции исключительно мужчин, другой – женщин. Вместе с тем существовали сферы трудовой деятельности, допускающие гендерное равноправие. Несколько другими критериями определялось участие мужчин и женщин в религиозной сфере. Обычно роль женщины в отправление сакральных культов определялась устоявшимися стереотипами, которые основывались на представлениях о том, что участие в религиозных ритуалах вторично, производно от главенствующей роли мужчин. Однако имеющийся материал свидетельствует о том, что женщины в традиционном осетинском обществе принимали активное участие в сакральных практиках. Это происходило либо в случае отправления «женских» культов, либо через участие в общих с мужчинами религиозных обрядах посредством изготовления ритуальной пищи и напитков.

Ключевые слова: гендерные различия; хозяйственная деятельность; сакральные практики; пахота; сев; жатва; ритуал; жертвенное животное.

Для цитирования: Кулумбегов Р.П. Гендер в производственной и сакральной сферах земледельческой культуры осетин // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 282-295. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-282-295. EDN: GPUNFQ.

© Кулумбегов Р.П., 2022

Original article

GENDER IN THE PRODUCTION AND SACRED SPHERES OF OSSETIAN AGRICULTURAL CULTURE

Robert P. Kulumbegov
South Ossetian Research Institute. Tskhinval, Republic of South Ossetia, kulumbegov_2@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1489-8643

Abstract. The article shows gender differences in the agricultural culture of the Ossetians. Farming, as an important sphere of economic activity, has received wide coverage in ethnographic literature. The everyday life of Ossetians of different sexes, their daily economic practices, and their participation in the religious sphere have been considered in scientific research without considering gender. Undeniably, such a generalized approach does not give a full picture of gender differences. The masculine and feminine doctrines were tabooed, defining each gender's sphere of activity. The participation of mountaineer men and women in economic activity was determined mainly by the physical abilities of the genders, the adaptability of human psychology to a particular work activity. A certain range of labor processes was only in the competence of men, the other - women. There were areas of work allowing gender equality. The men and women participation in the religious sphere was defined by somewhat different criteria. The role of women in sacred rituals was usually determined by well-established stereotypes, based on the notion that women's role in religious cults was secondary, derived from the predominant role of men. However, the available material shows that women in traditional Ossetian society took an active part in sacred practices. This took place either through the practice of "female" cults or through participation in rituals, through preparing ritual food and drink.

Keywords: gender differences; economic activity; sacred practices; plowing; sowing, harvest; ritual; sacrificial animal.

For citation: Kulumbegov R.P. Gender in the production and sacred spheres of ossetian agricultural culture. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – С. 282-295. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-282-295. EDN: GPUNFQ.

© Kulumbegov R.P., 2022

Введение

На протяжении истории существования той или иной этнической общности в ее среде формируются стойкие представления о мужском и женском начале, как части культурной традиции народа. Имея схожие формы бытования, эти представления имеют и свои особенности, присущие только тому или иному этническому социуму [Здравомыслова 1999: 178].

В народной культуре гендерная разделенность проявляется в хозяйственной деятельности и праздничной обрядности; в статусе, который занимают представители полов в семье и обществе; в идеях и верованиях, формирующих понятие «мужественности» и «женственности»; социализации мужчин и женщин [Баранов 2005: 6].

В зависимости от пола традиционное общество определяло правила, которых должен был придерживаться общинник, и соответствие норм его поведения ожиданиям соплеменников. На протяжении эпох формируются черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как «мужчина» и «женщина» [Пушкарева 1999: 16].

Разделение труда между полами табуирует одинаковость мужчин и женщин, разделяет мужчин и женщин на две взаимоисключающие категории, усиливает биологические различия между полами и потому создает гендер [Рубин 2000: 96]. Еще одной сферой формирования половой дифференциации становится религиозная жизнь общества.

Гендерные исследования в последнее время приобретают все большую актуальность, о чем свидетельствует активность научного сообщества в изучении

особости полов. Вопросы гендерных отношений в разных сферах человеческого бытия становятся темой отдельных исследований и научных симпозиумов [Гендерные разночтения 2005; Гендерное равноправие 2008]. Утверждаются методология и методика гендерных исследований [Пушкарева 2011].

Объектом исследования являются гендерные различия в традиционном укладе жизни осетин, предметом – разделение труда между полами в хозяйственной и религиозной сферах. Методологическая база основывается на системном, структурно-функциональном, компаративом и комплексном подходах.

В настоящее время создана обширная база теоретических разработок и исследований, принадлежащих представителям российского научного сообщества [Баранов 2005; Здравомыслова 1999; Карпов 2001].

На Северном Кавказе гендерные исследования оказались в центре внимания научного сообщества относительно недавно. Но уже сегодня мы можем говорить о существенных результатах разработок этой тематики, отраженных в монографиях, диссертациях и отдельных публикациях [Габоева 2012; Сабанчиева 2016; Текуева 2008; Хадикова 2015].

Наряду с другими регионами Кавказа, разделение между полами было частью регламентации хозяйственной деятельности и в Осетии. Половая разделенность в быту регулировалось представлениями о дозволенном (*фæччы*) и недозволенном (*нæ фæччы*). Вторжение на «женскую» или «мужскую» половину со стороны противоположного пола осуждалось обществом и могло привести к серьезным репутационным издержкам. Подобная гендерная градация у осетин была частью общекавказской традиции, где участие женщин в мужских работах воспринималось как вызов обществу, протест против установившихся порядков и, наконец, как нарушение правил этикета. Однако и здесь были свои исключения, которые могли быть обусловлены обстоятельствами, при которых все дееспособные мужчины находились вне дома [Габоева 2012: 102].

Несмотря на существование гендера в земледельческой культуре осетин, это явление пока не стало предметом отдельного исследования. Вместе с тем изучение гендерной дифференциации актуально и имеет свои перспективы, так как дает еще один ключ к пониманию особого мира традиционной культуры.

Половозрастная дифференциация в хозяйственной деятельности

Различия в трудовой деятельности мужской и женской части общества наиболее ярко проявлялись у осетин в земледелии. Здесь существовало четкое разделение не только по гендерному признаку, но и по возрасту, и статусу каждого члена семьи.

Главный объем работ для горца начинался весной, но уже в зимние месяцы начиналась подготовка к очередному хозяйственному году. Мужчины занимались ремонтом или изготовлением орудий труда, женская половина семьи подготавливала семенной фонд, перебирая семена и отбирая для посева самые крупные и неповрежденные зерна. Эти работы проводились в закрытых помещениях: в доме или на закрытых гумнах.

В зимние месяцы земледелец выходил в поле только для вывоза на пашни органических удобрений. В горной полосе основным транспортным средством

для перевозки грузов были сани. Поэтому лучшим условием было наличие наста. Горцы ждали, пока днем снег подтает на солнце и к утру покроется прочной ледяной коркой. Это условие диктовалось тем, что сани проваливались в глубоком снегу, а вот наст позволял этому транспортному средству беспрепятственно передвигаться по полям.

Период заморозков создавал еще одно удобство для вывоза удобрений в горах. Часть пахотного фонда находилась за реками, и для их преодоления требовалось, чтобы водные преграды покрылись льдом.

Органические удобрения загружали в плетеные корзины, устанавливаемые на санях. Эти корзины были и мерой, соответствующей одной норме вносимого удобрения.

В местах, где удобрения невозможно было доставить на санях, использовались носимые на спине плетенки. Такие корзины назывались *лæггуыф*, что переводится с осетинского как «мужская корзина». В этом названии мы видим связь этого вида работ с исключительно мужским участием. И это неудивительно – вес одной плетенки с удобрениями достигал 40-50 кг. Здесь проявляется один из факторов, определяющих разделение труда мужчин и женщин – физические способности полов.

Когда снег сходил с пашен, в поле выходили женщины, они занимались очисткой пахотных участков от мусора, камней. Присутствие мальчиков-подростков на этих работах ограничивалось помощью женщинам в укладке камней в кучи.

При пахоте мы не наблюдаем дифференциацию по участию полов в трудовых процессах, работы проходят с вовлеченностью как мужчин, так и женщин.

Во время пахоты существовали особенности организации труда и определения состава участников. Работа деревянным ралом, несмотря на легкость его конструкции, требовала приложения немалых физических усилий и опыта. Поэтому в качестве плугаря всегда выступал мужчина, но традиция требовала участия и женщин.

При работе легким пахотным орудием – *дзыбыр* – не было необходимости в участии значительного количества работников. В пахоте были задействованы два-три человека, но в их числе обязательно должна была быть женщина. Плугарем являлся мужчина, обычно отец семейства, а также погонщик – подросток. У женщины были свои конкретные обязанности при пахоте – она шла впереди пары пахотных волов, ведя их за собой за привязанную к рогам бечевку. Она определяла направление движения пахотного орудия, она же разворачивала пару быков на краю поля. Это определяющее участие женщины в процессе пахоты отразилось и в фольклоре. «Что бы не думал мужчина, быкам путь всегда указывает женщина», – принято говорить, когда хотят подчеркнуть важность участия супруги в семейной жизни.

Несколько иными были обязанности женщин при работе тяжелым передковым плугом. В это пахотное орудие впрягали до пяти-шести пар волов, и управлять такой массой рабочего скота было непросто, поэтому в обслуживающем плуг коллективе были исключительно мужчины и подростки.

Здесь участие женщин ограничивалось второстепенной, но не менее важной обязанностью – идти за плугом и размельчать мотыгами, вывороченные лемехом комья земли.

Совместное участие мужчины и женщины принимали и в севе. Здесь сеятелем был мужчина, в отличие от пахоты им мог быть и обычный односельчанин. Главное, чтобы у него была репутация человека с «счастливой рукой».

Процесс засевания пашни не обходился без участия женщины. Она шла по вспаханной пашне впереди сеятеля, стараясь придерживаться условной линии. Женщина при этом была своеобразной вехой, по которой сеятель определял границу уже засеянного участка поля.

Боронование засеянной пашни было прерогативой исключительно мужчин и подростков.

При появлении первых всходов начинались работы, в которых принимала участие исключительно женская часть общества. Это были прополка и прореживание посевов. Необходимо было обойти поля и выдернуть сорную траву, работать приходилось вручную и с соблюдением предосторожностей, чтобы не повредить ранние всходы.

На полях, где высеивались кукуруза или картофель, прополку проводили мотыгами. Эти работы производились совместно мужчинами и женщинами. Также жатва кукурузы и выкапывание созревшей картошки организовывалась совместными усилиями.

Разделенность в трудовых процессах не была абсолютной, при определенных обстоятельствах женщины занимались и «мужскими» работами. Это происходило в том случае, если в семье не было трудоспособных мужчин, или они находились на высокогорных пастбищах, на заработках (отходничество) или на войне.

Горячая пора для земледельцев наступала в период жатвы. В горной полосе Осетии эта обязанность преимущественно лежала на женских плечах.

На горных склонах было необходимо жать хлеба серпами, работа этим орудием труда требовала от жнеца большой сосредоточенности и сопровождалась длительной напряженностью. Для этого лучше всего подходил женский склад характера, отличающийся восприимчивостью к монотонной работе.

Увидеть в горной полосе Осетии мужчину с серпом при жатве зерновых было в диковинку. Эта работа для них табуировалась и была частью недозволенного – *нæ фæччы*. Поэтому женщины главенствовали при жатве хлебов, участие мужчин ограничивалось скирдованием собранных снопов и их вывозом.

Необходимо отметить, что гендерную дифференциацию во время жатвы определяли и орудия труда. Например, срезание стеблей кукурузы было прерогативой мужчин, в отличие от уборки колосовых. Здесь работать приходилось большим серпом *ламган*. Это был тяжелый инструмент, работник в процессе жатвы должен был надевать на пальцы специальные напальчники из деревянных втулок. Это делалось для того, чтобы избежать частых при работе этим серпом порезов. Поэтому срезанием кукурузы занимались только мужчины, женщины только собирали срезанные стебли в связки.

В равнинной зоне приоритет в жатве колосовых также принадлежал мужчинам. Хлеба здесь убирали косой, и это орудие труда входило в число запретных для использования женщинами.

Во время жатвы хлебов происходила своеобразная инициация девочек. Для подростков, вышедших с родителями впервые в поле, это был не только первый опыт работы с рабочим инструментом, но еще и возможностью показать себя в коллективной деятельности, заслужить признание взрослой части социума.

Несмотря на то, что во время уборки урожая приходилось прилагать большие физические нагрузки и работать на солнце, период жатвы считался радостным событием. Горцы в это время могли воочию увидеть результат своего труда – урожай, колосившийся спелыми желтыми нивами. Эта картина вселяла в них надежду на изобилие, уверенность в том, что можно будет без опасений встретить долгую зиму.

Процесс уборки хлебов завершался вывозом урожая, это была компетенция мужской части населения. В горах урожай вывозили на санях, в предгорьях и на равнине – на арбах. На виду населенного пункта снопы складывались в скирды, и при первой удобной возможности начинался обмолот урожая.

Обмолачивание хлебов имело свои особенности в зависимости от той или иной природно-хозяйственной зоны Осетии. Эта разность определялась набором возделываемых культур, и соответственно способом молотьбы. В нагорной полосе, где в основном возделывали ячмень и рожь, зерновые обмолачивали вытаптыванием крупным рогатым скотом, а также деревянными и каменными катками. На предгорьях и в равнинных селах использовалась молотильная доска.

В обмолоте с использованием крупного рогатого скота участвовали исключительно мужчины и подростки. Взрослые впрягали быков и тельных коров на току в круг и гоняли их по окружности, они же убирали обмолоченное зерно и выгребали солому.

В обмолоте с использованием молотильной доски принимали участие как мужчины, так и женщины. Однако у каждого работника была своя роль, определяемая гендерными особенностями. Здесь главным работником был человек, стоящий на молотильной доске, в которую впрягались пара волов или лошадь – им обычно был подросток или женщина.

Следующим этапом труда земледельца было веяние зерна, здесь участие женщин было приоритетным. Отделение зерен от плевел происходило посредством подбрасывания измельченной массы деревянными лопатами вверх против ветра. Обязательным условием при веянии было наличие ветра. Для того, чтобы вызвать это природное явление, использовались различные магические ритуалы, в их числе – призыв к покровителю стихии ветров, небожителю Галагону. Гимн-песнопение в его честь исполняли женщины, обладающие голосом и музыкальным слухом.

В завершение земледельческого цикла крестьянки приступали к лущению зерна с помощью деревянных решет с крупными ячейками. Очистив зерно от шелухи, урожай сыпали в кожаные мешки, сапетки или в зерновые ямы.

Единство и противоположность полов в сакральной сфере

В осетинском традиционном обществе, как практически везде на Кавказе, в совершении религиозных церемоний на первом месте стоит мужчина. Представители взрослой части мужского населения являются главными участниками и орга-

низаторами сакральных действий. Одновременно существовали и практики в сфере религиозных верований, где приоритет принадлежал женской части социума.

Вместе с тем религия, являясь важным сегментом жизни общества, предоставляет каждому члену социума возможность получить индивидуальный опыт познания мира. Исследования социологов подтвердили высокую степень религиозности женщины, специалистами это объясняется женской эмоциональностью и ее физиологическими особенностями [Рязанова 2011: 21].

Еще первобытная архаика была отмечена женской религиозностью. Эта особенность древнего сообщества людей определялась их повседневностью. Мужчины большую часть своего времени находились на охоте, ограничивая свое участие в делах племени лишь поиском пропитания или защитой от внешних угроз. Женщины были заняты как собирательством, так и выстраиванием взаимоотношений в семье. На них же лежал груз ответственности за обеспечение благоденствия рода. Результатом этого груза ответственности стала выработка у женщин особой чувствительности к окружающему миру, к его отрицательным и позитивным проявлениям.

В этом случае внешние факторы не виделись как нечто неизменное, женщина старалась воздействовать на природу посредством магических действий, которые со временем оформились в устоявшийся ритуал [Боннар 1992: 71]. Участие женщин в религиозной сфере общины, племени и рода считалось необходимостью, так как именно женщины придавали эмоциональную окрашенность проводимым обрядам (возбуждение, ожидание, испуг), создавая должный психологический эффект [Бутаева 2011: 154].

В Осетии разделенность в сакральных практиках базируется, так же, как и в производственной сфере, на представлениях о дозволенном (*фæччы*) и не дозволенном (*нæ фæччы*),

Эту градацию члены сообщества начинают наблюдать уже с ранних лет. Мальчикам-подросткам возбранялось находиться там, где женщинами готовились ритуальные пища и напитки, девочкам запрещалось наблюдать за принесением в жертву животного или находиться возле котлов, где варилось мясо.

До того, как молодые люди обзаведутся семьей, их участие в отправлении ритуалов ограничивалось только отдельными поручениями. После того как меняется их семейный статус, они становятся полноправными участниками сакральных действий.

Если юноши за праздничным застольем обязаны были только прислуживать, то после женитьбы молодой человек мог сидеть за столом. Это пиршественное присутствие зависело и от его возраста, – чем старше становился мужчина, тем ближе к руководителю застолья определялось его место. Признанием абсолютного авторитета человека являлось право быть в числе трех старших, сидящих во главе праздничного стола.

Мужчины главенствовали при отправлении сакральных действий. Они были жрецами в святилищах, образовывали круг лиц, допущенных к коллективному молению, определяли жертвенное животное. По традиции закалывать барана или быка должен был женатый мужчина, юноши занимались лишь снятием шкуры и разделкой туши. Поэтому в тот момент, когда молодой мужчина

впервые брал в руки жертвенный нож и пускал кровь животного, он переходил в статус полноправного участника, а со временем и регулятора ритуала.

Для девушек участие в сакральных практиках семьи и сельского сообщества начиналось после замужества. Уже в первый год невестка получала возможность войти в круг лиц, имеющих право лично участвовать в обрядах. Это происходило во время ритуала *Донмæ цæуæн бон* (букв. «день хождения за водой»). В этот день молодая невестка впервые отправлялась к водному источнику своей новой семьи.

Заранее выпекались ритуальные хлебцы в форме орудий труда земледельца, домашних животных. Утром невестка в сопровождении женщин шла к роднику. Принесенные с собой выпечку и зерновые злаки она бросала под благословения старших женщин в воду, и испрашивала покровительство водных дев в защите от градобития и наводнения. Часть хлебцов оставалась нетронутой.

Совершив эти действия у родника, молодая женщина набирала воду в кувшин, и вся процессия возвращалась домой. Переступив порог жилища, молодая невестка благословляла встречающих ее домочадцев, младшие члены семьи одаривались оставшимися у нее ритуальными хлебцами.

Со временем невестка, перейдя в статус старшей хозяйки дома – *æфсин* – будет регулировать всю женскую часть обрядовой сферы своей семьи [Хадикова 2015: 220].

Необходимость сохранения созревшего урожая в летний период диктовала проведения отдельного комплекса защитных мер. В этот период самой главной угрозой была, кончено же, засуха, выжигающая посевы на корню. И здесь участие женщин в охранных сакральных действиях было значительным. Наиболее цельно это проявлялось в народном обряде Цопппай.

В Осетии было известно два вида этого народного действа. В первом случае Цоппай представлял собой хоровод, который вели вокруг человека, пораженного молнией. Эта разновидность обряда детально описана в этнографической литературе [Осетинская энциклопедия 2012: 615].

Второй вариант представлял групповое шествие женщин, обходящих ближайшие населенные пункты. Подворный обход сопровождался сбором пожертвований в виде продуктов и напитков, с последующим коллективным молением и пиршеством.

В пути женская процессия старалась обязательно пройти мимо водного источника. Здесь делалась остановка, и участники шествия обливали друг друга водой. Частью обряда было исполнение особых песен, где испрашивалась небесная влага, с рефреном: «Цоппай, цоппай!». Участники шествия должны были быть в светлых одеждах, обязательно босиком, нести флажки из белой или красной материи.

Зайдя в населенный пункт, а таковых должно было быть, по возможности, семь, женщины останавливались перед домами и исполняли песню-призыв. К ним выходили старшие хозяйки и обливали водой. Они же выдавали им меру продуктов и питья. Совершив обход окрестных сел, участники этого сакрального действа приходили в святилище, посвященное громовержцу Уацилла, и

устраивали пиршество. Застолье сопровождалось молитвами в адрес этого небожителя с просьбой ниспослать на нивы дождь.

В некоторых сообществах в Осетии к помощи женщин в деле вызывания дождя прибегали лишь в крайнем случае. Обычно старались обходиться стандартным жертвоприношением патрону земледелия Уацилла/Елиа. Как пример, ритуал записанный исследователем народного быта Б. Гатиевым в Алагирском ущелье Северной Осетии. «По понятиям горцев, Елиа имеет и власть над дождем. Поэтому, если случается бездождие, и хлеб начинает от засухи портиться, жители деревни сообща покупают откормленного барана или козла и режут… Если после этого дождя нет долгое время, осетины, полагая, что жертва их не была угодна Елиа, прибегают к ходатайству Тыхоста», – пишет автор [Гатиев 2016: 819-820].

Тыхост в воззрениях осетин представлен одним из суровых и всесильных представителей небесной сути. В сфере его полномочий и покровительство плодородию, поэтому обращение к нему земледельцев было обоснованно.

Зачастую и обращение к «мужскому» покровителю Тыхосту могло не иметь должного результата, тогда общество обращалось к женщинам как к последней надежде. Об этом свидетельствует и Б. Гатиев: «Когда нет после этого перемены в погоде, то выступают на сцену женщины. Собравшись на сельской площади с ситами и тарелками, они, посоветовавшись между собой, что им делать, бегут или в лес, или на гору. Достигнув известного места, они разбегаются в разные стороны, катят перед собою сита или тарелки, тогда мужчины высылают к ним избранного старика, пользующегося общим уважением и доверием, с просьбою уговорить вернуться назад. Явившись к ним, посланный умоляет их возвратиться в аул: «Воротитесь назад, не бойтесь, небеса дадут нам просимое!» Возвратясь, женщины располагаются около священного камня и приносят в жертву ягненка, творя молитву: «О Боже, подай нам дождь!» и прочее» [Гатиев 2016: 820].

Таким образом, эта многоступенчатая последовательность ритуала вызывания дождя завершается тем, что обществом признается решающая роль женщины в этом обряде.

Преимущественное участие женской части социума в ритуалах вызывания дождя определяется и представлениями о том, что дождь имеет мужскую сущность. Например, у племени даяков на острове Борнео на это указывает конкретная характеристика сильного ливня: «Уитан ачай са!» – «Этот дождь мужчина!» [Тайлор 2000: 71].

Но есть пример, когда в обрядах по испрашиванию небесной влаги преимущество было за мужчинами. В Кударском ущелье Южной Осетии в ритуальных шествиях во время засухи участвовали исключительно молодые мужчины. Порядок обрядовых действий при этом не отличался от женской организации. В ответ на вопрос, почему в ритуале не участвовали женщины, информанты всегда выражали удивление даже мыслью о том, что небесам может быть угодно слово женщины.

Подобная предвзятость со стороны мужчин к участию в религиозной жизни женщин не нова. В некоторых племенах центральной Бразилии мужчины со

временем монополизировали роль организаторов религиозного культа. Причиной таких изменений стало то, что они полагали, что женщины недостаточно ответственны и искренни в совершении ритуальных танцев [Ворошилова 2017: 34].

Гендерную дифференциацию в ритуале вызывания дождя мы встречаем, например, и у кабардинцев. Девушки и молодые женщины участвовали в шествии по селению, неся с собой деревянную лопату, наряженную в женские одежды. Здесь также присутствовал элемент обливания водой. При этом другой ритуал, в основе которого было приволакивание по земле шкуры жертвенного животного черной масти, был прерогативой исключительно мужчин [Мамбетов 1999: 29-30].

В Осетии помимо ситуационной обрядности, определяемой текущей проблемой (ливни, засуха), существовали ежегодные, ограниченные строгими временными периодами, женские праздники. Во время праздника *Хуыцауы-дзуар* женская часть общества совершала обрядовые действия отдельно от мужчин, на это указывает даже само название – *Устыты куывд* (букв. пиршество женщин). Весной отмечался один из праздников народного календаря – *Фыдуани,* здесь преимущество в участии также было за женщинами [Чибиров 2008: 388].

Заключение

Различия между мужчинами и женщинами в традиционном обществе формировались исторически. Гендерная дифференциация лежит в основе устоявшихся представлений о социальном статусе противоположных полов, их полномочиях и обязательствах в социуме. В земледельческой культуре осетин она отмечается в двух сферах, в повседневной хозяйственной деятельности и сакральных практиках.

Уже на стадии подготовки к началу хозяйственного года определяется разность участия мужчин и женщин в трудовых процессах. Мужчины заняты подготовкой рабочего инвентаря, женщины – семенного фонда. Пахота, как основная часть забот земледельца, проходит в совместном труде. Представители полов принимают в нем участие в зависимости от своих физических особенностей. Обязанности пахаря лежат исключительно на мужчинах, женщинам отведена вспомогательная роль. Такое разделение при общем труде присутствует и при севе.

Трудовая дифференциация наиболее ярко выражена при уходе за посевами и при уборке урожая. Здесь приоритет женщин определяется их лучшей приспособленностью к монотонному и напряженному труду. Вместе с тем, работа с тяжелым, травмоопасным орудием жатвы серпом-ламган и косой определила приоритет мужского участия.

Половое разделение наблюдается и во время вывоза урожая, обмолоте колосовых и в процессе веяния.

Имеющаяся гендерная разделенность в трудовых процессах не была абсолютной, при необходимости мужчина мог заменить женщину в ее обязанностях при пахоте и севе, в то же время и сама женщина могла исполнять трудовые обязанности мужчины в исключительных условиях. В последнем случае это происходило при отсутствии в семье трудоспособных мужчин.

Вместе с тем в первую очередь именно разделение труда в обществе, помимо биологических признаков и одежды, определяло такие категории, как «мужское» и «женское».

Гендер присутствовал и в сакральной сфере. Одни религиозные ритуалы проходили при совместном участии мужчин и женщин, другие – отмечались ограничениями для противоположного пола.

Участие мужчин в отправлении религиозного культа зависело как от возраста, так и семейного положения. Только общинник, имеющий семью, мог считаться полноправным субъектом сакральных действий. С возрастом повышался и личный статус в обществе.

Определяющим семейное положение было и для женщин. Первый опыт личного участия в религиозных действиях они получали уже в первый год нахождения в семье своего супруга. Молодая невестка становилась субъектом сакрального ритуала.

Существование женской сакральности, как объективной реальности, определяется присущими женскому сознанию интуиции, образности и эмоциональности. Во многом именно эти стороны женской сути и создают благодатную почву для острого восприятия женщинами мира религиозных образов и символов [Варзанова 1999: 275].

Повседневность членов традиционного общества в Осетии основывалась на табуированности трудовой деятельности и сакральных практик. Существующая градация приложения сил мужчин и женщин формировалась на представлениях о дозволенном (*фæччы*) и недозволенном (*нæ фæччы*), создавая гендерные стереотипы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2005 – *Баранов Д.А., Баранова О.Г., Зимин Т.А.* Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2005. – 690 с.

Боннар 1992 – *Боннар А.В*. Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона / пер.с фр. О.В. Волкова, под ред. В.И. Авдиева и Ф.А. Петровского. – Москва: Искусство, 1992. – 340 с.

Бутаева 2011 – *Бутаева М.А.*Социальный статус женщины в домонотеистических религиях // Власть. – 2011. – Вып. 1. – С. 152-155.

Варзанова 1999 – *Варзанова Т.И.* Религиозные ориентации молодых россиян (Возрастной и гендерный аспект проблемы) // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. – Москва:МГУ,1999. – С. 274-286.

Ворошилова 2017 – *Ворошилова О.Н.* Образ женщины в религиях // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 23. – С. 33-37. [Электронный ресурс] URL: https://ачии.рф/files/2019-02-13-358e719c-329f-4a64-9efc-76bcba06cc7a.pdf (дата обращения 25.01.2021 г.).

Габоева 2012 – *Габоева З.М.* Гендерный аспект концепта *Труд* в карачаево-балкарской лингвокультуре // Жизнь народа юга России. – 2012. – № 1 (44) – С. 102-103.

Гатиев 2016 – *Гатиев Б.А.* Суеверия и предрассудки у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. В 3 томах, Т. 2. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. – 1224 с.

Гендерные разночтения 2005 – Гендерные разночтения: Материалы VI межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном обществе: глобальное и локальное». – Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – 240 с.

Гендерное равноправие 2008 – Гендерное равноправие в России: Материалы международной научной конференции, посвященной столетию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года // под ред. Н.Л. Пушкаревой. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. – 320 с.

Здравомыслова 1999 – *Здравомыслова Е.А. Темкина А.А.* Исследования женщин и гендерные исследования на западе и в России // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 177-185.

Карпов 2001 – *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 414 с.

Мамбетов 1999 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 348 с.

Осетинская энциклопедия 2012 – *Осетинская этнографическая энциклопедия* / под ред. Л. Чибирова. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. – 688 с.

Пушкарева 1999 – *Пушкарева Н. Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура / Под ред. Н. Пушкаревой, Е. Трофимовой, З. Хотки-ной. – М.: Наука, 1999. – С. 15-35.

Пушкарева 2011 – *Пушкарева Н. Л.* Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения // Частное и общественное: гендерный аспект/ овт. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.В. Новикова, М.Г. Муравьева. – М.: ИАЭ РАН, 2011. – С. 538-539.

Рубин 2000 – *Рубин Г.* Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб: Дмитрий Булавин, 2000. – 245 с.

Рязанова 2011 – *Рязанова С. В.* Женская религиозность как исследовательский феномен // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2011. – Вып. 22. – С. 21-26.

Сабанчиева 2016 – *Сабанчиева Л.Х.* Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 156 с.

Тайлор 2000 – *Тайлор Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. Д.А. Коропчевского. – Смоленск: Миф, 2000. – 458 с.

Текуева 2008 – *Текуева М.А.* Частная жизнь адыгской женщины: традиционное сознание и повседневность // Материалы международной научной конференции, посвященной столетию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года // под ред. Н.Л. Пушкаревой. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. – 320 с.

Хадикова 2015 – *Хадикова А.Х.* Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 441 с.

Чибиров 2008 – *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. – Владикавказ: ИР, 2008. – 599 с.

REFERENCES

BARANOV D.A., ZIMIN T.A. *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoj tradicionnoj kul'ture* [Men and women. Male and female in Russian traditional culture]. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2005. – 690 p. (In Russ.).

BONNAR A.V *Grecheskaja civilizacija. Ot Iliady do Parfenona* [Greek Civilization from the Iliad to the Parthenon] / Ed.by V.I. Avdiev, F.A. Petrovsky. – Moscow: Iskusstvo, 1992 – 340 p. (In Russ.).

BUTAEVA M.A. *Butaeva M.A. Social'nyj status zhenshhiny v domonoteisticheskih religijah* [The social status of women in pre-monotheistic religions]. IN: Vlast'. – 2011. – Issue 1. – P. 152-155. (In Russ.).

VARSANOVA T.I. *Religioznye orientacii molodyh rossijan (Vozrastnoj i gendernyj aspekt problemy)* [Religious Orientations of Young Russians (Age and Gender Aspect of the Problem)]. IN: Man and Woman in the Modern World: Changing Roles and Images. – Moscow: MGU, 1999. – P. 274-286. (In Russ.).

VOROSHILOVA O.N. *Obraz zhenshhiny v religijah* [The image of a woman in religions]. IN: Scientific and methodological electronic journal "Concept". – 2017. – V. 23. – P.33-37 [Elec-

tronic resource] URL: https://ачии.рф/files/2019-02-13-358e719c-329f-4a64-9efc-76bcba06cc7a.pdf (In Russ.).

GABOEVA Z.M. *Gendernyj aspekt koncepta Trud v karachaevo-balkarskoj lingvokul'ture* [Gender aspect of the Labor concept in the Karachay-Balkar linguistic culture], IN: Zhizn' naroda juga Rossii. – 2012. – № 1 (44). – P. 102-103. (In Russ.).

GATIEV B.A. *Sueverija i predrassudki u osetin* [Superstitions and prejudices among Ossetians]. IN: Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians / Edited by L.A. Chibirov. In 3 volumes. V. 2. – Vladikavkaz: Proect-Press, 2016. – 1224 p. (In Russ.).

Gendernye raznochtenija: Materialy VI mezhvuzovskoj konferencii molodyh issledovatelej «Gendernye otnoshenija v sovremennom obshhestve: global'noe i lokal'noe». [Gender discrepancies: Materials of the VI Interuniversity Conference of Young Researchers "Gender Relations in Modern Society: Global and Local"]. – St. Petersburg: Altejja, 2005. – 240 p. (In Russ.).

Gendernoe ravnopravie v Rossii: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj stoletiju Pervogo Vserossijskogo zhenskogo sezda 1908 goda [Gender equality in Russia: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the centenary of the First All-Russian Women's Congress of 1908] /Ed by N.L. Pushkareva. – St. Petersburg: Altejja, 2008. – 320 p. (In Russ.).

ZDRAMOVYSLOVA E.A., TEMKINA A.A. *Issledovanija zhenshhin i gendernye issledovanija na zapade i v Rossii* [Women's Studies and Gender Studies in the West and in Russia], NB: Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 1999. – № 6. – P.177-185. (In Russ.).

KARPOV YU.YU. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus], – SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie 2001. – 414 p. (In Russ.).

MAMBETOV G.N. *Tradicionnaja kul'tura kabardincev i balkarcev* [Traditional culture of Kabardians and Balkars]. – Nalchik: El-Fa, 1999. – 348 p. (In Russ.).

Osetinskaja jenciklopedija [Ossetian ethnographic encyclopedia] /Ed. by L. Chibirova. – Vladikavkaz: Proect-Press, 2012. – 688 p. (In Russ.).

PUSHKAREVA N.L. *Gendernye issledovanija: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy v sisteme istoricheskih nauk* [Gender studies: birth, formation, methods and perspectives in the system of historical sciences], IN: Woman. Gender. Culture / Ed.by N. Pushkareva, E. Trofimova, 3. Hotkinoy. – Moscow: MGU, 1999. – 145 p. (In Russ.).

PUSHKAREVA N.L. *Gendernyj aspekt «istorii povsednevnosti»: soderzhanie i perspektivy izuchenija* [Gender Aspect of the "History of Everyday Life": Content and Perspectives of Study] // Private and Public: Gender Aspect / Ed. N.L. Pushkareva, N.V. Novikova, G. Muravieva. – Moscow: IAE RAN. 2011. – P. 538-539. (In Russ.).

RUBIN G.N. *Obmen zhenshhinami. Zametki o «politicheskoj jekonomii» pola* **[**Exchange of women. Notes on the "political economy" of sex] // Reader of feminist texts. Translations / Ed. by E.Zdravomyslova, A. Temkina. – St. Petersburg: Dmitrij Bulavin, 2000. – 245 p. (In Russ.).

RYAZANOVA S.V. *Zhenskaja religioznost' kak issledovatel'skij fenomen* [Women's religiosity as a research phenomenon], IN: Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Kul'turologija. – 2011. – Issue. 22. – P. 21 26. (In Russ.).

SABANCHIEVA L.N. *Gender v social'no-politicheskih processah v Kabardino - Balkarii (20-e gg. XX v. – nachalo XXI v.)* [Gender in Socio-Political Processes in Kabardino-Balkaria (20s of the 20th century – beginning of the 21st century)]. – Nalchik: Izdatel'skij otdel KBIGI , 2016. – 156 p. (In Russ.).

TYLOR J.B. *Mif i obrjad v pervobytnoj kul'ture* [Myth and ritual in primitive culture] / translated from English by D.A. Koropchevsky. – Smolensk: Mif, 2000. – 458 p. (In Russ.).

TECUEVA M.A. *Chastnaja zhizn' adygskoj zhenshhiny: tradicionnoe soznanie i povsednevnost'* [The Private Life of an Adyghe Woman: Traditional Consciousness and Everyday Life] // Materials of the International Scientific Conference on the Centenary of the First All-Russian Women's Congress of 1908 / edited by N.L. Pushkareva. – St. Petersburg: Aletheia, 2008. – 320 p. (In Russ.).

KHADICOVA A.K. *Jetnicheskie obrazy i tradicionnye modeli povedenija osetin.* [Ethnic Images and Traditional Behavioral Models of Ossetians]. – Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A, 2015. – 441 p. (In Russ.).

CHIBIROV L.A. *Tradicionnaja duhovnaja kul'tura osetin.* [Traditional spiritual culture of Ossetians]. – Vladikavkaz: IR, 2008. – 599 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.П. Кулумбегов – кандидат исторических наук.

Information about the author

R.P. Kulumbegov – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 07.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 07.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 39+347.61/314
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-296-310
EDN: LAPJZT

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГУДАУТСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ В 1964–1976 ГГ. И 2005–2016 ГГ.

Астанда Шалвовна Хашба
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академия наук Абхазии, Сухум, Республика Абхазия, astanda13@rambler.ru

Аннотация. Работа посвящена проблеме сокращения многодетных (с тремя и более детьми) семей в Гудаутском районе Абхазии в 1964–1976 гг. и 2005–2016 гг. Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, социально-экономическими изменениями, которые формируют более престижные планы современных жителей региона, вытесняющие их нежелание иметь более двух детей. Работа основана на анализе архивных и полевых материалов, похозяйственных книг сел Гудаутского района Республики Абхазия за 1964–1976 гг. и 2005–2016 и официальных статистических данных. Выявлены причины неблагоприятной ситуации репродуктивного поведения женщин среди сельского населения района в советский период с 1964 по 1976 гг., а именно вовлечения их в различные сферы народного хозяйства, и повышенного интереса для улучшения образовательного уровня, и массового выезда молодежи в города республики. Отмечается, что после окончания грузино-абхазской войны в 1922–1993 гг. произошедшие социально-экономические и политические трансформации привели к снижению показателей естественного прироста населения. Установлено, что в сельской местности изучаемого региона с 2005 по 2016 гг. численность населения сокращается из-за непрекращающихся миграций. Это, в свою очередь, приводит и к сокращению численности многодетных семей. При этом, в целом по республике отмечается незначительный рост общей численности многодетных семей. Отмечается, что эти показатели не отражаются на увеличении коэффициента естественного прироста населения республики. Обращается внимание, что для практического решения демографических проблем государством установлены меры стимулирования рождаемости и поддержки многодетной семьи. Определенные льготы и пособия направлены на активную поддержку многодетной семьи во всех сферах её жизнедеятельности на законодательном уровне, все равно недостаточно решают все проблемы многодетной семьи.

Ключевые слова: Республика Абхазия, Гудаутский район, многодетность; семья; демографический кризис; традиционная семья.

Для цитирования: Хашба А.Ш. Динамика численности многодетных семей среди сельского населения Гудаутского района Республики Абхазия в 1964–1976 гг. и 2005–2016 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 296-310. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-296-310. EDN: LAPJZT.

© Хашба А.Ш., 2022

Original article

DYNAMICS OF FLUCTUATIONS IN THE NUMBER OF LARGE FAMILIES AMONG THE RURAL POPULATION OF GUDAUTA DISTRICT IN 1964-1976, 2005-2016

Astanda Sh. Khashba

Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after DI. Gulia Academy of sciences of Abkhazia, Sukhum, Republic of Abkhazia, *astanda13@rambler.ru*

Abstract. This work is devoted to the problem of reducing large families (with three or more children) of families in the Gudaut region of Abkhazia in 1964-1976 and 2005-2016. Its relevance of the study is due primarily to socio-economic changes that form more prestigious plans, displacing the reluctance of modern residents of the region to have over two children. The work is based on the analysis of archival and field materials, economic books of the villages of the Gudauta region of the Republic of Abkhazia for 1964-1976 and 2005-2016 and official statistics. The reasons for the unfavorable situation of reproductive behavior of women among the rural population of the region in the Soviet period from 1964 to 1976 were revealed their involvement in various spheres of the national economy, and increased interest in improving the educational level, and the mass departure of young people to the cities of the republic. After the Georgian-Abkhaz war in 1922 - 1993, the socio-economic and political transformations that occurred led to a decrease in the indicators of natural population growth. It has been established that in the rural areas of the studied region from 2005 to 2016, the population is declining because of incessant migrations. This leads to a reduction in the number of large families. In the republic, there is a slight increase in the total number of large families. These indicators are not reflected in an increase in the coefficient of natural growth of the republic's population. For the practical solution of demographic problems; the state has established measures to stimulate the birth rate and support a large family. Certain benefits and benefits are aimed at actively supporting a large family in all spheres of its life at the legislative level, still not enough to solve all the problems of a large family.

Keywords: Republic of Abkhazia, Gudauta region, having many children; a family; number of children; factors, demographic crisis; traditional family.

For citation: Khashba A.Sh. Dynamics of fluctuations in the number of large families among the rural population of Gudauta district in 1964-1976 and 2005-2016. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 296-310. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-296-310. EDN: LAPJZT.

© Khashba A.Sh., 2022

Введение

Образ многодетной семьи и отношение к нему в современном абхазском обществе носит неоднозначный характер. В настоящее время изучаются ценности [Вовк 2007], формы и модели многодетной семьи [Гурко 2017], образ жизни [Ачильдиева, Синельников 1994; Лебедь 2009], проблемы больших семей и их восприятие в глазах социума [Гурко 2008; Вовк 2007], репродуктивное поведение [Антонов 2009] и др.

«Малодетность или многодетность семьи определяется репродуктивными решениями, принимаемые с учетом интересов семьи, а не общества в целом» [Кисилев 2020: 14-15]. Следовательно, уровень рождаемости в государстве складывается из результатов репродуктивного поведения семей. «Каждая семья

принимает во внимание возможные последствия своих решений только для себя самой» [Кисилев 2020: 15]. Ключевая роль семьи в воспроизводстве населения зависит, прежде всего, от репродуктивного поведения семьи.

В современных условиях постоянно растет интерес исследователей к многодетной семье в Абхазии, т.к. это дает определенную надежду на улучшение демографического состояния на фоне наблюдающихся сегодня низких показателей рождаемости.

При определении многодетности каждая республика, согласно своему законодательству, исходит из своих бюджетных возможностей, поскольку признание семьи многодетной влечет за собой определенный набор мер социальной поддержки. В Республике Абхазия многодетной считается семья, имеющая трех и более детей и воспитывающая их до восемнадцатилетнего возраста [Постановление 2006]. В настоящей работе многодетная семья рассмотрена с этносоциологической точки зрения, т.е. выделены домохозяйства, в которых имеется 3 и более детей. Семья и домохозяйство здесь понимаются как равноценные понятия.

В связи с этим, цель данной работы состоит в изучении динамики численности многодетных семей в Республике Абхазия в 1964-1976 и 2005-2016 гг. (на примере сельской местности Гудаутского района) для последующего определения мер по усилению социальной поддержки и повышению престижа многодетных семей в современном абхазском обществе. Все эти направления необходимо учитывать при комплексном и глубоком исследовании семьи. Для достижения поставленной цели были проанализированы статистические, архивные данные по Гудаутскому району за разные годы и материалы, собранные в похозяйственных книгах сел Ачандара, Абгархуку, Звандрыпщ, Аацы, Отхара, Джырхуа [Административно-территориальное… 2022].

Динамика численности одно-двухдетных и многодетных семей в селах Гудаутского района с 1964 по 1976 гг.

В середине XX в. многодетные семьи в республике Абхазия составляли большую часть населения. Они были достаточно распространены, как и среди городского, так и сельского населения. В многодетной семье было легче выжить, а дети были в помощь родителям. Устойчивое позитивное отношение к детям и многодетной семье в абхазском обществе с давних времен расценивалось как норма. С 1959 г. по 1970 г. средняя численность семьи в Абхазии составляла 4,0 человека [Народное… 1973: 49]. Тогда как среди городского и сельского населения наблюдаются различия (в 1959 г. городское население – 3,5 чел., сельское – 4,3 чел.; 1970 г. городское – 3,6 чел., сельское – 4,4 чел.) [Народное… 1973: 49]. Следует отметить, что среди городского и сельского населения в большинстве своем семьи, состоящие в основном из двух–пяти человек, проживающих совместно. Тогда как наблюдается тенденция сокращения семей, состоящих из 7 и более человек (Рис. 1–3).

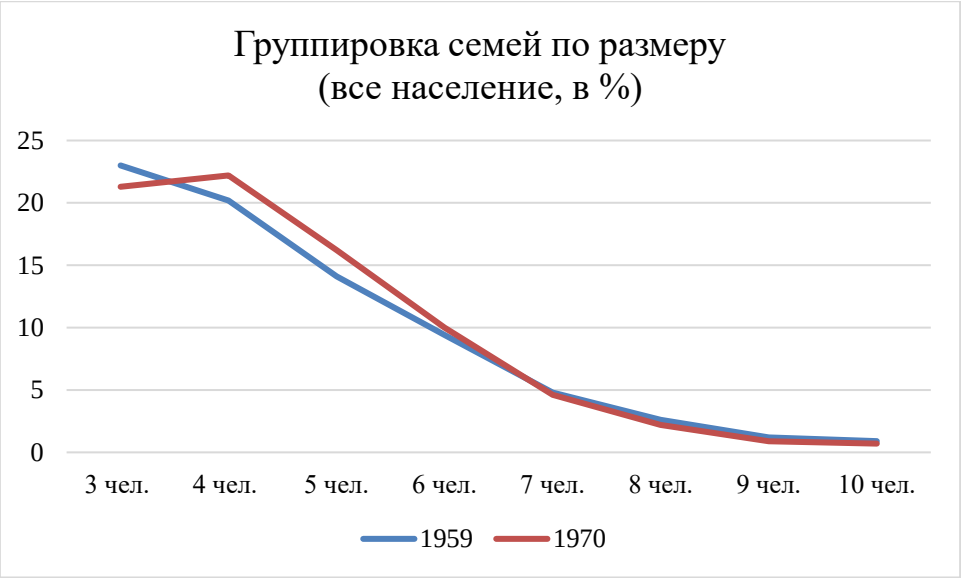


Рис. 1. [Народное… 1973: 49]

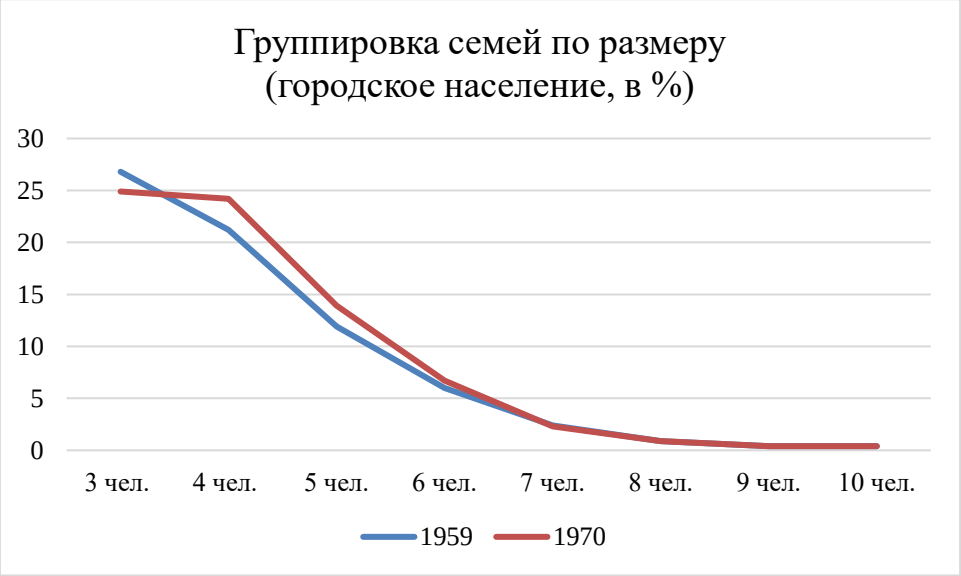


Рис. 2. [Народное… 1973: 49]

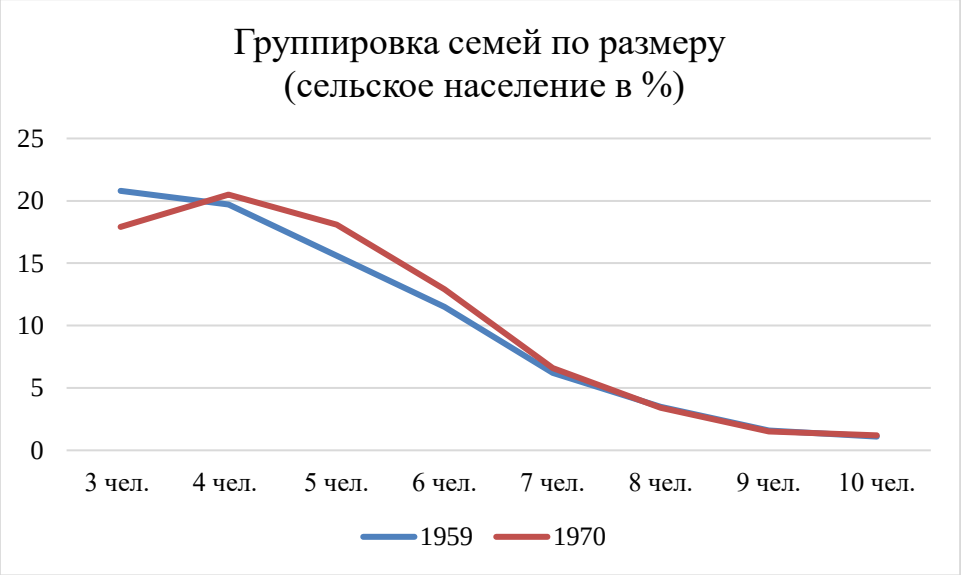


Рис. 3. [Народное… 1973: 49]

Количество детей в семье является важным показателем и выражает суть семейного образа жизни. «Детность семьи является чрезвычайно важным показателем, интегрирующим многие качественные характеристики и выражающим суть семейного образа жизни»[1], т.е. о выделении демографических типов семей по детности как социологической характеристике определенного типа репродуктивного поведения. На основе анализа данных похозяйственных книг за 1964–1976 гг. и 2005–2016 гг., видно, что в Абхазии всегда были малодетные, среднедетные и многодетные семьи.

В похозяйственных книгах 1964–1966 гг. в с. ***Ачандара*** было учтено 36,5 % семей без детей, семьи с одним ребенком составляли 12,6 %, с двумя детьми – 20,2 %, многодетных – 37,5 % [АГР РА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 138–143]. В 1971–1973 гг. в селе семьей без детей было 45,7 %, семьи с одним ребенком составляли 13,7 %, с двумя детьми –10,3 %, многодетных семей – 30,0 % [АГР РА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 193–194]. К 1984–1986 гг. в селе наблюдается тенденция уменьшения семей без детей и многодетных, тогда как численность семей с одним или двумя детьми увеличивается. Так семей без детей было учтено – 47,6 %, с одним ребенком – 18,2 %, с двумя детьми – 12,5 %, многодетных семей всего – 21,7 % [ПМА. Тетр. 5 в. Гудаутский район, с. Ачандара, 17.06.2018 г.]

В с. ***Звандрыпщ*** с 1964–1966 гг. было учтено 34,6 % семьей без детей, с одним ребенком – 5,9 %, с двумя – 13,5 %, многодетных – 45,9 % [АГР РА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 127–129]. В 1976–1978 гг. семьей без детей было 38,6 %, с одним ребенком – 13,7 %, с двумя – 18,9 %, многодетных семей – 28,8 % [АГР РА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 237–239]. С 1984–1986 гг. в селе наблюдается рост семьей без детей до – 48,6 %, с одним ребенком –19,0 %, с двумя детьми 14,5 %, многодетных семей –17,9 % [ПМА. Тетр. 16 в. Гудаутский район, с. Звандрыпщ, 31.01.2018 г.]. К 1990 г. в селе численность семей без детей достигло – 52,5 %, с одним ребенком – 17,6 %, с двумя – 14,5 %, многодетных семей – 15,4 % [ПМА. Тетр. 16 г. Гудаутский район, с. Звандрипш, 31.01.2018 г.].

В 1964–1966 гг. в с. ***Джырхуа*** семьей без детей было 28,3 %, с одним и двумя детьми по 13,3 %. Из общего числа всех семей было зафиксировано – 45,1 % многодетных [АГР РА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 52–58]. С 1980–1982 гг. семьи без детей составляли 45,9 %, наблюдается рост однодетных (17,8 %) и двухдетных (15,4 %) семей, тогда как количество многодетных семей уменьшается (20,9 %) [АГР РА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 25–32].

В с. ***Абгархуку*** с 1964–1966 гг. семьи без детей составляли 41,5 %, однодетных семей – 13,2 %, двухдетных – 12,2 %, многодетных – 32,9 % [АГР РА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 128–131]. В 1976–1978 гг. в селе семьи без детей составляли 46,1 %, тогда как однодетные семьи – 15,8 %, двухдетные – 13,0 %, а многодетные – 11,4 % [АГР РА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 208–214].

Семьи без детей в с. ***Отхара*** в 1964–1966 гг. составляли 31,6 %, с одним ребенком – 12,6 %, с двумя детьми – 11,9 %, многодетные семьи – 43,9 % [АГР РА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 147–153]. В 1971–1973 гг. в селе семей без детей составля-

[1] Антонов А.И. Типология семьи в зависимости от степени функциональности и адекватности решения семейных проблем… URL: https://gigabaza.ru/doc/78011-p7.html (дата обращения: 23.06.2022).

ли 40,3 %, тогда как с одним ребенком – 9,9 %, с двумя детьми – 12,7 %. Многодетных семей было 37,1 % [АГР РА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 205–210].

В 1964–1966 гг. в с. ***Аацы*** семей без детей насчитывалось – 38,2 %, с одним ребенком –10,6 %, с двумя детьми – 13,9 %. Многодетные семьи составляли – 37,3 % [АГР РА. Ф. 187. Оп. 1. Д. 95–100]. К 1971–1973 гг. в селе семей без детей достигло – 41 %, с одним ребенком – 11,4 %, с двумя детьми – 14,2 %. Многодетных семей было учтено – 33,4 % [АГР РА. Ф. 187. Оп. 1. Д 120–125]. В 1976–1978 гг. семей без детей было 37 %, с одним ребенком – 13,8 %, с двумя детьми – 15,8 %. Многодетных семей – 33,4 % [АГР РА. Ф. 187. Оп. 1. Д. 169–173]. В 1983–1985 гг. семей без детей насчитывалось – 48,3 %, с одним ребенком – 17,1 %, с двумя детьми – 14,8 %, тогда как многодетных семей насчитывалось – 19,4 % [АГР РА. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7–12].

В селах Гудаутского района Аацы, Ачандара, Звандрыпщ, Джырхуа, Абгархуку, Отхара за период 1964–1976 гг. наблюдается интенсивный процесс сокращения числа многодетных семьей, тогда как количество одно и двухдетных семей увеличивается.

В 1960–1980-е гг. в Советском Союзе в различных сферах народного хозяйства происходили изменения. Развивались экономика, промышленность, образование, здравоохранение, культуре. Для обеспечения функционирования организаций и предприятий необходимы были квалифицированные кадры. Исходя из этого, в исследуемый период значительное развитие получает сфера образования. А именно подготовка специалистов со средним и высшим образованием. Во все сферы народного хозяйства вовлекались как мужчины, так и женщины.

Работающие на производстве женщины ежедневно несли двойную нагрузку – к домашнему труду добавилась работа на производстве. При этом домашняя работа по нагрузке не уступала работе в сфере, где была занята женщина. Таким образом, семья жила по новым социально-экономическим правилам и требованиям к воспитанию всесторонне образованных и культурных детей. Следует отметить, что в советское время за большие заслуги в укреплении института семьи и воспитании детей многодетные матери награждались орденами и медалями СССР, им присваивалось почетное звание в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1944 г. Однако, награждения и присвоение почетных званий не привели к увеличению числа многодетных семей в республике, наоборот наблюдалось численное увеличение семей без детей среди сельского населения и рост двухдетных или однодетных семей.

Изучение динамики показателей исследованных сел Гудаутского района позволяет установить, что в 60-х гг. в сравнении с 70-ми гг. XX в. наблюдаются стабильные показатели многодетности. С 70-х до 90-х гг. наблюдается резкий рост показателей семей без детей и уменьшение многодетных семей.

Другой причиной сокращения многодетных семей являются миграционные процессы, которые происходили в том числе и в сельской местности. В с. ***Звандрыпщ*** по данным похозяйственных книг за 1964–1966 г. было учтено 1199 чел. Из них из села в этом же году выехало – 107 чел. (78 муж., 29 жен) [АГР РА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 127–129]. К 1978 г. численность села сократилась до 1004 чел. В похозяйственных книгах зафиксирован выезд сельчан (40 муж., 31 жен.) и лик-

видированные хозяйства (2) [АГР РА. Ф. 197. Оп.1. Д. 237–239]. По материалам похозяйственных книг показывает, что в селе в 1988–1990 гг. проживало 971 чел., из них выехало – 124 чел. (81 муж., 43 жен.), ликвидировано 10 домохозяйств [ПМА. Тетр. 16 г. Гудаутский район, с. Звандрыпщ, 31.01.2018 г.].

В 1964–1966 г. по данным похозяйственных книг Джырхвинского сельсовета численность населения составляла 2 038 чел. В 1966 г. из с. ***Джырхуа*** выехало 75 чел. (51 муж., 24 жен.), ликвидировано 10 домохозяйств [АГР РА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 52–58]. К 1980 г. в похозяйственных книгах села зафиксировано 1 260 чел. В книгах учтены выбывшими – 154 чел. (67 муж., 87 жен.), и ликвидированных 10 хозяйств [ГРА РА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 25–32].

В 1964–1966 г. в с. ***Абгархуку*** по данным похозяйственных книг проживало 1650 чел. Из села в 1966 г. выехало – 113 чел. (76 муж., 37 жен.) [АГР РА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 128–131]. К 1976–1978 г. численность населения села сократилась до 1241 чел. Численность выбывших из села в книгах зафиксировано 28 чел. (14 муж., 14 жен.) [АГР РА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 209–214].

На 1964–1966 г. по данным похозяйственных книг в с. ***Отхара*** численность сельчан составляло 1465 чел. В 1966 г. из села выехало 107 жителей (77 муж., 30 жен.), ликвидированных домохозяйств было 13 [АГР РА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 147–153]. С 1970 по 1973 гг. в селе наблюдается увеличение численности населения, и к 1973 г. она достигла 2 243 чел. Однако отток населения из села не прекратился. Так, в 1970 г. из села убыло 300 чел. (180 муж., 120 жен.), ликвидировано 16 домохозяйств [АГР РА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 166–172. В 1973 г. выехало – 218 чел. (112 муж., 106 жен.), ликвидировано 8 домохозяйств [АГР РА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 205–210]. Наблюдаемый рост населения в селе связан в первую очередь с переселением этнических грузин (сванов) из Западной Грузии в Абхазию.

По показателям похозяйственных книг с. ***Ачандара*** за 1964–1966 г. было учтено 2 090 чел. В 1966 г. из села выехало 148 чел. (104 муж., 44 жен.), также было ликвидировано 6 хозяйств, жители этих ликвидированных хозяйств выехали из села [АГР РА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 138–143]. Численность населения села на 1973 г. составляла 1632 чел. Из села в город переселилось 174 чел. (144 муж., 30 жен.) [АГР РА. Ф. 194. Оп. 1. Д.193–198]. К 1984–1986 г. численность жителей села сократилась до 1 286 чел. Из общего числа село покинуло – 76 чел. (43 муж., 33 жен.) [ПМА. Тетр. 5 в. Гудаутский район, с. Ачандара, 20. 08. 2018 г.].

В похозяйственных книгах сельсовета ***Аацы*** в 1964–1966 г. проживало 1707 чел. Из села в 1966 гг. выехало 19 чел. (17 муж., 2 жен.), ликвидированных хозяйств учтено 5 [АГР РА. Ф. 187. Оп. 1. Д. 95–100]. К 1976–1978 г. в селе проживало 1136 чел., и в этом же году село покинуло 12 чел. (8 муж., 4 жен.), ликвидировано 9 домохозяйств [АГР РА. Ф. 187. Оп. 1. Д. 170–173]. Анализ провидимых данных показывает, что мигрировали в основном мужчины. А в некоторых селах учтенный рост населения зависел от заселения территории представителями других этнических групп, тогда как в этих же селах наблюдался и общий отток населения.

Известно, что большая распространенность семей с одним или двумя детьми способствует закреплению эталона или моды на малодетную семью.

Это и является третьей причиной роста числа малодетных (один-два ребенка) семей среди сельского населения.

При сборе полевого материала респонденты отмечали, что если родился наследник семьи, то многие молодые мамы завершили свою репродуктивную функцию[1]. Несомненно, это так же можно считать причиной, ведущей к закреплению тенденции к снижению числа детей в семьях.

Число семей по данным Всесоюзной переписи населения по Абхазской АССР 1989 г. составляло 122508 чел. и это на 8251 чел. (7,2 %) больше чем в 1979 г., и на 11,6 % больше чем в 1970 г. Средний размер семьи за 10 лет (1979–1989 гг.) увеличился с 3,9 до 4,0 чел. Причем это произошло в основном за счет увеличения среднего размера семьи в городской местности (с 3,6 до 3,7), в 1970 г. этот показатель был равен 3,6 человек [Советская… 1990: 1–2].

Динамика численности многодетных семей в селах Гудаутского района с 2005 по 2016 гг.

В конце XX в. после грузино-абхазской войны (1992–1993) Абхазия оказалась в сложной демографической ситуации. Произошедшие социально-экономические, политические изменения привели к снижению рождаемости, низкому уровню жизни, росту смертности, и соответственно убыли населения. По данным Учета населения 2003 г., численность населения республики составила 214 016 чел. [Абхазия… 2015: 28]. По данным переписи населения 2011 г. численность наличного населения Республики Абхазия составляла 240705 чел. [Абхазия… 2015: 29]В сравнении с 2003 г. население увеличилось на 26,7 тыс. чел. (12,5 %), в том числе в городских поселениях на 25,1 тыс. чел. (26,1 %), в сельской местности на 1,6 тыс. чел. (1,3 %). Соотношение горожан и сельских жителей составило в 2011 г. 50,4 % (121 255 чел.) и 49,6 % (119 450 чел.) [Абхазия… 2015: 22-23].

Изменение в демографических показателях значительно отразилось на данных численности детей в семьях. Незначительный рост показателей рождаемости в 2000 г., и соответственно многодетных семей, не покрыли уровень смертности в республике. Показатели уровня смертности в республике с 2003 (1142 чел.) [Абхазия… 2006: 19] по 2016 год (1465) [Абхазия… 2020: 28] выросли.

Средний размер семьи в республике в 2011 г. составлял – 3,4 чел., в 2003 г. – 3,5 чел. Невысокий средний размер семьи обусловлен наличием большого числа домохозяйств из одного и двух человек (таблица 1).

Таблица 1.

Распределение семей в РА по величине (по данным учета населения 2003 г., и переписи населения 2011 г.)

Число членов семьи	Городское население %	Сельское население %

[1] Со слов Чкотуа Ламары Ражденовны 1976 г. (ПМА Тетр. 16 е. Гудаутский район, с. Звандрипщ, 31. 01. 2018 г.); со слов Кецба Фатимы Шараховны 1966 г. (ПМА Тетр. 1 г. Гудаутский район, с. Отхара, 27. 01. 2018 г.); со слов Кварчелиа Фатимы Зауровны 1976 г. (ПМА Тетр. 5 в. Гудаутский район, с. Ачандара, 20. 08. 2018 г.).

	2003 г.*	2011г.**	2003 г.*	2011г.**
Одиночки	29,0	16,8	18,1	16,5
2 человека	23,4	20,1	21,4	17,6
3 человека	16,4	20,1	15,2	17,5
4 человека	16,2	20,1	17,1	18,1
5 человек и более	15,0	22,9	28,2	30,3

*По данным учета населения 2003 г. (Исх. № 50, 23 марта 2010 г.; Вх. № 4, 25 марта 2010 г.). Расчеты выполнены по отношению ко всем хозяйствам.
** [Итоги… 2012: 9].

Для выхода из депопуляции необходимо, чтобы в семейной структуре примерно «50 % семей были с 3–4 детьми, а 10 % – с 5 и более»[1], т.е. в республике не хватает 35,0 % семей с 3–4 детьми. Причиной неблагоприятной ситуации является изменения репродуктивного поведения женщины.

В условиях спада рождаемости и высоких показателей смертности в республике, параллельно наблюдается и другая тенденция. Это увеличение числа многодетных семей по всей республике за счет рождения третьего и четвертого ребенка. При этом необходимо отметить, что данную тенденцию можно объяснить мерами при поддержке многодетных семей, принятыми Правительством Республики. А также тем, что многодетные родители стали регистрироваться в городских и районных отделах социального обеспечения, получив поддержку государства. С 2009 г. по апрель 2022 г. в Республике Абхазия число многодетных семей, которые получают пособия по многодетности, увеличилось с 2864 до 5547, т.е. на 2683 семей[2]. Соответственно увеличилось и количество в них детей с 9092 до 14953.

В рассматриваемый период складывается следующая демографическая ситуация по районам Абхазии: Многодетные семьи в большинстве своем отмечены в «г. Сухум с 760 (2009 г.) до 1667 (2022 г.), Гудаутском с 717 (2009 г.) до 1158 (2022 г.) и Очамчырском с 548 (2009 г.) до 742 (2022 г.) районах. При этом демографический анализ показывает, что рост числа детей идет за счет увеличения малодетных семей с параллельным уменьшением числа детей в многодетных семьях: в семьях в которых 5 детей (151093–14509), с 6-9 детей (4246–434) и от 10 более детей (140–10)»[3].

Сопоставим эти показатели с аналогичными показателями в селах Гудаутского района. Учтенные данные свидетельствуют о числе детей школьного (до 17 лет) и дошкольного возраста. В селах Абхазии имеется более половины семей, в которых нет детей младшего и школьного возраста. Также в селах из года в год увеличивается количество ликвидированных домохозяйств.

[1] Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции URL: https://web.archive.org/web/20150402090326/http://www.demographia.net/articles_N/index.html?idR=13&idArt=1464 (дата обращения: 23.06.2022).
[2] Сведения о количестве многодетных семей с 2009 по 2022 г., любезно предоставила начальник отдела управления пенсий и пособий Министерства социального обеспечения РА Мушба Дияна Михайловна.
[3] Сведения о количестве многодетных семей с 2009 по 2022 г., любезно предоставила начальник отдела управления пенсий и пособий Министерства социального обеспечения РА Мушба Дияна Михайловна.

В с. ***Аацы*** в 2003–2005 г. по данным книг было учтено 899 чел. Семей без детей насчитывалось – 60,0 %, с одним ребенком – 17,8 %, с двумя детьми – 13,6 %. Многодетные семьи составляли –8,6 % В селе 5 ликвидированных хозяйств, жители этих хозяйств выехали. Также в похозяйственных книгах были зафиксированы 29 пустых оформленных хозяйств. Соответственно в них никто не проживал. Жители этих хозяйств находились в городской местности. Однако на выходные или же на сезонные сельскохозяйственные работы они посещали свои домовладения в селах [ПМА. Тетр. № 11 д. Гудаутский район. с. Аацы 19.01.2018 г.]. К 2016 г. численность села сократилась до 641 чел. Семей без детей увеличилось до – 61,3 %, с одним ребенком – 13,1 %, с двумя детьми – 17,3 %. Многодетные семьи составляли – 8,3 %. Из села выехало 143 чел. (60 муж., 83 жен.). Пустых оформленных хозяйств учтено 15 [ПМА. Тетр. № 11 е. Гудаутский район. с. Аацы 19.01.2018 г.].

В с. ***Ачандара*** в. 2016 г. проживало 784 чел. Семей без детей насчитывалось – 75,8 %, с одним ребенком – 9,0 %, с двумя детьми – 7,4 %. Многодетные семьи составляли – 7,8 %. Ликвидировано 31 домохозяйство. Из села выехало 58 чел. (39 муж., 19 жен.). Оформленных пустых хозяйств – 54 [ПМА. Тетр. № 5 г. Гудаутский район. с. Ачандара 17.08.2018 г.].

В с. ***Звандрыпщ*** в 2005 г. было учтено 757 чел. Семей без детей насчитывалось – 69,8 %, с одним ребенком – 11,4 %, с двумя детьми – 6,9 %, многодетных семей – 11,9 %. [ПМА. Тетр. №16 д. Гудаутский район. с. Звандрипш 31.01.2018 г.]. К 2016 г. численность населения сократилась до 666 чел. Семей без детей насчитывалось – 68,2 %, с одним ребенком – 14,0 %, с двумя детьми – 7,5 %, многодетных семей – 10,3 %. Ликвидировано 8 домохозяйств. [ПМА. Тетр. 16-е. Гудаутский район. с. Звандрипш. 31.01.2018 г.]. Выезды жителей села в этот период в похозяйственных книгах не отражены. Однако в процессе общения с секретарем сельской администрации уточнялась не зафиксированная информация жителей села. Переселение жителей этого села в город не прекращалось, а общая численность жителей села продолжала сокращаться.

По данным похозяйственных книг с. ***Абгархуку*** в 2006 г. численность села составляла 923 чел. Семей без детей насчитывалось – 64,9 %, с одним ребенком – 11,1 %, с двумя детьми – 13,8 %, многодетных семей – 10,2 % [ПМА. Тетр. 4 б. Гудаутский район. с. Абгархуку. 30.01.2018 г.]. К 2016 г. численность сократилась до 683 чел. Семей без детей насчитывалось – 84,2 %, с одним ребенком – 7,5 %, с двумя детьми – 4,3 %, многодетных семей – 4%. Пустых оформленных хозяйств зафиксировано – 15. Соответственно жители этих хозяйств выехали из села. [ПМА. Тетр. 4 в. Гудаутский район. с. Абгархуку. 30.01.2018 г.].

В с. ***Отхара*** в 2016 г. проживало 1318 чел. Семей без детей насчитывалось – 50,3 %, с одним ребенком – 20,5 %, с двумя детьми – 15,5 %, многодетных семей – 13,7 %. В похозяйственных книгах учтены пустые (23) и ликвидированные (9) хозяйства. [ПМА. Тетр. 1 г. Гудаутский район. с. Отхара. 27.01.2018 г.].

В 2016 г. в с. Джырхуа поданным похозяйственных книг в селе проживало 999 чел. Семей без детей насчитывалось – 55,3 %, с одним ребенком – 15,3 %, с двумя детьми – 36,0 %, многодетных семей – 11,4 %. Пустых оформленных домохозяйств – 2 [ПМА. Тетр. 2 е. Гудаутский район. с. Джырхуа. 30.01.2018 г.].

Основным сдерживающим фактором многодетность является экономический. Однако, не менее важным мотивом в многодетности в особенности являются личные репродуктивные установки и ценностные ориентации, которые формируются у человека в процессе его развития, либо заложенные в нем. Также Л.Ш. Идрисова выявляет и другие факторы, а именно «причинные» – как повторный брак, в котором реализуется многодетность; желание иметь ребенка другого пола, если, к примеру, есть две девочки, и семейная пара планирует мальчика и др.» [Идрисова 2020: 40]. Мы можем только предположить, что наличие многодетных семей в республике является желанием семейной пары иметь ребенка мужского пола, т.к. мальчик является продолжателем рода семьи и фамилии.

Для поддержания многодетной семьи наиболее распространенным видом социальной поддержки государством является ежемесячное пособие на ребенка до 18 лет. Кабинетом Министров Республики Абхазия установлены в следующем выплаты в размере:

– от трех до пяти детей включительно – 500 руб.;

– от шести до девяти детей включительно – 1500 руб.;

– от десяти и более детей – 3000 руб.» [Постановление 2018].

Государственные меры поддержки многодетным семьям на третьего и последующих детей могут улучшить показатели рождаемости, соответственно естественный прирост населения. Поэтому весомые меры государственной поддержки на второго и последующих детей в определенной степени могут улучшить показатели рождаемости. С.В. Захаров отмечает «двое детей в среднестатистической семье означают лишь простое воспроизводство населения, три ребенка – уже увеличение численности населения» [1].

Количество детей не определяется материальным благополучием семьи. Как правило, с ростом благосостояния и уровнем потребления количество детей в семье уменьшается. При решении демографических вопросов материальные меры являются необходимыми. Таким образом, материальное стимулирование и поддержки от государства многодетных семей необходимо усиливать.

В современных условиях кризисной экономики многодетная семья самостоятельно не сможет выйти из сложно жизненных ситуаций без государственной помощи.

Заключение

В работе были исследованы и проанализированы села Гудаутского района Абхазии за советский (1964–1978 гг.), и современный (2005–2016 гг.) периоды. Следует отметить, что со второй половины XX в. наблюдается сокращение многодетных семей, тогда как в похозяйственных книгах сел заметен процесс устойчивого роста двухдетных семей. Анализ полевых материалов показывает, что после завершения Отечественной войны в республике Абхазия в 1992–1993 гг., в селах Гудаутского района наблюдается резкое сокращение численности

[1]Захаров С.В. Традиционная семья переживает ренессанс // Электронный ресурс. Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177664171.html (дата обращения: 31.01.2022).

многодетных семей. В советское время причиной сокращения многодетных семей явилось вовлечение женщин во все сферы народного хозяйства и переезд молодых людей в города республики. В начале XXI в. в связи резкого ухудшения социально-экономического положения сельчан стали ориентироваться на малодетную семью. Тому подтверждением стали показатели похозяйственных книг за исследуемый период. Господствующей формой семьи среди исследуемых сел становится простая нуклеарная семья. В селах доля многодетных семей сокращается, тогда как устойчиво растут показатели двух- и трехдетных семей. Среди сельского населения снижается рождаемость, что связано, прежде всего, с социально-экономическими и культурными преобразованиями – миграцией молодежи в города республики; временными, но часто длящимися годами выездами на работу за пределы своего села, а также распространением среди сельских женщин знаний репродуктивного поведения.

Традиционная семья способна восстанавливать сама себя от поколения к поколению. Поэтому, в демографической политике по отношению к семье от государства требуется создание положительного имиджа семьи, а именно к многодетной, которая способствует естественным путем к самооздоровлению семьи, что ведет к возрождению традиционной многодетной семьи. Необходимо посредством СМИ проводить государственную политику о значении многодетной семьи.

Никакая миграция не решит наших внутренних демографических проблем. Необходимо создавать надлежащие условия в нашей республике стимулы для роста рождаемости, эффективные программы поддержки семьи материнства, детства. Пришло время отойти от теоретического обоснования необходимости демографического роста к практическому, на законодательном уровне, решению проблемы. Таким образом, возникающие вопросы демографии страны как старение, депопуляция, демографическая слабость (низкая плотность населения), обороноспособность, миграция, оптимальным способом разрешение вопроса, может решить только Рождаемость.

Наконец, многодетные семьи – не пережиток прошлого, а, пожалуй, единственный реальный шанс на будущее, на выживание и умножение абхазского народа и других этнических групп Абхазии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АГР РА – Архив Гудаутского района Республики Абхазия.

Абхазия… 2006 – *Абхазия в цифрах за 2005 год*. – Сухум: Управление государственной статистики Республики Абхазия, 2006. – 96 с.

Абхазия… 2015 – *Абхазия в цифрах за 2014 год*. – Сухум: Управление государственной статистики Республики Абхазия, 2015. – 135 с.

Абхазия… 2020 – *Абхазия в цифрах за 2020 год*. – Сухум: Управление государственной статистики Республики Абхазия, 2020. – 145 с.

Административно-территориальное… 2022 – *Административно-территориальное деление Республики Абхазия*. Сухум: Государственный комитет Республики Абхазия по статистике, 2022. – 150 с.

Антонов 2009 – *Антонов А.И.* Многодетная семья в эру депопуляции // Фамилистические исследования. Т. 2: Миллион мнений о семье и о себе. – М.: Книжный дом «Университет», 2009. – С. 357–367.

Ачильдиева, Синельников 1994 – *Ачильдиева Е.Ф., Синельников А.Б.* Многодетная семья в современной России // Семья в России. – 1994. – № 2. – С. 55–59.

Вовк 2007 – *Вовк Е.* Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // Социальная реальность. – 2007. – № 3. – С. 33–46.

Гурко 2008 – *Гурко Т.А.* Трансформация института родительства в постсоветской России: дис. д-ра социол. – М,: НИС РАН, 2008. – 48 с.

Гурко 2017 – *Гурко Т.А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологичекие исследования. – 2017. – №11. – С. 99–100.

Идрисова 2020 – *Идрисова Л.Ш.* Многодетность как фактор устойчивого развития региона // Демографические чтения (Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов). Сборник Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 22 мая 2020г.) / под ред. Г.Ф. Хилажевой, Р.Н. Комлевой. – Уфа: Гилем Башк. Энцикл., 2020. – С. 37-41.

Итоги… 2012 – Итоги переписи населения Республики Абхазия за 2011. – Сухум: б/и, 2012. – 56 с.

Кисилев 2020 – *Кисилев М.Ю.* Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи: позиция советского ученого // Демографические чтения (Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов). Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 22 мая 2020 г.) / под ред. Г.Ф. Хилажевой, Р.Н. Комлевой. – Уфа: Гилем Баш. энцик., 2020. – С. 14-16.

Лебедь 2009 – *Лебедь О.Л.* Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики // Фамилистические исследования. Т. 2. Миллион мнений о семье и о себе. – М.: Книжный дом «Университет», 2009. – С. 350–356.

Народное… 1973 – *Народное хозяйство Абхазской АССР.* Статистический сборник. – Тбилиси: Грузинское отделение издательства «Статистика», 1973. – 439 с.

Народное хозяйство… 1988 – *Народное хозяйство Абхазской АССР.* К 70-летию в Великой октябрьской социалистической революции. – Сухуми: Издательство «Алашара», 1988. – 217 с.

Постановление 2006 – Постановление № 228 Кабинета Министров Абхазии «О пособии многодетным семьям» от 22 сентября 2006 г.

Постановление 2018 – Постановление № 15 Кабинета Министров Абхазии от 7 февраля 2018 г. «О внесений изменений в Постановление Кабинета Министров Республики Абхазия от 22 сентября 2006 года № 228 «О пособии многодетным семьям».

ПМА. Тетрадь 4 б. в. Гудаутский район. С. Абгархуку 30.01.2018 г.

ПМА. Тетрадь 1 г. Гудаутский район. С. Отхара. 27.01.2018 г.

ПМА. Тетрадь № 1. 1 д. е. Гудаутский район. С. Аацы. 19.01.2018 г.

ПМА. Тетрадь № 5 в. г. Гудаутский район. С. Ачандара. 17.08.2018 г.

ПМА. Тетрадь № 16 г. д. е. Гудаутский район. С. Звандрипш. 31.01.2018 г.

ПМА. Тетрадь № 2 е. Гудаутский район. С. Джырхуа 30.01.2018 г.

Советская… 1990 – *Газета* «Советская Абхазия». – 1990. – 4 апреля. – С. 1-2.

REFERENCES

Arhiv Gudautskogo rajona [Archive of the Gudauta region]. (In Russ.).

Abhaziya v cifrah za 2005 god. [Abkhazia in figures for 2005]. – Suhum: Upravlenie gosudarstvennoi statistiki Respubliki Abkhaziya, 2006. – 96 s. (In Russ.).

Abhaziya v cifrah za 2014 god. [Abkhazia in figures for 2014]. – Suhum: Upravlenie gosudarstvennoi statistiki Respubliki Abkhaziya, 2015. – 135 s. (In Russ.).

Abhaziya v cifrah za 2019 god. [Abkhazia in figures for 2019]. – Suhum: Upravlenie gosudarstvennoi statistiki Respubliki Abkhaziya, 2020. – 145 s. (In Russ.).

Administrativno-territoril'noe delenie Respubliki Abhaziya [Administrative-territorial division of the Republic of Abkhazia]. – Suhum: Gosudarstvennyy komitet Respubliki Abkhaziya po statistike, 2022. – 150 s. (In Russ.).

ACHILDIEVA E.F., SINELNIKOV A.B. Mnogodetnaya sem`ya v sovremennoj Rossii [Large family in modern Russia]. In: Sem`ya v Rossii. – 1994. – № 2. – S. 55–59. (In Russ.).

ANTONOV A.I. *Mnogodetnaya sem'ya v eru depopulyacii* [Large family in the era of depopulation]. In: Familisticheskie issledovaniya. T. 2: Million mnenij o sem'e i o sebe. – M.: Knizhnyj dom «Universitet», 2009. – S. 357–367. (In Russ.).

GAZETA *«Sovetskaya Abhaziya»* [Newspaper "Soviet Abkhazia"]. – 4 aprelya. – 1990. – S. 1-2. (In Russ.).

GURKO T.A. *Transformaciya instituta roditel'stva v postsovetskoj Rossii* [Transformation of the Institute of Parenthood in Post-Soviet Russia]: dis. d-ra sociol. – M.: N. IS RAN, 2008. (In Russ.).

GURKO T.A. *Novye semejnye formy: tendencii rasprostraneniya i ponyatiya* [New family forms: distribution trends and concepts]. In: Sociologichekie issledovaniya. – 2017. – № 11. – S. 99–100. (In Russ.).

IDRISOVA L.Sh. *Mnogodetnost' kak factor ustojchivogo razvitiya regiona* [Large families as a factor in the sustainable development of the region]. In: Demograficheskie chteniya (Vyzovy i tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii i ee regionov). Sbornik Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Ufa, 22 maya 2020g.) /pod red. G.F. Hilazhevoj, R.N. Komlevoj. Ufa: GilemBashk. Encikl., 2020. – S. 37-41. (In Russ.).

Itogi perepisi naseleniya Respubliki Abhaziya za 2011. [Results of the population census of the Republic of Abkhazia for 2011]. Suhum: b/i, 2012. – 56 s. (In Russ.).

KISILEV M.Yu. *Problemy sociologicheskogo izucheniya reproduktivnogo povedeniya sem'i: poziciya sovetskogo uchenogo* [Problems of Sociological Study of Family Reproductive Behavior: [The Position of a Soviet Scientist]. In: Demograficheskie chteniya (Vyzovyitendenci idemograficheskogo razvitiya Rossiiiee regionov). Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Ufa, 22 maya 2020g.)/ pod red. G.F. Hilazhevoj, R.N. Komlevoj. Ufa: GilemBash.encik., – 2020. – S. 14-16. (In Russ.).

LEBED' O.L. *Obraz zhizni mnogodetnyh semej v Rossii i zadachi demograficheskoj politiki* [Lifestyle of Large Families in Russia and the Tasks of Demographic Policy]. In: Familisticheskie issledovaniya. T.2. Million mnenij o sem'e i o sebe. – M.: Knizhnyj dom «Universitet», 2009. – S. 350–356. (In Russ.).

Narodnoe hozyajstvo Abhazskoj ASSR [National Economy of the Abkhaz ASSR]. Statisticheskij sbornik. Gruzinskoe otdelenie izdatel'stva «Statistika». Tbilisi, 1973. – 439 s. (In Russ.).

Narodnoe hozyajstvo Abhazskoj ASSR. K 70-letiyu v Velikoj oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii [National economy of the Abkhaz ASSR. To the 70th anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Izdatel'stvo «Alashara». Suhumi, 1988. – 217 s. (In Russ.).

Postanovlenie № 228 Kabineta Ministrov Abhazii *ot 22 sentyabrya 2006 g*. «O posobii mnogodetnym sem'yam» [Decree No. 228 of the Cabinet of Ministers of Abkhazia "On allowances for large families" dated September 22, 2006]

Postanovlenie № 15 Kabineta Ministrov Abhazii *ot 7 fevralya 2018 g.* «O vnesenij izmenenij v Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Abhaziya ot 22 sentyabrya 2006 goda №228 «O posobii mnogodetnym sem'yam» [Decree No. 15 of the Cabinet of Ministers of Abkhazia «On amendments to the Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Abkhazia of September 22, 2006 No. 228 "On allowances for large families"]

PMA Tetrad' 4 b. v. Gudautskij rajon, s.Abgarhyku [Gudauta district,Abgarhyku village] 30. 01.2018 g.

PMA Tetrad' 1 g. Gudautskij rajon, s.Otkhara [Gudauta district, Otkhara village]27. 01.2018 g.

PMA Tetrad' №11 d. e. Gudautskij rajon, s.Aatsy [Gudautsky district, Aatsy village] 19.01.2018 g.

PMA Tetrad' №5 v. g. Gudautskij rajon, s.Achandara [Gudauta district, Achandara village] 17. 08.2018 g.

PMA Tetrad' №16 d. e. v. g. Gudautskij rajon, s. Zvandripsh [Gudauta district, Zvandripsh village] 31.01. 2018 g.

PMA Tetrad' №2 e. v. g. Gudautskij rajon, s. Jyrkhua [Gudauta district, Jyrkhua village] 31.01.2018 g.

VOVK E. *Mnogodetnost' kak cennost' i praktika: obrazy mnogodetnyh semej* [Large families as a value and practice: images of large families]. In: Social'naya real'nost'. – 2007. – №3. – S. 33–46.

Информация об авторе
А.Ш. Хашба – кандидат исторических наук.
Information about the author
A.Sh. Khashba – candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 17.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 31.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 17.07.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 930
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-311-330
EDN: KAEJIM

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КАСПИЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ

Магомедхабиб Русланович Сефербеков
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия, deadromance3@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5714-8178

Аннотация. В статье на основе дореволюционных, советских и постсоветских источников и литературы, используя сравнительно-исторический, типологический, хронологический, системный и ретроспективный общенаучные методы, приводится историография истории Каспийской флотилии. Ее начало относится ко времени существования средневековых Древнерусского государства и Великого княжества Московского, в годы существования которых налаживаются торгово-экономические отношения Руси по Каспийскому морю с городами и государствами Восточного Кавказа. Значительное место в российской историографии уделено процессу утверждения Московского государства в бассейне Волги и Каспия и основанию в дельте Волги русского города-крепости Астрахань, что способствовало развитию судостроения и судоходства на Каспийском море и послужило прологом для основания Волжско-Каспийской военной флотилии. Большое внимание российской и советской историографии уделено событиям начала XVIII в., когда Россия под руководством Петра I добилась особенно больших побед на побережье Каспийского моря. Как отмечают авторы, завоевание Российской империей в результате Персидского похода 1722–1723 гг. Западного Прикаспия поменяло соотношение сил в геополитическом противостоянии региональных держав в пользу петровской России. Некоторые авторы считают, что Каспийская флотилия обретает важное значение с приходом к власти Екатерины II и последующих российских императоров. Особое значение в противостоянии с Персией сыграли заключенные с ней в 1813 г. Гюлистанский мир и Туркманчайский договор 1828 г. В последующие годы Россия прочно закрепила за собой западное побережье Каспия и Южный Кавказ. В конце XIX–XX в. главная база Каспийской флотилии размещается в Баку, в связи с чем моряки флотилии были втянуты в события 1905–1907 гг., февраля–октября 1917 г., Гражданской войны на Кавказе, в ходе которой была создана Волжско-Каспийская флотилия. В начальный период Великой Отечественной войны Каспийская флотилия приобрела статус фронтового соединения. После распада СССР Каспийская флотилия была разделена между Россией и Азербайджаном, а главная база была перенесена из Баку сперва в Астрахань, а затем в Каспийск. Обширная дореволюционная, советская и российская историография истории Каспийской флотилии свидетельствует о важности Каспия и Восточного Кавказа в геополитике России начиная со средневековья и кончая новейшим временем.

Ключевые слова: историография истории Каспийской флотилии, средневековье и новое время.

Для цитирования: Сефербеков М.Р. Историография истории каспийской флотилии // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 311-330. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-311-330. EDN: KAEJIM.

© Сефербеков М.Р., 2022

Original article

HISTORIOGRAPHY OF THE CASPIAN FLOTILLA

Magomedhabib R. Seferbekov
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, deadromance3@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5714-8178

Abstract. Based on pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet sources and literature, using comparative historical, typological, chronological, systemic and retrospective general scientific methods, the article provides a historiography of the Caspian Flotilla. The beginning of this process dates back to the time of the existence of the medieval Old Russian state and the Grand Duchy of Moscow, during the years of their existence, trade and economic relations of Russia along the Caspian Sea with the cities and states of the Eastern Caucasus were being established. A significant place in Russian historiography is given to establishing the Muscovite state in the Volga and Caspian basins and the founding of the Russian fortress city of Astrakhan in the Volga delta, which contributed to the development of shipbuilding and shipping on the Caspian Sea and served as a prologue to the founding of the Volga-Caspian military flotilla. Much attention in Russian and Soviet historiography is paid to the events of the early 18th century, when Russia, under the leadership of Peter the Great, achieved especially splendid victories on the coast of the Caspian Sea. As the authors note, the conquest by the Russian Empire was because of the Persian campaign of 1722–1723. The Western Caspian has changed the balance of power in the geopolitical confrontation between regional powers in favor of Peter's Russia. According to several authors, the Caspian flotilla becomes important with the coming to power of Catherine II and subsequent Russian emperors. Of particular importance in the confrontation with Persia was the Treaty of Gulistan concluded with it in 1813 and the Turkmanchay Treaty of 1828. In subsequent years, Russia anchored the western coast of the Caspian Sea and the South Caucasus. At the end of the XIX-XX centuries the main base of the Caspian flotilla is in Baku, in connection with which the sailors of the flotilla were drawn into the events of 1905-1907, February-October 1917, the Civil War in the Caucasus, during which the Volga-Caspian flotilla was created. In the initial period of the Great Patriotic War, the Caspian Flotilla gained the status of a front formation. After the collapse of the USSR, the Caspian flotilla was divided between Russia and Azerbaijan, and the primary base was moved from Baku, first to Astrakhan, and then to Kaspiysk. Extensive pre-revolutionary, Soviet and Russian historiography of the history of the Caspian Flotilla testifies to the importance of the Caspian Sea and the Eastern Caucasus in the geopolitics of Russia from the Middle Ages to modern times.

Key words: historiography of the history of the Caspian flotilla, Middle Ages and modern times.

For citation: Seferbekov M.R. Historiography of the Caspian flotilla. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 311-330. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-311-330. EDN: KAEJIM.

© Seferbekov M.R., 2022

Актуальность изучения историографии истории Каспийской флотилии связана с отмечавшимся в 2020 г. 300-летним юбилеем этой флотилии, а также

ее передислокацией в 2018 г. из Астрахани в дагестанский город Каспийск. Исследованию истории Каспийской флотилии посвящено немало трудов дореволюционных, советских и постсоветских авторов. Однако, не было ни одного исследования, посвященного как ретроспективному, так и современному обзору источников и литературы, посвященных этой проблеме.

История освоения Каспийского моря русскими мореплавателями относится ко времени образования Древнерусского государства. Как указывает А.П. Новосельцев, особенно частые и разрушительные набеги русских князей на побережье Каспия, в которых участвовали значительные силы, были зафиксированы в первой половине IX в. [Новосельцев 1965: 362–365]. Как сообщает известный историк Востока конца IX в. Имам Абуль-Хасан Али (Масуди), первое появление русов на Каспиии относится к 880 г., когда они напали на остров Абезгун. В 909 г. они повторили свой набег на этот остров и на полуостров Анжиле [Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али ал-Мас`уди 2002: 36, 256; Кучирь 2015: 16]. Наиболее известен поход русов на Каспийское (Хвалынское) море в 913 г. Это были дружины князя Игоря, стремившегося расширить экономические и культурные связи с прикаспийскими странами [Гаркави 1870: 129–138; Бартольд 1967: 684–688]. В 943–944 гг. дружины русов вновь появились на берегах Каспия. На этот раз они вышли в море у устья реки Кумы (северо-западная часть моря) и пошли на юг. Обогнув Апшеронский полуостров и достигнув устья реки Куры, ладьи поднялись по ней вверх до Ширванского ханства. Здесь дружины овладели богатейшим в то время городом Бердаа (Барда) [История народов Северного Кавказа… 1988а: 99; Кирокосьян 2013: 259–261; Кучирь 2015: 18].

В 965 г. дружины князя Святослава Игоревича разбили войско Хазарского каганата, взяли и разрушили города Итиль, Семендер на Тереке, Саркел, сокрушили всех вассалов каганата [Кирокосьян 2013: 263; Кучирь 2015: 19].

Известен каспийский поход 18 кораблей русов на Дербент в 987 г. по просьбе эмира этого города Маймуна, в ходе которого русами были разграблены окрестности Дербента и побережье Ширвана [Елисеев 2013: 261].

Помощь русов Дербенту потребовалась вновь в 1030 г. для решения пограничного конфликта с Ширваном. 38 судов русов пришли к Баку, где состоялось сражение с войском ширваншаха. Русы разбили эту армию и двинулись вверх по Куре. На реке Аракс состоялась еще одна битва, в которой русы одержали победу. Когда междоусобная борьба закончилась ладьи русов вернулись на родину [Кирокосьян 2013: 264; Кучирь 2015: 19].

Морские походы русских в Каспийское море не прекращались вплоть до нашествия татаро-монгольских завоевателей в первой трети XIII в. [Кирокосьян 2013: 265–266]. Захватив низовья Волги, монголы надолго закрыли русским путь к Хвалынскому морю [Тушин 1978: 17].

Как свидетельствуют источники, в XIII–XIV вв. отношения между Ширваном и Московским княжеством налаживаются, возникают первые торговые контакты и Каспийское море становится доступным российским торговым судам: они проходили вдоль западного побережья Каспия через Дербент к северному побережью Апшерона [Кучирь 2015: 21–22]. В XV–XVII вв. в Каспийском

море ходили преимущественно на стругах и бусах русской постройки. Кроме Астрахани, бусы строились в Гиляне и Ширване [Кирокосьян 2013: 284].

И лишь к середине XVI в., когда русские земли объединились, правительство Московского государства возобновляет попытки утвердиться в бассейне Волги и Каспия. Покорив в 1552 г. Казанское ханство, а через четыре года – Астраханское и утвердившись в северо-восточной части Кавказа до реки Терек, Московское государство стало обладателем огромного водного пути. В низовьях Волги были сооружены крепости. Русские опять получили возможность свободного плавания по Каспию [История народов Северного Кавказа… 1988а: 195–196, 227, 236–237; Кирокосьян 2013: 289–311; Кучирь 2015: 23–29]. В дельте Волги основывается русский город-крепость Астрахань. Началось бурное развитие волжского судостроения и появление русских парусов в Каспийском море. Появление в низовьях Волги нового города оживило контакты Русского государства со странами Востока, активизировало деятельность торговцев Дербента, Шемахи, Гиляна, Ургенча. Правители Хивы и Бухары направляют в Москву посольства, которые просили о беспошлинной торговле для своих купцов [Кирокосьян 2013: 9, 10].

Упрочению положения России на Кавказе и Каспии, развитию отношений с Грузией послужил успешный поход в 1590 г. русских войск под предводительством Григория Засекина против дагестанского владетеля шамхала Тарковского. Осенью 1604 г. от устья Терека войска выступили под командованием воеводы Ивана Бутурлина и астраханского воеводы Осипа Плещеева. Ими была захвачена вся прибрежная зона шамхальских земель между реками Терек и Сулак. Штурм крепости Тарки обеспечил свободную дорогу в Грузию. Бутурлин построил Койсинский острог на реке Сулак, обеспечивающий бесперебойную связь по морю с Астраханью [Кучирь 2015: 46–47].

С 1624 г. астраханская верфь известна как Деловой двор, в обязанности которого входил учет речных и морских судов, возложена защита водных путей от разбойников. В штате этого двора состояли судовые мастера и знающие дорогу в Персию «царские кормщики». Для этой цели ему была переданы струги, которые послужили основой для будущей Волжско-Каспийской военной флотилии [Кирокосьян 2013: 19].

Строительству морского флота на Каспии во многом способствовали усиление экономических связей России с Персией. 19 июня 1667 г. царь Алексей Михайлович издал указ, в котором говорилось: «…для посылок из Астрахани на Хвалынское море делать корабли в Коломенском уезде в селе Дединово и то корабельное дело ведать в Приказе Новгородские Чети боярину Офанасью Лаврентьевичу Ордыну-Нащекину» [Дополнение к актам… 1853: 211; Квашнин-Самарин 1912: 118; Тушин 1978: 40].

Расположенное на берегу Оки неподалеку от места-впадения в нее Москвы-реки и окруженное девственным строительным лесом, село Дединово было удобным местом для судостроения. 14 ноября 1667 г. здесь был заложен первый русский военный корабль «Орел». Полностью снаряженный «Орел» вышел на Волгу и 31 августа 1669 г. достиг Астрахани [Висковатов 1864: 88; Тушин 1978: 46–49; Кирокосьян 2013: 26; Кучирь 2015: 58–61].

В начале XVIII в. русские под руководством Петра I совершили новые походы в Каспийское море. Экономика России нуждалась в сырье и восточных товарах – хлопке, шелке, шерсти, пряностях. Серьезную угрозу границам России, ее торговле с Востоком создавала утвердившаяся на западном побережье Каспия Турция, которая имела свои виды на Азербайджан, Восточную Грузию и Восточную Армению [Маковский, Радченко 1982: 7–8].

Основным центром кораблестроения для Волги и Каспийского моря становится Казань [Кирокосьян 2013: 46].

Победа над Швецией и заключение Ништадтского мира в 1721 г. придали новый импульс подготовке Петр I к походу на Каспий [Курукин 2010: 50–92; Кирокосьян 2013: 54–63; Лысцов 1951].

Летом 1722 г. русские десантные войска, погруженные на 200 речных лодок и 45 ластовых судов, прибыли в Астрахань, откуда под руководством генерала-адмирала Ф.М. Апраксина вышли в Каспийское море и доплыли до Аграханского залива. Передовой отряд под командованием Петра I без боя занял город Дербент, который рассматривался как база для дальнейшего освоения Каспием [Веселаго 1939: 38; Курукин 2010: 63–69; Кучирь 2015: 69–92; Магарамов и др. 2021: 9–24].

В XVIII в. Дербент был важнейшим после Астрахани центром морской торговли на Каспии. Его правители имели высокий доход от пошлинных сборов и торговли [Магарамов и др. 2021: 113].

Завоевание Российской империей в результате Персидского похода 1722–1723 гг. Западного Прикаспия (современные прикаспийские территории Дагестана, Азербайджана и Северного Ирана) поменяло соотношение сил в геополитическом противостоянии региональных держав (Иран, Турция, Россия) в пользу петровской России. Российские приобретения на каспийском побережье были закреплены Петербургским договором 1723 г. с персидским шахом. Турция лишь формально признала переход Дербента и Баку, Гиляна, Астрабада и Мазендарана под российскую юрисдикцию. Данная территория представляла собой прибрежную полосу, обладающую стратегической значимостью, так как через нее проходили важные торговые пути из России на Восток и обратно. Кроме того, Каспийское море было важной природной контактной зоной между Западом и Востоком. Обладание Западным Прикаспием и монопольное право на военный флот на Каспии сыграли важную роль в восточной политике Петра Великого [Магарамов 2020: 3]. Присоединение прикаспийских областей способствовало развитию в регионе товарно-денежных отношений. Эти области и Дагестана использовались как источники сырья для нарождающейся русской промышленности [Магарамов и др. 2021: 113, 120].

В это время правительство приняло решение основать на Каспии постоянную флотилию для контроля северного побережья и части западного моря. Для этого было решено построить в Астрахани военный порт (Указ Астраханскому губернатору А. Волынскому о строительстве у Четырех Бугров в дельте Волги лоцманской станции, ноябрь 1722 г.). Эта и считается датой основания Каспийской военной флотилии [Веселаго 1875: 377; Кирокосьян 2013: 63–64].

В конце 1722 г. возглавляемый полковником П.М. Шиповым и капитан-лейтенантом Ф.И. Соймоновым отряд русских кораблей подошел к южному побережью Каспийского моря и высадил десант, занявший г. Решт. В 1723 г. русские под командованием генерала М.А. Матюшкина овладели крепостью Баку. По подписанному 12 сентября 1723 г. Петербургскому договору к России отошли города Дербент и Баку, а также провинции Гилянская, Астрабадская и Мазандеранская [Абдурахманов 2011: 40–42; Кирокосьян 2013: 63; Кучирь 2015: 96–101].

Однако после смерти Петра I военные действия были приостановлены. Екатерина I и Анна Ивановна не смогли продолжить начатые Петром I завоевания. Русское влияние на Южном Кавказе и в Персии стало ослабевать. По подписанному 20 января 1732 г. Рештскому русско-персидскому договору, все завоеванными русскими прикаспийские земли и города отошли к Персии. По новому договору, подписанному Россией с Персией в 1735 г., русские войска должны были покинуть Дербент и Баку [Юзефович 1869: 194–202; Курукин 2010: 334; Абдурахманов 2011: 71–79; Кирокосьян 2013: 70–71; Кучирь 2015: 104–111].

Русские войска были отведены за реку Сулак, которая отныне являлась границей с Персией. Крепость Святой Крест была разрушена, но на Тереке заложена новая – Кизляр. Несмотря на возврат приморских территорий, Каспий оставался по преимуществу российским. Российские суда, построенные в Казани и Астрахани, были единственными военными судами на море, а преобладание российских торговых судов обеспечивали активный «персидский торг», ради которого Персидский поход Петра I и был организован [Курукин 2010: 349–352; Кучирь 2015: 111–112].

Оставшаяся в Каспийском море русская военная флотилия пришла в упадок. Боеспособность флота упала [Маковский, Радченко 1982: 9–10; Кирокосьян 2013: 72–88; Кучирь 2015: 112–114]. Через несколько лет положение на Каспии неожиданно изменилось. В 1778 г. в Казанском адмиралтействе начали спешно строить военные корабли для Каспийской флотилии – снаряжалась секретная экспедиция [Кирокосьян 2013: 88].

В годы правления Екатерины II и в последующее время наступает новый период борьбы России за овладение Южным Кавказом и Средней Азией, занявший столетие с 1780 по 1880 г. Каспийское море, в особенности его западное побережье, становится ареной войн и вооруженного противостояния [История народов Северного Кавказа… 1988a: 327; Кирокосьян 2013: 88–112]. Каспийская флотилия вновь становится важной для судеб России [Кучирь 2015: 126–137].

В 1795 г. Россия предприняла военные действия против Персии в связи с вторжением в 1794–1795 гг. иранских войск Ага-Мохаммед-хана в Карабахское ханство и Грузию [История народов Северного Кавказа… 1988a: 334; История народов Северного Кавказа… 1988b: 15; Курукин 2010: 363; Кирокосьян 2013: 113–114]. Большую роль в этой войне сыграла Каспийская флотилия. На ее кораблях перевозили войска, снаряжение и продовольствие. В мае–июне 1796 г. при поддержке кораблей русские вторично овладели городами Дербент и Баку,

всеми приморскими провинциями Персии, включая Гилян [Курукин 2010: 363; Кирокосьян 2013: 115]. Чтобы защитить кавказское побережье Каспия, флотилия была усилена тремя фрегатами, двенадцатью грузовыми судами и двенадцатью галиотами [Кирокосьян 2013: 115–116; Кучирь 2015: 138–143]. Было решено основать военный порт в Баку. Правительством России были выделены большие финансовые средства на обустройство Бакинского и Астраханского портов [Кирокосьян 2013: 116].

После смерти Екатерины II военные действия против Персии были приостановлены, а Баку, как не закрепленный за Россией никакими международными договорами пункт, был возвращен Персии [История народов Северного Кавказа… 1988a: 334–335; Кирокосьян 2013: 118–121]. За Россией осталась северная приморская часть Дагестана с городом Петровск, а на границе от Черного моря до берегов Каспия стояла всего одна дивизия, включая гарнизоны в Царицыно, Астрахани, Азове и Таганроге [Бутков 1869: 548].

В 1800 г. у острова Сара Россия учредила временную военно-морскую базу (морскую станцию) для охраны русской торговли на Каспийском море и защиты союзного Талышского ханства [Кучирь 2015: 149].

Вспыхнувшая в 1804 г. война с Персией продолжалась девять лет. Каспийская флотилия в составе семи военных и одиннадцати транспортных кораблей под командованием капитан-лейтенанта Ф.Ф. Веселаго перебросила крупный десант из Астрахани к персидскому побережью. Этот десант под прикрытием корабельной артиллерии овладел городом Энзели. В 1806 г. русские войска после продолжительной осады вновь заняли Баку [Кирокосьян 2013: 129–130].

Каспийская флотилия участвовала и в штурме крепости Ленкорань, расположенной на западном берегу Каспия. Штурм крепости произошел после того, как в октябре 1812 г. русские войска под командованием генерала П.С. Котляревского разбили персидскую армию при Асландузе на реке Аракс. Четыре корабля непрерывно обстреливали крепость с моря, а батальон моряков штурмовал ее на суше. В результате кровопролитного боя 1 января 1813 г. Ленкорань была взята [Кучирь 2015: 146–153].

В соответствии с условиями Гюлистанского мирного договора, заключенного между Россией и Персией 12 (24) октября 1813 г., к России отошло западное побережье Каспия до Астары – Дагестан, Северный Азербайджан, Восточная Грузия, Гурия, Имеретия, Менгрелия и Абхазия [36, с. 141]. Таким образом, России были возвращены земли, завоеванные Петром Великим, которые после его смерти пришлось вернуть Персии. Вновь был выполнен его завет: «Береги по Каспийскому морю овладеть!» [Кучирь 2015: 153].

Исключительное право держать военный флот на Каспийском море предоставлялось России [История народов Северного Кавказа… 1988b: 29–30].

В 1826 г. персидский шах начал войну против России, рассчитывая захватить русские владения в Закавказье. Его подстрекали на это английские дипломаты, стремившиеся превратить Персию в военно-политический плацдарм для проникновения Великобритании в Закавказье и Среднюю Азию. Вторгшиеся в принадлежавший России Северный Азербайджан, персидские войска, были вскоре оттуда изгнаны. В 1827 г. русская армия под командованием генерала

И.Ф. Паскевича заняла Южный Азербайджан и персидскую Армению. По условиям заключенного между Россией и Персией 10 февраля 1828 г. Туркманчайского договора, в состав России вошли Нахичеванское и Эриванское ханства. Граница между Россией и Персией стала проходить от Астары и далее по реке Аракс. Было подтверждено исключительное право России держать военный флот на Каспийском море [Под стягом России… 1992: 317; Кирокосьян 2013: 151–160; Кучирь 2015: 155–157]. В порту Энзели было учреждено стационерство кораблей Каспийской флотилии, а у острова Ашур-Адэ устанавливалась Астрабадская морская станция, которые контролировали выполнение персами условий договора [История народов Северного Кавказа… 1988b: 44; Кирокосьян 2013: 186–205].

Первая треть XIX в. отмечена непрерывным ростом и укреплением Каспийской флотилии. В 1828 г. она состояла из четырнадцати боевых кораблей, шести транспортов и двенадцати других вспомогательных судов, в том числе двух первых на Каспии паровых судов. Такая сильная и боеспособная флотилия помогала удерживать России побережье Дагестана с Дербентом, Баку и другими городами [Кучирь 2015: 156].

В русско-турецкую войну 1828–1829 гг. корабли флотилии подвозили к западным берегам Каспия подкрепление, снаряжение и продовольствие для русской армии, действовавшей против турок в Закавказье [История народов Северного Кавказа… 1988b: 45–48].

Наиболее интенсивно Каспийская флотилия пополнялась кораблями в период русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн [Кирокосьян 2013: 151]. В 1828 г. в Астрахани спустили на воду первые колесные пароходы «Кура» и «Аракс» [Веселаго 1872: 648].

Борьба России за свободу мореплавания на южных морях сыграла большую роль в жизни народов, населявших их берега [Тушин 1978: 160]. 23 мая 1851 г. Ф. Энгельс в своем письме К. Марксу писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку… господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей» [Маркс, Энгельс 1962: 241].

Прелюдией решительного похода для завоевания земель среднеазиатских ханств стала операция под командованием генерала В.А. Перовского, начатая в 1853 г., успех которой закрепил за Россией всю степь от Оренбурга до Аральского моря и земли по течению Сырдарьи. 10 ноября 1869 г. русский фрегат стал на якорь напротив селения Кизил-су, высадил десант, захватил плацдарм и закрепился на побережье, заложив опорный пункт Красноводск [Кучирь 2015: 170, 171].

С окончанием Крымской войны (1853–1856) закончилась эпоха парусного флота России. Для Каспийской флотилии в 1855–1856 гг. на Нижегородской машинной фабрике закладываются пароходы. В 1861 г. во флотилии состояло 14 паровых судов. В 1876 г. Каспийская флотилия состояла из трех канонерских лодок, семи пароходов с железными корпусами, четырех баркасов и трех деревянных винтовых шхун. На 1 декабря 1891 г. в Астраханском порту было приписано 115 паровых и 123 парусных судов [Кирокосьян 2013: 210, 211].

В 1867 г. главной военно-морской базой флотилии стал Баку. Он был расположен в удобной для якорной стоянки судов бухте. Новый этап в развитии флотилии наступил с вводом в строй паровых кораблей «Туча», «Геок-Тепе», транспорта «Чикишляр» и других современных на тот период судов.

Силы Каспийской военной флотилии были в полной мере использованы во время Хивинского похода 1873 г., когда на паровых судах, транспортах и парусниках была осуществлена доставка войск на исходные позиции, перевозка военного снаряжения, лошадей и других грузов [Гродеков 1888: 39, 117, 118].

В 1880 г. русское правительство, стремившееся овладеть Туркменией – последним звеном в цепи его завоеваний в Средней Азии – организует Ахал-Текинскую экспедицию [Куропаткин 1899: 98, 99]. Поход русских войск закончился штурмом Геок-тепе и 27 марта 1881 г. вождь туркмен Тыкма-сердарь сдал саблю Скобелеву, присягнув на верность российскому императору. Ахал-текинская земля была присоединена к России [История русской армии 2019: 580]. Завоеванный за Каспием Туркменский край составил область, входящую в состав Кавказского военного округа, и теперь все берега Каспия принадлежали России [Кучирь 2015: 182].

В последующие годы за Россией прочно закрепились побережья Каспийского моря и Южного Кавказа. Добываемая в районе Апшеронского полуострова нефть была необходима для развития русской промышленности, железнодорожного и водного транспорта. В связи с тем, что Каспийское море стало приобретать важное экономическое значение в жизни страны, возросла и роль призванной защищать южные рубежи государства Каспийской военной флотилии [Маковский, Радченко 1982: 12–13].

В конце XIX – начале XX в. состав Каспийской флотилии пополнился посыльным судном «Астрабад» и гидрографическим судном «Аракс».

Экипаж флотилии был укомплектован также матросами-черноморцами, которые носили на бескозырках гвардейские георгиевские ленточки. Они были присвоены флоту за подвиги в Синопском сражении 1853 г. и за оборону Севастополя в 1854–1855 гг. С этого времени каспийцы тоже стали носить на бескозырках георгиевские ленточки [Маковский, Радченко 1982: 14–15].

В конце XIX–XX в Баку, где размещалась главная база Каспийской флотилии, становится крупным промышленным центром. Моряки флотилии были втянуты в события 1905–1907 гг., в противостояние возглавляемых Бакинской организацией РСДРП рабочих нефтепромыслов и властями [Гритченко, Мееровичч 1974: 5–13].

С падением в феврале 1917 г. в России монархии моряки Каспийской флотилии встали на сторону борющегося народа. 3 марта 1917 г. в Баку началась всеобщая забастовка. 7 марта был образован Бакинский Совет рабочих, солдатских и офицерских депутатов. Матросы флотилии создали свой выборный орган – Центрокаспий, руководство в котором по их политической неопытности захватили эсеры и меньшевики [Стельник 1958: 17, 21; Голубев 2020: 185–186; Лобанов, Ализаде 2020: 59–60].

13 октября 1917 г. в Баку был создан Временный исполком Совета, руководителем которого был избран руководитель бакинских большевиков С.Г.

Шаумян. Матросы поддержали новое руководство Бакинского Совета [Голубев 2020: 186].

Весть о победе Октябрьской революции в Петрограде пришла в Баку 26 октября 1917 г. [Исмаилов 2010: 219]. 29 октября 1917 г. моряки-каспийцы провели демонстрацию с лозунгами «Вся власть Советам!». Ее поддержали рабочие и солдаты. Власть была передана Советам, который установил контроль за нефтяной промышленностью, банком, транспортом, связью и начал улучшать бытовое и экономическое положение рабочих [Каспийская военная флотилия 1983: 253].

Моряки Каспийской флотилии бок о бок с бакинским пролетариатом под руководством большевиков боролись за установление Советской власти в Баку. 3 ноября 1917 г. открылся Первый съезд матросов Каспийской флотилии, который принял резолюцию, приветствующую и поддерживающую революцию в Петрограде [Большевики… 1957: 195].

Весной 1918 г. Советская власть сохранялась лишь в Баку и Бакинской губернии. Но этот район находился под угрозой оккупации турецкими войсками. К захвату этого экономически важного района стремилась и Великобритания [Голубев 2020: 186].

В начале 1918 г. положение в Закавказье было очень сложным: в феврале сюда вторглись турецкие войска, в марте подняли восстание мусаватисты, пытавшиеся уничтожить Советскую власть, чтобы добиться затем отделения Азербайджана от России [Гритченко, Меерович 1974: 15]. Мусаватисты также рассчитывали на помощь наступавших в это время на Баку и захвативших Петровск воинских сил имама Гоцинского [Борьба за установление… 1958: 107–108].

Интервенты овладели Батумом, Ардаганом, Карсом, Александрополем, и ведущей на Баку железной дорогой на Джульфу. Они подошли к Еревану и угрожали Тбилиси. Решением Исполкома Бакинского Совета и Военно-революционного комитета Кавказской армии был создан Комитет революционной обороны. В этих схватках на стороне Красной гвардии, руководимой бакинскими большевиками, участвовали и матросы кораблей «Карс», «Ардаган», «Астрабад» [Гритченко, Меерович 1974: 16].

7 марта 1918 г. в Астрахани решением Военного совета Астраханского края была организована Красная флотилия Астраханского края. 8 марта Исполком Бакинского Совета подчиняет себе в политическом отношении Каспийскую флотилию. 30 марта штаб Каспийской флотилии направляет в Наркомат по морским делам просьбу о необходимости усиления флотилии. 30 марта – 1 апреля силы 1918 г. Каспийской флотилии принимают участие в подавлении антисоветского выступления в Баку, организованного мусаватистами. 31 марта – 2 апреля 1918 г. происходят полные перевыборы состава Центрокаспия. Новым председателем избирается член РКП (б) А.Р. Кузьминский [Голубев 2020: 186–187].

После победы Советской власти в Азербайджане Бакинский Совнарком мобилизовал все свои силы для окончательного разгрома контрреволюции в республике. В апреле 1918 г. по поручению Комитета революционной обороны Баку Каспийской флотилией в район Петровска и в другие занятые войсками

имама Гоцинского населенные пункты Дагестана был переброшен экспедиционный отряд [Голубев 2020: 187].

17 апреля 1918 г. отряд судов флотилии, состоявший из канонерской лодки «Ардаган», транспортов «Паризнен» и «Дагестан», принял на борт 36-й Туркестанский полк красногвардейцев. В сопровождении самолетов он вышел в море. В ходе боев и высадки десанта город Петровск был окружен и 20 апреля был взят советскими войсками [История Дагестана… 2005: 71–72; История многовековых… 2009: 346–348].

Несмотря на одержанные победы, летом 1918 г. положение Советской власти в Баку было очень тяжелым. Мусаватисты в сговоре с турками начали новое наступление на Баку. На помощь бакинцам Советское правительство послало отряд бронированных автомобилей, части Украинского фронта и отряд из 800 балтийских и черноморских моряков.

В результате предательства меньшевиков и эсеров в августе 1918 г. в Баку вступили английские интервенты. После падения Советской власти в Баку весь бассейн Каспийского моря оказался в руках интервентов и местной контрреволюции [Кадишев 1960: 131–132; Азизбеков 1976: 108–109, 224; Голубев 2020: 188].

Перед Советской республикой стала важная задача – защищать Астрахань, закрыть врагу доступ на Волгу. Для этого нужно было создать военную флотилию. Начало ее формирования было положено матросами Астрахани. По их инициативе весной 1918 г. был создан «Союз моряков военного флота», в распоряжение которого Астраханский Совет выделил четыре небольших парохода и ледокол «Каспий». Переоборудованные в боевые корабли эти суда и составили «Военный флот Астраханского края». Постановлением Военного совета Астраханского края от 3 октября 1918 г. Военный флот Астраханского края реорганизовали в Астрахано-Каспийскую военную флотилию. 25 октября 1918 г. в состав Астрахано-Каспийской военной флотилии был включен Волжско-Каспийский военный и торговый флот, и его корабли перешли в Астрахань [Краснознаменный… 1971: 391; Голубев 2020: 188–189]. Первые экипажи кораблей создававшейся флотилии составляли моряки Астрахани и Черноморского флота. Первым командующим флотилией был назначен Петр Коптеев [Голубев 2020: 17–21].

Для укрепления Каспийской флотилии из Кронштадта по Мариинской системе, Волге было направлено восемь миноносцев. Четыре подводные лодки были переброшены из Петрограда до Саратова по железной дороге, а оттуда по Волге в Каспийское море. Кроме того, к концу 1918 г. пять пароходов были превращены во вспомогательные крейсеры, на них были поставлены артиллерийские орудия, сделано усиление металлической обшивки. Несколько миноносцев и вспомогательных судов у осени 1918 г. прибыло с Волжской флотилии. Все они составили ядро Астрахано-Каспийской флотилии. Всего на Волгу и Каспий в 1918–1920 гг. из других флотов, главным образом с Балтийского, были переброшены 15 миноносцев, 4 подводные лодки и 6 посыльных судов [Голубев 2020: 22].

4 мая 1919 г. декретом Совнаркома был создан Северо-Кавказский военный округ [Краснознаменный… 1971: 390]. В начале августа 1919 г. решением

Реввоенсовета республики Астрахано-Каспийская и Волжская флотилии были объединены в Волжско-Каспийскую флотилию [Голубев 2020: 29].

В конце 1919 г. перед воинами XI Красной Армии и моряками флотилии была поставлена задача окончательного очищения Каспия и прилегающих районов Кавказа от английских интервентов, белогвардейцев и националистических банд [Абрамов 2020: 50–72; Голубев 2020: 190–194]. Видную роль в освобождении Кавказа была призвана сыграть Волжско-Каспийская военная флотилия, которая должна была очистить Каспий от вражеского флота [Голубев 2020: 36].

К концу марта 1920 г. Красная Армия полностью очистила от деникинских войск Северный Кавказ. В апреле войска XI армии освободили Порт-Петровск [Краснознаменный… 1971: 392]. XI армия Кавказского фронта в середине апреля подошла к северным границам Азербайджана. Еще раньше войска Туркестанского фронта очистили восточное побережье Каспия. Моряки флотилии добились крупных успехов на Северном Каспии [19, с. 38].

В ночь с 27 на 28 апреля 1920 г. в Баку было свергнуто контрреволюционное правительство и установлена Советская власть. 30 апреля в Баку вошли основные силы XI армии во главе с Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кировым [Краснознаменный… 1971: 99].

1 мая 1920 г. в Баку вошли корабли Волжско-Каспийской флотилии. Освобожденный Баку отныне стал главной базой флотилии на Каспии [Голубев 2020: 195].

Части XI армии вместе с моряками флотилии после свержения мусаватистского правительства оказали активную помощь азербайджанскому народу в установлении Советской власти на всей территории Азербайджана. 28 апреля 1920 г. день установления Советской власти в Азербайджане одновременно стала датой рождения Каспийской военной флотилии.

С захватом 18 мая 1920 г. военно-морской базы Энзели в Северном Иране, где были сосредоточены остатки деникинской армии и флота, войска английских интервентов, Каспий был окончательно очищен от противника [Голубев 2020: 194–197]. В 1923 г. морские силы Каспийского моря были переименованы в Каспийскую военную флотилию [Гритченко, Меерович 1974: 42–44, 48].

К началу Великой Отечественной войны Каспийская флотилия под командованием контр-адмирала Ф.С. Седельникова имела 6 канонерских лодок, 3 плавучие зенитные батареи, 3 сторожевых корабля, 15 сторожевых катеров, 2 тральщика, минный заградитель и 3 торпедных катера [Гречко 1969: 65].

С первых дней войны Каспийская флотилия приступила к проведению мобилизации и переоборудованию гражданских судов для военных целей. Перед Каспийским военно-морским училищем встала задача ускоренной подготовки командующих кадров для действующего флота. С началом войны флотилия получила первое боевое задание – защитить морские коммуникации от авиации противника, организовать противодесантную оборону каспийского побережья и прочно прикрыть государственную границу с юга [Жаднова 2020: 37].

Первым боевым заданием флотилии была высадка десанта на иранское побережье с целью недопущения возможной агрессии с юга. В соответствии с условиями советско-иранского договора 1921 г. [Васильева 2014: 113–118],

правительством СССР было решено временно ввести войска на территорию Ирана [Басов, Гутенмахер 1991: 25–33].

В конце августа 1941 г. десантные суда флотилии под охраной боевых кораблей морской переход и высадили десант южнее иранской Астары у селения Хеви. Одновременно вдоль побережья продвигались части 77-й горно-стрелковой дивизии Закавказского военного округа. В результате этой операции угроза с юга была ликвидирована [Гритченко, Меерович 1974: 50–52; 43].

Летом 1942 г. фашистское командование бросило большие силы на Кавказ с целью овладения бакинской нефтью, что создавало угрозу нашим перевозкам в северной части Каспийского моря [Горшков 1981: 80–97].

В июне-октябре 1942 г. началось формирование военно-морских баз на Каспии. В строй вступили новые боевые корабли «Зенитчик» и «Боцман». Всего в 1942 г. кораблями флотилии провели под конвоем 1200 судов и барж, отражено 216 атак авиации противника. По Каспийскому морю шли бесконечные караваны судов, они везли горючее танкам и самолетам, доставляли к берегам Кавказа и героическим защитникам Сталинграда войска, вооружение и боеприпасы [Басов 1981: 141–157].

В конце 1942 г. фашистские войска овладели г. Моздок и подошли к Тереку. Связывавшие Закавказье со всей страной сухопутные пути были фактически перерезаны. Построенная в ходе войны железная дорога Махачкала–Кизляр–Астрахань подвергалась атакам авиации противника. Это вынудило советское командование перевозить на Кавказ воинские части, боевую технику и различные виды снабжения, а также вывозить нефтепродукты из Баку исключительно морским путем [Гритченко, Меерович 1974: 56–57].

Где бы ни сражались моряки Каспия – на фронтах под Москвой, Одессой, Севастополем, Ленинградом или Сталинградом, на катерах прорывались с боями вверх по Дунаю, Березине, Висле, участвовали в обеспечении переправы через Шпрее, находились среди тех, кто штурмовал Берлин, в воздухе или водах бурного Каспийского моря, – они всюду показывали образцы верного служения Отчизне. 27 апреля 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с 25-летним юбилеем и за боевые заслуги в годы Гражданской и Великой Отечественной войн Каспийская военная флотилия была награждена орденом Красного Знамени [Гритченко, Меерович 1974: 73–74].

Как и для всех советских моряков, послевоенный период был для каспийцев временем напряженного труда, в ходе которого освоена сложная боевая техника и вооружение, совершенствовались морально-боевые качества, готовность к защите Родины. Занятия и учения в море были максимально приближены к боевым условиям.

В 1946 г. Каспийская флотилия совершила длительное плавание с заходом в порты Красноводска, Шевченко, Гурьева, Астрахани, Махачкалы, Дербента и Ленкорани. Это проходившее в сложных морских условиях плавание явилось хорошей школой боевой выучки для экипажей кораблей.

Летом 1972 г. состоялся визит отряда кораблей флотилии в иранский порт Энзели. Достойно представили советских моряков за рубежом экипажи морского тральщика «Иван Фиолетов» и сторожевика «Советский Дагестан».

Во время начального периода Великой Отечественной войны Каспийская флотилия приобрела статус фронтового соединения, а начиная с 1943 г., опять стала тылом. В таком тыловом статусе флотилия пребывала до 1991 г. Противников на море у неё не было. Каспийское море делили Советский Союз и Иран, поэтому Каспий был морем мира [Маковский, Радченко 1982: 150, 152, 158, 163].

После развала СССР и появления новых прикаспийских государств роль Каспийской флотилии вновь резко возросла. 7 октября 2015 г. из акватории Каспийского моря ракетными кораблями «Дагестан» и малыми ракетными кораблями «Великий Устюг», «Углич», «Град Свияжск» был нанесен удар крылатыми ракетами «Калибр-НК» по террористам в Сирии. Внезапно, мир понял, что каспийские корабли держат под прицелом весь Ближний Восток, а как-то им противостоять не получится в силу изолированности Каспийского моря[1].

Наиболее трагичной страницей в истории Каспийской флотилии в новейшее время является ее раздел между Россией и другими странами бывшими союзными республиками в связи с распадом СССР.

26 декабря 1991 г. на сессии верхней палаты Верховного Совета СССР была принята декларация № 142-Н о прекращении существования СССР [Декларация… 1991].

В 1992 г. же было принято решение о передислокации флотилии из Баку в Астрахань. Официально раздел Каспийской флотилии между Россией и Азербайджаном состоялся в июле 1992 г. В соответствии с достигнутыми договоренностями, России досталось 75 % кораблей и имущества, а Азербайджану – 25 %. Кроме кораблей, судов и военной техники, Азербайджан получил Бакинскую военно-морскую базу и всю ее инфраструктуру.

Российская Каспийская флотилия сократилась на 18 боевых кораблей и 62 судна обеспечения. Она потеряла Главную базу и два пункта базирования, а также 18 районов боевой подготовки.

Астрахань была не очень удобна как военно-морская база, поэтому сначала часть кораблей и морских пограничников перебазировали в Каспийск. В 2018 г. Министр Обороны РФ принял решение о переводе Главной базы флотилии из Астрахани в Каспийск, где сейчас строится новая военно-морская база»[2].

Большой толчок для развития Каспийска придаст строительство до 2025 г. нового глубоководного порта для судов с полезной нагрузкой от 15-ти до 25-ти тысяч тонн[3]. Названы сроки выполнения первого этапа строительства причалов базы Каспийской флотилии в г. Каспийске – с 11 июля 2018 г. по 14 февраля 2020 г.[4]

---

[1] *Рожков Е.* Неожиданный удар: Москва атаковала «Исламское государство» с Каспия [Электронный ресурс] // Сайт «Вести.RU»; URL: https://www.vesti.ru/article/2712337 (дата обращения: 07.10.2015).

[2] *Максимов А.* Раздел Каспийской флотилии: В 1992 году Каспийская флотилия была разделена между Россией и Азербайджаном [Электронный ресурс] // Сайт Общероссийской газеты независимых журналистских расследований «Наша версия»; URL: https://versia.ru/v-1992-godu-kaspijskaya-flotiliya-byla-razdelena-mezhdu-rossiej-i-azerbajdzhanom (дата обращения: 18.03.2021).

[3] *Селимов М.* В Каспийске до 2025 года запланировано строительство глубоководного порта [Электронный ресурс] // Сайт РИА «Дербент»; URL: https://riaderbent.ru/v-kaspijske-do-2025-goda-zaplanirovano-stroitelstvo-glubokovodnogo-porta.html (дата обращения: 12.08.2018).

[4] Проект базы Каспийской флотилии в Дагестане обойдется в 460 млн. рублей [Электронный ресурс] // Сайт Информационного агентства «REGNUM»;URL:https://regnum.ru/news/economy/2423487.html (дата обращения: 30.05.2018).

Таким образом, как это видно из представленных источников и литературы, Каспийская флотилия в своем развитии проделала значительный по времени путь. Ее зарождение тесно связано с расширением границ Российской империи, отстаивании ее геополитических интересов, которые противоречили интересам другой каспийской державы – Ирана, а также Турции и западноевропейских государств. Оснащение новыми образцами кораблестроения и морского вооружения Каспийской флотилии было напрямую связано с развитием военной инженерной мысли, российского судостроения и оборонной промышленности России. За время свое существования Каспийская флотилия несколько раз меняла свою дислокацию. Моряки флотилии участвовали во всех наиболее значимых военно-политических событиях средневековья, нового, советского и новейшего времени. Представленный нами обзор источников и литературы о становлении и развитии Каспийской флотилии свидетельствует о ее значимости в геополитике России на Восточном Кавказе начиная со средневековья и кончая новейшим временем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдурахманов 2011 – *Абдурахманов А*. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. – Баку: «Нагыл Еви», 2011. – 136 с.

Абрамов 2020 – *Абрамов Е*.П. Морская пехота на фронтах Гражданской войны // Материалы и доклады участников седьмой научно-практической конференции «Рабоче-Крестьянский Красный Флот в отражении иностранной военной интервенции. 1918–1920. К 100-летию Гражданской войны в России» (г. Санкт-Петербург, Центральный военно-морской музей им. Петра Великого, 25 апреля 2019 г.). – СПБ., 2020. – С. 50–72.

Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али ал-Мас`уди 2002 – *Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али ал-Мас`уди.* Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] / сост., пер. с араб., прим., комм. и указатели *Д.В. Микульского*. – М: Наталис, 2002. – 800 с.

Азизбеков 1976 – Азизбеков Мешади – пламенный борец за власть Советов: Речи, документы и материалы. – Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1976.

Бартольд 1967 – *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // *Бартольд В.В*. Сочинения. В 9-ти томах. – М.: б/и, 1967. –Т. 2. – Ч. 1. – 1016 с.

Басов 1981 – *Басов А.В*. Роль морского транспорта в битве за Кавказ // Народный подвиг в битве за Кавказ: Сборник статей / Отв. ред. *Г.А. Куманев*. – М.: Наука, 1981. – С. 141–157.

Басов, Гутенмахер 1991 – *Басов А.В., Гутенмахер Г.И.* Персидский коридор // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 1. – С. 25–33.

Большевики… 1957 – Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане: документы и материалы 1917–1918 гг. / Под ред. *З.И. Ибрагимова* и *М.С. Искендерова*. – Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1957. – 700 с.

Борьба за установление… 1958 – Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. 1917–1921. Сборник документов и материалов / Отв. ред. *Г.А. Даниялов*. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 537 с.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г*. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. В 3-х частях. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. – Ч. I. – 621 с.

Васильева 2014 – *Васильева О.А*. Советско-иранский договор 1921 года // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». – 2014. – № 16 (187). – С. 113–118.

Веселаго 1872 – *Веселаго Ф.Ф*. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. – СПб.: Тип. морского министерства, 1872. – 754 с.

Веселаго 1875 – *Веселаго Ф.Ф*. Очерк русской морской истории. – СПб.: Тип. Демакова, 1875. – Ч. 1. – 701 с.

Веселаго 1939 – *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история русского флота. – М.: Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. – 304 с.

Висковатов 1864 – *Висковатов А.В.* Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. – СПб.: Тип. морского министерства, 1864. – 175 с.

Гаркави 1870 – *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). – СПб., 1870. – 308 с.

Голубев 2020 – *Голубев А.М.* Каспий. Битва за нефть. 1918–1920 гг. // Материалы и доклады участников седьмой научно-практической конференции «Рабоче-Крестьянский Красный Флот в отражении иностранной военной интервенции. 1918–1920. К 100-летию Гражданской войны в России» (г. Санкт-Петербург, Центральный военно-морской музей им. Петра Великого, 25 апреля 2019 г.). – СПб., 2020. – С. 184–200.

Горшков 1981 – *Горшков С.Г.* Черноморский флот в битве за Кавказ // Народный подвиг в битве за Кавказ: Сборник статей / Отв. ред. *Г.А. Куманев*. – М.: Наука, 1981. – С. 80–97.

Гречко 1969 – *Гречко А.* Битва за Кавказ. – М.: Воениздат, 1969. – 424 с.

Гритченко, Меерович 1974 – *Гритченко А., Меерович Е.* Каспийская Краснознаменная. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974. – 84 с.

Гродеков 1888 – *Гродеков Н.И.* Хивинский поход 1873 года: Действия кавказских отрядов. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – 470 с.

Декларация… 1991 – Декларация Совета Республик ВС СССР от 26.12.1991 № 142-Н // Ведомости Верховного Совета. – 1991. – № 52.

Дополнение к актам… 1853 – Дополнение к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. В 12-ти томах. 1846–1872 гг. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1853. – Т. 5. – 535 с.

Елисеев 2013 – *Елисеев А.В.* Скифия против Запада: Взлет и падение Скифской державы. – М., 2013. – 330 с.

Жаднова 2020 – *Жаднова Т.* Вековой юбилей Краснознаменной Каспийской флотилии: Вопросы теории // Морской сборник. 2020. № 4. – М.: Красная звезда, 2020. – 104 с.

Исмаилов 2010 – *Исмаилов Э.* Очерки по истории Азербайджана. – М.: Флинта, 2010. – 416 с.

История Дагестана… 2005 – История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. *А.И. Османов*. В 2-х т. Т. 2. XX век. – Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2005. – 664 с.

История многовековых… 2009 – История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Отв. ред. *А.И. Османов*. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 752 с.

История народов Северного Кавказа… 1988a – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – 554 с.

История народов Северного Кавказа… 1988b – История народов Северного Кавказа с древнейших времен (конец XVIII в.– 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с.

История русской армии 2019 – История русской армии. – М.: «Эксмо», 2019. – 768 с.

Кадишев 1960 – *Кадишев А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье**.** **–** М.: Воениздат, 1960. **–** 510 с.

Каспийская военная флотилия 1983 – Каспийская военная флотилия // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / *Хромов С.С.* (отв. ред.). – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 704 с.

Квашнин-Самарин 1912 – *Квашнин-Самарин Е.Н.* Морская идея в русской земле: История до Петров. Руси с воен.-мор. точки зрения. – СПб.: Мор. ген. штаб, 1912. – 189 с.

Кирокосьян 2013 – *Кирокосьян М.А.* Русский флаг на Каспии: Два столетия Каспийской флотилии (середина XVII – середина XIX века). Пираты Каспийского моря. – М.: Военная книга; Кучково поле, 2013. – 416 с.

Краснознаменный… 1971 – Краснознаменный Северокавказский: Очерк истории Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1971. – 408 с.

Куропаткин 1899 – *Куропаткин А.*Н. Завоевание Туркмении: Поход в Ахал-тепе в 1880–1881 гг.: с очерком воен. действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. – СПб.: тип. Э. Арнгольда, 1899. – 224 с.

Курукин 2010 – *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 381 с.

Кучирь 2015 – *Кучирь А.*Г. «Каспийское мореходство – дело государево»: История борьбы за Каспий. – СПб.: Морское наследие, 2015. – 192 с.

Лобанов, Ализаде 2020 – *Лобанов В.Б., Ализаде Д.И.* К вопросу о Советской власти в Баку (1917– лето 1918 г.) // Russian Colonial Studies. – 2020. – 1(5). – С. 55–90.

Лысцов 1951 – *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I. 1722-1723 гг. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – 247 с.

Магарамов 2020 – *Магарамов Ш.А.* Предисловие // Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.): сборник архивных документов / Сост. *Е.И. Иноземцева, Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев.* – Махачкала: Институт ИАЭ ДФИЦ РАН; МавраевЪ, 2020. – 376 с.

Магарамов и др. 2021 – *Магарамов Ш.А., Чекулаев Д.Н., Иноземцев Е.И.* История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735): К 300-летию провозглашения Российской империи. – М.: Изд-во «Лотос», 2021. – 192 с.

Маковский, Радченко 1982 – *Маковский А.А., Радченко Б.М.* Каспийская Краснознаменная. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Воениздат, 1982. – 176 с.

Маркс, Энгельс 1962 – *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 27. – 695 с.

Новосельцев 1965 – *Новосельцев А.*П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – М.: Наука, 1965. – С. 355–419.

Под стягом России… 1992 – Под стягом России: Сборник архивных документов. – М.: «Русская книга», 1992. – 432 с.

Стельник 1958 – *Стельник Б.Я.* Политическое положение в Азербайджане и деятельность большевиков в марте – апреле 1917 г. // Труды Азербайджанского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Баку: Объединённое издательство, 1958. – Т. XXII.

Тушин 1978 – *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век) / Отв. ред. *В.В. Мавродин*. – М.: Наука, 1978. – 181 с.

Юзефович 1869 – *Юзефович Т.П.* Договоры России с Востоком политические и торговые. – СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1869. – 326 с.

REFERENCES

ABDURAHMANOV A. *Azerbajdzhan vo vzaimootnoshenijah Rossii, Turcii i Irana v pervoj polovine XVIII v.* [Azerbaijan in relations between Russia, Turkey and Iran in the first half of the XVIII century]. – Baku: «Nagyl Evi», 2011. – 136 s. (In Russ.).

ABRAMOV E.P. *Morskaja pehota na frontah Grazhdanskoj vojny* [Marines on the fronts of the Civil War]. IN: Materialy i doklady uchastnikov sed'moj nauchno-prakticheskoj konferencii «Raboche-Krest'janskij Krasnyj Flot v otrazhenii inostrannoj voennoj intervencii. 1918–1920. K 100-letiju Grazhdanskoj vojny v Rossii» (g. Sankt-Peterburg, Central'nyj voenno-morskoj muzej im. Petra Velikogo, 25 aprelja 2019 g.). – SPB., 2020. – S. 50–72. (In Russ.).

ABU-L-HASAN `ALI IBN AL-HUSAJN IBN `ALI AL-MAS`UDI. *Zolotye kopi i rossypi samocvetov [Istorija Abbasidskoj dinastii: 749–947 gg.]* [Golden mines and placers of gems [History of the Abbasid Dynasty: 749-947]]. sost., per. s arab., prim., komm. i ukazateli D.V. Mikul'skogo. – M: Natalis, 2002. – 800 s. (In Russ.).

Azizbekov Meshadi – plamennyj borec za vlast' Sovetov: Rechi, dokumenty i materialy [Azizbekov Meshadi - a fiery fighter for the power of the Soviets]. – Baku: Azerbajdzhanskoe gos. izd-vo, 1976. (In Russ.).

BARTOL'D V.V. *Mesto prikaspijskih oblastej v istorii musul'manskogo mira* [The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world]. IN: Bartol'd V.V. Sochinenija. V 9-ti tomah. – M., 1967. –T. 2. – Ch. 1. – 1016 s. (In Russ.).

BASOV A.V. *Rol' morskogo transporta v bitve za Kavkaz* [The role of maritime transport in the battle for the Caucasus]. IN: Narodnyj podvig v bitve za Kavkaz: Sbornik statej / Otv. red. G.A. Kumanev. – M.: Nauka, 1981. – S. 141–157. (In Russ.).

BASOV A.V., GUTENMAHER G.I. *Persidskij koridor* [Persian corridor]. IN: Voenno-istoricheskij zhurnal. – 1991. – № 1. – S. 25–33. (In Russ.).

Bol'sheviki v bor'be za pobedu socialisticheskoj revoljucii v Azerbajdzhane: dokumenty i materialy 1917–1918 gg. [Bolsheviks in the struggle for the victory of the socialist revolution in Azerbaijan] / Pod red. Z.I. Ibragimova i M.S. Iskenderova. – Baku: Azerbajdzhanskoe gos. izd-vo, 1957. – 700 s. (In Russ.).

Bor'ba za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Dagestane. 1917–1921 [Struggle for the establishment and strengthening of Soviet power in Dagestan. 1917–1921.]. Sbornik dokumentov i materialov / Otv. red. G.A. Danijalov. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 537 s. (In Russ.).

BUTKOV P.G. *Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. V 3-h chastjah. – SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1869. – Ch. I. – 621 s. (In Russ.).

VASIL'EVA O.A. *Sovetsko-iranskij dogovor 1921 goda* [Soviet-Iranian Treaty of 1921]. IN: Nauchnye vedomosti. Serija «Filosofija. Sociologija. Pravo». – 2014. – № 16 (187). – S. 113–118. (In Russ.).

VESELAGO F.F. *Spisok russkih voennyh sudov s 1668 po 1860 g*. [List of Russian military vessels from 1668 to 1860]. – SPb.: Tip. morskogo ministerstva, 1872. – 754 s. (In Russ.).

VESELAGO F.F. *Ocherk russkoj morskoj istorii* [Essay on Russian maritime history]. – SPb.: Tip. Demakova, 1875. – Ch. 1. – 701 s. (In Russ.).

VESELAGO F.F. Kratkaja istorija russkogo flota [Brief history of the Russian fleet]. – M.: L.: Voenno-morskoe izdatel'stvo NKVMF SSSR, 1939. – 304 s. (In Russ.).

VISKOVATOV A.V. *Kratkij istoricheskij obzor morskih pohodov russkih i morehodstva ih voobshhe do ishoda XVII stoletija* [A brief historical overview of the Russian sea campaigns and their navigation in general until the end of the 17th century]. – SPb.: Tip. morskogo ministerstva, 1864. – 175 s. (In Russ.).

GARKAVI A.JA. *Skazanija musul'manskih pisatelej o Slavjanah i Russkih (s poloviny VII veka do konca X veka po R.H.)* [Tales of Muslim writers about the Slavs and Russians (from half of the 7th century to the end of the 10th century according to R.H.)]. – SPb., 1870. – 308 s. (In Russ.).

GOLUBEV A.M. *Kaspij. Bitva za neft'. 1918–1920 gg.* [Caspian. Battle for oil. 1918-1920]. IN: Materialy i doklady uchastnikov sed'moj nauchno-prakticheskoj konferencii «Raboche-Krest'janskij Krasnyj Flot v otrazhenii inostrannoj voennoj intervencii. 1918–1920. K 100-letiju Grazhdanskoj vojny v Rossii» (g. Sankt-Peterburg, Central'nyj voenno-morskoj muzej im. Petra Velikogo, 25 aprelja 2019 g.). – SPb., 2020. – S. 184–200. (In Russ.).

GORSHKOV S.G. *Chernomorskij flot v bitve za Kavkaz* [Black Sea Fleet in the battle for the Caucasus]. IN: Narodnyj podvig v bitve za Kavkaz: Sbornik statej / Otv. red. G.A. Kumanev. – M.: Nauka, 1981. – S. 80–97. (In Russ.).

GRECHKO A. *Bitva za Kavkaz* [Battle of the Caucasus]. – M.: Voenizdat, 1969. – 424 s. (In Russ.).

GRITCHENKO A., MEEROVICH E. *Kaspijskaja Krasnoznamennaja* [Caspian Red Banner]. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1974. – 84 s. (In Russ.).

GRODEKOV N.I. *Hivinskij pohod 1873 goda: Dejstvija kavkazskih otrjadov* [Khiva campaign of 1873: Actions of Caucasian detachments]. – SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1888. – 470 s. (In Russ.).

Deklaracija Soveta Respublik VS SSSR ot 26.12.1991 № 142-N [Declaration of the Council of Republics of the Armed Forces of the USSR of 26.12.1991 No. 142-N]. IN: Vedomosti Verhovnogo Soveta. – 1991. – № 52. (In Russ.).

Dopolnenie k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arheograficheskoj komissiej [Supplement to acts of historical, collected and published by the Archaeographic Commission]. V 12-ti

tomah. 1846–1872 gg. – SPb.: Tip. Jekspedicii zagotovlenija gosudarstvennyh bumag, 1853. – T. 5. – 535 s. (In Russ.).

ELISEEV A.V. *Skifija protiv Zapada: Vzlet i padenie Skifskoj derzhavy* [Scythia vs. West: The Rise and Fall of the Scythian Power]. – M., 2013. – 330 s. (In Russ.).

ZHADNOVA T. *Vekovoj jubilej Krasnoznamennoj Kaspijskoj flotilii: Voprosy teorii* [Centennial of the Red Banner Caspian Flotilla: Questions of Theory]. IN: Morskoj sbornik. 2020. № 4. – M.: Krasnaja zvezda, 2020. – 104 s. (In Russ.).

ISMAILOV JE. *Ocherki po istorii Azerbajdzhana* [Essays on the history of Azerbaijan]. – M.: Flinta, 2010. – 416 s. (In Russ.).

Istorija Dagestana s drevnejshih vremen do nashih dnej [The history of Dagestan from ancient times to the present day] / Otv. red. A.I. Osmanov. V 2-h t. T. 2. XX vek. – Mahachkala: Izd-vo «Jupiter», 2005. – 664 s. (In Russ.).

Istorija mnogovekovyh vzaimootnoshenij i edinenija narodov Dagestana s Rossiej: K 150-letiju okonchatel'nogo vhozhdenija Dagestana v sostav Rossii [The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia: On the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia] / Otv. red. A.I. Osmanov. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2009. – 752 s. (In Russ.).

Istorija narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century.]. – M.: Nauka, 1988. – 554 s. (In Russ.).

Istorija narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen (konec XVIII v. – 1917 g.) [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times (late XVIII century - 1917).]. – M.: Nauka, 1988. – 659 s. (In Russ.).

Istorija russkoj armii [History of the Russian army]. – M.: «Jeksmo», 2019. – 768 s. (In Russ.).

KADISHEV A.B. *Intervencija i grazhdanskaja vojna v Zakavkaz'e* [Intervention and Civil War in Transcaucasia]. – M.: Voenizdat, 1960. – 510 s. (In Russ.).

Kaspijskaja voennaja flotilija [Caspian Military Flotilla]. IN: Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR: Jenciklopedija / Hromov S.S. (otv. red.). – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1983. – 704 s. (In Russ.).

KVASHNIN-SAMARIN E.N. *Morskaja ideja v russkoj zemle: Istorija do Petrov. Rusi s voen.-mor. tochki zrenija* [Marine idea in Russian land: History before Petrov. Rus with military-sea. points of view]. – SPb.: Mor. gen. shtab, 1912. – 189 s. (In Russ.).

KIROKOS'JAN M.A. *Russkij flag na Kaspii: Dva stoletija Kaspijskoj flotilii (seredina XVII – seredina XIX veka). Piraty Kaspijskogo morja* [Russian flag in the Caspian: Two centuries of the Caspian flotilla (mid-XVII - mid-XIX centuries). Pirates of the Caspian Sea]. – M.: Voennaja kniga; Kuchkovo pole, 2013. – 416 s. (In Russ.).

Krasnoznamennyj Severokavkazskij: Ocherk istorii Krasnoznamennogo Severo-Kavkazskogo voennogo okruga [Red Banner North Caucasus: Essay on the history of the Red Banner North Caucasus Military District]. – Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. – 408 s. (In Russ.).

KUROPATKIN A.N. *Zavoevanie Turkmenii: Pohod v Ahal-tepe v 1880–1881 gg.: s ocherkom voen. dejstvij v Srednej Azii s 1839 po 1876 g.* [Conquest of Turkmenistan: Campaign in Akhal-tepe in 1880-1881: with an essay on the war. actions in Central Asia from 1839 to 1876]. – SPb.: tip. Je. Arngol'da, 1899. – 224 s. (In Russ.).

KURUKIN I.V. *Persidskij pohod Petra Velikogo: Nizovoj korpus na beregah Kaspija (1722–1735)* [Persian campaign of Peter the Great: Lower corps on the shores of the Caspian Sea (1722-1735)]. – M.: Kvadriga; Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 2010. – 381 s. (In Russ.).

KUCHIR' A.G. *«Kaspijskoe morehodstvo – delo gosudarevo»: Istorija bor'by za Kaspij* ["Caspian shipping is a matter of the sovereign": The history of the struggle for the Caspian].– SPb.: Morskoe nasledie, 2015. – 192 s. (In Russ.).

LOBANOV V.B., ALIZADE D.I. *K voprosu o Sovetskoj vlasti v Baku (1917– leto 1918 g.)* [On the question of Soviet power in Baku (1917 - summer 1918)]. IN: Russian Colonial Studies. – 2020. – 1(5). – S. 55–90. (In Russ.).

LYSCOV V.P. *Persidskij pohod Petra I. 1722-1723 gg.* [Persian campaign of Peter I. 1722-1723]. – M.: Izd-vo MGU, 1951. – 247 s. (In Russ.).

MAGARAMOV SH.A. *Predislovie* [Preface]. IN: Zapadnyj Prikaspij v sostave Rossijskoj imperii (1722–1735 gg.): sbornik arhivnyh dokumentov / Sost. E.I. Inozemceva, Sh.A. Magaramov, N.D. Chekulaev. – Mahachkala: Institut IAJe DFIC RAN; Mavraev##, 2020. – 376 s. (In Russ.).

MAGARAMOV SH.A., CHEKULAEV D.N., INOZEMCEV E.I. *Istorija Derbentskogo garnizona Rossijskoj imperatorskoj armii (1722–1735): K 300-letiju provozglashenija Rossijskoj imperii* [History of the Derbent garrison of the Russian Imperial Army (1722-1735): On the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire]. – M.: Izd-vo «Lotos», 2021. – 192 s. (In Russ.).

MAKOVSKIJ A.A., RADCHENKO B.M. *Kaspijskaja Krasnoznamennaja* [Caspian Red Banner]. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Voenizdat, 1982. – 176 s. (In Russ.).

MARKS K. I JENGEL'S F. *Sochinenija. Izdanie vtoroe* [Writings. Second edition]. – M.: Gospolitizdat, 1962. – T. 27. – 695 s. (In Russ.).

NOVOSEL'CEV A.P. *Vostochnye istochniki o vostochnyh slavjanah i Rusi VI – IX vv.* [Eastern sources about the Eastern Slavs and Russia VI-IX centuries]. IN: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. – M.: Nauka, 1965. – S. 355–419. (In Russ.).

Pod stjagom Rossii: Sbornik arhivnyh dokumentov [Under the banner of Russia: Collection of archival documents]. – M.: «Russkaja kniga», 1992. – 432 s. (In Russ.).

STEL'NIK B.JA. *Politicheskoe polozhenie v Azerbajdzhane i dejatel'nost' bol'shevikov v marte – aprele 1917 g.* [The political situation in Azerbaijan and the activities of the Bolsheviks in March – April 1917]. IN: Trudy Azerbajdzhanskogo filiala Instituta marksizma-leninizma pri CK KPSS. – Baku: Ob#edinjonnoe izdatel'stvo, 1958. – T. XXII. (In Russ.).

TUSHIN JU.P. *Russkoe moreplavanie na Kaspijskom, Azovskom i Chernom morjah (XVII vek)* [Russian navigation on the Caspian, Azov and Black Seas (XVII century)] / Otv. red. V.V. Mavrodin. – M.: Nauka, 1978. – 181 s. (In Russ.).

JUZEFOVICH T.P. *Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovye* [Agreements of Russia with the East political and trade]. – SPb.: Tip. O.I. Baksta, 1869. – 326 s. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Р. Сефербеков – младший научный сотрудник.

Information about the author

M.R. Seferbekov – junior researcher.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 930.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-331-350
EDN: HJDAOJ

ПРЕССА КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ХОДЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КРАЯ

Лема Абдоллаевич Турпалов[1], **Зарина Магомедовна Алхастова**[2]
[1] Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия, turpalov@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2008-039X
[2] Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный, Россия.

Аннотация. Ведущим инструментом идеологического обеспечения диктатуры пролетариата в российских национальных регионах после октябрьского переворота 1917 года служила местная пресса, сформированная и функционировавшая под контролем большевистской партии. Особенно сложно протекали процессы укрепления советской власти на Северном Кавказе в связи с тем, что социалистические идеи горцам были в большинстве неизвестны и малопонятны. Большевики тиражировали, в первую очередь через местную прессу, лозунг права наций на самоопределение для привлечения горских народностей на свою сторону. На страницах газет и журналов шла масштабная пропаганда национальной политики большевистской партии. Между тем в кавказоведении в недостаточной мере исследованы публикации в периодических изданиях первых десятилетий советской власти, посвященные этим вопросам. На современном этапе историко-журналистской науки возросла необходимость в переосмыслении положений и выводов научных разработок недавнего советского прошлого. В статье предпринята попытка раскрыть особенности освещения в северокавказской региональной прессе политики большевистской партии в сфере национально-государственного строительства в годы формирования большевистского тоталитарного режима на основе критического осмысления изданной научной литературы, изучения архивных материалов, контент-анализа региональных газет и журналов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, национально-государственное строительство, журналистика.

Для цитирования: Турпалов Л.А., Алхастова З.М. Пресса как источник исследования национально-государственной политики большевистской партии на Северном Кавказе в ходе социалистической модернизации края // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 331-350. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-331-350. EDN: HJDAOJ.

© Турпалов Л.А., Алхастова З.М., 2022

Original article

THE PRESS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE NATIONAL-STATE POLICY OF THE BOLSHEVIK PARTY IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE SOCIALIST MODERNIZATION OF THE REGION

Lema A. Turpalov[1], **Zarina M. Alkhastova**[2]

1 The Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Institute for Humanitarian Research of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia, turpalov@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2008-039X

2 The Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia.

Abstract. The leading instrument of ideological support of the proletariat dictatorship in the Russian national regions after the October revolution in 1917 served the local press, which was formed and functioned under the control of the Bolshevik party. Especially difficult was strengthening Soviet power in the North Caucasus because socialist ideas were unknown and poorly understood by the highlanders. Bolsheviks propagated, first through the local press, the slogan of the right of nations to self-determination to attract the mountain peoples to their side. Large-scale propaganda of the national policy of the Bolshevik Party was carried out in the pages of newspapers and magazines. Meanwhile, publications devoted to these issues in periodicals during the first decades of the Soviet power have been insufficiently studied in the Caucasus studies. At the present stage of historical-journalistic science, the need to rethink the provisions and conclusions of scholarly works of the recent Soviet past has increased. The article attempts to reveal the peculiarities of coverage in the North Caucasus regional press of the Bolshevik party policy in the sphere of national-state building during the Bolshevik totalitarian regime, based on the critical understanding of the published scientific literature, the study of archival materials, content analysis of regional newspapers and magazines.

Key words: nation-state building, North Caucasus, journalism

For citation: Turpalov L.A., Alkhastova Z.M. The press as a source for the study of the national-state policy of the Bolshevik party in the North Caucasus during the socialist modernization of the region. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 331-350. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-331-350. EDN: HJDAOJ.

© Turpalov L.A., Alkhastova Z.M., 2022

Введение

Лидеры большевизма уделяли особое внимание национальному вопросу, потому что от поддержки многочисленных народностей России зависела сама судьба советской власти. Провозгласив право на самоопределение и равенство всех наций, большевики представляли себе их реализацию специфически: решения принимает не большинство народа, а только пробольшевистски настроенная прослойка общества. Идеологи марксизма исходили из того, что нации как таковые исчезнут, и возникнет единая общность людей, объединенных идеей коммунизма.

Нужно отметить, что ленинская партия использовала довольно эффективно стремление угнетенных народностей к независимости для привлечения их на свою сторону. Партия задействовала все управленческие механизмы и ресурсы для укрепления своей власти. При этом печать рассматривалась как важнейшее средство распространения коммунистической идеологии среди населения национальных регионов. «Основополагающие принципы существования журналистики как системы, максимально приближенной к достижению основной

цели, – оптимального ее использования в качестве одного из инструментов государственного управления, были положены еще в первые годы большевистской власти…» [Тобольцева 2004: 9], – справедливо утверждает Н.М. Тобольцева

Вопросы же, касающиеся национальной идентичности, игнорировались как второстепенные в масштабном социалистическом строительстве и практически оказались под запретом для исследования в условиях коммунистического авторитарного режима. По этой причине в советской исторической науке сложился стереотип о поголовной поддержке советской власти в национальных окраинах бывшей царской империи. Главный аргумент данного тезиса – контент местных печатных органов, монопольно подконтрольных одной правящей партии.

Между тем специфические проблемы становления системы печати в республиках Северного Кавказа, особенности ее функционирования в период формирования тоталитарного режима, в частности, вклад национальной прессы в осуществление административно-командной системы власти в крае, в научной литературе рассмотрены фрагментарно и еще не обобщены. В международном научном сообществе эта тема вообще не разрабатывалась. Большинство работ российских ученых выполнены в советский период в условиях идеологического монополизма и страдают односторонним прокоммунистическим подходом, игнорированием небольшевистских изданий. Даже исследования перестроечного и постсоветского периодов не лишены этих недостатков. Так, отдельные выводы работ Д. Ахмедова, А. Камалова, М. Герандокова, З. Хуако [Ахмедов 1989; Ахмедов, Камалов 2006; Герандоков 1989; Хуако 1991] повторяют тезисы, характерные для советской науки. Исследования М. Каражаевой, Х. Текеевой, Ф. Магулаевой [Каражаева 2003; Текеева 2003; Магулаева 2010] выполнены с современных позиций, однако авторы не всегда последовательны в критике большевистских подходов прессы края к освещению национальной политики советского авторитарного государства. В связи с этим все еще остается актуальной задача пересмотра, сложившихся в коммунистическую эпоху идеологических штампов о триумфальном шествии советской власти в национальных окраинах, в частности, на Северном Кавказе и всеобщей ее поддержки местным населением, созданных на основе публикаций в периодических изданиях того периода.

Актуальность исследования большевистской практики формирования тоталитарной модели журналистики возрастает в связи с тем, что в современном российском обществе в последние годы стала очевидна тенденция усиления контроля государства над средствами массовой информации. По крайней мере, нельзя отрицать тот факт, что российские СМИ становятся все более единообразными и однополюсными в политическом отношении, что отличало журналистику советского авторитарного государства.

Предметная область исследования охватывает деятельность большевистской партии по использованию системы журналистики Северного Кавказа как важного инструмента в реализации программы формирования авторитарного коммунистического режима в крае. В методологии использован принцип историзма, позволяющий выявить взаимосвязь и взаимозависимость общественных процессов и функционирования прессы в конкретно-исторических условиях, контент-анализ публикаций региональных изданий. Источниковедческой базой

статьи являются публикации центральных директивных изданий, северокавказских газет и журналов по проблемам становления в крае национальных автономий, архивные документы, исследования, посвященные истории и опыту печати отдельных государственных образований Северного Кавказа в годы социалистических преобразований.

Целью данной работы является выявление особенностей пропаганды в местной прессе большевистской политики национально-государственного строительства на примере регионов Северного Кавказа, характеристика степени достоверности освещения в изданиях процессов социалистического преобразования края. Нами предпринята попытка выявить как позитивную, так и негативную роль краевой большевистской журналистики в пропаганде политики советского государства в сфере национально-государственного строительства.

В статье впервые введены в научный оборот доселе не исследованные северокавказские небольшевистские издания («Вольный горец», «Вестник Горской республики», «Терский казак»), с новых позиций пересмотрены оценки и выводы работ, выполненных в эпоху монополии коммунистической идеологии.

Основные результаты исследования

Ленинский лозунг права наций на самоопределение на самом деле был приманкой на этапе подготовки социалистического переворота и установления диктатуры большевистской партократии, завуалированной эпитетом «пролетарская». Об этом свидетельствуют тезисы национальной программы В.И. Ленина. «Пролетарская партия стремится к созданию более крупного государства, – писал он в работе «Задачи пролетариата в нашей революции», – ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций…» [Ленин 1969а: 167–168]. Подтверждает этот тезис и нетерпимость большевистской партии, захватившей власть в октябре, к возникшим на Северном Кавказе после падения царизма государственным образованиям: Терскому Казачьему войску и Союзу объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана.

Главным условием успешного осуществления большевистской программы создания унитарного государства было установление Советской власти на местах. Задача партии состояла в том, чтобы привлечь на свою сторону массы национальных окраин и через укрепление местных партийных ячеек, распространить диктатуру партократии на всю страну. А лозунг самоопределения наций использовался как тактический маневр. «Предоставление этого права неразвитым народностям, – заявлял М. Лацис в марте 1918 года в «Известиях ВЦИК», – без сильного или при совершенном отсутствии пролетарского элемента более чем опасно» [Лацис 1992: 75]. К таким регионам относился и Северный Кавказ.

Столь циничная политика не могла иметь успех без манипулирования массовым сознанием, серьезного идеологического сопровождения. Вот почему печати отводилась особая роль в развитии революционных процессов в отсталых национальных окраинах в силу того, что малограмотному местному населению не были понятны идеи социализма. Именно национальная печать стала центром, вокруг которой сплачивались пробольшевистски настроенные

силы национальных меньшинств. Газеты и журналы внушали массам мысль, что только Советская власть даст им подлинную свободу. Сотрудник «Известий» (Грозный) Г. Лагутин впоследствии вспоминал, что все выступления газеты в 1917–1919 гг. «были направлены в одну точку: ... будить революционную сознательность масс» [Лагутин 1922].

Нужно признать, что эта агитационно-пропагандистская деятельность советской печати помогала привлекать часть населения национальных окраин на сторону советской власти, хотя чаще всего заявления о всеобщей поддержке на Северном Кавказе национальной политики большевиков были сплошным блефом. Газета «Жизнь национальностей» 22 декабря 1918 г. писала, что «кабардинцы, ингуши, чеченцы... объявили священную войну всем врагам трудового народа… Все население Северного Кавказа, от мала до велика, проникнуто любовью к Советской власти». А северокавказская большевистская газета «Революционный горец», выходившая во Владикавказе, утверждала, что «горские массы, услышав зов подлинных защитников интересов трудовых масс – социалистов... поднимаются к новым зорям социальной революции» [Габиев 1918]. Подобные клише повторялись из номера в номер на страницах всех местных большевистских изданий. Между тем грозненских большевиков в Чечне поддерживала только небольшая группировка вооруженных горцев под командованием Асланбека Шерипова, которому в 1917 г. исполнилось всего 19 лет.

В большевистских газетах и журналах замалчивались случаи выражения недовольства политикой партии по социалистическому строительству, массовых антисоветских выступлений. На практике утверждалась диктатура большевистской партократии. «Формировалось общество, которое можно рассматривать в качестве первоначальной модели авторитарной системы со всеми присущими ей качествами: жестким централизмом, принудительным трудом и его милитаризацией, огосударствлением всех сфер жизни, – пишет Н. Тобольцева. – При отсутствии прочной социальной опоры власти прибегали к террору и насилию. В стране укреплялась командно-партийная диктатура во главе с узкой группой лиц, что дало основание даже старым членам партии упрекать Ленина в захвате «власти как самоцели» [Тобольцева 2004: 14]. По ее мнению, в России возникло пролетарское «самодержавие», где Ленину, как заявляли даже сторонники большевизма, принадлежала роль общепризнанного вождя.

Сразу после октябрьского переворота были заложены основы национальной политики на весь советский период. Государство формировалось как система иерархически упорядоченных национальных образований, в пределах которых официальные функции должен был выполнять язык соответствующего народа. Чем ниже был ранг национального образования, тем меньшей автономией оно пользовалось, но число общественных функций местных языков теоретически не уменьшалось, предполагалось, что в рамках, скажем, автономной республики ее титульный язык совершенно равноправен с языком соответствующей союзной республики, а язык союзной республики – с фактически общегосударственным русским языком [Белик, Крысин 2001: 372]. Но практически этот тезис не реализовывался.

Неравномерность развития национальных районов создавала трудности на пути строительства национальной государственности, которая имела первостепенное значение для укрепления диктатуры большевистской партократии. На VIII съезде РКП(б) В.И. Ленин говорил, что без учета национальных особенностей, без программы партии по национальному вопросу нам социализм не построить [Ленин 1969b: 183]. Основатель первого в мире социалистического государства указывал, что формы государственного устройства национальных меньшинств будут зависеть от уровня их социального, экономического и культурного развития. То есть изначально предполагалось, что этносы не будут иметь в государственном строительстве равные права. Об этом свидетельствует и разделение народов на титульные нации и нацменьшинства, которых Сталин цинично назвал «текучими национальными группами» [Сталин 1947: 26]. К таковым были отнесены и многие народности Северного Кавказа.

С другой стороны, большевистская партия вела политику унификации государственного строительства в национальных районах по содержанию: руководящая роль большевистских партийных организаций, подчиненных Центральному комитету. Разработанные партией многообразные формы национально-государственного устройства народов России (федерация, автономия, национально-административные образования) только внешне отличались друг от друга, но по сути являлись разновидностями единой диктатуры большевизма.

Печать была активным проводником национальной политики ВКП(б). Деятельность прессы в этом направлении включала целый комплекс вопросов: разъяснение основных тезисов ленинской национальной политики, пропаганда советской государственной модели, помощь в организации государственных учреждений, в подготовке национальных кадров и так далее. При этом нужно отметить, что национально-государственное строительство у народностей Северного Кавказа протекало в исключительно сложных условиях и имело ряд особенностей, нашедших свое отражение в национальной партийно-советской прессе. Прежде всего, большинство местных народов ранее не имели своей государственности. Другая сложность заключалась в том, что на Северном Кавказе фактически отсутствовали кадры для строящегося государственного аппарата. Большинство народностей края не имело даже своей письменности, что создавало проблему ведения делопроизводства на местных языках. Местной печати принадлежит важная роль в ликвидации отсталости национальных окраин, что являлось важнейшей предпосылкой создания государственности в национальных областях. Пресса стала основным средством идеологического сопровождения политики национально-государственного строительства.

Большевистская партия, вопреки провозглашенному праву на самоопределение, не могла признать возникшую в 1917 г. северокавказскую государственность в форме демократической федерации. После октября большевики предприняли ряд мер для установления советской власти на Северном Кавказе. На первом съезде народов Терской области в январе 1918 г. горское и казачье правительства объединились. Антисоветская позиция на съезде уступила большевистской. И в том, что делегаты съезда выступили в поддержку советской власти, немалая заслуга принадлежит местной большевистской прессе, которая

внедряла в сознание горских масс принципы ленинской национальной политики. Орган Терского совета газета «Народная власть» призывала: «И дело революции, дело крепкой защиты интересов трудовых масс всех народов, населяющих Терскую область, будет обеспечено только тогда, когда в каждом городе, в каждой слободе и станице, в каждом селении и ауле будет прочно организована народная власть» [От редакции 1918].

Следует отметить, как особенность то, что в Терской республике, наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов (в пролетарских районах Грозного и Владикавказа) существовали и Народные Советы, которые возникли еще до установления Советской власти. С этим вынуждено было считаться и советское правительство. Это пример умелой тактики большевиков, которые «обдуманно видоизменяли ее применительно к различию конкретных условий» [Ленин 1970b: 198]. В местных изданиях («Народная власть», «Революционный горец», «Терский трудовой казак» – Владикавказ; «Известия», «Терский край» – Грозный; «Адыгэ макъ» («Голос адыга») – Нальчик и других) можно найти довольно обширный материал по теме установления советской власти в крае.

Терская автономная республика просуществовала около года. В феврале 1919 г. Деникин занял Северный Кавказ. В этих условиях в отдельных регионах Северного Кавказа возникли локальные государственные образования с антисоветской ориентацией, во главе которых стояли как ставленники Деникина, так и местные национальные лидеры. На антибольшевистской позиции стояло и Горское правительство, эмигрировавшее в Грузию. Белогвардейские власти вели с большевизмом борьбу не только военными действиями, но и широко поставленной пропагандой. Уже в октябре по распоряжению правителя Дагестана Н. Тарковского была учреждена газета «Дагестан» (с марта 1919 г. «Вестник Горской республики»). Газета позиционировала себя как орган народностей Северного Кавказа и выступала против не только большевистской власти, но и Добровольческой армии. С приходом к руководству республики генерала Добровольческой армии М. Халилова газета стала поддерживать деникинскую власть, «которая приняла на себя великую задачу излечения России от ужасной болезни – большевизма» [От редакции 1919]. В различных областях края появились антибольшевистские издания: «Карачай» и «Адыге» в Екатариндаре, «Эльбрус» и «Кабардинец» в Нальчике, в Дагестане «Возрождение», «Русская мысль», «Дагестанские областные ведомости». Координировало эту работу Осведомительное агентство (ОСВАГ) деникинского правительства, переименованное в январе 1919 г. в Отдел пропаганды. Летом 1919 г. отдел в северокавказских регионах издавал более ста единиц печатных изданий белогвардейского направления [Катков 1977: 16]. Между тем надо признать, что Белое движение на Северном Кавказе не пользовалось поддержкой населения. Неприятие власти деникинцев горским населением было связано и с политикой навязывания форм управления национальными территориями без учета их особенностей. Лозунг «За Великую, Единую, Неделимую Россию!» отпугивал национальные окраины. Большевики же обещали национальностям право на самоопределение.

В газете «Терский казак» было опубликовано обращение командующего войсками Южного региона Северного Кавказа генерал-майора Д.П. Драценко, в

котором содержалась угроза экзекуции в отношении жителей, укрывающих участников отрядов сопротивления. «Предупреждаю, – говорилось в обращении, – что все аулы и сакли, не исполнившие настоящий приказ, понесут суровое наказание» [Драценко 1919]. Такая пропаганда настраивала горцев против Добровольческой армии. Однако, если сравнивать с большевистским контролем печати, политика командования Добровольческой армии в этой сфере была достаточно либеральной. По крайней мере, формально свобода печати не была запрещена, хотя деникинское правительство оказывало сильное давление на редакции.

Особую группу небольшевистских изданий на территориях подконтрольных Белой армии, составляли органы местных властей, а также частные и партийные газеты и журналы. К такому средству массовой информации можно отнести «Ведомости Грозненского градоначальства», «Вестник Горской республики» (Дагестан), «Терский край» (Грозный), «Свободный Терек» (Владикавказ) [Молчанов 2002: 30]. Для историков представляет интерес – орган северокавказской демократической мысли – газета «Вольный горец», которую издавал осетинский просветитель Ахмет Цаликов в Тбилиси в годы гражданской войны. На ее страницах критиковались как деникинские, так и большевистские порядки. «Горцы многократно заявляли, – представляет свою позицию издание, – что они не намерены вмешиваться в борьбу больших сил, что они не хотят участвовать в решении вопроса «Деникин или Ленин» ибо ни то ни другое решение этого вопроса не может удовлетворить их, пока и та и другая из воюющих в России сторон питается империалистическими вожделениями на счет горцев» [Сул. Тан 1919]. Нужно отметить, что публикации либеральных изданий, как правило выходивших без цензуры, содержат более объективную информацию, что важно для ученых-историков. Между тем эти издания до сих пор остаются вне поля зрения исследователей.

Отряды просоветски настроенных местных народностей вели партизанскую войну против деникинцев. Кроме того, большевики обещаниями сохранить сформировавшиеся веками формы народного самоуправления, шариатское судопроизводство, склонили местных религиозных лидеров к выступлению против армии Деникина. На Северном Кавказе в это время находился Чрезвычайный комиссар Юга Советского правительства Г.К. Орджоникидзе. Первого апреля 1920 г. он в телеграмме В.И. Ленину сообщал: «Освобождение от белых Северного Кавказа, Кубани, Ставрополья, Черноморья, Терской и Дагестанской областей стало свершившимся фактом» [Магулаева 2010: 33]. Как только завершился разгром белогвардейской армии в крае, советская власть безжалостно расправилась с местными лидерами и религиозными деятелями, с чьей помощью была одержана победа.

Так, в условиях Гражданской войны закладывались основы будущих советских республик и областей Северного Кавказа. После восстановления Советской власти в крае большевистская партия приступила к строительству национальных государств и государственных объединений. Главная трудность заключалась в том, что идеи социализма были крестьянской массе народностей

непонятны и не пользовались такой поддержкой как в промышленно развитых центральных областях.

Важную роль в выработке форм государственного устройства северокавказских народов играла местная печать. Хотя она освещала вопросы национально-государственного строительства односторонне, по указке партийных комитетов, публикации в определенной степени позволяют сформировать представление о противоречивости и сложности протекавших процессов. Так, «Адыгейская правда» заявила на первой полосе: «...Октябрьский переворот дал свободу и самоопределение меньшинств в России, в том числе и Адыгейскому народу, который теперь имеет свою автономную область. Получив себе автономию, адыгейский народ поставит своей первой целью изжить ту темноту горцев, которая досталась от бывшей царской власти» [Иваницкий 1922]. Однако такие лозунги не подкреплялись конкретной практикой и часто опровергались другими публикациями. В том же номере в другой статье от тезиса «темноты и отсталости» адыгейских племен, «проживающих у северного подножья Кавказских гор уже тысячелетия», не осталось и следа. «Черкесы издревле занимались земледелием; сеяли: просо, ячмень, кукурузу и возделывали огородные овощи, – пишет автор. – Имели конские табуны, огромные стада рогатого скота, коз, овец. Умели разводить хорошие сады, распространено было пчеловодство. Скотоводческие хозяйства у черкесов стояли высоко: выращена была специальная порода скота и лошадей, которая прекрасно приспособилась климатическим и прочим природным условиям края» [Сиюхов 1922]. Эти две цитаты противоречат друг другу. Между тем первая представляет из себя вымученную и не очень грамотную фразу, навязанный лозунг. А вторая – живая картина из жизни горцев. Отсюда следует, что исследователям нужно относиться к газетным текстам большевистской прессы критически.

Особенностью строительства социализма в республиках Северного Кавказа явилось то, что с первых дней установления Советской власти государственной формой диктатуры пролетариата здесь стали не Советы, а революционные комитеты. Это было вызвано сложностью обстановки и остротой классовой борьбы. Ревкомы не набирались, а назначались вышестоящими органами власти, они были призваны укрепить диктатуру пролетариата и, тем самым, подготовить переход к Советам. Целенаправленная пропаганда в изданиях ревкомов, введенных волевым образом, подчеркивает, что триумфального шествия советской власти на Северном Кавказе не было. Краевой революционный комитет, созданный 31 марта 1920 г, возглавил Серго Орджоникидзе.

В начале 20-х гг. была образована Дагестанская Автономная Советская Социалистическая республика. Краевая газета «Советский Юг» выпустила полосу 30 мая 1920 г., посвященную предоставлению народам Дагестана автономии. В письмах читателей, опубликованных газетой, приветствовалось образование ДАССР.

Летом 1920 г. печать Северного Кавказа широко обсуждала проблему национально-государственного строительства народностей, входивших в Терскую область. Местные издания провели большую агитационно-пропагандистскую работу в период подготовки к съезду народов Терека, на ко-

тором 17 ноября 1920 г. была провозглашена Автономная Горская Социалистическая Советская Республика. В ее состав вошли народности Северного Кавказа: чеченцы, осетины, ингуши, кабардинцы, балкарцы, черкесы [Магулаева 2010: 38].

«Мы, трудовые чеченцы, в течение веков стоявшие под гнетом царизма и капитализма, приветствуем Советскую власть...» [И чеченцы с нами 1920], – заявила в газете «Коммунист» от имени всего народа небольшая группа жителей села Старые Атаги, которые пришли послушать лекцию политагитатора. Образование Горской республики использовалось в целях пропаганды достижений советской власти, преподносилось как величайшее достижение большевистской национальной политики.

Органом Горского обкома РКП(б) и ЦИК ГАССР стала газета «Горская правда», которая играла важную роль в реализации национальной политики на Северном Кавказе. «Горская правда» регулярно публиковала статьи по проблемам национально-государственного строительства в крае, широко освещала работу советских органов власти, критиковала тех, кто в той или иной степени недостаточно последовательно проводил линию партии. «Положение в наших сельских ячейках и округах довольно серьезное, – сообщает «Горская правда» в 1922 г. – Возьмем, к примеру, такие округа, как Чеченский и Ингушский. Работа там почти застыла: советская еле прозябает, партийная заглохла» [С 1922]. Своими корреспонденциями, в которых содержался анализ деятельности органов власти в национальных округах, «Горская правда» способствовала укреплению диктатуры большевиков.

Советское строительство в республиках Северного Кавказа затруднялось тем, что их экономика была разрушена гражданской войной. Только в Чечне было уничтожено 20 аулов, имелось 25 тысяч беспризорных детей [АУ ЧР. Ф. 584. Оп. 1, Д. 23. Л. 102], область потеряла 30 процентов населения [АУ ЧР. Ф. 584, Оп. 1, Д. 23. Л. 288]. Лидер Советской республики В.И. Ленин лично интересовался ситуацией в крае. Он телеграфировал 25 апреля 1920 г. Орджоникидзе: «Уполномочиваю Вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь им. Выдайте им в счет этого до 200 миллионов…» [Ленин 1970а: 178].

Важной вехой национально-государственного строительства в стране стало создание в 1922 г. СССР. В соответствии с Конституцией новое государственное образование должно было обеспечивать равноправие всех вошедших в союз республик. Также предоставлялась автономия малым народам, у которых не было еще своей самостоятельной государственности. Именно с этих позиций велась пропаганда СССР в печати, в том числе и местной. Так, пресса Северного Кавказа публиковала многочисленные материалы, в которых подчеркивалось, что образование СССР создает благоприятные условия для развития процесса национально-государственного строительства.

В 1922–1924 гг. завершилось формирование национально-государственной структуры северокавказских областей. Историческая задача Горской АССР как единой автономии горских народов состояла в том, чтобы, объединив их экономические ресурсы, совместными усилиями обеспечить восстановление

народного хозяйства, укрепить связи между регионами края и тем самым подготовить условия для создания национальных автономных образований горских народов. В то же время народы Северного Кавказа выражали желание создать свои национальные государственные образования. Печать Горской АССР активно поддержала это движение. «Горская правда» печатала подборки писем читателей, в которых они высказывались в поддержку развития национальной государственности каждого народа.

ВЦИК РСФСР выделил из состава Горской АССР отдельные автономные области всех народностей Северного Кавказа. «Из коллективной формы государственного образования, что было в Горской АССР, – отмечает Х. Текеева, – зарождалась самостоятельная национальная государственность всех автономий, входивших в нее. Выступления периодики тех лет дают основания говорить о том, насколько трудным и неоднозначным с оценки всех сил, участвовавших в этом процессе, было это время… Заголовки газетных публикаций передают чувства и настроение народов Северного Кавказа, обретших свою национальную государственность» [Текеева 2003: 47].

10 декабря 1922 г. «Горская правда» обнародовала решение Правительства об образовании Чеченской автономной республики. Вскоре газета выступила со статьей, озаглавленной «Автономия Чечни», в которой анализировались проблемы развития автономной области, рассказывалось об историческом пути развития чеченского народа. Одновременно велась пропаганда советской системы. «Объявление Чечни автономной областью, – пишет газета, – является лучшим показателем того, что лишь рабоче-крестьянская власть способна обеспечить маленьким отсталым народам право на жизнь и развитие» [Автономия Чечни 1923]. Вслед за Чечней стали самостоятельными автономиями и другие области края, а Горская республика была упразднена.

Все местные большевистские издания выступали с выражением удовлетворения решением Советского государства. Газета «Горская правда», сообщая о собрании представителей аулов и сел Северной Осетии, посвященном образованию автономной области, писала, что в речах всех делегатов «сказывалась радость и уверенность, что автономия ускорит в Осетии развитие экономического и культурного поступательного движения и приобщит ее в недалеком будущем к культурным народам» [Т-и 1924]. Ингушская газета «Сердало» в статье «Горская республика упразднена» поддержала решение правительства. В статье анализируется деятельность ГАССР, ее вклад в развитие народностей Северного Кавказа, приветствуется образование Ингушской автономной области [Горская республика упразднена 1924].

Национально-государственное строительство в автономиях Северного Кавказа встречалось с такими трудностями, которые не были характерны для центральных районов. В национальных областях в начальный период социалистического строительства практически отсутствовал промышленный пролетариат, низким был культурно-образовательный уровень. С другой стороны, в памяти горцев все еще оставалась Кавказская война XIX в., которая отличалась жестокостью российской армии по отношению к местному населению. В регионе все еще сильны были позиции духовенства, старейшин. Так, в результате

выборов 1920 гг. в Советах Чечни оказалась сильная антибольшевистская прослойка. То есть местные советы оказались по своему составу не угодными новой власти. Первая же попытка свободного волеизъявления народа была пресечена на корню. Большевистская власть напрочь отбросила провозглашенный лозунг самоопределения наций. Была развернута пропаганда в печати о якобы массовых выступлениях горцев против антибольшевистских советов. На страницах газет преподносилась, что эта «инициатива» исходит от «трудящихся масс».

Десятого сентября 1921 г. в Чечне были распущены Советы и созданы ревкомы. В начале 1922 г. под руководством ревкомов были проведены новые выборы в Советы. Окружной съезд Советов избрал также новый состав исполкома Чеченского округа. Однако, хотя антибольшевистская прослойка в Советах значительно сократилась, они оставались под влиянием духовенства. В связи с этим вновь возникла необходимость распустить Советы. В 1922 г. окрисполкомы Чечни и Ингушетии были упразднены и заменены ревкомами [Юсупов 1968: 13].

Эти факты подчеркивают остроту классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в период строительства фундамента социализма. Важнейшим орудием большевиков в борьбе с оппонентами была печать. Заслуживает внимания кампания, развернутая газетами «Серло» и «Грозненский рабочий» по очернению одного из чеченских религиозных авторитетов шейха Али Митаева. Он пользовался довольно сильным влиянием среди горского крестьянства, имел даже свои шариатские полки, то есть располагал реальной силой. Местная партийно-государственная верхушка вынуждена была с ним считаться, и он был введен в состав Чеченского ревкома. Одновременно в местной прессе появлялись статьи, в которых критиковалась его деятельность. Судьба А. Митаева была предрешена, вскоре он стал очередной жертвой советской власти, один из тысяч. Акция по его устранению была осуществлена сотрудниками местного ОГПУ 18 апреля 1924 г. в соответствии с указаниями большевистского руководства. Как отмечает исследователь А. Бугаев, религиозный фактор не вписывался «в планы и сценарии советизации горских регионов» [Бугаев 2019: 121]. Убийство религиозного авторитета вызвал негодование среди местного населения. По всей области прокатились протестные акции. Однако местные издания оставили их без внимания.

Для дискредитации тех, кто не был согласен с командно-административными методами в национально-государственном строительстве, большевистская партия использовала прежде всего прессу. Направляли эту деятельность местных редакций центральные и региональные органы, чаще всего навязывая формы и методы работы, непопулярные среди горцев. Как отмечает З.Ю. Хуако, «…под воздействием социально-политических деформаций они переходили к публикациям директивного характера. Следуя примеру журнала «Большевистская печать», особенно преуспевавшего в стремлении обосновать и внедрить в практику такой «принцип» прессы, как «революционная большевистская бдительность», региональный журнал «Революция и горец» ставил в вину национальной печати то, что она не занималась на должном уровне вопросами улучшения советского аппарата, в том числе низового, аульского. Утвер-

ждалось, что «в этом аппарате много чуждого, классово нам враждебного, который в условиях обостряющейся классовой борьбы использует свое положение, подкапывается под нас, бьет нас с «тыла», следовательно, ведет явно контрреволюционную работу» [Хуако 1991: 67].

Однако среди местных горцев влияние религии и шариата – свода юридических законов, основанного на мусульманстве – было настолько сильным, что их игнорирование могло усилить антисоветские настроения у значительной части населения. Поэтому в некоторых северокавказских регионах были сохранены шариатские суды. Но параллельно шла пропагандистская кампания против шариата, а наиболее активные представители духовенства подвергались репрессиям. В постановлении Чеченского Оргбюро РКП(б) от 9 декабря 1925 г. указывалось на необходимость «дискредитации института шарсудов в глазах населения» [АУ ЧР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 2].

Конечно, в авангарде борьбы с шариатским движением шла местная печать. Страницы местных изданий заполнялись публикациями о фактах якобы мошенничества руководителей шариатских судов, измышления о «антигосударственной» деятельности местных советов, в которых состояли религиозные деятели, просветители, пользующиеся авторитетом среди населения. То есть газеты и журналы способствовали оправданию действий властей по советизации государственной власти, закрытию шариатских судов и репрессий против религиозных деятелей. В итоге шариатские суды не без содействия печати были упразднены в Чечне, Дагестане, Кабарде, Карачаево-Черкесии и других национальных областях. Уже во второй половине 1920-х гг. восторжествовала командно-административная система управления. Страницы газет и журналов были заполнены публикациями о «счастливой жизни горцев», благодарных советской власти. Правда, реальность была далека от идиллической картины, которую рисовала большевистская пресса.

В ходе национально-государственного строительства осуществлялась такая важная задача, как выдвижение в органы государственного и хозяйственного управления, в культурно-просветительные учреждения представителей местного населения, знающих язык, быт и традиции горцев. Эта политика, проводившаяся партией во всех национальных районах на начальном этапе построения социализма, известна, как политика коренизации. То есть большевистская партия создавала таким образом на местах прослойку преданных своей организации представителей. «Ввиду громадной важности, – говорилось в резолюции XII съезда партии, – какую имеет деятельность ответственных работников в автономных и независимых республиках ... съезд поручает ЦК позаботиться об особо тщательном подборе этих работников, с тем, чтобы состав их полностью обеспечивал действительное проведение в жизнь решений партии по национальному вопросу» [По национальному вопросу... 1984: 88].

Отсутствие национальных кадров мешало выполнению постановления Президиума ВЦИК от 14 апреля 1924 г. «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки», в котором указывалось, что «в целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и

привлечения последнего к активному советскому строительству, считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки» [Казанбиев 1970: 307].

В докладах местных партийно-советских руководителей, на страницах областных газет утверждалось, что коренизация в национальных автономиях Северного Кавказа протекает успешно. Однако столь оптимистические рапорты не соответствовали реальной картине. Так, в автономных республиках и областях Северного Кавказа и к концу 1920-х гг. ощущалась острая нехватка кадров из коренного населения. Об этом свидетельствуют цифры, приведенные в Северо-Кавказском краевом журнале «Революция и горец» в 1929 г. В Черкесии из 30 секретарей аульных советов не было ни одного черкеса. В Кабардино-Балкарии из 79 – только один кабардинец. В Карачае – из 36 только 6 карачаев, в Адыгее – из 48 один адыг. Более благоприятное положение было в Северной Осетии и Ингушетии, где процент секретарей аулсоветов из коренной национальности составлял соответственно 89,9 и 64 процента [Нагиев 1929: 32].

Вопрос о кадрах в период строительства фундамента социализма был также одной из самых сложных проблем в регионах [Литвиненко 1964: 139]. Для работы в государственных органах требовались грамотные представители коренного населения. До революции возможность получить образование имели только единицы. Этим объясняется то, что в государственных органах национальных областей и республик было много работников непролетарского происхождения. К таковым большевистская партия относилась настороженно. А в 30-е гг. они поголовно попали под пресс репрессий. Заявляемые в отчетах успехи программы ликвидации неграмотности среди горцев на деле представляли из себя только слова. По данным приведенным журналом «Революция и национальности», в 1930 г. процент неграмотных председателей аульских советов в крае составлял – 30. А в Чеченской области он доходил до 70-ти [Мостовая 1930: 52]. При этом надо учитывать, что на должность сельской главы в первую очередь назначались именно овладевшие грамотностью. То есть третья часть аулов вообще не имела ни одного грамотного представителя коренной национальности. Вот почему на должности секретарей сельских советов назначались, как правило, русские из городов (а иногда из других регионов). Такое положение не позволяло вести полноценно организаторскую и культурно-просветительскую работу в аулах: сотрудники аппарата не знали местные языки, а население – русский. Объявленная большевистской партией политика коренизации аппаратов учреждений национальных регионов и перевода делопроизводства на родные языки не получала практического воплощения. Газета «Адыгейская жизнь» в 1929 г. писала: «В облисполкоме всего работает 201 ч.; из этого количества 37 чел. черкесов или 18,4 проц.», все областные учреждения за год составили всего «7 бумажек на черкесском языке» [Мезох 1929].

Этим объясняется то, что большевистское руководство вынуждено было снова и снова ставить задачу воспитания национальных кадров из среды рабочих и крестьян [Голынский 1932: 27]. На IV Северо-Кавказской краевой партийной конференции отмечалось, что в национальных областях региона «в во-

прос о кадрах упираются все остальные вопросы: и вопросы советского строительства, и вопросы коллективизации, и вопросы роста партии» [Литвиненко 1964: 140].

В связи с этим и прессе отводилась важная роль в организации агитационно-пропагандистской и организаторской деятельности по привлечению представителей горских национальностей в учебные заведения. Национальная пресса разъясняла массам, что без подготовки собственных кадров не может быть и речи о развитии регионов. В газетах подвергались критике те ответственные работники, которые недооценивали важность коренизации в национальных областях.

Заключение

Национальные СМИ являлись инструментом большевистской партии в ходе реализации программы социалистических преобразований национальных окраин. Выступления местной прессы обеспечивали идеологическую базу программы национально-государственного строительства в автономиях Северного Кавказа. В связи с этим можно утверждать, что одна из составляющих национальной политики большевистской партии, провозглашенная как программа преодоления отсталости окраин России, была вызвана не столько стремлением содействовать сохранению самобытности народностей, сколько прагматической целью распространения марксисткой идеологии, стирания национальной идентичности и сформирования единой социалистической общности.

Печать превратилась в инструмент пропаганды идей социализма среди народностей России, играла значительную роль в укреплении диктатуры большевистской партии, в становлении авторитарного режима в стране. Пресса использовалась для дискредитации религии, искоренения национальных традиций и обычаев, превращение общества в послушную массу. В то же время тезисы советской историко-журналистской науки о массовости периодических изданий, высокой эффективности в распространении марксисткой идеологии среди горцев не соответствуют действительности. Северокавказские большевистские издания первых лет советской власти, как правило, имели небольшие тиражи, часто прерывались по разным причинам, не отличались четкой периодичностью выхода. Это позволяет сделать вывод, что местная партийно-советская журналистика не пользовалась ни доверием, ни авторитетом в горских обществах. Вместе стем критический анализ содержания выступлений северокавказской прессы в годы социалистической модернизации края позволяют в определенной степени создать объективную картину действительности сталинской эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Автономия Чечни 1923 – *Автономия Чечни.* Б/а. // Горская правда. – 1923. – 14 января.

АУ ЧР – *Архивное управление* Чеченской Республики (АУ ЧР).

Ахмедов 1989 – *Ахмедов Д. Н.* Национальная печать Северного Кавказа (1917–1937). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 136 с.

Ахмедов, Камалов 2006 – *Ахмедов Д., Камалов А.* Столетие дагестанской прессы (история возникновения, становления и развития журналистики Страны гор). – Махачкала: Союз журналистов РД, 2006. – 252 с.

Белик, Крысин 2001 – *Белик В.И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. – М.: Российский гуманитарный университет, 2001. – 439 с.

Бугаев 2019 – *Бугаев А.М.* Исторический опыт строительства национальной автономии чеченского народа (1917–1936 гг.). Учебное пособие. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 244 с.

Габиев 1918 – *Габиев С.* 25-е Октября и горцы Кавказа // Революционный горец. – 1918. – 27 октября.

Герандоков 1989 – *Герандоков М.Х.* Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: «Эльбрус», 1989. – 154 с.

Голынский 1932 – *Голынский П.* За большевистские кадры нацпарторганизаций // Революция и горец. – 1932. – № 1. – С. 26–31.

Горская республика упразднена 1924 – *Горская республика упразднена.* Б/а. // Сердало. – 1924. – 1 августа.

Драценко 1919 – *Драценко Д.П.* Обращение к чеченцам горной Чечни // Терский казак. – 1919. – 1 ноября.

И чеченцы с нами 1920 – *И чеченцы с нами.* Б/а. // Коммунист. – 1920. – 4 июля.

Иваницкий 1922 – *Иваницкий А*. Что сделала Октябрьская революция // Адыгейская правда. – 1922. – 7 ноября.

Казанбиев 1970 – *Казанбиев М. А.* Особенности национально-государственного строительства в Дагестане в период перехода к социализму // Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР: Материалы научной сессии в Душанбе, май 1968 г. – Душанбе, 1970. – С. 305-311.

Каражаева 2003 – *Каражаева М. Б.* Становление системы журналистики Северной Осетии: Путь к автономии, 1917–1924 гг.: дис… к.ф.н. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. – 186 с.

Катков 1977 – *Катков Н.Ф.* Агитационно-пропагандистская работа в войсках в тылу белогвардейцев в период 1918-1920 гг. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 168 с.

Лагутин 1922 – *Лагутин Г.* История нашей газеты. – Нефтерабочий. – 1922. – 5 мая.

Лацис 1992 – *Лацис М.* Абсурд федерализма // Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?: [Сборник] / [Сост. А. П. Ненароков и др.]. – М.: Изд. центр "Терра", 1992. – С. 73–75.

Ленин 1969a – *Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии) // Полн. собр. соч., изд. 5-е. – М.: Изд-во политической лит.-ры, 1969. – Т. 31. – С. 149–186.

Ленин 1969b – *Ленин В. И.* Заключительное слово по докладу о партийной программе на VШ съезде РКП(б) 19 марта 1919 г. // Полн. собр. соч., изд. 5-е. – М.: Изд-во политической лит.-ры, 1969. – Т. 38. – С. 174–184.

Ленин 1970a – *Ленин В. И.* Телеграмма Г.К. Орджоникидзе, 15 апреля 1920 г. [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. – М.: Изд-во политической лит.-ры, 1970. – Т. 51. – С. 178.

Ленин 1970b – *Ленин В. И.* Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики // Полн. собр. соч., изд. 5-е. – М.: Изд-во политической литры, 1970. – Т. 43. – С. 198–200.

Литвиненко 1964 – *Литвиненко Н. И.* Борьба за выращивание национальных кадров // Материалы научной сессии по истории Чечено-Ингушетии (1860–1940). – Известия Чеч.-Инг. науч. исслед. ин-та при Совете Министров ЧИАССР, т. IV. вып. I. – История. – Грозный, 1964. – С. 139–142.

Магулаева 2010 – *Магулаева Ф. А.* Становление и развитие прессы Карачая (1918–1959). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 288 с.

Мезох 1929 – *Мезох Ч.* Коренизация аппарата // Адыгейская жизнь. – 1929. – 11 июля.

Молчанов 2002 – *Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). – М.: Издатпрофпресс, 2002. – 272 с.

Мостовая 1930 – *Мостовая Е.* Советы в национальных республиках и областях // Революция и национальности. – 1930. – № 4-5. – С. 47–57.

Нагиев 1929 – *Нагиев Дж.* Задачи коренизации советского аппаратв а нацобластях С.-К. Края. // Революция и горец. – 1929. – № 1-2. – С. 29–37.

От редакции 1919 – *От редакции*. Б/а. // Вестник Горской республики. – 1919. – 1 июня.

От редакции 1918 – *От редакции*. Б/а. // Народная власть. – 1918. – 9 апреля.

По национальному вопросу 1923 – *По национальному вопросу*: Резолюция XII съезда РКП (б), 17–25 апреля 1923 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1984. – С. 79–88.

С 1922 – *С.* К неделе по укреплению партии. Горская правда. – 1922. – 23 мая.

Сиюхов 1922 – *Сиюхов Сефер-бей.* Воскресение из мертвых // Адыгейская правда. – 1922. – 7 ноября.

Сталин 1947 – *Сталин И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП (б) // Собрание сочинений в 18 томах. – Т. 5. – М.: Гос. изд.-во политич. лит.-ры, 1947. – С.15–29.

Сул. Тан 1919 – *Сул. Тан*. Организационный период // Вольный горец. – 1919. – 3 ноября.

Текеева 2003 – *Текеева Х. А.* Национальная печать Северного Кавказа: формирование, структура, тенденции (на материалах периодики Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. 1920–1936 гг.) [Текст]: дис. … к.ф.н. – Москва, 2003. – 150 с.

Тобольцева 2004 – *Тобольцева Н.М.* Тоталитаризм и журналистика. – М.: Московский гос. ун-тет им. М.В. Ломоносова. Фак. Журналистики, 2004. – 143 с.

Т-и 1924 – *Т-и.* Торжественное собрание // Горская правда. – 1924. – 17 августа.

Хуако 1991 – *Хуако З.Ю.* Формирование системы печати в условиях советской автономии (на опыте партийно-советской прессы народов Северного Кавказа. 1920–1936 гг.).: дис. ... д.и.н. – Москва, 1991. – 294 с.

Юсупов 1968 – *Юсупов П.И.* Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920–1925 гг.). – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1968. – 64 с.

REFERENCES

AHMEDOV D., KAMALOV A. *Stoletie dagestanskoj pressy (istoriya vozniknoveniya, stanovleniya i razvitiya zhurnalistiki Strany gor)* [The centenary of the Dagestan press (history of the emergence, formation and development of journalism of the Country of Mountains)]. – Makhachkala: Union of Journalists of the Republic of Dagestan, 2006. 252 p. (In Russ.).

AHMEDOV D.N. *Natsional'naya pechat' Severnogo Kavkaza (1917–1937)* [National Seal of the North Caucasus (1917–1937)]. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1989. – 136 s. (In Russ.).

Belik V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. – M.: Rossiiskii gumanitarnyi universitet, 2001. – 439 s. (In Russ.).

BUGAYEV A.M. *Istoricheskiy opyt stroitel'stva natsional'noy avtonomii chechenskogo naroda (1917–1936 gg.)* [The historical experience of building the national autonomy of the Chechen people (1917-1936)]. Makhachkala: ALEF, 2019. – 244 s. (In Russ.).

KAZANBIEV M.A. *Osobennosti natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Dagestane v period perekhoda k sotsializmu* [Features of national-state building in Dagestan during the transition to socialism] // Aktual'nyye problemy istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR: Materialy nauchnoy sessii v Dushanbe, may 1968 g. – Dushanbe, 1970. – S. 305–311. (In Russ.).

KARAZHAEVA M.B. *Stanovleniye sistemy zhurnalistiki Severnoy Osetii: Put' k avtonomii, 1917–1924 gg.* [Formation of the journalism system of North Ossetia: The path to autonomy, 1917–1924]: dis… k.f.n. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2003. – 186 s. (In Russ.).

KATKOV N.F. *Agitatsionno-propagandistskaya rabota v voyskakh v tylu belogvardeytsev v period 1918-1920 gg.* [Propaganda work in the troops behind the White Guards in the period 1918-1920]. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1977. – 168 s. (In Russ.).

KHUAKO Z.Yu. *Formirovaniye sistemy pechati v usloviyakh sovetskoy avtonomii (na opyte partiyno-sovetskoy pressy narodov Severnogo Kavkaza. 1920–1936 gg.)* [The formation of the press system in the conditions of Soviet autonomy (based on the experience of the party-Soviet press of the peoples of the North Caucasus. 1920-1936)]. Dis. ... d.i.n. – M., 1991. – 294 s. (In Russ.).

LATSIS M. *Absurd federalizma* // Nesostoyavshiysya yubiley: Pochemu SSSR ne otprazdnoval svoyego 70-letiya? [Absurdity of federalism // Failed anniversary: Why did the USSR not celebrate its 70th anniversary?]: [Collection] / [Comp. A. P. Nenarokov et al.]. – M.: Izd. tsentr "Terra", 1992. – S. 73–75. (In Russ.).

LENIN V.I. *Tovarishcham kommunistam Azerbaydzhana, Gruzii, Armenii, Dagestana, Gorskoy respubliki* [To the comrade communists of Azerbaijan, Georgia, Armenia, Dagestan, the Mountain Republic]. Poln. sobr. soch., izd. 5-e. – M.: Izd-vo politicheskoi lit-ry, 1970. – T. 43. – S. 198–200. (In Russ.).

LENIN V.I. *Zaklyuchitel'noye slovo po dokladu o partiynoy programme na VIII s"yezde RKP(b) 19 marta 1919 g.* [Closing remarks on the report on the party program at the 5th Congress of the RCP (b) March 19, 1919]. Poln. sobr. soch., izd. 5-e. – M.: Izd-vo politicheskoi lit.-ry, 1969. – T. 38. – S. 174–184. (In Russ.).

LENIN V.I. *Telegramma G.K. Ordzhonikidze, 15 aprelya 1920 g.* [Telegram G.K. Ordzhonikidze, April 15, 1920]. Poln. sobr. soch., izd. 5-e. – M.: Izd-vo politicheskoi lit.-ry, 1970. – T. 51. – S. 178. (In Russ.).

LENIN V.I. Zadachi proletariata v dannoy revolyutsii (Proyekt platformy proletarskoy partii) [Tasks of the proletariat in this revolution (Project of the platform of the proletarian party)]. Poln. sobr. soch., izd. 5-e. – M.: Izd-vo politicheskoi lit.-ry, 1969. – T. 31. – S. 149–186. (In Russ.).

MAGULAEVA F.A. *Stanovleniye i razvitiye pressy Karachaya. (1918–1959)* [Formation and development of the Karachai press. (1918–1959)]. – Stavropol': Izd-vo SGU, 2010. – 288 s. (In Russ.).

STALIN I.V. *Ob ocherednykh zadachakh partii v natsional'nom voprose* [On the immediate tasks of the party in the national question] // Sobranie sochinenii v 18 tomakh. – T. 5. – M.: Gos. izd.-vo politich. lit.-ry, 1947. – S.15–29. (In Russ.).

TEKEYEVA Kh.A. *Natsionalnaya pechat Severnogo Kavkaza: formirovaniye. struktura. tendentsii (na materialakh periodiki Kabardino-Balkarii. Karachayevo-Cherkesii. Osetii. 1920–1936 gg.)* [The national press of the North Caucasus: formation, structure, trends (based on the periodicals of Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, Ossetia. 1920-1936)]: dis. … k.f.n. – Moskva, 2003. – 150 s. (In Russ.).

TOBOLTSEVA N.M. *Totalitarizm i zhurnalistika* [Totalitarianism and Journalism]. – M.: Moskovskii gos. un-tet im. M.V. Lomonosova. Fak. Zhurnalistiki, 2004. – 143 s. (In Russ.).

Archives Department of the Chechen Republic.

Chechenskaya avtonomiya [Chechen autonomy]. Without/author // Gorskaya [Pravda Mountain truth]. – 1923. – 14 January. (In Russ.).

GABIEV S. *25-ye Oktyabrya i gortsy Kavkaza* [October 25th and the mountaineers of the Caucasus // Revolyutsionnyi gorets. – 1918. – 27 oktyabrya. (In Russ.).

GERANDOKOV M.KH. *Iz istorii razvitiya pechati v Kabardino-Balkarii* [From the history of the development of printing in Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: «El'brus», 1989. – 154 s. (In Russ.).

GOLYNSKY P. *Za bol'shevistskiye kadry natspartorganizatsiy* [For the Bolshevik cadres of national party organizations] // Revolyutsiya i gorets. – 1932. – № 1. – S. 26–31. (In Russ.).

Gorskaya respublika uprazdnena [The Mountain Republic is abolished]. Without/author 1924 - The Mountain Republic is abolished. B/a. // Serdalo. – 1924. – 1 avgusta. (In Ingush.).

DRATSENKO D.P. *Obrashcheniye k chechentsam gornoy Chechni* [Appeal to the Chechens of mountainous Chechnya] // Terskii kazak. – 1919. – 1 noyabrya. (In Russ.).

I chechentsy s nami [And the Chechens are with us]. Without/author // Kommunist. – 1920. – 4 iyulya. (In Russ.).

IVANITSKY A. *Chto sdelala Oktyabr'skaya revolyutsiya* [What did the October Revolution do] // Adygeiskaya pravda. – 1922. – 7 noyabrya. (In Russ.).

LAGUTIN G. *Istoriya nashey gazety* [History of our newspaper]. – Nefterabochii. – 1922. – 5 maya. (In Russ.).

LITVINENKO N.I. *Bor'ba za vyrashchivaniye natsional'nykh kadrov* [The struggle for the cultivation of national personnel] // Materials of the scientific session on the history of Chechen-Ingushetia (1860–1940). IN: Izvestiya Chech.-Ing. nauch. issled. in-ta pri Sovete Ministrov ChIASSR, t. IV. vyp. I. – Istoriya. – Groznyi, 1964. – S. 139–142.. (In Russ.).

MEZOKH CH. *Korenizatsiya apparata* [Indigenization of the Apparatus] // Adygeiskaya zhizn'. – 1929. – 11 iyulya. (In Russ.).

MOLCHANOV L.A. *Gazetnaya pressa Rossii v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (okt. 1917 – 1920 g.g.)* [Newspaper press in Russia during the years of the revolution and the Civil War (October 1917 – 1920)]. – M.: Izdatprofpress, 2002. – 272 s. (In Russ.).

MOSTOVAYA E. *Sovety v natsional'nykh respublikakh i oblastyakh* [Soviets in national republics and regions] // Revolyutsiya i natsional'nosti. – 1930. – № 4-5. – S. 47–57. (In Russ.).

NAGIEV J. *Zadachi korenizatsii sovetskogo apparatv a natsoblastyakh Severo-Kavkazskogo Kraya* [Tasks of indigenization of the Soviet apparatus in the national regions of the North Caucasus Territory] // Revolyutsiya i gorets. – 1929. – № 1-2. – S. 29–37. (In Russ.).

Ot redaktsii [From the editor]. Without/author // Vestnik Gorskoi respubliki. – 1919. – 1 iyunya. (In Russ.).

Ot redaktsii [From the editor]. Without/author // Narodnaya vlast'. – 1918. – 9 aprelya. (In Russ.).

Po natsional'nomu voprosu: Rezolyutsiya XII s"yezda RKP (b), 17–25 ap¬relya 1923 g. [On the national question: Resolution of the XII Congress of the RCP (b), April 17-25, 1923] // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898-1986). – 9-e izd., dop. i ispr. – T. 3. – M.: Politizdat, 1984. – S. 79–88. (In Russ.).

S. *K nedele po ukrepleniyu partii* [By the Week to Strengthen the Party]. Gorskaya pravda. – 1922. – 23 maya. (In Russ.).

SIYUKHOV SEFER BEY. *Voskreseniye iz mertvykh* [Resurrection from the dead] // Adygeiskaya pravda. – 1922. – 7 noyabrya. (In Russ.).

SUL. TAN. *Organizatsionnyy period* [Organizational period] // Vol'nyi gorets. – 1919. – 3 noyabry. (In Russ.).

T-I. *Torzhestvennoye sobraniye* [Solemn meeting] // Gorskaya pravda. – 1924. – 17 avgusta. (In Russ.).

YUSUPOV P.I. *Bor'ba za leninskiye printsipy natsional'noy politiki v Checheno-Ingushetii (1920–1925 gg.)* [The struggle for the Leninist principles of national politics in Chechen-Ingushetia (1920–1925)]. –Groznyy: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1968. 64 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Л.А. Турпалов – кандидат исторических наук, доцент.

З.М. Алхастова – научный сотрудник.

Information about the authors

L.A. Turpalov – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Z.M. Alkhastova – researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 16.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 930+39(392)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-351-359
EDN: HQDLZK

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ В ОТЧЕТЕ О КОМАНДИРОВКЕ Е.Н. СТУДЕНЕЦКОЙ В КАБАРДИНСКУЮ АССР ПО СБОРУ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА (1947 Г.)

Рица Шотовна Зельницкая
Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия, riza81@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается один из важных вопросов духовной культуры кабардинцев: религиозные верования. Е.Н. Студенецкая во время очередной поездки в Кабардинскую АССР в 1947 г. охватила основные стороны жизни народа. В ходе полевой работы были собраны материалы не только по жилищу, одежде, религиозным верованиям, но и традициям воспитания, детей, взаимоотношениям старших и младших на примере мужского праздника «тхьэшхуэ удж», фамильным и родовым легендам в которых прослеживается связь с животными. В качестве примера в отчете она выделяет отношение рода Налоевых к змее как к священному существу. Также был зафиксирован фольклорный материал, связанный с духами стихий, происхождением традиционного смычкового музыкального инструмента шыкIэпщынэ и кузнечным делом. Отдельного внимания заслуживает попытка Е.Н. Студенецкой фиксирование кабардинской терминологии по изучаемым темам. В работе приведены извлечения из отчета о командировке Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР по собиранию этнографического материала в 1947 г.

Ключевые слова: Студенецкая Е.Н., Кабардинская АССР, кабардинцы, полевые исследования, отчет, кузня, шыкIэпщынэ, священные рощи.

Для цитирования: Зельницкая Р.Ш. Некоторые элементы духовной культуры кабардинцев в отчете о командировке Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР по сбору этнографического материала (1947 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 351-359. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-351-359. EDN: HQDLZK.

© Зельницкая Р.Ш., 2022

Original article

SOME ELEMENTS OF THE SPIRITUAL CULTURE OF THE KABARDIANS IN THE REPORT ON THE BUSINESS TRIP OF E.N. STUDENETSKAYA TO THE KABARDIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC TO COLLECT ETHNOGRAPHIC MATERIAL (1947)

Ritsa Sh. Zelnitskaya
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia, riza81@yandex.ru

Abstract. This article highlights one of the important spiritual culture issues of Kabardians: religious beliefs. E.N. Studenetskaya during the next trip to the Kabardian Autonomous Soviet So-

cialist Republic in 1947 covered the key aspects of the people's life. In the fieldwork's course, materials were collected not only on housing, clothing, religious beliefs but also on the traditions of upbringing, children, the relationship between the elders and the younger, on the example of the men's holiday "thieshue uj," family and household legends in which the connection with animals is traced. As an example in the report, she highlights the attitude of the Naloyev genus to the snake as a sacred creature. Folklore material related to the spirits of the elements, the origin of the traditional bowed musical instrument shykIepshyn and blacksmithing were also recorded. The attempt of E.N. Studenetskaya to fix Kabardian terminology on the topics under study deserves special attention. The work contains extracts from the report on the business trip of E.N. Studenetskaya to the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic on the collection of ethnographic material in 1947.

Key words: Studenetskaya E.N., Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic, Kabardians, field studies, report, forge, shykIepshyn, sacred groves.

For citation: Zelnitskaya R.Sh. Some elements of the spiritual culture of Kabardians in the report on the business trip of E.N. Studenetskaya to the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic to collect ethnographic material (1947). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 351-359. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-351-359. EDN: HQDLZK.

© Zelnitskaya R.Sh., 2022

Научное наследие видного ученого, этнографа, кавказоведа Евгении Николаевны Студенецкой (1908–1988) представляет огромный интерес и в настоящее время вводится в научный оборот. Количество опубликованных работ при жизни и материалов, хранящихся в архиве Российского этнографического музея, весьма несопоставимы. Часть ее работ, подготовленных к публикации, не дошли до печати по идеологическим причинам. Архив Е.Н. Студенецкой состоит из полевых дневников, отчетов и отдельных статей. В настоящей статье впервые публикуется фрагмент отчета об этнографической экспедиции в Кабардинскую АССР в 1947 г. Объем документа составляет 26 листов. Он представляет собой машинописный текст, заверенный подписью Е.Н. Студенецкой на последней странице. Текст не лишен ошибок, которые, скорее всего, были допущены машинистами, набиравшими текст. В самом тексте имеются некоторые исправления шариковой ручкой. Можно предположить, что это правки самого автора отчета.

Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением особенностей написания этнических названий оригинала. Кабардинские термины в тексте оставлены в оригинале, даже в тех случаях, когда написаны неправильно. Исправленные варианты терминов были вынесены в примечания.

В организации этнографической экспедиции в Кабардинскую АССР в 1947 г. участвовали Государственный музей этнографии народов СССР (далее ГМЭ) и Кабардинский научно-исследовательский институт. Одной из причин этой экспедиции была готовящаяся выставка в ГМЭ «Кабардинцы, осетины», открытие которой состоялось в 1949 г.

Е.Н. Студенецкая была не только специалистом по материальной культуре, но интересовалась и вопросами духовной культуры. Во время написания отчета исследователь систематизировала материал по темам. В своем отчете она не

скрывает сложностей, с которыми сталкивалась в экспедиции. «Работа должна вестись более широким планом и не одним человеком, а небольшим отрядом, в который весьма желательно включение кабардинцев (научных работников и студентов). Плановое проведение работы часто затруднялось с отсутствием постоянного переводчика. Пользование различными, часто случайными переводчиками не могло не отразиться и на регулярности, и на качестве работы» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. Л. 3].

Незнание кабардинского языка и отсутствие переводчиков привели к тому, что большая часть указанных в отчете терминов написано неправильно, что приводит в отдельных случаях к искажению и непониманию содержания.

Несмотря на эти сложности в ходе полевой работы был собран богатый этнографический материал.

Согласно отчету, этнографическая работа велась в следующих пунктах:

а) Лескенский район – сел. Ст. Лескен, Чт. Уруз, Аргуджан – 17 дней.

б) Советский район – сел. Советское, Жемтала – 6 дней.

в) Урожайненский район – с. Арик – 4 дня.

г) Урванский район – сел. Ст. Черек – 5 дней [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. Л. 2-3].

Перечисленные в отчете районы, где по плану должны были работать участники экспедиции, были выбраны неслучайно. Далее Евгения Николаевна дает такое объяснение выбору именно этих частей республики: «Эти районы представляют собой интерес, в виду их слабой изученности в прошлом и, вместе с тем в силу того, что они примыкают к территории Осетии богатой археологическими материалами уже значительно изученными специалистами. Для этнографа эти районы, как пограничные, имеют также большой интерес, поскольку они дают материалы для установления элементов общности и различия между соседящими народами» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. Л. 2].

Документ

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ НАУЧНОГО СОТРУДНИКА Е.Н. СТУДЕНЕЦКОЙ В КАБАРДИНСКУЮ АССР ПО СОБИРАНИЮ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В 1947 Г. ИЗВЛЕЧЕНИЕ

<Л 12>

Официальной религией кабардинцев является мусульманство, насажденное в Кабарде, Турцией и ее вассалами – крымскими ханами в XVI-XVII вв. Оно укоренилось у кабардинцев сильнее, чем у других народов Северного Кавказа вследствие того, что в Кабарде имелся слой феодалов, значительная часть которых ориентировалась на Крым и Турцию и способствовала насаждению и укреплению ислама среди своих подданных.

Остатки первобытных верований сохраняются в Кабарде и до сегодняшнего дня, но значительно слабее, чем в соседней Осетии и у западных черкесов. В литературе, обычно, не разделяют западных черкесов и кабардинцев, приписывая последним все те религиозные верования и божества, которые были у первых. Нам кажется, что подобное отождествление неверно объясняется. Глав-

ным образом, отсутствием фактических данных про религию кабардинцев. При этом положении каждый факт, зафиксированный среди кабардинцев, приобретает большое значение, т.к. в настоящее время предания и обычаи, связанные с религией, исчезают с особенной быстротой.

<Л 13>

Как известно, на Кавказе особым почитанием пользовались священные деревья и рощи. Это засвидетельствовано и у адыгейских (адыгских. – *Р.З.*) народов. Весьма часто почитаемым деревом являются груши. В связи с этим, интересно значение груши в быту и в культе кабардинцев. Груша носит название *кхъужьей*, а груша дичок – *кхъужьцIыкIу*. Грушевое дерево особенно берегли. При расчистке полей его никогда не вырубали. Хотя яблоню можно было срубить. «Грушу срубить – все равно что беременную женщину убить», – говорили мне старики. По словам старухи Гешевой, на груши иногда вешали куски материи. Грушу мочили, из сухих груш изготавливали муку. Для этого, грушу режут, сушат, мелко рубят и размалывают на каменной мельнице. Из просеянной грушевой муки делают тесто с медом. Его кладут в пироги, халву или едят отдельно. Это праздничное кушанье. Если же кто болен, его кормили грушевой мукой, считая ее лекарством. И в настоящее время на полях Кабарды среди посевов можно видеть старые одинокие груши, охраняемые от порубки старым обычаем.

Выясняя религиозные верования, связанные с животными, я обратила особое внимание на змею, поскольку широко известны факты, касающиеся повсеместного почитания змей на Кавказе, причем последняя выступает в роли хранителя дома, семейного благополучия. По вопросу о значении змеи существуют следующие поверья. Змея приносит счастье. Есть особые змеи с рогами и, если найти эти рога, то человек будет богат. По другим указаниям, рога эти из бриллиантов – *налкутналмаз* (кабард. *налкъутналмэс*) − и в зубах у нее такой же камень. Змея эта черного цвета в полметра длиной и сантиметров шесть в обхвате. И змеиная кожа служит лекарством. В случае если человек идет по степи и наступает на след змеи, то у него, по представлению кабардинцев, должны опухнуть ноги. Тогда надо взять сброшенную кожу змеи, высушить, растереть и выпить вместе с водой. Эта кожа называется *блэфэ*.

Весьма интересное предание сохранилось в роде Налоевых, в котором считают змею своим «*каном*» [кабард. *къан*] воспитанником. Напомню, что воспитанник всегда был по своему социальному положению выше воспитателя и, когда вырастал, играл по отношению к последнему роль защитника и покровителя, таким образом, и в данном случае змея выступала в качестве покровителя рода Налоевых. Началось это следующим образом. В старом доме Налоевых на поперечной балке, где, обычно, ставилась посуда, стояла белая чашка. Приползла змея и оставила в этой чашке кусочек золота. С тех пор она стала считаться *каном*. Налоевы никогда не убивали змей, приходящих в их дом, говоря: «Она нам не повредит – это наш *къан*». Для Кавказа термин *къан* является выражением близости к божеству. Так, по данным В.В. Бардавелидзе, сваны селе-

ния Местия считали своим *къаном* св. Георгия, которого почитали и в честь которого устраивали скачки[1].

У кабардинцев, в отличие от их соседей – осетин, не было особых построек – святилищ типа *дзуаров*. Моление происходили чаще всего у священных деревьев или рощах. Такие места называются *тхъэIу*. Молились также на возвышенных холмах *Iуащхьэ*. На них, обычно, молились в засуху, причем, варили там еду и ели. Около селения Урух имеется курган, широко известный под названием *Эрестау Iуащхъэ*, то есть курган Эристовых. Этот курган имеет две террасы, на вершине растет дерево – алыча. И в настоящее время, во время засухи или войны, женщины

<Л 14>

шли туда молиться, причем, брали с собой три круглых пирога с сыром или картошкой. Там их едят и просят бога чтобы он за обещание сделал людям угощение.

Во времена «мужича» (до ислама при мужичьей вере – христианстве) раз в год устраивался праздник «*тхьэшхуэ удж*». Делался он в определенном месте в т.ч. и на Эристау Iуащхъэ. Собрались из нескольких сел по приглашению *пши*, который назначал и устраивал праздник. Праздник сопровождался пиром, пляской (*тхьэудж*) скачками и продолжался целую неделю. При этом на празднике выделяли одного человека *къахэуджыкIа* (того, кто отличился во время различных состязаний отличившийся). В его честь поднимали *хох*-тосты [кабард. *хъуэхъу*], делали ему подарки, одежду[2]. Он очень почитался.

Существует рассказ, как жили два брата, один на празднике и стал *къахэуджыкIа*. Старший брат был в набеге и не знал об этом. Из набега он пригнал несколько тысяч лошадей, что, конечно, давало ему право на всеобщее уважение. Но младший брат был обижен тем, что старший его не приветствовал, как полагается *къахэуджыкIа* – с *хохом*-тостом [кабард. *хъуэхъу*]. Старший удивляется перед людьми – почему младший на меня обижен. Те объясняют, что младший *къахэуджыкIа*. Тогда старший подходит к младшему и говорит ему: «прости меня, я не знал» и произносит *хох*.

Надо знать столь характерную для кабардинцев субординацию между старшими и младшими братьями, чтобы оценить соль этого рассказа, из которого видно, что и первородство, и военная слава поставлены на низшее место по сравнению со званием *къахэуджыкIа*. К сожалению, функции *къахэуджыкIа* пока выяснить не удалось. По рассказам во время праздника на вершине горы ставилась тахта [возвышение для *пши*]. На террасах происходили танцы и даже скачки. Танцевали под музыку *бжьамий* [свирели], но тогда они были редко, в основном «играли языками», то есть пели и так танцевали. Резали барашков и угощались.

---

[1] Действительно, молджгыраги, те есть члены общины селения Местия Верхней Сванетии во время осеннего праздника в честь Св. Георгия устраивали большое пиршество, в котором участвовали все жители села. Характерной особенностью этого празднества, как пишет В.В. Бардавелидзе, были «разнообразные спортивные упражнения и военно-обрядовые игры – бега или скачки со знаменем. Главными хозяинами и распорядителями были вышеназванные молджгыраги. В последний, третий день праздника после окончания остальных игр на площади проводили скачки в которых участвовали не менее 15 всадников. Главным атрибутом праздника было знамя льва» [Бардавелидзе 2015: 68-69]

[2] В качестве подарка традиционно дарили предметы одежды.

Археологическим отрядом Кавказской экспедиции на Эристау Іуащхьэ обнаружены остатки керамики, свидетельствующие о том, что, видимо, курган играл роль места сбора населения с древности. Происхождение названия кургана объясняют по-разному.

Эриставы одна из кабардинских (грузины по происхождению) почитаемых фамилий. В их роде имелась чаша из драгоценного дерева [*чешей шынакъ*], которую приносили только во время пира князей или особо уважаемых гостей. Жили они неподалеку от этого кургана. Однажды, уже после того *кIэнк* кабардинцы приняли ислам и им было запрещено есть свинину, невестка Эристовых украла кусок свинины, высушила ее на кургане в кустах и тайком съела, поэтому это место прозвали *Эрестау къиуэгъэгщпвэ* (здесь автор отчета имеет в виду скорее всего *гъэгъущыпIэ. – Р.З.*), то есть сушилка Эрестовых. По другим рассказам название гор, связанное с фамилиями, объясняли тем, что эти последние были местом праздников и развлечений соответствующих фамилий. Рассказывают и еще один вариант. В старину опасно было уходить работать далеко от дома, так как людей крали. Но один человек из рода Налоевых не боялся и ходил косить на гору *Эристау Іуащхьэ*. Он брал с собой оружие и клал его в конце ряда, где косил, чтобы в случае нападения, схватить его и защищаться.

По имени этого храбреца назвали гору, где он косил. *Къубати шытх* (гора Кубати). Также произошло и название *Эристау Іуащхъэ*.

<Л 15>

Нам кажется, что все связанное с этой горой, весьма интересно и требует дополнительного изучения. В частности, важно выяснить подробно, что такое *къахэуджыкIа*. Может быть, в его лице мы будем иметь нечто в роде осетинского *дзуарлега*-жреца, о чем никогда ранее не упоминалось.

У кабардинцев сохранилось представление о различных существах, населяющих окружающую природу. Так, в воде живет *псыхъуэгуащэ* – женщина, которая пугает людей, зовет их и, если кто услышит ее голос, тот тонет. О *псыхъуэгуащэ* (русалке. – *Р.З.*) есть упоминание в литературе. 60-летняя Гешева рассказывала мне о *губгъуэ-нанэ* (степной матери. – *Р.З.*). Она живет в степи и прячется в высокой кукурузе, у нее длинные лохматые волосы и глаза один над другим. Если достать хоть один ее волос и спрятать в определенном месте *пхъэвылъэ* – в потолочной балке, то она не сможет найти волос и будет служить человеку, но они очень мстительные и, если она найдет волос, или ей отдадут, то она отомстит. Один человек, поймав ее в поле, заставил перенести через разлившуюся реку, а потом отдал волос. Она сказала: «Ты будешь один, как этот палец» и у него умерла вся семья. Моменты, связанные с волосами, сближают *губгъуэ-нанэ* с широко распространенным на всем Кавказе, в т.ч. в Кабарде, представлением об *алмасты* (кабард. *алмэсты*. – *Р.З.*). Последнюю представляют себе в образе волосатой женщины с волосами до пят и грудями, висящими до пояса. По словам Хазим Зашагуевой, *алмэсты* заставляет людей сосать себе грудь и те цепенеют от ужаса. *Алмэсты* живет в поле или в доме и ей оставляют на ночь пищу.

Рассказывают старики также о *мезитлъ* (кабард. *мэзылI*. – *Р.З.*) – «лесных мужах», у которых на груди топоры острием вперед. Он живет в лесу и питается при помощи охоты. Эльмарза Шеожев рассказал о том, как *мезитл* [*мэзылI*]

похитил кабардинку и жил с ней. У нее родился ребенок тоже с топором на груди. Но, однажды, охотник встретил мезитла [*мэзылIа*] и угостил его убитым оленем. *Мезитлъ* [*мэзылI*] ел вместе с ним оленя, но потом захотел убить охотника во сне, однако, тот обманул *мезитлъа* [*мэзылIа*], положив вместо себя кусок дерева. Когда мезитлъ [*мэзылI*] бросился на это дерево грудью, охотник выстрелил в него. В *мезитла* [*мэзылIа*] надо стрелять только один раз, от второго выстрела *мезитлъ* [*мэзылI*] исцелился бы от первой раны, но охотник не стал больше стрелять, убил также ребенка, а женщину вернул родным. Называли мне также *ахахемцъу* (скорее всего Студенецая Е.Н. неправильно записала термин. Это не позволяет понять, что имеется в виду. – *Р.З.*), живущего в доме, которому также оставляли пищу.

Многочисленны рассказы о ведьмах – *уд*, которые могли пролезть в любую дырочку. Ведьмы [*уд*] напускали порчу – *щхъухьпсыхь*. Для этого воровали волосы человека, лоскутки его одежды, остатки еды. Сделав порчу, ее клали в постель, в пищу или закапывали в землю. Тот, на кого сделана порча, начинал болеть, падать в обморок. Таким способом можно также поссорить мужа и жену. Порчу наводили на скот и на птиц, бросая курам заговоренное кукурузное зерно или закапывая в землю порчу.

Весьма интересен способ борьбы с ведьмой [*у*]. Поймать ее может только мужчина. Если к его жене ходит *уд,* то муж должен ночью лечь на постель обнаженный, но обязательно в поясе, и поднять руки. *Уд* бросается ему на живот и тут он должен схватить ее и бросить в огонь. Сгореть *уд* не может, но сильно помучается, а утром кто-либо из женщин, живущих в селении, оказывается больной и обнаженной. По этому признаку в ней узнают *уд*. В этом способе поимки ведьмы интересно отметить обязательность наличия пояса, который ясно выступает в качестве оберега.

<Л 16>

Известные магические свойства признаются и за другими частями одежды. Так, при трудных родах муж ударяет жену своей шапкой и брюками и говорит: «Дай то, что я тебе дал» [«Уэстар къызэтыж»].

Для охраны от сглаза и болезней употреблялись амулеты, которые и до сих пор можно часто видеть на люльках или на шее у детей. Это – кожаные треугольнички с зашитой в них бумажкой, на которой написана молитва – *дуа*, или бусы и раковинки. Раковинку каури *блэщхьэ*, буквально змеиная головка, носили от болезни горла, от опухоли. На деревьях до сих пор висят *нывэ [мывэ] гъуанэ* – камешек с дыркой, чтобы не заводились черви и было больше фруктов. С этой же целью на дерево вешают железные предметы, в том числе гайки, шестеренки и т.п.

В этом последнем случае играет роль не только сходство по форме с камнем с дыркой или гайка, но и материал, так как железо фигурирует во многих случаях, связанных с магическими представлениями. Так, после рождения ребенка, у порога клали какой-либо железный предмет или кусок железа, чтобы все перешагивали. Тогда ребенок будет здоров. Этот предмет называли *быдэ хъуну***.**

С железом, а также кузнецом и кузницей связан ряд религиозных представлений. Мне рассказывали чрезвычайно интересный вариант одного из

нартских сказаний о рождении Сосруко, не известный до сих пор. В нем отцом Сосрука оказывается божественный кузнец *Тлъэпщ* (Тлепш).

Музыка и пение играли очень большую роль в быту кабардинцев. Большим почетом пользовались певцы – *джэгуакIуэ* [джегуако], которые, обычно, ходили вместе по два-три человека. Один из них играл на скрипке – *пхъэ пшынэ* (возможно автор отчета здесь имела в виду *шыкIэпшынэ*, а не *пхъэ пшынэ*. – *Р.З.)*, другой на трещетках – *пхъэцIыч*. *ДжэгуакIуэ* сочиняли и песни, хотя, кроме них, песни сочинялись еще специалистами, которые назывались __ (*не разб. – Р.З.*)

Авторы песен высмеивали плохое и восхваляли хорошее. По словам стариков: «Они никого не боялись, наоборот, их боялись, чтобы они не высмеяли в песне, так как народ считал, что человек умрет, песня останется». Противники того или иного человека иногда нанимали *джэгуакIуэ*, платя им за сочинение плохой песни про своего врага.

Для доказательства уважения к *джэгуакIуэ* Эльмирза Шеожев, старик 73 лет, из Старого Лескена, сам певец и музыкант, рассказал следующее: «У одного *джэгуакIуэ* в селе Анзорове была старая тупая шашка. Он шутя разгонял ею людей. Однажды, когда он спал, кто-то наточил шашку, а он и не знал об этом, когда он опять шутя ударил шашкою человека, то серьезно поранил его. *ДжэгуакIуэ* бежал под защиту к Анзоровым. Его судили. Анзоровы привели того, кто наточил шашку, и заставили его отдать *джэгуакIуэ* лошадь, а те, кто знал или видел, как шашку точили и не предупредил *джэгуакIуэ*, должны были отдать седло, черкеску и т.п. Сам же *старик* не был наказан, так его уважали».

Если под музыку *джэгуакIуэ* танцевала молодежь, то когда танец кончался, девушка требовала денег для *джэгуакIуэ*. Деньги должен был платить парень, который танцевал с этой девушкой. Если у него денег не было, то платил кто-либо другой, уважавший эту девушку.

Пхъэ пшына [*пхъэ пшынэ зэщыхъуэ*, от слова *зэщыхъуэ* – тереть] –скрипка делалась из цельного куска ясеня или ореха. Струны и смычок делались из конского волоса. В выдолбленный кузов вставлялась дека, сделанная из отдельной доски. Специальных мастеров не было, делал тот, кто играл сам. Струны назывались *пшынэбзэ,* смычек – *шыкIэпшынэ шабзэ* колки тхьэкIумэ (ухо), оселок – цала (седло), головка – *пшынащхьэ* (головка пшины), лады – *пшынэ Iэпщэ* (запястье) отверстие в деке – *учана пшынэ*.

<Л 17>

Об ее изобретении существовало следующее предание. Жили два существа. Один назывался Иблис (дьявол), а другой Бегамбар (Бегъымбар) (ангел). Бегамбар сделал себе *пшина,* играл сам, но народу не показывал, потому что он боялся, что, если народ узнает о *пшине*, то будет играть и забудет молиться и народ испортится. Однажды, когда Бегамбар играл, Иблис зашел к нему и, хотя Бегамбар спрятал *пшину*, но Иблис увидел кусок дерева. Иблис говорил, что бога нет и боролся с Бегамбаром, который хотел, чтобы люди верили в бога. Иблис сделал *пшину*, но без дырок, и она играла плохо. Тогда пришел к Бегамбару и говорит, что он себе сделал *пшину*. Но звук у нее лучше. Тогда Бегамбар сказал: «Ты, верно, сделал ее тоньше и с дыркой и поэтому хороший звук». Так Иблис хитростью узнал о том, что надо делать дырку. Сделал ее и стал играть

на настоящей *пшине* народу, убеждая на ней играть, а не молиться. Так распространялась *шикапшина* [*шыкIэпщынэ*].

Эта легенда, записанная мною от Эльмирзы Шеожева, явно указывает на влияние ислама, запрещавшего музыку, танцы и другие светские развлечения в борьбе с доисламскими верованиями, в которых они играли большую роль.

Из ясеня делался и другой инструмент – *апапшине* [*пхъэ пшынэ*], но ее делали короче, иногда и круглую, играли на ней рукой как на балалайке. Пхапшина [*пхъэ пшынэ*], служила для аккомпанемента к пению, *апапшина* [*пхъэ пшынэ*], для этого не годилась.

Пхацы – трещетка, употреблялся во время танца, делалась она тоже из ясеня.

Свирель – *бжами* делали из «*бережи*» (ольха или верба). Она связана с пастушеским бытом, на что указывает и легенда о ее появлении. Сначала бараны появились в раю. Когда бог захотел, чтобы бараны были у людей, он сказал, чтобы люди их повезли, но бараны не захотели идти из рая. Тогда люди сделали бжеши и при помощи их выманили баранов из рая. Бжаши употребляется и как сольный инструмент и в ансамбле со скрипкой и трещеткой, и для аккомпанемента. Гармонь появилась лет 100 назад. Первоначально были маленькие гармонии на 5 ладов. Их называли *джедуаса-пшине*, то есть купленная за курицу *пшина*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРЭМ. Ф 2. Оп. 1. Д. 973. – Архив Российского этнографического музея. Ф 2. Оп. 1. Д. 973. Отчет о командировке научного сотрудника Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР по собиранию этнографического материала в 1947 г.

Бардавелидзе 2015 – *Бардавелидзе В.В*. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен / В.В. Бардавелидзе; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2015. – 445 с.

REFERENCES

Arkhiv Rossiiskogo etnograficheskogo museya [Archives of Russian Ethnographical Museum]. F 2. Op. 1. D. 973. Otchet o komandirovke nauchnogo sotrudnika E.N. Studeneckoj v Kabardinskuju ASSR po sobiraniju jetnograficheskogo materiala v 1947 g. (in Russ.).

BARDAVELIDZE V.V. *Drevneishiye religiosniye verovaniya I obriadovoye graficheskoye iskusstvo gruzinskih plemion* [The oldest religion beliefs and ritual graphic art of Georgian tribes]. – Moscow: Nauka – Vost. Lit., 2015. – 445 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Р.Ш. Зельницкая – кандидат исторических наук.

Information about the author

R.Sh. Zelnitskaya – candidate of sciences (History).

Статья поступила в редакцию 11.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 17.09.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Научная статья
УДК 930+392/393
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-360-375
EDN: KIBLIS

СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Руслан Ибрагимович Сефербеков
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия, ruslan.seferbekov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0901-8499

Аннотация. В статье на основе историко-сравнительного, типологического, хронологического и системного общенаучных методов дан историографический обзор дореволюционных, советских и новейших исторических и этнографических источников и литературы по семейно-бытовой обрядности народов Дагестана. В советской и российской этнографической традиции эти ритуалы принято относить к обрядам жизненного цикла – рождению, достижению зрелости, изменению общественного статуса, браку, смерти и погребению. Обряды жизненного цикла – это группа обрядов, отмечающих основные этапы в жизни каждого члена общества. Они имеют этнокультурное значение, так как напрямую связаны с локальной, в частности, этнической идентичностью и выступают важным механизмом формирования и сохранения устойчивости традиционной культуры. Автор считает, что дореволюционная историография, представленная русскими и местными русскоязычными авторами, носила описательный характер. Находившаяся под влиянием марксистско-ленинской идеологии и классового подхода при описании феноменов культуры и быта советская историография, представленная столичными и местными этнографами, занималась фиксацией в брачно-семейных, свадебных, родильных и похоронных обрядах и обычаях реликтов древних форм семьи и брака, домонотеистических верований, а партийные функционеры – борьбой с отжившими вредными пережитками и внедрением в социалистический быт новой обрядности – «комсомольских» и «безалкогольных» свадеб и др. Как советские, так и постсоветские авторы, описывая семейно-бытовую обрядность, сосредотачивались на выяснении в ней традиционного пласта и новых обычаев. Новейшая историография семейной обрядности уделяет внимание трансформационным процессам в них под влиянием глобализации, модернизации и урбанизации. Давая номенклатуру занимавшихся изучением свадебных, родильных и похоронных обрядов народов Дагестана историков и этнологов, автор проводит также и сведения исследователей семейного быта у других народов Кавказа и России.

Ключевые слова: Историография семейно-бытовой обрядности; обряды жизненного цикла; социокультурные процессы; глобализация; трансформации; новое, советское и новейшее время; народы Дагестана, Кавказа и России.

Для цитирования: Сефербеков Р.И. Семейно-бытовая обрядность народов Дагестана: историографический обзор // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 360-375. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-360-375. EDN: KIBLIS.

© Сефербеков Р.И., 2022

Original article

FAMILY AND HOUSEHOLD RITUALS OF THE PEOPLES IN DAGESTAN: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Ruslan I. Seferbekov
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, ruslan.seferbekov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0901-8499

Abstract. Based on historical-comparative, typological, chronological, and systemic general scientific methods, the article gives a historiographical review of pre-revolutionary, Soviet and recent historical, and ethnographic sources, as well as literature on the family rituals of the peoples of Dagestan. In the Soviet and Russian ethnographic tradition, these rituals are usually attributed to the rituals of the life cycle - birth, reaching maturity, changing social status, marriage, death, and burial. Rites of the life cycle are a group of rites that mark the main stages in the life of each member of society. They have ethno-cultural significance, since they are directly related to local, in particular, ethnic identity and act as an important mechanism for the formation and preservation of the stability of traditional culture. According to the author, pre-revolutionary historiography, presented by Russian and local Russian-speaking authors, was descriptive. Under the influence of the Marxist-Leninist ideology and the class approach in describing the phenomena of culture and life, Soviet historiography, represented by metropolitan and local ethnographers, was engaged in fixing marriage, family, wedding, maternity and funeral rites and customs of relics of ancient forms of family and marriage, pre-monotheistic beliefs, and party functionaries - the fight against obsolete harmful remnants and introducing new rituals into socialist life - Komsomol and no alcohol weddings, etc. Both Soviet and post-Soviet authors, describing family rituals, focused on clarifying the traditional layer and new customs. The latest historiography of family rituals pays attention to the transformational processes in them under the influence of globalization, modernization, and urbanization. Giving the nomenclature of historians and ethnologists of modern, Soviet and modern times engaged in the study of wedding, maternity and funeral rites of the peoples of Dagestan, the author also conducts researchers of family life among other peoples of the Caucasus and Russia.

Key words: Historiography of family rituals; rites of the life cycle; sociocultural processes; globalization; transformations; new, Soviet and modern times; peoples of Dagestan, the Caucasus and Russia.

For citation: Seferbekov R.I. Family and household rituals of the peoples in Dagestan: a historiographical review. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 360-375. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-360-375. EDN: KIBLIS.

© Seferbekov R.I., 2022

Введение

Одной из задач российской этнологии является изучение обрядов жизненного цикла – комплекса обычаев и обрядовых действий, связанных со свадьбой, рождением, смертью и поминками. Как отмечает С.А. Мадюкова, «жизненный цикл человека состоит из двух «крайних» ритуалов (обряды, связанные с рождением и похоронные обряды) и одного или нескольких срединных» [Мадюкова 2008: 117]. По ее мнению, таким срединным ритуалом, как правило, является

свадьба. Она считает, что «апогеем жизненного цикла индивида, где один цикл накладывается на другой, является рождение ребенка» [Мадюкова 2008: 117]. Она выделяет целую серию обрядов, в рамках которых главными действующими лицами являются и родители, и ребенок и по типологическим характеристикам относит их к «*переходным обрядам*» [Мадюкова 2008: 117].

Мирча Элиаде сравнивал обряды перехода с посвящением в новое социокультурное пространство вследствие рождения, достижения половой зрелости, вступления в брак и смерти [Элиаде 1994: 115].

В. Тэрнер при характеристике обрядов жизненного цикла использовал термин «жизненных переломов», так как они совершаются в связи с «переломными» событиями, переворачивающими привычный порядок существования индивидуума [Тэрнер 1983: 233].

Цель данного исследования заключается в историографическом обзоре принадлежащих к обрядам жизненного цикла семейно-бытовых ритуалов народов Дагестана.

Историографический обзор дореволюционных, советских и новейших исторических и этнографических источников и литературы по семейно-бытовой обрядности народов Дагестана будет дан на основе историко-сравнительного, типологического, хронологического и системного общенаучных методов и базируясь на труды ведущих дореволюционных, советских и российских этнологов. Следует отметить, что брак, семья и семейно-бытовые обряды народов Дагестана, в частности, и Северного Кавказа, в целом, всегда находились в центре внимания российского кавказоведения.

Дореволюционная и советская историография семейно-бытовой обрядности

Дореволюционная историография семейной обрядности Дагестана и Северного Кавказа, которая в большей степени носила описательный характер, представлена трудами П. Пржецлавского [Пржецлавский 1860: 269–318], А. Омарова [Омаров 1868: 36–44], Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1869: 1–24], Н. Львова [Львов 1870: 18–32], Д. Шанаева [Шанаев 1870: 1–30], М. Амирова [Амиров 1873: 23–35, 30–32] и др.

С установлением советской власти и новой парадигмы социалистического государственного устройства, в условиях господства марксистско-ленинской идеологии, классового подхода к исследованию компонентов хозяйственных занятий, материальной культуры, семейного и общественного быта, борьбы с религиозными пережитками, внедрения новой обрядности («комсомольские» и «безалкогольные» свадьбы и др.), семейно-бытовые обряды находились в центре внимания советской этнографии. Одно из первых описаний родильных, свадебных и похоронных обычаев у аварцев сразу же после установления советской власти в Дагестане приведено в труде Г.Ф. Чурсина [Чурсин 1928: 24–50]. В военное и послевоенное время семейно-бытовую обрядность народов Дагестана изучали Л.Б. Панек и Е.М. Шиллинг [Панек, Шиллинг 1996], З. Никольская [Никольская 1946: 193–197], Г.А. Сергеева [Сергеева 1959: 30–36; Сергеева 2016: 31–47] и др.

Исследованием традиционной и советской семейно-бытовой обрядности народов Дагестана занимались не только столичные ученые, но и сотрудники отдела этнографии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, а в дальнейшем (с 1992 г.) – Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. В этот период на повестке дня дагестанской этнографии стояла задача сбора полевого материала, его анализа, систематизации и опубликования в статьях, монографиях, периодической печати, сборниках статей и тезисов докладов. Особого внимания в этой связи заслуживают труды дагестанских историков и этнографов – А.И. Алиева [Алиев 1953: 120–124], С.С. Агаширинoвой [Агаширинова 1964: 133–154], М.А. Агларова [Агларов 1964: 130–137], М.М. Ихилова [Ихилов 1967: 168–210], К.Э. Курбанова [Курбанов 1974: 131–150], С.Ш. Гаджиевой [Гаджиева 1967; Гаджиева 1979a; Гаджиева 1979b; Гаджиева 1985], Г.А. Гаджиева [Гаджиев 1980: 29–46; Гаджиев 1988: 107–117], Б.М. Алимовой [Алимова 1981: 55–72; Алимова 1986: 29–46; Алимова 1988: 46–55; Алимова 1989], Булатовой [Булатова 1984: 72–91], М.Ш. Ризахановой [Ризаханова 1988: 56–70], М.Ю. Курбанова [Курбанов 1988: 71–80], А.М. Абдурахманова [Абдурахманов 1988: 81–105], М.А. Дибирова [Дибиров 1988: 118–130], С.А. Лугуева [Лугуев 1988: 131–135], М.К. Мусаевой [Мусаева 1988: 136–143; Мусаева 2006; Мусаева 2007], Б.Р. Рагимовой [Рагимова 1991], З.А. Исрапиловой [Исрапилова 2002], Б.Б. Булатова, М.Ф. Гашимова и Р.И. Сефербекова [Булатов и др. 2004: 140–191], Н.Б. Хадирбекова [Хадирбеков 2008], А.Г. Абдиновой [Абдинова 2010], М.Б. Гимбатовой [Гимбатова 2014: 46–68], Ф.А. Гаджаловой [Гаджалова 2016: 139–149; Гаджалова 2017: 455; Гаджалова 2018: 163–171] С.С. Караханова [Караханов 2017: 47–57] и др.

Следует отметить, что во всех изданных Дагестанским филиалом АН СССР и Дагестанским научным центром РАН историко-этнографических исследованиях по отдельным народам Дагестана, имеются разделы о семейно-бытовых обрядах дагестанских этносов.

Помимо монографий и статей были изданы также тематические сборники, посвященные отельным аспектам традиционной и советской семейно-бытовой обрядности и брака у народов Дагестана [Хозяйство… 1977; Семейный… 1980; Быт… 1981; Современные… 1984; Брак… 1986; Брак… 1988].

Советскими этнографами были исследованы семейно-бытовые обряды не только дагестанцев, но и других народов Кавказа [Смирнова 1973; Смирнова 1983; Бесаева 1976; Волкова, Джавахишвили 1982; Соловьева 1984: 167–185; Бакаева, Гучинова 1988: 98–110 и др.] и СССР [Чижикова 1980: 10–24; Лобачева 1981: 36–50 и др.].

Новейшая историография семейно-бытовой обрядности народов Дагестана

Развернувшиеся со второй половине 80-х гг. XX в. и продолжившиеся в начале XXI в. социокультурные процессы, связанные с «перестройкой», распадом СССР, сменой парадигмы государственного и общественного устройства России, очередная российская модернизация, ускорение темпов урбанизации, глобализация, идеологическая свобода, отказ от сложившихся в советское вре-

мя мировоззренческих штампов и стереотипов, социальное и имущественное расслоение оказали большое влияние на все стороны хозяйственных занятий, культуры и быта россиян. Трансформационные процессы не обошли стороной и семейный быт народов Дагестана и связанные с ним – свадебные, родильные и похоронные обряды и обычаи. Вместе с другими компонентами бытовой культуры народов Кавказа семейно-бытовые обряды являются «одним из важнейших элементов этнокультурной идентификации, когда обладание традиционными нормативными комплексами, системой морально-этических категорий становится важным элементом репрезентации себя и своей группы в известном противопоставлении «мы – они» [Анчабадзе 2016: 5].

Современной дагестанской свадьбе как культурному феномену эпохи глобализации, а также исламским инновациям в современной свадьбе народов Дагестана и Северного Кавказа посвящены публикации А.Дж. Магомедова [Магомедов 2009: 305–317; Магомедов 2012: 60–72].

Детальное исследование всего цикла предсвадебных, свадебных и послесвадебных обычаев и обрядов современной дагестанской свадьбы проведено группой дагестанских этнологов [Алимова и др. 2013: 176–199].

Основные этапы современной дагестанской городской свадьбы в условиях глобализации изучены А.К. Амирхановой [Амирханова 2019: 185–190] и П.М. Магомедовой [Амирханова, Магомедова 2018: 179–188]. Впрочем, П.М. Магомедовой в контексте особенностей социальных отношений в горском социуме Дагестана описана и сельская свадьба аварцев с. Маали [Магомедова 2017: 111–130].

Современная свадьба аварцев-андалальцев с учетом сохранившихся в ней традиционных и новых компонентов изучена З.А. Алигаджиевой [Алигаджиева 2015].

Современному браку и свадебным обрядам даргинцев-цудахарцев посвящена работа И.И. Омарова и Р.И. Сефербекова [Омаров, Сефербеков 1999]. В ней на основе современных брака и свадебной обрядности цудахарцев сделана попытка проследить древние формы их проявлений, дана научная интерпретация традиционных магических ритуалов.

Современные свадебные обряды даргинцев-кубачинцев с учетом их локальных особенностей (корреляция традиций и инноваций; сравнение сельской и городской свадьбы; приверженность традиционному костюму; увлеченность антиквариатом; участие ряженого и др.), сопровождаемые богатым иллюстративным материалом описаны Ф.А. Гаджаловой [Гаджалова 2016: 139–149; Гаджалова 2017: 455; Гаджалова 2018: 163–171; Гаджалова 2022: 167–195].

Трансформация семейно-бытовой обрядности горожан Дагестана под влиянием процессов глобализации в новейшее время исследована в коллективной монографии дагестанских историков и этнографов [Сефербеков и др. 2021: 142–196]. Книга написана на полевом материале и широком круге источников и литературы и представляет собой первый опыт комплексного и междисциплинарного исследования культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период. Как считают авторы, современные семейно-бытовые обряды и обычаи дагестанцев носят синкретический характер и представляют собой смешение традиционных, усиливающихся исламских и новых элементов.

Историография семейно-бытовой обрядности народов Кавказа

Семейно-бытовые обряды были предметом исследования не только этнологов, изучавших культуру и быт народов Дагестана, но и других кавказоведов. Традиционные свадебные и родильные обряды народов Кавказа, семья и общество, «мир женщины», женская субкультура рассматриваются в книге известного российского этнолога Ю.Ю. Карпова [Карпов 2013: 77–202]. Он имел в виду не только физические границы женской функциональности в обществе, но и семиотическое пространство, сопряженное с древними и изменившимися в ходе исторического времени идеологическими постулатами. Автор считает, что, будучи системой, кавказская модель общества предполагала сбалансированность главных ее составляющих – деление мира на женскую и мужскую половины.

Женское пространство и конструирование гендерных стереотипов в традиционном адыгском обществе, роли и места адыгской женщины в нем, включая свадебную и родильную обрядность, исследованы в монографии М.А. Текуевой [Текуева 2006: 9–50]. Как и Ю.Ю. Карпов, она приходит к выводу, что сбалансированная система традиционных представлений глубоко патриархального адыгского общества позволяла на протяжении веков сохранять гармоничное равновесие между мужчинами и женщинами в семье, обществе и духовной сфере на принципах партнерства и взаимодополняемости. Впрочем, к такому же выводу, но на дагестанском материале пришла и Б.Р. Рагимова [Рагимова 2001: 138].

Обрядам и обычаям, связанным с рождением и воспитанием детей у чеченцев в XIX – начале XX в. посвящена монография З.И. Хасбулатовой [Хасбулатова 2007a: 60–124; Хасбулатова 2019]. Родильные обычаи и обычаи чеченцев рассматриваются ею в контексте гуманистической народной педагогики и национальных традиций [Хасбулатова 2007b: 37–51]. Большое внимание уделено ею трудовому, физическому и нравственному воспитанию ребенка, детским играм и игрушкам, формам искусственного родства чеченцев.

Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей описывается в монографии З.М.-Т. Дзараховой. Предсвадебные, свадебные и послесвадебные обряды ингушей описаны ею в нравственно-эстетическом аспекте следования нормам ингушского этикета *эздел* [Дзарахова 2010].

Историко-этнографическому исследованию культуры и быта моздокских кабардинцев в XIX – первой половине XX в. посвящена монография Н.А. Кунова. Один из разделов его книги отведен браку и свадебным обрядам, внутрисемейным отношениям и воспитанию детей, похоронным обычаям моздокских кабардинцев [Кунов 2009: 83–120].

В диссертации Э.В. Сангулия «Абхазская свадьба: традиции и инновации» рассматривается один из компонентов обрядов жизненного цикла – абхазская свадьба. Автор рассматривает этот брачный институт с учетом сохранности традиционных элементов и появившихся новых обычаев. Актуальность рассматриваемой проблемы Э.В. Сангулия связывает с происшедшими в последние 30 лет в абхазском обществе политическими процессами, а также с влиянием на традиционную бытовую культуру урбанизации и глобализации. Как считает Э.В. Сангулия, на трансформацию культуры и быта абхазов огромное вли-

яние оказали депортация автохтонного населения за пределы Родины, миграционные процессы после присоединения Абхазии к России, установление советской власти, урбанизация, массовый отток сельской молодежи в города, рост потребностей молодежи, связанным с влиянием глобализации [Сангулия 2020].

Заключение

Таким образом, как это видно из представленного историографического обзора, как дореволюционные, так и советские, и современные этнологи, историки и фольклористы придавали большое значение описанию и интерпретации обрядов жизненного цикла дагестанцев и других народов Кавказа. Семейно-бытовые обряды народов Дагестана были обусловлены влиянием общественно-политической и социально-экономической ситуации, народной педагогикой и нравственно-эстетическими традициями. Анализ новейшей дагестанской историографии обрядов жизненного цикла позволяет сделать вывод, что современные семейно-бытовые ритуалы и обычаи народов Дагестана носят синкретический характер и представляют собой смешение традиционных, усиливающихся исламских и новых элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдинова 2010 – *Абдинова А.Г.* Реликты домонотеистических верований в семейной обрядности народов Дагестана (XIX – начало XX в.). – Махачкала: Алеф, 2010. – 164 с.

Абдурахманов 1988 – *Абдурахманов А.М.* Ритуалы традиционной и современной свадьбы салатавских аварцев // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*: Сб. ст. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 81–105.

Агаширинова 1964 – *Агаширинова С.С.* Свадебные обряды лезгин (XIX – начало XX в.) // Учен. зап. Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР. – Махачкала, 1964. – Вып. 12. – С. 133–154.

Агларов 1964 – *Агларов М.А.* Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности андийцев в XIX в. // Советская этнография (далее – СЭ). – 1964. – № 6. – С. 130–137.

Алигаджиева 2015 – *Алигаджиева З.А.* Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации). – Махачкала, 2015. – 210 с.

Алиев 1953 – *Алиев А.И.* Брак и свадебные обряды даргинцев // СЭ. – 1953. – № 4. – С. 120–124.

Алимова 1981 – *Алимова Б.М.* Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у кайтагских кумыков // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX в.: Сб. ст. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1986. – С. 55–72.

Алимова 1986 – *Алимова Б.М.* Брак и свадебные обряды у табасаранцев (конец XIX – начало XX в.) // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX в.: Сб. ст. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1986. – С. 29–46.

Алимова 1988 – Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи сельского населения Дагестана // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*: Сб. ст. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 46–55.

Алимова 1989 – *Алимова Б.М.* Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 112 с.

Алимова и др. 2013 – *Алимова Б.М., Мусаева М.К., Магомедханов М.М.* Современная дагестанская городская свадьба // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде / Отв. ред. *Ю.М. Ботяков*. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 176–199.

Амиров 1873 – *Амиров М*. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ) В 10-ти вып. – Тифлис, 1873. – Вып. VII. – С. 1–77.

Амирханова, Магомедова 2018 – *Амирханова А.К., Магомедова П.М.* Современная городская свадьба в Дагестане в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Материалы VI Международной научной конференции. ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». – Магас: ООО «КЕП», 2018. – С. 179–188.

Амирханова 2019 – *Амирханова А.К.* Основные итоги полевых исследований, посвященных изучению современной свадьбы и её основных этапов в городах Дагестана в 2016-2018 гг. // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. – Магас: ООО «КЕП», 2019. – С. 185–190.

Анчабадзе 2016 – *Анчабадзе Ю.Д*. От составителя // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. *Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой* / Сост., отв. ред. *Ю.Д. Анчабадзе*. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 5–7.

Бакаева, Гучинова 1988 – *Бакаева Э.П., Гучинова Э.-Б.М.* Погребальный обряд у калмыков в XVII – XX вв. // СЭ. – 1988. – № 4. – С. 98–110.

Бесаева 1976 – *Бесаева Т.З*. Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка: автореферат канд. ист. наук. – М., 1976. – 23 с.

Брак… 1986 – Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX в.: Сб. ст. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1986. – 147 с.

Брак… 1988 – Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*: Сб. ст. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. –188 с.

Булатов и др. 2004 – *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И*. Быт и культура табасаранцев в XIX – XX веках. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2004. – 266 с.

Булатова 1984 – *Булатова А.Г*. Современный свадебный обряд переселенцев // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане: Сб. ст. / отв. ред. *А.И. Исламмагомедов*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1984. – С. 72–91.

Быт… 1981 – Быт сельского населения Дагестана (XIX – начало XX в.) / отв. ред. *С.Ш. Гаджиева*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1981. – 148 с.

Волкова, Джавахишвили 1982 – *Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н*. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. – М.: Наука, 1982. – 240 с.

Гаджалова 2016 – *Гаджалова Ф.А*. Ряженый *пялтар*: обрядовые практики и трансформации образа (на примере с. Кубачи) // Традиционная культура народов Юга России: история, динамика, современное состояние: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2016. – С. 139–149.

Гаджалова 2017 – *Гаджалова Ф.А.* Традиционные обычаи и обряды в современной кубачинской свадьбе // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. Сборник материалов XII Конгресса антропологов и этнологов России. – Ижевск, 3–6 июля 2017. – С. 455.

Гаджалова 2018 – *Гаджалова Ф.А*. Традиционная свадьба села Кубачи Республики Дагестан // Научный диалог. – 2018. – № 11. – С. 163–171.

Гаджалова 2022 – *Гаджалова Ф.А*. Современная свадьба в пространстве горного села Кубачи (по полевым материалам 2017–2018 гг.): Ключевые обряды, локальные особенности // История, археология и этнография Кавказа. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 167–195.

Гаджиев 1980 – *Гаджиев Г.А*. Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. / отв. ред. *М.-З.О. Османов*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1980. – С. 29–46.

Гаджиев 1988 – *Гаджиев Г.А*. Современная свадьба чамалалов // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана: Сб. ст. / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 107–117.

Гаджиева 1967 – *Гаджиева С.Ш.* Семья и семейный быт народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоидат, 1967. – 104 с.

Гаджиева 1979a – *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1979. – 173 с.

Гаджиева 1979b – *Гаджиева С.Ш.* Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. – 58 с.

Гаджиева 1985 – *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. – 360 с.

Гимбатова 2014 – *Гимбатова М.Б.* Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Издат. дом «Эпоха», 2014. – 392 с.

Грабовский 1869 – *Грабовский Н.Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // ССКГ. – Тифлис, 1869. – Вып. II. – С. 1–24.

Дзарахова 2010 – *Дзарахова З.М.-Т.* Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2010. – 200 с.

Дибиров 1988 – *Дибиров М.А.* Традиционные обряды и обычаи в современной гидатлинской свадьбе // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*: Сб. ст. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 118–130.

Исрапилова 2002 – *Исрапилова З.А.* Брак и семейно-бытовые обряды аварцев Андалала: традиции и инновации: автореферат дис… кандидата ист. наук. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2002. – 27 с.

Ихилов 1967 – *Ихилов М.М.* Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1967. – 370 с.

Караханов 2017 – *Караханов С.С.* Брак и свадебная обрядность лезгин-карчагцев в XIX–XX вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2017. – Вып. 3 (204). – С. 47–57.

Карпов 2013 – *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. – Нальчик: Изд-во *М.* и *В. Котляревых*, 2013. – 408 с.

Кунов 2009 – *Кунов Н.А.* Культура и быт моздокских кабардинцев в **XIX** – первой половине **XX** в.: Историко-этнографическое исследование. – Нальчик: «Эльбрус», 2009. –208 с.

Курбанов 1974 – Курбанов К.Э. Брак и свадебные обряды цахуров в XIX – начале XX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. – Махачкала, 1974. – Вып. V. –С. 131–150.

Курбанов 1988 – *Курбанов М.Ю.* Современные свадебные обряды даргинцев // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана: Сб. ст. / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 71–80.

Лобачева 1981 – *Лобачева Н.П.* Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // СЭ. – 1981. – № 2. – С. 36–50.

Лугуев 1988 – *Лугуев С.А.* Новой в современной свадьбе дидойцев // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана: Сб. ст. / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 131–135.

Львов 1870 – *Львов Н.* Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. – Тифлис, 1870. – Вып. III. – С. 1–32.

Магомедов 2009 – *Магомедов А.Дж.* Современная дагестанская свадьба как феномен культурной глобализации // Искусство и наука в современном мире. – М.: Российская академия наук; Российская академия художеств, 2009. – С. 305–317.

Магомедов 2012 – *Магомедов А.Дж.* Исламские новации в современной свадьбе народов Северного Кавказа // Исламоведение. – 2012. – № 3 (13). – С. 60–72.

Магомедова 2017 – *Магомедова П.М.* Свадьба в с. Маали как социальное действие в контексте особенностей социальных отношений в Дагестанском горско-сельском социуме //

Кавказские локальные сообщества в глобальном мире: опыт изучения политический, социальной и религиозной трансформации. – М.; СПб: «Бранко», 2017. – С. 111–130.

Мадюкова 2008 – *Мадюкова С.А*. Обряды жизненного цикла: о социально-философском содержании концепта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: «Философия». – 2008. – Т. 6.– Вып. 3. – С. 115–120.

Мусаева 1988 – *Мусаева М.К*. Традиции и новации в свадебном обряде хваршин // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана: Сб. ст. / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 136–143.

Мусаева 2006 – *Мусаева М.К*. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ИД Наука плюс, 2006. – 220 с.

Мусаева 2007 – *Мусаева М.К*. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 252 с.

Никольская 1946 – *Никольская З*. Свадебные и родильные обряды аварцев Кахибского района // СЭ. – 1946. – № 2. – С. 193–197.

Омаров 1868 – *Омаров А*. Воспоминания муталима // ССКГ. – Тифлис, 1868. – Вып. I. – С. 13–64.

Омаров, Сефербеков 1999 – *Омаров И.И., Сефербеков Р.И*. Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев селения Куппа Левашинского района Республики Дагестан. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1999. – 24 с.

Панек, Шиллинг 1996 – *Панек Л.Б., Шиллинг Е.М*. Сборник очерков по этнографии Дагестана / науч. ред. *Р.И. Сефербеков*. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1996. – 110 с.

Пржецлавский 1860 – *Пржецлавский П*. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. – СПб., 1860. – Кн. 4. – Т. 12. – С. 269–318.

Рагимова 1991 – *Рагимова Б.Р*. Семейная обрядность лезгин (вторая половина XIX – начало XX в.): Депонировано в ИНИОН АН СССР. – № 3/147-52215. – М., 1991.

Рагимова 2001 – *Рагимова Б.Р*. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. – Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 2001. – 158 с.

Ризаханова 1988 – *Ризаханова М.Ш*. Брак и свадебная обрядность лезгин (традиции и инновации) // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана: Сб. ст. / отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 56–70.

Сангулия 2020 – *Сангулия Э.В*. Абхазская свадьба: традиции и инновации: Автореферат кандидата исторических наук. – Сухум: Абиги, 2020. – 27 с.

Семейный… 1980 – Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. / отв. ред. *М.-З.О. Османов*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1980. – 120 с.

Сергеева 1959 – *Сергеева Г.А*. Брак и свадьба у народов Дагестана // Краткие сообщения Института этнографии. – М., 1959. – Вып. 32. С. 30–36.

Сергеева 2016 – *Сергеева Г.А*. Свадебные обряды и обычаи народов Ботлихского района Дагестана (Публикация, введение и комментарии *З.У. Махмудовой*) // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. *Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой* / Сост., отв. ред. *Ю.Д. Анчабадзе*. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 31–47.

Сефербеков и др. 2021 – *Сефербеков Р.И., Булатов Б.Б., Зульпукарова Э.М.-Г., Гасанова М.Р., Сефербеков М.Р*. Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период. – Махачкала: Издательство Дагестанского государственного университета, 2021. – 262 с.

Смирнова 1973 – *Смирнова Я.С*. Традиции и инновации в развитии семейной обрядности народов (по материалам Северного Кавказа). – М.: Наука, 1973. – 14 с.

Смирнова 1983 – *Смирнова Я.С*. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). – М.: Наука, 1983. – 264 с.

Современные… 1984 – Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане: Сб. ст. / отв. ред. *А.И. Исламмагомедов*. – Махачкала: б/и, 1984. – 152 с.

Соловьева 1984 – *Соловьева Л.Т.* Обычаи и обряды детского цикла у грузин (вторая половина XIX – начало XX в.) // Кавказский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1984. – Вып. VIII. – С. 167–185.

Текуева 2006 – *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. – Нальчик: «Эль-Фа», 2006. – 260 с.

Тэрнер 1983 – *Тэрнер В.* Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

Хадирбеков 2008 – *Хадирбеков Н.Б.* Свадебные обряды народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем: XIX – XX вв.: автореферат дис… канд. ист. наук. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 27 с.

Хасбулатова 2007a – *Хасбулатова З.И.* Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в). – М.: Московская типография, 2006. – 416 с.

Хасбулатова 2007b – *Хасбулатова З.И.* Нравственная культура чеченцев «гIиллакх – оьздангалла». – Назрань: «Пилигрим», 2007. – 90 с.

Хасбулатова 2019 – *Хасбулатова З.И.* Традиционная культура воспитания детей у чеченцев (XIX – начало XX в): Историко-этнографическое исследование. – Грозный: Изд-во Чеченского государственного университета, 2019. – 396 с.

Хозяйство… 1977 – Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX – XX вв. / отв. ред. *С.Ш. Гаджиева*. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1977. – 134 с.

Чижикова 1980 – *Чижикова Л.Н.* Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области) // СЭ. – 1980. – № 2. С. – 10–24.

Чурсин 1928 – *Чурсин Г.Ф.* Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / науч. ред. *Р.И. Сефербеков*. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1995. – 92 с.

Шанаев 1870 – *Шанаев Д.* Свадьба у северных осетин // ССКГ. – Тифлис, 1870. –Вып. IV. – С. 1–30.

Элиаде 1994 – *Элиаде М.* Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Грабовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

REFERENCES

ABDINOVA A.G. *Relikty domonoteisticheskih verovanij v semejnoj obrjadnosti narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.)* [Relics of pre-monotheistic beliefs in the family rituals of the peoples of Dagestan (XIX – early XX century)]. – Mahachkala: Alef, 2010. – 164 s. (In Russ.).

ABDURAHMANOV A.M. *Ritualy tradicionnoj i sovremennoj svad'by salatavskih avarcev* [Traditional and modern wedding rituals of Salatava Avars]. IN: Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova: Sb. st. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 81–105. (In Russ.).

AGASHIRINOVA S.S. *Svadebnye obrjady lezgin (XIX – nachalo XX v.)* [Lezgin wedding ceremonies (XIX - early XX century)]. IN: Uchen. zap. Instituta IJaL Dag. filiala AN SSSR. – Mahachkala, 1964. – Vyp. 12. – S. 133–154. (In Russ.).

AGLAROV M.A. *Formy zakljuchenija braka i nekotorye osobennosti svadebnoj obrjadnosti andijcev v XIX v.* [Forms of marriage and some features of the wedding rituals of the Andians in the 19th century]. IN: Sovetskaja jetnografija (dalee – SJe). – 1964. – № 6. – S. 130–137. (In Russ.).

ALIGADZHIEVA Z.A. *Sovremennaja svadebnaja obrjadnost' avarcev (tradicii i innovacii)* [Modern wedding rites of the Avars (traditions and innovations)]. – Mahachkala, 2015. – 210 s. (In Russ.).

ALIEV A.I. *Brak i svadebnye obrjady dargincev* [Marriage and wedding ceremonies of the Dargins]. IN: SJe. – 1953. – № 4. – S. 120–124. (In Russ.).

ALIMOVA B.M. *Obrjady i obychai, svjazannye s rozhdeniem rebenka u kajtagskih kumykov* [Rituals and customs associated with the birth of a child among the Kaitag Kumyks]. IN: Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.: Sb. st. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1986. – S. 55–72. (In Russ.).

ALIMOVA B.M. *Brak i svadebnye obrjady u tabasarancev (konec XIX – nachalo XX v.)* [Marriage and wedding ceremonies among the Tabasarans (late 19th - early 20th centuries)]. IN: Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.: Sb. st. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1986. – S. 29–46. (In Russ.).

ALIMOVA B.M. *Brak i svadebnye obychai sel'skogo naselenija Dagestana* [Marriage and wedding customs of the rural population of Dagestan]. IN: Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova: Sb. st. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 46–55. (In Russ.).

ALIMOVA B.M. *Brak i svadebnye obychai v proshlom i nastojashhem: Ravninnyj Dagestan* [Marriage and wedding customs in the past and present: Plain Dagestan]. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1989. – 112 s. (In Russ.).

ALIMOVA B.M., MUSAEVA M.K., MAGOMEDHANOV M.M. *Sovremennaja dagestanskaja gorodskaja svad'ba* [Modern Dagestan city wedding]. IN: Kavkazskij gorod: potencial jetnokul'turnyh svjazej v urbanisticheskoj srede / Otv. red. Ju.M. Botjakov. – SPb.: MAJe RAN, 2013. – S. 176–199. (In Russ.).

AMIROV M. *Sredi gorcev Severnogo Dagestana (iz dnevnika gimnazista)* [Among the highlanders of Northern Dagestan (from the diary of a high school student)]. IN: Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (dalee – SSKG) V 10-ti vyp. – Tiflis, 1873. – Vyp. VII. – S. 1–77. (In Russ.).

AMIRHANOVA A.K., MAGOMEDOVA P.M. *Sovremennaja gorodskaja svad'ba v Dagestane v uslovijah globalizacii* [Modern urban wedding in Dagestan in the context of globalization]. IN: Gumanitarnye i social'no-politicheskie problemy modernizacii Kavkaza. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. FGBOU VO «Ingushskij gosudarstvennyj universitet». – Magas: OOO «KEP», 2018. – S. 179–188. (In Russ.).

AMIRHANOVA A.K. *Osnovnye itogi polevyh issledovanij, posvjashhennyh izucheniju sovremennoj svad'by i ejo osnovnyh jetapov v gorodah Dagestana v 2016-2018 gg.* [The main results of field research devoted to the study of the modern wedding and its main stages in the cities of Dagestan in 2016-2018]. IN: Gumanitarnye i social'no-politicheskie problemy modernizacii Kavkaza. – Magas: OOO «KEP», 2019. – S. 185–190. (In Russ.).

ANCHABADZE JU.D. *Ot sostavitelja* [From the compiler]. IN: Narody Kavkaza: jetnokul'turnye tradicii i modernizacija. Nauchnyj sbornik, posvjashhennyj pamjati G.A. Sergeevoj / Sost., otv. red. Ju.D. Anchabadze. – M.: Tri kvadrata, 2016. – S. 5–7. (In Russ.).

BAKAEVA JE.P., GUCHINOVA JE.-B.M. *Pogrebal'nyj obrjad u kalmykov v XVII – XX vv.* [Funeral rite among the Kalmyks in the 17th - 20th centuries]. IN: SJe. – 1988. – № 4. – S. 98–110. (In Russ.).

BESAEVA T.Z. *Obrjady i obychai osetin, svjazannye s rozhdeniem i vospitaniem rebenka* [Ossetian rituals and customs associated with the birth and upbringing of a child]: avtoreferat kand. ist. nauk. – M., 1976. – 23 s. (In Russ.).

Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. [Marriage and wedding customs among the peoples of Dagestan in the 19th - early 20th centuries].: Sb. st. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1986. – 147 s. (In Russ.).

Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana [Marriage and wedding customs of the peoples of modern Dagestan] / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova: Sb. st. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. –188 s. (In Russ.).

BULATOV B.B., GASHIMOV M.F., SEFERBEKOV R.I. Byt i kul'tura tabasarancev v XIX – XX vekah. [Life and culture of the Tabasarans in the 19th – 20th centuries].– Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2004. – 266 s. (In Russ.).

BULATOVA A.G. Sovremennyj svadebnyj obrjad pereselencev [Modern wedding ceremony of immigrants]. IN: Sovremennye kul'turno-bytovye processy v Dagestane: Sb. st. / otv. red. A.I. Islammagomedov. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1984. – S. 72–91. (In Russ.).

Byt sel'skogo naselenija Dagestana (XIX – nachalo XX v.) [Life of the rural population of Dagestan (XIX - early XX century)] / otv. red. S.Sh. Gadzhieva. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1981. – 148 s. (In Russ.).

VOLKOVA N.G., DZHAVAHISHVILI G.N. *Bytovaja kul'tura Gruzii XIX – XX vekov: tradicii i innovacii* [Everyday culture of Georgia in the 19th – 20th centuries: traditions and innovations]. – M.: Nauka, 1982. – 240 s. (In Russ.).

GADZHALOVA F.A. *Rjazhenyj pjaltar: obrjadovye praktiki i transformacii obraza (na primere s. Kubachi)* [Costumed Pyaltar: Ritual Practices and Image Transformations (on the example of the village of Kubachi)]. IN: Tradicionnaja kul'tura narodov Juga Rossii: istorija, dinamika, sovremennoe sostojanie: Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Krasnodar, 2016. – S. 139–149. (In Russ.).

GADZHALOVA F.A. *Tradicionnye obychai i obrjady v sovremennoj kubachinskoj svad'be* [Traditional customs and rituals in a modern Kubachi wedding]. IN: Missija antropologii i jetnologii: nauchnye tradicii i sovremennye vyzovy. Sbornik materialov XII Kongressa antropologov i jetnologov Rossii. – Izhevsk, 3–6 ijulja 2017. – S. 455. (In Russ.).

GADZHALOVA F.A. *Tradicionnaja svad'ba sela Kubachi Respubliki Dagestan* [Traditional wedding in the village of Kubachi, Republic of Dagestan]. IN: Nauchnyj dialog. – 2018. – № 11. – S. 163–171. (In Russ.).

GADZHALOVA F.A. *Sovremennaja svad'ba v prostranstve gornogo sela Kubachi (po polevym materialam 2017–2018 gg.): Kljuchevye obrjady, lokal'nye osobennosti* [Modern wedding in the space of the mountain village of Kubachi (based on field data 2017–2018): Key rituals, local features]. IN: Istorija, arheologija i jetnografija Kavkaza. – 2022. – T. 18. – № 1. – S. 167–195. (In Russ.).

GADZHIEV G.A. *Perezhitki drevnih predstavlenij v pohoronno-pogrebal'nyh obrjadah lezgin* [Remnants of ancient ideas in the funeral and funeral rites of the Lezgins]. IN: Semejnyj byt narodov Dagestana v XIX – XX vv. / otv. red. M.-Z.O. Osmanov. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1980. – S. 29–46. (In Russ.).

GADZHIEV G.A. *Sovremennaja svad'ba chamalalov* [Modern Chamalal wedding]. IN: Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana: Sb. st. / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 107–117. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Sem'ja i semejnyj byt narodov Dagestana* [Family and family life of the peoples of Dagestan]. – Mahachkala: Dagknigoidat, 1967. – 104 s. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Ocherki istorii sem'i i braka u nogajcev. XIX – nachalo XX v.* [Essays on the history of family and marriage among the Nogais. 19th – early 20th centuries]. – M.: Nauka, 1979. – 173 s. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Formirovanie i razvitie novoj obrjadnosti v Dagestane* [Formation and development of new rituals in Dagestan]. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1979. – 58 s. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Sem'ja i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.* [Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th - early 20th centuries]. – M.: Nauka, 1985. – 360 s. (In Russ.).

GIMBATOVA M.B. *Muzhchina i zhenshhina v tradicionnoj kul'ture tjurkojazychnyh narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.).* [Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan (XIX - early XX century)]. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN; Izdat. dom «Jepoha», 2014. – 392 s. (In Russ.).

GRABOVSKIJ N.F. *Svad'ba v gorskih obshhestvah Kabardinskogo okruga* [Wedding in mountain communities of the Kabardian region]. IN: SSKG. – Tiflis, 1869. – Vyp. II. – S. 1–24. (In Russ.).

DZARAHOVA Z.M.-T. *Tradicionnyj svadebnyj obrjad i jetiket ingushej* [Traditional wedding ceremony and etiquette of the Ingush]. – Rostov-na-Donu: Juzhnyj izdatel'skij dom, 2010. – 200 s. (In Russ.).

DIBIROV M.A. *Tradicionnye obrjady i obychai v sovremennoj gidatlinskoj svad'be* [Traditional rites and customs in the modern Gidatly wedding]. IN: Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova: Sb. st. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 118–130. (In Russ.).

ISRAPILOVA Z.A. *Brak i semejno-bytovye obrjady avarcev Andalala: tradicii i innovacii* [Marriage and family rituals of Andalal Avars: traditions and innovations]: avtoreferat dis… kandidata ist. nauk. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2002. – 27 s. (In Russ.).

IHILOV M.M. *Narodnosti lezginskoj gruppy: Jetnograficheskoe issledovanie proshlogo i nastojashhego lezgin, tabasarancev, rutulov, cahurov, agulov* [The peoples of the Lezgin group: An ethnographic study of the past and present of the Lezgins, Tabasarans, Rutuls, Tsakhurs, Aguls]. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1967. – 370 s. (In Russ.).

KARAHANOV S.S. *Brak i svadebnaja obrjadnost' lezgin-karchagcev v XIX – XX vv.* [Marriage and wedding rituals of the Lezghins-Karchags in the 19th–20th centuries]. IN: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – Vyp. 3 (204). – S. 47–57. (In Russ.).

KARPOV JU.JU. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. –Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotljarevyh, 2013. – 408 s. (In Russ.).

KUNOV N.A. *Kul'tura i byt mozdokskih kabardincev v XIX – pervoj polovine XX v.: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Culture and Life of the Mozdok Kabardians in the 19th – First Half of the 20th Centuries: Historical and Ethnographic Research]. – Nal'chik: «Jel'brus», 2009. –208 s. (In Russ.).

KURBANOV K.JE. *Brak i svadebnye obrjady cahurov v XIX – nachale XX v.* [Marriage and wedding ceremonies of the Tsakhurs in the 19th - early 20th centuries]. IN: Voprosy istorii i jetnografii Dagestana. – Mahachkala, 1974. – Vyp. V. –S. 131–150. (In Russ.).

KURBANOV M.JU. *Sovremennye svadebnye obrjady dargincev* [Modern wedding ceremonies of the Dargins]. IN: Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana: Sb. st. / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 71–80. (In Russ.).

LOBACHEVA N.P. *Svadebnyj obrjad kak istoriko-jetnograficheskij istochnik (na primere horezmskih uzbekov)* [Wedding ceremony as a historical and ethnographic source (on the example of the Khorezm Uzbeks)]. IN: SJe. – 1981. – № 2. – S. 36–50. (In Russ.).

LUGUEV S.A. *Novoj v sovremennoj svad'be didojcev* [New in the modern Didoy wedding]. IN: Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana: Sb. st. / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 131–135. (In Russ.).

L'VOV N. *Domashnjaja i semejnaja zhizn' dagestanskih gorcev avarskogo plemeni* [Home and family life of the Dagestan mountaineers of the Avar tribe]. IN: SSKG. – Tiflis, 1870. – Vyp. III. – S. 1–32. (In Russ.).

MAGOMEDOV A.DZH. *Sovremennaja dagestanskaja svad'ba kak fenomen kul'turnoj globalizacii* [Modern Dagestan wedding as a phenomenon of cultural globalization]. IN: Iskusstvo i nauka v sovremennom mire. – M.: Rossijskaja akademija nauk; Rossijskaja akademija hudozhestv, 2009. – S. 305–317. (In Russ.).

MAGOMEDOV A.DZH. *Islamskie novacii v sovremennoj svad'be narodov Severnogo Kavkaza* [Islamic innovations in the modern wedding of the peoples of the North Caucasus]. IN: Islamovedenie. – 2012. – № 3 (13). – S. 60–72. (In Russ.).

MAGOMEDOVA P.M. *Svad'ba v s. Maali kak social'noe dejstvie v kontekste osobennostej social'nyh otnoshenij v Dagestanskom gorsko-sel'skom sociume* [Wedding in the village Maali as a social action in the context of the peculiarities of social relations in the Dagestan mountain-rural society]. IN: Kavkazskie lokal'nye soobshhestva v global'nom mire: opyt izuchenija politicheskij, social'noj i religioznoj transformacii. – M.; SPb: «Branko», 2017. – S. 111–130. (In Russ.).

MADJUKOVA S.A. *Obrjady zhiznennogo cikla: o social'no-filosofskom soderzhanii koncepta* [Rites of the life cycle: on the socio-philosophical content of the concept]. IN: Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: «Filosofija». – 2008. – T. 6. – Vyp. 3. – S. 115–120. (In Russ.).

MUSAEVA M.K. *Tradicii i novacii v svadebnom obrjade hvarshin* [Traditions and innovations in the Khvarshin wedding ceremony]. IN: Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana: Sb. st. / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 136–143. (In Russ.).

MUSAEVA M.K. *Tradicionnye obychai i obrjady narodov Nagornogo Dagestana, svjazannye s rozhdeniem i vospitaniem detej* [Traditional customs and rituals of the peoples of Nagorno-Dagestan associated with the birth and upbringing of children]. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN; ID Nauka pljus, 2006. – 220 s. (In Russ.).

MUSAEVA M.K. *Jetnografija detstva narodov Dagestana (Tradicii narodov Ravninnogo i Juzhnogo Dagestana)* [Ethnography of childhood of the peoples of Dagestan (Traditions of the peoples of the Plain and Southern Dagestan)]. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2007. – 252 s. (In Russ.).

NIKOL'SKAJA Z. *Svadebnye i rodil'nye obrjady avarcev Kahibskogo rajona* [Wedding and birth ceremonies of the Avars of the Kakhib region]. IN: SJe. – 1946. – № 2. – S. 193–197. (In Russ.).

OMAROV A. Vospominanija mutalima [Mutalim memories]. IN: SSKG. – Tiflis, 1868. – Vyp. I. – S. 13–64. (In Russ.).

OMAROV I.I., SEFERBEKOV R.I. *Brak i svadebnye obrjady dargincev-cudaharcev selenija Kuppa Levashinskogo rajona Respubliki Dagestan* [Marriage and wedding ceremonies of the Dargin-Tsudaharians of the village of Kuppa, Levashinsky district of the Republic of Dagestan]. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 1999. – 24 s. (In Russ.).

PANEK L.B., SHILLING E.M. *Sbornik ocherkov po jetnografii Dagestana* [Collection of essays on the ethnography of Dagestan] / nauch. red. R.I. Seferbekov. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 1996. – 110 s. (In Russ.).

PRZHECLAVSKIJ P. *Nravy i obychai v Dagestane* [Manners and customs in Dagestan]. IN: Voennyj sbornik. – SPb., 1860. – Kn. 4. – T. 12. – S. 269–318. (In Russ.).

RAGIMOVA B.R. *Semejnaja obrjadnost' lezgin (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.):* [Lezgin family rituals (second half of the 19th - early 20th centuries)]. Deponirovano v INION AN SSSR. – № 3/147-52215. – M., 1991. (In Russ.).

RAGIMOVA B.R. *Zhenshhina v tradicionnom dagestanskom obshhestve XIX – nachala XX v.* [Woman in the traditional Dagestan society of the 19th - early 20th centuries]. – Mahachkala: Izd. DNC RAN, 2001. – 158 s. (In Russ.).

RIZAHANOVA M.SH. *Brak i svadebnaja obrjadnost' lezgin (tradicii i innovacii)* [Marriage and wedding rites of the Lezgins (traditions and innovations)]. IN: Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana: Sb. st. / otv. red. M.A. Aglarov, sost. B.M. Alimova. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 56–70. (In Russ.).

SANGULIJA JE.V. Abhazskaja svad'ba: tradicii i innovacii [Abkhaz wedding: traditions and innovations]: Avtoreferat kandidata istoricheskih nauk. – Suhum: Abigi, 2020. – 27 s. (In Russ.).

Semejnyj byt narodov Dagestana v XIX – XX vv. [Family life of the peoples of Dagestan in the XIX–XX centuries] / otv. red. M.-Z.O. Osmanov. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1980. – 120 s. (In Russ.).

SERGEEVA G.A. *Brak i svad'ba u narodov Dagestana* [Marriage and wedding among the peoples of Dagestan]. IN: Kratkie soobshhenija Instituta jetnografii. – M., 1959. – Vyp. 32. S. 30–36. (In Russ.).

SERGEEVA G.A. *Svadebnye obrjady i obychai narodov Botlihskogo rajona Dagestana (Publikacija, vvedenie i kommentarii Z.U. Mahmudovoj)* [Wedding rites and customs of the peoples of the Botlikh region of Dagestan (Publication, introduction and comments by Z.U. Makhmudova)]. IN: Narody Kavkaza: jetnokul'turnye tradicii i modernizacija. Nauchnyj sbornik, posvjashhennyj pamjati G.A. Sergeevoj / Sost., otv. red. Ju.D. Anchabadze. – M.: Tri kvadrata, 2016. – S. 31–47. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I., BULATOV B.B., ZUL'PUKAROVA JE.M.-G., GASANOVA M.R., SEFERBEKOV M.R. *Antropologija dagestanskogo goroda: vlijanie globalizacii na transformaciju kul'tury i byta gorozhan Dagestana v postsovetskij period* [Anthropology of the Dagestan city: the impact of globalization on the transformation of the culture and life of the citizens of Dagestan in the post-Soviet period]. – Mahachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021. – 262 s. (In Russ.).

SMIRNOVA JA.S. *Tradicii i innovacii v razvitii semejnoj obrjadnosti narodov (po materialam Severnogo Kavkaza)* [Traditions and innovations in the development of family rituals of peoples (based on materials from the North Caucasus)]. – M., 1973. – 14 s. (In Russ.).

SMIRNOVA JA.S. *Sem'ja i semejnyj byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraja polovina XIX–XX v.)* [Family and family life of the peoples of the North Caucasus (second half of the 19th–20th centuries)]. – M.: Nauka, 1983. – 264 s. (In Russ.).

Sovremennye kul'turno-bytovye processy v Dagestane [Modern cultural and everyday processes in Dagestan]: Sb. st. / otv. red. A.I. Islammagomedov. – Mahachkala, 1984. – 152 s. (In Russ.).

SOLOV'EVA L.T. *Obychai i obrjady detskogo cikla u gruzin (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.)* [Customs and rituals of the children's cycle among Georgians (second half of the 19th - early 20th centuries)]. IN: Kavkazskij jetnograficheskij sbornik. – M., 1984. – Vyp. VIII. – S. 167–185. (In Russ.).

TEKUEVA M.A. *Muzhchina i zhenshhina v adygskoj kul'ture: tradicii i sovremennost'* [Man and woman in the Adyghe culture: traditions and modernity]. – Nal'chik: «Jel'-Fa», 2006. – 260 s. (In Russ.).

TJERNER V. Simvol i ritual [Symbol and ritual]. – M.: Nauka, 1983. – 277 s. (In Russ.).

HADIRBEKOV N.B. *Svadebnye obrjady narodov Juzhnogo Dagestana v proshlom i nastojashhem: XIX – XX vv.* [Wedding rites of the peoples of South Dagestan in the past and present: XIX - XX centuries]: avtoreferat dis… kand. ist. nauk. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2008. – 27 s. (In Russ.).

HASBULATOVA Z.I. *Vospitanie detej u chechencev: obychai i tradicii (XIX – nachalo XX v)* [Education of children among the Chechens: customs and traditions (XIX - early XX century)]. – M., 2006. – 416 s. (In Russ.).

HASBULATOVA Z.I. *Nravstvennaja kul'tura chechencev «gIillakh – o'zdangalla»* [The moral culture of the Chechens "gIillakh - ozdangalla"]. – Nazran': «Piligrim», 2007. – 90 s. (In Russ.).

HASBULATOVA Z.I. *Tradicionnaja kul'tura vospitanija detej u chechencev (XIX – nachalo XX v): Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [The traditional culture of raising children among the Chechens (XIX - early XX century): Historical and ethnographic study]. – Groznyj: Izd-vo Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. – 396 s. (In Russ.).

Hozjajstvo, material'naja kul'tura i byt narodov Dagestana v XIX – XX vv. [Economy, material culture and life of the peoples of Dagestan in the XIX - XX centuries]. / otv. red. S.Sh. Gadzhieva. – Mahachkala: Institut IJaL Dag. filiala AN SSSR, 1977. – 134 s. (In Russ.).

CHIZHIKOVA L.N. *Jetnicheskie tradicii v sovremennoj svadebnoj obrjadnosti sel'skogo naselenija jetnokontaktnoj zony (na primere Belgorodskoj oblasti)* [Ethnic traditions in the modern wedding rituals of the rural population of the ethnocontact zone (on the example of the Belgorod region)]. IN: SJe. – 1980. – № 2. S. – 10–24. (In Russ.).

CHURSIN G.F. *Avary: Jetnograficheskij ocherk. 1928 g.* [Avars: Ethnographic essay. 1928]. / nauch. red. R.I. Seferbekov. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 1995. – 92 s. (In Russ.).

SHANAEV D. *Svad'ba u severnyh osetin* [Wedding at the North Ossetians]. IN: SSKG. – Tiflis, 1870. –Vyp. IV. – S. 1–30. (In Russ.).

JELIADE M. Svjashhennoe i mirskoe [Sacred and profane] / per. s fr., predisl. i komment. N.K. Grabovskogo. – M.: Izd-vo MGU, 1994. – 144 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.И. Сефербеков – доктор исторических наук.

Information about the author

R.I. Seferbekov – docktor of science (History).

Статья поступила в редакцию 23.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 04.09.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 23.07.2022; approved after reviewing 04.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-376-390
EDN: HVGNPN

ОБРАЗ ОТЦА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ А.П. КЕШОКОВА

Инна Анатольевна Кажарова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-0840

Аннотация. Предметом анализа в представленной статье стали способы изображения отца в автобиографических произведениях А. П. Кешокова – в повести «Вид с белой горы» и рассказе «Чье стремя мы держали». Поставлена цель проследить за тем, как способы показа конкретной личности сообщают о ее ценностных ориентирах, и как отличия в способах ее изображения на разных художественных полотнах проявляют смену ценностных ориентиров самого художника. Проведенные сопоставления позволяют говорить о том, что в повести «Вид с белой горы» автор затрагивает события из биографии Пшемахо Кешокова лишь по касательной. Представив развернутую экспозицию жизни отца в главе «Фамилия», автор отклонится от нее лишь раз. На контрасте с повестью короткий биографический отрезок, воссозданный в рассказе «Чье стремя мы держали», успевает переставить ряд ценностных акцентов в истории отца, показать трагедию его жизни. В рассказе по-иному звучит «исламская» тема, иначе предстает картина старости Пшемахо Кешокова, его судьба вписывается в иной ценностный ряд – туда, где звучат имена Пшикана Шекихачева, Туты Борукаева, Ибрагима Тлигурова. Годы издания обоих произведений дают основание для выводов о ценностных ориентациях писателя.

Ключевые слова: Алим Кешоков, Пшемахо Кешоков, автобиографическая проза, образ, ценностная система, образ, эпоха.

Для цитирования: Кажарова И.А. Образ отца в автобиографической прозе А.П. Кешокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 376-390. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-376-390. EDN: HVGNPN.

© Кажарова И.А., 2022

Original article

THE IMAGE OF THE FATHER IN THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF A. P. KESHOKOV

Inna A. Kazharova
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-0840

Abstract. The subject of analysis in the present article is the ways of depicting the father in the autobiographical works of A.P. Keshokov - in the story «View from the White Mountain» and the story «Whose stirrup we held». The goal is to trace how the ways of displaying a particular personality inform about its value orientations, and how the differences in the ways of its depiction on different artistic canvases show a change in the value orientations of the artist himself. The comparisons made allow us to say that in the story «View from the White Mountain» the author touches upon the events from the biography of Pshemakho Keshokov only tangentially. Having presented a detailed exposition of his father's life in the chapter «Surname», the author deviates from it only once. In contrast to the story, a short biographical segment, recreated in the story «Whose stirrup we held», rearranges several value accents in the father's story, to show the tragedy of his life. In the story, the «Islamic» theme sounds differently, the picture of Pshemakho Keshokov's old age appears differently, his fate fits into a different value range - where the names of Pshikan Shekikhachev, Tuta Borukaev, Ibragim Tligurov sound. The years of publication of both works give grounds for conclusions about the value orientations of the writer.

Keywords: Alim Keshokov, Prshemakho Keshokov, autobiographical prose, image, value system, image, era.

For citation: Kazharova I.A. The image of the father in the autobiographical prose of A.P. Keshokov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 376-390. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-376-390. EDN: HVGNPN.

© Kazharova I.A., 2022

Нас интересует эволюция одного из образов, фигурирующих в автобиографической прозе Алима Кешокова. Бесспорно, для него он из числа особо дорогих, ибо это его отец, Пшемахо Мурзабекович Кешоков (1877–1937). Мы рассмотрим подробности его отражения в повести «Вид с белой горы» (1973) и в рассказе «Чье стремя мы держали» (1989). Оба сочинения основаны на личных воспоминаниях писателя. Причем рассказ невольно побуждает перечитать повесть, поскольку перекликается с ней, добавляя живые штрихи к портретам и событиям противоречивой эпохи, на которую пришлось становление Алима Кешокова. Так возникают сопоставления, а с ними и размышления о ценностном подтексте того, к чему автор посчитал нужным вернуться спустя годы после опубликования повести.

В картине политической и культурной жизни раннесоветской Кабардино-Балкарии личность Пшемахо Кешокова одна из наиболее колоритных, тем не менее, пишут о нем редко. Не считая произведений его сына, Алима, из всего, что сказано о нем, и при этом не тяготеет к повтору ранее известного, можно назвать материалы, опубликованные Е. М. Машитловой в книге «Первые писатели Кабарды» [Первые… 1968: 115–119], статью А. Х. Хакуашева о публицистике П. Кешокова [Хакуашев 1989: 54–61], подкрепленную авторитетными ар-

хивными данными статью Н. А. Бальжатовой[*], и основанную на воспоминаниях детей и односельчан П. Кешокова газетную публикацию журналиста Луизы Оразаевой [Оразаева 1989]. Ссылаясь на эти и другие источники, художественные в том числе, мы будем анализировать способы изображения Пшемахо Кешокова в упомянутых повести и рассказе.

Со временем писателю могут вспомниться важные подробности того, что однажды было им запечатлено в автобиографическом произведении. Вместе с тем не остаются неподвижными его аксиологические представления, и, если он берется за очередное автобиографическое сочинение, вероятней всего, чувствует потребность переменить ракурс изображения лиц и событий. И образы самых близких людей, конечно, не составляют в этом исключения.

Избрав предметом анализа отражение личности, значимой в собственной истории писателя и в истории социума, мы ставим цель проследить за тем, как способы показа конкретной личности сообщают о ее ценностных ориентирах, и как отличия в способах ее изображения на разных художественных полотнах проявляют смену (или эволюцию) ценностных ориентиров самого художника.

Человек с духовным образованием, Пшемахо Кешоков будучи уже вполне сложившейся личностью (на момент Октябрьской революции, с которой начинается отсчет новой эпохи, ему 40 лет) оказался на стыке двух совершенно противоположных миров. Он формировался и совершенствовался в рамках одной системы ценностей, но без колебаний выступил навстречу новой, и проявил себя в ней очень весомо, несмотря на ее двойственность, в которой ему довелось убедиться не раз.

Два автобиографических произведения, о которых идет речь, при всех своих событийных перекличках подчиняются разным «конвенциям мира» (Е. Фарино), воссозданного в них. Если повесть «Вид с белой горы», разворачивая сложные и многообразные события руководствуется логикой постепенного продвижения к светлому будущему (которое ближе к финальным главам принимает вид умиротворенного настоящего), то рассказ – это возвращение к некоторым из этих событий с намерением высказать то, что в период написания повести желательно было привести в гармонию с официальной точкой зрения или же вовсе обойти молчанием. «Здесь словно открываются глаза (автобиографического «Я» и читателя) на подоплеку тех трагических событий, которые оставались для автора неясными в годы юности, либо попросту не попадали в поле его внимания» [Кажарова 2022: 205]. В ограниченных рамках рассказа «Чье стремя мы держали» Алим Кешоков успевает затронуть многое – трагедию раскулачивания, Баксанские события, борьбу за власть и «логику» уничтожения неугодных ей, переписывание истории, судьбу адыгского языка, судьбу интеллигенции Кабардино-Балкарии и «особое внимание» к ее исламски образованным представителям. В этом потоке болезненных тем он вновь обращается к истории своего отца. Описывает его последние дни, словно стараясь завершить то, что читателю было известно из повести.

[*] Документы УЦГА КБР о Кешоковых // Druzya.ComСайт музыки регионов Кавказа. URL: http://druzya.com/documenty-ucga-kbr-o-keschokovyh.html (дата обращения: 18.11.2013)

Рассматривая отражение личности Пшемахо Кешокова в повести «Вид с белой горы», стоит начать с того, что речь о нем начинается с главы «Фамилия», и по мере дальнейшего развития событий автор несколько раз возвращается к нему. Первоначально его имя появляется в контексте истории рода Кешоко, ближайших предков и потомков Пшемахо. Основные этапы его биографии предстают наподобие развернутой экспозиции: становление, свершения, мечты и реальность, долгая жизнь в памяти сельчан. По сути, в главе «Фамилия» Алим Кешоков успевает пересказать основное в судьбе своего отца, и в последующем повествовании к этому будут прирастать лишь некоторые подробности.

Можно заметить, что история жизни Пшемахо условно поделена в этой главе на периоды до и после установления советской власти в Кабарде. «До» – в сжатом, но от этого не менее примечательном изложении, «после» ведет отсчет с 1917 года, освещает Пшемахо в новом миропорядке и завершается мирной картиной его старости. И еще «после» будет детализироваться на всех остальных страницах повести, где встречается Пшемахо. (Кстати, случаи, где он упоминается по имени, единичны, в большинстве эпизодов писатель называет его «отец», тем самым даже на уровне номинации удерживая ощущение тесноты душевной связи с ним).

Дореволюционная пора жизни Пшемахо Кешокова в основном сосредоточена на его образовании. Причем автор ненавязчиво дает понять, что конфессиональный уклон его возник по воле обстоятельств. Просто у Пшемахо не обнаружилось склонности ни к чему другому, кроме грамоты, а конфессиональное образование открывало к ней дорогу: «Пшемахо пробовал овладеть ремеслом кузнеца – не получилось. Попытался проявить свои способности в торговле – безуспешно. Ему хотелось приобщиться к грамоте, стать писарем <…> Итак, Пшемахо Кешоков решил стать грамотным. Он уехал сначала в Малую Кабарду, потом в Адыгею учиться в медресе» [Кешоков 2007: 199]. Если не стремление к самосовершенствованию в духовном образовании, то уж точно усердие в овладении грамотой можно усмотреть в том, что Пшемахо отправляется в Адыгею и возвращается оттуда в звании эфенди.

Период работы Пшемахо по специальности оказался недолог, опять же, в силу обстоятельств: «Когда в одной из мечетей Шалушки освободилось место муллы, на него взяли моего отца. Казалось, теперь в доме будет достаток, но семье не повезло. Спесивый хаджи, совершивший паломничество ко гробу Магомета, публично оскорбил молодого муллу, и отец ударил его, сбил с ног и вывалял в грязи священную одежду хаджи, приобретенную в Мекке. За это отца не только сместили, но и отлучили от мечети» [Кешоков 2007: 199]. Иначе говоря, уже в дореволюционный период успела возникнуть некая дистанция между Пшемахо Кешоковым и мусульманством. И, конечно же, красноречивые штрихи к «теме ислама» добавляет то, что бывшие его однокашники по медресе предстают не в самом лучшем свете: «Отец подался за Терек к малокабардинцам в надежде, что ему помогут однокашники по медресе. Но оказалось, что некоторые из них занимаются вовсе не святым делом – связались с конокрадами» [Кешоков 2007: 199–200]. Писатель нигде не касается религиозных чувств

Пшемахо, не кидает камень в сторону религии, но мягко и ненавязчиво дистанцирует от нее образ своего отца.

Бросается в глаза, что в повести нет какого-либо перехода от «религиозного» периода в жизни Пшемахо к большевистскому. Он как-то сразу оказывается в эпицентре борьбы за власть Советов, и все остальное, о чем пойдет речь дальше, проходит через его жизнь уже под знаком нового миропорядка.

Однако этап, который предстал в столь сжатом и несколько размытом виде, сегодня можно конкретизировать хотя бы отчасти. Помимо всего, с чем привычно сопряжен образ этого человека – участник гражданской войны, один из первых авторов советской литературы кабардинцев, первых педагогов и большевистских деятелей – есть в его истории то, что заслуживает более пристального внимания: это принадлежность Пшемахо Кешокова к плеяде духовно образованных личностей, которым, как мы упомянули, выпало оказаться на стыке «прежнего» и «нового» миров. Вне идеологических клише, неизбежных в недалеком прошлом, этот аспект просматривается довольно ясно.

В 1989, ровно в год, которым датирован рассказ Алима Кешокова «Чье стремя мы держали», одна из дочерей Пшемахо, Марьян, повествуя об отце журналисту Луизе Оразаевой, дает понять, что его конфессиональное образование было гораздо основательней, чем это привычно представлять: «Учился в медресе, Темирхан-Шуре, в Бухаре» [Оразаева 1989]. Совершенно однозначно говорит об исламской доминанте в жизни Пшемахо Кешокова и, главное, о роли, которую она сыграла на начальной стадии утверждения нового строя, Наталья Бальжатова. Исследователь напоминает о том, что мусульманские духовные деятели пользовались авторитетом в крестьянской среде, а потому были нужны большевикам: «Большевики в борьбе за власть стремились привлечь на свою сторону мелкое духовенство, сделать его своим союзником. Пшемахо Кешоков тоже принимал участие в революционных событиях. Но разделяя большевистские идеи, он оставался верным канонам мусульманской религии»[*]. Сосуществование большевистской идеологии с исламом в тот период вполне непротиворечиво, и в этом свете показательны должности, которые, как подтверждает Н. Бальжатова ссылками на архивные документы, приходятся на один короткий период биографии Пшемахо Кешокова – апрель 1920 г.: «Согласно «Списка должностных лиц Шалушинского сельского правления 3-го участка Нальчикского округа», эфенди Пшемахо Кешоков вошел в состав правления в качестве судьи шариатского сельского суда. А через три недели в селении был образован революционный комитет – новый орган Советской власти, который подчинялся Нальчикскому окружному ревкому. Председателем сельского ревкома избрали Кешокова»[*].

Можно заметить, что и в глазах односельчан Пшемахо Кешоков предстает как воплощение двух традиций, «сам в прошлом мулла, он теперь настойчиво агитирует односельчан учиться» [Коммодов 2014: 12], – упоминает Г. К. Коммодов, описывая историю организации комсомольской ячейки в селении Ша-

[*] Документы УЦГА КБР о Кешоковых // Druzya.ComСайт музыки регионов Кавказа. URL: http://druzya.com/documenty-ucga-kbr-o-keschokovyh.html (дата обращения: 18.11.2013)
[*] Там же.

лушка. Уместно также привести отрывок из романа Х. Х. Каширгова «Жизнь прожить – не поле перейти» (Къашыргъэ Хь. «ГъащIэр матэщIэдзакъым», 1988). Образ Пшемахо вырисовывается среди воспоминаний автобиографического героя о поре своей школьной учебы. Примечательно, как чутко герой улавливает «раньше и теперь» Пшемахо Кешокова, его одухотворенность в том и другом. Х. Каширгов показывает его в минуту, когда он предстал перед школьниками после возвращения из Москвы (позади Всероссийский съезд Советов и похороны В. И. Ленина): «Я хорошо знаю этого человека – Пшемахо. Когда-то его называли эфенди Пшемахо. А позже доводилось мне видеть его проходящим по нашей улице с револьвером на поясе. Он живет неподалеку от нас, в одном из дворов, что расположены напротив поляны. <…> Насколько помню, Пшемахо одет не в черкеску, а в какое-то длинное пальто. Раньше он казался мне кем-то вроде посланника пророка Мухаммада, о котором приходилось слышать так часто. А в этот момент мне подумалось, что он один из тех, кому оставил свои заветы Ленин. Оказалось, так и есть:

– Ленин завещал нам учиться, учиться и еще раз учиться. Мы обещаем, хоть и нет Ленина с нами, не отступать от завещанного им…

Пшемахо говорил еще долго. Он рассказывал нам о жизни Ленина.

Всеми силами мы принялись исполнять заветы Ленина. Теперь нас обучал Пшемахо» (перевод наш. – *И.К.*) [Каширгов 1988: 89].

Затрагивая «исламскую тему» в биографии Пшемахо Кешокова, нельзя обойти его публикации, где он так или иначе касается духовенства. Как известно, из написанного им мало что дошло до наших дней. Казалось бы, не совсем правильно судить о целом лишь по малым фрагментам, но, с другой стороны, и трактовать их упрощенно несправедливо, в особенности зная, что буквально несколькими годами ранее, еще до того, как большевизм стал проявлять какое-либо отношение к мусульманам, прогрессисты из их числа придерживалась весьма решительных взглядов по отношению к религиозному мракобесию. Поэтому, думаем, не стоит улавливать в Пшемахо-публицисте черты антирелигиозника. В его заметках позиция человека, который хорошо разбирается в том, о чем говорит.

Как показывает А. Х. Хакуашев, среди заметок П. Кешокова, опубликованных в газете «Карахалк», тема духовенства звучит не раз. И примеры, которые он приводит, позволяют видеть критический настрой Кешокова: «Все муллы, проживающие в нашем селе, против нашей школы, они говорят так: «Не позволяйте учиться вашей молодежи, станут они гяурами, тогда все пропало!..» Их учеба муллам не по душе, так как если все люди станут образованными, им некого будет обманывать. Ведь если не будет мусульманских пожертвований, то что им останется: купить свисток и посвистывать?» (перевод наш. – *И .К.*) [Хакуашев 1989: 57]. Или такая заметка: «Не знаю, что с этим поделать, мне кажется, это вообще непобедимо. Они говорят родственникам усопшего: «Вашего умершего изобьют железной дубинкой, если вы не поручите мне искат (возмещение долга за пропущенные намазы усопшего. – *И. К.*)!». А те верят, продают единственную корову, несут деньги мулле, тот читает над ними молитву, а потом: «Вы ступайте, а я раздам их беднякам, как полагается», – гово-

рит им мулла, сходит на кладбище разок-другой, покажется людям на глаза, якобы за чтением молитв, а потом с легкостью и в крупной сумме прикарманивает чужие деньги. Не мулле надо относить эти деньги, а самостоятельно раздавать их неимущим.

Так вот, если бы мы одного лишь этого сумели их лишить, тогда бы они попались» (перевод наш. – *И.К.*). [Хакуашев 1989: 60]. Как видим, здесь Пшемахо Кешоков в деталях изобличает муллъские псевдоуслуги, и рекомендует, как правильно поступать с искатом. Он не говорит, что все подобное – пережитки темного прошлого, которые пора отбросить, а поясняет, как избежать обмана. Понятно, что эти публикации приходятся на период, когда началась борьба большевиков с духовенством (время газеты «Карахалк» – 1924–1931 гг.). Но вместе с тем, как мы уже отметили, изобличение обскурантизма и ранее было типично для риторики представителей мусульманской интеллигенции, настроенных на прогресс религии и связанной с ней системы образования. Пшемахо Кешоков имел достаточные знания касательно вопросов образования и религиозного культа, чтобы позволить себе подобные высказывания. И вряд ли при этом оказывался в лагере борцов с духовенством как таковым.

Вглядываясь в изображение той части биографии Пшемахо Кешокова, которая касается борьбы за Советскую власть, можно заметить почти будничный характер повествования об этом драматическом периоде. Вокруг образа Пшемахо, участника гражданской войны, не возникает ничего, даже отдаленно напоминающего ореол героя.

Если все, что было пройдено отцом ранее, могло быть известно автору лишь по рассказам других людей, то теперь он описывает то, что видел сам. Он видит это время в жизни отца сквозь тогдашнее свое мальчишеское желание ощутить дух опасности и героической борьбы. Ведь не случайно у отца, назначенного председателем сельского ревкома, появилась личная охрана – кабардинец с винтовкой, который неотступно следует за ним. И провожают отца на партсобрания, как на войну. Правда, оказывается, что стреляные гильзы, которые, по словам телохранителя, остались у него, когда он отбивался от бандитов, имеют, на самом деле, несколько иное происхождение: «На самом же деле он стрелял преимущественно на свадьбах, когда плясал мой отец, или во время унаиша, – торжественного ввода невесты в дом… » [Кешоков 2007: 200]. Немногим далее (глава «Холод учит ценить тепло») автобиографический герой рассказывает, что весной 1921 г., «отец, отправляясь работать в поле, непременно брал с собой винтовку» [Кешоков 2007: 220]. Сын всякий раз предвкушал стычку с бандитами, воображал, как отец сражает их меткими выстрелами, однако напрасно: «сколько раз мы с отцом ни выезжали в поле, бандиты не появлялись.

Отец-то, конечно, понимал, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, а мне было немножко жалко, я был уверен, что отец разогнал бы бандитов» [Кешоков 2007: 220].

Пшемахо в повести почти не высказывается. А когда высказывается, немногословен. Больше всего высказываний Пшемахо сосредоточено в том фрагменте главы «Фамилия», что представляет его в памяти односельчан. Здесь мо-

жет показаться, что бережная память окружающих – не что иное как инерция подобного же отношения к Пшемахо при жизни, но уже в главе «Холод учит ценить тепло» эта иллюзия развеивается. Непростые события времен гражданской войны словно фон, на котором обнажается скрытое в людях.

Тема просвещения, образования изначально обретает звучание в связи с Пшемахо. При том, что эта связь составляет один из лейтмотивов истории жизни Пшемахо, автор нигде не показывает ее крупным планом. Мы имеем крайне редкие и очень короткие сценки (типа учительства Пшемахо в ликбезе, его возвращение с краткосрочных курсов учителей), а в большинстве случаев – лишь попутные упоминания, вкрапленные в разнообразные события. Они пунктирно проходят через повествование: отец советует Баляцо отдать детей в школу, «чтобы их пальцы сдружились с карандашом и книгой»; обязывает Рашида вечерами учить Алима тому, что сам узнавал в школе; участвует в лингвистической комиссии, чем очень гордится; оставил ниву просвещения и страдает от этого...

Безусловно, автобиографический герой дает понять, что жизнь отца в революционный период была напряженной и насыщенной событиями: «В годы борьбы за Советскую власть отец был партизаном. После окончательного утверждения Советской власти в Кабарде его избрали первым председателем нашего сельского ревкома»; «отец становится учителем, учит в школе ребят на родном языке»; «отец возглавил в ауле борьбу с безграмотностью»; «отец стал в то время секретарем созданной в ауле партячейки», – в главе «Фамилия» обо всем этом рассказано коротко, совершенно без нагнетания драматизма. Более того, на фоне революционно меняющегося мира – тихие мечты Пшемахо о благоустройстве своего дома. Он всего лишь хочет вывести на крышу трубу, чтобы, согласно обычаю, по ней могли стрелять в день свадьбы сына. Об этом – не лишенные юмора его споры с женой:

«– А царю вот и трубы не помогли. Наш дом лучше царского дворца. В нем мы счастье обрели. Сам аллах велел не ломать его, пока сам не развалится.

Отец не очень настаивал:

– Как хочешь. Дом развалится – тебе первой быть под его развалинами. А к свадьбе сына трубу поставим. Пусть на свадьбе стреляют…» [Кешоков 2007: 201]. Автобиографический герой таким образом приостанавливается, успевая показать отца не только в потоке эпохальных событий и многогранных общественных ипостасей, а в будничном измерении. Забегая вперед, отметим, что для него будет важно не упускать это измерение из виду на протяжении всех эпизодов, связанных с Пшемахо, и, конечно же, это сказывается на восприятии его образа читателем. Завершая в главе «Фамилия» краткое изложение биографии своего отца, писатель опосредованно ассоциирует его с образами мудрецов из народных хабаров. Таков он в памяти односельчан. Таков он в почти идеальной картине его старости.

На склоне лет Пшемахо создает свой стройный мирок. В лад национальным традициям и в лад новому времени. Старик, ушедший на покой, должен сделать что-то полезное для аула – так заведено у кавказских народов. И Пшемахо строит «домик путника», что являет собой зародыш социализма: «Отец, находившийся всегда в гуще событий, будучи уже на пенсии, не хотел «даром»

брать деньги. Выхлопотал себе участок земли, прилегающий к магистральной дороге Нальчик – Пятигорск, и построил там «домик путника», а землю вокруг засеял бахчевыми. <…>.

О домике отца писали в газетах: зародыш социализма…

Однажды к «домику путника» завернул первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Бетал Калмыков. «Зародыш социализма» произвел на него впечатление. Бетал похвалил отца.

На бахчу к отцу часто приходили аульчане, старые и молодые. И каждый уносил отсюда в сердце слова, необходимые ему, мудрый совет, а то и предписание больному» [Кешоков 2007: 203]. Гармоничное, почти идиллическое завершение жизни, наполненной смыслом.

Такова развернутая экспозиция жизни Пшемахо Кешокова. В дальнейшем, как мы уже сказали, будут лишь прибавляться некоторые подробности. В этом отношении наибольшая степень детализации образа Пшемахо приходится на главы «Мать» и «Холод учит ценить тепло». И дело совершенно не в количестве упоминаний о нем. Вернее будет отметить, что именно через историю матери автобиографического героя происходит конкретизация личности Пшемахо. И здесь стремление избежать пафосности в изображении отца дает себя знать в полной мере. Мужество, смелость, бесстрашие – все это о матери, Куоз. Рядом с ней образ отца, при несомненной значимости всего, к чему он причастен, вырисовывается несколько приглушенно.

В пору учительства в ликбезпункте именно Куоз отвечает за безопасность Пшемахо. Темными зимними вечерами мать «сопровождала отца в ликбезпункт с винтовкой, хотя толком не знала, как из этой винтовки стреляют. <…> Однажды, увидев, как в темноте сверкнули обнаженные кинжалы, отец пулей вылетел в окно. А «личная охрана» отца – бесстрашная мать осталась в классе и бросила вызов бородатым ученикам:

– Подходите, кому жизнь надоела! Клянусь аллахом, выстрел из винтовки будет последним светом, который увидят ваши глаза» [Кешоков 2007: 205]. Образ Пшемахо, спасающегося бегством, мягко говоря, не дает оснований заподозрить автора в стремлении что-либо примыслить к нему.

Именно Куоз отчаянно встает на защиту Пшемахо, пока тот пытается прийти в себя от угроз родного брата:

«– Иди, выдай меня, а не своего брата! – вскричала она и выхватила из огня раскаленный вертел» [Кешоков 2007: 209].

Именно Куоз кидается спасать от гибели Пшемахо, когда его хватают абреки и ведут на расстрел.

Она, что называется, «ставит на место» бандита, устроившего обыск в ее доме с требованием выдать ее большевисткого мужа. Она вся в порыве, решительных действиях и высказываниях.

Глубоко верующая, «читавшая по-арабски, знавшая наизусть Коран». Именно взгляд Куоз, прежде остальных, отражает то, что выделяет Пшемахо среди многих других – уровень его исламской образованности. Это обстоятельство вплетено в романтическую историю Пшемахо и Куоз. Некогда, обучаясь в медресе Адыгеи, Пшемахо посещал дом своих однокашников, братьев Куоз.

Они «устраивали своего рода состязания: кто больше знает стихов из Корана, лучше говорит по-арабски, лучше владеет искусством красноречия. Пшемахо нередко выходил победителем и был счастлив, ловя на себе восхищенный взгляд юной Куоз» [Кешоков 2007: 207].

Ей суждено намного пережить Пшемахо. Трепетность, которая чувствуется в том, как она следит, чтобы «ее место» возле могилы супруга никто не занял, и в том, что перед лицом смертельной опасности она идет к этой могиле и оставляет возле нее свой платок, придает образу Пшемахо нечто надмирное.

Суть литературного героя во многом определяется через тех, кто изображен рядом с ним. В этой связи известный литературовед Е. Фарино говорит о том, что конфигурации персонажей не бывают случайны, и что «рассматривая состав персонажей в произведении, следует различать их систематику на сюжетном уровне и систематику функциональную» [Фарино 2004: 118]. Становясь на эту точку зрения относительно автобиографического произведения, мы понимаем, что свобода в составлении конфигурации персонажей здесь сильно ограничена властью факта. Герой может быть показан лишь рядом с теми, с кем его сводила жизнь. Но, конечно же, автор всегда делает своеобразную выборку среди этих лиц. И здесь надо отметить, что в повести, помимо Куоз, рядом с кем-либо из индивидуализированных персонажей отец особо-то и не показан. Есть его краткие, весьма сдержанные реплики, которыми он обменивается со своим соседом Баляцо. Есть пунктирно изображенные реакции на поступки сыновей. Но при этом нет развернутого общения, которое позволило бы читателю заглянуть чуть глубже в суть характера Пшемахо. Тем не менее в плане конфигурации персонажей целесообразно учесть эпизоды, что связывают Пшемахо с крупными фигурами эпохи – Назиром Катхановым и Беталом Калмыковым.

Рассказывая о поездке отца в 1923 г. в Москву на Всероссийский съезд Советов, Алим Кешоков делает обширное отступление, в котором переключается на образ Назира Катханова, подробно повествуя о его доблести, заслугах перед народом, мировоззрении. Зримо и проникновенно предстает момент его присутствия на похоронах В. И. Ленина. Вероятней всего, Алим Кешоков опирался здесь на сведения и эмоции, что стали ему известны со слов отца: минуты нахождения Н. Катханова в траурном карауле, его скорбь. О симпатиях Пшемахо к Назиру Алим Кешоков прямо не говорит, нет. Тем не менее, бережное внимание отца и сына к деталям, касающимся личности Н. Катханова, лучше слов свидетельствует об их отношении к нему. Примечательно, что именно в ходе описания событий в Москве 1923 г. А. Кешоков позволяет себе охарактеризовать натуру своего отца. И Назир Катханов при этом рядом: «Мой отец по характеру был на редкость мягкосердечным и отзывчивым. Ему стоило огромных усилий сдерживать слезы, хотя вокруг никто не прятал слез. Но и ему не хватило воли, когда он проходил мимо одного здания, в котором, как видно, размещался детский дом. Из открытых форточек лилась музыка Шопена. Кто-то играл на рояле, а детишки заполнили оконные проемы и, прильнув к затянутым морозом стеклам, ревели. Не сдержал слез и Катханов» [Кешоков 2007: 231].

Примечательно также, что, показывая своего отца рядом с Н. Катхановым, Алим Кешоков считает важным упомянуть короткий эпизод, в котором некогда

сошлись все трое: Назир, Пшемахо и он сам. «Я помню Назыра Катханова. Он приезжал в Шалушку, и отец пригласил его к нам домой на обед. <…> Гость долго не сидел. Пока он благодарил мать за угощение, хвалил вкус «гедлибжи» – курицы в сметане, *я, как этому меня учил отец, отвязал коня, подвел его поближе к гостю и приготовился повиснуть на одном стремени, чтобы седло не съехало набок, когда всадник будет садиться на коня* (курсив наш. – И.К.)» [Кешоков 2007: 230]. Почти бытовая деталь. Но спустя годы в ней проступит символический смысл: навсегда ушедший мир, и в нем – взаимная обращенность друг к другу двух поколений. И, как мы видим, этот смысл писатель вынесет в название автобиографического рассказа – «Чье стремя мы держали».

Непосредственно рядом с Беталом Калмыковым Алим Кешоков своего отца не показывает, но успевает сказать немало об отношении Пшемахо к нему. Имя Калмыкова появляется в связи с опалой Пшемахо.

«Отец оставил ниву просвещения и страшно мучается оттого, что оказался не удел», – вспоминает это время автор. Мир, к возведению которого Пшемахо приложил столько усилий, предстает, будто отраженный в кривом зеркале. Многие из его вчерашних учеников вовсе не по назначению используют возможности, которые дарует им новое время. «Отец, остро чувствовавший ответственность за поведение своих воспитанников, не скрывал отрицательного отношения к происходящему. Возник конфликт. Отца «вычистили» из партии и намекнули, будто сделано это с ведома Бетала Калмыкова.

Отец сказал:

– Я не пойду жаловаться к Беталу. Расскажите ему легенду. Ворона спросили: «За что ты клюешь своих птенцов? Ворон ответил: «За то, что они черные». Я не черный птенец, и он не черный ворон. Клевать друг друга мы не должны» [Кешоков 2007: 244]. Ответ, достойный умудренного жизнью человека. Пшемахо не ведется на эмоции, маскирует острые углы за поэтизмами, но в то же время дает понять, что ситуацию видит ясно. В свою очередь, поэтизмы маскируют тему, на которую не считает нужным выходить автор повести.

О том, насколько восхищенным было некогда отношение отца к Беталу, свидетельствует то, что Пшемахо сложил в честь него песню: «Песню о Бетале Калмыкове», сочиненную когда-то моим отцом, играли духовые оркестры во время праздничных шествий, исполняли в концертах – в присутствии Калмыкова и без него.

Отец и сам любил напевать эту песню в кругу друзей, был счастлив, когда те ему подпевали» [Кешоков 2007: 251]. При этом автор дает понять, что восхищение Пшемахо не вполне оправдывалось, и вновь поэтизм приходится как нельзя кстати: «Он находил оправдание любому шагу Калмыкова, даже если внутренне не одобрял его.

– Головной журавль волен выбирать путь, – говорил отец» [Кешоков 2007: 252].

Возвращаясь к биографии отца в рассказе «Чье стремя мы держали», Алим Кешоков отводит ей место на том отрезке повествования, который посвящен репрессированным писателям – Пшикану Шекихачеву и Туте Борукаеву. Некоей смысловой смычкой между этими именами и Пшемахо становятся размышления автобиографического героя об участи исламски образованной интелли-

генции: «Когда в селах стали открываться школы, было собрано немало людей, окончивших медресе, знакомых с книгами, необходимо было обучить их так, чтобы каждый смог преподавать в школе своего села, и несколько лет подряд в летние месяцы они успешно проходили курсы, а к началу года возвращались и работали учителями. А позже, бог знает, чем они не устроили, стали их обвинять в исламской образованности, хотя всем было понятно, что иных путей для образования у адыгов не существовало: схватили массу таких, да и отправили вслед за Ибрагимом Тлигуровым, вместе с теми, кого окрестили кулаками и подкулачниками» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 539].

Алим Кешоков сосредотачивается в рассказе только на времени опалы Пшемахо, и здесь мы убеждаемся, как на самом деле была далека от действительности изображенная в повести идиллическая картина его старости. Он описывает последние дни Пшемахо. Как мы помним, в повести о них не сказано, смерть отца была упомянута мимоходом, в связи с плачевным состоянием родительского дома. Обращаясь к тем событиям в рассказе, писатель, конечно, не только доводит до конца начатое в повести, но использует возможность излить свою боль.

Это был период, когда Алим Кешоков находился по учебе в Москве. О том, что отец тяжело заболел, его не известили, Пшемахо не желал мешать учебе сына, да и надежду на выздоровление старался не терять: «Это обида подорвала твое здоровье, – вздыхала мать, только вот отец не соглашался, все думал, встанет, если немного отлежится. <…> По большей части находясь в тяжелом полузабытьи, лежал он во дворе под тенью раскидистой груши, шелестевшей над ним листвой» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 539]. В один из дней, когда больному стало чуть лучше, во двор Кешоковых явились зловещие «гости» из НКВД в сопровождении председателя Сельского совета – человека, как подчеркивает писатель, его отцу крайне неприятного. Явились вовсе не для того, чтобы проведать больного. Алим Кешоков, который не был свидетелем ситуации, воссоздает ее очень детально, проживая ее изнутри. Ни в одном из эпизодов повести, связанных с Пшемахо, не было ни детализации, ни эмоциональности, подобной той, что умещается в этом небольшом фрагменте. Он передает, как угасает едва промелькнувшая надежда на выздоровление, как нарастающий страх лишает отца последних сил. По сути, тяжелое состояние спасает Пшемахо от ареста. Об этой «удаче» его последние слова: «Наш отец, собрав остатки сил, еле приподнял голову:

– Дочь абадзехов (так он называл нашу мать), на мое счастье, конец моего земного пути совпал с моей погибелью. Если и помру сегодня, то без сожалений, даже оплакивать незачем. Отправьте весточку сыну. Немного осталось… – После этого отец уже не произнес ни слова» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 540].

Размышляя о судьбе своего отца, Алим Кешоков пытается ответить на вопрос, который, по его словам, задавали многие: «Конфессионально образованных людей, подобных твоему отцу, схватили и уничтожили, остались единицы, что же спасло твоего отца?» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 540]. Отец с оружием в руках воевал за новую власть, – берется объяснять писатель, но, ко-

нечно же, прекрасно осознает слабость такого аргумента: ниже он еще остановится на том, как обошлись с шариатистами и конфессионально образованными людьми, хоть и были те главной опорой при установлении власти Советов.

Алим Кешоков больше склоняется к тому, что охранительную роль в жизни Пшемахо Кешокова сыграла песня о Бетале Калмыкове: «Наверно, не осталось в нашем крае ни одной школы, где бы не исполняли эту песню, также и в училище, что располагалось в Нальчике, даже во время всяких демонстраций звучала ее мелодия. Исполнять эту песню стало бы невозможно, если бы отца посадили, ведь и слова, и музыку сочинил он» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 541]. Правда, позднее, уже когда отец был на пенсии, «песня постепенно стала забываться, и, в конце концов, наши фольклористы решили приписать ее авторство Индрису Кажарову» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 541].

Здесь же автор довершает картину старости Пшемахо. То, что в повести было выражено словами «оставил ниву просвещения», на самом деле было отстранением Пшемахо от педагогической работы, а история «домика путника» была поведана лишь отчасти: «Да, Калмыков не обошел вниманием нашего отца. Во время партийных чисток выкинул его из партии, снял с заведования школой, и остался он в селе при мизерной пенсии, взял небольшой участок земли у дороги, засадил его арбузами, организовал небольшой домик для путников, чтобы они могли здесь перевести дух, отведать арбузов. Он считал, что и это социалистическое дело, однако вскоре участок у него отобрали, и остался он не у дел…» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 541].

Выше мы говорили о значимости окружения, которое автор считает необходимым показать возле своего героя. Примечательно, что в этом небольшом произведении нашлось место для подобного. В детстве автобиографического героя рядом с отцом показан человек, долгое знакомство с которым без лишних пояснений свидетельствует об интеллектуальных и духовных симпатиях Пшемахо – учитель Ибрагим Тлигуров, один из ярких представителей исламски образованной интеллигенции: «… когда за мной приходил отец, он обязательно встречался с Ибрагимом и беседовал с ним. Мне было ясно, что эти двое знакомы уже давно, однажды мы даже пошли втроем в ателье и сделали фото. И еще мне казалось, что благодаря дружбе с моим отцом, Ибрагим относится ко мне лучше, чем к остальным» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 519].

Подытоживая свои наблюдения, мы можем говорить о том, что в повести «Вид с белой горы» автор затрагивает события из биографии Пшемахо по касательной. Представив развернутую экспозицию жизни отца в главе «Фамилия», он отклонится от нее лишь раз – когда упомянет о вычистке его из партии. Кроме этого момента, все остальное, в общем-то, вполне гармонично дополняет подробностями то, что было намечено в начале.

Как мы сказали во вступительной части нашей работы, речь идет о личности, значимой в собственной истории писателя и истории социума. Это предопределяет оценку человека с двух ракурсов. Но вместе с тем надо понимать, что в названных произведениях оба ракурса удерживаются одним человеком, и этот человек – его сын. Он показывает общественную сторону жизни Пшемахо не вдаваясь в детали, но и не упуская, во всяком случае, ее основные звенья.

Что же касается другой, сыновней, позиции, то не может остаться незамеченной и не вызвать восхищения абсолютная индифферентность автора к идеализации, приукрашиванию образа родного человека, сыгравшего колоссальную роль в становлении его самого.

Фрагмент, посвященный отцу в рассказе «Чье стремя мы держали», составляет неполные две страницы. Воссоздавая лишь один биографический отрезок, он успевает переставить ряд ценностных акцентов в истории отца, показать трагедию его жизни. По-иному звучит «исламская» тема, иначе предстает картина старости Пшемахо, да и вообще судьба его встраивается в иной ценностный ряд – туда, где звучат имена Пшикана Шекихачева, Туты Борукаева, Ибрагима Тлигурова.

Достаточно взглянуть на годы издания обоих произведений, чтобы подойти к выводам о ценностных ориентациях писателя. Шестнадцать лет, разделяющие повесть и рассказ, – не столь большой срок, однако бесспорно, что 1973 и 1989 г. вписаны в совершенно непохожие друг на друга социально-исторические, а стало быть, и духовные контексты.

Что касается времени появления повести «Вид с белой горы», оно приходится на период, называемый «эпохой застоя». В это время идеологические рамки, задающие художественный и смысловой вектор восприятия исторических событий и лиц – реальность устойчивая и авторитетная, хотя не следует забывать, что в этой реальности имелись свои оттенки. Писатель и литературовед Ю.Б. Борев, детально прослеживая историю развития социалистического реализма по сравнительно небольшим хронологическим отрезкам, отмечал в отношении 1964-1984 гг. постепенное переосмысление утвержденного соцреалистическим официозом соотношения общего и частного: «Сквозь трескучие лозунги служения «счастливому будущему» начинает пробиваться идея самоценности человека», – заключает он [Борев 2008: 357].

Что касается периода появления рассказа «Чье стремя мы держали» – деидеологизация общественного сознания уверенно набирает обороты. Государственным курсом становится перестройка. Утверждается политика гласности, становятся доступными для обсуждения многие ранее замалчиваемые факты отечественной истории и культуры. В духовной жизни страны наступает эпоха переосмысления, по преимуществу – критического. Сказать, что с обретением свобод перестроечного времени ценностная система автора рассмотренных произведений эволюционировала, наверное, было бы не совсем корректно, скорее, она обрела легитимность выражения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Борев 2008 – *Борев Ю.Б.* Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. – М.: АСТ: Олимп, 2008. – 478 с.

Кажарова 2022 – *Кажарова И.А.* Былое в схождении двух автобиографических произведений одного писателя: «Вид с Белой горы» и «Чье стремя мы держали» А.П. Кешокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 199-213. – DOI: 10.31143/2542212X-2022-2-199-213. EDN: FTVOAN.

Каширгов 1988 – *Каширгов Х. Х.* Жизнь прожить – не поле перейти. Роман. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 208 с.

Кешоков 2006 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Корни: Роман; Новеллы. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 552 с.

Кешоков 2007 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Рассказ; Повести; Пьесы. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 544 с.

Коммодов 2014 – *Коммодов Г. К.* В реке времени. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»), 2014. – 208 с.

Оразаева 1989 – *Оразаева Л.* Учитель: о П. Кешокове – председателе Ревкома, секретаре партячейки, учителе, открывшем первую школу в Шалушке // Советская молодежь. 1989. 24 февраля.

Фарино 2004 – Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

Хакуашев 1989 – *Хакуашев А. Х.* Пшемахо Кешоков // Іуащхьэмахуэ. – 1989. – № 4. – С. 54-61.

REFERENCES

BOREV YU.B. Sotsialisticheskii realizm: vzglyad sovremennika i sovremennyi vzglyad [Socialist realism: a contemporary view and a modern view]. – Moscow: AST: Olimp, 2008. – 478 p. (In Russ.).

FARINO E. Vvedenie v literaturovedenie: Uchebnoe posobie [Introduction to Literary Studies: Textbook]. – St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2004. – 639 p. (In Russ.).

KASHIRGOV KH. KH. Zhizn' prozhit' – ne pole pereiti. Roman [To live life is not a field to cross. Novel]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 208 p. (In Kabardian).

KAZHAROVA I.A. Byloe v skhozhdenii dvukh avtobiograficheskikh proizvedenii odnogo pisatelya: «Vid s Beloi gory» i «Ch'e stremya my derzhali» A.P. Keshokova [The former convergence of two autobiographical works by one writer: «The view from the White Mountain» and «Whose stirrup we held» by A.P. Keshokov]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 2. – P. 199-213. DOI: 10.31143/2542212X-2022-2-199-213. EDN: FTVOAN. (In Russ.).

KESHOKOV A.P. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 5. Korni: Roman; Novelly [Collected works: In 6 vols. Vol. 5. Novel; Short stories]. – Nalchik: El'brus, 2006. – 552 p. (In Russ.).

KESHOKOV A.P. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 6. Rasskaz; Povesti; P'esy [Collected works: In 6 vols.Vol. 6. Short stories; Novellas; Plays]. – Nalchik: El'brus, 2007. – 544 p. (In Kabardian).

KHAKUASHEV A. KH. Pshemakho Keshokov [Prshemakho Keshokov]. IN: Iuashchkh'emakhue. – 1989. – № 4. – P. 54-61. (In Kabardian).

KOMMODOV G. K. V reke vremeni [In the river of time]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh («Poligrafservis i T»), 2014. – 208 p. (In Russ.).

ORAZAEVA L. Uchitel': o P. Keshokove – predsedatele Revkoma, sekretare partyacheiki, uchitele, otkryvshem pervuyu shkolu v Shalushke [Teacher: about P. Keshokov - chairman of the Revolutionary Committee, secretary of the party cell, teacher who opened the first school in Shalushka]. IN: Sovetskaya molodezh'. 1989. 24 February. (In Russ.).

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 30.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 30.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-391-403
EDN: HXHSFS

АДЫГЭ ТХАКIУЭ ГЪУБЖ М. И ЛИТЕРАТУРЭ лIЫХЪУЖЬХЭМ ЗЭМАНЫМ И ПЛЪЫФЭХЭР КЪАЗЭРЫТЕЩЫР

ТIымыжь Хьэмыщэ Тэркъан и къуэ[1], Бозий Наимэ Борис ипхъу[2]
[12] Бэрбэч Хь. М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкър къэрал университет, Налшык, Урысей
[1] timigev.ha@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6776-8004
[2] naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Аннотацэ. Статьяр зыхуэунэтIар адыгэ тхакIуэ цIэрыIуэ Гъубж Мухьэдин (1913–1997) «Iущым хешыр и Шыхулъагъуэ», «Дыгъужь лъакъуитI» и романхэм ящIэлъ гупсысэмрэ абыхэм авторым къыщиIэт Iуэхугъуэхэмрэ яIэ зэпыщIэныгъэхэр иджырей щIэныгъэм и Iэмалхэм тету къэхутэнырщ. Апхуэдэу мы тхыгъэмкIэ иджы япэу утыку къихьа мэхъу тхакIуэм и Iэзагъым щыхьэт техъуэ щапхъэхэр, адыгэ романым, лъэпкъ прозэм зегъэужьыным Гъубжым хуищIа хэлъхьэныгъэхэр. Статьям гулъытэ хэха щигъуэтащ адыгэхэм, зэрыщыту къэралым дежкIэ зэхэгъэкIыгъуэу щыщыта лъэхъэнэм теухуа романхэм я ухуэкIэми, тхакIуэм къигъэсэбэпа художественнэ Iэмалхэми. Ди тхыгъэм щIэуэ хэлъыр зэпхар лъэпкъ литературэм къикIуа гъуэгуанэр щыз щIыжынырщ, псынщIэу зызыхъуэж тхыдэ-щэнхабзэ Iуэхугъуэхэр абы къызэрыщыгъэлъэгъуар джэжынырщ, абы и лъэныкъуэкIэ Гъубж М. и романхэм яIэ мыхьэнэр убзыхунырщ. Къыхэгъэщыпхъэщ а Iуэхум ехьэлIауэ тхакIуэм и романхэм куэд къызэраIуэтэжыр. Зы жылагъуэ цIыкIум къыщыхъу IуэхугъуэхэмкIэ тхакIуэм хузэфIэкIащ къэрал псор зыгъэпIейтей тхыдэ къэхъукъащIэ инхэр къигъэлъэгъуэжын. Коллективизацэм, зауэ нэужь лъэхъэнэ гугъухэм къахохутэ тхакIуэм и литературэ лIыхъужьхэр, ауэ зэман хьэлъэм ахэр къахокIыф IэпкълъэпкъкIи псэкIи псыхьауэ. Абыхэм ядыболъагъу зэрыщыту лъэпкъым къикIуа тхыдэ гъуэгуанэр, лэжьыгъэшхуэрэ хъуэпсапIэ лъагэхэмкIэрэ гъэнщIар. Гъубж Мухьэдин и тхыгъэхэм нэхъ гу зылъозыгъатэр тхакIуэм и хъэтIырщ, и бзэм и къулеягъырщ. Псом хуэмыдэу ахэр наIуэ щохъу адыгэхэм я хабзэ-зэхэтыкIэм, унагъуэ Iуэхухэм ехьэлIа теплъэгъуэхэм. Мы статьяр къагъэсэбэп хъунущ адыгэ литературэмкIэ лекцэхэр, дерсхэр щагъэхьэзыркIэ, еджакIуэхэр зэреджэну тхылъхэр щатхкIэ, апхуэдэу Урысейм и ищхъэрэ щIыналъэм щыпсэу лъэпкъхэм я литературэм и тхыдэм теухуа къэхутэныгъэхэр щрагъэкIуэкIкIэ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: Гъубж Мухьэдин МэчрэIил и къуэ, адыгэ роман, зауэм теухуа темэ, Iуэхугъуэ нэхъыщхьэхэр, тхыгъэм и ухуэкIэр.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: ТIымыжь Хь.Т., Бозий Н.Б. Адыгэ тхакIуэ Гъубж М. и литературэ лIыхъужьхэм зэманым и плъыфэхэр къазэрытещыр // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 391-403. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-391-403. EDN: HXHSFS.

© ТIымыжь Хь.Т., Бозий Н.Б., 2022

Original article

INTERPRETATION OF IDEOLOGICAL TIME MARKERS THROUGH LITERARY IMAGES OF THE KABARDIAN PROSE WRITER M. GUBZHEV

Khamisha T. Timizhev[1], Naima B. Bozieva[2]

[12] Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia

[1] timigev.ha@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6776-8004

[2] naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Abstract. The article is devoted to the study of the ideologically and thematically interconnected novels of the Kabardian writer M. Gubzhev (1913-1997) “The Clever Paves His Milky Way” and “The Two-Legged Wolf” in their national and genre-style specificity. For the first time, as the author’s individual skill is studied, his contribution to the development of the genre of the Kabardian novel is determined. The content and compositional features of the novels dedicated to the dramatic periods of the life of the Circassians in the entire country are determined. The scientific novelty of the proposed work consists in restoring the picture of the development of Kabardian literature, in correlating its most significant facts with the changing historical and cultural context and in particular in identifying the original features of the studied novels by M. Gubzhev. Today's themes of war and revolution are relevant. New accents appeared in the works of famous prose writers of the older generation. Indicative are the novels of M. Gubzhev, which are a highly artistic work of modern national literature. They raise the theme of the recent past, but the works show a novel approach, a view from the standpoint of today. The difficult time of collectivization, the post-war revival - the heroes of M. Gubzhev’s novels withstood all these tests with honor. Revealing in the novels the harsh drama of the path traversed by the heroes, the author embodies the historical experience of their native people in their destinies. The imagery, poetry of the language, colorful descriptions of the life and traditions of the Kabardians attract attention. The practical significance of the article is determined because the materials of this study can be used in the development of lecture courses on the history of Kabardian-Circassian literature, in preparing textbooks on literature, as well as in the writing of fundamental scientific research on individual representatives, specific periods and artistic phenomena of the literatures of peoples in South Russia.

Key words: Gubzhev Mukhadin Macrailovich, Kabardian novel, theme of war, problems, compositional features.

For citation: Timizhev Kh.T., Bozieva N.B. Interpretation of ideological time markers through literary images of the kabardian prose writer M. Gubzhev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 391-403. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-391-403. EDN: HXHSFS.

© Timizhev Kh.T., Bozieva N.B., 2022

Научная статья

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ВРЕМЕНИ ЧЕРЕЗ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ КАБАРДИНСКОГО ПРОЗАИКА М. ГУБЖЕВА

Хамиша Тарканович Тимижев[1], Наима Борисовна Бозиева[2]

[12] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[1] timigev.ha@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6776-8004
[2] naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Аннотация. Статья посвящена исследованию идейно и тематически взаимосвязанных романов кабардинского писателя М. Губжева (1913-1997) «Умный прокладывает свой Млечный путь» и «Двуногий волк» в контексте их национальной и жанрово-стилевой специфики. Впервые исследуется индивидуально-авторское мастерство писателя, определяется его вклад в развитие жанра кабардинского романа. В целом, определяются содержательные и композиционные особенности романов, посвященных драматическим периодам жизни адыгов, всей страны. Научная новизна предлагаемой работы заключается в восстановлении картины развития кабардинской литературы, в соотнесении ее наиболее значимых фактов с изменчивым историко-культурным контекстом в целом, а в частности в выявлении оригинальных черт исследуемых романов М. Губжева. Темы войны и революции, как известно, остаются актуальными и сегодня. В произведениях известных прозаиков старшего поколения появились новые акценты. Показательны в этом плане романы М. Губжева, которые являются высокохудожественным произведением современной национальной литературы. В них поднимается тема недавнего прошлого, однако в произведениях ясно виден новый подход, взгляд с позиций сегодняшнего дня. Трудная пора коллективизации, послевоенное возрождение – все эти испытания герои романов М. Губжева выдержали с честью. Раскрывая в романах суровый драматизм пути, пройденного героями, автор воплощает в их судьбах исторический опыт родного народа. Привлекает внимание образность, поэтичность языка, колоритные описания быта и традиций кабардинцев. Практическая значимость статьи определяется тем, что материалы данного исследования могут быть применены при разработке лекционных курсов по истории кабардино-черкесской литературы, при составлении учебных пособий по литературе, а также при написании фундаментальных научных исследований, посвященных отдельным представителям, конкретным периодам и художественным явлениям литератур народов Юга России.

Ключевые слова: Губжев Мухадин Мачраилович, кабардинский роман, тема войны, проблематика, композиционные особенности.

Для цитирования: Тимижев Х.Т., Бозиева Н.Б. Интерпретация идеологических маркеров времени через литературные образы кабардинского прозаика М. Губжева // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 391-403. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-391-403. EDN: HXHSFS.

© Тимижев Х.Т., Бозиева Н.Б., 2022

Къэбэрдей-шэрджэс литературэм XX лIэщIыгъуэм и 60 гъэхэм зи тхыгъэ купщIафIэхэмкIэ къыхыхьауэ щытахэм ящыщщ Гъубж Мухьэдин. А лъэхъэнэм къыщыщIэдзауэ дунейм ехыжыху и хъэтI, и дуней къэгъэлъэгъуэкIэ, гупсысэ къэIуэтэкIэ щхьэхуэ иIэу лъэпкъ литературэм жумарту хуэлэжьащ ар.

«ЛIэщIыгъуэ блэкIам и 80 гъэхэм икухэм къыщыщIэдзауэ ди къэралым щекIуэкIа зэхъуэкIыныгъэхэм я фIыгъэкIэ лъэпкъ прозэм къаруущIэ къыхыхьащ, нэхъапэхэм зытепсэлъыхьыну хуитыныгъэ ямыIэу щыта темэхэр къызэIухыныр абы къалэн нэхъыщхьэ щыхъуащ. ТхакIуэхэм тегушхуауэ къаIэту хуежьащ «темэ зэхуэщIахэр» [История адыгской… 2013: 245]. Лъэпкъым и блэкIар художественнэ псалъэкIэ къэIуэтэным ахэр хущIэкъурт. Ар нэхъ нэрылъагъу щохъу роман жанрым. Абы Iэмал зэхуэмыдэхэр тхакIуэм къыхузэIуех и литературэ лIыхъужьхэм я щыIэкIэ-псэукIэмкIэ, я дуней лъагъукIэмкIэ тхыдэ мыхьэнэ зиIэ къэхъукъащIэ инхэр къигъэлъэгъуэжыну,

лъэхъэнэм и цIыхухэр зыгъэгуфIэ е зыгъэпIейтей Iуэхугъуэхэр ди нобэм кърипхыжыну. Аращ ди къэхутэныгъэхэм я унэтIыныгъэ нэхъыщхьэр. Тхыгъэм къыщыгъэлъэгъуэжа лъэхъэнэм лъэпкъым къыдекIуэкI лъапIэныгъэ нэхъыщхьэхэм къыщыхъуа зэхъуэкIыныгъэхэми гулъытэ щыхудощI мы лэжьыгъэм, ахэр романхэм хэт образхэм я шыфэлIыфэхэм етпхыурэ.

Адыгэхэм гъуэгуанэ тынш къызэпачакъым, псом хуэмыдэу гугъут иужьрей лIэщIыгъуитIыр. Ар къыбжаIэ совет нэужь лъэхъэнэм къыдэкIа художественнэ тхыгъэхэм я фIэщыгъэцIэхэми. «Адыгэхэр зыхэпсэукI лъэхъэнэ ткIийр, бгырысхэм къалъыкъуэкI шынагъуэр е къапэплъэ Iуэхугъуэ гуэрхэр тхылъеджэм зыхрагъэщIэн папщIэ, тхакIуэхэм зэгъэпщэныгъэ зэхуэмыдэхэр къагъэсэбэп. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, дунейм и къэхъукъащIэ шынагъуэхэр, хьэкIэкхъуэкIэ бзаджэхэм я хьэл-щэн гуэрхэр: «Гъуэжькуий» (Журт Биберд), «МафIэ лыгъей» (БакIуу М.), «Псыдзэ» (Емкъуж М.), «Мыщэ лъэбжьанэ» (МафIэдз Сэрэбий), «ГущIэгъуншэ» (Хьэхъупащ Хьэжбэчыр), нэгъуэщIхэри» [Тимижев, Тхагазитов 2009: 150]. Апхуэдэу зэIуха хъуар тхыгъэхэм я цIэхэм я закъуэкъым – зэIуха хъуащ абыхэм я купщIэри, тхакIуэхэм я псалъэри. Абы и щапхъэщ Гъубж М. и «Iущым хешыр и Шыхулъагъуэ» (1990), «Дыгъужь лъакъуитI» (1994) романхэри. Лъэхъэнэ зэблэкIыгъуэм къигъэщIа а тхыгъэхэм наIуэу къытощ тхакIуэхэр гуитIщхьитI хъууэ зэрыщытари.

«Iущым хешыр и Шыхулъагъуэ» романым лъэхъэнэ кIыхьи Iуэхугъуэ куэди къызэщIеубыдэ, коллективизацэм къыщыщIэдзауэ зауэ нэужь зэман гугъум къэсу. Къурш къуажэкIэ зэджэм щекIуэкIа къэхъукъащIэхэр къигъэлъагъуэкIэрэ, тхакIуэм убгъууэ нэрылъагъу ещI цIыхубэм я нэгу щIэкIа Iуэхушхуэхэр, бэнэныгъэ гуащIэр, зауэ нэужьым мэкъумэшыщIэхэм я псэукIэр зэрызэрагъэпэщыжар. Къуэпс куэду зэхэухуэна тхыгъэшхуэм къыщыхъу псоми хэпщIащ къуажэ тхьэмадэ Жэмал. Аращ лIыхъужь нэхъыщхьэу хэтыр, къэхъукъащIэ псори зэкIуэлIэжыр, романым фIыуи Iейуи къыщыхъу псори – цIыхум я щхьэ Iуэхум къыщыщIэдзауэ къэрал Iуэхум нэсу – лъэныкъуэ IэджэкIэ абы епхащ. ТхакIуэм занщIэу дыхегъэгъуазэ романым щекIуэкI Iуэху псори зэпхыжа а лIыхъужьым и псэукIэм. Ар гъащIэм ипсыхьа цIыхущ, абы и IэфIри и бэIутIэIури зыхищIауэ. Ар наIуэ къыпщащI абы и унагъуэ, и щхьэ Iуэхухэр къызэрекIуэкIам. А псори зэпызыщIэу, гукъинэж пщызыщI теплъэгъуэхэр, къэхъукъащIэхэр тхакIуэм IэкIуэлъакIуэу, уи фIэщ хъууэ къигъуэтащ.

ЛIыхъужь нэхъыщхьэм и образыр тхылъеджэм и фIэщ хъууэ щытын папщIэ, ар зыхэт Iуэхухэри, зыпыщIа цIыхухэри, абыхэм я IуэхущIафэри пэжу щытын зэрыхуейм шэч хэлъкъым. А къалэнри тхакIуэм тэмэму егъэзащIэ. Абы и фIыгъэкIэ нобэрей тхылъеджэр хэша мэхъу ди блэкIа гъунэгъум къэхъуа тхыдэ Iуэхугъуэшхуэхэм, ди адэ-анэхэм, адэшхуэ-анэшхуэхэм я нэгу щIэкIахэм.

Тхыгъэм хэт персонажхэм, псом япэу Жэмал ущегупсыскIэ, гу лъыботэ езы тхакIуэр фIыуэ зыщыгъуазэ цIыхухэм я гъащIэр, пэжу къэхъуа Iуэхухэр романым лъабжьэ зэрыхуищIам. Романым иджыри зэ дыхешэж зэман бзаджэ блэкIахэм къэхъуа тхыдэ Iуэхугъуэшхуэхэм (граждан зауэ нэужьым, коллективизацэм, Хэку зауэшхуэм, зэфIэгъэувэжыныгъэм и илъэс гугъухэм,

нэгъуэщIхэми). А псор ди цIыхухэм я нэгу зэрыщIэкIар тхакIуэм къытхуеIуэтэж и литературэ лIыхъужьхэм я образхэмкIэ.

«Iущым хешыр и Шыхулъагъуэ» романым и ухуэкIэр гъэщIэгъуэнщ. Ар тхылъищу зэхэлъщ. Ахэр зэпыудащ Iыхьэ-Iыхьэу, дэтхэнэми езым псалъащхьэ иIэжу. Япэ тхылъыр Iыхьипщ мэхъу. Абы зэманкIэ къызэщIеубыдэ коллективизацэм къыщыщIэдзауэ зауэр къыщыхъея махуэм къэсыху. Романым псэукIэжьымрэ псэукIэщIэмрэ (художественнэ конфликтым и щIэдзапIэм) я зэпылъыпIэ дыдэм деж къыщыщIедзэ. Тхыгъэм и япэ напэхэм щыдолъагъу шыгъажэ екIуэкIыу. Мыбдеж дыщыхуозэ романым и лIыхъужь нэхъыщхьэм – Хъуэж Жэмал. Ар щIалэ цIыкIуу, шыгъажэр здекIуэкIым, КIэщ Хьэбашэ е-псалъэу къыщIедзэ романым: «– Ар уигу темыхуэмэ, уэ IукI, Хьэбашэ! Уи гужьыр илъ хуэди иджыри?! ЩыIэжкъым а япэрей дэгъэуей-къегъэухыр! Иджы, Хьэбашэ, Совет властщ, къыбгурыIуа ар?!» [Губжев 1990: 3].

КIэщ Хьэбашэ лъэкI къигъанэркъым къуажэдэсхэм зэран яхуэхъун щхьэкIэ. Абы и бзэкIэ Жэмал и адэ Мел ягъэкIуэдащ, кIэдетхэм дашри. КIэдет, большевик жаIэу зэрызехьэ къыщыхъуа гъэ дыдэм, Пэхъу и адэ-анэр дашу уэхбзэхыу зэрыкIуэдари зи Iэужьыр Хьэбашэщ. А персонажыр зыхуэдэр тхакIуэм дегъэлъагъу Бабынэ и псалъэхэмкIэ: «КIэщ Вындыжь зымыцIыху, ди къуажэр щызогъэтри, ди хэкум псэ зыIут ису къыщIэкIынкъым. Ари ар! Кхъуэр блэбгъэжу Вындыжь быукI хъунт! ЦIыху мащIэ Iисраф иригъэщIа уфIэщIрэ, тIыкIуэ, абы!» [Губжев 1990: 10]. Хьэбашэ ягъэтIысыр. Ауэ абы и Iуэху мыхъумыщIэхэм пащэ и къуэш Щэмхьун, абы и щхьэгъусэ Цынэ, Хьэбашэ и щхьэгъусэ Къазынэ, джэршыдз Шэрэдж, фыз Iэзэ Къандыгъэ. Къуажэдэсхэм къехъулIэ псори абыхэм я нэм бжэгъуу къыщIоуэ.

Романым и япэ напэкIуэцIхэр щыхьэт тохъуэ Жэмал зэрысабий Iущым. Ар наIуэ ящI Пэхъу и псалъэхэми: «Уэлэхьэ, сэ Жэмал нэхърэ нэхъ кIэщыIущ сымылъэгъуа икIи зэхэзмыха, абы и ныбжьым иту. Дадэкъуапэщ, а цIыкIур, дадэкъуапэ, тхьэм гъащIэ кърит! КъурIэнкIэ пхуэсIэнщ, ар мы сабий угъурсыз!» [Губжев 1990: 8]. Жэмал фызабэ Бабынэ зытегужьеикIауэ ипI сабийщ. Ар зы лъэныкъуэкIэ, анэм и къуэ закъуэт, етIуанэу, большевикыу щыта и адэр жылэм щыцIэрыIуэти, абы и ныбжьэгъухэм я нэIэ къытетт. Ауэ езы щIалэр пасэу йосэ нэмысым фIэлIыкIыу, гуауэр къыгурыIуэу, гугъуехьым щымыщтэу, и ныбжьэгъухэм IуэхущIэнкIэ зыкъыкIэримыгъэхуу, еджэнкIи абы зыри къылъэщIыхьэртэкъым. Ар набдзэгубдзаплъэу, гулъытэ иIэу къохъу.

Жэмал и хьэл зэфIэувэмрэ и гупсысэхэмрэ тхакIуэр зыкIи хэмыхьэ хуэдэу, езым къызэриIуэтэжым нэхъ къабыл ищIыну и къалэнщ абы и нэгу щIэкI псори. Жэмал еджапIэр къеухри тракторым мэшэс. Къуажэ тхьэмадэм и унафэкIэ ар еджакIуэ къалэм макIуэ. Жэмал агроном хъууэ къегъэзэж. Иджы си къуэр къысIэрыхьэжащ, жиIэу Бабынэ гуфIэныр имыухыурэ дзэм къулыкъу щищIэну ираджэ Жэмал. Ауэрэ зауэр къохъей. Абдеж щеух япэ тхылъыр.

ЕтIуанэ тхылъым къызэщIеубыдэ зауэр къыщыхъея махуэхэм къыщыщIэдзауэ ар зэриухам теухуауэ гуфIэгъуэ пэкIу Къурш къуажэм зэращащIам нэсыху. Ар Iыхьийуэ зэхэтщ.

ТхакIуэм нэрылъагъу ещI ди щIыналъэм а лъэхъэнэм щекIуэкIа Iуэхугъуэшхуэхэр. Романым гупсэхуу къыщыгъэлъэгъуэжащ колхоз Iэщымрэ тех-

никэмрэ бийхэм Іэрамыгъэхьэн щхьэкІэ зэрагъэІэпхъуар, партизанхэм ди лъахэр хуит къащІыжын папщІэ ирагъэкІуэкІа бэнэныгъэр. Романым и етІуанэ тхылъыр еух зауэр зэриухам щхьэкІэ Къурш къуажэм гуфІэгъуэ пэкІу щекІуэкІыу. Ари тхакІуэм къигъэсэбэпа Іэмалщ – пэкІуитІым я зэхуакум къэхъуа Іуэхугъуэхэрщ а Іыхьэм и сюжетым лъабжьэ хуэхъуар.

Ещанэ тхылъыр теухуащ зауэ нэужь илъэсхэм колхозыр зэфІэгъэувэжыным цІыхубэм зэрызэратам, зауэм щыІа сэлэтхэр къекІуэлІэжу къуажэ лэжьыгъэхэм зэрыІуувэжам. Мы тхылъыр нэхъыбэу зэгъэщІылІауэ щытыр Жэмал и гъащІэмрэ абы и ныбжьэгъухэм я ІуэхущІафэхэмрэщ.

Гъубж Мухьэдин и романым и темэкІи зытепсэлъыхь Іуэхугъуэкіи ди къэралым и цІыху гуащІафІэхэм къакІуа гъуэгуанэ гугъур къигъэлъэгъуэжын папщІэ къигъэсэбэпа литературэ ІэмалхэмкІэ дэбгъуэн щыІэкъым.

Адыгэ хабзэм, Іуэху зехьэкІэм, адыгэ лъэпкъ хьэл-щэнхэм, нэгъуэщІхэм епхауэ псэлъэкІэ шэрыуэу куэди ущрохьэлІэ романым. Къигъэлъагъуэ лъэхъэнэм къезэгъыу тхакІуэм къихь псалъэжьхэм тхыгъэхэм я бзэр къулей ящІ. Апхуэдэхэщ: «Уэлбанэ блэкІам щІакІуэ кІэлъомыщтэж» [Губжев 1990: 4], «Къуийм и щІыІу гуэрэф» [Губжев 1990: 4], «Бгым джэдыкІэкІэ еуэ» [Губжев 1990: 7], «ХьэщІэр шхамэ, бжэм йоплъ» [Губжев 1990: 9], «Гъунэгъурэ гъуэншэджрэ» [Губжев 1990: 12], «Шыгъу зышхар – псы ирефэж» [Губжев 1990: 15], «Мащэ къэзытІыр – мащэ йохуэж» [Губжев 1990: 17], «ХъумпІэцІэджым и кІуэдыжыгъуэм дамэ къытокІэ» [Губжев 1990: 17], «Дзы зиІэм и нэІэ тетыжщ» [Губжев 1990: 18], «ПщІэншэ уадэр Іэтыгъуейщ» [Губжев 1990: 45], «Джэд нэхърэ джэдыкІэ нэхъ Іущщ» [Губжев 1990: 45], «Быдэ и анэ гъыркъым» [Губжев 1990: 113], «ЗэкъуэшитІрэ дзитІ зыІут къамэрэ» [Губжев 1990: 113], «Щхьэр псэумэ, пыІэ щыщІэркъым» [Губжев 1990: 114], нэгъуэщІхэри.

Гъубжым и роман ухуэкІэм хьэл нэхъыщхьэу хэлъыр къэІуэтэкІэр хъыбар щхьэхуэ зырызурэ зэрыгъэпсарщ, хъыбар къэс езым и «жылапхъэ» иІэжщ, апхуэдэ «жылапхъэм» къыкІэлъыкІуэ хъыбархэм зыщаужь, икІэм-икІэжым абыхэм къызэрагъэпэщ лІыхъужьхэм я хьэл-щэн зэмыщхьхэр.

Я дуней тетыкІэкІи Іуэхущ Іафэкіи, акъылкІи гупсысэкІи, хьэл-щэнкІи зэрызэхуэмыдэм хуэдэу, я теплъэкІи, щытыкІэ-зыІыгъыкІэкІи зэхуэмыдэ цІыхущ «Іущым хешыр и Шыхулъагъуэ» романым хэтхэр. Гъубж Мухьэдин зэрытхакІуэ Іэзэм, гъащІэм зэрыхуэнэбдзэгубдзаплъэм и щыхьэтщ абы и романым хэт дэтхэнэ персонажми нэгъуэщІхэм къызэрыхэщхьэхукІ теплъи плъыфи зэраІэр. ТхакІуэм еубыдылІауэ зы цІыхум и теплъэр (портретыр) зы щІыпІэм деж хэчыхьауэ щищІи къохъу, ауэ я нэхъыбэм, зэрихабзэщи, Іуэху къекІуэкІхэм хэту, персонажхэр зэрыт щытыкІэм, абыхэм я гукъыдэжым, гухэщІым, губжьым, гурыщхъуэм, шынагъуэм, нэгъуэщІ-къинэмыщІхэм япыщІауэщ зэриубзыхур. Абы дежым тхакІуэм цІыхум и теплъэр, и сурэтыр ІупщІ ищІурэ, а цІыхур зищІысми, абы и хьэл-щэнми, и гурыщІэми ухегъэгъуазэ. Апхуэдэ щІыкІэкІэ къэгъэлъэгъуащ Жэмал. Деплъынти персонажхэм ящыщ зы-тІум я шыфІэлІыфэр тхакІуэм къызэригъэлъагъуэ щІыкІэм.

Партым и райкомым и секретарь Дмитрий Яковлевич Филиппенкэ и теплъэр: «Ар щІалэ зыІэщІэлъ гуэрт. И щхьэц сырыхур кІэщІу щІэщат, и жьакІи и

пащIи къабзэу упсат. Джэдгыныфэ джанэ-гъуэншэдж зэщыщ щыгът, и бгыр фэ гъуэжь бгырыпх бгъуфIэкIэ щIэкъузэжауэ. ЩыпсалъэкIэ, ар мыпIащIэу, хуэм дыдэу ирокIукI-кърокIукI» [Губжев 1990: 112].

ЦIыхум и теплъэм тэмэму нэIуасэ узэрыхуищIым нэмыщIкIэ, тхакIуэм хьэкъ къыпщещI апхуэдэ теплъэ зиIэ цIыхум властри унафэри зэрыIэщIэлъри, абы игурэ и щхьэрэ зэтелъу, унафэ ищIари пхигъэкIыфу, ткIийуэ, цIыху зэпIэзэрыту зэрыщытри. КIэщIу жыпIэмэ, Филиппенкэ и теплъэм абы и хьэл-щэным щыщ гуэрхэри къегъэнаIуэ.

НэгъуэщI зы портрети къэдгъэлъэгъуэнщ: «Хьэрун ТIалиб райисполкомым и унафIэщIт. Ар къызэрыгуэкI цIыхутэкъым. Щыгъыу къалъхуам ещхьт пщампIэ теублэрэкIа зытет и къэптал щIыху-фIыцIафэр. Абы щыщыпс кIартIу-зи щхьэрыгъыжт. И щхьэц хъурыфэ мэракIуапцIэр кIэщIу щIэщат, и нэкIури упсат – мыл гъурыджейуэ, и набдзэ фIыцIэхэри къурашэт – лэгъупыкъуу. Зэ IуплъэгъуэкIэ жьажьэу йоплъ, жьэмейуэ къыпфIощI. Ауэ жыжьэуи Iуэхур абы теттэкъым. ТIалиб сыт щыгъуи хьэлкIи щэнкIи зэпIэзэрытщ, кIий-гуохэм ящыщкъым, гушыIэ дахэ хэлъщ, хабзэ зыхэлъщ, цIыхуитI щызэпсалъэм деж япэрыуэныр и хьэлкъым, щэхууи псалъэхэм ящыщкъым» [Губжев 1990: 113].

Хьэпэхъу и портретыр мыпхуэдэу къыщыгъэлъэгъуащ романым: «Хьэпэхъу щыгъыныджэти арат бжьыгуэ зыщIыр армыхъумэ, ар сытым хуэдэу щIалэ зэкIужт. И нитIыр пIащэрэ пыжь хъупам ещхьу фIыцIэу, щхьэц фIыцIэ хъурыфэу, езыр къарууфIэ зыIэщIэлъу» [Губжев 1990: 11].

ГъэщIэгъуэнщ романым и ухуэкIэр. Абы кIэщI-кIэщIурэ езы тхакIуэри къыхуохьэ, Iуэхугъуэ къэкIуэнухэм пожажьэри къытхуеIуатэ, е езы Жэмал йоуэршэрылIэ. Апхуэдэ едзыгъуэу романым хэтщ хы: *«Пэжыр пэжу жытIэжынщ», «ЕтIуанэ гукъэкIыжхэр», «Тхыгъэр зейм и псалъэ», «Аргуэру зэ тхыгъэр зейм къыбгъэдэкIыу», «Тхыгъэр зейр щыхьэт тохъуэ», «Тхыгъэр зейм и иужьрей псалъэ»*.

Художественнэ Iэмал зэмылIэужьыгъуэхэр къигъэсэбэпурэ, Гъубж М. Iэзэу къигъэлъэгъуэфащ и лъэхъэнэгъу цIыху зэхуэмыдэхэм я дуней тетыкIэр, я хьэл-щэн нэхъыщхьэхэр, я IуэхущIафэхэр, я зэхущытыкIэхэм фIыуи Iейуи хэлъыр. Езыр фIыуэ зыщыгъуазэ, и нэкIэ илъэгъуа, игукIэ зыхищIа, и псэкIэ игъэва Iуэхугъуэхэрщ тхакIуэм и тхыгъэхэм лъабжьэ яхуищIыр, зи гъащIэр дигъэлъагъу литературэ лIыхъужьхэри и нэIуасэ, набдзэгубдзаплъэу зыкIэлъыплъа, зыхуэныкъуэмрэ зыхущIэкъухэмрэ ищIэ цIыхухэрщ. УхуэкIэ екIуи, къэIуэтэкIэ дахи къызыхуигъуэтыф и тхыгъэ нэхъ цIыкIухэри нэхъ инхэри Гъубжым къытрегъэпщIыкI захуагъэмрэ къуаншагъэмрэ, фIымрэ Iеймрэ зэпэщIэувауэ щызэпэщIэт гъащIэм бжыгъэншэу къигъэщI зэпэщIэсэныгъэхэм. Ахэр гупсэхуу зэпкърихкIэрэ, ди нобэрей гъащIэм къигъэув упщIэхэм жэуап пыухыкIа яритыну хущIэкъуащ тхакIуэр.

Гъубж М. и «Дыгъужь лъакъуитI» (1994) романыр къыщыIэта IуэхугъуэкIэ егъэщIылIащ «Iущым хешыр и Шыхулъагъуэм». Абы къыщхьэщыкIыу тхакIуэм нэхъыбэу ди нэIэ зытригъэтыр коллективизацэм ди цIыхухэр иужьгъэу къызэрыщIигъэкIыжарщ, гъащIэм ахэр зыIуигъэщIа лъэпощхьэпохэрщ, гугъуехь псэукIэ хьэлъэр къызэринэкIыу гъуэгуанэ убзыхуа ди цIыхухэр теува зэрыхъуарщ.

Романым лъабжьэ хуэхъуар, ар зытепсэлъыхьыр коллективизацэрщ, Хэку зауэшхуэм и ужькIэ Къэзымыгъэш адыгэ къуажэм дэс мэкъумэшыщIэхэм я псэукIэрщ, я IуэхущIафэхэрщ, я хьэл-щэн нэхъыщхьэхэрщ.

Тхыгъэм къытхуеIуэтэж Гъубжым Къэзымыгъэш зыфIища къуажэм и Iуэху зыIутыр, мыбы щыпсэу цIыхухэм я цIыхугъэкIэ, я хьэл-щэнкIэ, я псэ къабзагъкIэ, я дуней тетыкIэкIэ зэрызэхуэмыдэр. «Дыгъужь лъакъуитI» романым колхозым и япэ лъэбакъуэхэр щича лъэхъэнэм щыщIидзэри тхакIуэм къыдигъэлъэгъуащ абы и Iуэхур къызэрекIуэкIар, колхозыр ефIэкIуэным хэлэжьыхьахэр, зэран хуэхъуахэр, зауэр къэхъейуэ зэтраубла колхозыр зэрызэтещэхэжыр.

Гъубж Мухьэдин и творчествэм щыгъуазэ зыхуэпщIауэ и романым укъеджэм нэрылъагъу пщохъу езы авторым и нэгу щIэкIа куэд и тхыгъэм къызэрыщыгъэлъэгъуари. Апхуэдэщ Гъубжыр езыр колхоз тхьэмадэу зэрыщытар, къуажэдэсхэм я псэукIэр зэтеублэжыным лэжьыгъэ куэд зэрыхищIыхьар, Хэку зауэшхуэр къэхъея нэужь зауэм зэрыкIуар, абы щекIуэкI псори и нэгум щIэкIауэ зэрыщытар. ГъэщIэгъуэну къыхихащ тхакIуэм Iуэхугъуэ псори щекIуэкI къуажэм и цIэр – Къэзымыгъэш. МыбыкIэ занщIэу гурыIуэгъуэ пщохъу къуажэдэсхэм я хьэл-щэныр. Мыбы щыпсэухэр сыт хуэдэ гугъуехьми ерыщу зэрыпэщIэувэр абы къегъэлъагъуэ. Гу лъумытэу къанэркъым тхакIуэм и лIыхъужьхэм яфIища цIэ-унэцIэхэри езыхэм я хьэл-щэнхэм ещхьу къызэрыхихар, псалъэм папщIэ, Езауэ Мэзан, Ямыдэ, Хъуп, нэгъуэщIхэри.

Тхыгъэр зытеухуамрэ абы щIэлъ гупсысэ нэхъыщхьэмрэ къигъэлъэгъуэн папщIэ Гъубж Мухьэдин къегъэсэбэп литературэ Iэмал зэмылIэужьыгъуэхэр. Абыхэм ящыщщ, псалъэм папщIэ, романым и ухуэкIэм хуищI гулъытэр, и лIыхъужьхэм я IуэхущIафэхэмрэ я зэфIэкIымрэ къызэригъэлъагъуэ щIыкIэр, бзэр зэригъэшэрыуэр икIи нэгъуэщI Iуэхухэри.

Романыр, зэрыщыту къапщтэмэ, зытепсэлъыхьыр къуажэ псэукIэрщ, мэкъумэшым нэхъри зегъэужьыным хуэунэтIауэ Къэзымыгъэш къуажэм щекIуэкIа лэжьыгъэшхуэрщ. ИкъукIэ зэман гугъут. ТхакIуэр зытепсэлъыхь къуажэм лэжьыгъэр щызэкIэлъымыкIуэт. Апхуэдэ щытыкIэ гугъухэр къагъэсэбэпурэ, языныкъуэ цIыху щхьэхуещэхэм лэжьыгъэр нэхъри къызэIащIэрт.

Романым хэт персонажхэщ Хъуп Мэжид, Емызэгъ Хьэжмэт, КIыкъуэ Хьэмырзэ, Ямыдэ, Езауэ Мэжид, Жангулэз, Андрей Иванович Колесниковыр, Мыкъуэ ПIатIыш, Хьэмидбий, Мэржан, Нажмудин, Мысхьуд, Сэрэбий, Лыхъэ, НарткIэ зэджэ щIалэ цIыкIур, нэгъуэщIхэри. Мыбыхэм щыщу гурымыхь образхэу я щIэпхъаджагъэхэмкIэ, я IуэхущIафэ фIейхэмкIэ, я губыдагъэхэмкIэ тхылъеджхэм я гум имыкIыжу къонэр Езауэ Мэзан, Мэжид, Сэрэбий. Мыхэр зы жыпхъэм къикIа хуэдэу зэщхьщ, цIыхугъэншэхэщ, Хэкум епцIыжа цIыхухэщ, нэмыцэхэм якъуэуващ, абыхэм фIыкIэ ящыгугъыу. Мыбыхэм псоми я щхьэм илъыр зыщ – къуажэм зэраныгъэ щащIэнырщ, колхоз зэтраублам кIэ иратын папщIэ сытри ящIэнущ. Апхуэдэ цIыху щхьэхуещэхэр зауэ зэманым мащIэт, ялэжь зэраныгъэр куэдми, цIыхубэр щхьэмыгъазэу бийм пэщIэувэри езэуащ псэемыблэжу, текIуэныгъэр къихьыху. Апхуэдэ ди сэлэт хахуэхэм ящыщщ Хэку зауэшхуэм лIыхъужьыгъэ къыщызыгъэлъэгъуа Къэзымыгъэш къуажэм

щыщхэу Хьэмидбий, Емызэгъхэ Мыхьэмэтрэ Наждуминрэ. Псом хуэмыдэу гукъинэжу, пэжагъ хэлъу тхакIуэм къегъэлъагъуэ цIыхум я гум, я псэм дыхьэу, зэфIэкI иIэу, жэрдэмщIакIуэу къэува Емызэгъ Мыхьэмэт и образыр. Абы щIэгъэкъуэн пэжу иIэщ я IэнатIэхэм хьэлэлу бгъэдэт лэжьакIуэхэр.

Романым къыщIедзэ етIощIанэ гъэхэм я кIэух зэманым. Революцэмрэ зауэмрэ пыщIа хьэлэбэлыкъхэр ужьыхащ, гъащIэр гугъусыгъуурэ, хуэмурэ, къикIуэт-никIуэтурэ революцэм хухиша ухуэныгъэ гъуэгуанэм тохьэ.

Романым икъукIэ IупщIу къыхощ «Большевик» колхозыр зэфIэувэн папщIэ зыIута IэнатIэр. Ди нэгу щIокI колхозу зэхыхьа цIыхухэм я япэ лъэбакъуэхэр, нэмыцэхэм зэхакъута колхозым и махуэ хьэлъэхэр. Ар гугъуурэ къызэфIоувэж. Псори тыншу къехъулIэу жыпIэ хъунукъым «Большевик» колхозым. Абы зэран къыхуэхъухэр иджыри мащIэкъым.

Романым щекIуэкI Iуэхугъуэхэм нэхъ къыхэжэныкIхэм ящыщщ Хьэмидбий и образыр. Ар тхакIуэм дегъэлъагъу лэжьыгъэр псэкIэ зыхэзыщIэ, абы пщIэшхуэ хуэзыщI цIыхуу. Абы коллективизацэр егъэкIуэкIыным лэжьыгъэшхуэ хещIыхь. Ар зи псалъэм тебгъуэтэж цIыхущ, гу къабзэщ, цIыхугъэ лъагэ иIэщ. Мис а хьэл-щэнхэрщ Хьэмидбий цIыхухэм фIыуэ къезыгъэлъагъур. Образыр гукъинэж ящI къэзыухъуреихь цIыхухэм абы къыхуаIэ щытыкIэм. Хьэмидбий къуажэдэсхэм къыхуащI пщIэм, къыхуаIэ лъагъуныгъэм и щыхьэтщ сыт хуэдэ зэIущIэми нэжэгужэу цIыхухэр къызэрыпежьэр.

А образым ещхьыркъабзэу Емызэгъ Нажмудин – Iэщ дохутыр щIалэм – и образми къалэныхуэ щегъэзащIэ романым и гупсысэ нэхъыщхьэр гъэбелджылынымкIэ, ар нэхъ гурыIуэгъуафIэ щIынымкIэ. Мыри лэжьакIуэ пэрытщ, зи IэщIагъэм фIыуэ хэзыщIыкI, пэжу ирилажьэ щIалэщ. Нэжмудин ирихьэжьэ Iуэхур и кIэм нэзыгъэсыф щIалэщ. Мыбыхэм ирагъэкIуэкI бэнэныгъэр, зыIущIэ лъэпощхьэпохэр хьэлэмэту дегъэлъагъу тхакIуэм.

«Дыгъужь лъакъуитI» романым хэлъ гуауэри гуфIэгъуэри гъащIэм къыхэкIащ. Аращ Гъубжым и романхэр бэнэныгъэрэ щхьэхуитыныгъэрэ гупсысэкIэ, гъащIэр фIыуэ лъагъункIэ щIэгъэнщIар. ТхакIуэм и Iэзагъыр нэхъ иныху абы гъащIэм къыхэтэджыкI и образхэри нэхъ щIэщыгъуэщ, нэхъ гукъинэжщ. Апхуэдэщ Гъубж Мухьэдин къигъэщIа образхэри. Мыбыхэм ягъэбелджылы тхакIуэм и гупсысэм и кууагъыр, ар гъащIэм зэрыщыгъуазэ щIыкIэр, абы и гупсысэкIэр.

Романыр зэрыщыту къапщтэмэ, гъэсэныгъэ, ущиныгъэ мыхьэнэшхуэ иIэщ. Мыбы IупщIу къыщыгъэлъэгъуащ мурад Iей зиIэхэм я гъуэгуанэр здынэсымрэ гъащIэм хуэпабгъэ цIыху щыпкъэхэм я гъащIэр къызэрыщIэращIэмрэ. Ди щIэблэр гъащIэм тэмэму хуэгъэхьэзырынымкIэ, ар патриот нэсу гъэсэнымкIэ романыр дэIэпыкъуэгъу хъунущ фIымрэ Iеймрэ зрагъапщэкIэрэ, образ зэхуэмыдэхэм щыгъуазэ защIкIэрэ.

Романым зэман блэкIар ауэ сытми ди нэгу къыщIигъэхьэж къудейкъым, атIэ гурыIуэгъуэ тщещI гъащIэр цIыху пэжу ехьэкIын зэрыхуейр, цIыхур цIыху зыщIыжыр и IуэхущIафэхэр, и хьэл-щэнхэр ару зэрыщытыр. Хэкур фIыуэ лъагъун, егъэфIэкIуэн, мамырыгъэр сакъыу хъумэн зэрыхуейр зыми зыщыдгъэгъупщэ зэрымыхъунур, абы щхьэкIэ дэтхэнэми хузэфIэкI псори хьэлэлу илэжьын зэрыхуейр къыджеIэ тхакIуэм.

«Дыгъужь лъакъуитI» романыр тхылъитIу зэхэтщ. Iуэхугъуэ щхьэхуэ къэс псалъащхьэхэр иIэжщ. Япэ тхылъыр теухуащ цIыхухэр колхозу щызэгуагъэхьа лъэхъэнэм, етIуанэр – Хэку зауэшхуэм и зэманым.

Япэ тхылъыр къыщIедзэ тхакIуэм «Iэмалшы» псалъащхьэ зыхуищIа IыхьэмкIэ. Романым и япэ напэкIуэцIхэм щыщIидзэри цIыхур гъащIэщIэ зыхуэкIуэр, цIыху гъащIэр ефIэкIуэн папщIэ коллективизацэ зэтраублэм хэти ерыщу зэрыхэлэжьыхьыр, хэти абы зэрыхузэфIэкIкIэ зэран зэрыхуэхъухэр образ щхьэхуэхэм ирипхыурэ тхакIуэм дигъэлъэгъуащ. Тхыгъэм ди нэгу щыщIокI колхозу зэгуагъэхьэ щыхъуам гъащIэм къыщыхъу, щекIуэкI зэхъуэкIыныгъэхэм кууэ хэзымыщIыкI цIыхухэр абы къызэрызэщигъэур, хуэпабгъэ зэрыхъур.

Гъубж Мухьэдин и романым еджэн зэрыщIидзэу тхылъеджэр занщIэу хуозэ Къэзымыгъэш къуажэм и псэукIэр егъэфIэкIуэным зэран хуэхъу гурымыхь образхэу Мэзанрэ Мэжидрэ. Зым нэхърэ адрейр нэхъ Iеижу уи нэгум щIегъэкI тхакуэм «дыгъужь» хьэл зыхэлъхэу цIыху псэ хьэрэмхэр. Мэзан и образым Гъубжым кIэрелъхьэ а лъэхъэнэм мыхъумыщIагъэу къалъытэу щыта псори.

Романым щIыпIэшхуэ щримыгъэубыдами, Ямыдэ цIыхубзым и образымкIэ тхакIуэм къыдигъэлъэгъуащ, хузэфIэкIышхуэ щымыIэми, ар фIым, пэжым, дахагъэм и телъхьэу зэрыщытыр. Къуажэм щекIуэкI зэхъуэкIыныгъэхэр нэсу къыгурымыIуэ пэтми, Ямыдэ и щхьэгъусэ Мэзан IуэхущIафэ фIейхэр зэрилэжьыр елъагъу. Ар и щхьэгъусэм хуигъэдахэркъым, уеблэмэ Мэзан пэщIоувэ.

Ямыдэ и лIым зэрыпэщIэувар кIуэдыпIэ хуохъу. А тхьэмыщкIэр зытекIуэда «дыгъужьыр» сэтей къащIыну яхузэфIокI Нэжмудин, Жангулэз сымэ. ТхакIуэм егупсысауэ къыхихащ «Ямыдэ» цIэр. Ямыдэ идэркъым и щхьэгъусэм и мурад бзаджэхэр, икIи и щхьэгъусэм пэщIоувэр, зэрыпэмылъэщынур ищIэ пэтми. Ямыдэ и псэм ищIа хуэдэт и щхьэгъусэм зэрыIэщIэкIуэдэжынур.

ТхакIуэм Мэзан и образымкIэ дегъэлъагъу цIыху нэхъ икIэ дыдэу щыIэр. Ауэ сытми фIищакъым абы и унэцIэр Гъубжым. И щхьэгъусэ къудейркъым абы и Iэр къыщIиIэтыр, атIэ къуажэ псор игъэбийуэ и гъащIэр ирехьэкI. Зы мыхъумыщIэм адрейр трилъхьэурэ, абы и гъащIэм щызэхуэхьэса щохъу «дыгъужьым» и образыр.

Нажмудин и образыр Гъубжым къыщигъэлъагъуэр, нэгъэсауэ щызэпкърихыр колхозым къигъэзэжу, и IэнатIэм пэрыува нэужьщ. Iэщ дохутыр щIалэр псэкIэ хьэлэлщ, нэмыс хэлъщ. Нэжмудин сыт щыгъуи лэжьыгъэм хьэлэлу бгъэдэтщ. Абы щхьэгъусэ ещI Мэзан ипхъу Жангулэз. И IэщIагъэкIэ Жангулэз дохутырщ. Жангулэзи Нажмудин ещхьу гу къабзэрэ псэ хьэлэлрэ иIэщ. ЗэщхьэгъуситIым яхузэфIэкI псори ялэжь къуажэдэсхэм я псэукIэр ефIэкIуэн папщIэ.

Сыт хуэдэ лъэпэщхьэпо хуэмызами, «Большевик» колхозым зеужьыр. Мэжидрэ Мэзанрэ я пIэскIуэнымрэ я лъэпIэстхъэнымрэ зыпамыгъэуами, ахэр кIуэ пэтми бэнэныгъэм къыпощэт, «елыркъэшым ещхьу зепщыпщэу къонэхэр». Ауэ, дауэ щымытми, дауэрэ къемыкIуэкIми, а тIум я гужьгъэжьыр иджыри иухкъым псэуху, ар я гум ихуфынуи къыщIэкIынкъым: «ЖыпIэнур аракъэ, мис а Езауэ Мэзанрэ Хъуп Мэжидрэ нэсри къэсыжау «Дыгъужь лъакъуитIщ, дыгъужь лъакъуитI», икIи ар абыхэм яхуэмыфащэу фIащакъым Мыхьэмэтрэ

ПIатIышрэ» [Губжев 1994: 92], – жеIэ тхакIуэм, икIи мы псалъэхэмкIэ романым «Дыгъужь лъакъуитI» щыфIищар егъэбелджылы. КIэ имыIэу абыхэм мащэ къыхуатI я къуажэгъухэм. Хъуп Мэжиди Езауэ Мэзани зэщхьэркъабзэу щхьэхуещэхэщ. Ауэ «дыгъужьитIым» сыт ямылэжьми, цIыхубэм я къарур токIуэр, къуажэм зеужь, зеубгъу, бей мэхъу. ТхакIуэм къуажэм Къэзымыгъэш щIыфIищам и щхьэусыгъуэу къытщохъу зыIущIэ лъэпощхьэпо псоми къуажэдэсхэр ерыщу, «къамыгъэшу», къызэрызэранэкIыр. Ауэрэ Хэку зауэшхуэр къохъей.

Абы теухуащ «Дыгъужь лъакъуитI» романым и етIуанэ тхылъыр. Тхылъыр зытепсэлъыхь лъэхъэнэм къызэщIиубыдэ Iуэхухэр щекIуэкIри Къэзымыгъэш къуажэрщ, абы и Iэхэлъахэрщ.

Гъубжым и романым къыщиIуэтэж Iуэхугъуэхэр, зэманыр зэрыгуащIэм хуэдэу, зэщIэплъэурэ йокIуэкI. ТхакIуэм дегъэлъэгъужыр Къэзымыгъэш къуажэдэсхэр зэманым и «ужьгъэм» зэрыщIэкIыр, хэт сыт хуэдэми абы наIуэ къызэрищIыр. Гъубжым хузэфIэкIащ Мыхьэмэт, Хьэмидбий, Нажмудин сымэ я образхэмкIэ лъэхъэнэ гугъур ди нэгум щIигъэкIын. КъехъулIащ тхакIуэм МатIурэ Жангулэзрэ, къуажэм къыданахэм я образхэри. Мыхэр цIыху пэжхэщ, ялъагъу мыхъумыщIагъэхэм блэкIхэркъым. Абыхэм я фIэщ мэхъу гува-щIэхами «я анэ-Хэкум и щIыгум къигъуэлъхьа, я уэгу къащхъуэм къытегъуэлъхьа гуIэгъуэ пшагъуэ гъуэз фIыцIэр ярыбзэхыкIыжу, абыхэм щхьэхуитыныгъэм и дыгъэр къызэрыщепсыжынур» [Губжев 1994: 118].

«Дыгъужь лъакъуитI» романыр къарууфIэ зыщI Iуэхугъуэхэм ящыщщ абы къыщыгъэлъэгъуа хуэIухуэщIэхэр гъащIэм щыщ Iыхьэу зэман хьэлъэ, зэман бзаджэ екIуэкIам теухуауэ зэрыщытыр. Абыхэм псэкIи IэпкълъэпкъкIи япсыхьауэ къыхокI тхакIуэм художественнэ Iэзагъышхуэ хэлъу зэфIигъэува персонаж щыпкъэхэр. Ахэращ романым и пщIэр къэзыIэтыр, ар тхылъеджэ минхэм фIыуэ езыгъэлъэгъуар. Ауэ ди къэхутэныгъэхэр зыхуэунэтIауэ щытаращи, Гъубжым и романхэм щызэфIэгъэува образхэмкIэ къигъэлъэгъуэн хузэфIэкIащ тхыгъэм къиIуэтэж лъэхъэнэм, цIыхухэр зыхэпсэукI гъащIэм я сурэтыр. Тхыгъэхэр щитхар ди къэралым, зэрыщыту дуней псом зэхъуэкIыныгъэ инхэр къыщыхъуа илъэсхэрауэ (80 гъэхэр) щытами, тхакIуэм зыдригъэхьэхакъым абы щыгъуэ къежьа Iуэху еплъыкIэ зэхуэмыдэхэм. Абы и дежкIэ нэхъыщхьэр езым къикIуа, зи пIалъэм, екIуэкIыкIэм фIыуэ щыгъуазэ гъащIэ гъуэгурщ. Iуэху еплъыкIэщIэхэм тету блэкIам хуэпсэлъэныр, иубыныр тхакIуэм дежкIэ къемызэгът. Абы къызэрилъытэмкIэ, блэкIар лъапIэщ ди нэхъыжьхэм я дежкIэ – фIыми Iейми я нэгу щIэкIа псори абыхэм ейщи, ахэр гукъэкIыжу къахуренэж. БлэкIам и пэжыр щIэблэм бгъэдэлъхьэжын хуейщ ар зи нэгу щIэкIам зэрилъэгъуам, зэрызыхищIам хуэдэу, абы зэрыбгъэдыхьэну щIыкIэр езы ныбжьыщIэм къыхихыжын хуэдэу. Апхуэдэущ тхакIуэр Iуэхум зэрыбгъэдыхьэр. Араш абы и персонажхэр игъэщIэрэщIэну щIыхэмытыр. ГъащIэм къыхиха персонажхэр и тхыгъэхэм къыхигъэхьащ зэрыщыт дыдэм хуэдэу, зыхэпсэукI гъащIэм и нэщэнэ псори япкърылъу.

Къызэрыхэдгъэщащи, «Iущым хешыр и Шыхулъагъуэ», «Дыгъужь лъакъуитI» романхэр къэзыгъэщIар блэка лIэщыгъуэм и 80–90 гъэхэм ди къэралымрэ жылагъуэмрэ къыщыхъуа зэхъуэкIыныгъэхэрщ. А зэманым дунейм къы-

техьащ тхыдэ къэхъукъащIэ зэмыщхьхэр, япэм зэратхыу щытам хуэмыдэу, къыщыгъэлъэгъуэжа художественнэ, документальнэ тхыгъэ куэд. Абыхэм ящыщщ дызытепсэлъыхьа романхэри.

Романхэм къыщыIэтар блэкIа лIэщIыгъуэм екIуэкIа Iуэхугъуэхэрами, ди нобэм дежкIэ мыхьэнэшхуэ яIэщ. Япэрауэ, блэкIа жыжьэкъым, етIуанэрауэ, а Iуэхугъуэхэр хуит хъуауэ нобэ къатIэщIыж, и пэжыпIэхэр зэхагъэкIыж. Иджы хэт лейзехьэу щытами къыщIагъэщ, хуэмыфащэу лей зылъагъэсахэри сэтей къохъуж. Тхыгъэхэр зытеухуа Iуэхугъуэхэр цIыхум зэращымыгъупщам, нобэ зэращIэм абыхэм я мыхьэнэр нэхъ лъагэ ящI.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Губжев 1990 – *Губжев М.М.* Умный выбирает свой Млечный путь. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 292 с.

Губжев 1994 – *Губжев М.М.* Двуногий волк. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 198 с.

История адыгской… 2013 – *История адыгской (кабардино-черкесской) литературы*: в 2-х т. Т. 2 [Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ. ЕтIуанэ тхылъ]. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. – 480 с.

Тимижев, Тхагазитов 2009 – *Тимижев Х.Т., Тхагазитов Ю.М.* Адыгский роман: эволюция жанра и художественно-эстетические особенности. – Нальчик: КБИГИ, 2009. – 168 с.

REFERENCES

GUBZHEV M.M. *Umnyj vybiraet svoj Mlechnyj put'* [Smart chooses his Milky Way]. – Nal'chik: El'brus, 1990. – 292 s. (In Russ.).

GUBZHEV M.M. *Dvunogij volk* [Bipedal wolf]. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 198 s. (In Russ.).

Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury [History of Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]*:* v 2-h t. T. 2 [Adyge (k"eberdej-sherdzhes) literaturem i thyde. EtIuane thyl"]. – Nal'chik: OOO «Tetragraf», 2013. – 480 s. (In Russ.).

TIMIZHEV KH.T., THAGAZITOV YU.M. *Adygskij roman: evolyuciya zhanra i hudozhestvenno-esteticheskie osobennosti* [Adyghe novel: the evolution of the genre and artistic and aesthetic features]. – Nal'chik: KBIGI, 2009. – 168 s. (In Russ.).

Авторхэм теухуауэ

Хь.Т. ТIымыжь – филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор, профессор.

Н.Б. Бозий – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.

Information about the authors

H.T. Timizhev - Doctor of science (Philology), Professor.

N.B. Bozieva – Candidate of Science (Philology).

Информация об авторах

Х.Т. Тимижев – доктор филологических наук, профессор.

Н.Б. Бозиева – кандидат филологических наук.

Авторхэм я хэлъхьэныгъэхэр: Статьяр гъэхьэзырыным дэтхэнэ авторми зэхуэдэ хэлъхьэныгъэ хуищIащ. Авторхэм жаIэ зэгурымыIуэныгъэ лъэпкъ яку зэрыдэмылъыр.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Тхыгъэр редакцэм къагъэхьащ 23.07.2022 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 04.09.2022 гъ.; къытрадзэнущ 15.09.2022 гъ.

The article was submitted 23.07.2022; approved after reviewing 04.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Статья поступила в редакцию 23.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 04.09.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-404-416
EDN: IBONJL

БИЦУ АНАТОЛЭ И УСЫГЪЭР: МОТИВ НЭХЪЫЩХЬЭХЭР, ЖАНР СИСТЕМЭР

Хьэвжокъуэ Людмилэ Борис ипхъу
Урысейм ЩIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ и институт, Налшык, Урысей, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9931-7726

Аннотацэ. Мы щIэныгъэ тхыгъэр къэбэрдей усакIуэ Бицу Анатолэ Мурат и къуэм и творчествэм тегъэпсыхьащ. Гулъытэ нэхъыщхьэ зыхуэтщIар абы и усыгъэр зытеухуамрэ зэрыухуамрэ джынырщ, жанр и лъэныкъуэкIэ игъуэта зыужьыныгъэр къэхутэнырщ. Лэжьыгъэм щIэныгъэр и лъабжьэу щызэпкърыхащ усэхэмрэ балладэхэмрэ. УсакIуэм и IэдакъэщIэкIхэм нэхъ кууэ икIи убгъуауэ зыщызыужьа лирикэ лIэужьыгъуэхэр къыхэгъэщхьэхукIащ, абыхэм ящыщу зауэм теухуа лирикэмрэ лъагъуныгъэ лирикэмрэ щхьэхуэу джа хъуащ. Къэхутэныгъэм и щIэщыгъуагъыр зэхьэлIар нобэр къыздэсым лъэпкъ литературэ щIэныгъэр зыхунэмыса балладэ жанрыр Бицу А. и ехъулIэныгъэхэм языхэзу къызэрыщыгъэлъэгъуарщ. Жанрым и къупхъэм зэризагъэ е зэримызагъэ и лъэныкъуэкIэ зэпкърыхащ «ХъунщакIуэмрэ джэгуакIуэмрэ», «Лъагъуныгъэ», «Жамболэт», «ЩIакIуэ кIапэ», «НэхъыщIэ» балладэхэр. Лэжьыгъэм щIэныгъэ метод зыбжанэ къыщыгъэсэбэпащ: тхыдэр тегъэщIапIэу зэгъэпщэныр (сравнительно-исторический метод), анализыр, къэтхыхьыныр (описание). Къэхутэныгъэм кърикIуахэр адыгэ (къэбэрдей) усыгъэр джынымкIэ, апхуэдэуи еджапIэ нэхъыщхьэхэр зэреджэн спецкурсхэр зэхэлъхьэнымкIэ сэбэп хъунущ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: Бицу Анатолэ, къэбэрдей усыгъэ, зауэм теухуа лирикэ, усэ, балладэ, мотив, жанр, образ.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Хьэвжокъуэ Л.Б. Бицу Анатолэ и усыгъэр: мотив нэхъыщхьэхэр, жанр системэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 404-416. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-404-416. EDN: IBONJL.

© Хьэвжокъуэ Л.Б., 2022

Original article

ANATOLY BITSUEV'S POETRY: MAIN MOTIVES, GENRE SYSTEM

Ludmila B. Khavzhokova
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9931-7726

Abstract. The article explores the work of the Kabardian poet Anatoly Muratovich Bitsuev. The main research attention is focused on the dominant motifs and genre characteristics of his poetry. The themes and problems of poems and ballads have been studied. The main lyrics of the poet are revealed, military and love lyrics are thoroughly analyzed. The level of assimilation of the ballad by the author under study is determined by considering the evolution of the genre in national literature. The ballads "The Robber and the Storyteller", "Love", "Dzhambolat", "Duel", "Junior" are considered, their content and formal (compositional) features are studied for compliance or non-compliance with the canons of the genre. In the study's course, a complex of scientific methods was applied, including a comparative historical method, analysis, and description. The revealed results can be used in the history's study of the Adyghe (Kabardian) poetry and literature in general, the development of special courses and research in national philology.

Key words: Anatoly Bitsuev, Kabardian poetry, military lyrics, poem, ballad, motif, genre, image.

For citation: Khavzhokova L.B. Anatoly Bitsuev's poetry: main motives, genre system. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 404-416. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-404-416. EDN: IBONJL.

© Khavzhokova L.B., 2022

Научная статья

ПОЭЗИЯ АНАТОЛИЯ БИЦУЕВА: ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ, ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА

Людмила Борисовна Хавжокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9931-7726

Аннотация. В статье исследуется творчество кабардинского поэта Анатолия Муратовича Бицуева. Главное исследовательское внимание акцентировано на доминирующих мотивах и жанровой характеристике его поэзии. Изучена тематика и проблематика стихов и баллад. Выявлены основные виды лирики поэта, подробно проанализированы военная и любовная лирика. Научная новизна исследования состоит в том, что определен уровень освоения баллады исследуемым автором в общем контексте эволюции жанра в национальной литературе. Рассмотрены баллады «Грабитель и сказитель» («ХъунщакIуэмрэ джэгуакIуэмрэ»), «Любовь» («Лъагъуныгъэ»), «Джамболат» («Жамболэт»), «Дуэль» («ЩIакIуэ кIапэ»), «Младший» («НэхъыщIэ»), изучены их содержательные и формальные (композиционные) особенности на предмет соответствия или несоответствия канонам жанра. В ходе исследования применен комплекс науных методов, в том числе сравнительно-исторический метод, анализ и описание. Полученные результаты могут быть использованы при изучении истории адыгской (кабардинской) поэзии и литературы в целом, а также разработке спецкурсов и проведении исследований в области национальной филологии.

Ключевые слова: Анатолий Бицуев, кабардинская поэзия, военная лирика, стихотворение, баллада, мотив, жанр, образ.

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Поэзия Анатолия Бицуева: основные мотивы, жанровая система // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 404-416. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-404-416. EDN: IBONJL.

© Хавжокова Л.Б., 2022

Иужьрей лъэхъэнэм «Сыт литературэр зэрытщIынур? ЩIэттхынур? ЩIэджынур?..» жаIэу куэдрэ зэхыбох. Апхуэдэ упщIэхэм жэуап иумытыжми хъунущ, сыту жыпIэмэ литературэм, щэнхабзэм, бзэм зегъэужьыным и мыхьэнэр зыхэзымыщIэм, а гупсысэхэм пасэу щIамыпIыкIам къыгурыбгъэIуэфын щIагъуэ щыIэкъым. ИтIани псоми ящIэну щхьэпэт литературэр дунейр зэтезыIыгъэ, я нэхъ мащIэрауи, лъэпкъыр къэзыхъумэ лъапIагъэхэм зэращыщыр. Бзэр зыгъэлажьэмрэ абы и зыужьыпIэмрэ литературэрщ, апхуэдэу щыщыткIэ, ар щымыIэмэ, бзэри зэрыкIуэдыжынум шэч хэлъкъым. Бзэр зыфIэкIуэда лъэпкъым къэкIуэну зэримыIэри щыхьэт лей хуэныкъуэкъым. И лъэпкъыр щымыIэжрэ и бзэри щыгъупщэжамэ, цIыхур, КIыщокъуэм зэритхыгъауэ, «абгъуэншэ бзууэ» губгъуэм къонэ... Зэрынэрылъагъущи, псори зэпыщIащ. Литературэр дэтхэнэ цIыхуми и гъащIэм гуэхыпIэ имыIэу епхащ, ар езым зыхищIэ е зыхимыщIэ емылъытауэ.

Адыгэ литературэм и тхыдэм лъэхъэнэ зыбжанэ къыхагъэщхьэхукI: зэхэублапIэр (XX лIэщIыгъуэм и 20–30 гъэхэр), зауэ зэманыр (1945–1956 гъгъ., 1960 гъэхэм къэсыху щыхрагъэубыди урохьэлIэ), XX лIэщIыгъуэм и 60–80 гъэхэр, совет нэужь лъэхъэнэр (1990 гъэхэм къыщыщIэдзауэ нобэ къэсыху). Нэхъ щIэгъэхуэбжьауэ зыщиужьар блэкIа лIэщIыгъуэм и 60–80 гъэхэрщ. А пIалъэм къриубыдэу адыгэ (къэбэрдей, шэрджэс, адыгей) литературэм усакIуэ, тхакIуэ гупышхуэм я творчествэр къыщызэщIэрыуауэ щытащ: Гъубжокъуэ Л., Тхьэгъэзит З., Цеикъуэ Ю., Хьэнфэн А., Нало А., Мамий Е., Дудар Хь., Бещтокъуэ Хь., Бемырзэ М., IутIыж Б., Къуиикъуэ Н., Уэрэзей А., Нэхущ М., Дыгъужь Къу., Ацкъан Р., Мыкъуэжь А., н. Мы гупым ящыщщ ноби лъэпкъым жыджэру хуэлажьэ усакIуэ Бицу Анатолэ.

Бицу Анатолэ и тхыгъэхэр блэкIа лIэщIыгъуэм и 60 гъэхэм я пэщIэдзэхэм дунейм къытехьэу хуежьащ. 1968 гъэм и усэ зыбжанэ Москва къыщыдэкI «Дружба народов» журналым къытехуащ. Абы и пэублэ псалъэм КIыщокъуэ Алим щитхыгъат: «Бицум и усэхэм фIагъыу яхэлъщ ахэр къуэпсыбэкIэ лъахэм зэрапыщIар, апхуэдэуи усакIуэм акъыл жанкIэ и лъэхъэнэгъухэм я гурылъгупсысэхэр къипхъуатэурэ, гурыщIэ инкIэ зэщIиузэдэжурэ, щIэджыкIакIуэхэм гурыхьу зэрабгъэдилъхьэжыфыр» [Кешоков 1968: 99].

Бицу А. «ГуфIапщIэ» зыфIища и япэ усэ тхылъыр 1969 гъэм дунейм къытехьащ. АдэкIэ, 70 гъэхэм къыщыщIэдзауэ, абы и IэдакъэщIэкIхэр Налшыки Москваи къыщыдэкIащ, газетхэмрэ журналхэмрэ къытехуащ, хамэ лъэпкъыбзэхэмкIэ зэрадзэкIащ, езыми нэгъуэщI лъэпкъхэм я усыгъэхэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм къригъэзэгъащ. КъызэщIэкъуауэ къэбгъэлъагъуэмэ, анэдэлъхубзэкIи урысыбзэкIи тхылъ щхьэхуэу пщIы бжыгъэхэр дунейм къытехьащ: «Зы дакъикъэ» (1971), «Стремление» (1973), «Фэеплъ» (1975), «Псалъэ быдэ» (1977), «Человек и небо» (1979), «Гуэл щхъуантIэ» (1981), «Сквозь сердце» (1983), «Мотив» (1984), «От весны до весны» (1986), «Усыгъэхэр» (1997), «Позывные жизни» (2000), «Псэм и дуней» (2003), «КIуэцIырыкIыбжэ» (2008), «Къосыр уэс…» (2016). УсакIуэм зэридзэкIахэр зэрыт «Балъкъэр пшыналъэ» тхылъыр 1987 гъэм Налшык къыщыдэкIащ.

Бицу Анатолэ жанр зэмылIэужьыгъуэхэм щолажьэ, и усыгъэр темэ куэду зэтопщIыкI, ауэ сыт хуэдэ тхыгъэ къимыгъэщIми, ар лъэпкъымрэ хэкумрэ я тхыдэм, нобэрей гъащIэм къуэпс быдэкIэ пыщIащ.

УсакIуэм и творчествэм щIыпIэ нэхъ ин щеубыд зауэм теухуа лирикэм. Дызэрыщыгъуазэщи, 1941–1945 гъэхэм дуней псор бэлыхь мыухыж хэзыдза Хэку зауэшхуэм и лъэужьыр игъащIэкIи хэмыгъуэщэжыну цIыху куэдым я гъащIэм къыхэнащ. Ар зэриухрэ илъэс 77-рэ дэкIыжами, зауэм ижь зыщIимыхуа, абы и гуауэр и щхьэкIэ, и бынкIэ, къэзылъхуакIэ е къыдалъхуакIэ зымыгъэунэхуа зы цIыху закъуи ди къэралым ису къыщIэнукъым. Апхуэдэщ абы и фэбжьыр зылъыса е зи сабиигъуэр зауэ нэужь зэман гугъум хиубыда усакIуэ, тхакIуэхэри, абыхэм ящыщу зауэм хэтыну къызыхуимыхуа, ауэ а мафIаем къихьа насыпыншагъэхэр псэкIэ зыхэзыщIэу зи тхыгъэхэм къыщызыгъэлъэгъуэжахэри.

Ди къэралым бийр къыщытеуа япэ махуэхэм щегъэжьауэ къэбэрдей усакIуэхэм, тхакIуэхэм, гъуазджэмрэ щэнхабзэмрэ я лэжьакIуэхэм ящыщ куэдыр Хэкум и щIыхьымрэ щхьэхуитыныгъэмрэ яхъумэжыну зауэ IэнатIэм Iухьауэ щытащ. Абыхэм яхэтащ ЩоджэнцIыкIу А., КIыщокъуэ А., КIуащ Б., ЩоджэнцIыкIу I., Шортэн А., Къардэн Б., Нало А., КъардэнгъущI З., Гъубж М., Тубай М., Тау Б., Шэру Н., ТIажь Ш., Къэжэр И. сымэ, н. Зауэм щызэрахьа лIыхъужьыгъэм къыдэкIуэу, зи цIэ къитIуахэм я къалэмыр фIым, текIуэныгъэм ехьэлIа гупсысэхэмрэ къыхуеджэныгъэхэмрэ хуагъэлажьэкIэрэ, Хэкур хъумэжын Iуэхум я гуащIэ тIууащIэ халъхьащ. Абыхэм ди къэралым и лъэпкъыбэ зэкъуэтым и текIуэныгъэкIэ иуха Хэку зауэшхуэм теухуа тхыгъэ куэд я Iэдакъэ къыщIэкIащ.

КъыщынэмыщIауи, зауэм ехьэлIа лирикэм я зэфIэкI щагъэлъэгъуащ ар зи щхьэкIэ зымыгъэунэхуа, ауэ абы кърикIуахэр къэгъэлъэгъуэжын, лIыхъужьхэр гъэлъэпIэн, хэкур фIыуэ лъагъун икIи хъумэн мотивхэр зи тхыгъэхэм лъабжьэ яхуэхъуа усакIуэхэмрэ тхакIуэхэмрэ: Теунэ Хь., Щомахуэ А., ХьэхъупащIэ А., Къашыргъэ Хь., ЩоджэнцIыкIу Н., ХьэхъупащIэ Хь., Нало З., н. НыбжькIэ абыхэм я лъэмбым къиувахэри зауэм теухуа темэр нэсу, зыубгъуауэ къызэкIуэцIыхыным, мамырыгъэр, цIыхугъэр, зэныбжьэгъугъэр, къуэшыгъэр гъэбыдэным хущIэкъуащ, нобэкIи а Iуэхум псэемыблэжу толажьэ. Апхуэдэщ зи сабиигъуэр зауэ нэужь лъэхъэнэ гугъум хиубыда Бицу Анатолэ.

Хэку зауэшхуэ екIуэкIам Бицур зэрыщыгъуазэр нэхъыжьхэм къаIуэтэжа хъыбархэмрэ зэджа тхыгъэхэмкIэщ, ауэ зауэм и бэлыхьхэмрэ мамырыгъэм и лъапIагъымрэ усакIуэм псэкIэ зыхищIащ, ахэр и тегъэщIапIэуи тхыгъэ куэд и Iэдакъэ къыщIэкIащ: «Ди хадэр къуалэбзухэм къыдоуш…», «Сэлэт», «Зауэ», «Нэф», «Ди гъунэгъуу а лIыжьыр псэуат…», «Абыхэм ящIэрт я псэр щIатыр…», «Сурэт», «Анэм и гур», «Зауэ нэужь», «И махуэт ТекIуэныгъэм – майм и бгъут…», «Ялъэгъуат тIэкIу ефауэ дыгъуасэ…», «Гъунэгъу фыз», «Фызабэм и псалъэ», «Си къуэш» усэхэмрэ «Фэеплъ», «Псалъэ быдэ» поэмэхэмрэ. Мыхэр зэзышалIэу зы щхьэхуэныгъэ яхыболъагъуэ – зауэм и удын зылъэIэсахэм я щхьэ кърикIуахэр къыщыIуэтэжа сюжет пыухыкIа яIэщ.

«Си къуэш» (1968) усэм деж зауэм зы унагъуэм, нэхъ пэжу жыпIэмэ, зэкъуэшитIым къахуихьа насыпыншагъэр къыщыгъэлъэгъуэжащ. Абыхэм я нэхъыжьыр ныбжькIэ щIалэ дыдэу шэ къэуэжым къигъащтэри дэгу-бзагуэ хъуащ. Ауэ а къэхъугъэм и мыгъуагъэр зыгъэвыр шынэхъыжьым и закъуэкъым, атIэ шынэхъыщIэми и гур хощI – анэкъилъхур ныкъуэдыкъуэ зэрыхъуамкIэ и щхьэ къуаншагъэ хуехьыж, и зэран лъэпкъ абы хэмылъми.

Философие гупсысэ куурэ психологие лъэщкIэ псыхьащ «Сурэт» (1967) усэри. Абы и сюжетыр, зэ еплъыгъуэкIэ, къызэрыгуэкIыу пфIэщIынущ: зауэ гущIэгъуншэм анэ куэд бынкIэ игъэгуIащ. Апхуэдэхэм языхэзщ а мафIэ лыгъейм хэкIуэда къуэм къыщIэна сурэт закъуэр зи гурыфIыгъуэу усэм къыхэщыж анэри: «а сурэтыр нанэм хуехь и Iупэм, и нэм», «и псэм химыхынур щIекъузэ и бгъэгу», «араш зэплъыр анэр дыгъэр къыщIэкIами», «араш зэплъыр анэр жэщхэр хэкIуэтам». Сурэт псэншэмрэ анэмрэ я зэхуаку дэлъ гурыгъухэр усакIуэм «фэбжькIэ гъэнщIа» иджырей дунейм и нэщэнэу къегъэлъагъуэ: «*Итщ и пащхьэм анэр блыным сурэт фIэлъым – / Сурэтыр нэщхъыфIэщ, анэр гукIэ магъ*» [Бицуев 2016: 45].

Хэку зауэшхуэр къызыхэщыж тхыгъэ куэдым къащхьэщыкIыу, Бицу Анатолэ и лирикэм зы щхьэхуэныгъэм, бгъэдыхьэкIэ щIэщыгъуэм ущрохьэлIэ: зауэм къиша гузэвэгъуэм усакIуэр цIыху зэхуэмыдэхэм я нэкIэ хоплъэ. Зи гугъу тщIыр ищхьэкIэ къэтхьа уситIым деж зи шынэхъыжьыр зауэм никъуэдыкъуэ ищIа щIалэмрэ зи быныр зыгъеиж анэмрэ я образхэмкIэ къыщыгъэлъэгъуащ. «Ди гъунэгъуу а лIыжьыр псэуат…» (1967) усэм къыхэщ персонаж нэхъыщхьэри абыхэм зыкъомкIэ яподжэж. А образым нэIуасэ дыщыхуищIкIэ япэ сатырхэм деж усакIуэм щетх: «*Къикlыжат ар зауэм никъуэдыкъуэу – / Абы и щхьэм игъуэтат сэкъат*» [Бицуев 1997: 107]. Ауэ а фэбжьымкIэ зэфIэкIакъым лIыжьым зауэм къыхуихьа насыпыншагъэр: абы «и къуэ закъуэри Iихат». Апхуэдэ гуауэшхуэр зи натIэ хъуам игъэвахэр Бицум гущIыхьэу икIи художественнэ Iэзагъ ин хэлъу къигъэлъэгъуэжащ: «*… Арат дадэм, и щхьэм къищхьэрыуэу, / Къыщlыкlухьыр унащхьэчэзууэ / Къуажэр, лъalуэу: /* «*Си къуэр къызэфтыж*», / «*Итт ар куэдрэ кlуэрти ди къуажэкхъэм, / Къыщилъыхъуэу ар сынхэм я къуагъ…*» [Бицуев 1997: 107]. Усэм и сюжетым зиужьыхукIэ и психологие лъэщагъми хохъуэ, кIэух сатырхэм деж щыщIохуабжьэ:

…Ехыжащ дунейм ар и гур никъуэу.
Сэ а лIыжьым нобэми сопщlыхь:
Щlы щIагъ кlыфlым къыщилъыхъуэу и къуэр
Сфlощl иджыри хэту ар бэлыхь [Бицуев 1997: 107].

«Нэф» (1967) усэм дежи зауэм и мыгъуагъэхэр гъэщIэгъуэну, кууэ икIи щIэщыгъуэу къыщыгъэлъэгъуащ. Мыбы и лирикэ лIыхъужьым зауэм фэбжь хихащ – и нитIыр нэфу къигъэзэжащ. «Нэфу а зауэм сэлэт къикIыжам» къытепсыха кIыфIыгъэ мыухыжымрэ, «бийр хисхьэжу езым зэщIищIа мафIэм, щIэрыщIэу ди щIым дыгъэ къипсэжамрэ» усэм щызэпэщIоувэ икIи абыхэм я зэхуаку къыдокI иужьрей сатырхэм дызыщрихьэлIэ зэгъэпщэныгъэ гъэщIэгъуэныр:

О, сыту гуфlэу
Iуплъэжынт ар нобэ
Зэгуэр мафlэсым
Щихъума дунейм!
…КъекIухьыр нэфым
БашкIэ lэбэрабэу,
ФlэкIуэда нитlыр
Къилъыхъуэж нэхъей [Бицуев 2016: 46].

«Зауэм и кIэр хьэдагъэщ» щIыжаIэр «Ди хадэр къуалэбзухэм къыдоуш…» (1965) усэми IупщIу къыхэщащ. Абы и пэщIэдзэ сатырхэм гъатхэ пщэдджыжьым и теплъэр, хадэм къыщыIу бзухэм я пшынэбзэ дахэр, дунейм и щIэращIэгъуэр бзэм и Iэмал зэмылIэужьыгъуэхэмкIэ къыщыгъэлъэгъуащ. Усэм и лирикэ лIыхъужьыр хадэм здилэжьыхьым, лъэмыкIыу и гур фIобзэрабзэ, бзухэм ядежьууэ игукIэ уэрэд къреш. ГъащIэр къэувыIакъым… Дыгъэр къопс, псыр йожэх, уэшх къошх, жыгхэр мэгъагъэ, ауэ а псори зыхэзымыщIэ щыIэщ – гъунэгъу фызабэр гухэщIышхуэм ехь, «щIозэшыхь и унэ цIыкIу лъэбышэм». Абы гу лъызыта лирикэ лIыхъужьым фызабэр фIэпсэкIуэдщ, и гуауэр псэкIэ дегъэв, ар илъагъухукIи игукIэ жеIэ: «*Сфlэдийуэ си пкъыр занщlэу сохъур бзэншэ, / Зауэ, уи фэбжьыр сэ щыслъагъум дей…*» [Бицуев 1997: 103].

МафIаем хэту хэкур зыхъумэжахэм, текIуэныгъэр лъыкIэ къэзыгэуахэм я лIыгъэр Бицу А. «Абыхэм ящIэрт я псэр щIатыр…» (1974) зыфIища усэм щеIэт икIи щегъэлъапIэ. ЗауэлIхэм я хахуагъэм, бэшэчыгъэм, лъэпкъымрэ хэкумрэ хуалэжьа къалэнышхуэм я гугъу щищIкIэ усакIуэм етх: «*Абыхэм ящlэрт я псэр щlатыр, / Абыхэм я щхьэр ямыгъейт…*»; «*Ящlами шэм кхъузанэ я бгъэр, / Пэщlэтхэт хъыжьэу бий ерум…*»; «*Тетахэу блыну бийм и гъуэгум, / Къэкlуэнум хуагъэжауэ ялъ…*» [Бицуев 1997: 104].

ИщхьэкIэ дызыхэплъахэр зэрыщыхьэтщи, «зауэм теухуауэ Бицу Анатолэ и Iэдакъэ къыщIэкIа тхыгъэхэм къэбэрдей усыгъэм щIыпIэ ин щаубыд, а Iуэхугъуэшхуэр къызэригъэлъэгъуэжа кууагъкIи, темэм зэрызригъэубгъуа мардэкIи зыпэбгъэув хъуну щыIэри КIыщокъуэ Алим и зауэ лирикэр аркъудейщ» [Хавжокова 2015: 203].

Бицу А. и творчествэм зыужьыныгъэ нэхъ ин щызыгъуэтахэм ящыщщ лъагъуныгъэ, пейзаж лирикэ лIэужьыгъуэхэри. Языныкъуэхэм деж ахэр зы тхыгъэм и кIуэцIкIэ щызэхэухуэнауэ къокIуэ. Псом хуэмыдэу цIэрыIуэ хъуащ «Къосыр уэс…» усэр. Ар, щIэджыкIакIуэхэм я мызакъуэу, уэрэдусхэми ягу дыхьащ икIи зэтемыхуэу макъамищ хуатхащ. Къардэн Хьэсэнрэ ХьэIупэ ДжэбрэIилрэ урысыбзэкIэ зэдзэкIа текстым макъамэ щIалъхьамэ, Жырыкъ Заур зыгъэусар анэдэлъхубзэ вариантырщ [Хавжокова 2017: 44].

Усэм лъабжьэ хуэхъуар уэсым хуэдэу ткIужа гухэлъ жэуапыншэрщ. Абы щытепщэ образыр – уэсыр – лъагъуныгъэ къабзэм и фэеплъуи, лирикэ лIыхъужьым и гухэщIым и инагъыр къэзыгъэлъагъуэ пщалъэуи, гъащIэр зэрыкIэншэм, блэкIам къэгъазэ зэримыIэм и щыхьэтуи къокIуэ. Иужьрей едзыгъуэм дыкъыщоджэ:

Къосыр уэс…
Уэ си гум укъэкlауэ
Гурыгъу мафlэ щэхум
Си бгъэр ес.
Сэ уизгъэхужьынут сигу
Куэд щlауэ,
Сэ уизгъэхужьынут си гум,
Ауэ,
Къосыр уэс…
Къос nlащэу, щабэу уэс… [Бицуев 2016: 131]

Дызэрыщыгъуазэщи, лъагъуныгъэм фащэ куэд иІэщ: абы хеубыдэ цІыхухъумрэ бзылъхугъэмрэ я зэхуаку къыдэхъуэ гурыщІэ дахэри, адэ-анэмрэ бынымрэ я гухэлъ къабзэри, хэкур, укъызыхэкІа лъэпкъыр, гъащІэр, зэрыдунейуэ фІыуэ лъагъунри. УсакІуэ нэсым и гур сыт щыгъуи лъагъуныгъэм и хэщІапІэщ, аращ ар зыгъэусэри.

Бицу А. и усыгъэм ищхьэкІэ къыщыдгъэлъэгъуа лъагъуныгъэ лІэужьыгъуэ псори щызэхэгъэшыпсыхьащ. Псом хуэмыдэжу усакІуэм къехъулІащ икІи адыгэ лирикэм и фІыпІэ хъуащ анэм теухуа усэхэр. Хэпхыни хэплъхьэни щымыІэу, и бзэкІи, образ ухуэкІэкІэкІи къызыхуэтыншэу гъэпсащ «Зэгуэр уи анэм и джэ макъ зэхэпхмэ…» усэ цІэрыІуэр. Анэм нэхъ лъапІэ зэрыщымыІэр усакІуэ, тхакІуэ куэдым я ІэдакъэщІэкІхэм къыхэщащ, абыхэм анэм и образыр щаІэтащ, щагъэлъэпІащ, ауэ Бицум нэхърэ нэхъ лъэщу анэм хуиІэ лъагъуныгъэр къэзыІуэтэфа дэ дрихьэлІакъым. Абы и щыхьэтщ, псалъэм папщІэ, мыпхуэдэ сатырхэр:

Зэгуэр уи анэм и джэ макъ зэхэпхмэ,
Ухэтми дэпым –
Уэ зэщlэувыlыкl.
Зэгуэр уи анэм и джэ макъ зэхэпхмэ,
Ажалу щытми къожьэр –
Къызэплъэкl.

Зэгуэр уи анэм и джэ макъ зэхэпхмэ,
Сэр ныкъуэкъихмэ сампlэм –
Ар илъхьэж.
Зэгуэр уи анэм и джэ макъ зэхэпхмэ,
Шэ бутlыпщар,
Лъэщlыхьи, къэубыдыж… [Бицуев 2016: 65]

Апхуэдэ гурыщІэ къабзэхэмкІэ псыхьащ Бицу А. анэм хуиуса дэтхэнэ зы тхыгъэри: «Мамэ», «Телеграммэ», «Анэм и гур», н.

Бицу Анатолэ и творчествэм щІыпІэ щхьэхуэ щаубыд хэкупсэ мотивкІэ зэщІэузэда усэхэми (псом япэу къыхэгъэщыпхъэщ «Тырку щІыналъэ» циклым хыхьэхэр: «Истамбыл», «Хасэ», «КъэфакІуэ», «Кхъухь тедзапІэ», «Уэрам», «Мыл кІанэ», «Хэкум», «Мэшаллыхь», «Ежьэжыгъуэ», «Уэрэд», «Псалъэ закъуэт…»), философие гупсысэ куу зыщІэлъхэми («Сэ къэзгъэкІыркъым мэш…», «КІуэцІрыкІыбжэ», «ЩІичащ фоч кІакхъур…», «Хъунущ упсэу гу лъумытэу…», «ЩызэгурыІуэтэм цІыхухэр…», «Хуэчэмщ ди гъащІэр куэдым нобэ…», н.). Зэрынэрылъагъущи, усакІуэм и ІэдакъэщІэкІхэм лирикэ лІэужыгъуэ псоми зыужьыныгъэ щагъуэтащ.

ИщхьэкІи къызэрыхэдгъэщащи, Бицу А. жанр зэмылІэужьыгъуэхэм щолажьэ. Гу лъытапхъэщ абы нэхъ гугъусыгъуурэ зызыужь балладэм и тхыдэм хуищІа хэлъхьэныгъэм. Ар къэтхутэн ипэ къихуэу, адыгэ литературэм а жанрыр зэрыщызэфІэувам, и щхьэхуэныгъэхэм кІэщІу къытеувыІэн хуейщ.

Дэтхэнэ лъэпкъ литературэри здынэса лъагапІэхэмрэ зыІэригъэхьа ехъулІэныгъэхэмрэ къызэрапщ пщалъэ нэхъыщхьэхэм ящыщщ жанр и лъэныкъуэкІэ абы зэрызиужьар. Зы лІэщІыгъуэм къриубыдэу адыгэ литературэм жанр псори

къигъэІэрыхуэн лъэкІащ, миниатюрэмрэ усэмрэ я деж къыщыщІэдзарэ жыпхъэ пІащэхэу повестымрэ романымрэ, апхуэдэуи нэхъ гугъу дыдэу зэхэлъ сонетымрэ сонет Іэрамэмрэ я деж щиухыжу. Абы щыгъуэми жанр къэскІэ езым и зыужьыныгъэ гъэщІэгъуэн игъуэтащ. Роман къудейр къэтщтэнщи, нобэ диІэщ абы и лІэужьыгъуэ куэд: усэу тха роман (ЩоджэнцІыкІу А. и «Къамботрэ Лацэрэ»), роман-миф (Бещтокъуэ Хь. и «Мывэ лъэхъэнэ»), лирикэу гъэпса роман-дневник (Бещтокъуэ Хь. и «Дыщэхурэ фІамыщІрэ»), роман-поэмэ (Бэлагъы Л. и «Гуащэнэ»), роман-арабескэ (Бещтокъуэ Хь. и «МэзылІымрэ мацІэмрэ»), роман-дилогие, роман-трилогие (КІыщокъуэ А. и «Хъуэпсэгъуэ нур», «Мазэ ныкъуэ щхъуантІэ»; «Щынэхужьыкъуэ», «Нал къута», «Кхъужьыфэ»), роман-тетралогие (Нало А. и «Нэхущ шу», Шортэн А. и «Бгырысхэр»), новеллэу зэхэт роман (Къуиикъуэ Н. и «Мыпсэужхэм я шагъыр»), тхыдэ роман (ищхьэкІэ къэдгъэлъэгъуахэм я нэхъыбэр, апхуэдэуи Мэлбахъуэ Е. и «Іуащхьэмахуэ кІуэ гъуэгур шынагъуэт», Адыгэ Т. и «Тибард и мэІуху», МэшбащІэ И. и «Щэрэ езанэ щхьэдэхыпІэ», Адзын М. и «Си псэ нэщхъейм и Іуфэм»), н.ку. Романым хуэдэу, дэтхэнэ жанрыри ди лъэпкъ литературэм щыкъуэпсыбэщ.

Адыгэ (къэбэрдей) усыгъэм лирикэри лиро-эпикэри зы лъэхъэнэм – XX лІэщІыгъуэм и 20–30 гъэхэм – къыщызэдэунэхуащ, зэгъусэуи къызэдэгъуэгурыкІуащ. Абы и щыхьэт наІуэщ ПащІэ Бэчмырзэрэ ЩоджэнцІыкІу Алийрэ я творчествэр. Усэхэм нэмыщІ, абыхэм япэ поэмэхэри я Іэдакъэ къыщІэкІащ. Иужьрейхэм (поэмэхэм) я фІыгъэкІэ лиро-эпикэм и зыужьыныгъэр ешэжьа хъуащ, ауэ абыхэм балладэр гуэгъу щахуэхъуар нэхъ иужьыІуэкІэщ. Япэ адыгэ (къэбэрдей) балладэр дунейм къыщытехьар нобэкІэ зэхэгъэкІыжыгъуейми, шэч зыхэмылъыр зыщ – жанрым пэублэ лъэбакъуэхэр ичын щыщІидзар Хэку зауэшхуэм иужь лъэхъэнэрщ.

XV лІэщІыгъуэм балладэм и ухуэкІэр хабзэ ткІийхэм тетащ. Ар рифмэ зэщхь зиІэ строфаищу зэхэлъын хуейт. Строфар сатырийуэ зэхэтынкІэ хъунут, апхуэдэм деж сатыр къэскІэ пычыгъуий хъурт, рифмэр *ababbcbc* ухуэкІэм тетыпхъэт. Строфар сатырипщІу щызэхэти къэхъурт, абы щыгъуэм сатырхэр пычыгъуипщІ хъу хабзэт, рифмэр *ababbccdcd* ухуэкІэм тетт. ЦІыхухъу рифмэмрэ цІыхубз рифмэмрэ зэблэдзауэ, зыр адрейм ихъуэжу зэкІэлъыхьыпхъэт. Апхуэдэ гъэпсыкІэ фащэ иІэу балладэр япэ дыдэу франджы усакІуэ Вийон Франсуа и твочрествэм щызэфІэувауэ щытащ [Давыдова, Пронин 2003: 102].

КъыкІэлъыкІуэ лъэхъэнэхэм жанрым и ухуэкІэ хабзэхэр нэхъ къэтІэсхъащ икІи XX лІэщІыгъуэм ирихьэлІэу нобэкІэ иІэ нэщэнэхэр зэтеува хъуащ. Иджырей литературэ щІэныгъэмрэ теориемрэ зэрыщыубзыхуамкІэ, балладэм и нэщэнэ нэхъыщхьэхэм ящыщщ усэу зэрыгъэпсар, сюжет зэриІэмрэ конфликт зэрыхэлъымрэ. Апхуэдэуи тхыгъэр драматизмкІэ гъэнщІа къэхъугъэ гуэркІэ, нэхъыбэрэ – лІыхъужь нэхъыщхьэм и лІэныгъэкІэ иухын хуейщ. Абы щыгъуэми лІыхъужьым и иужьрей гъуэгуанэр пщІэрэ щІыхькІэ гъэнщІауэ, абы и лІэныгъэм лІыгъэ хэлъу, гъэсэныгъэ-ущиныгъэ мыхьэнэ щІэлъу, щапхъэгъэлъагъуэу щытыпхъэщ. КъыщынэмыщІауэ, балладэм уэрэдымрэ макъамэмрэ я нэщэнэхэр е и купщІэкІэ, е и фащэкІэ (нэхъыбэрэ – етІуанэмкІэ) къыпкърыщыпхъэщ.

Къэдгъэлъэгъуахэр жанрым и хабзэ, нэщэнэ нэхъыщхьэхэр аркъудейщ, ауэ абыхэм нэмыщІ, къэзыгъэщІ лъэпкъ (лъэпкъ гупсысэкІэ), усакІуэ

(щхьэзакъуэ дуней лъагъукIэ), къызэрагъэщI бзэм и зэхэлъыкIэ-ухуэкIэ, н. елъытакIэ балладэм щхьэхуэныгъэ зэхуэмыдэхэр иIэнкIэ хъунущ. Ахэр наIуэ щыхъур зы тхыгъэ хэха е зы усакIуэм и IэдакъэщIэкI зыбжанэ кууэ щызэпкърах, сюжетымрэ поэтикэмрэ къызэщIэкъуауэ щадж къэхутэныгъэ щхьэхуэхэрщ.

Иджырей балладэр, поэмэм хуэдэу, лиро-эпикэм и зы жанр лIэужьыгъуэщ. Ар поэмэм къызэрыщхьэщыкIыр абы нэхърэ «нэхъ цIыкIуу зэрыщытырщ» [Квятковский 1966: 59], лирикэ уэрэдым къыщхьэщызыгъэкIыр – сюжет зэриIэрщ. Абы щыгъуэми балладэр сюжет зиIэ усэм хэгъэгъуэщэн хуейкъым. Иджыри зэ къытедгъэзэжынщи, ар лиро-эпикэ жанрщ, абы и ухуэным ищхьэкIэ зи гугъу щытщIа хабзэ псори, нэщэнэхэри щызэдэлэжьапхъэщ.

«Адыгэ литературэм и деж балладэр щызэфIэувэ лъэхъэнэм абы тегъэщIапIэу тIу иIащ: япэр – балладэ ухуэкIэ зиIэу лъэпкъ IуэрыIуатэм къыхэщыж уэрэд гупырщ, етIуанэр – урыс балладэм и щапхъэхэрщ. Ди лъэпкъ балладэм а тIум я нэщэнэхэри зыщIишащ, ауэ щыхъукIи езым и зыужьыныгъэ лъагъуэ хишыжащ» [Хавжокова, Атласкирова 2021: 248].

Балладэ жанрым и зыужьыныгъэм зи гуащIэ ин езыхьэлIахэм ящыщщ Бицу Анатолэ. УсакIуэм «къэбэрдей поэзием хуищIа хэлъхьэныгъэр нэхъ щызу къэбгъэлъэгъуэн щхьэкIэ лиро-эпикэ жанрхэм я гугъу щIыпхъэщ», – етх щIэныгъэлI Гъут Iэдэм [Гутов 2019: 99]. Поэмэхэри хъарзынэу къехъулIами, Бицум и балладэхэр жанрыр зэрыгъэлэжьэн хуейм и щапхъэ нэсщ. Ахэр илъэс зэхуэмыдэхэм дунейм къытехьащ, иужькIэ, псори къызэщIэкъуэжауэ, 2016 гъэм къыдэкIа «Къосыр уэс» тхылъым хыхьащ. Апхуэдэхэщ: «Бгырысыр къызэралъхуар», «ЩIакIуэ кIапэ», «Жамболэт», «НэхъыщIэ», «Лъагъуныгъэ», «ХъунщIакIуэмрэ джэгуакIуэмрэ». Ахэр псори къызэщIикъуэрэ адрейхэм я тхыгъэхэм къащхьэщагъэкIыу зы щIэщыгъуагъ яхэлъщ – лъэпкъ тхыдэмрэ хабзэмрэ я нэпкъыжьэ ятелъщ, бгырысым и дуней лъагъукIэкIэ, щыIэкIэпсэукIэкIэ, жыпIэнурамэ, адыгэ хьэлкIэ псыхьахэщ. Щхьэтечэуэ я гугъу дымыщIурэ дриплъэмэ, балладэ псоми адыгэ лIыгъэр, бэшэчыгъэр, ижь-ижьыж лъандэрэ лъэпкъым къыдекIуэкI щэнхабзэ екIур, цIыхугъэ лъагэр къапкърыщащ. Иджыри зы щхьэхуэныгъэм гу лъытапхъэщ: тхыгъэхэр романтизмэм и нэщэнэхэмрэ мотивхэмкIэ гъэнщIащ, абыхэм зи пIалъэ имыкIыж лъапIагъэхэр – напэр, щIыхьыр, пэжыгъэр, лъагъуныгъэр – щытепщэщ.

Бицум и балладэхэр я купщIэкIи фащэкIи апхуэдизкIэ зэгъэпэщазэщIэузэдащи, языхэзми къэхутэныгъэ щхьэхуэ хуэфащэщ; щIэныгъэ и лъэныкъуэкIэ абыхэм къапкърыпхыныр куэдщ, тхылъеджэр дэзыхьэх сюжеткIи къулей защIэхэщ. Зи гугъу тщIыхэр нэрылъагъу хъун папщIэ, «ХъунщIакIуэмрэ джэгуакIуэмрэ» балладэм нэхъ кууэ дыхэплъэнщ.

Тхыгъэм хэлъ конфликтыр и фIэщыгъэм деж къыщожьэ: зэрыгурыIуэгъуэщи, хъунщIакIуэр – гурымыхь персонажу щыт хабзэщ, джэгуакIуэр – фIым и джакIуэщ, лъэпкъым и набдзэщ. А тIур зэрызэпэщIэувэр фIэщыгъэм къыбжеIэ, ауэ щIызэпэщIэувэ щхьэусыгъуэр гурыIуэгъуэ щыхъур сюжетырщ.

Залымхъан «хъунщIакIуэ» цIэр теIукIами, ар захуагъэм и телъхьэщ, лIыгъэ зыхэлъщ, цIыху пэжщ. Апхуэдэ цIэр къыщIилэжьари, абрэджу ежьэжын хуей щIэхъуари мырат: лей зытехьа лIыщIэм къыщхьэщыжу къуажэпщым и лъапсэр

игъэсри, абы мылъкуу къиугъуеяр лъэщыгъэкIэ къызытрихахэм яхуигуэшыжауэ щытат. Абы лъандэрэ ар мэз гуэрэнхэмрэ бгъуэнщIагъхэмрэ щопсэу, бейхэр къихъунщIэурэ я мылъкухэр тхьэмыщкIэхэм яхуегуэш. Залымхъан и образым романтизмэм и пкъыгъуэхэр хэлъщ: зэрыхахуэм, жыру псыхьа хьэлщэн зэтеубыда зэриIэм къыдэкIуэуи, IэпэIэсэщ – пхъэм сурэт зэмылIэужьыгъуэхэр къыхебзыкI, мывэм хьэпшыпхэр къыхеIущIыкI, нэгъуэщIу жыпIэмэ и пхъашагъэм пэшачэ псэ къабзагъи, дахагъи пкърылъщ.

Iыхьитхуу зэхэлъ балладэм и япэ Iыхьэр хъунщIакIуэм и образым теухуамэ, етIуанэм джэгуакIуэхэр – Къамботрэ Агънокъуэ Лашэрэ къыхохьэ. Япэрейм и унагъуэцIэр тхыгъэм къыхэщыркъым, ауэ щыпсэуа лъэхъэнэ (Агънокъуэ Лашэ и лъэхъэнэгъущ), щIыпIэ (Джылахъстэнейм щыщщ), иуса гуэрхэм я кIапэлъапэхэр къызэрыгъэлъэгъуамкIэ, ар зэры-Абазэ Къамботыр гурыIуэгъуэ мэхъу. Мыбдежым къыщегъэжьауэ, усакIуэм балладэм и пкъыгъуэ нэхъыщхьэхэм языхэзу уэрэдымрэ макъамэмрэ тхыгъэм къыхешэ, лъэпкъ Iэмэпсымэхэм (шыкIэпшынэ, бжьамий), уэрэд-гъыбзэхэм я гугъу ещI, иужьрейхэм щыщ пычыгъуэхэр хеухуанэ.

Ещанэ Iыхьэм деж Лашэ и фитон гъэщIэрэщIам ису Къамбот Джылахъстэнейм здэкIуэжым, Залымхъан и гупыр къытоуэри гъэр ящI, апхуэдэ щIыкIэкIэ дахагъэмрэ (джэгуакIуэм и образыр, абы къыпкърыкI эстетикэр) лIыгъэмрэ (хъунщIакIуэм и образыр) зэпэщIоувэ, икIи япэрейм и къарур нэхъ лъэщу къыщIокI, фIыр, дахагъэр токIуэ. ДжэгуакIуэм и уэрэдым зэфIэкIышхуэ бгъэдэлъщ, ар захуагъэм и телъхьэщ, джатэми полъэщ, Залымхъан хуэдэ я нэхъ лIы пхъашэми и гур къегъэтIасхъэ. Ар къыхэщу тхыгъэм дыкъыщоджэ:

Шыклэпшынэр мэбзэрабзэ,
Абы хэлъщ джэгуакIуэм и псэр…
Залымхъан умэзэхащ,
И напIэмIыр ехуэхащ [Бицуев 2016: 242].

Балладэм къызэрыхэщымкIэ, уэрэдымрэ макъамэмрэ Залымхъан гъуэгу захуэ трашэж, хъунщIакIуэнымрэ абрэджынымрэ IэщIыб ещIри, скульптор Iэзэ къыхэкIауэ, Къуэжьыкъуей Ищхъэрэ къуажэм щопсэу, кIэщIу жыпIэмэ, къызэрыгуэкI мамыр псэукIэм хуокIуэж.

Тхыгъэм и кIэух Iыхьэм уэрэдым и мыхьэнэмрэ джэгуакIуэм и лIыгъэлъэкIыныгъэмрэ иджыри зэ дигу къегъэкIыж, усакIуэм и Iэдакъэщ Iэкlым хуиубзыхуа жанрыр къыщIыхихам и щхьэусыгъуэми щхьэтечауэ дыщегъэгъуазэ:

Мы хъыбарым щIыфIэсщар
Сыт-тIэ нобэ сэ балладэ? –
Зэрытеухуарщ уэрэдым,
Уэрэд нэсым иIэ пщIэм.
Ар щрелу мычэму щIылъэм,
Щрелу уафэм, – къигъэпсалъэу,
Абы щIэлъ макъамэм, псалъэм
Ялъэкlынум щIэткъым щIэ [Бицуев 2016: 244].

Тхыгъэр зыхуихьа жанрым ехьэлIа гупсысэхэмкIэ усакIуэр къызэрыддэгуашэри лейкъым, уеблэмэ гъэщIэгъуэнщ, ауэ мыпхуэдэу зэIухауэ къыджимыIэми, «ХъунщIакIуэмрэ джэгуакIуэмрэ» зэрыбалладэр абы и ухуэкIэми, лъабжьэ хуэхъуа сюжетымрэ мотивхэмкIи гурыIуэгъуэщ.

Балладэм лъагъуныгъэ мотивыр лъабжьэ щыхуэхъур зэзэмызэххэщ. Абы и лъэныкъуэкIэ Бицум и «Лъагъуныгъэ» балладэм щIэщыгъуагъ хэлъщ. Тхыгъэм къиIуэтэж хъыбарым «гъэ мин» бжыгъэхэр и ныбжьщ. Зэ еплъыгъуэкIэ, сюжетыр къызэрыгуэкIщ: фIыуэ зэрылъэгъуа ныбжьыщIэхэр – Къетыкъуэрэ Сулимэрэ – фIэкIыпIэ зимыIэ лъэпощхьэпохэм зэпэIэщIэ ящI, ахэр зэхуозэш, псэм и бэлыхь ягъэв, ауэ зэщIэбэгыу ирахьэкI гъащIэм и гъуэгуанэхэр зэикI зэхуэзэжыркъым. Идее нэхъыщхьэм лейуэ егупсысын хуэмейуэ, балладэм и кIэм деж усакIуэм къыхегъэщ:

...И клэухыр мыращ хъыбар щыпкъэм:
Жьы къепщэхуклэ ди къуршхэр мэдым.
Жалэр ар Сулимэ и гыз макъыу…
Аращ лъагъуныгъэм и къарур [Бицуев 2016: 236].

Жанрым зэрихабзэу, тхыгъэм мифологие мотив хэухуэнащ: Псыхъуэгуащэ, и анэ къызэрилъхуауэ, псыхъуэм дэлъ мывэшхуэм тесу зыIэщIэлъэгъуа Къетыкъуэ, «*Уи нитлыр щугъукI!*» [Бицуев 2016: 233] жиIэу къриутIыпща гыбзэр къытохуэри нэф мэхъу, абы къыхэкIкIи я къуажэ игъэзэжыну, фIыуэ илъагъу Сулимэ дахэм хуэзэжыну дзыхь ищIыжыркъым, гъадэщIыдэм хохьэж.

Бицу А. и балладэхэм я фIагъыр зыщылъагъупхъэр жанрыр Iэзэу къызэригъэIэрыхуэфам и закъуэкъым, атIэ абыхэм адыгэм и дунейр къызэрыщигъэлъэгъуарщ, адыгэ хабзэм и дахагъыр психологизм куу, драматизм лъэщ хэлъу и тхыгъэхэм зэрыхиухуэнарщ.

«Жамболэт» балладэм лъабжьэ хуэхъуар «Адыгэм и хьэщIэр быдапIэ исщ» псалъэжьым щIэлъ философиерщ. Абрэджу, зекIуэлI хахуэу зи гъащIэр езыхьэкIа Жамбот дадэ зэрымыщIэкIэ бэлыхь хэхуа щIалэщIэр къыщыхуепсыхым, ар егъэхьэщIэ, пщIэ хуещI, къыкIэлъыпхъэра бийхэм щихъумэн папщIи езым и псэр ет. Адыгэм хьэщIэм пщIэшхуэ хуищIу зэрыщытар усакIуэм и тхыгъэм щхьэтечауэ щыжеIэ:

Зи напэр изыгъэщт
Псэм япэ а лыжь хахуэр.
И напэр ихъумащ –
И хьэщlэр ихъумащ.
Бгырысым хьэщlэм пищl
Дунейм темыт. Ар нахуэщ.
А хабзэм щытекIа
Ди лъэпкъыр къэмыхъуа [Бицуев 2016: 227–228].

Бицум и IэдакъэщIэкI нэгъуэщI балладэ зыбжанэми – «ЩIакIуэ кIапэ», «НэхъыщIэ» – лъабжьэ яхуэхъуар адыгэм и дуней тетыкIэ екIурщ, аращ а тхыгъэхэр лъэпкъ тхыдэм и гъуджэу къыщIэлъытапхъэри.

Дызыхэплъахэр къызэщIэткъуэжмэ, Бицу Анатолэ адыгэ балладэм и зыужьыныгъэм хэлъхьэныгъэ ин хуэзыщIа усакIуэу зэрыщытыр наIуэ къэхъуащ. УсакIуэм жанрым и хабзэ гугъухэр къигъэIэрыхуэн лъэкIащ, абы щыгъуэми и тхыгъэхэр псоми къызэдащта къупхъэм ихузакъым, атIэ езым и щхьэзакъуэ хъэтIрэ художественнэ Iэзагърэ къапкърыщащ.

Бицу А. и усыгъэр нэхъыбэрэ къызэпкърыпхыхукIэ нэхъ ину къызэкIуэцIыкIыурэ макIуэ. Абы и IэдакъэщIэкIхэм фащэ и лъэныкъуэкIи я купщIэ теухуауи яхужыпIэныр куэдщ, зы статьям и кIуэцIкIи къыщыпхузэщIэкъуэнукъым. Аращ абы кандидат диссертацэ псо щIытрагъэпсыхьари: Багъ Иринэ итха «Бицу Анатолэ и усыгъэр: мотив нэхъыщхьэхэмрэ жанрхэмрэ» лэжьыгъэр 2005 гъэм пхигъэкIауэ щытащ. Ауэ абы лъандэрэ илъэс 17 дэкIыжащ, а пIалъэм къриубыдэу Бицум и творчествэм зыужьыныгъэ икIи зэхъуэкIыныгъэ пыухыкIахэр игъуэтащ, тхылъ зыбжанэ къыдэкIащ. Абы къыхэкIкIэ, нобэкIэ усакIуэм и тхыгъэхэр къызэщIэзыкъуэн диссертацэ е монографие къэхутэныгъэ щхьэхуэ хуэфащэщ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бицуев 1997 – *Бицуев А.М.* Избранное: Стихи, поэмы, баллады. [На каб.-черк. яз.: Усыгъэхэр: Усэхэр, поэмэхэр, балладэхэр]. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 288 с.

Бицуев 2016 – *Бицуев А.М.* Снег идет…: Стихотворения. Баллады. Переводы. [На каб.-черк. яз.: Къосыр уэс…: Усэхэр. Балладэхэр. ЗэдзэкIахэр]. – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 320 с.

Гутов 2019 – *Гутов А.М.* Адыгский фольклор // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Том I. – Нальчик: Принт-Центр, 2019. – С. 58–109.

Давыдова, Пронин 2003 – *Давыдова Т.Т., Пронин В.А.* Теория литературы: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 232 с.

Квятковский 1966 – *Квятковский А.П.* Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 375 с.

Кешоков 1968 – *Кешоков А.* Сабля Андемиркана (Вступительная заметка к публикации стихотворений Анатолия Бицуева) // Дружба народов. – 1968. – № 10. – С. 99.

Хавжокова 2015 – *Хавжокова Л.Б.* Тема войны и мира в поэзии Анатолия Бицуева и Анатолия Мукожева. [На каб.-черк. яз.: Зауэмрэ мамырыгъэмрэ Бицу Анатолэрэ Мыкъуэжь Анатолэрэ я усыгъэм къызэрыхэщыр] // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 70-летию Великой победы). Сборник статей. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – С. 199–206.

Хавжокова 2017 – *Хавжокова Л.Б.* Песенное творчество кабардинских поэтов (на примере текста песни «Падает снег…» А. Бицуева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8–1 (74). – Ч. 1. – С. 43–46.

Хавжокова, Атласкирова 2021 – *Хавжокова Л.Б., Атласкирова Р.С.* Жанр баллады в кабардинской литературе: генезис и эволюция. [На каб.-черк. яз.: Балладэ жанрыр къэбэрдей литературэм: зэрызэфIэувамрэ зэрызиужьамрэ] // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 4. – С. 246–259.

REFERENCES

BITSUEV A.M. *Usyg'eher: Useher, poemakher, balladakher* [Selected: Poems, poems, ballads]. – Nalchik: Elbrus, 1997. – 288 p. (In Kabardian-Circassian).

BITSUEV A.M. *K"osyr ues…: Usekher. Balladekher. ZedzekIakher* [It is snowing...: Poems. Ballads. Translations]. – Nalchik: El'brus, 2016. – 320 p. (In Kabardian-Circassian).

GUTOV A.M. *Adygskii fol'klor* [Adyge folklore]. IN: *Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury. Tom I* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. Volume I]. – Nalchik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2019. – P. 58–109. (In Russ.).

DAVYDOVA T.T., PRONIN V.A. *Teoriya literatury: Uchebnoe posobie* [Literature theory: Textbook]. – M.: Logos, 2003. – 232 p. (In Russ.).

KVYATKOVSKY A.P. *Poeticheskii slovar'* [Poetic Dictionary]. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. – 375 p. (In Russ.).

KESHOKOV A. *Sablya Andemirkana (Vstupitel'naya zametka k publikacii stihotvorenij Anatoliya Bicueva)* [Andemirkan's saber (Introductory note to the publication of poems by Anatoly Bitsuev)]. IN: Druzhba narodov. – 1968. – No. 10. – P. 99 (In Russ.).

KHAVZHOKOVA L.B. *Zauemre mamyryg'emre Bitsu Anatolere Mykuezh Anatolere ya usyg'em kyzerykheshchyr* [The Theme of War and Peace in the Poetry of Anatoly Bitsuev and Anatoly Mukozhev]. IN: *The unity of the peoples of the Soviet Union is the most important factor in victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. (to the 70th anniversary of the Great Victory). Digest of articles*. – Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2015. – Pp. 199–206. (In Kabardian-Circassian).

KHAVZHOKOVA L.B. *Pesennoe tvorchestvo kabardinskih poetov (na primere teksta pesni «Padaet sneg…» A. Bitsueva)* [Song creativity of Kabardian poets (on the example of the text of the song "Snow is falling..." by A. Bitsuev)]. IN: *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. – 2017. – No. 8–1 (74). – Part 1. – Pp. 43–46. (In Russ.).

KHAVZHOKOVA L.B., ATLASKIROVA R.S. *Ballade genrer keberdey literaturem: zeryzefIeuvamre zeryziuzhamre* [The ballad genre in Kabardian literature: genesis and evolution]. IN: *Electronic journal "Kavkazologiya"*. – 2021. – No. 4. – Pp. 246–259. (In Kabardian-Circassian).

Авторым теухууэ
Хьэвжокъуэ Л.Б. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.
Information about the author
L.B. Khavzhokova – Candidate of Science (Philology).
Информация об авторе
Л.Б. Хавжокова – кандидат филологических наук.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 08.07.2022 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 20.08.2022 гъ.; къытрадзэнущ 15.09.2022 гъ.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

Фольклористика

Илму статья
УДК 398.61
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-417-428
EDN: IJSXEZ

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ФОЛЬКЛОРДА ЭЛБЕР ЖАНРНЫ ЭНЧИЛИКЛЕРИ

Локияланы Магомедни къызы Жаухар
Гуманитар тинтиулени институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия, lokyaeva.zh@mail.ru, https:orcid.org/0000-0003-1599-4397

Къысха магъана. Статьяда къарачай-малкъар фольклорну элбер жанрыны къуралыу, жаратылыу эм жюрютюлюу амалларыны бир къауум энчиликлери ачыкъланадыла. Ала жаз тил бла, жашырын магъана бла айтылып, жашауну кёп тюрлю болумларында эркин хайырланыладыла. Бюгюнлюкде элбер аз-аздан адетли эришиу оюн халин тас этип, асламысында соруу бла жууапдан къуралып, сабий садлада, школлада, оюн-булжутуу къууумлада жюрютюледиле. Алай бла, элберлени юйретиу ишде да магъаналары болмагъанча уллуду: ала адамны суратлау ангыламын бай, кенг да этедиле, кеслерини къуралыу амаллары бла да фольклорну башха жанрларындан энчидиле.

Илму ишде тинтиу амалланы хайыры бла, къарачай-малкъар элберлени табийгъат болумла, адам улуну дуниялыкъ ангыламы, ангы бла байламлыкъда къуралгъанлары, жюрютюлюу амалларыны тюрлениулери да шарт кёргюзтюлюнедиле.

Баш магъаналы сёзле: къарачай-малкъар фольклор, гитче жанрла, элбер, жаз (жашырын) тил.

Цитата этерге: Локияланы Ж.М. Къарачай-малкъар фольклорда элбер жанрны энчиликлери // Кавказология. – 2022. – № 3. – С. 417-428. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-417-428. EDN: IJSXEZ.

© Локияланы Ж.М., 2022

Original article

PECULIARITIES OF A RIDDLE GENRE IN KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Zhauhar M. Lokyaeva
Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, lokyaeva.zh@mail.ru, https:orcid.org/0000-0003-1599-4397

Abstract. This article is devoted to revealing the traits of origin, development, existence of riddle as a genre of Karachay-Balkarian folklore, identification of its principal specific features. It is observed that, having arisen based on sacred texts in a secret language, subsequently it transformed and gained a game form. At present, the game (ritual) part has lost its significance because of changes that have occurred in the way of life of the native people, and riddles functioned in a question–answer format. The addressee of riddles has also changed: if earlier they were mostly used by adults during game competitions, then today riddles are often ranked among children's genres of folklore, contributing to intergenerational transmission of information. The conducted research allows to state the existence of a close connection between the content of riddles and realities that surrounded their creators (geographical landscape, the world of flora and fauna, the material and spiritual culture of the ethnic group). All this determined the range of the thematic scope of Karachay-Balkarian riddles and therefore increased their research potential both for specialists in folklore and for linguists, ethnologists, culturologists and ethnopsychologists. In addition, the attention of the works of this genre on the development of abstract, figurative thinking, fantasy actualizes the possibility of their use for pedagogical purposes.

Keywords*:* Karachay-Balkarian folklore, small genres, riddle, allegory.

For citation: Lokyaeva Zh.M. Peculiarities of a riddle genre in karachay-balkarian folklore. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 417-428. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-417-428. EDN: IJSXEZ.

© Lokyaeva Zh.M., 2022

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЗАГАДКИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Жаухар Магомедовна Локьяева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, lokyaeva.zh@mail.ru, https:orcid.org/0000-0003-1599-4397

***Аннотация*.** Данная статья посвящена раскрытию особенностей возникновения, развития, бытования загадки как жанра карачаево-балкарского фольклора, выявлению ее основных специфических черт. Отмечается, что, возникнув на основе сакральных текстов на тайном языке, впоследствии она трансформировалась и приобрела игровую форму. В настоящее же время игровая (ритуальная) часть утратила свое значение вследствие изменений, произошедших в жизненном укладе народа-носителя, и загадки стали функционировать в формате «вопрос – ответ». Также изменился и «адресат» загадок: если раньше их в большинстве своем употребляли взрослые во время игровых состязаний, то на сегодняшний день загадки нередко причисляются к детским жанрам фольклора, способствующим межпоколенной трансляции информации. Проведенное исследование позволяет констатировать наличие тесной связи между содержанием загадок и реалиями, окружавшими их создателей (географическим ландшафтом, миром флоры и фауны, материальной и духовной культурой этноса). Все это обусловило широту тематического диапазона карачаево-балкарских загадок и тем самым повысило их исследовательский потенциал как для специалистов-фольклористов, так и для лингвистов, этнологов, культурологов и этнопсихологов. Кроме того, направленность произ-

ведений данного жанра на развитие абстрактного, образного мышления, фантазии актуализирует возможность их применения в педагогических целях.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, малые жанры, загадка, иносказание.

Для цитирования: Локьяева Ж.М. Особенности жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 417-428. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-417-428. EDN: IJSXEZ.

© Локьяева Ж.М., 2022

Элберле фольклорну эм эрттегили жанрларындан биридиле. Ала жаз тил бла айтылып, тюрлю-тюрлю затланы белгилеп, соруу-жууап формада къураладыла, адамланы акъылларын, эслиликлерин жютю этерге себеп боладыла эм эсеп оюннга юйретедиле. Элберле асламысында табийгъатны болумлары, хайыуанла, жаныуарла, адыр-сауут эм кёп башха затлада жер табадыла, асламысында адам улуну урунуу тёрелери бла, урунууда хайырланнган адырлары, саутлары бла байламлыдыла.

Бу жанрны юсюнден орус фольклор илмуда иги кесек алим тинтиу ишле жазгъандыла (В.П. Аникин, А.А. Потебня, В.И. Чичеров, И.А. Худяков, Д.Н. Садовников, А.В. Марков, В.В. Митрофанова, Е.Н. Елеонская, М.А. Рыбникова эм д.б.).

В.П. Аникинни оюмуна кёре, элбер «поэтика даражада дуниягъа къарамды, адамны оюмлай билиуюн сынаргъа, жашауда тюбеген затлагъа суратлау кёз бла къараргъа юйретеди. Алай болса да, фольклор жанрладан бири да адамны жашауну поэтика къарам бла кёрюрча жолгъа салмайдыла. Элбер а турушунлай ол жумушну тамамлайды, жашауну поэтика жанын айырып, халкъны жашауу, иши бла байламлы болгъанын, адам кюн сайын кёрген, хайырланнган затланы магъаналарын ачыкъ этеди» [Аникин 1957: 55–56].

В.И. Чичеров, элбер жанрны энчиликлерин эм фикирин тинте, «Элберле халкъны поэзия чыгъармачылыгъыны энчи жанрыча, бек эртте, къалыубала заманлада жашау болумлагъа кёре къуралгъандыла, аланы ёзеклери адамланы дунияны ангыларгъа болушхан урунуу сынаулары болгъандыла», – деп жазгъанды [Чичеров 1959: 322]. Даулашсыз элберле асламысында адам улуну урунуу тёреси бла, урунууда хайырланнган адыр-сауту бла байламлы боладыла.

О.А. Гудимова, «элберлени къуралыулары уучуланы, малчыланы, жерчилик бла кюрешген къауумланы адет-тёрелери, аланы арада жюрютюлген жаз тиллери бла байламлыдыла» деп, бу жанрны заманнга кёре тюрлене баргъанын белгилегенди [Гудимова 2011: 179].

Башда саналгъан шартла къарачай-малкъар халкъны фольклорунда да дайым эсленедиле.

Къарачай-малкъар элберлени жыйыу иш XX-чы ёмюрню ал жылларында башланнганды. Венгерли алим В. Прёлени «Къарачай диалектни тинтиу» деген жазмасы 1909 жылда «Keleti Šzemle» журналны 10-чу номеринде чыкъгъанды, 1916 жылда уа алимни ол журналда малкъар тилни грамматика очерки бла малкъар фольклорну тюрлю-тюрлю жанрларыны бир къаууму басмаланнгандыла [Ортабаева 2011: 84], ызы бла, 1940 жылдан башлап, бюгюнлюкге дери,

«Къарачай фольклор» (1940), «Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле» (1959), «Малкъар нарт сёзле, айтыула эм элберле» (1965), «Къарачай халкъны эл берген джомакълары» (1984), «Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле…» (1997), «1001 элбер» (1999), «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» (2010), «Загадки народов Карачаево-Черкесии» (2011) эм д.б. жыйымдыкъла чыкъгъандыла.

Саулай алып айтханда, бусагъат заманнга къарачай-малкъар халкъны кёлден чыгъармачылыгъында элбер жанрдан бай материал жыйылгъанды эм басманнганды дерге боллукъбуз. Илму жаны бла да, кёп болмасала да, тинтиу ишле бардырылгъандыла. Фольклор илмуда, артыкъсызда къарачай-малкъар элберлени тинтиуге жораланнган илму ишле жокъну орунундадыла. Бу жанр бла байламлы, бир къаум илму статьяла басманнгандыла, фольклор жыйымдыкълагъа ал сёзле жазылгъандыла. Элберлени юсюнден тюрлю-тюрлю оюмланы Холаланы А.З. [Холаев 1981: 31], Алийланы С.Ч. [Алийланы 1984: 9], Хаджиланы Т.М. [Хаджиланы 1996; Хаджиева 2014], Биттирланы Т.Ш. [Биттирланы 1997], Малкъондуланы Х.Х. [Малкондуев 2010: 17], Берберланы Б.А. [Берберов 2021a; Берберов 2021b; Берберов 2021c; Берберов 2021d], Гулийланы (Зануколаны) Ф.Х. [Гулиева (Занукоева) 2021], Локияланы Ж.М [Локьяева 2021a; Локьяева 2021b] эм д.б. алимлени илму ишлеринде эслерге боллукъду.

Тил бла кюрешген алимле элберлени асламысында суратлау материалныча хайырланадыла [Кетенчиев 2010]. Болсада, арт заманлада къарачай-малкъар элберледе тилни кесеклерин, аланы лексико-семантика, морфология, сёз къурау энчиликлерин тинтген илму статьяла да бардыла [Мусуков, Магрелова 2015; Эльбаева 2017].

Элберлени жаш тёлюню юйретиуде магъаналарына да аслам эс бурулады [Гуртуева 1974; Лепшокова 2021].

Бу жанрны жаратылыууну эм жюрютюлюуюню юсюнден айтханда, бурун заманлада элберле тейрилени, дементили кючю болгъан затланы эм д.б. затланы юслеринден хапарлагъан чыгъармала болгъанларын чертирчады. Ала миф халда айтылгъандыла, терен магъаналы болгъандыла, «бир-бирде табийгъат болумланы суратларгъа, ачыкъларгъа болушхандыла, аланы жашырын магъаналары болгъанларына ийнаннгандыла: аланы жомакълада, эпосда элберлени айтыу аслам жерни алгъаны бошдан тюйюлдю. Бусагъатдагъы заманда элберле аллай магъаналарын тас этгендиле. Алай аланы бюгюн да къысха сёз бла аслам магъананы билдиргенлери, суратлау кючлери сакъланнгандыла» [Джуртубаев 2010: 286].

Биттирланы Т.Ш. элбер жанрны бир къаум энчиликлерин белгилей, «фольклорну бу жанрыны аты аны жюрюген хали бла байламлыды», – деп жазады [Биттирова 1991: 19].

Къарачай-малкъар тилде *«элбер»* деген термин *«эл»* бла *«бер»* деген эки сёзден къуралгъанды. Андан сора башха термин да хайырланылады – *эл берген жомакъла*. Айтылыуну эки тюрлюсю да жанрны жюрютюу башхалыкълары бла байламлыдыла. Элберни айтыу эм анга жууап табыу оюн халда жюрютюлгенди. «Башха миллетледеча, къарачай-малкъар элбер эки бёлюмден къуралады: элбер эм анга жууап. Эришиу оюн баргъанда, элбер берилген адам жууабын

табалмаса, ол жууапны алыр ючюн тёлеу халда эл неда шахар берирге керек болгъанды» [Хаджиева 2014: 574].

Холаланы А.З. белгилегеннге кёре, «элберлени баш магъаналары – оюн халда эришиудю, адамны оюмлай, терк сагъыш этерге юйретиудю. Элбер адамны эсин кючлеген жарауду, аны жашауну кенг кёре, оюмлай билгенине сынауду. Аны бла бирге ол булжутуу амалладан бириди» [Холаев 1981: 31].

Элберлени баш магъаналары – адамланы эслиликлерин айнытыуду. Ол затны аланы къуралыу формалары тамам шарт белгилейди. Элберле тенглешдириуню юсю бла къуралыргъа да боладыла. Ала юй сауут-сабаны, ашарыкъны, табийгъатны эм табийгъат болумланы, иш кереклени, урунууну, адамны санларыны, битимлени, жаныуарланы, адам улуну жашауу бла байламлы хар затны юсюнден да къуралыргъа боладыла.

Бурун заманлада къарачайлыла бла малкъарлыла ишден бош болгъан заманларында, тойлада, байрамлада бирге жыйылып, хапарлашыргъа, чам этерге, элберлени айтыргъа бек сюйгендиле. Элберни магъанасы не къадар терен болса, аны тюз жууабына аллай бир уллу багъа берилирин излегендиле. Бир-бирде аллай эришиуле бир ненча кюннге созулургъа болгъандыла. Шёндюгю заманда элберле аллай магъаналарын сакълагъандыла дерге къыйынды. Болсада, ала толусунлай кеслерини магъаналарын тас этмегендиле, жаланда хайырланыу амаллары бир кесек тюрленнгенди. Алгъын элбер айтып асламында абадан адамла эришгендиле, алай артдан-артха аны соруу-жууап формасы сакъланнганлыкъгъа, адетли оюн бла байламлы кесеги кетип, ол жаш тёлюге жаз тилни ангыларгъа, халкъда жюрюген белгилени магъаналарын билирге юйретген, сабийлеге аталгъан жанрланы санына кирип къалгъанды.

Элберле жаз тил бла къаты байламлыдыла. Алада тилни уста хайырланылгъаны, жашауда тюбемеген затланы эсге салып, поэзия даражагъа чыгъарыуу эсленеди. Жанрны ол энчилиги аны андан да ууакъ къаумлагъа юлеширге онг береди: *адамны, жаныуарланы, жаны болмагъан затланы, жюрюген усталыкъланы, табийгъатны, анда тюбеген затланы, битимлени, намыс-тёрелени, философия ангыламланы* эм д.б. затланы юсюнден.

Фольклорну башха жанрларындан элберни дагъыда бир энчилиги айырмалыды. Ол соруу-жууап халда, оюн формада жюрюйдю, алай бла абаданланы бла сабийлени араларын жуукъ этерге онг береди.

Окъуу китаплада, хрестоматия эм фольклор жыйымдыкълада элберле тюрлю-тюрлю къаумлагъа юлешинедиле. Сёз ючюн: *жаз тил бла айтылгъан элберле, бир затны сёз бла суратлагъан элберле, соруу элберле, эсеп элберле.* Бу тюрлю юлешиниу форма «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» деген китапда да хайырланылады [КъМОЭ 2010].

Бу жанр бла байламлы толу жыйышдырылып, бёлюмлери энчиленип, къыйматлы басмаланнган «Къарачай халкъны эл берген джомакълары» деген китапды [Алийланы 1984]. Жыйымдыкъны ал сёзюнде ары къарачай тилде текстле киргендиле деп белгиленсе да (кёп башха быллай ишледеча), къарачайлыла бла малкъарлыланы маданиятлары, фольклорлары, тиллери, динлери да бир болгъан миллетди. Ол себепден, «къарачай», «малкъар» деп белгиленнген затланы «къарачай-малкъар» деген магъанада ангыларгъа керекди. Бу затха тая-

на, белгиленнген жыйымдыкъ къарачай-малкъар элберле аслам, энчи формада, тематика бёлюмлеге юлешинип жарашдырылгъан китап болгъанын, аны фольклор илмуну келечилерине, этнографлагъа, тил илму бла, адабият бла кюрешген алимлеге, тинтиучюлеге, устазлагъа, студентлеге, аспирантлагъа да уллу магъанасы болгъаны даулашсызды.

Бу китапха 1447 элбер киргенди, ала 25 тематикалы бёлюмге юлешиннгендиле: «Адам. Джашау. Ёлюм», «Урунуу», «Ашарыкъ-ичерик», «Юй ырысхы», «Кийимле бла джасаула», «Мекямла бла мекям керекле», «От бла джарыкъ», «Окъуу-билим бла окъуу керекле», «Той-оюн бла той-оюн керекле», «Сабий оюнла бла оюнчакъла», «Ташыу бла джолоучулукъ», «Техника бла иш керекле», «Дуния», «Джер байлыкъ», «Битимле», «Ёсюмле», «Кёгетле», «Хайыуанла», «Джаныуарла», «Къанатлыла», «Эскилик», «Соруу джомакъла», «Чам джомакъла», «Эсеб джомакъла», «Хапар джомакъла». Андан сора да бёлюмлени ичинде ууакъ къауумлары белгиленип, алай бериледиле [Алийланы 1984: 127]. Китапны жыйышдыргъан Алийланы С. элберлени жууапларына кёре энчи темалагъа бёлгенди, суратлау энчиликлерине къарагъанды, аланы къалай къуралгъанларын белгилегенди, фольклорну башха жанрлары бла байламлыкъларын ачыкълагъанды, андан сора да эрттеден тохташдырылгъан бёлюмледен тышында башха къауумланы да белгилегенди: *соруу элберле, чам халда айтылгъан элберле, хапарлау халда айтылгъан элберле* [Алийланы 1984].

Тинтиучю элберле бек кёп болгъанларын, китапха жыйылгъаны аланы аз кесеги болгъанын белгилесе да [Алийланы 1984: 6], артда чыкъгъан элбер китапла асламысында бу жыйымдыкъгъа таяна жазылгъандыла.

Белгиленнген китапдан бёлюмлеге юлешиниую бла бираз башхаракъ «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» [КъМОЭ 2010] деген китапды. Бу китапны жарашдыргъан Ёлмезланы М.М. ары иги кесек жангы материал да кийирип, элберлени 4 уллу бёлюмге бёлгенди:

1) тёрели элберле:

Къарангы бауда – акъ къозула (тишле); *Отда жанмайды, сууда батмайды* (буз) [КъМОЭ 2010: 226];

2) соруу элберле:

Жюрекни ачхычы неди? (сёз); *Хар тилде да ким сёлешеди* (къая къызы) [КъМОЭ 2010: 222–223];

3) чам элберле:

Бир жаш уллайгъан тиширыу бла кетип баргъанлай, анга тенглери тюбеп: «Бу тиширыу сени ненг болады?» – деп соргъандыла. Жаш алагъа: «Мени атамы анасы, муну къайын анасы», – дегенди.

***Соруу**: Тиширыу жашны неси болады?*

***Жууап**: анасы* [КъМОЭ 2010: 257].

4) эсеп элберле:

Экеулен базаргъа къойла сюрюп бара болгъандыла. Аланы бири къарт, бири уа жаш эди. Къарт, жашны къойларына къарап туруп: «Эшитемисе, жигит, сен манга бир къой берсенг эди, мени къойларым сеникиле тенгли эки боллукъ эдиле», – дегенди.

Жаш, кёп сагъыш эте турмай: «Угъай, андан эсе, сен манга бир къой бер. Ол заманда экибизникиле да тенг боллукъдула, ашыкъмай, сатыу эте турурбуз», – дегенди жаш а.

Соруу: *Ярабий, къартны бла жашны ненчашар къойлары бар эди?*

Жууап: *Къартны – жети, жашны беш къою болгъанды* [КъМОЭ 2010*:* 279].

Къарачай-малкъар элберлени тематикалары кенгди, ала адамны жашаууну кёп жаны бла байламлы къураладыла: жашау болумла бла, табийгъат бла, жаныуарланы, битимлени дуниясы бла, тарых бла, халкъны урунуу, жашау болумлары бла байламлы болуп келедиле. Сёз ючюн: *Тёрт дунияны тойдурады да, кеси уа ачлай къалады* (тирмен); *Жайсанг – ундурукъ, жыйсанг – жумдурукъ* (гюлменди); *«Бир къызым барды да, халкъны кийиндиреди да, кеси къымыжалай къалады* (ийне); *Юй башында – ала кюйюз* (кёкде жулдузла) эм д.б.

Бу юлгюледе элберде жашырылгъан зат жаз тил бла айтылгъанда, дунияда бир бирге ушамагъан затланы ушатылып кёргюзтюлюннгени эсленеди. Сёз ючюн: *Бахчада алтын кюнчюк аягъына сюелип* (чёплеу); *Эки къарындаш сууну эки жанында жашайдыла да, суудан бир бирге ёталмайдыла* (тенгизни жагъалары); *Бир шинтигим барды да: аны сюймеген да жокъ, андан тюшмеген да жокъ* (къуллукъ). Бу элберледе *чёплеу* жангыз аягъында сюелген *алтын кюнчюк* бла, *тенгизни жагъалары эки къарындаш* бла, *шинтик къуллукъ* бла тенглешдириледиле.

Элберлени тюрлюлери жашау-турмуш, жашау этилген жерни энчиликлери бла, халкъны жашау болуму бла байламлыдыла эм аланы экеулен айтадыла. Аладан бирлери бир затны сыфатын, ол неге жарагъаныны, къалай жюрютюлгенини юсюнден жашырын жаз тил бла, *метафора, метономия, аллегория* амалланы хайырланып суратлайды, башхасы уа ол не болгъанын билирге керекди.

Къарачай-малкъар элберлени эки уллу къаумгъа бёлюп къараргъа тийишлиди:

1) жангыз бир сыфат берилген бош элберле:

Бир къалада – минг тешик (элек); *Башы – таш, тюбю – таш, ортасында – баш* (таш макъа); *Бир акъ жабыуум барды да, саулай жерни жабады* (къар); *Жай кийинир, къыш тешинир* (терек);

2) къуралыуларына кёре бир болумну хапарлагъан къош элберле:

Эрттенликде тёрт аякъланып жюрюйдю, кюн ортада эки аякъланып жюрюйдю, ингирде уа юч аякъланып жюрюйдю (адам: сабийлик, жашлыкъ, къартлыкъ*)* эм д.б.

Къарачай-малкъар элберле турушунлай соруу халда къуралыргъа да боладыла:

1) *Адам дунияда нени унутмайды?*

– Туугъан жерин.

2) *Адамны адамлыгъын не танытады?*

– Иш.

3) *Адамны къанаты неди?*

– Билим.

4) *Билимни ачхычы неди?*

– Окъуу.

Жаз тил бла айтылып, элберде жашырылгъан зат башха сыфатлагъа бёленнип берилирге да боладыла:

Темирден ауур, бичакъдан жютю (сёз);

Эл ашагъан эмеген (тирмен);

От жагъада къумгъан, кёзчюклерин жумгъан (киштик);

Акъ желимден юзюлген, акъ ташлада эзилген (будай гыржын).

Къарачай-малкъар элберлени материалын тинтген заманда дагъыда бир энчилигин эслерге боллукъбуз. Ол *бир* деген санау элберледе дайым аслам кере тюбегениди. Сёз ючюн, «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» [КъМОЭ 2010: 183–198] деген китапны тёрели элберлеге жораланнган бёлюмюнде ол 200-ден артыкъ кере тюбейди (*бир тенгим барды да; бир атым барды да; бир затым барды да; бир ёгюзюм барды*; *бир келечи барды да*; *бир келиним барды да*; *бир къызым барды да*; *бир юйюм барды да; бир шинтигим барды да* эм д.б.). Белгиленнген элберледе *бир* деген сёз асламысында затны санын угъай, бир затны белгилерге болады.

Элберле фольклорну башха жанрлары бла байламлыкъда да эркин жюрютюледиле. Алада тюрлю-тюрлю эпитетлени, сёз бирлешлени *(устойчивые словосочетания),* тёрели сыфатланы *(устойчивые образы),* суратлау шартланы амалларын *(приемы художественной выразительности),* семиртиу халда суратлауну *(гипербола),* тенглешдириу сыфатланы *(метафора)* да эслерге боллукъбуз. Сёз ючюн, семиртиу халда суратлау *(гипербола): Анада – беш бала, бешиси да – бир атлы* (беш бармакъ); тенглешдириу сыфат *(метафора): Къардан акъ, жюнден жумушакъ* (къар) эм д.б.

Элберге жууап излеген айтханны, тынгылагъанны да оюм этерге, тюрлю-тюрлю затланы тенглешдирип, тюз жууап табаргъа юйретеди. Аны баш борчу бир затны энчилигин, адамны эсине терен салыуда тюйюлдю, адамны оюмларгъа, сагъыш этерге, сюзе билирге, тюз жууап табаргъа юйретиуде, фахмусун ёсдюрюудеди. Элбер оюн халда сабийлени, абаданланы да эслерин кючлейдиле.

Бюгюнлюкде элберлени дерследе, солугъан заманда, сабий байрамлада, тюрлю-тюрлю эришиуледе айтадыла. Ала адамны ангыламын ёсдюредиле, тилин байыкъдырадыла. Берилген элберни жууабын излеген заманда сабий сёзню магъанасын ангыларгъа, сагъыш этерге, оюмларгъа юйренеди. Ол шарт бу жанрны кенг магъаналы болгъанын кёргюзтеди.

Алай бла, элбер жанр бюгюнлюкде миллетде оюн халда сабийни юйретиуде, аны дуниялыкъ ангыламын кючлеуде да дайым хайырланылады. Тамата тёлю элберлени юсю бла сабийлеге табийгъат болумланы, жаныуарланы дуниясын, жашауда магъаналы затланы, насийхатлыкъ этмей, ангылатыргъа, оюмлатыргъа да онг табады. Ала сабийни акъылын, суратлау дуниясын, битеу-дуниялыкъ къарамы бла бирге миллетни адет-тёресин, маданиятын, тил байлыгъын багъалай билирге юйретедиле. Анга кёре, элберле къарачай-малкъар миллетни жашаууна магъаналы жерни аладыла, юйретиу, эстетика халда жюрюйдюле, ёсюп келген тёлюлени ич дунияларын айнытыргъа, маданиятлыкъ сезимлерин кючлерге себеплик этедиле.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ
(СПИСОК ИСТОЧНИКОВ)

Алийланы 1984 – *Алийланы С.Ч.* Къарачай халкъны эл берген джомакълары (Къарачаевские народные загадки). – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карач.-Черкес. отд-ние, 1984. – 216 с. (На кар.-балк. яз.)

Аникин 1957 – *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.

Берберов 2021a – *Берберов Б.А.* История и поэтика карачаево-балкарской загадки // Oriental Studies. – 2021. – № 14 (3). – С. 635–648. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648.

Берберов 2021b – *Берберов Б.А.* С.Ч. Алиев – собиратель и публикатор карачаево-балкарских загадок // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 5 (103). – С. 93–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-93-99.

Берберов 2021c – *Берберов Б.А.* Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 3 (101). – С. 126–132. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132.

Берберов 2021d – *Берберов Б.А.* Этнокультурные особенности карачаево-балкарской загадки // Известия СОИГСИ. – 2021. – № 40 (79). – С. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.009.

Биттирланы 1997 – *Биттирланы Т.Ш.* Ал сёз (Введение) // Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле… (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки…: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору) / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – С. 3–22.(На кар-балк. яз.)

Гудимова 2011 – *Гудимова О.А.* Загадки славянского населения Кубани // Загадки народов Карачаево-Черкесии: Оригиналы и переводы на русский язык / сост. и переводчики Р.А.-К. Ортабаева, А.И. Сикалиев, Х.С. Братов, Л.А. Гудимова, Л.А. Борокова; под общ. ред. А.В. Шишкановой. – Черкесск: РГБУ КЧИГИ, 2011. – С. 178–181.

Гулиева (Занукоева) 2021 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* К вопросу теоретической разработки и практического применения классификации малых жанров карачаево-балкарского фольклора // Вестник КБИГИ (KBIHR Bulletin). – 2021. – № 4-2 (51). – С. 105–112. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-105-112.

Гуртуева 1974 – *Гуртуева М.Б.* Балкарский фольклор о народном опыте воспитания. Нальчик: Эльбрус, 1974. 143 с.

Джуртубаев 2010 – *Джуртубаев Х.Ч.* От переводчика // Къарачай-малкъар ойберле бла элберле (Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М.М. Ольмезов. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – С. 285–286. (На кар.-балк. и рус. яз.)

Кетенчиев 2010 – *Кетенчиев М.Б.* Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке. М.: Поматур, 2010. 280 с.

КъМОЭ 2010 – Къарачай-малкъар ойберле бла элберле (Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М.М. Ольмезов; пер. с кар.-балк. Х.Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – 456 с. (На кар.-балк. и рус. яз.)

Лепшокова 2021 – *Лепшокова Е.А.* Применение фольклора в системе национального воспитания // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2021. – С. 93–96.

Локьяева 2021a – *Локьяева Ж.М.* Жанровая природа и особенности карачаево-балкарских загадок // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2021. – С. 108–114.

Локьяева 2021b – *Локьяева Ж.М.* Тематические и художественные особенности жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 3 (101). – С. 133–139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139.

Малкондуев 2010 – *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. – С. 8–35.

Мусуков, Магрелова 2015 – *Мусуков Б.А., Магрелова Ф.А.* Лексико-семантические, морфологические, словообразовательные, синтаксические особенности числительных в карачаево-балкарских загадках // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (18). – С. 4080–4087.

Ортабаева 2011 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские народные загадки // Загадки народов Карачаево-Черкесии: Оригиналы и переводы на русский язык / сост. и переводчики Р.А.-К. Ортабаева, А.И. Сикалиев, Х.С. Братов, Л.А. Гудимова, Л.А. Борокова; под общ. ред. А.В. Шишкановой. – Черкесск: РГБУ КЧИГИ, 2011. – С. 84–85.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 522–584.

Хаджиланы 1996 – *Хаджиланы Т.М.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – С. 6–37.

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 13–31.

Чичеров 1959 – *Чичеров В.И.* Русское народное творчество. – М.: МГУ, 1959. – 523 с.

Эльбаева 2017 – *Эльбаева С.М.* Функционально-семантический потенциал отрицания в карачаево-балкарских загадках // Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии. Сб. науч. ст. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 58–64.

REFERENCES

ALIJLANI S.CH. *K"arachaj halk"ny el bergen dzhomak"lary* [Karachay folk riddles]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1984. – 216 p. (In Karach.)

ANIKIN V.P. *Russkie narodnye poslovicy, pogovorki, zagadki i detskij fol'klor* [Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore]. – Moscow: Uchpedgiz, 1957. – 240 p. (In Russ.)

BERBEROV B.A. *Etnokul'turnye osobennosti karachaevo-balkarskoj zagadki* [Ethnocultural features of karachay-balkarian riddle]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2021. – № 40 (79). – P. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.009. (In Russ.)

BERBEROV B.A. *Funkcional'nyj potencial antonimov v karachaevo-balkarskoj zagadke* [Functional potential of antonyms in karachay-balkarian riddle]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2021. – № 3 (101). – P. 126–132. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132. (In Russ.)

BERBEROV B.A. *Istoriya i poetika karachaevo-balkarskoj zagadki* [History and poetics of the karachay-balkarian riddle]. IN: *Oriental Studies*. – 2021. – № 14 (3). – P. 635–648. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648. (In Russ.)

BERBEROV B.A. *S.Ch. Aliev – sobiratel' i publikator karachaevo-balkarskih zagadok* [S.Ch. Aliev – a collector and publisher of karachay-balkarian riddles]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2021. – № 5 (103). – P. 93–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-93-99. (In Russ.)

BITTIRLANI T.SH. *Al sez* [Introduction]. IN: *Alg"yshla, nart taurukhla, zhomak"la, zhyrla, elberle…* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...]: Readings on karachai-balkarian folklore / Collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. – Nal'chik: El'brus, 1997. – P. 3-22. (In Karach.-Balk.)

CHICHEROV V.I. *Russkoe narodnoe tvorchestvo* [Russian folk art]. – Moscow: MGU, 1959. – 523 p. (In Russ.)

DZHURTUBAEV H.CH. *Ot perevodchika* [From the translator]. IN: K"arachaj-malk"ar ojberle bla elberle [Karachay-balkarian parables and riddles] / Collected by M.M. Ol'mezov. – Nal'chik: El'brus, 2010. – P. 285–286. (In Karach.-Balk. and in Russ.)

EL'BAEVA S.M. *Funkcional'no-semanticheskij potencial otricaniya v karachaevo-balkarskih zagadkah* [Functional-semantic potential of denial in karachay-balkarian riddles]. IN: *Problemy*

sovremennoj kavkazskoj i tyurkskoj filologii i etnografii. Sbornik nauchnyh statej [The problems of modern Caucasian and Turkic philology and ethnography. Collection of articles]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. P. 58–64. (In Russ.)

GUDIMOVA O.A. *Zagadki slavyanskogo naseleniya Kubani* [Riddles of the slavic population of the Kuban]. IN: *Zagadki narodov Karachaevo-Cherkesii: Originaly i perevody na russkij yazyk* [Riddles of the peoples of Karachay-Cherkessia: Originals and translations into Russian] / Composers and translators R.A.-K. Ortabaeva, A.I. Sikaliev, Kh.S. Bratov, L.A. Gudimova, L.A. Borokova; under total ed. A.V. Shishkanova. – Cherkessk: RGBU KCHIGI, 2011. – P. 178–181. (In Russ.)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *K voprosu teoreticheskoj razrabotki i prakticheskogo primeneniya klassifikacii malyh zhanrov karachaevo-balkarskogo fol'klora* [To the question of theoretical development and practical application of classification of small genres of karachay-balkarian folklore]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2021. – № 4-2 (51). – P. 105–112. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-105-112. (In Russ.)

GURTUEVA M.B. *Balkarskij fol'klor o narodnom opyte vospitaniya* [Balkarian folklore about the folk experience of education]. Nal'chik: El'brus, 1974. 143 s. (In Russ.)

HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 522–584. (In Russ.)

HADZHILANI T.M. *Malk"arlylany bla k"arachaylylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary* [Folk poetic creativity of Balkarians and Karachays]. IN: *K"arachay-malk"ar fol'klor* [Karachay-balkarian folklore]: Readings. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – P. 6–37. (In Karach.-Balk.)

HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. – Nal'chik: El'brus, 1981. – P. 13–31. (In Russ.)

K"arachay-malk"ar oyberle bla elberle [Karachay-balkarian parables and riddles] / Collected by M.M. Ol'mezov. – Nal'chik: El'brus, 2010. – 456 p. (In Karach.-Balk. and in Russ.)

KETENCHIEV M.B. *Strukturno-semanticheskaya organizaciya prostogo predlozheniya v karachaevo-balkarskom yazyke* [Structural and semantic organization of a simple sentence in karachay-balkarian language]. Moscow: Pomatur, 2010. 280 p. (In Russ.)

LEPSHOKOVA E.A. *Primenenie fol'klora v sisteme nacional'nogo vospitaniya* [Application of folklore in the national education system]. IN: Fol'klornyj tekst: rubezh tysyacheletij [Folklore text: the turn of the millennium]. – Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2021. – P. 93–96. (In Russ.)

LOK'YAEVA ZH.M. *Tematicheskie i hudozhestvennye osobennosti zhanra zagadki v karachaevo-balkarskom fol'klore* [Thematic and artistic features of the riddle genre in karachay-balkarian folklore]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2021. – № 3 (101). – P. 133–139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139. (In Russ.)

LOK'YAEVA ZH.M. *Zhanrovaya priroda i osobennosti karachaevo-balkarskih zagadok* [Genre nature and peculiarities of karachay-balkarian riddles]. IN: *Fol'klornyj tekst: rubezh tysyacheletij* [Folklore text: the turn of the millennium]. – Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2021. – P. 108–114. (In Russ.)

MALKONDUEV H.H. *Fol'klor i fol'kloristika* [Folklore and folklore study]. IN: *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. – Nal'chik: GP KBR «Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2010. – P. 8–35. (In Russ.)

MUSUKOV B.A., MAGRELOVA F.A. *Leksiko-semanticheskie, morfologicheskie, slovoobrazovatel'nye, sintaksicheskie osobennosti chislitel'nyh v karachaevo-balkarskih zagadkah* [Lexico-semantic, morphological, word-formation, syntactic features of numerals in karachay-balkarian riddles]. IN: *Fundamental'nye issledovaniya*. – 2015. – № 2 (18). – P. 4080–4087. (In Russ.)

ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevo-balkarskie narodnye zagadki* [Karachay-balkarian folk riddles]. IN: *Zagadki narodov Karachaevo-Cherkesii: Originaly i perevody na russkij yazyk* [Riddles of the peoples of Karachay-Cherkessia: Originals and translations into Russian] / Composers

and translators R.A.-K. Ortabaeva, A.I. Sikaliev, Kh.S. Bratov, L.A. Gudimova, L.A. Borokova; under total ed. A.V. Shishkanova. – Cherkessk: RGBU KCHIGI, 2011. – P. 84–85. (In Russ.)

Авторну юсюнден
Локияланы Ж.М. – аспирант.
Информация об авторе
Ж.М. Локьяева – аспирант.
Information about the author
Zh.M. Lokyaeva – post-graduate student.

Статья редакциягъа 03.06.2022 келгенди; кесамат этилгенден сора 30.07.2022 къабыл кёрюлгенди; басмагъа 15.09.2022 алыннганды.
Статья поступила в редакцию 03.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 30.07.2022; принята к публикации 15.09.2022.
The article was submitted 03.06.2022; approved after reviewing 30.07.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Языки народов Российской Федерации (языки народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 811.161.1.37+398
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-429-442
EDN: IULCLY

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ И СЕМАНТИКИ ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ П. НОВОКУМСКИЙ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НИУ СГПИ 2022 Г.)

Артем Сергеевич Гончаров[1], **Олеся Сергеевна Макарова**[2]
[12] Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия.
[1] raven-moon-34999@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3244-8155
[2] o-ss@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3914-9385

Аннотация. В статье исследованы ключевые языковые особенности и связи, диалекты и говоры, фиксации концептов, заимствований, речевое творчество и актуальный фольклор казаков-некрасовцев поселка Новокумский (Левокумский район Ставропольского края). Объектом исследования являлся лексический пласт языковых данных, речетворчество и фольклор казаков-некрасовцев, мужчин и женщин трех респондентский групп в возрасте от 20 до 60 лет. Рассмотрены языковые источники местного музея – «Новокумского музея истории казаков-некрасовцев» как наиболее ценной эмпирической базы для исследования языка, фольклора и истории данной казачьей группы. В сведениях музея и историографии подчеркнуто, что казаки-некрасовцы – казачья группа, культура которой всегда привлекала отечественных исследователей, занимавшихся изучением казачества в историческом пространстве России, Турции, Румынии и других стран. Выявлено, что языковая культура некрасовцев в современности является недостаточно изученной, что обуславливает интерес к данной казачьей группе. Представители казачьей общины поселка являются потомками казаков Майносской общины. Языковые черты Майносской общины казаков-некрасовцев значительно отличались от черт более крупной Дунайской общины. В связи с этим, лингвистическая экспедиция в поселок Новокумский востребована как с точки зрения перевода источников местного музея, так и для обнаружения скрытых языковых связей представителей общины, актуального фольклора, формировавшегося под влиянием ставропольского казачества. В ходе экспедиции были выявлены такие особенности лексики и семантики говора, как: насыщение языка репрезентациями старообрядческой религиозной культуры с преобладанием влияния разговорного стиля турецкого языка XIX века, донского диалекта, семейных концептов.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, диалект, говор, фольклор, речевое творчество, заимствование, языковое пространство.

Для цитирования: Гончаров А.С., Макарова О.С. Особенности лексики и семантики говора казаков-некрасовцев п. Новокумский Ставропольского края (по материалам лингвистической экспедиции НИУ СГПИ 2022 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 429-442. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-429-442. EDN: IULCLY.

© Гончаров А.С., Макарова О.С., 2022

Original article

PECULIARITIES OF NEKRASOV COSSACKS TALK'S VOCABULARY AND SEMANTICS OF THE NOVOKUMSKY HAMLET, STAVROPOL TERRITORY (BY THE LINGUISTIC EXPEDITION MATERIALS OF NRU SSPI 2022)

Artyom S. Goncharov[1], **Olesya S. Makarova**[2]
[12] Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia,
[1] raven-moon-34999@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3244-8155
[2] o-ss@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3914-9385

Abstract. This article explores the key linguistic features and connections, and dialects fixing concepts, borrowings, speech creativity and the actual folklore of the Nekrasov Cossacks of the Novokumsky hamlet (Levokumsky district of the Stavropol Territory). The object of the study was the lexical layer of language data, speech creation and folklore of the Nekrasov Cossacks, men and women of three respondent groups aged 20 to 60 years. The language sources of the local museum—the Novokumsk Museum of the History of the Nekrasov Cossacks—are considered as the most valuable empirical base for the study of the language, folklore and history of this Cossack group. The information of the museum and historiography emphasizes that the Nekrasov Cossacks are a Cossack group whose culture has always attracted domestic researchers who studied the Cossacks in the historical space of Russia, Turkey, Romania and other countries. It is revealed that the language culture of the Nekrasovites in modern times is not well understood, which leads to interest in this Cossack group. Representatives of the Cossack community of the hamlet are descendants of the Cossacks of the Maynos community. The linguistic features of the Maynos community of Nekrasov Cossacks differed significantly from those of the larger Danube community. A linguistic expedition to the Novokumsky hamlet is in demand both to translate the sources of the local museum, and in order to discover the hidden linguistic connections of the community representatives, actual folklore, which was formed under the influence of the Stavropol Cossacks. During the expedition, such features of the vocabulary and semantics of the dialect were revealed, such as the saturation of the language with representations of the Old Believer religious culture with a predominance of the influence of the colloquial style of the Turkish language of the XIX century, the Don dialect, and family concepts.

Keywords: Nekrasov Cossacks, dialect, dialect, folklore, speech creativity, borrowing, linguistic space.

For citation: Goncharov A.S., Makarova O.S. Peculiarities of Nekrasov Cossacks talk's vocabulary and semantics of the Novokumsky hamlet, Stavropol Territory (by the linguistic expedition materials of NRU SSPI 2022). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 429-442. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-429-442. EDN: IULCLY.

© Goncharov A.S., Makarova O.S., 2022

Введение

Проблема исследования языка казаков-некрасовцев, перевода их речи и речетворчества, отражена в специфике культурной интеграции донской, терской и собственно некрасовской лингвокультур и языковой системы Османской империи на современное языковое пространство Ставропольского края. Если культурное и экономическое взаимодействие некрасовцев и турок имело посто-

янный характер, то оказала ли турецкая лингвокультура решающее воздействие на формирование социокультурных черт современных этнических общностей казаков-некрасовцев? Не до конца исследованным и в известном смысле спорным является вопрос о решающем влиянии культурной интеграции казаков-некрасовцев с Турцией, традиции и обычаи некрасовцев, закрепившиеся в конце XIX – начале XX вв. на формирование современного языкового пространства Ставропольского края.

Актуальность темы состоит в необходимости более детального изучения устной традиции и фольклора, состоит актуальность изучения именно особенностей лексики и семантики говора казаков-некрасовцев Ставропольского края на примере отдельно взятых общин. Особый интерес представляют некрасовцы поселка Новокумский как наиболее значимая с исследовательской позиции языковая группа, взаимодействие с которой предоставит ценные языковые сведения об особенностях речевой, речетворческой деятельности и освещения актуального фольклора носителей лингвокультурных ценностей Дунайской и Майносской казачьих общин.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования переводческого и полевого аспектов работы при разработке методик изучения языка некрасовцев в региональном контексте, на примере отдельно взятых поселков, станиц и хуторов Ставропольского края. Кроме того, результаты исследования можно использовать в качестве теоретической базы при создании приемов и форм языкового взаимодействия с некрасовцами в рамках повышения уровня межкультурной коммуникации в СКФО. Материалы экспедиции в региональном контексте можно использовать на уроках по «Истории», «Краеведению», «Литературе», изучения ряда тем в рамках языковых, исторических и культурологических дисциплин в высших учебных заведениях, а также с целью проведения воспитательных мероприятий по культуре Ставропольского края, для освещения традиций и обычаев некрасовцев как особой казачьей группы.

Научная новизна работы обусловлена частным изучением языковых особенностей, диалектов и говоров некрасовцев Ставропольского края через анализ материалов устных источников и актуального фольклора поселка Новокумский, языковое пространство которого целиком представлено носителями лингвокультурных ценностей некрасовских общин второй половины XIX–XX вв.

Цели экспедиции. Лингвистическая экспедиция была организована при поддержке ГБОУ ВО «Ставропольского государственного педагогического института» (г. Ставрополь) кафедрой «Теории и методики лингвистического образования и межкультурной коммуникации».

Целью лингвистической экспедиции было изучение языковых данных носителей некрасовских диалектов и говоров поселка Новокумский Левокумского района Ставропольского края.

Среди перечня задач, которые входили в план экспедиции, при написании статьи авторы ставили перед собой следующие:1) систематизация языковых сведений о природе языковых особенностей некрасовцев, их диалектов и говоров, фиксации некоторых культурных и религиозных концептов; 2) перевод

языкового пласта слов с выделяющимися турцизмами; 3) раскрытие факторов речетворчества и актуального фольклора казаков-некрасовцев.

Эмпирическая база исследования состояла из переведенных нами архивных описей Новокумского музея истории казаков-некрасовцев и устных источников представителей некрасовской общины в составе поселка Новокумский Левокумского района Ставропольского края. С целью выявления общих языковых особенностей, диалектов и говоров, языковой системы речи речетворчества некрасовцев, был проведен опрос, в котором приняли участие 200 казаков, в том числе Никита Иванович Васютов – нынешний атаман некрасовцев. Лингвистическая экспедиция проходила с 1 февраля по 20 июня 2022 г.

При *отборе респондентов* в языковые группы использовалось два вида критериев. Первый основывался на принципе гомогенности. Избирались только квалифицированные и заинтересованные респонденты, разбиравшиеся в структуре фольклора, являвшиеся носителями устного и письменного языка. Второй исходил из поставленных задач и касался возрастного и гендерного аспектов.

Учитывая, что состав фокус-групп предполагает генеральную совокупность языковых связей представителей общины, знание актуального фольклора и высокий уровень владения языком, было составлено три группы, в зависимости от прогнозируемой степени компетентности: первая группа – потомственные казаки, мужчины в зрелом возрасте 35-60 лет; вторая группа – потомственные казаки или родственные им мужчины и женщины зрелого возраста (м. – 35-60 лет, ж. – 35-55 лет); третья группа – родственные казакам потомки через одно поколение мужчины и женщины раннего зрелого возраста (м. –21-35 лет; ж. – 20-35 лет).

Акторами экспедиции являлись представители НИУ СГПИ: Гончаров Артем Сергеевич, лаборант-исследователь, и Макарова Олеся Сергеевна, доцент. Поддержку в организации и проведении экспедиции оказал Пикалов Дмитрий Владимирович, начальник НИУ.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования являются устные источники и данные фольклора, записанные в поселке Новокумском. Вторичными источниками выступают материалы Государственного Архива Ставропольского края (ГАСК), включающие две некрасовские летописи казачьего атамана Василия Саничева «Праздники» [ГАСК. Ф. 1. Оп. 32. Д. 1] и «Следования Псалтырю» [ГАСК. Ф. Оп. 32. Д. 2], в которых подробно описывается культура, традиции, обычаи, элементы фольклора, духовная культура, военный быт и повседневность некрасовцев. Опираясь на данные ГАСК, было выявлено изменение языкового пространства некрасовцев, связанного с переселением в Грузию в 1962 г. и с переселением на Ставрополье, в Левокумский район в 1998 г.

Историческая справка Н.Г. Денисова о военном быте и повседневности казаков-некрасовцев в Турции позволяет сравнить устойчивые турцизмы в диалектах и говорах некрасовцев в истории и современности [Денисов 2009].

Заветы атамана Игната Некрасова[1] используются в качестве источника личного происхождения, позволяющего почерпнуть элементы старообрядческой мысли из истории некрасовцев и сравнить с современными религиозными концептами поселка Новокумский.

Некрасовские сказки, собранные отечественным лингвистом П.П. Короленко, используются в качестве опорного материала при сравнении полученных фольклорных данных с их историческими и современными языковыми аналогами [Короленко 1900].

Исследование Л.А. Якоби о речетворчестве и языковом наследии некрасовцев Ставропольского края применяется для обобщения и сверки данных, полученных на завершающем этапе предпринятой экспедиции [Якоби 2011].

При проведении лингвистической экспедиции мы использовали следующие методы. Общенаучные (философские): анализ и синтез данных, описательный метод, сравнительный метод, дедуктивный метод, индуктивный метод. Лингвистические: метод лингвистического наблюдения и описания, сравнительно-лингвистический метод, лексико-семантический метод, метод извлечения лингвистических данных, полевой метод А.Е. Кибрика. Специально-исторические: сравнительно-исторический метод, историко-типологический метод, ретроспективный метод. Культурологические: культурно-функциональный метод, культурно-системный метод. Социологические: анализ документов, опрос, интервьюирование.

Общая характеристика

Диалектизмы в языке некрасовцев встречаются часто, как правило, это элементы украинского языка, или турцизмы. Говор здешнего казачества выделяется в особую группу: «говор казаков-некрасовцев Левокумского района Ставропольского края». Наиболее близкие говоры встречаются в Кумской Долине, поселок Новокумский отличает скорее повышенное количество турцизмов, нежели элементов украинского языка [Якоби 2011: 286]. Соглашаясь с британским исследователем XIX в. В. Гамильтоном, отметим, что языковая картина мира некрасовцев – наивная, мифопоэтическая и религиозная. Наивная картина мира отражает казачье представление об устройстве мира, в ней прослеживаются остатки славянской мифологии, которой, по-видимому, хорошо владели предки некрасовцев, присутствует отдельные аспекты миропонимания, свойственного для турецких притч, повестей, сказок [Hamilton 2009: 457].

До сих пор некрасовцам свойственен язык мифов, у которого существует своя языковая логика. Совокупность мифологем некрасовского фольклора позволяет лаконично раскрыть суть и природу вещей в понимании казаков-некрасовцев. Религиозную картину мира некрасовцев составляют системы духовных общностей, определяющих своеобразие духовной культуры и менталитета в рамках, обусловленных спецификой мировоззрения, выработавшегося еще в период становления Дунайской и Майносской общин [Короленко 1900:

[1] Заветы атамана Игната Некрасова. Старообрядческая мысль. URL: http://starove.ru/obychai/zavet-atamana-ignata-nekrasova (дата обращения: 20.02.2022).

71]. Лингвоментальный комплекс некрасовцев частично отражен в заветах атамана Игната Некрасова и в Псалтыре (рис. 2), поскольку, как считает исследователь казачьих говоров Н.Г. Денисов, на протяжении веков, не считая летописей и Псалтыря, это был единственный аксиологически значимый документ в культуре некрасовцев [Денисов 2009: 195].

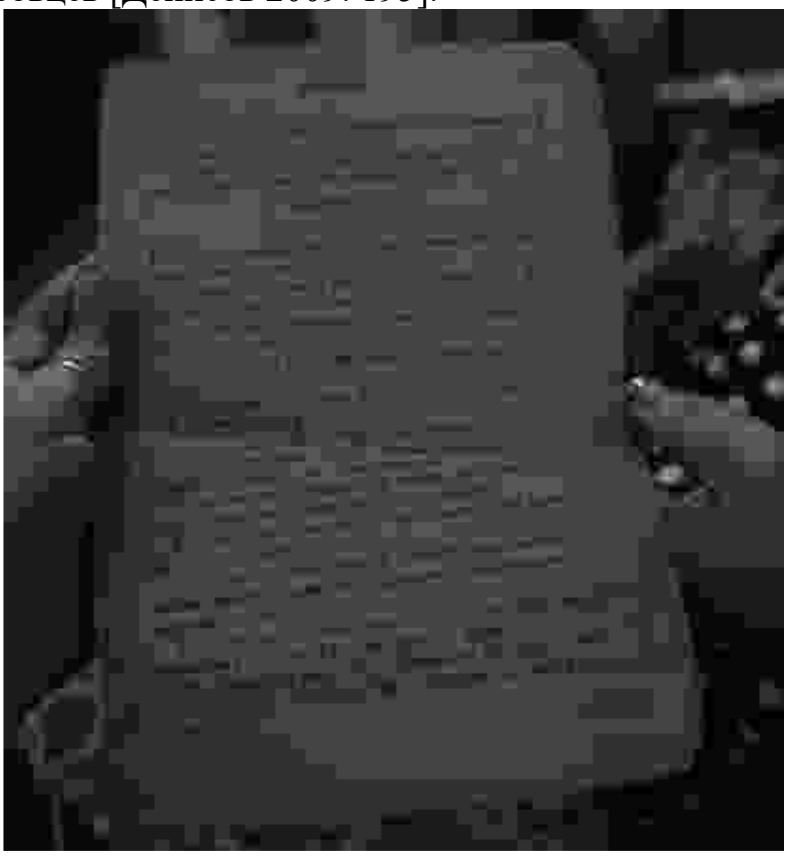


Рис. 1: «Отрывок из Псалтыря из Новокумского музея» [ПМА 2022/2: 1].

В сохранившемся источнике Завет Некрасова состоял из двенадцати «заповедей»: «1. Царю не покоряться, при царизме в Россию не возвращаться. 2. Власть в общине принадлежит кругу. 3. Держаться друг за дружку, без разрешения круга из станицы не уходить. 4. Тайно помогать бедным, явно помогает круг. 5. Женщину-мать защищает круг. Казаки должны любить жен, не обижать их. 6. На войне с Россией в своих не стрелять, а палить через головы. 7. Казаку на казака не работать. 8. Каждому ремесло иметь, трудиться. 9. Казакам лавок не держать, купцами не быть. 10. С турками не соединяться, на мусульманках не жениться. 11. Церкви чтоб не закрывать. 12. Молодым почитать старших»[1].

Характер и принцип распространения Завета на Ставрополье, следует особенно отметить станицы Кармалиновскую, Баклановскую, Расшеватскую и Григорополисскую. Языковая картина мира данных станиц наиболее близка к картине некрасовцев поселка Новокумский [ГАСК. Ф. 1. Оп. 32. Д. 1. Лл. 54, 57, 61]. Фактически, именно язык с доминирующими признаками мифопоэтической картины мира, определили духовную культуру и традиции некрасовцев

[1] Заветы атамана Игната Некрасова. Старообрядческая мысль. URL: http://starove.ru/obychai/zavet-atamana-ignata-nekrasova (дата обращения: 20.02.2022). Л. 1.

поселка Новокумский. Это отразилось также и на предметах быта, на рукоделии и на одежде представителей некрасовской общины [ГАСК. Ф. 1. Оп. 32. Д. 2. Лл. 40-44].

Проследить это можно на примере песенной традиции. Главная особенность песни некрасовцев поселка Новокумский заключается в синтезе южнорусского казачье-крестьянского говора, малороссийского и типичного донского казачьего говора [ПМА 2022/1: 2-3].

На основе анализа материалов устной традиции опрошенных можно выделить основные особенности их речи с учетом говора:

– превалирует вышедший из употребления украинский диалект с элементами донской балачки. Н-р, не «…меня мать полюбила» или, в диалектной форме, «…меня маты палюбыла», а «мэнэ маты полюбыла».

– «аканье». Н-р, «…как у нашева саседа», или «малако», «разкавор» и пр.

– фрикативная буква «г», довольно мягкое произношение обусловлено скорее влиянием культуры турецких торговцев, нежели взаимодействием с другими казачьими языковыми группами;

– очень часто заменяются на «я» гласные «е» и «ю». Н-р, «сняжки», «цвяток», «яла»;

– замена гласной «е» на «и». Н-р, «биряжки», «лисной»;

– огласовка гласными звуками согласных. Н-р, «кони дарошику»;

– замена в глаголах 3 лица окончаний «ет» на «я». Н-р, не «ночует», а «ночуя», или не «кочует», а «кочуя» [ПМА 2022/1: 4-5, 7].

Итак, при переводе языковых источников было установлено, что для лингвокультуры некрасовской общины поселка Новокумский характерно совмещение экспрессивной южнорусской манеры пения, свойственной кубанскому казачеству, и манеры проголосных напевов терцев. Общие языковые особенности опрошенных информантов позволили определить универсальные константы в диалектах и говорах некрасовцев [ПМА 2022/2: 2-4].

Модели лексики и семантики

Основной диалект поселка – южнорусский, экспрессивный, под влиянием особого турко-некрасовского диалекта, сформировавшегося во время формирования культурно-торговых связей в Дунайской и Майносской общинах [ПМА 2022/1: 9]. Самостоятельный диалект обладает следующими особенностями:

1) диалект восходит ко многим казачьим группам, среди которых в речи некрасовцев поселка Новокумского выделяются диалекты донского, кубанского и элементы терского казачьих групп. Приведем некоторые примеры. Во-первых, южнорусское «аканье», неразличие гласных неверхнего подъема после твердых согласных: «тр(а)ва», «млоко»/«млеко», «длоко»/«далоко», «выд(а)л». Во-вторых, –j– в интервокальном положении, без выпадения в морфологически необходимых сочетаниях гласных: «лом(aje)т)», «удал(yjy)», «расписн(aja:)». В-третьих, распространение существительных, прилагательных множественного числа в формах творительного и дательного падежей: «за новыми шагами», «к новым мирам» («станицам» – прим. А.С.), «с чугунными сковородами» [ПМА 2022/1: 10];

2) архаичные фрагменты славянского языкового пространства в синтезе с чертами турецкой мифопоэтической картины мира. Например, турк. «иий» («добрый») и слав. арх. «дружество» – «хорошая дружба», или «тенгри» (бог неба из тюркской мифологии) и цсл. «жено» – верная жена [ПМА 2022/1: 2, 11];

3) универсальные константы, религиозные и культурные концепты, которые являются следствием долгих скитаний некрасовцев. Например, «Не кадар шере Лаба» (с искаж. турк. «Как бесславная Лаба») – типичное причитание, употребляемое при смене погоды, или «Добруджа-гибе!» – эмотивное выражение, сопровождающее большинство ритуальных комплексов [ПМА 2022/1: 14];

4) лексико-семантические особенности диалекта насыщены языковыми воплощениями и ментальными репрезентациями старообрядческой религиозной культуры. Самый яркий пример – выражение, употребляемое некрасовцами при крещении двумя перстами: «Справа живот» («справа» в значении «военная форма» и «живот» в языческом смысле, готовность к совершению жертвоприношению идолам (кумирам) [ПМА 2022/1: 2, 16-17];

5) лексический пласт может быть «богат» целым комплексом турцизмов [ПМА 2022/1: 18]. Заимствования из турецкого языка мы рассмотрим отдельно.

Говор казаков-некрасовцев – майносский (островной южнорусский). Богатство говора отражено в таких явлениях, как синонимия, антонимия, гиперогипонимия, многозначность.

I. Повседневное общение. В ходе лингвистической экспедиции было обнаружено девять синонимических рядов существительных, подтверждающих особенности говора на примере семейных концептов: отец – «батяка», «батякушка»; мать – «мати», «мамака»; бурлак – «бурлака» и бурлак – «бурлачон»; свекровь – «свекры»; молодость – «млость»; родство – «сродство» и также сходство – «сродство»; сестра – «сестры»; брат – «брати» [ПМА 2022/1: 19].

Синонимия прилагательных отражена в таких концептах: «жениховий» и «жениховин» от сущ. жених; отделанный – «обкищенный»; решетчатый – «решётчастый» и «решётчастовый»; вредный – «подморный», «морный», «умрающий»; сфотографированный – «сбитный», «сбитый», «посбитный» [ПМА 2022/1: 21].

Синонимия наречий отражена в концептах: сейчас – «днесь», «доднесь», «понынече» и «понынче», «посуль» в ср. с «до сих пор»; дальше – «далье»; быстро – «рыски», «врыски»; впереди – «вперёж» и наперед – «наперёж»; вначале – «перво»; раньше – «ранье» в ср. «ране»; вместе – «вкучу»; «вместя», «заедин», «местя» [ПМА 2022/1: 22].

Антонимия культурных концептов также свидетельствует об уникальных чертах говоров некрасовцев. Покажем на примере существительных характерные лексико-тематические особенности говоров некрасовцев: «молчок» (молчаливый человек) и «язычник» (разговорчивый человек); «чистотка» (любящая чистоту женщина) – «лоскутница», «поганка», «писличка» (неопрятная женщина); «карандух» (карлик) – длинняк (человек высокого роста); «дедовщина» (родина) – банджи (чужбина, неродное или незнакомое место) [ПМА 2022/1: 25].

Антонимия прилагательных: «вечером» (вечерний) – «наутре» (утренний); «сытный» (полный) – «москлявый» (худой); «сладкий» (пресный) – солушавый (непресный, соленый) [ПМА 2022/1: 25-26].

Антонимия наречий: «рыски», «врыски» (быстро) – «малечу», «помалечку» (медленно); «неславно» (плохо) – «хорошоньки», «хорошеньки» (хорошо); «круга» (кругом) – «напрям», «напрямые» (напрямик) [ПМА 2022/1: 26].

Словообразовательная система свидетельствует о том, что у некрасовцев нет литературного языка, художественного стиля речи. Искусственные словообразовательнеы модели – результат когнитивно-вербальной деятельности носителей языка [ПМА 2022/1: 27].

Модель префикс –о– и местоименное наречие с относительным значением временной относительности к обстоятельственному признаку выражает мотив в интенции коммуникатора, мотивирующее слово – часто культурный концепт [ПМА 2022/1: 28].

Модель префикс –у– и местоименное наречие модификационным значением уточнения способа действия осложняется через признак определенности [ПМА 2022/1: 29].

Модель префикс –у– и местоименное наречие, уточняющее место действия, событие осложняется через признак определенности и довершается фонетическим вариантом –ун– [ПМА 2022/1: 32].

Модель префикс –о– и местоименное наречие и суффикс –о– с модификационным признаком усиления отображения пространства усиливается концептов осложненным признаком определенности [ПМА 2022/1: 34].

Модель префикс –о– и местоименное наречие и суффикс –о– с модификационным значением усиления признака способа действия осложняется через значение определенности и свойственному говору некрасовцев моделью «указательное местоимение + другое указательное местоимение» [ПМА 2022/1: 35].

Местоименные модели чистого сложения соответствуют системе современного национального русского языка.

Местоименные наречия в неопределенном значении демонстрируют уникальное амбивалентное восприятие. Приведем некоторые примеры.

II. Заимствования из турецкого языка. Приведем обнаруженные языковые заимствования из турецкого языка, которые в настоящее время используются представителями некрасовской общины поселка Новокумский.

Названия предметов сельского хозяйства: «асма» и «авсма» (от тур. «asma» – виноградная лоза), «думат» или «думать» (от тур. «domates» – сорт помидоров), «дювень» (от тур. «doven» – приспособление для молотьбы), «каплазя» (от тур. «kaplica» – овёс, дикий овёс, просеянное зерно, фураж), «кесмик» или «кясмик» (от тур. «kesmik» – просеянное зерно и отходы при молотьбе зерна), «навина» или «нарина» (от тур. «nar» – гранатовое дерево), «нугут» (от тур. «nohut» – сорт гороха, слово используется вообще для обозначения семейства бобовых), «пай» (от тур. «pay» – судьба, доля, участь, рок), «папач», «папушка» (от тур. «papatya» – ромашка), «портукаля» или «пратукалина» (от тур. «portukal» – апельсиновое дерево и его плоды), «сапа» (от тур. «sap» – кукурузный стебель), «сусан» или «сусанам» (от тур. «susam» – кунжут, семена кунжута,

легкие блюда из кунжута, рис с кунжутом), «сюргя» (от тур. «surgu» – борона, орудие для обработки почвы), «тамбула» (от «tambula» – сорт тыквы), «тарла» (от тур. «tarla» – поле, которое в данный момент кто-то обрабатывает, возделываемое поле) [ПМА 2022/1: 59-61].

Названия, связанные с рыболовным промыслом: «ава» (от тур. «av» – рыболовная сеть и ее часть, карман для хранения наживки), «зарзават» (от тур. «zerzavat» – малая лодка, в которой разделывают, перевозят рыбу или торгуют рыбой), «калкан» (от тур. «Kalkanbaligi» – камбала), «лаврак» (от тур. «Levrek» – разновидность морского окуня), «лифер» (от тур. «Lüfer» – разновидность морского окуня), «мшанба» (от тур. «muşamba» – брезентовый щит, который закрепляют для плотности лодки и для удобства при разделывании рыбы на бортах), «тура» (от тур. «tora» – жгут, конопляная нить, которую используют для связывания и закрепления нескольких сетей в одну крупную – «тур-туру»), «турик», «туриц» (от тур. «Torik» – тунец) [ПМА 2022/1: 65-67].

Названия, связанные с животноводством: «илан» (от тур. «Yilan» – змея, вид змей, обитавших в Турции, сейчас употребляется для обозначения змеи вообще), «кузёнок», «кузёнак» и «кузят» (от тур. «Kuzu» – ягненок, разночтения связаны, видимо, с разными возрастными периодами ягненка: самый молодой – «кузёнок», старше – «кузёнак» и «кузят» – барашек), «кукумява» и «кукунява» (от тур. тур. «Kukumav» – сыч), «малак» (от тур. «malak» – молодой буйвол, употребляется в значении «крупный буйвол»), «чаиир» или «чаир» (от тур. «cayir» – пастбище), кысырка (от тур. «Kisir» – бесплодный, употребляется в значении «бесплодная корова», «бесплодная овца» и т.д.) [ПМА 2022/1: 70-71, 73].

Названия одежды и приспособлений для шитья: «караель» (от тур. «Kara Yel» – «Северный ветер», «Холодный ветер», название используется для обозначения зимней одежды), «кулан» (от тур. «kolan» – женский широкий пояс), «пары» (от тур. «para» – деньги», слово-концепт употребляется в значении «деньги, полученные от продажи одежды, рукоделия»), «ярымбутины» (от тур. «Yarim» – большие ботинки) [ПМА 2022/1: 76].

Названия продуктов и напитков, кушанья: «зятиная» (от тур. «zeytin» – оливковое масло), «майа» (от тур. «мауа» – дрожжи), «принч» (от тур. «pirinc» – рис, темный рис), «пянирь» или «пенирь» (от тур. «Peynir» – сыр), «рака», «ракю» или «раки» (тур. «raki» – водка), «рищель» (от . тур. «Recel» – варенье), сяркё – (от тур. «sirke» в – винный уксус) [ПМА 2022/1: 77, 80].

III. Временные значения уникальных некрасовских наречий: «перво» (вначале), «врыски» (быстро), «малечу» (медленно), «посуль» (сейчас), «ранье» (раньше) [ПМА 2022/1: 42].

IV. Пространственные значения: «фпириди» (впереди), «утесна» (тесно), «местя» (вместе), «вперёж» (вперед) [ПМА 2022/1: 42].

Местоименные постфиксальные модели модифицируются за счет усиления определенности и одновременного внедрения компонентов из древнерусского языка.

Семантические компоненты в словообразовании, как правило, в большей степени модификационные, реже – соединительные и относительные.

Метафорическое словообразование часто встречается в лексемах говора. Например, «судомойника» (неряха) от «судомой», «голоплешка» (женщина, которая не покрывает голову) от слов «голый» и «плешь», «посбор» (процесс собирания мелких предметов) от «сбор», «крёхнуть» (стонать) от «крёх» (ср. «кряхтение») и собственно «стонать» [ПМА 2022/1: 43].

Языковая игра – словообразовательная, эстетически заданное слово изменяется в отношении к форме речетворческого восприятия и оценки созвучных слов: «куфни-муфни», «камыш-мамыш», «тряпка-мряпка», «пятёрка-десятёрка» и пр. [ПМА 2022/1: 44].

V. Оценка речетворчества. Речетворчество имеет большое количество словообразовательных моделей, в которых выделяется субъективная и оценочная семантика. Актуальный фольклор напрямую зависит от речетворчества. Приведем примеры.

Скрытая оценка и субъективность коммуникатора с уменьшительно-ласкательной семантикой. S + форманты –к(а), –еч(к, ка), –ич(к, ка), –оч(к, ка): «тутинка» (фрукт, плод фруктового дерева, ср. «садовина»), «одежёнка», «одежёчка» и «одёжа» (одежда), «катламичка» (от катламá, шуба из грубого материала). S + форманты –онка, – ёнка и –ушка: «кухёнка» или «кухнёнка» (кухня, полевая кухня), «клетушка» (тюрьма), «горнушка». S + формант –ок, –ёк: «причалок» (причал), «куренёк» (курень) [ПМА 2022/2: 15].

Стилистическая модификация в словообразовательных моделях образует разговорные и просторечные синонимы, которые напрямую связаны с языковой мотивацией и скрытой оценкой. S + формант –к(а): «людка» (люди – в значении «чужие люди»), «ленка» (лень), «тюряга» (турок), «грекота» (грек) [ПМА 2022/2: 19].

Общеказачья, обиходная лексика с оценочными, эмоциональными концептами. S + форманты –ак(а) и –як(а): «травяка» (трава), «ртяга» или «ртяка» (от работяга), «девяка» (дева, девушка), бурлачака (взрослый, взрослый мужчина), «сыняка» и «дядяка» (сын и дядя), «батяка» (от общенац. «батя», отец) [ПМА 2022/2: 37].

В актуальный фольклор представителей некрасовской общины поселка Новокумский входят сказки, легенды притчи и песни, созданные или адаптированные казаками-некрасовцами Майносской общины в период со второй половины XIX в. и по 90-е гг. XX в. [ПМА 2022/2: 9-10].

В ходе экспедиции (рис. 4) мы определили особенности фольклора некрасовской общины поселка Новокумский на примере таких сказок:

1. «Говорила мати мне» – поучительная притча с элементами песни, рассказанная респондентом А. Ялуплиной [ПМА 2022/2: 40-41];

2. «Горушка» – сказка о природе, рассказанная П. Саничевым [ПМА 2022/2: 42-43];

3. «Гости вы мои» – бытовая сказка, рассказанная П. Саничевым [ПМА 2022/2: 48-49];

4. «Драгун» – легенда, рассказанная Н. Васютовым [ПМА 2022/2: 50-59];

5. «Дуброва» – сказка о природе, рассказанная Н. Васютовым [ПМА 2022/2: 60-62];

6. «Думы мои» – кумулятивная сказка, рассказанная Н. Васютовым [ПМА 2022/2: 63];

7. «Кура, Кура» – притча, рассказанная К. Ивановым [ПМА 2022/2: 64];

8. «Оседлаю коня» – сказка о животных, рассказанная К. Ивановым [ПМА 2022/2: 65-66];

9. «С вечера, с полуночи» – бытовая сказка, рассказанная З. Язлиевой [ПМА 2022/2: 67-68];

10. «Сокрылось солнце за оконце» – бытовая сказка с элементами песни, рассказанная З. Язлиевой [ПМА 2022/2: 69-71];

11. «У Катюши» – волшебная сказка, рассказанная Л. Рождественским [ПМА 2022/2: 75-76];

12. «Цена хлебу» – волшебная сказка, рассказанная А. Ялуплиной [ПМА 2022/2: 77];

13. «Через садик» – кумулятивная сказка, рассказанная Н. Васютовым [ПМА 2022/2: 78-79];

14. «Шла по садику гуляла» – бытовая сказка, рассказанная Н. Михайловым [ПМА 2022/2: 80].

Песенные традиции некрасовцев из Новокумского поселка оказались в основном связаны с семейными, бытовыми темами. Некоторые песни находят отражение в периодических и публицистических изданиях, извлеченных из архивных сведений ГАСК [ГАСК. Ф. 5171. Оп. 1. Д. 212. Лл. 57-65, 101-104].

Из устных источников, под диктовку атамана некрасовской общины (на июнь 2022 г.) Никиты Ивановича Васютова, мы записали наиболее популярные в поселке песни, которые либо создавались некрасовцами, либо адаптировались ими после возвращения на историческую родину:

1. «А у нас нынче день субботний» – семейно-бытовая песня [ПМА 2022/2: 81];
2. «Арест ли нужен за заслуги» – военная песня [ПМА 2022/2: 82-83];
3. «Где я не хожу» – женская лирика [ПМА 2022/2: 84];
4. «Зимушка-зима» – семейно-бытовая песня [ПМА 2022/2: 85];
5. «Из-под тучки чёрный дым выходил» – плясовая песня [ПМА 2022/2: 86];
6. «Как у наших полях» – военная песня [ПМА 2022/2: 87];
7. «Колечко моё» – женская лирика [ПМА 2022/2: 88];
8. «Луна оссияла на воды» —тюремная лирика [ПМА 2022/2: 89];
9. «На родимую сторонку» – церковная песня [ПМА 2022/2: 90];
10. «Ой, давайте мы выпьем» – застольная песня [ПМА 2022/2: 90];
11. «Ой, рюмочка-чепурушка» – застольная песня [ПМА 2022/2: 91];
12. «Он не пашет и не сеет» – семейно-бытовая песня [ПМА 2022/2: 91];
13. «Отдавали молоду» – военная песня [ПМА 2022/2: 91-92];
14. «Рябава» – любовная лирика [ПМА 2022/2: 92];
15. «Теги, теги, гуси-лебеди домой» – женская лирика [ПМА 2022/2: 93];
16. «У барина» – плясовая песня [ПМА 2022/2: 93];
17. «Усе, гости» – плясовая песня [ПМА 2022/2: 94];
18. «Чарочка моя» – застольная песня [ПМА 2022/2: 94].

Частично данные песни сохранились в казачьей летописи атамана-основателя В.П. Саничева, переданной действующему атаману Н.И. Васютову

(рис. 5), а также в записях современников, путешественников и публицистов [ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Д. 1. Лл. 10-14, 17, 19, 25-30, 34, 36-37].

Заключение

Лингвистическая экспедиция завершилась проверкой соотношения некрасовского фольклора и песенных традиций с зафиксированными языковыми особенностями казаков прочих станиц и поселков Левокумского района. На основании проверки нами были отделены некоторые популярные в поселке варианты песен, имеющих распространение в фольклоре других станиц и поселков Левокумского района: «Ай, вы цыганы», «Марусенька пшанищеньку жала», «Ой, на горке калина», «Ой, Халымба ты», «Подуй, вятер», «Редьку сею – редьку вею», «Садила баба лук, щеснок», «У колодезя вода ледяная», «Хожу я, хожу по зелёной травке», «Я во садику», «Я да пущёщики вязала», «А дерево, а дерево» [ПМА 2022/2].

В ходе проведенной экспедиции мы выяснили причины формирования уникальных интер- и интракультурных связей общины казаков-некрасовцев общины поселка Новокумский, обнаружили ключевые особенности и отличительные черты диалектов и говоров некрасовцев.

Структурируя и систематизируя полученные данные, мы показали на конкретных примерах фиксацию некоторых культурных и религиозных концептов в лексике жителей поселка. Исходя из содержания письменных источников поселка и архивных описях Новокумского музея истории казаков-некрасовцев, мы выявили и перевели языковой пласт с выделяющимися турцизмами. Основываясь на устных источниках и речетворчестве, архивных сведениях, мы раскрыли актуальный фольклор и некоторые песенные традиции общины, что определяет перспективу дальнейших исследований в данной области.

Язык некрасовцев оказался насыщен репрезентациями старообрядческой религиозной культуры с преобладанием влияния разговорного стиля турецкого языка XIX в., который вступил в своеобразный синтез с донскими и кубанскими языковыми конструкциями, семейными концептами. На лексическом уровне данные аспекты привели к тому, что у некрасовцев сложились: синонимия наречий и антонимия культурных концептов в повседневном общении, был утерян художественный стиль речи, его полностью заменил разговорный. Некрасовцы использовали вышедший из употребления украинский диалект с элементами донской балачки, «аканье», частую замену гласных по принципу созвучности и огласовку гласных звуками согласных. Вследствие этого, речь казаков стала отрывистой, звонкой и мелодичной, обуславливающей широкую свободу в сочинительстве песен и малых сказок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Денисов 2009 – *Денисов Н.Г.* Историческая справка о жительстве казаков-некрасовцев в Турции // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов. – Ставрополь, 2009. – С. 192-201.

Заветы атамана Игната Некрасова. Старообрядческая мысль. URL: http://starove.ru/obychai/zavet-atamana-ignata-nekrasova (дата обращения: 20.02.2022).

Короленко 1900 – *Короленко П.П.* Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 2. – Екатеринодар, 1900. – С. 71.

ПМА 2022/1 — Полевые материалы авторов, п. Новокумский Ставропольского края, 2022 г., тетрадь 1: Модель лексики и семантики, 96 л.

ПМА 2022/2 — Полевые материалы авторов, п. Новокумский Ставропольского края, 2022 г., тетрадь 2: Народная поэзия и сказки, 96 л.

Якоби 2011 – *Якоби Л.А.* Культурное наследие казаков-некрасовцев. – Ставрополь: СКДНТ, 2011. – 320 с.

Hamilton 2009 – *Hamilton W.* Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. – London: J. Murray Publisher, 2009. – 596 p.

REFERENCES

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya [State Archive of the Stavropol Territory]. (In Russ.).

DENISOV N. G. *Istoricheskaya spravka o zhitel'stve kazakov-nekrasovcev v Turcii* [Historical information about the residence of the Nekrasov Cossacks in Turkey] IN: Kazaki-nekrasovcy. Sbornik materialov. Stavropol, 2009. S. 192–201. (In Russ.).

Testaments of Ataman Ignat Nekrasov. Old Believer thought. URL: http://starove.ru/obychai/zavet-atamana-ignata-nekrasova (accessed: 20.02.2022).

KOROLENKO P. P. *Nekrasovskie kazaki // Izvestiya obshchestva lyubitelej izucheniya Kubanskoj oblasti* [Nekrasov Cossacks // News of the Society of Amateurs of the Study of the Kuban Region]. Vol. 2. Ekaterinodar, 1900. S. 71. (In Russ.).

FMA 2022/1 Field materials of authors, Novokumsky hamlet, Stavropol Territory, 2022, notebook 1: Model of vocabulary and semantics, 96 sh.

FMA 2022/2 Field materials of authors, Novokumsky hamlet, Stavropol Territory, 2022, notebook 1: Folk poetry and fairy tales 96 sh.

YAKOBI L. A. *Kul'turnoe nasledie kazakov-nekrasovcev* [Cultural heritage of the Nekrasov Cossacks]. – Stavropol: SKDNT, 2011. – 320 s. (In Russ.).

HAMILTON W. *Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia*. London: J. Murray – Publisher, 2009. –596 p.

Информация об авторах

А.С. Гончаров – аспирант, лаборант-исследователь.

О.С. Макарова – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

A.S. Goncharov – graduate student, laboratory researcher.

O.S. Makarova – Candidate of Science (Pedagogy), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 04.09.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 04.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу
УДК 93/94(930.2)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-443-448
EDN: IYCDQT

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: «ДЗАМИХОВ К.Ф., КАЖАРОВ А.Г. КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ – РЕСПУБЛИКА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1922–2022 ГГ.). – НАЛЬЧИК: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ТИПОГРАФИЯ «ПРИНТ ЦЕНТР», 2022. – 716 С.»

Хамитби Борисович Мамсиров
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, mamsirhb@mail.ru

Аннотация. В рецензии анализируется коллективный труд К.Ф. Дзамихова и А.Г. Кажарова «Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922-2022 г.)», увидевший свет в 2022 г. По мнению рецензента, авторская структура издания, посвященная 100-летию Кабардино-Балкарии является четкой; все 5 разделов объединены единой концепцией. Она позволяет авторам раскрыть историю государственности народов КБР как полностью соответствующее магистральному направлению, внутреннему содержанию и основным этапам развития всего советского и постсоветского общества и государства. Достоинством данной фундаментальной работы является наличие скрупулезного научного анализа в истории государственности народов КБР, так и проводимые документальные источники, публикуемые впервые. Авторской находкой можно считать емкие научные обобщения, через которые раскрывается хроника ключевых событий в общественно-политической, социально-экономической и духовной жизни народов КБР с 1922 по 2022 г.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, республика, государственность, национальная автономия, 100 лет.

Для цитирования: Мамсиров Х.Б. Рецензия на монографию: «Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). – Нальчик: издательская типография «Принт-Центр», 2022. – 716 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 443-448. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-443-448. EDN: IYCDQT.

© Мамсиров Х.Б., 2022

Book Review

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH: "DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. KABARDINO-BALKARIA – A REPUBLIC WITHIN THE RUSSIAN FEDERATION (1922-2022). - NALCHIK: PRINT CENTER PUBLISHING HOUSE, 2022. - 716 S. "

Khamitbi B. Mamsirov
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, mamsirhb@mail.ru

Abstract. The review analyses a collective work by K.F. Dzamikhov and A.G. Kazharov "Kabardino-Balkaria as a republic within the Russian Federation (1922-2022)" which was published in the current year of 2022. In the reviewer's opinion, the authors' structure of the publication devoted to the 100th anniversary of Kabardino-Balkaria is clear; all 5 chapters are united by the same concept. It enables the authors to present the history of the statehood of the peoples of the KBR as fully corresponding with the main course, internal content and main stages of development of the entire Soviet and post-Soviet society and state. The merit of this fundamental work is the scrupulous scientific analysis of the history of the statehood of the peoples of the KBR, as well as the documentary sources published for the first time. The author's own finding is capacious scientific generalisations through which the chronicle of key events in the socio-political, socio-economic and spiritual life of the peoples of the KBR from 1922 to 2022 is revealed.
Keywords: Kabardino-Balkaria, republic, statehood, national autonomy, 100 years.

For citation: Mamsirov Kh.B. The review of the monograph: "Dzamikhov K.F., Kazharov A.G. Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022). – Nalchik: print center publishing house, 2022. – 716 s.". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. C. 443-448. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-443-448. EDN: IYCDQT.

© Mamsirov Kh.B., 2022

Одной из ключевых проблем исторического развития того или иного народа является процесс формирования его национальной государственности. Для народов Северного Кавказа и, в частности для Кабардино-Балкарии, вопросы национально-государственного строительства непосредственно связаны с общероссийскими политическими процессами в XX в.

16 января 2022 г. исполнилось 100 лет со дня образования Кабардино-Балкарской Автономной Области. Предпосылки и условия создания, организационные основы, институциональная и нормативная база формирования национальной государственности КБАО определили в последующем особенности политической системы Кабардино-Балкарской Республики.

Становление и развитие национальной государственности КБР является составной частью российского государственного строительства. Фундаментальной конституционной основой развития России является федерализм, поэтому дальнейшее укрепление государственности, формирование демократического правового государства и гражданского общества невозможно без учета этнополитической специфики малых народов в ее составе. В этой связи обращение к истории развития национальной государственности субъектов РФ, в частности Кабардино-Балкарии, представляется чрезвычайно актуальным и обоснованным. Исследования в данной области позволяют повысить эффективность функционирования системы власти и управления в стране, как на федеральном, так и на региональном уровне, совершенствовать механизмы взаимодействия центра и субъектов, позволяющих учитывать политические интересы этнотерриториальных образований и, в итоге, укреплять основы национальной

безопасности. К числу работ, способствующих решению обозначенных задач, относится издание «Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.)», подготовленное К.Ф. Дзамиховым и А.Г. Кажаровым [Дзамихов, Кажаров 2022].

Данное издание состоит из пяти разделов, в которых поэтапно рассматривается процесс становления и развития национальной государственности народов Кабардино-Балкарии на протяжении последних 100 лет.

Во вступительном слове к изданию Глава КБР К.В. Коков справедливо подчеркивает, что нынешний юбилей «символизирует весь исторический путь становления и развития государственности единой Кабардино-Балкарской Республики, общую судьбу ее многонационального народа, преемственность поколений и традиций, славу предков и честь ныне живущих, единство и нацеленность на лучшее будущее» [Дзамихов, Кажаров 2022: 3-4].

В предисловии работы авторы дают краткий обзор содержания каждого раздела [Дзамихов, Кажаров 2022: 5-6]. Первый раздел, состоящий из двух глав, представляет собой научное исследование процесса становления национальной автономии Кабардино-Балкарии в 1917–1920-х гг. В нем осуществлен комплексный анализ проблемы формирования национальной автономии Кабардино-Балкарии в рамках укрепления российской советской государственности на Северном Кавказе [Дзамихов, Кажаров 2022: 7-236].

Характеризуя в первой главе исторические предпосылки консолидации Кабарды и Балкарии, К.Ф. Дзамихов и А.Г. Кажаров подчеркивают, что к началу XX в. сформировался целый комплекс проблем, решение которых требовало необходимости трансформации государственной политики на Северном Кавказе и административно-политического статуса горских народов [Дзамихов, Кажаров 2022: 7-130]. Именно в дореволюционный период оформилась устойчивая этнотерриториальная и административная структура Кабардино-Балкарии, которая была наполнена советской властью «национально-политическим» содержанием и приобрела форму национальной автономии.

Горская и Терская республики, по мнению К.Ф. Дзамихова и А.Г. Кажарова, стали важной частью национально-политического опыта горских народов, способствовали росту национального самосознания, развитию политической культуры, окончательному определению национальных интересов [Дзамихов, Кажаров 2022: 82-83]. Вопросы формирования национальной автономии горских народов становятся актуальными в политической повестке дня региона. Начинается процесс коренизации региональных органов государственной власти и управления.

Анализируя земельные отношения и проблему этнотерриториальной идентичности северокавказских народов в 1917–1920 гг., авторы приходят к выводу, что сам факт нахождения Кабарды в составе Горской АССР угрожал ее территориальной целостности [Дзамихов, Кажаров 2022: 84-105]. В результате руководством Кабарды был поставлен вопрос о создании самостоятельной автономной области, как единственном условии сохранения национальной территории кабардинского народа.

Во второй главе раздела исследователи характеризуют место Кабарды и Балкарии в структуре и политике Горской АССР, определившего неизбежность дальнейшей их политической институционализации в рамках национальной автономии [Дзамихов, Кажаров 2022: 131-159]. Как утверждают К.Ф. Дзамихов и А.Г. Кажаров, представители отдельных народов, входивших в Горскую республику, были отстранены от активного участия в формировании и функционировании органов власти и управления. Создавались предпосылки для принятия решений, которые противоречили или угрожали интересам отдельных народов [Дзамихов, Кажаров 2022: 159-195]. Этот фактор стал серьезным препятствием для легитимации Горской республики как общей коллективной государственности части северокавказских народов.

Невозможно не согласиться с утверждением авторов о том, что провозглашение Горской АССР стало результатом отсутствия понимания особенностей политического развития региона [Дзамихов, Кажаров 2022: 195]. Кабарда, как и другие национально-территориальные образования на Северном Кавказе, была готова к обретению собственной автономии еще до провозглашения коллективной государственности. В результате, несмотря на ожесточенное сопротивление руководства Горской АССР, ВЦИК поддержал образование Кабардинской автономной области. С точки зрения К.Ф. Дзамихова и А.Г. Кажарова, особенность обретения автономии кабардинского народа заключается в том, что в отличие от подобных процессов у других горских народов в основе автономизации Кабарды было национальное движение и общественно-политическая борьба местной элиты [Дзамихов, Кажаров 2022: 195].

Важнейший вывод, к которому приходят авторы издания, заключается в том, что Кабарда и Балкария в сложившихся тяжелых условиях нашли удачную, действительно компромиссную формулу решения проблемы этнотерриториального разграничения, сущность которой состояла во взаимном признании прав и интересов. Как справедливо отмечают исследователи, глубинные предпосылки обозначенного компромисса обусловлены прежде всего объективными природно-географическими факторами – неустранимой территориальной связанностью кабардинского и балкарского народов [Дзамихов, Кажаров 2022: 195-221]. Создание Кабардино-Балкарской автономной области, а затем республики, стало наиболее подходящей формой национально-государственной институционализации этой «связанности». Объединение Кабарды и Балкарии в 1922 г. в рамках одной административно-территориальной единицы стало средством и условием их адаптации к новым историческим реалиям.

Второй раздел юбилейного издания «Они стояли у истоков государственности КБР» содержит в себе исторические очерки о видных государственных деятелях Кабардино-Балкарии 1917–1930-х гг., в частности, о Б.Э. Калмыкове, М.А. Энееве, Х.Т. Карашаеве, Ю.Б. Настуеве, Х.Ж. Бесланееве, А.Т. Мусукаеве, Н.А. Катханове, Ф.И. Фаддееве, К.Э. Ульбашеве, И.Н. Боровицком и др. [Дзамихов, Кажаров 2022: 241-290]. В очерках изложены интересные факты их биографии, общественно-политической деятельности и участия в становлении и дальнейшем развитии советской национальной государственности Кабардино-Балкарии. С этих людей началось формирование в сознании кабардинцев и бал-

карцев советской идентичности, чувства принадлежности к единой советской общности и неразрывной связи их будущего с Россией. Однако, следует отметить, что в условиях внутрипартийной борьбы в руководстве СССР в 1920–1930-х гг. большинство государственных деятелей, о которых идет речь в данном разделе, были незаслуженно подвергнуты политическим репрессиям.

В третьем разделе представлены тексты докладов и выступлений руководителей республики, посвященные памятным и юбилейным датам истории государственности Кабардино-Балкарии. В частности, в него включены речи Б.Э. Калмыкова, Н.П. Мазина, Т.К. Мальбахова, Ч.Б. Уянаева, В.М. Кокова, А.Б. Канокова, Ю.А. Кокова и К.В. Кокова [Дзамихов, Кажаров 2022: 299-448]. Как полагают авторы издания, тексты выступлений руководителей Кабардино-Балкарии советского и современного периодов представляют собой особую группу источников, которые позволяют рассмотреть те или события в историческом контексте, с мировоззренческих позиций людей конкретной эпохи [Дзамихов, Кажаров 2022: 6]. Подобные публичные речи, как правило, создаются в рамках официальных установок и господствующей в государстве идеологии.

Четвертый раздел издания включает в себя целый корпус разнообразных, как опубликованных, так и неизданных архивных документов по истории государственности Кабардино-Балкарии [Дзамихов, Кажаров 2022: 449-638]. Собранные К.Ф. Дзамиховым и А.Г. Кажаровым материалы охватывают длительный хронологический период – с июля 1918 г. по сентябрь 1997 г. К числу отобранных источников относятся различные законодательные акты (Конституции, законы и подзаконные акты), партийные документы, материалы планирования народного хозяйства, делопроизводственная документация государственных учреждений и общественных организаций, статистические данные и др., которые дают возможность сформировать целостное научное представление об основных этапах, содержании и итогах формирования национальной государственности народов Кабардино-Балкарии. Анализ представленных источников позволяет сделать вывод о том, что создание единой кабардино-балкарской государственности в XX – начале XXI в. представляет собой не единовременный акт, а длительный процесс преемственного национально-государственного развития народов КБР, характеризующийся постоянным стремлением к согласованию национальных интересов всех народов, населяющих республику.

В пятом разделе рецензируемого издания представлена хронология и подробная характеристика основных дат и событий в истории общественно-политического, социально-экономического и культурного развития народов Кабардино-Балкарии в 1922–2022 гг. [Дзамихов, Кажаров 2022: 639-712].

Несомненным достоинством издания К.Ф. Дзамихова и А.Г. Кажарова является содержание большого объема архивных материалов, позволяющих сформировать максимально полное представление о процессе становления и развития государственности Кабардино-Балкарии с 1922 по 2022 гг. В рецензируемом издании опубликованы материалы из Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива РФ, Госу-

дарственного архива Ростовской области, Государственного архива новейшей истории и Центрального государственного архива РСО-Алания, Центра документации новейшего времени и Центрального государственного архива КБР. В работе содержится богатый иллюстративный материал, в частности, редкие фотодокументы [Дзамихов, Кажаров 2022: 6].

Рецензируемое юбилейное издание представляет большую научную и практическую ценность и, безусловно, вызовет интерес как со стороны академического сообщества, так и среди государственных и общественно-политических деятелей. Подобного рода работы являются важнейшим средством формирования политической и правовой культуры всего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дзамихов, Кажаров 2022 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 716 с.

REFERENCES

DZAMIHOV K.F., KAZHAROV A.G. *Kabardino-Balkarija – Respublika v sostave Rossijskoj Federacii (1922–2022 gg.)* [Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022)]. – Nal'chik: Izdatel'skaja tipografija «Print Centr», 2022. – 716 s. (In Russ.).

Информация о рецензенте
Х.Б. Мамсиров – доктор исторических наук.
Information about the reviewer
Kh.B. Mamsirov – Doctor of Science (History), associate professor.

Рецензия поступила в редакцию 04.09.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.
The review was submitted 04.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Рецензия на книгу
УДК 93/94(930.2)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-449-451
EDN: IYPEJA

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: «ДЗАМИХОВ К.Ф., КАЖАРОВ А.Г. КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ – РЕСПУБЛИКА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1922–2022 ГГ.). – НАЛЬЧИК: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ТИПОГРАФИЯ «ПРИНТ ЦЕНТР», 2022. – 716 С.»

Елена Георгиевна Муратова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6803-6884

Аннотация. Рецензия на книгу «Кабардино-Балкария – республика в составе Российской Федерации (1922-2022 г.)», подготовленная и изданная докторами исторических наук, профессорами К.Ф. Дзамиховым и А.Г. Кажаровым, посвящена теме, неоднократно становившейся предметом изучения отечественных историков и правоведов. В современном общественно-политическом дискурсе жизни народов нашего региона исследуемая тема сохраняет свою актуальность. Подготовка и издание фундаментального труда, посвященного 100-летию Кабардино-Балкарии позволяет считать, что авторы смогли дать строго академический и научно-обоснованный анализ исторических предпосылок и различных этапов формирования национальной автономии народов КБР. Все разделы издания, предложенные авторами, имеют научное содержание и одновременно «несут в себе большой образовательный и воспитательный потенциал». Издание заслуживает самой высокой оценки и безусловно содержит консолидирующий потенциал в современной общественно-политической и духовной жизни кабардино-балкарского общества.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, республика, государственность, национальная автономия, 100 лет.

Для цитирования: Муратова Е.Г. Рецензия на монографию: «Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). – Нальчик: издательская типография «Принт-Центр», 2022. – 716 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 449-451. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-449-451. EDN: IYPEJA.

© Муратова Е.Г., 2022

Book Review

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH: "DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. KABARDINO-BALKARIA - A REPUBLIC WITHIN THE RUSSIAN FEDERATION (1922-2022). - NALCHIK: PRINT CENTER PUBLISHING HOUSE, 2022. - 716 S."

Elena G. Muratova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6803-6884

Abstract. The review on the book “Kabardino-Balkaria as a Republic within the Russian Federation (1922-2022)” prepared and published by doctors of historical sciences, professors K.F. Dzamihov and A.G. Kazharov is devoted to the subject that became repeatedly the subject of study of native historians and lawyers. In the contemporary socio-political discourse of life of the peoples of our region, the theme under study saves its relevance. The preparation and publication of a fundamental work devoted to the 100th anniversary of Kabardino-Balkaria makes it possible to consider that the authors could provide a strictly academic and scientifically grounded analysis of the historical preconditions and various stages in the formation of national autonomy of the peoples of KBR. All the sections of the publication proposed by the authors have scientific content and “carry great educational and upbringing potential”. The publication deserves the highest praise and undoubtedly contains a merging potential in the modern socio-political and spiritual life of Kabardino-Balkar society.

Keywords: Kabardino-Balkaria, republic, statehood, national autonomy, 100 years.

For citation: Muratova E.G. The review of the monograph: "Dzamikhov K.F., Kazharov A.G. Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022). – Nalchik: print center publishing house, 2022. – 716 s.". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. C. 449-451. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-449-451. EDN: IYPEJA.

© Muratova E.G., 2022

2022 г. для многонационального народа Кабардино-Балкарской Республики отмечен знаменательным юбилеем – 100-летием образования Кабардино-Балкарской Республики. Огромный исторический опыт, вобравший в себя все трудности и перипетии общественного развития на пути создания объединенной государственности кабардинского и балкарского народов, нуждается в систематизации и обобщении. Эту сложную и актуальную задачу призвано решить издание «Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.)», подготовленное д.и.н., проф. К.Ф. Дзамиховым и д.и.н., проф. А.Г. Кажаровым [Дзамихов, Кажаров 2022].

Благодаря строгому академическому дискурсу эмоционально насыщенная и политизированная тема предстает научно-обоснованной и фундаментальной. Приветствуется избранный авторами подход: включить в издание помимо монографически разработанных вопросов об исторических предпосылках, политических факторах движения народов Кабардино-Балкарии к национальной автономии и исследованных проблем политической институционализации национальных автономий на Северном Кавказе также специальный раздел, представляющий целую плеяду выдающихся деятелей, стоявших у истоков государственности Кабардино-Балкарии [Дзамихов, Кажаров 2022: 241-290].

Все общественно-значимые государственные мероприятия, связанные с современными коммеморативными практиками по случаю юбилеев республиканской государственности и получившие свое концентрированное воплощение в речах высших руководителей Кабардино-Балкарии, составляют третий раздел рецензируемого издания [Дзамихов, Кажаров 2022:299-448]. Представляется,

что эти материалы несут в себе большой образовательный и воспитательный потенциал, позволяют перевести размытое содержание культурной памяти в действенно-практическое русло, репрезентовать ее ключевые идеи в области государственного строительства исходя из актуальных запросов общества [Дзамихов, Кажаров 2022].

Специального внимания заслуживает четвертый раздел этого издания, включающий документы и материалы по истории государственности Кабардино-Балкарии [Дзамихов, Кажаров 2022: 449-638]. Именно благодаря ему работа приобретает фундированный характер, научную точность изложения фактов и взвешенный характер оценок. Переизданный в данной работе солидный корпус тщательно подобранных исторических документов со всей убедительностью показывает, что возникновение и функционирование кабардино-балкарской государственности в XX – начале XXI в. представляет собой не единовременный акт, а процесс, имеющий своим содержанием согласование национальных интересов всех народов, населяющих республику.

Наконец, нельзя не отметить прекрасную находку авторов рецензируемого издания – формирование его пятого раздела на основе краткой хроники ключевых событий социально-политической истории Кабардино-Балкарии за последние 100 лет [Дзамихов, Кажаров 2022: 639-712]. Нет сомнения, что развернутая перед читателями панорама важнейших событий, связанных со становлением объединенной государственности кабардинского и балкарского народов в составе Российской Федерации, будет способствовать формированию в общественном сознании представления о преемственности национально-государственной политики и нести в себе огромный консолидирующий потенциал для всех народов КБР.

Таким образом, издание «Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.)», подготовленное д.и.н., проф. К.Ф. Дзамиховым и д.и.н., проф. А.Г. Кажаровым, заслуживает самой высокой оценки и широкого общественного обсуждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дзамихов, Кажаров 2022 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 716 с.

REFERENCES

DZAMIHOV K.F., KAZHAROV A.G. *Kabardino-Balkarija – Respublika v sostave Rossijskoj Federacii (1922–2022 gg.)* [Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022)]. – Nal'chik: Izdatel'skaja tipografija «Print Centr», 2022. – 716 s. (In Russ.).

Информация о рецензенте
Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.
Information about the reviewer
E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor.

Рецензия поступила в редакцию 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.
The review was submitted 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Наши авторы

Азикова Юзанна Мартиновна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: zaven2005@yandex.ru

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: albmac@mail.ru

Алхастова Зарина Магомедовна – научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный, Россия.
E-mail: zarinaalhastova@yandex.ru

Бабич Ирина Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: babi7chi@yandex.ru

Базиева Гульфия Джамаловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия.
E-mail: gbaz@mail.ru

Башкин Анатолий Викторович – координатор Проекта «Исторические материалы» (http://istmat.org), Москва, Россия.
E-mail: lost_empire@mail.ru

Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: naimabozieva.@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук”», Нальчик, Россия.
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гончаров Артем Сергеевич – аспирант ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Ставрополь, Россия.
E-mail: raven-moon-34999@mail.ru

Гуртуев Расул Салихович – лаборант-исследователь управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

Зельницкая Рица Шотовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана ФГБУК «Российский этнографический музей», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: riza81@yandex.ru

Кажаров Артур Гусманович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

Кажарова Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: barsello@rambler.ru

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Кулумбегов Роберт Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом этнологии Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Ванеева, Цхинвал, Республика Южная Осетия.
E-mail: kulumbegov_2@mail.ru

Кушхова Карина Аслановна – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: k_rina98@mail.ru

Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: lobanov19772009@yandex.ru

Локьяева Жаухар Магомедовна – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: lokyaeva.zh@mail.ru

Макарова Олеся Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики лингвистического образования и межкультурной коммуникации ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Ставрополь, Россия.
E-mail: o-ss@mail.ru

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: mamsirhb@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: lena_gm@mail.ru

Назаренко Назар Николаевич – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия.
E-mail: nnazarenko@hotmail.com

Ортанова Юлия Аслановна – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: yulia-kabardinka@mail.ru

Сефербеков Магомедхабиб Русланович – младший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия
E-mail: deadromance3@rambler.ru

Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия
E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

Сосранова Залина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ, Россия
E-mail: zalinasosranova@yandex.ru

Состин Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры уголовно правовых дисциплин МИРЭА Филиал Российского технологического университета в г. Ставрополе, Ставрополь, Россия.
E-mail: dima.sostin@yandex.ru

Сулаберидзе Юрий Семенович – кандидат исторических наук, приглашенный профессор Института кавказоведения Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия.
E-mail: iuri.sulaberidze@mail.ru

Сундукова Карина Асланбековна – лаборант-исследователь управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: sundukova.karina@mail.ru

Тахушева Инна Сарабиевна – лаборант-исследователь управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: tahusheva94@mail.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: timigev.ha@mail.ru

Турпалов Лема Абдоллаевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.
E-mail: turpalov@list.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, заведующая сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хашба Астанда Шалвовна – кандидат филологических наук, сотрудник отдела этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академия наук Абхазии, Сухум, Республика Абхазия
E-mail: astanda13@rambler.ru

Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, профессор ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (филиал), Есентуки, Россия.
E-mail: hubul@yandex.ru

Хубулова Эда Владимировна – кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-организационной работе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра Российской академии наук, Владикавказ, Россия.
E-mail: dudieva63@mail.ru

Шнелле Йоханнес – ассистент проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные» Германского исторического института в Москве, Москва, Россия.
E-mail: johannes.schnelle@dhi-moskau.org

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 3 / 2022

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2022